РОЛЛЬМАН

ВОЙНА НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ 1915 г.

Контрольный листок

КНИГА—СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Возвратите ее в сохранности не позже указанного срока

Срок сдачи	№ читателя	Срок сдачи	№ читателя

Количество предыдущих выдач

Г. РОЛЬМАН

ВОЙНА НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

ВОЕНИЗДАТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

DER KRIEG ZUR SEE
1914—1918

Herausgegeben vom Marine-Archiv
Verantwortlicher Leiter der Bearbeitung E. v. Mantey

DER KRIEG IN DER OSTSEE

ZWEITER BAND
DAS KRIEGSJAHR 1915

BEARBEITET VON HEINRICH ROLLMAN

Berlin 1929
Verlag von F. S. Mittler & Sohn

Г. РОЛЛЬМАН

ВОЙНА НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

1915 ГОД

Перевод с немецкого флагм. 2 ранга Ю. Ралль с предисловием кап. 2 ранга В. Алекина и примечаниями кап. 2 ранга Н. Новикова

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1937

Предисловие к русскому изданию

Среди многочисленных военно-исторических трудов, посвященных изучению опыта империалистической войны 1914—1918 гг., работа Генриха Ролльмана не выделяется особой оригинальностью суждения или метода изложения. Как и другие буржуазные военные историки, автор повествует, пытаясь тщательно придерживаться хронологии фактов, о развитии боевых действий на Балтийском море в кампании 1915 г. Однако, исключительный интерес представляет для нас именно то, что описываемые в книге события развертываются на балтийском театре, весьма своеобразном, имеющем богатую политическую и военную историю и не менее богатые перспективы.

Своеобразие театра заключается в том, что, занимая в общем ходе событий на всех театрах войны 1914—1918 гг. второстепенное место (на такой точке зрения стоит и Ролльман), операции на Балтийском море сыграли большую роль в изменении взглядов на *методы ведения войны* в подобных условиях. Труд Ролльмана, в котором события излагаются большей частью вне какой бы то ни было связи с другими историческими фактами, требует к себе особенно осторожного и критического отношения.

Знакомясь с книгой Ролльмана и отметая всю шовинистическую агитацию и фальсификацию, к которым прибегает автор, мы находим в ней богатые материалы о самых разнообразных операциях, которые велись в кампанию 1915 г. на балтийском театре: автор тщательно подобрал эти материалы и в достаточной мере систематизировал их. В этом он оказался добросовестнее своего предшественника Р. Фирле — автора I тома «Война на Балтийском море».

При всем разнообразии операций на Балтике в 1915 г. последовательное изложение событий отражает основной и главный

характер войны, как войны минно-подводной. Такую же характеристику этой кампании дает и к.-адм. Гопман. Он говорит:

> «В моих воспоминаниях о прошлом господствуют подводные лодки и мины».

Этот вывод представляет большой интерес в том отношении, что хотя германская оценка определяет Балтийское море как театр второстепенный, тем не менее и на нем играли крупную роль вопросы обеспечения торговых и военных коммуникаций, борьба против которых при помощи подводных лодок и минных заграждений ставила Германию в тяжелые условия, создавая угрозу морским перевозкам железной руды из Швеции.

Насколько минные операции русских влияли на германские коммуникации, видно из признания и самого Ролльмана, вообще не склонного ни в каких случаях к умалению германского могущества. Он говорит:

> «В начале апреля с разных сторон поступили сведения, указывавшие, что неприятель готовится произвести еще ряд минных постановок. Швеция прекратила даже рейсы паромов между Засссницем и Траллеборгом»[1].

И это — при сравнительно слабых для действий в удаленных районах театра минных средствах русского флота и почти при полном отсутствии подводных сил.

Но на этом вопросе Ролльман не хочет делать ударения; только факты сами по себе принуждают автора приходить к нежелательным для него выводам. Ролльман с большим удовольствием останавливается на вопросах взаимодействия с сухопутными войсками. Здесь он более открыто высказывает и свои личные суждения. Ролльман, — германский юнкер, — видит больше смысла в крупных гинденбурговских охватах русской армии, направленных к аннексии прибалтийских областей и немедленному сокрушению русской армии. Этой оперативной цели он подчиняет и задачи германского флота.

> «Что касается флота, — пишет он в предисловии, — то главной его операцией в 1915 г. на Балтийском море нужно считать прорыв в Рижский залив; эта рижская операция выросла постепенно из предыдущих действий»[2].

Далее, очень осторожно критикуя решения главной кварти-

[1] Стр. 27.
[2] Стр. 20.

ры, ограничившей план большого весеннего наступления Гинденбурга, Ролльман сокрушается о том, что

> «прорыв морских сил в Рижский залив был вполне самостоятельной операцией, лишь до известной степени имевшей значение в смысле облегчения задачи сражавшимся на суше войскам» [1].

Вполне понятно, что Ролльман не останавливается на анализе причин разрыва во взглядах отдельных представителей главного командования на ведение крупных операций и, в частности, на большое наступление Гинденбурга в 1915 г. Суждения Ролльмана подчинены авторитету его начальников и вождей. Он не может сделать самостоятельных заключений об основном характере войны на Балтике в 1915 г.; он не может понять и того, как классовые интересы германских аграриев, сталкиваясь с интересами германских фабрикантов и банкиров, отражались не только на оценке значения армии и флота, но и на самом ходе операций, на выборе направления главного удара, на методах осуществления боевого взаимодействия сухопутных войск и флота.

За фигурами Гинденбурга, Людендорфа, Генриха Прусского он не видит интересов германского юнкерства — крупных помещиков; за фигурами Тирпица, Фалькенгайна и др. он не видит представителей монополистической буржуазии. Первые стремятся на восток, подчиняют операции флота армии, даже если это ходом событий и не требуется; вожделения вторых устремлены на запад, они не склонны удовлетворить домогательства Генриха Прусского, стремившегося к развитию операций в Рижском заливе. Вторая группировка, разместившаяся этажом выше, осаживает и самого Гинденбурга, сдерживая его восточный порыв. Следы борьбы этих двух основных враждующих группировок германского империализма периода мировой войны 1914—1918 гг. проявляются в каждом крупном военно-политическом событии, в каждом плане затеваемой операции и в самом ее выполнении.

И когда «историк» Ролльман пытается делать свои выводы (правда, он делает вообще немного выводов, ограничиваясь изложением фактических событий), он неизменно оказывается в плену устремлений германских юнкеров.

---

[1] Стр. 21.

Операция прорыва германского флота в Рижский залив выглядит впрочем действительно грандиозно: участвуют корабли Флота открытого моря, половина всего германского флота вовлечена в эту операцию. Но что же получилось из этой, — как ее считает автор, — «главной» операции флота в 1915 г.? То, что через несколько дней, не получив никаких выгод, а только одни потери, не оказав никакой помощи армии, германский флот должен был очистить Рижский залив и предоставить русскому флоту возможность безраздельно в нем хозяйничать и причинять большие неприятности флангу германской сухопутной армии у Риги вплоть до осени 1917 г. Из изложения самого Ролльмана видно, что необходимость прорыва совершенно не вызывалась обстановкой на сухопутном фронте; армия не наступала, продолжительное пребывание в Рижском заливе германских кораблей было невозможно из-за отсутствия баз...

И тем не менее Ролльман считает эту операцию главной.

Но как же тогда расценивать заградительные операции русских и действия английских и русских подводных лодок, поставившие германские военные заводы под угрозу срыва снабжения их рудой, что могло повлиять на самую возможность ведения войны Германией? Или автор настолько наивен, что об оперативной значимости боевых действий он судит только по количеству одновременно участвующих в операции сил?

Все это, действительно, выглядит очень наивно, так как автор и не пытается разобраться, в какой зависимости вопросы тактики и оперативного искусства находятся от политики и экономики. Он видимо не представляет себе, что часто решение боевой задачи может выйти далеко за пределы тактической обстановки. Например, выбор позиций для подводных лодок состоит отнюдь не только в том, чтобы найти надлежащие глубины, удобные районы для зарядок и т. д. На выбор этих позиций должна влиять также и правильная оценка значения торговых путей театра, расположения баз и даже пропускной способности железных дорог, подходящих к этим базам. Не приходится и говорить, какое значение эти политические и экономические условия имеют при проведении операций, в которых приходится иногда итти на риск потери значительной части сил. Расчет оператора должен не только обосновать выполнение задачи с оперативной и тактической стороны для данного момента, но и заглянуть далеко вперед.

Здесь мы сталкиваемся со всей консервативностью и тугодумностью русского морского командования, медлительность которого можно легко усмотреть и в кампании 1915 г. на Балтике.

Ролльман вообще уделяет мало внимания оценке противника. Действия русского флота освещены совершенно недостаточно, хотя автор имел в своем распоряжении более или менее полный материал: вышедшую за границей книгу Графа «Русский флот в войне и революции».

Такое отношение к противнику, действия которого заслуживают несомненно большего внимания, мало украшает труд Ролльмана и делает его значительно слабее работы Лорея «Операции германо-турецкого флота в войне 1914—1918 гг.» (изд. Военгиза, 1934 г.). Объяснение этому надо искать в желании автора превознести германскую доблесть именно там, где ее репутация оказалась фактически больше всего подмоченной.

Между тем операции русского флота представляют немалый интерес и несомненную поучительность как с военно-политической, так и с оперативно-тактической стороны.

Надо отметить, что русский Балтийский флот в отношении организации командования находился в весьма своеобразных условиях. Вступившие в строй в начале 1915 г. дредноуты могли использоваться командующим флотом только с разрешения царя. На все попытки Эссена дать линейным кораблям хотя бы ограниченное участие в операции из ставки приходил неизменный ответ, что «эти корабли должны быть использованы для основной цели — боя на центральной позиции».

Призрак возможного прорыва германского флота в Финский залив и высадки десанта для захвата столицы настолько прочно укоренился в мозгах российских тугодумов, что даже после того, как ясно определились ограниченные намерения немцев на Балтике, русскому Балтийскому флоту все же не дали сколько-нибудь широко развернуть свои активные действия.

Да и командование 6-й армии, которой был подчинен Балтийский флот, всячески удерживало Эссена от каких бы то ни было активных операций. Только когда дерзкие налеты отдельных германских кораблей стали угрожать побережью (осенью 1914 г.), были разрешены действия крейсеров и заградительные операции у неприятельского побережья.

И, как мы видим, эти разжиженные действия русского флота, не отвечавшие первоначальным плановым предположениям,

тем не менее крепко бьют по доблестному «непобедимому» германскому флоту. Об этом говорят факты, которые не может обойти и сам Ролльман, несмотря на все свое желание показать, как германский флот решал малыми силами большие задачи. Об этой басне мы еще скажем более подробно в заключении.

Ценная и полезная для нас сторона труда Ролльмана состоит в изложении богатого оперативного и тактического опыта, который был накоплен в разнообразных боевых операциях. Изложение хода операций германского флота, как мы уже отмечали, сделано по архивным материалам весьма тщательно. Почти каждой операции более или менее крупного масштаба предшествует изложение плана ее подготовки, а также описание тех событий, которые создавали определенную боевую обстановку, вызывавшую необходимые решения.

Такой полный анализ действий германского флота возможен в значительной мере благодаря ведению военных дневников командирами кораблей и соединений. Помимо всех исторических, навигационных, вахтенных и т. п. журналов, германские командиры вели дневники, в которые заносились обстоятельства, влиявшие на принятие ими тех или иных боевых решений.

Эти дневники по возвращении из похода представлялись высшему командованию, которое таким образом получало отчет, составленный не после операции, когда многое представляется в совершенно другом виде, а в динамике самих событий. Описания обстановки и решений позволяли судить, насколько в процессе самой операции командир правильно и быстро реагировал на изменявшиеся условия. Такой отчетный дневник весьма поучителен и для самого автора дневника: изучая его, он видит все свои ошибки.

Наиболее ценно у Ролльмана, — и на этом мы хотели бы особо остановить внимание нашего читателя, — описание тральных и заградительных операций, организации и методов борьбы с подводными лодками, взаимодействия с сухопутными войсками и действий кораблей флота против обороняемого неприятельского побережья.

В области тральной техники и тактики германцы в мировую войну достигли значительных успехов, правда,—преимущественно к концу войны. Эти успехи были добыты большими трудами и ценой больших жертв. Развитие трального искусства на Балтике было подстегнуто в первую очередь теми заградительны-

ми операциями, к которым русский Балтийский флот приступил в конце 1914 г.

Вместе с тем тральное искусство оказалось во много раз более сложным, требующим серьезной подготовки кадров, чем это казалось вначале. В условиях Балтики — это несомненно один из важнейших вопросов морской войны.

Когда многочисленные подрывы коммерческих и военных кораблей привели к бешеному повышению фрахтов и временами вызывали даже полное прекращение мореплавания, немцы принуждены были, не щадя средств, развернуть организацию траления огромных районов моря в самом широком масштабе. Для этой цели были привлечены новые пловучие средства из состава торгового флота, использовались для траления устаревшие миноносцы, изобреталась и применялась новая тральная техника.

Еще больший упор (что крайне интересно) был сделан на методику и организацию тральных работ и на всю систему, обеспечивавшую мореплавание от минной опасности в целом. Стали применяться методы контрольного траления, определения границ минных заграждений, очищения загражденных районов под прикрытием боевых сил флота, проводка кораблей за соединениями тральщиков.

В области организации заслуживают большого внимания обслуживание прибрежных фарватеров, система оповещения об обнаруженных минах и заграждениях, о закрытии и открытии для плавания отдельных районов и фарватеров.

И все же, несмотря на все принятые меры, потери кораблей на минах не прекращались. Больше того: недостатки тральной подготовки, а главным образом плохие оперативные расчеты плана сорвали операцию прорыва в Рижский залив. Сравнительно слабо оборонявшиеся Ирбенские заграждения послужили серьезной преградой германскому флоту, располагавшему всеми крупными средствами, втянувшему в операцию все возможные силы, начиная со сверхдредноутов и кончая самолетами, дирижаблями, рыболовными траулерами и пр. Гибель в первые же часы операции *Т-52, Т-58,* подрыв крейсера *Тетис*[1] и миноносца *Д-144* явились большой неожиданностью для адм. Шмидта, который вынужден был прервать операцию.

---

[1] Интересна обстановка подрыва *Тетиса,* показавшая достаточную тральную неграмотность германского флота.

Однако, приказание об отходе вызвало недоумение на головном дивизионе тральщиков, не встречавшем к этому моменту сопротивления и приступившем к расширению уже протраленного фарватера. Здесь можно усмотреть ту растерянность, которая появилась в верхних этажах руководства.

Так дорого оплачивал счета германский флот, в целом хорошо подготовленный к войне, но в мирное время мало уделявший внимания тральной подготовке.

Не менее характерны и поучительны описываемые в труде заградительные операции. В отношении их по справедливости можно сказать, что германцы стояли на много ниже своего противника. Тем не менее они настойчиво стремились ударить неприятеля его же оружием, столь основательно и даже угрожающе наносившим ущерб германским интересам в средней и южной Балтике.

Испытывая недостаток в специальных заградителях, германцы приспосабливают *Дейтшланд*, бывший до этого паромом между Траллеборгом и Засницем. Большим преимуществом германского флота явилось наличие в строю подводного заградителя *UC-4*, использовавшегося для минных постановок вблизи неприятельского побережья. В частности, подводная лодка *UC-4* удачно выполнила постановки у входных шхерных фарватеров у Утэ и Эрэ; на последнем подорвался и погиб 14 августа русский заградитель *Ладога*.

Составленный германцами весной 1915 г. план постановки минных заграждений оперировал с минным запасом, первоначально предназначавшимся для заграждения Фемарн-Бельта. Однако, изменившаяся обстановка в связи с русскими активными минными постановками вынуждает Гопмана пересмотреть свои намерения. Новый план самым детальным образом расписывает весь наличный минный запас между ответственными районами Балтийского моря и Финского залива. Основная часть мин идет на заграждение Ирбенского пролива и Соэлозунда. Значительная часть предназначена для закрытия подходов к шхерным фарватерам, районов Гортска-Сандэ и Фарэ. Большое внимание уделено противолодочным заграждениям. 350 противолодочных мин идет на преграждение проходов у Готланда и Аландских островов.

Обращает на себя внимание вырабатывавшаяся новая тактика: в районах, где скрытая постановка была затруднена, мины

ставились на небольшую глубину, для того чтобы затруднить траление даже мелко сидящими тральщиками; широкое распространение получают минные постановки банками в удалении до 20 миль от берега, опять-таки с целью затруднить работу тральщиков и на большой срок заградить район для плавания.

Много интересного — в методах установки прибора глубины, в выборе средств постановки в зависимости от задач и условий, в которых выполняется операция.

Чтобы оценить значение минных операций на Балтике в 1915 г., достаточно сказать, что на заграждениях пострадало более половины общего числа погибших кораблей. Здесь количественный признак играет важнейшую роль. Недаром самРолльман, от которого, как мы видели, не приходится ждать объективной оценки событий, вынужден признаться, что:

> «Настоящий том, рассматриваемый в целом, дает картину беспримерной позиционной и минной войны...» [1].

В этом автор несомненно прав. На протяжении всей кампании минные операции и борьба с ними, так же как и операции подводных лодок и противолодочная борьба, являлись главным содержанием боевых действий, наиболее сильно отражавшихся на военной мощи Германии на Балтийском море, на ее способности вести войну. Но Ролльман очень далек от понимания того, что это было началом мощной эволюции средств борьбы на море. Между тем послевоенное техническое развитие минного оружия, новые тактические приемы его применения в связи с бурным развитием воздушных сил и подводных лодок открывают новые широкие перспективы для минных операций не только оборонительного значения, но и для воздействия на морские торговые пути, играющие столь важную роль в первую очередь для так называемых «морских» держав.

Нельзя пройти без внимания и мимо изложенных в книге действий кораблей против берега — не потому, что они дают что-либо новое, а скорее наоборот. Эти операции, широко применявшиеся на Балтике, по мнению германского руководства более всего отвечали основной задаче, поставленной германским морским силам — наличными малыми силами создать впечатление подготовки крупной операции и, насколько это возможно, помешать активным операциям русских [2].

---

[1] Стр. 22.
[2] Стр. 57.

Действительно, такая задача требует создания большого шума. И вот этот шум создается стрельбой линейного крейсера *Фон-дер-Танн* по 6" батарее на Утэ, в результате чего на батарее был один раненый; стрельбой по Церельским сооружениям броненосных крейсеров, выпустивших 265 снарядов с 2 попаданиями в *Сибирского стрелка*. В общем идет стрельба, чтобы создать впечатление. Но впечатление быстро проходит, а остаются только результаты. А эти результаты были более чем скромны.

Впрочем, противник не всегда определял действительное значение этих суетливых германских поступков, несмотря на совершенно исключительные возможности русской радиоразведки, пользовавшейся германскими шифрами, взятыми с *Магдебурга*, вдобавок при необыкновенной радиоболтливости немцев. Ни одна шифрованная германская радиограмма не уходила от русской разведки, и большинство из них тотчас попадало в руки русского командования. Только медлительность русского командования не позволяла использовать эти неповторимые условия.

Заслуживает внимания и другой «блеф» — мемельский набег русских весной 1915 г. Этот набег, ничтожный по принимавшим в нем участие силам, взбудоражил все германское командование: морские силы Балтийского моря и часть Флота открытого моря приводятся в полную готовность, завязывается бурная переписка между морскими и сухопутными штабами, часть флота Северного моря переводится в Балтику и т. д.

На общей оценке взаимодействия с сухопутными войсками мы уже останавливались. Надо только добавить и подчеркнуть то значение, которое имели действия флота при продвижении фланга германской армии вдоль курляндского побережья и при занятии Либавы и Виндавы. Эти операции заслуживают внимания, хотя автор и сам признает, что не всегда флот был готов оказать армии нужную помощь.

Мы же со своей стороны можем добавить, что эти операции еще раз продемонстрировали тот раздрай — и стратегический и тактический, — который существовал между германским флотом и сухопутными войсками.

Лучше всего тактический раздрай и в подготовке и во взаимодействии можно усмотреть в операции содействия крейсеров наступлению у Либавы, когда корабельный огонь открывался по своим же частям.

Достаточно интересны методы оборудования прибрежных фарватеров и охранение стреляющих кораблей от мин и от подводных лодок со стороны моря.

Лолльману нельзя отказать в умении подбирать исторические факты в желаемом для него направлении.

В частности, и действия германских кораблей в Рижском заливе, по освещениюРолльмана, выглядят не так скучно и малозначительно, как это было на самом деле. Довольно бесславный бой 2 германских эскадренных миноносцев с *Новиком*, закончившийся их уничтожением, изложен с притягиванием к этому событию не относящихся к делу фактов. В описании Ролльмана фигурируют мины, на которых не подрывались эти миноносцы; тут и участие в бою совместно с *Новиком* 3 эскадренных миноносцев типа *Москвитянин*, которые в действительности были в стороне. Вообще во многих местах автор довольно «свободно» оперирует фактами.

Редакция перевода вынуждена поэтому сделать совершенно необходимые для читателя замечания, выправляющие рассказ не в меру разгорячившегося «летописца».

Мы не можем пройти мимо помещенной в книге таблицы количества ходовых часов и наплаванных миль за 1914 г. с начала войны. Эта таблица очень поучительна для характеристики суетливой беготни германских кораблей и для расчетов операторов. Надо себе только представить, что отдельные корабли за какие-то 5 месяцев наплавали более 20 000 миль. Такой размах должен заставить задуматься и о запасах топлива, и о ремонтных средствах, и наконец о личном составе.

В заключение необходимо остановиться на наиболее серьезном вопросе, который возникает при чтении книги Ролльмана: как и в какой мере решил свои задачи германский флот на Балтике в 1915 г.?

Мнение Ролльмана по этому поводу, многократно проскальзывающее в тексте, таково, что германский флот решал большие задачи малыми силами, что превосходящие силы русского флота парализовались активностью германских кораблей, что задачи, возложенные на германские морские силы Балтийского моря, были выполнены.

Впрочем, относительно того, что задачи были большие, автор и сам не особенно настаивает. Всем было хорошо известно, что, несмотря на значительно изменившуюся по сравнению с

1914 г. обстановку (вступление в строй русских дредноутов, развитие русских укрепленных районов — Або-Аландской и Моонзундской позиции и т. д.), задачи германского флота на Балтике по существу остались теми же, что и в 1914 г., как они изложены в оперативном приказе от 31 июля 1914 г.[1], т. е. состояли в том, чтобы не допускать русские корабли к германскому побережью и нанести удар русскому флоту, в зависимости от обстановки, силами Флота открытого моря, часть которого могла временно перебрасываться на Балтику.

Как видим, задача не особенно большая. Правда, на 1915 г. была добавлена еще задача содействия флангу армии.

Как же эти задачи были решены в действительности? На это отвечает весь итог кампании: прорыв в Рижский залив оказался совершенно безрезультатным, попытки вызвать русский флот на столкновение с силами Флота открытого моря не удались, вместо уничтожения *Славы* — крупные потери при операции прорыва, вместо уничтожения русских крейсеров — потеря в бою с ними *Альбатроса* и т. д. и т. п. Но самое главное — активность русских действий на жизненных в военно-экономическом отношении морских путях не была пресечена. О «господстве» германского флота в Балтийском море, о котором в своих воспоминаниях заикается Гопман, конечно, не могло быть и речи. Больше того, постепенно снижая к концу кампании масштаб своих действий и придя в конце концов всего лишь к сторожевому охранению на линии Люзерорт — Эстергарн, немцы не смогли удержать и этой позиции, несмотря на известную пассивность русского флота, о которой неоднократно упоминает Ролльман. Где же здесь решение, да еще больших задач?

Если же посмотреть на итог потерь, которые понесли воюющие за этот год, картина получится еще менее лестная для «доблестного» германского флота. Ролльман видимо умышленно не дает общей сводки этих потерь. А она очень показательна. В общей сложности эти потери выразились в следующем.

Для немцев: 2 погибших крейсера, 2 подорванных и поврежденных линейных крейсера, 1 погибший броненосный крейсер, 2 подорванных броненосных и 3 легких крейсера, 1 погибший заградитель, 5 погибших эскадренных миноносцев, 4 поврежден-

---

[1] Фирле, Война на Балтийском море, т. I, 1914 г., Л. 1926, стр. 45.

ных эскадренных миноносца, 1 погибшая подводная лодка, 7 погибших тральщиков, 4 поврежденных тральщика, 2 погибших сторожевых корабля и 2 поврежденных дирижабля.

Для русских: 2 погибших заградителя, 2 погибших канонерских лодки, 2 поврежденных эскадренных миноносца, 1 погибшая подводная лодка.

Неудивительно, что после таких результатов кампании кайзер наложил на докладе командования морскими силами Балтики на этот раз вполне справедливую резолюцию:

«Война в Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов».

но удивительно, что эта резолюция вызвала страшную обиду со стороны командующего морскими силами Балтийского моря, принца Генриха Прусского.

Теперь относительно тех «малых сил», которыми Германия, по мнению Ролльмана, вела в 1915 г. войну на Балтийском море. Тут прямое передергивание фактов и полное пренебрежение действительностью. А 9-я эскадра из 9 линейных кораблей, переведенная еще весной на постоянное базирование в Балтийское море? А половина всего Флота открытого моря, переброшенная на Балтику ради бессмысленного Рижского прорыва? А подводные лодки, в том числе и заградитель *UC-4*? А дирижабли и бесчисленное количество кораблей вспомогательного флота? Разве это не подавляющее превосходство над противником? Да в конце концов уже одно наличие Кильского канала давало всегда возможность Германии при правильно организованной разведке производить необходимое усиление морских сил Балтийского моря, доводя их до состава, во много раз превышавшего силы русских. Другое дело, если германская разведка оказалась значительно слабее русской, в чем, между прочим, Ролльман должен и сам признаться. Конечно, при таком положении вопрос о малых силах и даже второстепенности значения балтийского театра для Германии стоять уже не может.

Из поступков высшего германского командования мы видим, как быстро принимались решения об усилении морских сил Балтийского моря, когда дело шло о действительной угрозе, в особенности для германских торговых путей. И еще достаточно спорным является для отдельных этапов кампании вопрос, где эти пути оказывались для Германии более важными — в Северном или Балтийском море. Страх перед железным голодом не-

однократно охватывал германское руководство. Шведская руда имела только один путь — через Балтийское море.

В общем, в книге Ролльмана собран обширный материал, и, несмотря на шовинистическую тенденциозность труда, наш советский читатель, вооруженный материалистическим пониманием истории, сможет извлечь из него поучительные сведения и выводы.

В. Алекин.

Предисловие к немецкому изданию

II том «Война на Балтийском море» охватывает 1915 г., начиная с момента замерзания моря зимой 1914—1915 гг. до такого же момента зимы 1915—1916 гг.

При обработке тома большая предварительная работа с архивными материалами была проделана кап. 2 р. Бастианом, который близко знал документы по своей должности офицера морского генерального штаба[1], работавшего в штабе морских сил Балтийского моря. Это значительно улучшило содержание тома. С другой стороны, нужно отметить воспоминания русского кап. 2 р. Графа, который изложил в своем труде результаты обработки своего боевого опыта, полученного на эскадренном миноносце *Новик*; благодаря этому труду в предлагаемом томе удалось не только изложить деятельность германского флота, но и дать освещение событий с точки зрения русского флота. Наконец, о деятельности английских подводных лодок в Балтийском море исчерпывающие сведения дало английское адмиралтейство.

В 1914 г. во всех странах рассчитывали на кратковременную войну, — не более шести месяцев. Это мнение не изменилось даже после отражения германского наступления на Марне. Объявленная в феврале 1915 г. подводная война имела целью принудить Англию к уступкам. Но первые месяцы 1915 г. уже дали понять, что вопреки всем надеждам война будет еще весьма продолжительной. Еще до таяния льда на Балтийском море из дипломатических нот Соединенных штатов Америки было ясно видно, что они никогда не допустят окончательной победы Германии над Англией.

---

[1] Адмирал-штаб (Admiralstab) — морской генеральный штаб; офицер адмирал-штаба (Admiralstabsoffizier) — офицер морского генерального штаба с оперативной подготовкой.

На западе, от северной Англии до южной Франции, выросла крепкая стена, укрепленная, вооруженная и снабженная всеми необходимыми и собранными со всего мира материалами, упорно защищаемая мощным и упорным врагом, видевшим в лице немцев не честного противника, а диких «гуннов», которых нужно было уничтожить. У этой стены была мощная поддержка в виде угрожавших США. На востоке, наоборот, благодаря руководству генерала Гинденбурга, армия не потеряла подвижности, и здесь она, вследствие отличной выучки мирного времени, имела перевес над противником. Восточный фронт и Балтийское море были поэтому в 1915 г. районами, где мы встречали лишь ограниченное сопротивление.

Что касается флота, то главной его операцией в 1915 г. на Балтийском море нужно считать прорыв в Рижский залив; эта рижская операция выросла постепенно из предыдущих действий. Еще до того, как состояние ледяного покрова позволило осуществить полную подвижность морских сил, русские напали с суши на Мемель, но были быстро отброшены оттуда соединенными силами армии и флота. В ответ на это германские войска начали наступление на Либаву, причем флот имел возможность оказать этому сильное содействие, а в начале мая был завоеван опорный пункт, на занятие которого за несколько недель до того никто не надеялся и значение которого было недостаточно оценено даже после его захвата. По поводу этого интересно сравнить противоположные взгляды командования действующими силами, морского генерального штаба и промежуточного командования. Занятие Либавы и потопление *Лузитании* случайно произошло в один день. В течение следующих недель ноты Соединенных штатов все яснее показывали, что они имели в виду сами принять вооруженное участие в мировой войне. В связи с этим на западе возник ряд трудностей, которые не затронули положения на востоке.

Фельдм. Гинденбург разработал на лето 1915 г. широкий охват русских армий, причем точка поворота армий приходилась в районе Варшавской крепости. По его замыслу, северное крыло армии должно было наступать к востоку от Гродно, чтобы захватить отступавшие внутрь страны русские армии ранее, чем они смогут уклониться. Но этот план был ограничен верховным командованием и заменен приказанием наступать в середине июля на Нарев. В Курляндии была сформирована неманская ар-

мия под командованием ген. Отто фон-Белова, победоносно сражавшаяся против русских в конце июля в многочисленных боях, которые все вместе были названы «боем под Шаулен» (Шавлями). 1 августа в руки Германии перешла Митава.

Вот почему принц Генрих после успехов у Либавы особенно твердо настаивал на операциях в Рижском заливе, несмотря на многочисленные препятствия и возражения. Настойчивость его объясняется также и происшедшим в это же время между ним и фельдм. Гинденбургом свиданием. Если бы германская армия пошла дальше на Усть-Двинск и Ригу, то около последней можно было бы повторить совместные действия армии и флота, как это имело место при занятии Мемеля и Либавы. Однако, вместо этого неманская армия получила приказание защищать фланг большого наступления, действуя в направлении Усть-Двинска и Вильно с целью обеспечения пролегавших там важных железнодорожных линий. Поэтому прорыв морских сил в Рижский залив был вполне самостоятельной операцией, лишь до известной степени имевшей значение в смысле облегчения задачи сражавшимся на суше войскам.

Возможно, что этот прорыв был бы вовсе отменен, если бы не неожиданное появление в Рижском заливе русского линейного корабля *Слава*, оказавшего особенно чувствительное давление на фланги армии и флота. Для занятия островов Эзель и Даго, последовавшего лишь два года спустя, нехватало сил, почему прорыв в Рижский залив остался только демонстрацией и пробой сил флота. В военно-морском отношении прорыв германских морских сил в Рижский залив, в условиях преодоления ими исключительных препятствий, минных заграждений и к тому же произведенный в присутствии неприятельских подводных лодок, показал высокую боевую подготовку и большую готовность флота к наступательным операциям. Вследствие этого, а также предыдущей огромной работы, проведенной на Балтийском море слабыми соединениями судов, равно как и в силу общей картины военных действий на западе и на востоке, напрашивается вопрос: не был ли возможен окончательный успех на востоке в случае одновременного проведения в жизнь разработанного фельдм. Гинденбургом охватывающего наступления в июле 1915 г. и решительных действий Флота открытого моря.

В Северном море англичане ограничились дальней блокадой. Они поняли огромную опасность, которую представляли собой

германские подводные лодки, и боялись их тем более, что еще не обладали действительными средствами для борьбы с ними После опыта Дарданелл даже английский флот не мог надеяться прорваться в Германскую бухту без тяжелых потерь. Хорошо укрепленный Гельголанд, подводные лодки и мины, равно как и навигационные трудности у побережья Северного моря, отпугивали противника, не желавшего терять крупных боевых единиц главных сил. Германский Флот открытого моря поэтому, даже с оглядкой на Англию, мог быть переброшен на Балтийское море. Сильнейший нажим на Ригу, а также на еще не укрепленные в 1915 г. острова Эзель и Даго окончательно сломил бы сопротивление России, если бы это было проведено одновременно с успешным выполнением большого наступления Гинденбурга. Англичанам пришлось бы в таком случае или посылать свой флот на выручку союзника — а нам удалось бы дать желанный бой в наших хорошо оборудованных и изученных водах — или, если бы англичане на это не пошли, русским стало бы ясно, как мало они могли рассчитывать на активную поддержку Англии.

Необходимо чаще продумывать вопросы о постоянной совместной работе между армией и флотом для разрешения больших общих задач.

Настоящий том, рассматриваемый в целом, дает картину беспримерной позиционной и минной войны и выявляет примеры правильного понимания ответственности при разрешении задач, от которых, несмотря на большие потери, отступлено не было. В то же время в этом томе содержится между строк для занимающегося самоусовершенствованием морского офицера целый ряд нерешенных проблем и ряд задач, которые необходимо разрешить как раз для малого флота, что имеет прямое военное и воспитательное значение. Кроме того, II том дает возможность понять, какое большое значение может приобрести второстепенный театр военных действий, а также какое экономическое и военное значение заключается для Германии во владении Балтийским морем.

ВВЕДЕНИЕ

ЗИМНИЙ ПЕРЕРЫВ

Небольшое число германских крейсеров и миноносцев, действовавших во время войны на Балтийском море, состояло осенью 1914 г. в подчинении отдельно командовавшего флагмана[1] к.-адм. Беринга, переходя при выполнении некоторых операций в подчинение лично командующему морскими силами Балтийского моря[2] гросс-адмиралу[3] принцу Генриху Прусскому. Эти слабые морские силы неоднократно проникали далеко в русские воды и своими действиями заставляли врага придерживаться оборонительной тактики. С наступлением длинных осенних ночей русский флот перешел к активным минным постановкам на курсах, наиболее употребительных для сообщений между городами германского побережья от Мемеля до Борнхольма и Рюгена (карта 1). Эти операции совершались частично миноносцами, частично заградителями, под прикрытием броненосных крейсеров, или же с самих броненосных крейсеров. Германские морские силы Балтийского моря не могли воспрепятствовать этим операциям ввиду своей малочисленности, так как их нехватало для надежной охраны протяженного водного пространства средней части Балтийского моря. Вследствие этого минные постановки противника прошли незамеченными; некоторое количество военных и коммерческих кораблей подорвалось на минах, а часть из них затонула;

---

[1] «Detaschierter Admiral».

[2] Oberbefehlshaber der Ostseestreitkräfle, сокращенно O. d. O.— *Прим. перев.*

[3] Gross-admiral, высший чин германского флота.—*Прим. перев.*

кроме того, германская операционная база была перенесена из Нейфарвассера[1] в Свинемюнде[2].

В середине февраля 1915 г. ледяной покров Финского залива достиг наибольшего развития, и противник вследствие этого был вынужден приостановить свои операции. Наступивший на несколько месяцев перерыв был очень полезен для германских морских сил, нуждавшихся после напряженной службы в срочном ремонте кораблей и миноносцев; личный же состав требовал отдыха и времени для дальнейшего усовершенствования и прохождения учебных упражнений. Кроме того, охрана выходов из Зунда и Бельтов не ослаблялась и, несмотря ни на какие препятствия в виде зимних штормов и морозов, нужно было прокладывать безопасные пути в районы моря, где весной должны были развернуться военные действия.

Эти задачи затруднялись различными препятствиями и в первую очередь извещениями о замеченных неприятельских подводных лодках. Иногда в них легко удавалось узнать плод разыгравшейся фантазии неопытных наблюдателей, в большинстве же случаев все же требовались оборонительные мероприятия. Ошибались не только наблюдатели береговых постов, укомплектованные из ландштурма[3], и моряки торгового флота, но и часть команд военных кораблей была склонна к «психозу подводных лодок».

В последние дни января поступили тревожные известия сразу из трех мест: из Данцигского залива, с одного из тренировавшихся в Кильской бухте крейсеров и из водного района к северу от острова Рюген. В последнем случае подводная лодка была на самом деле: 29 января недалеко от миноносца *S-120* взорвалась о грунт торпеда, выпущенная в этот миноносец у мыса Мэн Клинт. Так как русские гавани считались уже прочно замерзшими, было решено, что нападение произвела английская подводная лодка, базировавшаяся на пловучую базу или действовавшая совместно с каким-нибудь торговым судном. Эти предположения

---

[1] В устье р. Вислы. — *Прим. перев.*
[2] В устье р. Одера. — *Прим. перев.*
[3] Ополченцы. — *Прим. перев.*

были неправильны. Атаку произвела одна из двух английских лодок, оперировавших с октября из ревельской гавани[1].

При объявлении тревоги по отражению подводных лодок в море высылались все исправные миноносцы и сторожевые корабли с заданием обыскать все бухты западной части[2] Балтийского моря до Борнхольма с целью обнаружить подводную лодку или ее плавучую базу. При благоприятных условиях, кроме того, высылался самолет из Хольтенау или из Варнемюнде и базировавшийся на Киль военный воздушный корабль *M-IV*. В начале февраля на несколько дней высылалась на позицию к западу от Борнхольма подводная лодка *U-26*. Для Кильской бухты, бывшей районом учебно-боевой подготовки флота, была организована отдельная охрана. Ввиду недостатка в военных кораблях были вооружены и привлечены к службе 60 рыбачьих парусно-моторных судов, укомплектованных военнообязанными рыбаками, являвшимися в большинстве собственниками этих кораблей. В критические дни все эти суда выходили в море и располагались в шахматном порядке в Кильской бухте, где и оставались, в зависимости от обстановки, несколько дней и ночей вне гавани. Несмотря на ветер, волнение, снег и лед, эти малые суда исправно несли свою трудную службу; и из среды рыбаков война унесла несколько жертв.

В начале февраля ожидался налет английских воздушных сил на Киль. Особенно серьезные опасения вызывали сведения, что неприятель намеревается заблокировать все устья рек, впадающих в Северное море, предприняв одновременно выступление против Бельтов. Гр.-адм. принц Генрих не видел реальной цели для такой операции: нападение противника на корабли, охранявшие выход из Зунда, может быть и было для него соблазнительным, но в то же время такое предприятие не могло иметь длительного значения; во всяком случае потери, понесенные при такой операции, не стоили бы достигнутых результатов; поэтому пр. Генрих

---

[1] Атака была произведена английской подводной лодкой *E-9*, базировавшейся на Ревель.— *Н. Н.*

[2] Западного побережья южной части. — *Прим. перев.*

ограничился приказанием о поддержании «усиленной готовности» [1]. Такое нападение по поступившим сведениям было в первый раз назначено между 15 и 20 числами января и во второй раз на 1 марта. В последнем случае предупреждение было в значительной степени подкреплено тем, что за несколько дней до назначенного срока взорвался на германской мине заграждения и затонул к юго-западу от Альбуена шедший Большим Бельтом норвежский пароход *Бьерка (Bjerka)*. Возможно, что он, по английскому заданию, хотел выяснить точное расположение германских минных заграждений, потому что в его документах был указан портом назначения Наксков (на острове Лааланд), а также и потому, что он не обращал внимания на предупредительные сигналы германских сторожевых судов.

Начальник дивизиона охраны побережья к.-адм. Мишке располагал для охраны и первоначальной защиты выходов в западную часть Балтийского моря только очень слабыми морскими силами:

Эре-Зунд	кан. лодка *Пантер* 1 сторожевой корабль	1 боновое заграждение 1 береговая батарея
Баагэ-Зунд	2 сторожевых корабля 1 минный заградитель	1 минное заграждение
Большой Бельт (южный выход)	3 сторожевых корабля 1 минный заградитель	2 минных заграждения
Фемарн Бельт	2 сторожевых корабля 1 минный заградитель	
Узкость Гиедзера	4 сторожевых корабля	
Зунд (южный выход)	3—5 миноносцев IV флотилии	

В поддержке этих сторожевых сил находился в море малый легкий крейсер. По мере надобности в учебных походах в указанном районе крейсеровала одна из лодок школы подводного плавания, доходя до выхода в Зунд. Надобность в значительно более сильной охране Зунда вытекала из объема задач миноносцам — контролировать происходив-

[1] Verschärfte Bereitschaft.

шее там движение нейтральных судов. В особенности в то время года, когда порты Белого моря были недоступными, было много оснований считать целесообразным надежное преграждение этого пути для ввоза военной контрабанды в Россию [1].

В середине марта были получены просьбы о помощи из Мемеля, которому угрожали русские пограничные войска. Мемель впоследствии на некоторый короткий срок попал в руки противника. В это же время русские минные заграждения [2], расположенные между Борнхольмом и банкой Штольпе, вырвали еще 2 жертвы в виде пароходов *Кёнигсберг* и *Бавария*. Судоходство было обеспечено впоследствии прокладкой протраленного фарватера между Свинемюнде и шведскими портами, к западу от Борнхольма и далее в германские порты — вплотную вдоль побережья Померании. Третий пароход, *Грете Хемсот*, погиб из-за невнимательности при проходе поперек уже известного заграждения к северу от Арконы. Большая часть личного состава погибших кораблей была спасена.

В начале апреля с разных сторон поступили сведения, указывавшие, что неприятель готовится произвести еще ряд минных постановок. Швеция прекратила даже рейсы паромов между Засsницем и Траллеборгом. Вследствие этого командующий собрал все исправные миноносцы и сторожевые корабли из Варнемюнде, Свинемюнде и Мемеля. С помощью этих сил к.-адм. Беринг установил дозорные линии по обе стороны острова Борнхольма, которые прикрывались с тыла легким крейсером *Тетис* (*Thetis*). Для верности были еще раз протралены фарватеры по курсам Свинемюнде—Засcниц—Сандхаммар—Мон—Засcниц. Так как просьба принца к командующему Флотом открытого моря о присылке добавочных тральщиков не была удовлетворена, то пришлось вернуть работавший в восточной части Бал-

---

[1] Дальнейшее развитие мероприятий в западной части Балтийского моря и действия против торговых судов противника в Зунде подробно описываются в XII главе. Общий перечень морских сил см. на стр. 77, 79, 80. — *Н. Н.*

[2] См. таблицу русских минных заграждений, поставленных в 1914—1915 гг. у германских берегов (Приложение 5). — *Н. Н.*

тийского моря II дивизион тральщиков. Мин найдено не было, вследствие чего через 8 дней фарватеры были объявлены свободными для плавания.

Понятно, что гибель пароходов, вследствие невозможности точного установления ее причин, в соединении со сведениями о появлении подводных лодок возбудила сильное беспокойство в кругах судовладельцев и страховых обществ. Только постепенно удалось командующему морскими силами и командующим морских станций, на обязанности которых лежали информация и инструктирование торговых палат и портовых управлений, восстановить в прежних размерах очень важный морской товарообмен со Швецией. Настойчивые просьбы владельцев выделять военный конвой для отдельных пароходов не могли быть удовлетворены. По особому пожеланию военного министерства однажды был выслан броненосный крейсер *Принц Адальберт* (*Prinz Adalbert*) — в готовности был только один флагманский корабль — до Кальмарзунда, навстречу пароходу, груженному военными материалами, но напрасно, так как выход парохода был отложен.

Работа дивизионов тральщиков в восточной части моря почти полностью обрисована в I томе войны на Балтийском море. Здесь об этом нужно лишь кратко напомнить (см. обзор действий на стр. 30—31 и карту 1). Для точного определения мест русских минных заграждений [1], обнаруженных в течение января в различных местах, имелись четыре дивизиона тральщиков, из которых, однако, три могли быть использованы только в ограниченной мере. Опыт войны показал, что рыболовные пароходы и буксиры обладали слишком большой осадкой. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера состоял исключительно из таких судов и потому его в мере возможности берегли. Но все же и он, невзирая на грозившие в особенности ему опасности, оказал хорошую услугу Данцигскому заливу. Кильский вспомогательный дивизион тральщиков (расположенный в Фридрихсорте), укомплектованный уже малыми

---

[1] См. таблицу русских минных заграждений, поставленных в 1914—1915 гг. у германских берегов. (Приложение 5).— *Н. Н.*

плоскодонными судами, был переброшен в феврале частью по железной дороге, частью морем в Штольпмюнде, но из-за свежих погод не мог работать к югу от банки Штольпе, несмотря на все усилия его личного состава. Дивизион, базировавшийся на Свинемюнде, находился в стадии переформирования; он получил из Гамбурга 12 до некоторой степени мореходных моторных катеров, которые были приспособлены для подъема на время длинных переходов на захваченные в начале войны призы — английские пароходы *Индианола (Indianola)* (4 500 *т*) и *Инкула (Inkula)* (5 100 *т*). После нескольких дней испытаний на заграждении, найденном к северу от Арконы[1], дивизион принял с конца апреля участие в тралении прибрежного фарватера у Штольпмюнде.

II дивизион тральщиков был занят до середины марта определением границ арконского заграждения и контролированием фарватера к западу от Борнхольма. Необходимость ввода крейсеров и миноносцев в Мемель заставила определить границы обоих неприятельских заграждений, обнаруженных около этой гавани. В последние дни этой работы (5.IV) тральщик *Т-57* наткнулся кормой на затраленную мину и погиб из-за тяжелого повреждения. Личный состав был спасен. В заключение II дивизион получил извещение от вспомогательного дивизиона из Нейфарвассера, что к северу от полуострова Хела обнаружены минные заграждения и, кроме того, 9-го он работал на заграждении, предполагавшемся к западу от банки Штольпе[2]. В конце апреля дивизион работал совместно со вспомогательными дивизионами к юго-востоку от банки Штольпе. Боевая работа тральщиков, особенно страдавших от ветра и плохой погоды, протекавшая в обстановке постоянной и неожиданной опасности, с ежеминутным риском для жизни личного состава, заслуживает самой высокой оценки.

---

[1] Заграждение у Арконы было поставлено броненосным крейсером *Россия* 14 января 1915 г. — *Н. Н.*

[2] К северу от полуострова Хела за период декабрь 1914 г. — февраль 1915 г. было выставлено русскими кораблями четыре заграждения (банками) с общим числом 780 мин. К западу от банки Штольпе также было выставлено три заграждения с общим числом 440 мин. — *Н. Н.*

Действия дивизионов тральщиков

II дивизион тральщиков

Кап.-лейт. Шеман. С 10 апреля кап.-лейт. Дофлейн.

15 малых миноносцев.

С 1 до 30 января: вооружение в Штетине.

С 31 января до 10 февраля: определение границ арконского заграждения.

С 11 до 16 февраля: малая чистка котлов в Свинемюнде.

С 17 до 23 февраля: обследование района Борнхольм — банка Одер.

С 24 февраля до 4 марта: уничтожение арконского заграждения.

С 7 до 8 марта: охота за подводными лодками у Борнхольма.

С 9 до 19 марта: большая чистка котлов в Киле.

С 20 до 24 марта: участие в операции у Мемеля.

С 24 марта до 5 апреля: определение границ заграждения у Мемеля.

Гибель *Т-57* на мине.

С 6 до 9 апреля: траление к северу от Хелы и к западу от банки Штольпе.

С 11 до 13 апреля: обследование фарватера западнее Борнхольма.

С 15 до 19 апреля: малая чистка котлов в Штетине.

С 23 до 30 апреля: траление к юго-востоку от банки Штольпе.

Кильский вспомогательный дивизион тральщиков (Фридрихсорт).

Кап.-лейт. Шмидт.

От 8 до 12 паровых и моторных катеров, 1 малый пароход.

С 6 января до 1 февраля (только 4 рабочих дня): проверка фарватера в Фемарн Бельте и розыски потонувших судов. 2 тральщика погибли во время шторма.

С 5 до 10 февраля: работы у заграждения в Лангеланд-Бельте.

С 11 до 22 февраля: переход в Штольпмюнде.

С 24 февраля до 3 мая (только 16 рабочих дней): траление к юго-востоку от банки Штольпе прервано из-за неисправности судов, тумана и плохой погоды. Возвращение в Киль.

Свинемюндский вспомогательный дивизион тральщиков.

Кап.-лейт. Альтфатер.

От 5 до 6 малых пароходов, с марта 2 матки и 12 моторных шлюпок.

С 1 до 6 января: траление к юго-востоку от банки Штольпе. Тральщик «*В*» затонул от взрыва на мине.

С 7 до 28 января: сторожевая и тральная службы у Свинемюнде.

С 30 января до 10 февраля: траление совместно со II дивизионом к северу от Арконы.

С 11 до 28 февраля: служба в гавани и разоружение в Свинемюнде.

С 5 марта до 16 апреля: ввод в строй, пробы и обучение новых тральщиков в Кильской бухте.

С 20 до 30 апреля: уничтожение арконского заграждения и переход в Штольпмюнде.

Нейфарвассерский вспомогательный дивизион.

Кап.-лейт. Вейдген.

От 7 до 11 рыбачьих пароходов.

С 1 января до 17 марта: охранная служба, траление и охота за подводными лодками в Данцигском заливе.

С 18 до 25 марта: участие в Мемельской операции.

С 30 марта до 3 апреля: траление к северу от Хелы.

С 4 до 14 апреля: траление к западу и к югу от Мемеля.

С 15 до 23 апреля: охрана Данцигского залива и Мемеля.

Глава 1

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАПАДЕНИЯ НА МЕМЕЛЬ И ПОХОД КРЕЙСЕРОВ К АЛАНДСКИМ ОСТРОВАМ [1]

16 марта 1915 г. в 15 час. в Киль поступила телеграмма от морского осведомительного пункта (поста службы наблюдения и связи) в Мемеле, сообщавшая, что на убитом при переходе границы шпионе был найден вопросник, из которого явствовало, что русские готовятся к наступлению с суши и с моря на г. Мемель. В записке содержались вопросы: 1) имеются ли в Мемеле морское командование и военные корабли, 2) поставлены ли минные заграждения у входа в гавань и 3) свободен ли вход ото льда. 17-го в 13 час. поступило сообщение о начале наступления, проводившегося большими силами, вследствие чего все наружные оборонительные пункты должны были быть оставлены. Считали возможным, что не удастся удержать и внутренние линии обороны. Русские сжигали во время наступления все селения. В это же время ландрат Мемеля Кранц ввиду опасного положения просил о высылке крейсера для скорейшей защиты города. В штабе командующего морскими силами Балтийского моря сознавали серьезность создавшейся обстановки, однако, кроме моральной поддержки, флот ничем помочь не мог: обстрелом с кораблей можно было покрыть лишь узкую прибрежную полосу соответственно дальности огня корабельной артиллерии; выбор целей с кораблей был затруднителен без большой предварительной работы и постоянной, очень хорошей связи со своими сухопутными войсками; ограниченность боевого запаса на кораблях

---

[1] Alands-Inseln — Аландские или Оландские острова. — *Прим. ред.*

исключала возможность длительного обстрела местных предметов — дорог, опушек леса и т. д.; в то же время корабли подвергались бы опасности от мин и подводных лодок. Гр.-адм. принц Генрих принял решение — ожидать соответствующих приказаний от верховного командования всеми вооруженными силами, так как из главной квартиры была лучше видна складывавшаяся у Мемеля обстановка и степень срочности тех или иных операций. К тому же в это время в полной готовности был лишь легкий крейсер *Тетис*. Этот стоявший в Киле корабль получил распоряжение быть готовым к выходу по первому приказанию. 20-я полуфлотилия миноносцев была в ремонте в Киле и могла быть готова лишь к следующему утру. Гр.-адмирал не хотел выпускать крейсер в море без конвоирования его этой флотилией. Броненосный крейсер *Принц Адальберт* был исправен, однако, не закончил артиллерийских стрельб, полное прохождение которых признавалось совершенно необходимым. Он нуждался, кроме того, в проведении учебной торпедной стрельбы, для чего была необходима помощь II дивизиона тральщиков, чистившего до 19-го котлы. Легкий крейсер *Любек (Lübeck)* стоял у государственной верфи в Киле, производя установку щитов к орудиям и другие важные работы. Остальные крейсера, поврежденные минными взрывами, не могли итти в счет; *Аугсбург (Augsburg)* мог быть готов не ранее недели, *Газелле (Gazelle)* был вычеркнут из списков в конце февраля, потому что его восстановление не оправдывало требовавшихся для этого средств.

Принц Генрих известил морской генеральный штаб, что он пришел к решению о необходимости тотчас выслать к Мемелю случайно пришедшую вечером (17.III) из Северного моря в Киль II разведывательную группу (4 легких крейсера) и одну флотилию миноносцев. Но в то же время можно было опасаться, что русское наступление, предпринятое непосредственно вдоль побережья, имеет своею целью заманить германские морские силы на заранее поставленные мины и на позиции подводных лодок [1, 2].

---

[1] В русских источниках об этом ничего не говорится. Ю. Шельтинг утверждает в своей статье «Деятельность морских сил в Рижском заливе», напечатанной в 3-м и 4-м номе-

Одновременно с этим в Берлин поступило от мемельского старшего войскового начальника извещение, указывавшее на настоятельную необходимость немедленных совместных действий армии и флота. К.-адм. Бенке, заместитель начальника морского генерального штаба, передал телеграмму принца с добавлением, что он подтверждает необходимость помощи, однако, только средствами балтийского морского театра. Начальник морского генерального штаба адм. Бахман не сомневался, что нужно вызвать из Северного моря даже II эскадру линейных кораблей с необходимыми для ее охранения миноносцами и соединениями тральщиков, и приказал, впредь до получения согласия кайзера, заручиться предварительными совместными распоряжениями командующего Флотом открытого моря и командующего на Балтийском море указанными соединениями на случай их перевода.

Из Мемеля поступали все более угрожающие известия. Вечером 17 марта, когда в Киль пришла просьба о помощи, русские приблизились вплотную к городу; наружный маяк пришлось очистить, и морской пост службы наблюдения и связи во главе с кап. 2 р. Гильбранд перешел на внутренний маяк. Нужно было приготовиться к отступлению гарнизона. К.-адм. Беринг, державший свой флаг на легком крейсере *Тетис,* получил приказание выйти в море, где ждать в полдень 18-го присоединения 20-й полуфлотилии у маяка Аркона, и оттуда следовать совместно с нею в Нейфарвассер. Тамошний вспомогательный дивизион тральщиков должен был встретить отряд, протралив предварительно прибрежный фарватер (карта 1).

рах «Морского сборника» за 1926 г., что нападение на Мемель вообще произошло без уведомления русского морского командования.

[2] Решение осуществить операцию против Мемеля с сухого пути было для русского морского командования совершенно неожиданно. При предварительном обмене мнениями по этому вопросу с сухопутным командованием адм. Эссен высказал ту точку зрения, что ранней весной флот из-за льда не сможет оказать серьезного и длительного содействия войскам, и что сама операция не может иметь серьезного успеха, предостерегая вместе с тем, что ее осуществление «вызовет репрессии противника по отношению к незащищенному курляндскому побережью».—*Н. Н.*

Командующий флотом адм. Поль передал без возражений в распоряжение принца Генриха II эскадру (линейных кораблей), II разведывательную группу (4 легких крейсера), легкий крейсер *Росток* *(Rostock)* с III и IX флотилиями миноносцев и 3 прорывателя заграждений[1]. Совершенно неожиданно командующий морскими силами получил значительное подкрепление, о котором он долго и безуспешно ходатайствовал. Для решения предстоявших задач он получил хорошо обученные и вполне снабженные современные силы. Для лучшего использования эскадры было решено, кроме помощи Мемелю, произвести — в отместку за налет на Мемель — обстрел имевших военное значение сооружений либавского порта с целью привести последний в такое состояние, чтобы он потерял значение промежуточной базы для подводных лодок и заградителей[2]. В то же время один или два крейсера с группой миноносцев должны были заняться нарушением русской морской торговли, сосредоточившейся с замерзанием Ботнического залива в районе Аландских островов[3]. В качестве поддержки всей операции командующий предполагал стянуть в Свинемюнде несколько легких крейсеров и миноносцев. Все это было указано в приказе к.-адм. Берингу.

План операций был передан в Берлин в ночь с 17-го на 18-е. К.-адм. Бенке, учитывая тяжелое положение, приказал, в соответствии с прежним планом, выслать *Тетис* в море. К этому же решению пришли к полудню и в Кильском замке; участие крейсера Балтийского моря в предстоявшей операции было решено, и *Тетис* получил предписание о выходе. Сверх того был получен соответствующий приказ и из главной квартиры.

Из находившегося под угрозой города около полудня (18.III) поступили тревожные известия: по шоссе от Ним-

---

[1] Sperrbrecher. — *Прим. ред.*

[2] Автор не упоминает, что 25 января 1915 г. на Либаву с целью разведки и бомбардировки оборонительных и портовых сооружений был произведен налет дирижабля, сбросившего без особых результатов 10 бомб. Подбитый артиллерийским огнем дирижабль был вынужден сесть на воду в 6 каб. (1,1 *км*) от берега и был взят в плен. После неудавшихся попыток отбуксировать его в порт он был сожжен русскими. — *Н. Н.*

[3] Alandsee — Аландское море, Оландсгаф. — *Прим. ред.*

мерсатта будто бы шли вновь подходившие русские войска. Но первые подкрепления уже пришли в город; Мемель собирались удержать во что бы то ни стало. Заместитель командира 1 армейского корпуса в г. Кёнигсберге сообщил в морской генеральный штаб для передачи на прибывавшие крейсера данные о положении своих и неприятельских войск. В 17 час. к.-адм. Беринг получил следующий приказ.

«Итти спешно к Мемелю, следуя севернее Борнхольма Подходить к побережью по параллели 56°. *Штральзунд* (Stralsund) и одна полуфлотилия IX флотилии спешно следуют по тому же пути. Вспомогательному дивизиону тральщиков Нейфарвассера назначается рандеву на широте 56° N, к западу от меридиана 20° вост. долг. Приближение к береговой черте под защитой тральщиков. Заданием крейсерам и миноносцам является: поддержка с моря армии при обороне города и энергичная угроза русским сообщениям путем обстрела. II эскадра, несколько крейсеров и флотилий миноносцев следуют. *Пр. Адальберт, Любек* и 20-я полуфлотилия идут со II эскадрой. Прибитые к берегу между Риксгефтом и Стило мины указывают на вновь поставленные заграждения севернее побережья»[1].

В 6 ч. 30 м. *Тетис* вышел полным ходом на восток. В то же время вышли из Кильской гавани *Штральзунд* и 17-я полуфлотилия. К.-адм. Беринг рассчитывал быть у Мемеля ранее, чем через 24 часа, но уже в полночь получил известие, что русские вошли в Мемель, т. е. он опоздал. И хотя Беринг не мог рассчитывать заставить русских отступить одним только обстрелом с моря, тем не менее он продолжал поход, надеясь быть полезным войскам, назначенным для контратаки. В полученном от старшего войскового начальника в Кёнигсберге радио выражалась надежда, что одно появление флота окажет армии большую моральную поддержку. Беринг выслал *Штральзунд,* пришедший в 13 час. 19 марта на сборный пункт в 40 милях к западу от Полангена, в дозор к северу, а сам с *Тетисом* вышел навстречу вспомогательному дивизиону тральщиков Нейфар-

---

[1] В этом районе с декабря 1914 г. по февраль 1915 г. было поставлено русскими крейсерами и миноносцами пять минных заграждений (см. приложение Б).— *Н. Н.*

вассера, задержавшемуся из-за свежего ветра и большого волнения. Погода ухудшилась; дувший с силой от 6 до 7 баллов встречный ветер имел тенденцию к усилению. Дальнейший поход за тралами сделался столь медленным, что нельзя было рассчитывать достигнуть берега до наступления темноты.

Тетис стал на якорь, тральщики укрылись у побережья. *Штральзунд* получил приказание стать на якорь и отстаиваться в течение ночи юго-восточнее Готланда. 17-я полуфлотилия, шедшая малым ходом из-за шторма и ради сбережения топлива, должна была найти *Штральзунд* и построить сторожевую охранную цепь к северу от места его якорной стоянки. Однако, охрана была мало действительна из-за сильного волнения и снежного шторма. С 17-й полуфлотилии было передано, что вследствие обледенения все вооружение выведено из действия.

Согласие кайзера на предложение принца Генриха пришло в Киль вечером 18-го. В распоряжение гр.-адмирала передавались крейсера II разведывательной группы и миноносцы. II эскадра получила приказание приготовиться в случае надобности перейти в распоряжение принца. Против похода в район Аландских островов возражений не было. Обстрел Либавы был отменен, так как сопряженный с ним риск не оправдывался ожидавшимися результатами. В главной квартире в дополнение к плану операций пр. Генриха был получен доклад командующего Флотом открытого моря, содержавший предложение выслать в Балтийское море, кроме II, также и III эскадру с соответствующим количеством легких сил. В этом случае адм. Поль предполагал провести операцию под своим командованием. Тренировка соединений и забота о военном духе команд требовала использования каждого удобного случая для активных действий[1]. Но к.-адм. Бенке напомнил, что начатая подводная война заставляет перейти к более активным, чем прежде, действиям. Перевод эскадры в Балтийское море не сулит никакого успеха; уничтожение русского флота теперь недостижимо, в то время как опасность от прибрежной обо-

[1] Замечания в военном дневнике Флота открытого моря. Ср. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 56.

роны, минных заграждений, миноносцев и подводных лодок очень велика. Принц Генрих удовольствовался *Штральзундом* и 17-й полуфлотилией. Кроме того, было обещано, что *Страсбург (Strassburg)* совместно с 18-й полуфлотилией проведет операцию против морской торговли в районе Аландских островов. Остальные корабли II разведывательной группы, старший начальник соединений миноносцев на легком крейсере *Росток* и III флотилия, а также II эскадра были оставлены в Кильской бухте на случай, если бы потребовались линейные корабли.

К.-адм. Беринг уведомил старшего войскового начальника в Кёнигсберге вечером 19 марта, что он назначил на 8 ч. 30 м. следующего утра обстрел Полангена, разрушение которого было предписано главнокомандующим восточным фронтом в качестве ответа на сожжение русскими немецких селений. Радио разошлось с телеграммой оперативного отдела армейского штаба, гласившей:

> «На завтра не предвидится сухопутных действий против Мемеля. О начале операций будет сообщено».

Главное командование ответило:

> «Наши операции против Мемеля начнутся не ранее 22-го. До тех пор ждите. Дальнейшие сведения командованию войск района Мемеля направлять в Тильзит».

До назначенного срока оставалось не менее 48 часов, которые Беринг решил использовать для пополнения угольных запасов и установления личной связи с командирами прибывших с запада кораблей. Путь в Нейфарвассер, ближайшую гавань, был из-за мин небезопасен для крейсеров, почему им нужно было бы итти за тралами малым ходом; ввиду этого флагман назначил сборным пунктом для крейсеров Свинемюнде, который хотя и отстоял дальше, но требовал столько же времени хода, как и Нейфарвассер, так как корабли могли итти большим ходом. Вспомогательный дивизион тральщиков был отпущен в свой порт; *Тетис* вышел в 6 час. (20.III) обратно в Свинемюнде, следуя севернее Борнхольма; *Штральзунд* и 17-я полуфлотилия получили приказание следовать за флагманом. Командующему была послана просьба направить остальные силы в Свинемюнде.

Пр. Генрих, по совету своего начальника штаба кап. 1 р. Генриха, выразил неодобрение, что корабли оставили район Мемеля.

«Расписания действий по времени — на войне могут быть лишь ориентировочными. По крайней мере один крейсер должен был остаться в непосредственной близости, на случай, если атака начнется раньше назначенного срока» [1].

По его распоряжению на *Тетис* было послано радио:

«*Пр. Адальберт* с 20-й полуфлотилией выходит сегодня в полдень из Киля экономическим ходом, направляясь к побережью севернее Мемеля. Курс по параллели 56° сев. шир. *Любек* вышел после полудня по тому же пути. Командир *Пр. Адальберта* кап. 1 р. Михельсен назначается руководить совместными действиями с армией, потому что он поставлен в курс последних событий и знает обстановку, изменившуюся за время отсутствия адмирала. Имеет приказание в случае плохой погоды совместно с миноносцами вернуться в Свинемюнде. В этом случае выслать вперед один *Любек* (*Lübeck*). II дивизион тральщиков вышел сегодня до полудня из Киля в Данциг. Должен завтра с рассветом начать от Леба траление тралами-искателями фарватера по безопасному в навигационном отношении курсу, отступив на 2 мили от 10-метрового прибрежного рифа, и получить приказания от контр-адмирала. Следует возможно скорее использовать его на востоке. Какие виды имеете на *Тетис, Штральзунд* и 17-ю полуфлотилию?»

На флагманском корабле считали, что радио пр. Генриха не является ответом на просьбу итти в Свинемюнде, и полагали, что ответ еще будет [2]. Между телеграммами прошло несколько часов, но в эти дни радиосвязь работала необыкновенно медленно, что объясняется обледенением изоляторов и крайним утомлением людей вследствие длительной качки. К.-адм. Беринг уже собирался провести в жизнь полученное приказание, когда новые сообщения от сухопутного командования указали, что наступление отложено до

[1] Из документа командующего морскими силами Балтийского моря от 24 марта.

[2] Радиограмма ошибочно не была отмечена как ответная.

23-го. Тогда Беринг приказал всем подчиненным ему кораблям собраться в Свинемюнде, где думал перенести свой флаг на *Пр. Адальберта*. Ввиду наступившего шторма он дал непосредственное распоряжение II дивизиону тральщиков итти в Свинемюнде. Наконец, он вызвал туда же, принимая это на свою ответственность, *Пр. Адальберта, Любека* и 20-ю полуфлотилию. Пр. Генрих эти приказания не отменил[1].

В полночь с 20-го на 21-е было получено радио от пр. Генриха с приказанием выслать один из кораблей к Борнхольму, где выскочили на камни 2 торговых парохода. Одна из штетинских судовладельческих контор просила помощи пароходу, который она потеряла из виду. Вследствие опасности от подводных лодок посылка крейсера считалась рискованной, и к Борнхольму была выслана 20-я полуфлотилия. Она установила, что о спасении пароходов (один — германский, другой — шведский) в то время нечего было и думать. Команда их была в безопасности.

Тетис в 2 ч. 30 м. отшвартовался в Свинемюнде. К полудню туда же собрались остальные корабли: *Пр. Адальберт* и *Любек;* II дивизион тральщиков и три миноносца IX флотилии вошли в гавань; после обеда пришла 20-я полуфлотилия. *V-27* и *S-31* в ночь с 19-го на 20-е имели легкое столкновение, почему были отпущены в Киль. *Штральзунд* также ушел в Киль.

Поступившие к Берингу за время похода сведения о положении в Мемеле не содержали никаких перемен. Опросы нескольких перебежчиков ничего нового не дали. Радовало только сообщение от морского поста службы наблюдения и связи, что он самостоятельно перебрался на левый берег и расположился в Нерунге, недалеко от Шварцорта (черт. 1). Отсюда можно было заключить, что русские не собираются выходить за пределы города. Сухопутное командование запросило из Тильзита, может ли флот оказать содействие

[1] Принц вполне признал целесообразность проведенных мероприятий, отдавая себе отчет, что операциями нельзя руководить во всех частностях из Кильского замка и что морскому начальнику на борту корабля должна быть предоставлена широкая самостоятельность. Разумеется, донесения к.-адм. Беринга были все же недостаточными.

охвату Мемеля путем высадки десанта у Полангена или Ниммерсатта, на что пр. Генрих ответил отрицательно ввиду отсутствия соответствующего оборудования на кораблях.

21 марта в 11 ч. 30 м. комендант Свинемюнде сообщил, что ген.-фельдм. Гинденбург назначил на следующее утро переброску на театр военных действий с помощью флота двух батальонов, укомплектованных по военному времени. Гр.-адмирал представил веские возражения против такого импровизированного десанта, сопряженного с высадкой у открытого для волнения побережья, в особенности в весеннее время года; но в то же время в соответствии с желанием фельдмаршала отдал приказание к.-адм. Берингу приготовить все необходимое для перевозки указанного десанта и для его высадки. Ночью для приемки десанта в Свинемюнде прибыли 4 крейсера, а госпитальное судно *Шлезвиг (Schleswig)* было вызвано для сопровождения десанта; вопрос об обращении *Шлезвига* в транспорт для перевозки войск отпадал ввиду нейтрального характера его назначения. Пока проводились предварительные мероприятия, к.-адм. Беринг послал в Киль телеграмму, в которой настойчиво предостерегал от производства высадки десанта, а в случае необходимости ее осуществления требовал поддержки линейными кораблями. В военном дневнике он заметил:

«Погрузка и перевозка на крейсерах 2 000 человек с необходимыми запасами снаряжения и продовольствия — очень трудное дело. Крейсера Флота открытого моря пришли без шлюпок[1]. Боеспособность крейсера после погрузки 200—300 человек значительно понизится. Шесть легких крейсеров и один броненосный крейсер не представляют достаточных сил для производства высадки десанта и одновременного прикрытия ее артиллерийским огнем. Высадка в столь большом масштабе, как это намечено, при тех условиях погоды и температуры, которые будут иметь место, при необходимости производства ее у открытого

[1] Шлюпки были оставлены в Вильгельмсгафене, так как во время боя они давали массу осколков и создавали опасность пожара.

побережья, может удасться лишь в исключительном случае».

Операция не была выполнена, потому что в 1 ч. 30 м. от сухопутного командования из Тильзита было получено сообщение:

«Положение изменилось. Противник отступает. Наступление на Мемель начинается сегодня. Желательно скорейшее появление флота и высадка с него десанта в районе Полланген—Ниммерсатт, чтобы отрезать отступление».

В самом спешном порядке вышли в море все крейсера и миноносцы. В 4 ч. 30 м. вышла II разведывательная группа под командой к.-адм. Геббингауза, а к вечеру — III флотилия из Киля. Часть находившихся в Свинемюнде крейсеров и миноносцев вышла в море около 18 час., остальные последовали за ними ночью и ранним утром. Погрузка угля и приемка воды и нефти затянулись ввиду того, что оборудование гавани имело недостаточную пропускную способность. Мазут из-за холодной погоды загустел и требовал предварительного подогревания, выполнявшегося с трудом.

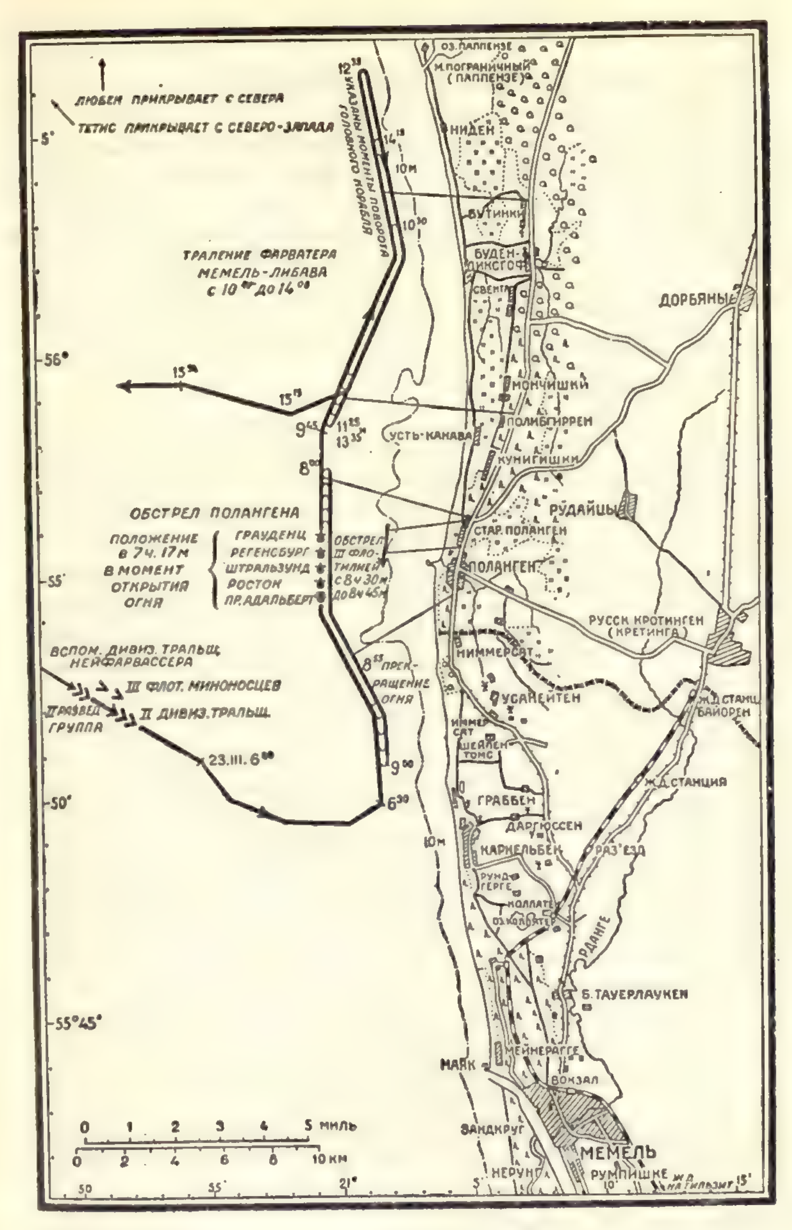
К.-адм. Геббингаузу, как старшему в чине, было поручено командование всей операцией. Когда он со своими крейсерами проходил Фемарн-Бельт, им было получено радио:

«Начало наступления армии на Мемель назначено на послезавтра. До 23-го не показываться в виду побережья, появиться неожиданно с началом операции» [1].

Вследствие этого в большой скорости хода не было необходимости; Геббингауз приказал уменьшить ход до среднего и назначил рандеву на 22-е в полдень, в 25 милях к юго-востоку от Эланда. Телеграмма от тильзитского сухопутного командования о начавшемся наступлении дошла до Киля с 24-часовым опозданием, ввиду чего операция началась на основании неверных данных, сообщенных из штаба главнокомандующего восточным фронтом.

---

[1] Это радио было принято и расшифровано в штабе командования балтийским флотом, которое, не имея возможности выслать корабли из-за тяжелого льда, предупредило сухопутное командование о назначении немцами операции на 23 марта.— *Н. Н.*

Черт. 1. Обстрел русского побережья 23 марта 1915 г.

Между тем попытки морских начальников связаться через береговые радиостанции непосредственно с сухопутным фронтом увенчались, наконец, успехом: в 11 час. (22.III) было получено сообщение, что Мемель освобожден неприятелем ночью и необходима срочная помеха русскому отступлению по дороге Мемель — Либава. Точное место нахождения неприятеля в Тильзите еще не было известно:

> «Русские крепко окопались севернее Мемеля. Атакуйте их после получения указаний. Дальнейшие подробности выясняются воздушной разведкой. В Мемеле — германская кавалерийская дивизия».

Не дожидаясь присоединения остальных кораблей и не обращая внимания на свежую погоду (ветер *W*, 7 баллов), не позволявшую рассчитывать на точную стрельбу, к.-адм. Геббингауз продолжал поход с крейсерами *Грауденц (Graudenz), Регенсбург (Regensburg), Штральзунд* и *Росток;* на последнем держал брейд-вымпел старший начальник соединений миноносцев коммодор Гартог. Геббингауз рассчитывал, что прибрежный фарватер чист от мин, и чувствовал себя, благодаря внезапности операции, до некоторой степени в безопасности от нападений подводных лодок; предупреждению морского генерального штаба, что в море находятся 4 русские подводные лодки, он не очень верил [1]. Он стремился в кратчайший срок оказать содействие армии, ожидавшей помощи флота в течение целого дня, и надеялся притти к берегу до наступления темноты. Он знал, что командующий желал быстрых и решительных действий против неприятеля. Пока крейсера шли 25—26-узловым ходом к берегу, Геббингауз запрашивал через морскую службу связи в Данциге, какие цели надлежит обстрелять. На свой первый запрос он получил ответ через 2½ часа:

> «Русские отступают на север и северо-восток. Обстрел желательно начать сегодня, но не ранее, чем мы сообщим точное положение наших войск на *Грауденц*».

В 19 час. должна была наступить темнота, а в 17 ч. 30 м. корабли должны были оказаться в пределах видимости

---

[1] Подводных лодок в море не было из-за тяжелого льда, не допускавшего их выхода из Финского залива, к тому же они находились в ремонте. — *Н. Н.*

с берега; показаться, не производя обстрела,—значило обнаружить присутствие морских сил и нарушить внезапность нападения. К этому моменту нужно было точно установить — где противник. Несмотря на все старания связаться с тильзитской группой, связь с которой прежде работала почти хорошо, этого достичь не удалось. Только в 18 ч. 40 м. поступило от 6-й кавалерийской дивизии согласие на открытие огня:

«Очень желательно обстрелять Поланген еще сегодня».

В это время корабли уже отходили от побережья курсом W.

По этому заданию нужно было рассчитывать, что придется обстреливать лишь небольшое местечко и дороги к нему, для чего был выделен один броненосный крейсер *Пр. Адальберт*.

Для непосредственного участия в бою на прибрежной полосе достаточно было легкой артиллерии и пулеметов нескольких миноносцев. Участие II разведывательной группы с прибытием морских сил из Свинемюнде теряло смысл. С другой стороны, нужно было скорее кончать упражнения, ради которых II разведывательная группа и флотилии пришли в Киль, потому что командующий флотом ожидал их возвращения в Северное море. Вследствие этого к.-адм. Геббингауз запросил по радио разрешение поручить окончание операции одним морским силам Балтийского моря. Командующий отклонил это предложение впредь до выяснения обстановки. К.-адм. Беринг между тем собрал прибывшие силы и находился с *Пр. Адальбертом, Любеком, Тетисом*, 20-й полуфлотилией (5 миноносцев), III флотилией (11 миноносцев) и остальными кораблями IX флотилии (3 миноносца) в дальнейшем пути. Из Нейфарвассера в 17 час. вышли: вспомогательный дивизион тральщиков (11 кораблей) и II дивизион тральщиков (14 кораблей). Все они должны были встретиться в 5 час. в широте 56° N в 20 милях от берега со II разведывательной группой.

В 2 час. (23.III) к.-адм. Геббингауз получил определенную задачу. Русское Кроттинген было занято вечером, ранее назначенного срока; донесения указывают, что в Полангене крупные русские силы, повидимому, состояли из гарнизона

либавской крепости. С рассветом назначается наступление на Поланген, на флоте лежит задача обстрела с моря. Стрельба не должна вестись в направлении южнее Полангена, с 9 час. также не должна вестись стрельба южнее местечка Старый Поланген. Чтобы отрезать отступление гарнизону Либавы, армия просит держать под обстрелом дорогу Поланген — Либава. Эта дорога не была показана на морских картах и была видна лишь в отдельных местах с моря. Вспомогательные цели при однообразии рельефа побережья почти совершенно отсутствовали. Так как не все корабли были снабжены сухопутными картами генерального штаба, расположение дороги на побережье было разъяснено по радио, применительно к нанесенным на морскую карту селениям и лесу.

Относительно производства обстрела последовали приказания: II разведывательной группе итти на *N* курсах к Полангену, в кильватерной колонне, с расстоянием между кораблями в 6 *гм* (3,3 каб.). *Пр. Адальберту* вступить в кильватер концевому. II дивизиону тральщиков итти в голове колонны, вспомогательному дивизиону тральщиков Нейфарвассера итти в хвосте; протраленный фарватер обставлять буями. Полуфлотилиям миноносцев образовать противолодочную завесу мористее линии строя, севернее и южнее от нее. *Любеку* быть в дозоре севернее, а *Тетису* северо-западнее отряда, в расстоянии 10 миль. Предполагается ходить малыми ходами между Полангеном и Будендиксгофом, туда и обратно.

Около 6 ч. 30 м. отряд приблизился к побережью на расстояние 30 *гм* (16,4 каб.). Погода стала хорошей, ветер спал, оставалась легкая дымка на горизонте. II дивизион тральщиков поставил тралы. За тралами малым ходом шли крейсера по курсу, близкому к *N*. В 7 час. с флагманского корабля последовал сигнал:

> «Приготовиться к обстрелу Полангена. Беречь большую церковь. Экономично расходовать боезапасы. Первые три корабля обстреливают город левее мельницы».

В это время впереди были затралены мины. Отряд был вынужден застопорить машины и приготовиться к постановке на якорь.

Но ввиду тихой погоды корабли — пока тральщики повторяли галс — начали обстрел, удерживая свои места переменными ходами машин. Солнце восходило как-раз за целью; несмотря на это, вскоре были достигнуты попадания, однако, разрушения были очень незначительны; только тяжелая артиллерия *Пр. Адальберта* вызвала несколько пожаров. Людей не было видно. В то же время III флотилии было приказано обстрелять береговые цели. Обстрел продолжался с перерывами с 7 ч. 17 м. до 8 ч. 55 м., с расстояний от 40 *гм* (21,9 каб.) до 70 *гм* (38,3 каб.). За время обстрела было израсходовано: 70—21-*см* гранат, 170—15-*см* фугасных снарядов и около 1 200 мелких снарядов, из которых часть шрапнель. В 8 час. поворотом «все вдруг» легли на обратный курс. Когда тральщики донесли, что фарватер чист от мин, флагман вторым поворотом «все вдруг» лег на прежний курс для выполнения второй задачи.

На шоссе, которое частично было видно с мостиков, марсов и других высоких наблюдательных пунктов, были замечены передвижения малых одиночных отрядов и небольшого количества одиночных упряжек по направлению к Либаве. В заключение в 10 ч. 40 м. флагман разрешил обстрелять дорогу севернее Полангена редкими выстрелами. Время от времени один из крейсеров стрелял по этой цели. Дальномерный офицер *Пр. Адальберта* заметил на опушке леса несколько бо́льшее скопление войск артиллерии и кавалерии. Люди были плохо видны на фоне леса, не было заметно ни малейшего движения; противник, благодаря защитному цвету одежды, был почти незаметен. По данным дальномерщика были наведены орудия и открыт огонь. Результат получился моментально: с падением первых залпов началось общее бегство; можно было сосчитать от 1 500 до 2 000 человек, бежавших врассыпную.

Прежде чем результаты смогли быть использованы, с *Грауденца* было приказано прекратить огонь: к.-адм. Геббингауз опасался, что имеет дело с собственными войсками; хотя обстрелянное место и было расположено значительно севернее запрещенной для обстрела зоны, но он считал исключенной возможность нахождения такого сильного русского отряда, после обстрела Полангена, — на виду, близко к берегу.

Около полудня флагман получил следующие известия, подтверждавшие, что германские войска наступают быстрее, чем это ожидалось:

В 11 ч. 39 м.:

«Просим больше не стрелять».

В 12 ч. 11 м.:

«Свои кавалерийские части из русского Кроттингена идут через Рудайцы к Полангену. Насколько продвинулись, еще неизвестно. Пехота наступает от русского Кроттингена прямо на Поланген. Насколько далеко продвинулись, еще неизвестно. По получении донесений последует сообщение. Прекратить стрельбу ввиду опасности для собственных войск».

В 12 ч. 58 м.:

«Флоту не обстреливать пространства в 12 *км* к северу от Старого Полангена. К северу от этого пространства подвергнуть длительному обстрелу дорогу».

В 13 ч. 34 м.:

«Прекратить обстрел дороги к северу от Полангена до Будендиксгофа. Немедленно обстрелять северные и южные подходы к последнему».

Когда через полчаса корабли подошли к этому месту и открыли огонь, чуть было не произошло большого несчастья. Флагманский миноносец III флотилии *S-167* установил связь с германским кавалерийским патрулем и успел своевременно передать по радио «не стрелять». Кап. 2 р. Гольман спустил шлюпку и отправил ее на берег, где узнали от начальника патруля, что неприятельских войск на побережье вообще не было видно, кораблями же была обстреляна своя кавалерия [1].

Дальнейший обстрел был прекращен, несмотря на то, что последние сообщения были несомненно правильными: требования об обстреле передавались из Мемеля, от штаба 6-й кавалерийской дивизии, с которым незадолго до этого была установлена непосредственная связь через радиостанцию

[1] Четыре человека были тяжело и два легко ранены. Тотчас же назначенным расследованием причин, приведших к печальному заблуждению, не было обнаружено никакой вины морских и сухопутных сил.

миноносца *(S-32),* вошедшего в гавань; однако, флагман решил более детально договориться с сухопутным командованием в Тильзите.

К.-адм. Геббингауз донес после полудня в Киль о ходе операции. Он запросил еще раз разрешения вернуть в Киль часть морских сил Северного моря, в случае если продолжение совместных действий с армией было под сомнением. Командующий теперь согласился и поручил продолжение операции к.-адм. Берингу; II разведывательная группа и III флотилия были отпущены.

Утром 24 марта *Пр. Адальберт* снова подошел к Буденриксгофу под проводкой II дивизиона тральщиков и под охраной 20-й полуфлотилии от атак подводных лодок. Оба легких крейсера флагман выслал вперед до широты Либавы. Особые задания на наступивший день им еще не были получены. В 7 час. им было получено сообщение от пр. Генриха, основанное на телеграфных переговорах с главнокомандующим восточным фронтом, что операции против Мемеля окончены. Гинденбург просил держать в Мемеле несколько крейсеров и миноносцев на случай повторного нападения. Гр.-адмирал согласился на эту просьбу, почему к.-адм. Беринг приказал войти в реку и встать на якорь легким крейсерам *Любек* и *Тетис.* В их распоряжение были переданы три миноносца IX флотилии, до возвращения посланных в Данциг грузиться углем двух миноносцев 20-й полуфлотилии, после прихода которых те были отпущены в Киль. Дивизионам тральщиков было приказано протралить фарватер к Мемелю и оттуда до Нейфарвассера. Так как осадка *Пр. Адальберта* не позволяла ему войти в Мемель, то он под охраной остальной части 20-й полуфлотилии пошел в Свинемюнде.

Тяжелая участь пограничного германского порта на северо-востоке вынудила в продолжение восьми дней держать морские силы Балтийского моря и часть Флота открытого моря в полной боевой готовности. Все принимавшие участие в этой операции, начиная от главной квартиры и до последнего тральщика, старались по мере сил и возможности оказать содействие в деле освобождения города Мемеля. Если кораблям, несмотря на это желание, не удалось нанести противнику серьезного вреда, то это произошло лишь

из-за неблагоприятно сложившихся обстоятельств, которые несколько раз опрокидывали все предполагавшиеся к проведению в жизнь мероприятия. Совершенно неожиданному нападению русских флот не мог моментально противопоставить достаточного сопротивления, так же как и армия. Когда же силы были собраны, прежде чем наступил назначенный для контрудара день, неприятель поспешно очистил город. Между тем трудности, выраставшие перед армией при организации сопротивления на новом участке фронта, вылились в требования, оказавшиеся преувеличенными и повлиявшие на деятельность флота.

Что касается медлительности, взаимного непонимания и заблуждений, то они незначительно отозвались на ходе операции. Было бы целесообразнее, если бы начальник морского генерального штаба выслал линейный корабль; но и в этом случае очень сомнительно, чтобы он успел притти во-время для участия в отражении русского наступления на город. Обстоятельства показали, что пр. Генрих был прав, не одобряя возвращения Беринга 20 марта и послав на восток в качестве замены другие корабли. К сожалению, одно и то же сообщение (атаковать 23.III), подкрепившее Беринга в его решении итти в Свинемюнде, через сутки задержало и поход к.-адм. Геббингауза. Некоторые известия, сообщения и уведомления во время этих критических часов не всегда были достаточно ясными и обстоятельными. Связь с армией как в тылу, так и на фронте между сражавшимися частями и кораблями не соответствовала предъявлявшимся к ней требованиям; в особенности чувствовалось отсутствие опознавательных сигналов. Количество участвовавших командных инстанций было чересчур велико. «Опыт операции не должен пропасть неиспользованным» записал в военном дневнике пр. Генрих. С использованием этого опыта впоследствии и строились совместные действия армии и флота.

Между тем подошла очередь выполнения операции против морской торговли противника в районе Аландских островов. *Страсбург* под командой кап. 1 р. Ретцман и 18-я полуфлотилия (4 миноносца) под начальством кап.-лейт. Вернера Тилессен вышли 19 марта из Киля, но, попав в *Ost*-овый шторм, следовать по назначению не смогли.

У Гиедзер-рифа миноносцы потерпели аварии: кочегарки залило водой, особенно ценное для этого похода топливо было сильно перерасходовано против предполагавшихся норм. Командир *Страсбурга* принужден был вернуться обратно.

21 марта отряд снова вышел в море и, согласно плану, на следующий день с рассветом вошел в проход между Эландом и Готландом (черт. 2). Чтобы затруднить свое опознание, отряд держался посредине между островами, но целый ряд пароходов пересек ему курс, и начался подозрительно оживленный обмен сигналами между шведскими судами и береговыми радиостанциями. В 22 час. (22.III) *Страсбург* лег на курс к Аландским островам. Полуфлотилия шла ему в кильватер, после того как в светлое время дня она несла вокруг крейсера противолодочную охрану. Один из миноносцев донес, что заметил клубы дыма, в то же время в радиорубке была принята работа английской и двух русских судовых радиостанций. Если не было оснований ожидать встречи с крупными кораблями, то переговоры могли вестись между миноносцами, некоторое число которых зимовало почти наверное на незамерзающих шхерных рейдах и потому было готово к выходу.

Короткий крейсерский набег в назначенном направлении был бы безрезультатным. От 1 до 4 час. *Страсбург* крейсеровал с двумя миноносцами к востоку от Седерарма, другая пара миноносцев — к северу от последнего, ввиду чего были под наблюдением оба входа в Стокгольм. Ни одного корабля не видели: либо сообщение о том, что корабли пересекают район Аландских островов только в ночное время — было неверным, либо неприятель был предупрежден.

С началом рассвета отряд лег на обратный курс. Дальнейшее промедление было бесцельным, кроме того, нужно было опасаться появления подводных лодок. 18-я полуфлотилия была выслана к Богшеру, чтобы проверить, восстановлен ли неприятелем снятый в сентябре наблюдательный пост. После того как по маяку было дано несколько выстрелов, на нем не заметили никакого движения, почему сочли, что поста на нем не было.

Во время уклонения отряда от большого ледяного поля на высоте Хуввудшера слева по носу были обнаружены облака дыма. Из наблюдательного пункта на мачте вскоре

были обнаружены под дымом два корабля с решетчатыми мачтами и два с обыкновенными; один из последних казался с несколькими трубами и как будто бы делал сигналы прожектором. Корабли шли большим ходом на переменных курсах. Так как в шведском флоте кораблей с решетчатыми мачтами не было, то офицеры-наблюдатели пришли к заключению, что видны два новых русских линейных корабля и два крейсера типа *Богатырь.* Когда к тому же было доложено из радиорубки, что две русских радиостанции мешают радиообмену, все пришли к убеждению, что видят неприятеля, выслеживающего германского нарушителя торгового мореплавания. Если бы у миноносцев оставалось больше угля, можно было бы рискнуть выяснить силы и намерения противника; но так как этого не было, то *Страсбург* повернул к востоку от Готланда и направился в Киль, куда и прибыл 24 марта. У Борнхольма миноносцы были отпущены в Свинемюнде для пополнения запасов угля и нефти.

Известие о появлении крупных кораблей противника не имело плохих последствий. К.-адм. Геббингауз продолжал без помехи операции у Мемеля, не выслав ни разу дозора к Готланду. Коль скоро противник здесь появится, намечено произвести на него немедленно решительную торпедную атаку всеми крейсерами и миноносцами. Выслать в атаку одну флотилию не позволял угольный запас миноносцев. Гр.-адм. пр. Генрих из-за ошибки при передаче телеграммы получил эти известия лишь после возвращения *Страсбурга,* но сильно сомневался в правильности наблюдений. Он очень сожалел, что крейсер не подошел ближе для действительного опознания кораблей. Когда шведские газеты и сведения из Стокгольма в течение следующих дней не подтвердили ничем наблюдений отряда, гр.-адмирал убедился, что произошла ошибка. В действительности русский Балтийский флот начал выходить лишь в конце апреля. То, что наблюдал *Страсбург,* было пароходами, вид мачт которых был искажен нередко наблюдающейся в Балтийском море рефракцией.

Проведенные операции выявили трудности, сопряженные с временным использованием кораблей и соединений Северного моря: они были приучены к осторожности и к стрем-

Черт. 2. Поход *Страсбурга* к Аландским островам 22—23 марта 1915 г.

лению держаться дальше от английского флота; корабли же, плававшие в Балтийском море, всегда наступали, вводя русских в заблуждение относительно своей слабости. Флагманы и командиры соединений и кораблей другого моря не были ознакомлены со всеми основными и вспомогательными задачами балтийского театра военных действий в такой степени, в какой для гр.-адмирала было привычно видеть это в своих подчиненных. До известной степени это могло быть выровнено путем привлечения в качестве подкрепления одних и тех же единиц. Последнее, однако, встречало ряд технических трудностей и часто шло вразрез с интересами Флота открытого моря, который стремился путем временного использования своих кораблей в Балтийском море дать возможно большему количеству офицеров и команды разнообразие в несении службы и вызвать этим улучшение морального состояния. Адм. Поль предлагал вместо операции *Страсбурга* провести соединенными силами Флота открытого моря большое выступление в русские воды. Он, однако, не получил на это согласия от начальника морского генерального штаба.

Глава II

ПЛАН ОПЕРАЦИЙ И НОВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОРСКИХ СИЛ

В конце марта гр.-адмирал пр. Генрих представил на усмотрение кайзера в виде памятной записки свои соображения о том, каким образом морские силы Балтийского моря должны будут в предстоящем периоде военных действий выполнять поставленные перед ними задачи. Так как записка дает хороший обзор положения на театре, каким оно представлялось весной 1915 г. германскому командованию, то здесь приведено ее точное содержание. Сокращения сделаны лишь там, где речь идет о частностях, упоминаемых в других местах.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА КОМАНДУЮЩЕГО МОРСКИМИ СИЛАМИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

от 25 марта 1915 г.

I. Суждение о противнике

а) Его готовность

Линейные корабли: *Слава, Цесаревич, Император Павел I, Андрей Первозванный* — без перемен с осени 1914 г.; 4 новых *Гангута,* по мнению морского атташе (в Стокгольме), не будут в боевой готовности в течение предстоящего лета[1].

---

[1] Линейные корабли (дредноуты), пройдя основные испытания в Кронштадте, направлялись в Гельсингфорс и вступили в строй в следующие сроки: *Севастополь* — 22 ноября 1914 г., *Полтава* — 22 декабря 1914 г., *Петропавловск* — 3 января 1915 г. и *Гангут* — 5 января 1915 г. — *Н. Н.*

Броненосные крейсера: *Рюрик, Адмирал Макаров* и *Баян*—без перемен с осени 1914 г.; *Громобой* и *Россия* едва ли могут считаться пригодными для активных операций.

Легкие крейсера: *Диана, Аврора, Олег* и *Богатырь.* Только два последних, вследствие их скорости хода (свыше 20 узлов), могут иметь значение.

Минные заградители: *Амур* и *Енисей* исправны и в готовности; в таком же состоянии нужно считать и *Волгу.*

б) Заключение о поведении противника в предшествовавший период

В минных постановках и, насколько можно судить, также в смысле выступлений подводных лодок, русские в течение зимнего периода проявили усиливавшуюся деятельность. Ввиду того, что эти операции имели ощутительные результаты, противник будет делать попытки продолжать их в увеличенном масштабе. Протяженность заграждений и большое количество поставленных мин заставляют думать, что часть из них была поставлена с названных выше заградителей. Заграждения, за исключением двух — у банки Штольпе и у Арконы — поставлены в значительном расстоянии от нашего побережья [1, 2].

Судя по всему, русские подводные лодки оперируют в пределах до Борнхольма, возможно даже до Зунда. Нужно ожидать операций подводных лодок против морской торговли, может быть они уже начались. В Либаве, повидимому, развернут опорный пункт для подводных лодок.

Русские миноносцы были замечены в прибрежном водном районе между Хелой и Мемелем.

---

[1] Неприятельские заграждения, бывшие известными до тех пор, показаны на карте 1. Там же приведена сводка всех предпринятых неприятелем в течение зимы 1914/15 г. заградительных операций.

[2] См. приложение 5 — таблицу русских минных заграждений, поставленных в 1914—1915 гг. у германских берегов. Там же указаны и корабли, ставившие заграждения. — *Н. Н.*

в) Поддержка противника Англией

Можно считать почти наверное, что в Балтийском море есть еще только одна лодка типа «*Е*»[1] и 2—3 лодки типа «*Д*». Если они базируются на Либаву, то Балтийское море до Кильской бухты нужно считать в районе их действия.

Нужно рассчитывать на возможность выступления легких английских крейсеров через Зунд. Особенно соблазнительным для них предприятием нужно считать обстрел Варнемюнде и уничтожение кораблей охраны Зунда, как операций, вполне выполнимых в течение светлого времени одних суток.

Прорыв через Большой и Малый Бельты едва ли может быть проведен неожиданно и связан с большим риском. Его во всех случаях легко фланкировать из Киля. Вероятность такого прорыва незначительна до тех пор, пока в Северном море не произойдет крупного морского сражения.

В целом нужно считать, что русские предпримут операцию с участием линейных кораблей против германского побережья лишь в том случае, если она стратегически будет связана с английскими намерениями. Поэтому или выделяемые в этом случае для действия против русского флота силы должны быть сами по себе достаточно мощными, или же нужно держать наготове в Киле сильную поддержку.

II. Наши цели

Оперативный приказ от 1 августа[2] остается без изменений: это означает, что нужно стараться малыми силами, при помощи решения малых задач активного характера, препятствовать намерениям русских вести наступательные действия. Русские должны будут ускорить

---

[1] Все английские подводные лодки, отправленные в Балтийское море, были типа «*Е*».— *Н. Н.*

[2] Подразумевается оперативный приказ морским силам Балтийского моря от 30 июля 1914 г., указывавший главной задачей «мешать насколько возможно активным действиям русских». См. «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, стр. 29) (Фирле, Война на Балтийском море, том I).

всестороннее обучение своих новых линейных кораблей, чему будут благоприятствовать условия хорошо оборудованного средствами связи района между Ревелем, Гельсингфорсом и Кронштадтом. Этот учебный плацдарм будет защищен минными полями, подводными лодками и выдвинутыми вперед легкими силами, опирающимися на передовые базы в Лапвике, Гангэ, на Аландских островах и в Моонзунде. Против этих легких сил противника могут иметь превосходство в случае столкновения наши крейсера и миноносцы. На наши подводные лодки будут ложиться задачи поисков в районах учебно-боевой подготовки, расположенных далее в глубь Финского залива. Таким образом, задачей для крейсеров, миноносцев и подводных лодок является наблюдение за русскими водами и терпеливое ожидание благоприятных условий для нападения на неприятельские силы.

Хотя нам все-таки не удастся помешать выходам неприятельских подводных лодок и минных заградителей из Финского залива для активных операций, так же как и у Либавы, но в то же время мы обязаны в наибольшей степени затруднить им означенные операции. Вследствие этого крайне желательно иметь в течение наиболее продолжительного времени дозор также еще восточнее Борнхольма.

Отсюда явствует основная идея нашей задачи: стремиться выдвинуть крейсера и миноносцы возможно дальше к противнику, вплоть до Финского залива, чтобы иметь своевременные донесения об угрожающих нам передвижениях неприятельских главных сил. Необходимость в дальней разведке будет особенно настоятельна потому, что опорный пункт в Данциге для крупных кораблей будет оборудован лишь к середине лета и для линейных кораблей только типа *Дейтшланд (Deutschland)*. Из этих же соображений наблюдение за Финским заливом должно быть сколько возможно постояннее.

Кроме того, встает в качестве целей ряд минных постановок (активных и оборонительных) и ряд мероприятий по обеспечению собственного растянутого побережья (Свинемюнде — Мемель, 320 миль). К последним относится обнаружение заграждений разведывательным тралени-

ем и их уничтожение, а также мероприятия по затруднению операций неприятельских заградителей и подводных лодок.

III. Расчет необходимых сил

а) Западная часть Балтийского моря

Морские силы достаточны для сторожевой и разведывательной службы, но слишком слабы для отражения прорыва даже легких сил.

б) Восточная часть Балтийского моря

Имеются в распоряжении: 1 броненосный крейсер, 2 легких крейсера, 6 миноносцев, 1 дивизион тральщиков, 2 вспомогательных дивизиона тральщиков и 4 сторожевых корабля. Этих сил совершенно недостаточно с тех пор, как неприятель начал развивать оживленную деятельность путем выполнения заградительных операций и выступлений подводных лодок. Даже при почти полной пассивности русских использование этих кораблей было чрезмерным, что видно из прилагаемой таблицы (см. стр. 60).

Для разрешения задач на Балтийском море необходимо иметь не менее следующего числа кораблей.

а) Корабли (крейсера).

Для дальних операций в Финском заливе по своей скорости годится только *Аугсбург*. Надобность в длительном наблюдении за Финским заливом уже обоснована. Ввиду того, что в наличии не имеется второго легкого крейсера с такой же скоростью, у смены *Аугсбурга* вооружение должно восполнять недостаточность скорости. Для этого могут быть использованы *Пр. Адальберт, Любек* и *Тетис*. Против *Рюрика, Адмирала Макарова* и *Баяна*, даже не считая *Олега* и *Богатыря*, сил недостаточно. Мы должны во что бы то ни стало избегать неблагоприятных результатов в открытом бою с русскими кораблями: для этого не остается ничего другого, как подкрепление имеющейся крейсерской группы. С присоединением *Роона (Roon)* и *Принца Генриха (Prinz Heinrich)* соотношение сил (бортового залпа) крейсеров с силами русских крейсеров представлялось бы следующим:

Роон	2—24 *см*	*Рюрик*[1]	4—25,4 *см* (10″)
Пр. Адальберт .	8—21 *см*	*Адм. Макаров* .	8—20,3 *см* (8″)
Пр. Генрих. . .	15—15 *см*	*Баян*	20—15,2 *см* (6″)[2]
Любек	10—10,5 *см*	*Олег*	10—12 *см* (120 *мм*)
Тетис	меньшая скорость	*Богатырь* . . .	преимущество в скорости

Таблица использования кораблей морских сил Балтийского моря с начала войны до 31 января 1915 г. (184 дня)

	Корабли	Число дней в море[3]	Количество оборотов машин	Пройденное расстояние в милях	Расход угля в *т*
	Пр. Адальберт	106	2 910 569	8 686	9 804
	Аугсбург	106	21 430 034	21 867	11 683
	Любек	75	19 099 210	12 818	5 895
	Тетис	79	4 987 233	11 083	4 882
	Амозоне	108	7 690 523	16 902	6 101
	Ундине	92	5 448 001	12 107	5 380
	Газеле	84	6 488 279	14 746	5 322
Миноносцы					
IV флотилия	*Т-113*	99	7 586 298	11 239	2 162
	S-120 . . .	104	8 466 262	14 124	1 714
	S-121 . . .	106	7 669 840	12 783	2 171
	S-122	54	2 634 420	4 391	1 145
	S-123	87	6 595 065	10 992	1 615
	S-126	119	8 742 510	14 571	2 098
	S-128	125	7 946 225	13 244	2 116
	S 129	112	8 217 340	13 696	1 877
	S-130	108	8 054 200	13 424	1 890
	S-131	88	6 178 625	10 298	1 784
	Кармен	89	9 274 756	11 593	693
20-я полуфлотилия	*G-132*[4]	66	6 067 787	10 113	1 439
	G-133[4] . . .	62	5 926 725	9 878	1 552
	G-134 . . .	94	7 613 395	12 689	2 583
	G-135[4] . .	58	5 648 200	9 414	1 628
	G-136[4]	46	5 733 730	9 566	1 576

[1] Данные о русских крейсерах неверны — см. стр. 247—248 и приложение 3. — *Н. Н.*

[2] В подлиннике неправильно указано 15 *см*, что соответствует калибру 5,9″, тогда как в действительности должно быть 6″ (15,2 *см*). — *Прим. ред.*

[3] Более 3 часов в сутки в море.

[4] Вступили с середины сентября 1914 г.

При этом сравнении мы должны учитывать в нашу пользу с несомненным на это правом лучшую выучку наших кораблей и опасения неприятеля, что за ними может быть мощная поддержка.

б) Миноносцы.

1. Для участия в активных операциях. Кораблям, посылаемым в Финский залив, должны придаваться миноносцы для увеличения боевой силы, для охраны от подводных лодок и для защиты от мин. Для таких заданий в данное время пригодны лишь 6 из имеющихся. Число миноносцев должно быть увеличено до 13.

2. Для службы охраны собственного побережья. Для сторожевой службы к востоку от Арконы в данный момент миноносцев нет. Полное обнажение побережья куплено дорогой ценой потери нескольких пароходов и паники в кругах судовладельцев. Здесь нужна по крайней мере одна флотилия. Очень желательны, кроме того, были бы подводные лодки типа «UB», поскольку они не используются у берегов Фландрии [1].

IV. Предложения об организации морских сил и командования

Для восточной части Балтийского моря будет сформирован отряд разведывательных сил, выделенный в самостоятельную единицу, наряду с отрядом охраны побережья, находящимся в западной части моря. В дополнение к Свинемюнде необходимо организовать базу в Нейфарвассере [2].

V. Подводные лодки

С возвращением *U-25* и *U-26* в состав Флота открытого моря подводных лодок для активных операций не имеется. *U-3, U-4* и *UA* могут быть использованы лишь

[1] Подводные лодки типа «UB» — малого тоннажа, построенные преимущественно для действий вблизи берегов. Из 17 первых построенных лодок этого типа (125 *т*) 9 были предназначены для Фландрии.

[2] Дальше следует перечисление кораблей, выделявшихся в состав нового соединения, и предложение о замещении должностей.

в ограниченных пределах. Я считаю совершенно необходимым, как только состояние льда в Финском заливе допустит действия подводных лодок, иметь для использования по меньшей мере три подводных лодки для активных операций. Если бы удалось потопить в русском учебном районе в Финском заливе один линейный корабль противника, германское побережье было бы избавлено от возможности нападения русских главных сил.

VI. Общие выводы

К морским силам теперь же нужно добавить:

Броненосные крейсера *Роон* и *Пр. Генрих*[1];

4 миноносца[2];

1 флотилию для охраны побережья и для сторожевой службы к востоку от Арконы;

3 подводных лодки, как только ледовые условия в Финском заливе позволят проведение активных операций;

6 подводных лодок типа «UB».

В сопроводительном отношении к этой памятной записке, адресованном на имя начальника морского генерального штаба, отдельные положения были особенно подчеркнуты и настоятельность предлагаемых мероприятий всесторонне обоснована. Через 14 дней командующий лично докладывал свою записку во время вызова в главную квартиру. Передача *Роона* и *Пр. Генриха* в морские силы Балтийского моря не встретила возражений ни со стороны начальника морского генерального штаба, ни со стороны командующего Флотом открытого моря, так как они оба, в противоположность заместителю начальника морского генерального штаба, не считали эти устаревшие и тихоходные крейсера имевшими большую ценность для состава Флота открытого моря. Достройка остальных миноносцев 20-й полуфлотилии позволяла развернуть ее во флотилию. Передача целой флотилии для службы в средней части Балтийского моря не могла быть осуществлена ввиду недостатка мино-

[1] Последние крейсера своего типа, еще служившие в качестве III разведывательной группы Флота открытого моря.

[2] Три остальных должны были быть использованы в западной части Балтийского моря.

носцев в составе Флота открытого моря. Из числа подводных лодок типа «UB» была надежда получить несколько штук, зато крупные подводные лодки «U» использовались все в начатой войне против торговли. Но все же командующему морскими силами было обещано предоставление одной большой подводной лодки для проведения дальней операции. В заключение кайзером были одобрены предложенные организационные мероприятия, и, таким образом, гр.-адмирал достиг почти всех своих целей.

Не так удачно был решен другой вопрос, который пр. Генрих принимал очень близко к сердцу. В сопроводительном отношении к памятной записке он вновь выдвинул прежний план операции против Либавы[1]; обстоятельно было изложено, почему обстрелы ее военных сооружений для основательного разрушения их и заблокирование входов в гавань до сих пор не имели успеха. Выполнение этих планов было дважды запрещено высшим командованием — в ноябре и в марте, — так как ожидавшиеся результаты не оправдывали затрат. Пр. Генрих пытался поколебать это мнение.

«Несомненно, что Либава иногда служила и, вероятно, служит и в данное время базой для подводных лодок; не исключается вероятность, что часть минных постановок была произведена оттуда. Оборудование порта до сих пор не потеряло своего военного значения. Работа единственной в России фабрики колючей проволоки была прервана за время войны лишь на короткий срок в ноябре. Подтверждением того, что русские сами считали крепость имеющей значение, служит сооружение новых батарей и возвращение в нее гарнизона. Предпринятое в ноябре заблокирование входов было действительным лишь на короткий срок: русским удалось настолько сдвинуть затопленные в проходах груженные углем пароходы, что вход вновь стал возможным. Окончательное заблокирование судами, груженными цементом, соединенное с сильной бомбардировкой, настоятельно необходимо. В случае, если, по мнению верховного командования, бом-

---

[1] «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, 2-е издание. стр, 227, 235.

бардировка линейными кораблями будет стоить слишком дорого, я предлагаю провести ее тремя броненосными крейсерами».

Морской генеральный штаб придерживался мнения, что даже при применении значительных средств невозможно привести оборудование порта в такое состояние, чтобы им совершенно не могли пользоваться подводные лодки и миноносцы. Русские сами разрушили мастерские и доки еще в начале войны. Военные постройки разбросаны на большом пространстве, вследствие чего обстрел потребует бóльшего количества боевого запаса, чем это допустимо при имеющих место трудностях пополнения запасов. Полное заграждение трех выходов очень трудно осуществимо, при этом трудно провести операцию без потерь на минах и от атак подводных лодок. Кроме того, кайзер уже ранее выражал свое мнение, что Либаву, как почти чисто немецкий город, нужно по возможности щадить, а потому ее бомбардировка может быть предпринята лишь в случае самой настоятельной необходимости. Адм. Бахман еще раз рассмотрел план пр. Генриха ввиду того, что случайно в эти дни поступили сведения из опроса пленного и от воздушной разведки, оказавшиеся впоследствии ложными, которые давали основание вновь считать Либаву базой подводных лодок [1]. Адмирал полагал, что основательное разрушение Либавы возможно только с помощью высадки десанта, для чего нужны не только пехота, артиллерия и инженерные войска, но и значительный транспортный флот; к такой операции, однако, не все было готово, хотя армия очень интересовалась высадкой десанта. Поэтому, когда во время мемельской операции вновь всплыл план переброски двух батальонов в Курляндию, морской генеральный штаб тотчас о нем запросил. Ген. Фалькенхайн ответил, что десантная операция против Либавы его планами пока не предусматривается [2]. Вследствие этого начальник морского генерального

[1] После оставления Либавы как базы флота на нее базировалась короткое время только одна подводная лодка *Крокодил*. — *Н. Н.*

[2] Верховное командование сообщало, что все время нужно быть готовым к морской перевозке войск, и просило приготовить пароходы и средства высадки из расчета на смешанную

штаба отменил операцию против Либавы. Достойно внимания, что ни в одном из обсуждений не нашли себе места мысли, что Либавский порт сможет быть использован для надобностей собственных морских сил.

Фронт ставил своей первоочередной задачей обеспечение Мемеля. *Любек* и *Тетис* были на случай повторения русского наступления в готовности обстреливать дороги прямой наводкой; управление огнем должно было быть облегчено береговыми наблюдателями и самолетами. Главным же образом присутствие кораблей служило моральной поддержкой войскам и жителям. Для лучшего противодействия нападению русских броненосных крейсеров командир *Любека* кап. 2 р. Хальм просил перевести одну из подводных лодок в Мемель. Лодка пришла в середине апреля. Пр. Генрих решил перевести в Мемель в качестве пловучих батарей 2 старых линейных корабля или броненосца береговой обороны с крупной артиллерией.

Вопрос об охране порта доставил много забот: в начале апреля, когда *Тетис* с миноносцами были отозваны на запад, в Мемеле остались только рыбачьи суда вспомогательного дивизиона тральщиков Нейфарвассера; командир *Любека* вследствие этого вызвал из Данцига авиаматку *Глиндёр*[1]. Его надежды на воздушное оружие не были обмануты. Даже при температуре в несколько градусов ниже нуля подъем и спуск самолетов, а также взлеты и посадки на воду проходили совершенно гладко; несмотря на облач-

---

бригаду в составе 6 батальонов, 1 эскадрона, 3 батарей и 1 инженерной роты. Подготовительные действия в этом направлении велись, начиная с осени, при дружном взаимодействии морского ведомства, инженерных войск и портов. В Гамбурге производилось оборудование 7 захваченных пароходов под перевозку войск и в мае они были уже переведены в Данциг.

[1] Авиаматка *Глиндёр* (*Glyndwr*) — тихоходный английский угольный пароход, 2 400 *т*, вооружение: 2—5,2-*см* и 4—3,7-*см* автоматических пушки — поднимала 4 морских самолета, не имела ангаров. В течение зимы использовалась для обучения летчиков-наблюдателей для проб и для поисков подводных лодок в Данцигском заливе. Использование этого корабля в боевой обстановке, как, например, участие в мемельской операции, командующим морскими силами отклонялось, чтобы дать время этому новому виду пловучей базы авиации выявить свои качества.

ность и снежные метели, летчики поднимались на значительную высоту и оставались по нескольку часов в воздухе. Регулярно с рассветом один из самолетов вылетал в разведку по направлению на северо-запад, а на обратном пути вел наблюдение за передвижением неприятельских войск вдоль береговой черты. Один из гидросамолетов, несмотря на сильный огонь неприятеля и невозможность посадки в случае повреждений или порчи мотора, проник на 40 *км* в глубь материка и доставил важные сведения о положении в глубине страны. Почти каждый день над Либавой производились полеты с целью установить, отстроены ли после ноября укрепления и используется ли вновь гавань. Разрушения в военной гавани были без изменения; военных было замечено очень мало; каждый раз несколько орудий открывали огонь. Входы в гавань были недоступны для судов средней величины, аванпорт был покрыт льдом.

При первом полете 28 марта в 6 час. самолет *51* заметил вблизи южного входа у мола подводную лодку, на которую и сбросил 10 бомб. Результатов установить не удалось, так как цель была видна лишь временами через окна в облачном покрове. Вслед за этим *Любек* с миноносцами вышли в полдень в море для уничтожения подводной лодки (черт. 3). *G-135* и *G-134* зашли с севера, чтобы видеть лодку еще при подходе. Крейсер зашел с юго-запада с расчетом отвлечь на себя внимание береговых батарей. Когда миноносцы находились поблизости от северного входа, по ним был открыт огонь из мелкокалиберных орудий; они ответили несколькими выстрелами по укрытой под деревьями батарее. Затем они прошли малым ходом вдоль стенок мола на *S*-м курсе. При ясной морозной погоде внутренняя гавань была отлично видна; место, на котором с самолета видели подводную лодку, было пусто.

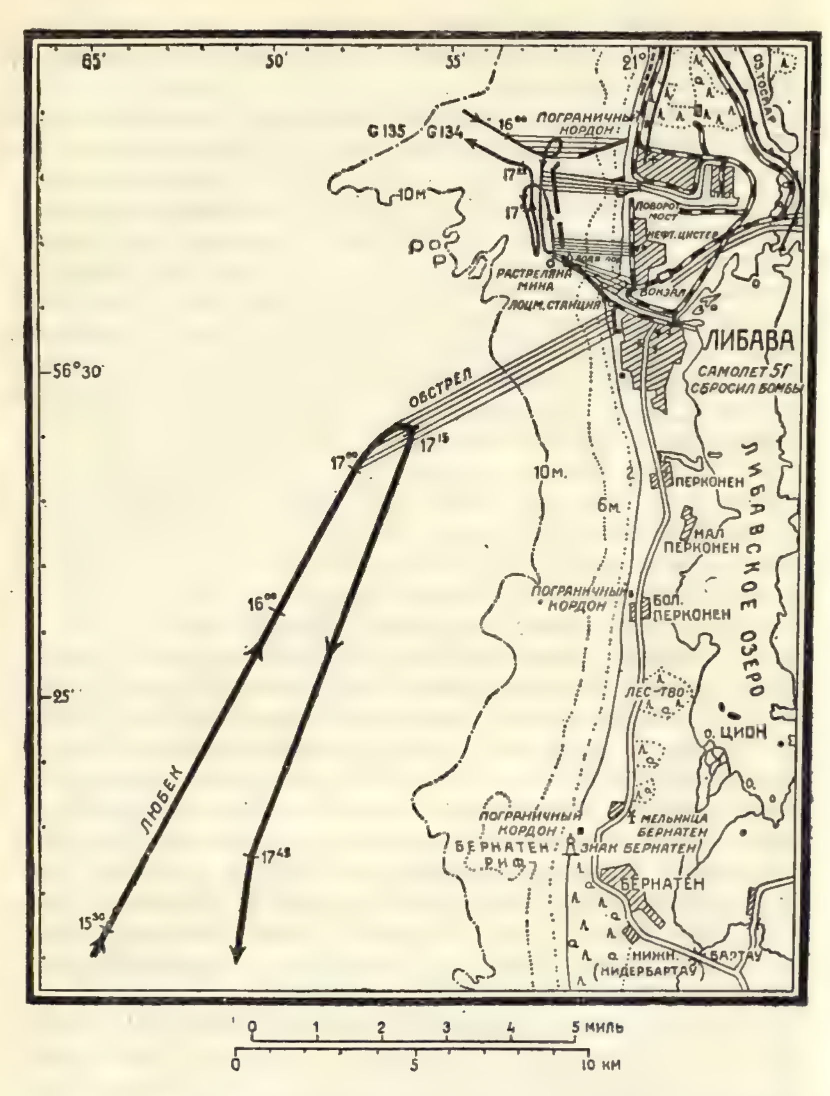
Самолет *51,* высланный вновь в разведку над городом, ничего не мог найти и начал возвращение по общему сигналу отбоя. Командиры миноносцев пришли к заключению, что у мола, сложенного из угловатых цементных массивов, лодке было бы слишком трудно ошвартоваться и что летчик был, вероятно, введен в заблуждение затопленной невдалеке баржей. Летчик оспаривал возможность ошибки, и, таким образом, продолжало существовать предположение,

что на Либаву базируются подводные лодки, тем более, что на следующий день во льду гавани наблюдался свежий след от прохода судна.

Миноносцы воспользовались случаем и обстреляли сооружения, имеющие военное значение. *G-135* стрелял по сталелитейному и прокатному заводу. *G-134* пытался зажечь нефтяные баки, затем оба сосредоточили огонь по бакам фирмы Нобель. *Любек* обстреливал батарею у кургауза с расстояния 80—85 *гм* (43—46,5 каб.); она не отвечала. Всего было сделано 300 выстрелов. Ввиду того, что *G-135* увидел и расстрелял мину у южного входа, миноносцам было воспрещено входить в ворота гавани. В 20 час. корабли вернулись в Мемель. Самолет был благополучно поднят на *Глиндёр,* вышедший на широту Паппензе (маяк Пограничный. — *Ред.),* несмотря на *NO*-й ветер, силой от 4 до 5 баллов. Для дальнейших операций полученный опыт был полезен выяснением того, что Либава защищается слабыми силами. Кроме того, произведенные с миноносцев фотографические снимки и зарисовки пополнили сведения о состоянии гавани и входов в нее.

6 апреля на *Любек* поступили сведения, что самолет *51* еще не вернулся. Командир снял вспомогательный дивизион тральщиков с тральных работ и выслал его на поиски вдоль побережья в северном направлении. *Любек и Глиндёр* искали мористее. Незадолго до наступления темноты один из тральщиков заметил недалеко от Паппензе перевернувшийся самолет и поднял его на палубу. Один из поплавков был тяжело поврежден, вероятно, в результате поломки пропеллера. Летчик и наблюдатель попали в плен к русским. Ввиду того, что остальные самолеты не были готовы к полетам, *Глиндёр* был отпущен в Данциг. Материал самолета смог, таким образом, выдержать усиленную работу только в течение 10 дней.

В подкрепление к сведениям воздушной разведки кавалерия установила 7 апреля у Будендиксгофа и несколько южнее его наличие неприятельской пехоты и окопов у Мончишек (см. выше черт. 1). *Любек* после полудня вышел в море и обстрелял 40 выстрелами дорогу, идущую лесом южнее Будендиксгофа. Точками наводки послужили мельница и несколько домов, расположенных на побережьи. На сле-

Черт. 3. Действия *Любека* с *G-135* и *G-134* у Либавы 28 марта 1915 г.

дующий день были получены известия о хороших попаданиях на дороге. Для русских вследствие дурной видимости нападение было неожиданным, и они понесли потери.

На время участия *Любека* в активной заградительной операции для защиты Мемеля был вызван из западной части Балтийского моря *Ундине (Undine)*. По требованию армейского командования, последний обстреливал 15 апреля на рассвете селение Будендикстоф. Корабль стал на якорь вплотную у побережья — насколько позволяла глубина — и по целеуказанию с берега произвел 40 выстрелов, после чего с большого расстояния в 120 *гм* (65,6 каб.) были обстреляны русские позиции к юго-западу от Дорбяны.

В заключение флот 24 апреля принял участие в боях в дальних окрестностях Мемеля. Было установлено присутствие русских войск в 5 *км* севернее Полангена, у Усть-Канавы. Обстрел их был произведен с только что вступившего в строй миноносца *V-108;* управляли огнем знакомые с местностью офицеры с *Любека*. Если потери противника материальные и в личном составе в результате обстрела и не были значительны, то во всяком случае смелое приближение корабля к побережью послужило хорошей поддержкой нашим слабым войсковым частям. В то же время он прикрывал тральщиков, работавших по уничтожению заграждений в открытом море.

В качестве первой задачи из числа указанных в памятной записке было принято к проведению заграждение неприятельских вод минами.

Время шло, лед начал таять, и ночи стали заметно светлее. Поэтому подхода новых сил не дожидались, хотя наличных крейсеров едва хватало для прикрытия заградителя. Командующий Флотом открытого моря был запрошен о возможности выделить на 8 дней I и II разведывательные группы и две флотилии эскадренных миноносцев в соответствии с указаниями верховного командования; кроме этого, были также затребованы два крейсера с полным оборудованием для постановки мин. Флот открытого моря в это время сам ставил мины, почему его командующий обе просьбы отклонил.

11 апреля, возвращаясь из главной квартиры, заехал в Свинемюнде кап. 1 р. Генрих для передачи очередных при-

казаний пр. Генриха. Первоначально было намечено заградить различные входы в шхеры Аландского архипелага и Финского залива постановкой 900 мин (черт. 4). К.-адм. Беринг предлагал поставить еще одно заграждение на пути русских линейных кораблей, выход которых из Ревеля ожидался[1]. Из этого возникло предположение поставить, использовав имевшиеся в наличии 450 мин, «пояс заграждений» поперек входа в Финский залив; к северо-западу от поставленного в августе 1914 г. германского заграждения должно было быть выставлено два поля, а к юго-западу от него — одно большое поле. Для выполнения операции был назначен вспомогательный заградитель *Дейтшланд (Deutschland)*. По предложению его командира, бывшего в то же время флагманским минером командующего морскими силами, кап. 2 р. Розенберга, на этот раз были изменены курсы при постановках, чтобы затруднить противнику работы по определению границы заграждений и по их уничтожению.

С операцией минной постановки предполагалось связать еще несколько дополнительных задач. Надлежало выяснить, восстановил ли неприятель наблюдательный пункт на Богшере; это, по мнению к.-адм. Беринга, нужно было выполнить в первый же вечер накануне постановки.

Вслед за этим, в случае если германские корабли могли бы считать, что они не обнаружены, ночью один из крейсеров должен был приблизиться к Аландским островам для действий на путях неприятельской торговли. При возвра-

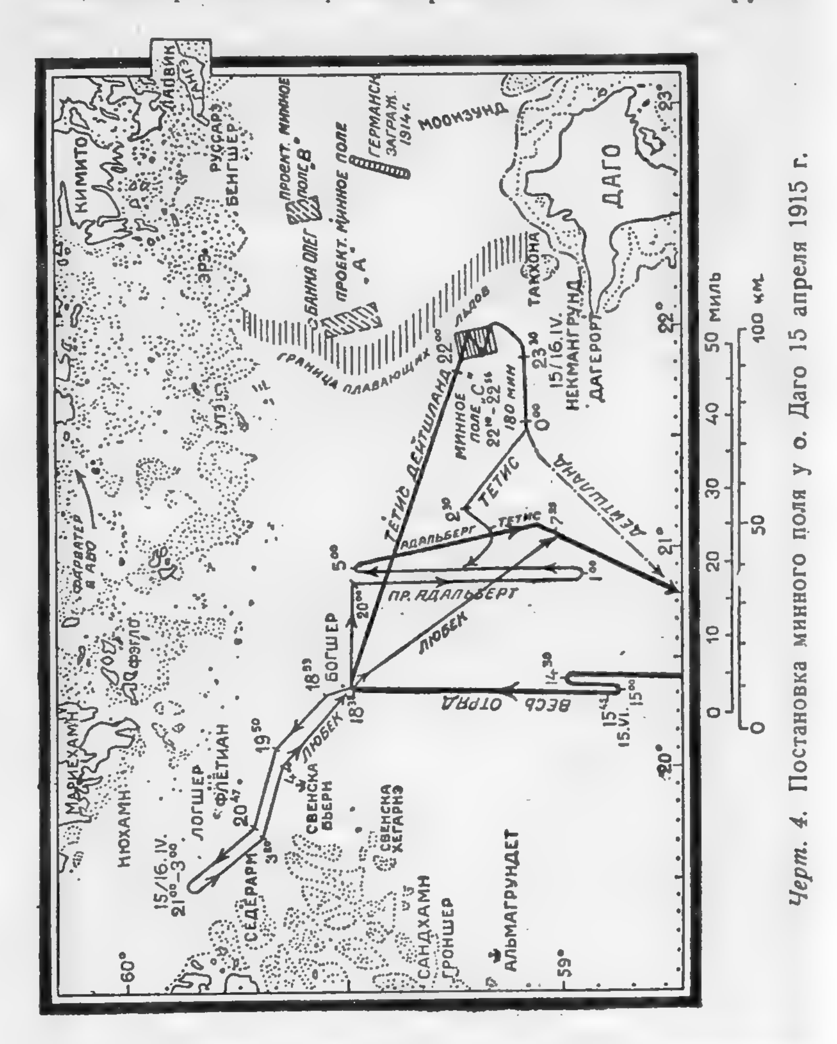
---

[1] Ввиду настойчивых указаний агентурной разведки, что германское командование предполагает с открытием навигации развить операции в Ботническом заливе и районе Аландских островов для прекращения торговли России со Швецией, русским командованием было решено перевести для усиления сил Або-Аландского района линейные корабли *Слава* и *Цесаревич*, усилить минную оборону и тральные средства. Одновременно особое внимание было обращено на изучение шхерных фарватеров для больших кораблей. Оба корабля были переведены из Гельсингфорса сперва в Ревель, а оттуда под проводкой ледоколов перешли 20 апреля в Юнгфрузунд (рейд Пипшер). Тогда же было приступлено к постановке минных заграждений в Аландских шхерах — на подходах к ним, на фарватерах и вероятных путях противника (с общим числом 560 мин). — *Н. Н.*

щении из операции предполагалось произвести обстрел Дагерорта. Подводная лодка *U-26*, переданная в распоряжение командующего морскими силами на 14 суток, до передачи ее в состав Флота открытого моря, получила важное для данной операции и для общего хода морской войны задание — выяснить ледовые условия, вести разведку и дозор в районе между Моонзундом и Наргенем, после чего в соответствии с указаниями, данными крейсеру, вести у шведского побережья и у Аландских островов войну против морской торговли противника.

Пр. Адальберт, Тетис и 20-я полуфлотилия вышли вечером 13 апреля из Свинемюнде и, соединившись с ожидавшим их у банки Одер вспомогательным заградителем *Дёйтшланд*, в темное время ночи прошли северную оконечность Борнхольма. Отряд прошел вне видимости со шведских островов, а ночью 14/15 апреля для определения своего места подходил на видимость огня маяка Эстергарн. На рассвете 15 апреля к отряду присоединился *Любек*, вышедший из Мемеля. В полдень отряд, находившийся в 40 милях на *NO* от Готска-Сандэ, получил радио от *U-26*, что постановка мин у Бенгшера невозможна ввиду большого количества пловучего льда. Вскоре лодка подошла к флагманскому кораблю и сообщила, что она попала в густые поля плавающего льда, среди которых возвышались отдельные торосы высотою в 1—2½ *м*. Вследствие этого к.-адм. Берингу пришлось удовольствоваться постановкой южного поля, обозначенного буквой «С» (черт. 4). Ввиду того, что не было необходимости конвоировать при возвращении *Дёйтшланд* всеми силами, Беринг решил начать крейсерские операции в районе Аландских островов с ближайшей ночи. Время до наступления темноты было употреблено на операцию против Богшера. Маяк открылся в 17 ч. 30 м., и к нему были высланы миноносцы *S-132* и *S-138*; с миноносцев была высажена под командой офицера десантная партия, установившая, что постройки находились в том же состоянии, в каком их оставили осенью. Наблюдательный пост с тех пор, несомненно, бездействовал. Вскоре после этого *Любек* и *S-141* были высланы в район Аландских островов, а *Тетис* с *Дёйтшландом* — на продолжение минных

постановок. Беринг на флагманском корабле с двумя миноносцами держался на равном расстоянии от обеих групп.

Черт. 4. Постановка минного поля у о. Даго 15 апреля 1915 г.

При спокойной и морозной погоде были благополучно поставлены 180 мин. Отличная видимость значительно облегчала счисление. *Любек* незадолго до наступления тем-

ноты определился по маякам, расположенным на наружных шхерах, после чего крейсеровал вне территориальных вод Швеции у Седерарма, в том же месте, где за три недели до этого был крейсер *Страсбург*. Никого не встретив, крейсер в 3 час. направился к месту рандеву, назначенному в 30 милях к *W* от Дагерорта.

После сбора отряда в 7 час. (16.IV) к.-адм. Беринг решил возвращаться: *Дейтшланд,* под конвоем одного миноносца, уже был в полночь отправлен в Киль; пароход с углем, вызванный к Готланду, ввиду сокращения срока операции был отпущен. При возвращении старались не показываться вблизи побережья, чтобы скрыть состав отряда. После полудня *Любек* был отпущен в Мемель, где произвел своим появлением тревогу, кончившуюся, однако, благополучно. С приходом он принял на себя оборону Мемеля и отпустил *Ундине* в западную часть Балтийского моря. *Тетис* с *S-138* и *S-141* на меридиане Рюгена были отпущены в Свинемюнде; *Пр. Адальберт* с остальными миноносцами 20-й полуфлотилии пошел, по приказанию пр. Генриха, в Киль.

Ввиду невозможности выполнения первой задачи *U-26* получила приказание с уходом *Любека* начать войну против неприятельской торговли с рассветом 16 апреля. Ей было приказано пользоваться всеми случаями, чтобы обнаружить себя, показываясь в пределах видимости маяков. береговых постов и пароходов для того, чтобы создать впечатление, что объявление подводной войны не ограничивается действиями против английской торговли, но распространяется и на Балтийское море. Лодка обнаружила, что между русскими и шведскими портами сообщения нет ни днем, ни ночью (черт. 5). Только 22-го были замечены пароходы, повидимому, пустые, возвращавшиеся из Або в Стокгольм; это произошло вследствие военной хитрости, примененной командиром *U-26,* прошедшей вдоль границы шведских территориальных вод в надводном положении к югу, как бы возвращаясь в свои порты: судоходство после этого было восстановлено. Впоследствии удалось установить, что русские прекратили пароходное сообщение 15-го, вероятно запеленговав в этот день радиопереговоры между *U-26* и *Пр. Адальбертом.*

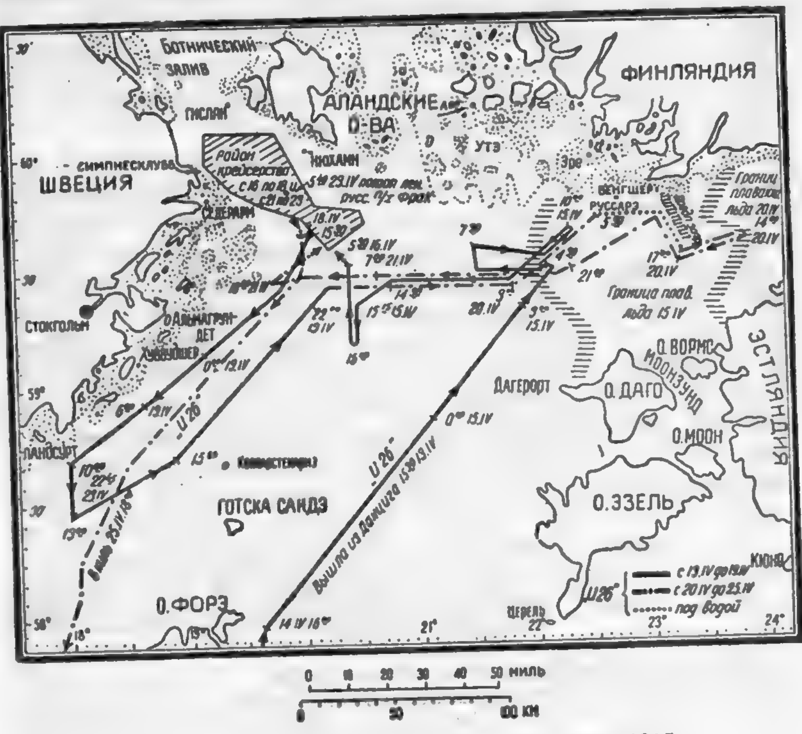
23 апреля утром лодка всплыла около парохода, называвшегося *Фрак* (850 *т*)[1], шедшего под русским флагом с военным грузом. Пароход был, после своза 21 человека команды, подорван подрывным патроном. Кроме этого, в пароход было произведено несколько выстрелов из 8,8-*см* орудия для того, чтобы противник знал, что в Балтийском море действуют современные подводные лодки. Команде были выданы провизия и вода, и она под веслами при тихой погоде отправилась к своему побережью. *U-26* легла на курс, ведущий в Ботнический залив, но затем, погрузившись, повернула на обратный курс и стала возвращаться, ввиду того, что в ближайшее время трудно было рассчитывать на появление объектов для атаки. При следовании вдоль шведского берега до Эланда представлялось несколько случаев остановить и осмотреть встречные пароходы и парусники, но этого сделано не было, и 25 апреля лодка вошла в Киль.

Деятельность *U-26* вызвала чувствительное нарушение грузооборота по морскому пути между Швецией и Финляндией; это нарушение было тем более важным, что сухопутные перевозки между Швецией и Финляндией были очень затруднены вследствие таяния снега и половодья на пограничной реке (Торнео. — *Прим. перев.*). Беспокойство еще более усилилось и продлилось вследствие гибели шведского парохода, наткнувшегося 26 апреля на мину у Седерарма; последствием была забастовка моряков. Мины в этом месте были за несколько дней до того поставлены русскими для защиты своей торговли и, таким образом, дали сперва противоположные результаты.

Вслед за этой успешной, хотя и не вполне законченной операцией было проведено усиление действовавших против России морских сил на Балтийском море. 16 апреля прошли шлюзы в Хольтенау и ошвартовались у Кильской верфи броненосные крейсера *Роон* и *Пр. Генрих*. 8-я полуфлотилия (несшая охрану Зунда) была переименована в 19-ю; 20-я полуфлотилия передала в 7-ю полуфлотилию, на которую была возложена только сторожевая служба у Зунда, три миноносца, вместо которых она получила из II фло-

[1] Финляндский пароход *Фрак*. — *Н. Н.*

тилии свои прежние миноносцы серии *S-138—S-149*, замененные во II флотилии вновь построенными. Несмотря на то, что эти миноносцы не были новее прежних, они обладали очень ценными для Балтийского театра качествами, а именно: возможностью длительного поддержания большого

Черт. 5. Действия *U-26* с 13 по 25 апреля 1915 г.

хода и большим районом плавания. С присоединением к X флотилии двух новых, хотя и небольших, но очень быстроходных миноносцев *V-107* и *V-108*, ее состав был доведен до тринадцати миноносцев. Сверх предложенных памятной запиской мер верховное командование дало возможность рассчитывать на передачу летом находившегося в ремонте легкого крейсера *Бремен (Bremen)*; кроме того, на продолжительное время был оставлен в Балтийском море

II дивизион тральщиков, находившийся там до тех пор во временном использовании.

Одновременно было внесено исправление в существовавшую до этого времени организацию командования, при которой все корабли и миноносцы были подчинены в строевом и хозяйственном отношении начальнику дивизиона охраны побережья в Киле, в то время как часть этих сил, а именно использовавшиеся в восточном районе единицы, практически была подчинена в своей оперативной деятельности отдельно командовавшему флагману.

Было произведено разделение сил в соответствии с возложенными на них задачами: в дивизион охраны побережья вошли лишь корабли, выделенные для службы в западной части моря; остальные силы, оперировавшие к востоку от Арконы, были сведены в отдельное соединение, подчиненное командиру разведывательных сил Балтийского моря, как стал называться отдельно командовавший флагман. В соответствии с расширением задач и с увеличением количества кораблей в новое соединение был назначен 2-й флагман и значительно увеличен штаб. Представление командующего морскими силами о кандидате на должность флагмана, имевшее целью назначение офицера с боевым опытом, в морском кабинете не прошло. Командиром нового соединения, с согласия пр. Генриха, был назначен к.-адм. Гопман [1] и ему в подчинение был назначен 2-м флагманом к.-адм. Беринг [2]. Для последнего, который был в общем

[1] Гопман начал службу во флоте в 1884 г.; с 1911 по 1914 г. был начальником Отдела морского министерства и сопровождал в начале войны гр.-адм. Тирпица во время его поездки в главную квартиру. До производства в к.-адм. его прохождение службы соответствовало полученному им месту. В течение своей службы он часто имел дело с русским флотом. Видел его в действии в Порт-Артуре во время русско-японской войны. Начиная с тех пор и в течение последующих поездок в Россию, он лично знал целый ряд флагманов и командиров в русском Балтийском флоте.

[2] Беринг начал службу в 1883 г.; в мае 1914 г. вышел в отставку по болезни с производством в чин к.-адм. С началом войны он был назначен на должность флагмана, но по существующим правилам стал ниже по списку старшинства, чем Гопман, почему министерство формально было право, назначая его в подчинение последнего. В течение следующих лет не получал

старше по службе и до этого времени занимал самостоятельную должность, такое назначение было тяжелым разочарованием, и он отказался, считая, что потерял доверие высшего командования.

Вместо к.-адм. Беринга 2-м флагманом был назначен кап. 1 р. Карф[1], бывший до этого командиром *Роона*. Начальником штаба нового соединения был назначен получивший большой боевой опыт в Балтийском море командир *Пр. Адальберта* кап. 1 р. Михельсен. На этом корабле к.-адм. Гопман и поднял свой флаг, несмотря на то, что на *Рооне* было больше места для размещения штаба. Карф поднял свой брейд-вымпел сначала на *Любеке*, а затем на *Аугсбурге*[2].

никаких назначений. В 1918 г. получил в командование 1 флотскую бригаду на сухопутном фронте во Фландрии, где погиб вследствие несчастного случая 7 июня 1918 г.

[1] Кап. 1 р. Карф начал службу в 1887 г.; с 1911 по 1914 г. командовал императорской яхтой *«Гогенцоллерн» (Hohenzollern)*.

[2] Реорганизованные штабы состояли из следующих лиц: командующий морскими силами в Балтийском море гр.-адм. принц Генрих Прусский; начальник штаба кап. 1 р. Генрих, 3 офицера морского генерального штаба, врач.

Дивизион охраны побережья: начальник к.-адм. Мишке, 1 офицер морского генерального штаба, 1 флаг-офицер и 1 флагманский механик.

Разведывательные силы Балтийского моря: старший флагман к.-адм. Гопман; начальник штаба кап. 1 р. Михельсен, 2 офицера морского генерального штаба, 1 флаг-офицер, 1 флагманский механик и 1 врач.

2-й флагман кап. 1 р. Карф, 1 офицер морского генерального штаба.

X флотилия миноносцев: командующий кап. 2 р. Витинг (на миноносце *G-135*). Командир этого миноносца — флаг-офицер.

19-я полуфлотилия: нач. кап.-лейт. Ревенсбург

Миноносец *S-128*
» *S-129*
» *S-130*
» *S-131*
» *S-126*

Прикомандированы:
миноносец *V-107*
» *V-108*

20-я полуфлотилия: нач. кап.-лейт. Гирсбург

Миноносец *S-138*
» *S-139*
» *S-141*
» *S-142*
» *S-148*

Формирование разведывательных сил было закончено 20 апреля, причем корабли не были собраны в один порт и не все были боеспособны. *Аугсбург* ремонтировался в Гамбурге, 3 броненосных крейсера стали на несколько дней для производства ремонта в Киль. После окончания ремонта *Пр. Генрих* и *Роон* производили в Кильской бухте учебные стрельбы, затянувшиеся до 1 мая. 19-я полуфлотилия, по окончании ремонта в Киле, прошла в Кильской бухте учебную программу торпедных и артиллерийских стрельб, испытания машин и нового оборудования. 20-я полуфлотилия была занята в Штетине частично заменой миноносцев, частично чисткой котлов. II дивизион тральщиков окончил чистку котлов в Свинемюнде и ждал распоряжений. Базируясь на Штольпмюнде, работал у банки Штольпе вспомогательный дивизион тральщиков Киля. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера проходил практические занятия у своего порта. Авиаматка *Ансвальд (Answald)* готовилась в Свинемюнде к походам, другая — *Глиндёр* — производила в Данциге установку приспособлений для обслуживания двух новых гидросамолетов. Вполне готовыми к выходу были: *Тетис* — в Свинемюнде; *Любек, V-107, UA* и три сторожевых корабля — в Мемеле. Также и в дальнейшем германские силы в Балтийском море были слабее русских; не считая линейных кораблей, один броненосный крейсер *Рюрик* был сильнее и быстроходнее германских крейсеров; у русских вступили в строй в значительном количестве заградители и миноносцы, приспособленные для минных постановок [1], а также подводные лодки. Германское командование это учитывало.

Русские, кроме того, обладали большими преимуществами в ведении радиослежки, в расшифровке радиопереговоров. Их радиопеленгаторные станции, расположенные в Гапсале и на Эзеле, давали с большой точностью сведения о приближениях германских сил и об их месте в море; по позывным, которые со временем становились известными, можно было получить представление о составе этих

[1] Ни одного нового минного заградителя в строй не вступало. Почти все дальние активные заграждения ставились крейсерами (см. приложение 6), чего немцы, видимо, не допускали.—*Н. Н.*

сил. Кроме того, много ценных сведений можно было почерпнуть из содержания самих радио, которые легко расшифровывались ввиду того, что русскому морскому генеральному штабу удалось до войны получить германские секретные коды, которые, вероятно, были сфотографированы от первой до последней страницы[1]. Хотя германские радиопереговоры и перешифровывались, но неприятель при внимательном наблюдении мог замечать изменение шифрования и при помощи захваченного на *Магдебурге (Magdeburg)* шифровального руководства разгадывать новые ключи[2 и 3].

---

[1] Во время войны неприятелю попала в руки (в сентябре 1914 г.) сигнальная книга с севшего на камни крейсера *Магдебург*. Вероятно, впоследствии русские овладели такими же книгами с поднятых подводных лодок. При посадке *Магдебурга* все секретные документы были сожжены, за исключением сигнальных книг, необходимых для переговоров с шедшими на помощь кораблями (см. «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, стр. 80, — Фирле, Война на Балтийском море, том I). Ввиду внезапного подхода русских кораблей эти книги сжечь не успели, так как корабль должен был быть немедленно взорван. Команда спаслась вплавь, и книги в свинцовых переплетах были утоплены согласно правилам. Русские водолазы их случайно нашли на грунте. Так как у русских книга уже была, то найденная книга была передана союзникам (Churchill, World-crisis, I).

[2] Ключ для перешифровки сознательно делали нетрудным, так как обстановка шифровальной работы на кораблях при часто менявшемся личном составе требовала в первую очередь быстроты разбора сигналов, почему приходилось поступаться некоторыми требованиями, предъявляемыми к шифрам.

[3] Чрезвычайно организованная и четкая работа службы наблюдения и связи Балтийского моря (Непенин, Ренгартен) с ее сетью наблюдательных постов, радио- и радиопеленгаторных станций, и в особенности деятельность органов радиоразведки, давала в течение всей войны исключительно точное, своевременное и непрерывное осведомление об обстановке на театре войны.

Этому способствовали не только взятые на крейсере *Магдебург* сигнальные книги и иные материалы, но и отсутствие на германском флоте должной дисциплины в пользовании радиотелеграфом, что выражалось в «радиоболтовне», т. е. в излишних переговорах не только между кораблями, находившимися в операции, но и самого командования с частными начальниками, находившимися со своими соединениями в море.

Овладение системой германского шифрования (несмотря на

(См. прод. сноски на 82 стр.).

Состав германских морских сил Балтийского моря в конце апреля 1915 г.

Командующий: гр.-адм. пр. Генрих Прусский.

Начальник штаба: кап. 1 р. Генрих.

I. Дивизион охраны побережья Балтийского моря

Начальник дивизиона к.-адм Мишке

Амазоне (Amazone), флагм кор.
Ундине (Undine)
Пантер (Panther)

7-я полуфлотилия миноносцев

T-113	*S-127*
S-120	*G-132*
S-121	*G-134*
S-122	*G-136*
S-123	

Подводные лодки *U-3*, *U-4*
Воздушный корабль *M-IV*

Вспомогательные минные заградители

Дейтшланд (Deutschland)
Рюген (Rügen), *Херта (Hertha)*, *Один (Odin)*
Принц Сигизмунд (Prinz Sigismund)
Принц Адальберт (Prinz Adalbert)

Вспомогательные крейсера

Сильвана (Silvana), *Принц Вальдемар (Prinz Waldemar)*

Кильский вспомогательный дивизион тральщиков

Мёве (Möve) с 8—12 паровыми и моторными катерами

Дивизион сторожевых судов (Sicherungsboote) 60 рыболовных моторных судов

Полуфлотилия дозорных судов Балтийского моря

(Ostsee-Vorpostenboote (Варнемюнде)
12 рыболовных пароходов
12 дозорных судов в Большом Бельте
4 дозорных судна в Малом Бельте

Вспомогательное госпитальное судно *Император (Imperator)*

II. Разведывательные силы Балтийского моря

Флагман: к.-адм. Гопман.

2-й флагман: коммодор Карф.

Начальник штаба: кап. 1 р. Михельсен.

Принц Адальберт (Prinz Adalbert), флагм. кор.
Принц Генрих (Prinz Heinrich)
Роон (Roon)
Аугсбург (Augsburg)
Любек (Lübeck)
Тетис (Thetis)
Подводная лодка *UA*

Авиаматки

Ансвальд (Answald)
Глиндёр (Glinder)
4 дозорных судна
Госпитальное судно
Шлезвиг (Schleswig)

X флотилия миноносцев

G-135

19-я полуфлотилия миноносцев

S-128	*S-129*
S-130	*S-131*
S-126	

20-я полуфлотилия миноносцев

S-138	*S-148*
S-142	*S-139*
S-141	

Прикомандированы

V-107 *V-108*

II дивизион тральщиков

13 малых миноносцев

Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассер

11 рыболовных пароходов

Вспомогательный дивизион тральщиков Свинемюнде

Индианола (Indianola) и *Инкула (Inkula)*
12 моторных катеров-тральщиков

Состав русского Балтийского флота в конце апреля 1915 г.[1]

Командующий флотом: адмирал Эссен

Начальник оперативной части: кап. 1 р. Колчак

Рюрик, флагм. кор.

Бригада линейных кораблей

Начальник бригады: вице-адм. Ферзен
Андрей Первозванный (флагм. кор.)
Император Павел I
Цесаревич
Слава

1-я бригада крейсеров

Начальник бригады: к.-адм. Бахирев
Адмирал Макаров (флагм. кор.)
Баян
Богатырь
Олег

2-я бригада крейсеров

Россия (флагм. кор.)
Громобой
Аврора
Диана

Бригада дредноутов

Гангут
Петропавловск
Севастополь
Полтава
} почти готовы[2]

Минная дивизия

Начальник дивизии: к.-адм. Штоpe
Новик

Полудивизион особого назначения

Генерал Кондратенко
Охотник
Пограничник
Сибирский стрелок

5-й дивизион

4 эск. миноносца типа *Гайдамак*
4 эск. миноносца типа *Эмир Бухарский*

6-й дивизион

8 эск. миноносцев типа *Украина*

7-й дивизион

8 эск. миноносцев типа *Бдительный*

8-й дивизион

8 эск. миноносцев типа *Легкий*

9-й дивизион

8 эск. миноносцев типа *Сторожевой*

10-й дивизион

8 эск. миноносцев типа *Прыткий*

Бригада подводных лодок

Начальник бригады: к.-адм. Левицкий

1-й дивизион

Акула *Окунь*
Макрель *Минога*

2-й дивизион

Кайман *Дракон*
Крокодил *Аллигатор*

Английские подводные лодки

Е-1 *Е-9*

Отряд минных заградителей

Начальник отряда: к.-адм. Канин

Амур *Нарова*
Енисей *Онега*
Ладога *Волга*

отдельные вспомогательные минные заградители

Канонерские лодки

Храбрый *Сивуч*
Грозящий *Кореец*

Соединения тральщиков

Соединения сторожевых судов

[1] Составлена по русским источникам.
[2] См. примечание на стр. 55. — *Н. Ц.*

Германские противомеры состояли в предельном сокращении переговоров, радио применялось только для тактических сигналов; отдельные наиболее характерные слова и выражения заменялись условными обозначениями. Издавались новые сигнальные книги и чаще менялись шифровальные ключи, что, однако, было проведено в жизнь после тщательного изучения характера радиопереговоров противника и попыток расшифрования их без наличия неприятельских кодов. Так как расшифровка занимала всегда много времени у обоих противников, то она имела практическое значение лишь в исключительных случаях и, конечно, реже, чем радиопелентование места радиопереговоров.

В течение ближайших недель было трудно ожидать, чтобы русские предприняли крупные операции, так как после многомесячной стоянки во льду им наверное было нужно время для испытания механизмов и для прохождения учебных стрельб. Независимо от этого следовало рассчитывать, что до приведения всего флота в боеспособное состояние противник прибегнет к ряду внезапных мелких операций в зависимости от обстановки. Поэтому особенно важно было определить момент готовности флота. Из Швеции поступали лишь скудные данные. Желаемые сведения сообщила *U-26*, проникшая при походе 20 апреля в Финский залив почти до Балтийского порта. Около Бенгшера и Руссарэ льда уже не было. Окончательного очищения от льда нужно было ожидать со дня на день.

(Продолжение сноски к 79 стр.).
частую смену самих шифров) и обильный материал перехваченных радиограмм позволяли чрезвычайно быстро получать исходные, нередко—исчерпывающие, данные для раскрытия замыслов противника, что имело место изо дня в день почти на всем протяжении войны. И только связанностью русского морского командования директивами ставки и недостатком инициативы оперативного руководства можно объяснить, что само командование редко использовало столь благоприятные и «неповторимые» условия ведения войны «в открытую», примеры чему даны в дальнейших примечаниях.— *Н. Н.*

Глава III

СОДЕЙСТВИЕ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ЕЕ В КУРЛЯНДИЮ И ПРИ ЗАХВАТЕ ЛИБАВЫ

Для облегчения положения австрийской армии на Карпатах, начавшей 2 мая наступление в Западной Галиции у Горлиц, верховное командование поставило главнокомандующему восточным фронтом задачу сковать возможно бо́льшие силы противника в другом месте. Для выполнения этой задачи Гинденбург решил, несмотря на ограниченное количество войск, атаковать противника своим крайним левым флангом с производством одновременных рейдов кавалерией на флангах и в тылу неприятеля. Он письменно сообщил 21 апреля в Киль, что предполагает начать группой Лауенштейна 27 апреля переход государственной границы на линии Тильзит—Мемель и завладеть территорией, расположенной к западу от линии Кельмы—Тельши, в связи с чем просил поддержать операции армии посылкой к побережью отряда крейсеров. В особенности он просил об обстреле побережья южнее и севернее Либавы, а также о воздушных разведках с помощью прикомандированного к флоту воздушного корабля, базировавшегося на Кёнигсберг.

Гр.-адм. пр. Генрих тотчас согласился. Хотя значительная часть подчиненных ему кораблей находилась для ремонта в Киле и не могла выйти в море раньше недели, но так как перед флотом в ближайшее время не было задач более обширных, чем только что выполненные, для поддержки армии были выделены оба исправных легких крейсера. В соответствии с этим *Тетис* был отправлен из Свинемюнде в Мемель, где стоял в готовности *Любек*, и ко-

личество миноносцев в Мемеле было доведено до четырех. Воздушная разведка, о которой просил главнокомандующий фронтом, не могла производиться ввиду того, что не удалось получить замену погибшему у Либавы *PL*-19[1]. Армии могло быть, таким образом, оказано содействие лишь предложением воспользоваться для ее воздушных кораблей имевшимся в Кёнигсберге эллингом; кроме того, обеим авиаматкам было приказано спешно перейти в Мемель. Отдельные вопросы, возникающие в связи с предстоявшими совместными действиями, должны были быть урегулированы непосредственно между командованием восточным фронтом и командованием разведывательными силами.

Понимая всю важность дружной совместной работы, к.-адм. Гопман отправил кратчайшим путем в Тильзит своего 2-го флагмана, коммодора Карфа для личных переговоров. Там выяснилось, что силы и возможности флота сильно переоценивались. Во время совещания 25 апреля ген. Лауенштейн указал на желательность: в первый день наступления произвести обстрел Будендиксгофа с целью принудить расположенные там войска к отступлению и к отходу в глубь страны; затем — обстрелять Либаву или, по крайней мере, появиться перед портом с большим числом крейсеров и транспортов с целью демонстрации намерения высадки десанта и отвлечь этим крупные войсковые соединения противника, сковав их у Либавы; в заключение — произвести демонстрацию у Виндавы и Риги с той же целью и, в случае благоприятной обстановки, высадить десант в действительности.

Коммодор Карф разъяснил, что может сделать флот вообще, а выделенные в данное время силы в частности, отклонил неисполнимые желания и обещал произвести обстрел Будендиксгофа в пределах возможного расхода снарядов, а также демонстрацию у Либавы и даже высадку, в случае если этому будет благоприятствовать состояние погоды и моря.

Непосредственное содействие кораблей при боях у побережья — как это было за четыре недели до этого — на

[1] См. «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, стр. 281 (Фирле, Война на Балтийском море, том I).

этот раз было неосуществимо, так как движение армии происходило вдали от берега. На всякий случай были введены в действие разработанные в морском генеральном штабе таблицы для сигнальных и радиотелеграфных переговоров. Морская радиотелеграфная станция в Данциге была назначена центральным пунктом для всех радио- и проволочных телеграмм, и к ней был прикомандирован офицер генерального штаба. Кроме того, в штаб ближайших к берегу частей была выделена подвижная морская радиостанция с обслуживающим персоналом и шифрами. Были выработаны правила для обмена однообразными опознавательными сигналами.

Объем предполагавшейся операции вынудил 2-го флагмана одновременно с сообщением о результатах совещания просить о скорейшей высылке на восток остальных кораблей. В первую очередь он просил *Аугсбург* и один дивизион тральщиков; затем он считал необходимым прибытие броненосных крейсеров, так как в последних числах апреля нужно было считаться с вероятностью появления русских морских сил.

Пр. Генрих, идя навстречу требованиям армии, запросил главную квартиру о предоставлении ему для демонстрации у Виндавы находившейся в это время в Киле эскадры линейных кораблей-дредноутов с 4 легкими крейсерами и 1 флотилией миноносцев. Начальник морского генерального штаба в докладе кайзеру возражал против этого предложения, потому что эскадра в случае посылки была бы оторвана на слишком долгое время от главного театра и в случае надобности не смогла бы достаточно быстро возвратиться в Северное море[1]. Кроме того, принимая во внимание состояние ледяного покрова в Финском заливе, он считал мало вероятным появление превосходных сил неприятеля. К.-адм. Гопман на основании сведений, доставленных *U-26*, только что вернувшейся из Финского залива, также считал нападение русских мало вероятным. Вследствие этого пр. Генрих не настаивал на своих предложениях и даже приказал *Роону, Пр. Генриху* и 19-й полуфлотилии оста-

---

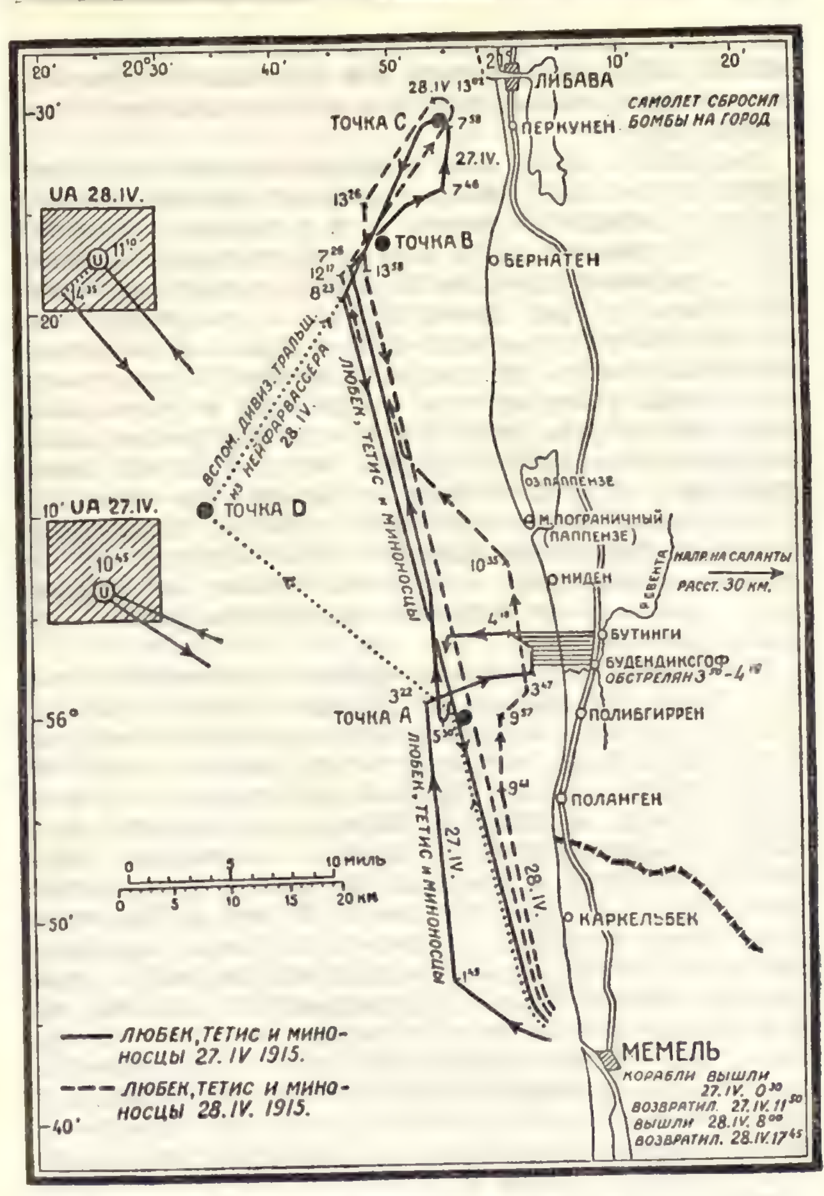
[1] См. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 134.

ваться в Киле до окончания прохождения ими учебной программы.

Поэтому на подкрепление в восточную часть Балтийского моря вышли 27 апреля только *Пр. Адальберт* с к.-адм. Гопманом и вслед за ним *Аугсбург* с двумя миноносцами. Кроме того, вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера получил приказание бросить работы в Данцигском заливе и итти в Мемель, куда к этому времени пришли *Тетис*, миноносцы, авиаматки *Ансвальд и Глиндёр; Ансвальд* (5 400 *т*), имевший 2 самолета в ангаре, сооруженном на верхней палубе, вынужден был выгрузить часть запасов угля, чтобы довести осадку до 6 *м*. Вечером 25 апреля коммодор Карф прибыл на *Любек* и вступил в командование морскими силами в Мемеле. В течение 26-го числа корабли не выходили, чтобы не привлекать внимания противника. Утром и вечером для наблюдения за Будендиксгофом высылался самолет. Самолеты не заметили войск; к востоку от деревни как будто были видны вновь вырытые окопы. С наступлением темноты вспомогательный дивизион тральщиков вышел на работу вдоль побережья и при свете луны, при спокойном море легко проложил и обставил буями фарватер. Крейсер с миноносцами в полночь вышел вслед за ними (черт. 6). Для их прикрытия была выслана на 20 миль к западу от Паппензе подводная лодка *UA*, построенная по заказу Норвегии, совершенно особого типа.

27 апреля около 4 час., когда достаточно рассвело, *Любек* открыл огонь по обнаруженным летчиками укреплениям, расположенным к северу и к востоку от церкви Будендиксгофа. Через 10 минут по той же цели открыл огонь *Тетис;* в это же время флагманский корабль произвел несколько залпов по дороге, ведущей на север. Условия наблюдения были очень благоприятными; облака пыли хорошо обозначали места падения снарядов.

Согласно плану операции, последовало приближение отряда на 60 *гм* (32,8 каб.) к Либаве. На прибрежной дороге, хорошо видной с моря, не было заметно никакого движения. Так как неприятеля обнаружено не было, 2-й флагман приказал возвращаться и около полудня вошел в Мемель. Возвратившиеся с разведки самолеты ничего нового не сообщили. Самолет *93* на обратном пути пролетел над

Черт. 6. Набеговые операции у Либавы 27 и 28 апреля 1915 г.

либавской военной гаванью и сбросил свои обе бомбы с высоты 1 200 *м* на казармы. Его наблюдения подтвердили то, что было уже известно, но в этот раз самолет обстрелян не был.

Наступление армии было очевидно успешно, так как вечером из Тильзита пришло требование произвести демонстрацию высадки 28 апреля, т. е. в заранее намеченный срок. 2-й флагман свел в свою «транспортную флотилию» десять рыбачьих пароходов из вспомогательного дивизиона тральщиков и две авиаматки, но, к сожалению, самое большое и внушительное из судов — авиаматку *Ансвальд* — пришлось оставить, так как из-за понижения уровня моря, несмотря на разгрузку угля и воды, оно не могло выйти через бар из устья реки. Ввиду того, что личный состав наблюдательных постов русской морской службы связи, прошедший морское обучение, не дал бы легко ввести себя в заблуждение, транспортам было приказано держаться от берега на расстоянии видимости дыма. Крейсера же, наоборот, должны были создать оживленным маневрированием неподалеку от побережья впечатление угрозы серьезных действий.

После того, как дозорные корабли, дежурившие ночью, и самолеты, вернувшиеся из разведки ранним утром, сообщили, что они не видели ничего подозрительного, пароходы и крейсера, начиная с 6 час., вышли в море; миноносцы были поделены между обеими группами; *UA* снова вышла в море на позицию. Наблюдатели напрасно пытались во время перехода обнаружить неприятеля. Около 11 час. на горизонте открылись фабричные трубы Либавы; пароходы начали усиленно дымить. В течение двух часов 2-й флагман производил демонстрацию своими кораблями, после чего им был отдан приказ о возвращении; к этому времени ветер и волнение неожиданно так усилились, что и в действительности никакой высадки не удалось бы провести. К 19 час. все корабли вернулись в гавань. Самолеты были без повреждений подняты на авиаматки; самолет *93* пробыл около 5 час. в воздухе и, несмотря на волнение, сумел в промежуток между полетами совершить посадку, чтобы принять горючее и масло.

Операция, как выяснилось из показаний взятых позднее

в плен русских офицеров, достигла цели: высланные из Либавы на угрожаемые участки фронта войска в срочном порядке были возвращены из-под Саланты, как только появились корабли, но не могли уже принять участия в отражении наступления германских войск.

На следующий день армия не поставила никаких задач. Коммодор решил отправить самолеты на разведку в северном направлении ввиду того, что в эти дни, из-за волнения и вследствие плохой видимости всплесков от снарядов, они не могли корректировать стрельбу кораблей. Утром *Аугсбург* стал на якорь в реке, и коммодор перенес на него свой брейд-вымпел. Ввиду того, что армейское командование в Тильзите не назначило задачи также и на 30 апреля, тральщики были высланы проконтролировать фарватер к Либаве, так как нужно было опасаться, что противник мог попытаться поставить мины с пароходов, находившихся в либавской гавани, пользуясь буями, обозначавшими германский протраленный фарватер. Утром в разведку был выслан самолет, что производилось ежедневно, если погода этому не препятствовала.

Вспомогательный дивизион тральщиков вышел в море; в качестве прикрытия была выслана *UA*, которую после полудня сменил *Аугсбург*. В 11 час. поступило радио с дивизиона тральщиков, сообщавшее, что недалеко от Либавы, на траверзе Бернатена, взорвалась в трале мина; однако, из-за усилившегося волнения точно установить размеры заграждения не удалось. 2-й флагман приказал дивизиону возвратиться. Произвести воздушную разведку в этот вечер оказалось невозможным, и это было особенно чувствительно при слабости защиты Мемеля. Город не был укреплен, на кораблях были только 10,5-*см* орудия, было малое количество миноносцев и вспомогательных кораблей; при имевшей место перегрузке их различными обязанностями высылать в море можно было лишь ограниченное число судов для дозора. Его несли только в ночное время и в случае плохой видимости. Днем приходилось довольствоваться наблюдением за морем, производившимся с поста службы наблюдения и связи на наружном Мемельском маяке и с наблюдательного поста, учрежденного в Полангене. Дальняя разведка, имевшая целью предупредить на-

бет крейсеров или производство заградительной операции, была передана самолетам. Они выполнили свою задачу и потому по прибытии командира разведывательных сил коммодор мог ему доложить:

«По сведениям воздушной разведки в Либаве нет судов, пригодных для производства дальних минных постановок. Возможно, что Либава служит базой для производства минных постановок в ограниченном районе при помощи малых кораблей. Мина, обнаруженная у Бернатена, была поставлена на глубину 4,5 *м*. Обнаружено заграждение или отдельно поставленная банка, потому что трал задевал несколько раз. Подводных лодок в Либаве нет».

К.-адм. Гопман вышел 27 апреля из Киля на *Пр. Адальберте* с *Аугсбургом* и двумя миноносцами. Ввиду того, что никаких особых требований армией сообщено не было, в Мемель был отправлен один *Аугсбург*, флагманский же корабль пошел в Данциг: за несколько дней до этого было сообщено, что землечерпательные работы, произведенные на входном фарватере в Нейфарвассере, сделали возможным доступ туда кораблей с большой осадкой, при всяком состоянии уровня моря. В Королевской гавани, расположенной в устье Вислы, и в Вольной гавани были оборудованы места для стоянки 6 кораблей. Еще чувствовался недостаток во вспомогательных средствах и, в особенности, в мощных буксирах. Но все же наконец-то и для броненосных крейсеров имелся опорный пункт восточнее Свинемюнде.

По окончании швартовки 29 апреля к.-адм. Гопман через посредство офицера, выделенного для связи от армии, вошел в сношение с командующим войсковой группой в Тильзите. Состоявший в штабе к.-адм. Гопмана 2-й офицер морского генерального штаба Герке предложил операцию против расположенного в Рижском заливе острова Руно (черт. 7). Два миноносца в ночь с 30 апреля на 1 мая должны были пройти с запада в Рижский залив и на рассвете неожиданно напасть на охрану острова, уничтожить предполагавшуюся там радиостанцию и сигнальный пост, а на обратном пути обстрелять наблюдательные посты на Доменесе и Цереле. Один крейсер с миноносцем должен был быть в поддержке операции, находясь у входа в Ир-

бенский пролив. Эта операция имела целью обеспокоить тыл сражавшихся с германской армией войск, а может быть даже вызвать их перегруппировку. Риск прорыва не должен был быть слишком большим, в особенности потому,

Черт. 7. Действия *V-108* и *V-107* в Рижском заливе 1 мая 1915 г.

что операция намечалась в водах, в которых неприятель не предпринимал никаких оборонительных мер.

Ген.-лейт. Лауенштейн согласился, и пр. Генрих также одобрил этот план. Начальником сил в этой операции был назначен по его просьбе кап.-лейт. Герке. Этот офицер был особенно на месте не только потому, что он хорошо знал Россию и владел русским языком, но также и по своим боевым качествам. Миноносец доставил его в Мемель, где находились назначенные в операцию эскадренные

миноносцы *V-108* и *V-107;* их команда была усилена десантной партией с *Пр. Адальберта.*

30 апреля утром кап.-лейт. Герке вышел в море при слабом волнении от *SW,* но при заходившем вправо ветре. Маленький отряд шел вне видимости берегов в кильватер *Тетису* на север и в 21 час подошел ко входу в Ирбенский пролив, около которого остались *Тетис* и *S-148.* Ночь была ясная, ветер упал до 3 баллов. Ни один из маяков ни на материке, ни на Эзеле не горел; ничто не указывало на присутствие неприятельских дозорных кораблей. Вскоре после полуночи обрисовался силуэт острова Руно[1]. *V-108* и *V-107* направились к северной оконечности острова, у которой и стали на якорь. Высаженный десант войск на острове не обнаружил. Сторожа маяка рассказали, что радиостанция привозилась на остров один раз на короткий срок; сообщение с материком поддерживается при помощи парусных шлюпок; военные корабли вблизи острова не появлялись; торговые суда с осени приходили редко. Объясняться было легко, потому что население говорило по-шведски. Пришлось удовольствоваться разрушением линзы маячного огня, сожжением запаса керосина и захватом в плен 4 военнообязанных сторожей маяка.

Миноносцы после этого легли на курс по направлению к Доместнесу. При подходе к последнему настолько засвежело, что спуск шлюпок оказался невозможным, почему маяк и наблюдательный пост пришлось уничтожать с моря. Обе цели были под обстрелом около 15 минут, причем наблюдательный сигнальный пост — с видимыми результатами, в то время как солидно выстроенная маячная башня мало пострадала от 8,8-*см* снарядов. Короткий обстрел маяка Церель, произведенный обоими миноносцами в 8 ч. 30 м., явился концом операции.

[1] Следует отметить, что в результате «радиоболтовни» немцев русское командование по данным радиоразведки знало еще 28 апреля, что в ближайшие дни (в перехваченном радио точно указывалось «в субботу», т. е. 1 мая, как это и было в действительности осуществлено) назначен набег на Рижский залив с целью «беспокоить неприятеля в тылу», для чего были назначены два миноноса, которым приказано быть готовыми к выходу в море. Однако, с русской стороны каких-либо мер противодействия принято не было.— *Н. Н.*

На обратном пути для усиления впечатления Герке хотел итти вдоль побережья, но своевременно полученное им уведомление по радио об обнаружении нового заграждения у Бернатена заставило его выйти в море. Благодаря вниманию наблюдателей *Тетис* обнаружил и расстрелял русскую плававшую мину в том месте, где он крейсеровал в течение ночи. Крейсер и миноносцы к 20 час. вошли в Мемель, а *S-139* с кап.-лейт. Герке и десантной командой пошел в Данциг. Отчетливое проведение операции было широко разглашено[1].

Но всеобщий интерес привлекала новая задача, вытекавшая из развития операций на сухопутном фронте. Линия Кельмы — Тельши была занята, а местами войска уже продвинулись за нее: кавалерия действовала в окрестностях Шавлей. Армейское командование предполагало продолжать давление на правое крыло русских войск, но дальнейшее продвижение становилось под угрозу тылового удара со стороны войск, расположенных в Либаве. Крепость с началом войны была разоружена, но имела еще гарнизон, сила которого определялась в 6 000—8 000 человек. Либава была окружена озерами и болотами, узкие дефиле между ними были защищены укреплениями, о состоянии которых достоверных сведений не было. Было решено попробовать ее обойти, но ввиду того, что для обложения крепости можно было выделить ограниченное количество пехоты и артиллерии, флоту было предложено принять возможно большее участие в поддержке операции. Было само собой понятно, что он не должен был допускать приближения неприятельских кораблей.

К.-адм. Гопман получил первое известие вечером 1 мая: группа Лауенштейна кратко сообщала, что предполагает 6-го или 7-го занять Либаву коротким ударом и просит возможно большего содействия флота. На это предложение последовало согласие. Пр. Генрих, бывший в курсе всех событий, на это предложение тотчас согласился; на запрос главной квартиры, какие силы могут быть выделены для действия против Либавы, он ответил, что весь разведывательный отряд примет участие.

---

[1] О влиянии ее на противника см. ниже в главе V.

Армия предполагала нанести главный удар по узкости между Либавским и Тосмарским озерами (см. дальше, черт. 8). Группа, шедшая по дороге от Мемеля на Либаву должна была оказать содействие с юга. Флоту давались задачи вступить в бой со всеми батареями, расположенными в пределах дальности действительного огня его орудий, атаковать самостоятельно северный фронт, отрезать ведущие на север дороги и, с началом штурма, обстрелом восточного фронта в тыл привести оборонявшие войска в замешательство. Проведение этого требовало большого внимания: время штурма не могло быть точно назначено, потому что скорость движения войск зависела от силы сопротивления противника, а порча мостов и другие препятствия могли вызвать задержку на несколько дней.

Флот указал, что высадка боеспособного десанта для ведения боя на берегу ввиду краткости срока для подготовки не может быть осуществлена ни путем образования десанта из команд крейсеров, ни с помощью перевозки войск на последних. Для вызова транспортов для войск нехватало времени. В остальном задача была вполне выполнима, но с оговоркой, что в случае тумана или свежего ветра западных румбов операция будет очень затруднена или даже совсем невозможна. Было указано, что большие корабли не могут на ночь оставаться на рейде и что в утренние часы ввиду того, что придется стрелять против солнца, стрельба будет мало действительна. Ген.-лейт. Лауенштейн принял во внимание эти соображения, переданные ему через офицера для связи, и сообщил, что часть задач будет передана армии для обеспечения проведения операции во всех случаях.

Для обеспечения тесного взаимодействия между морскими силами и армией была создана сеть постов службы наблюдения, обеспеченных необходимой и живучей связью, и, кроме того, была разработана единая система опознавательных сигналов для точного определения своих войск и войск противника. К штабам сухопутных войск были приданы моряки-радиотелеграфисты, а к войскам, действовавшим у побережья, — сигнальщики. Кроме того, корабли и войсковые части были снабжены картой Либавы и ее окрестностей, разбитой на основании работы мор. ген. шта-

ба в мирное время на квадраты, что давало возможность проводить операцию на этом участке по единой карте.

Между тем, к.-адм. Гопман собрал свои силы в восточной части Балтийского моря: легкие крейсера и 20-я полуфлотилия стояли в готовности в Мемеле; *Пр. Адальберт* стоял в готовности к выходу в Нейфарвассере; *Пр. Генрих, Роон* и 19-я полуфлотилия, окончившие свои упражнения в Киле, находились в Свинемюнде, где получили вечером 2 мая приказание перейти в Данциг. В эти же дни был зачислен в состав морских сил Балтийского моря броненосец береговой обороны *Беовульф* (*Beowulf*), хотя и тихоходный, но мелкосидящий и очень поворотливый корабль, вооруженный тяжелой артиллерией; он был дан по ходатайству командующего морскими силами, просившего выслать в Мемель два корабля такого типа. После спешного ремонта в Киле корабль вышел оттуда вечером 3 мая в Нейфарвассер.

К.-адм. Гопман с прибытием этого корабля считал число тяжелых орудий достаточным [1] и настаивал на дальнейшем увеличении легких сил, потому что крейсера и миноносцы подходили ближе к побережью без особых затруднений и быстрее разворачивались, чем большие корабли, вынужденные строго придерживаться границ протраленного фарватера. Кроме того, возникла необходимость в сильном дозоре для прикрытия работ тральщиков с севера, так как воздушная разведка не могла полностью обеспечить своевременного предупреждения на случай приближения неприятеля; последние сообщения содержали сведения, что *Рюрик* и два линейных корабля [2] находятся в Кронштадте в ре-

---

[1] *Принц Адальберт: 4—21-см, 10—15-см; Роон: 4—21-см, 10—15-см; Принц Генрих: 2—24-см, 10—15-см; Беовульф: 3—24-см.*

[2] Постановка *Рюрика* в ремонт была вызвана его аварией 13 февраля на камнях у маяка Фарэ (Готланд), когда этот корабль в составе отряда крейсеров (*Адм. Макаров, Олег, Богатырь*) направлялся к Данцигу для выполнения заградительной операции на подходах к нему. Не имея из-за пасмурности и снега точного определения, отряд, идя по счислению, оказался прижатым к отмелям у о. Фарэ (см. Холльмюден), причем *Рюрик* перескочил через несколько гряд камней и получил ряд пробоин днища, приняв около 2 400 *т* воды. Операция была прервана, и поврежденный крейсер, охраняемый другими крейсерами, под своими машинами, 6-узловым ходом вернулся в Финский залив и затем

монте, но появления броненосных крейсеров и канонерских лодок нужно было опасаться. Наконец, впечатление от появления флота на защитников Либавы было в прямой зависимости от числа кораблей, что было важно также и для подъема духа собственных войск. Содействие захвату Либавы имело значение не только в качестве помощи армии выбить противника, но и с точки зрения возможности использования этого порта в дальнейшем в качестве опорного пункта для флота.

К.-адм. Гопман запросил несколько крейсеров из Северного моря, хотя и не питал особенной надежды, что он их получит, так как в их отсутствие Флоту открытого моря пришлось бы воздерживаться от активных операций. К счастью, в Северном море таких операций не предполагалось, а потому командующий флотом сообщил в главную квартиру, что временно может предоставить четыре крейсера IV развед. группы и две флотилии миноносцев. Командующий морскими силами Балтийского моря, не рассчитывавший получить крейсера и миноносцы, еще до получения ответа обратился непосредственно к командующему флотом с просьбой о переводе в Свинемюнде на время решительных действий 4 линейных кораблей типа *Виттельсбах (Wittelsbach)*, которые находились в Киле для очередных упражнений. Адм. Поль согласился и на это предложение, но просил по возможности ускорить окончание упражнений. Ввиду этого пр. Генрих решил от линейных кораблей пока отказаться.

Пока шли переговоры между инстанциями армии и флота и между высшими органами командования морскими силами с целью выяснения вопросов организационного характера, крейсера, миноносцы, тральщики и вспомогательные суда деятельно готовились к предстоявшим операциям. 2-й флагман Карф получил приказание проложить прибрежный тральный фарватер и поддерживать его чистым от мин для

был проведен ледоколами в Кронштадт для ремонта в доке. Авария эта тогда осталась для противника неизвестной. Ремонт крейсера потребовал трех месяцев. Подробные сведения об аварии приведены в книге М. Обольянинова, Подъем затонувших судов и борьба с аварийными повреждениями, М. 1933 г.— *Н. Н.*

плавания больших кораблей. Для этой цели, кроме вспомогательного дивизиона Нейфарвассера, был откомандирован II дивизион тральщиков, прервавший для этой цели работы у банки Штольпе.

Когда этот дивизион пришел 2-го утром в Мемель, неожиданно рано, потому что он накануне из-за плохой погоды заходил в Нейфарвассер, силы, бывшие в распоряжении 2-го флагмана, уже начали операцию для выполнения воздушной разведки в направлении Виндавы. Авиаматка *Глиндёр* под проводкой вспомогательного дивизиона тральщиков и с прикрытием в составе *Тетиса, V-107* и *UA* вышла уже 3 часа тому назад в море, направляясь к Либаве, чтобы увеличить район разведки своих самолетов; остальные два крейсера должны были служить поддержкой и также уже готовились выйти. Но теперь, с приходом II дивизиона, группа *Тетиса* была вызвана обратно: хотя выяснение вопроса, служила ли Либава или Виндава опорным пунктом для неприятельских минных заградителей и подводных лодок [1], имело большое значение, но траление все же стояло на первой очереди.

Тральщики вспомогательного дивизиона, еще находившиеся в гавани, вышли в море, чтобы протралить для контроля прежний фарватер до Бернатена; II дивизион, приняв топливо и воду, вышел в море вслед за остальными и приступил к работе под прикрытием *Любека* и *V-108*, 2-й флагман на *Аугсбурге* вышел в Данциг для переговоров с сухопутным командованием. Благодаря хорошей погоде вскоре было найдено обнаруженное 30 апреля заграждение и выяснено, что оно простирается мористее, чем это предполагали. Направление линии было с запада на восток. Работы были прерваны лишь с наступлением темноты, около 18 час. Крейсер и тральщики пошли обратно в Мемель, а *V-108* и *T-56* остались у заграждения охранять место работы.

Свежий юго-западный ветер помешал продолжению работ 3 мая, и охранявшие протраленный район миноносцы были отозваны. В полдень вернулся из Данцига *Аугсбург:* коммодор привез подробные планы операций и отдал соот-

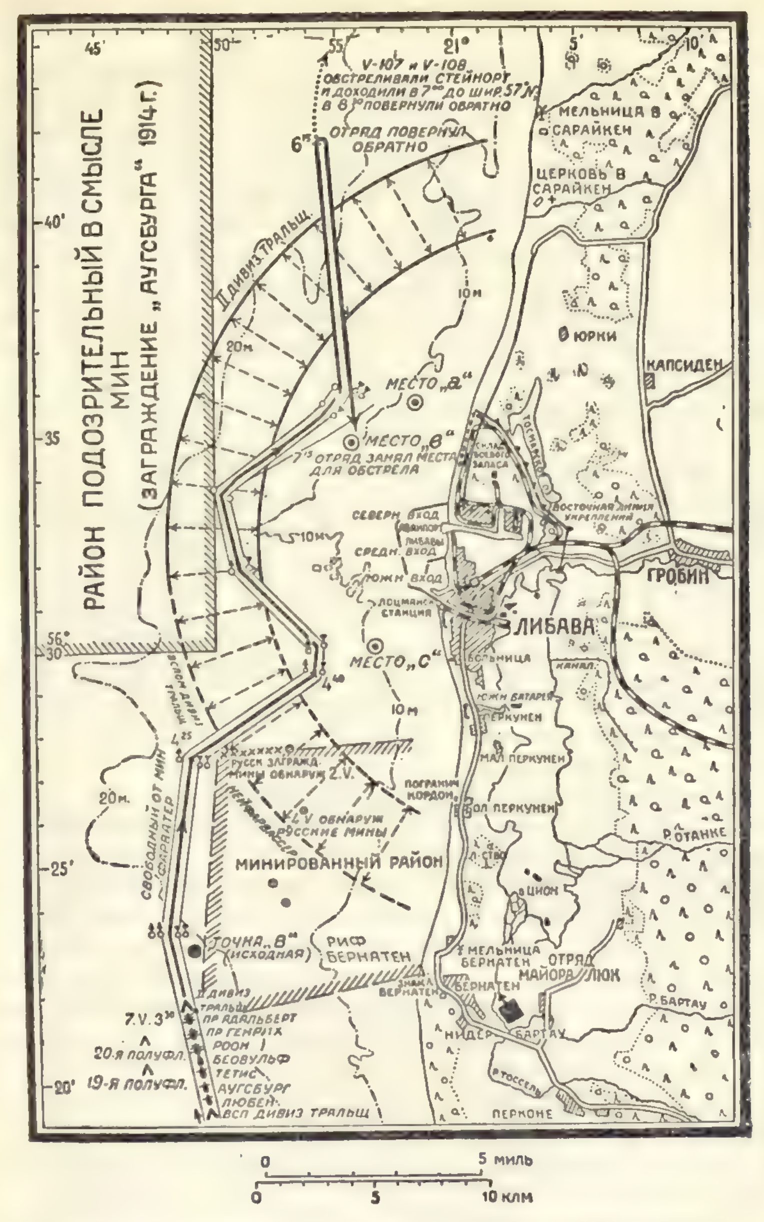
---

[1] См. примечание первое на стр. 64. — *Н. Н.*

ветствующие письменные и устные приказы. Вспомогательный дивизион тральщиков получил задание ежедневно контролировать протраленный фарватер и в остальное время быть в готовности к выходу по первому требованию. II дивизиону тральщиков была дана задача форсировать обнаруженное заграждение, а затем проложить фарватер к Либаве, как можно ближе к линии 10-*м* глубин, обойдя заграждение с восточной стороны. В дневное время тральные работы охранялись крейсером и двумя миноносцами, а на ночь в районе работ несли дежурство миноносцы 20-й полуфлотилии. Разведка в северном направлении также и в дальнейшем осуществлялась самолетами с *Ансвальда* и *Глиндёра,* высылавшимися каждый день утром и вечером на 60 миль северо-западнее Мемеля и пролетавшими и над районом Либавы.

3 мая вечером ко 2-му флагману на корабль прибыл начальник группы, оперировавшей против Либавы — полк. Шуленбург со своим начальником штаба. На совещание был приглашен знавший местность кап.-лейт. запаса Шюлеман, в присутствии которого план предстоявшей операции был еще раз внимательно обсужден.

В течение ночи ветер ослаб, и с рассветом 4 мая тральщики вышли на работу. II дивизион тральщиков обнаружил по соседству с заграждением, даже на мелководье, новые мины и объявил закрытым для плавания большой район; фарватер пришлось прокладывать мористее этого района. Около места «C» и на траверзе Либавы мин обнаружено не было (черт. 8). Для сбережения времени, которое потребовалось бы на поход в Мемель и на возвращение оттуда, командир дивизиона на ночь поставил тральщики на якорь у рифа Бернатен, а сам на флагманском тральщике вышел для доклада результатов в Мемель. Охрана района была возложена на *S-148* и *S-139,* которых сменили *Любек* с *S-142* и *S-141;* последние в течение дня на зигзагообразных курсах конвоировали работающие тральщики. Вспомогательный дивизион при тралении ничего не обнаружил и вернулся в Мемель. Успешность работы этого дня, отчасти благодаря хорошей погоде, была вполне удовлетворительна. Оставалось сохранить фарватер чистым от мин до начала операции и расширить его в некоторых местах.

Черт. 8. Переход к Либаве для ее обстрела 7 мая 1915 г.

5 мая с раннего утра II дивизион начал работу на либавском рейде. Когда ведущий тральщик *Т-104* около 11 час. приблизился ко входу в средние ворота гавани, по нему был открыт с берега артиллерийский огонь из орудий мелкого и среднего калибра, причем было произведено от 50 до 60 выстрелов. *Т-104* отвечал из обоих 5,2-*см* орудий и отошел без повреждений. В 13 ч. 30 м. *Аугсбург* под брейд-вымпелом 2-го флагмана, в сопровождении *G-135* идя по фарватеру, произвел несколько выстрелов по расположенным южнее города проволочным заграждениям, около которых производились работы. Через час с моря был хорошо виден русский обстрел шрапнелью германского самолета.

К вечеру флагманский корабль и тральщики возвратились в Мемель. На ночь четыре миноносца были поставлены на якорь в 3 милях от северного конца фарватера, немного южнее стоял *Тетис* с двумя миноносцами, между точками «А» и «В» (см. выше черт. 6). Крейсеровали два рыбачьих парохода, третий стоял в качестве временного пловучего маяка на якоре в точке «В». Остальные тральщики вспомогательного дивизиона контролировали прибрежный фарватер Мемель — Брюстерорт — Нейфарвассер. В течение дня к Либаве трижды высылался самолет, все другие находились в порту в Мемеле.

На основании донесений и фотографий, съемка которых ввиду отсутствия сухопутных самолетов была возложена в отношении сухопутного фронта также на гидросамолеты, создалось убеждение, что крепость не может оказать серьезного сопротивления. На больших крепостных сооружениях вокруг «порта императора Александра III» был замечен очень слабый гарнизон, а местами укрепления были пусты. Нигде не было заметно следов дополнительных земляных работ по обороне, которые указывали бы на прибытие новых частей пехоты или на установку новых батарей. В отражении атак принимало участие незначительное количество легких орудий, тральщик был обстрелян одной легкой батареей и одной — среднего калибра. Возможно, что это было военной хитростью, так как неприятель мог сохранить тяжелую артиллерию на нескольких фортах и до поры до времени ею не пользоваться. В средних воротах,

по сообщению *T-104,* было обнаружено боновое и тросовое заграждения, положение в остальных воротах было без изменений; во всяком случае проходимы были только южные ворота и лишь для малых кораблей.

5 мая был издан оперативный приказ командира разведывательных сил. Он содержал последние данные о противнике, результаты траления и важнейшие сведения о Либаве. Затем следовал план атаки армией, связанные с атакой задания флоту и приказания об их проведении: корабли должны были разделиться на три группы и стать у Либавы на якорь, а в случае, если погода этого не позволит, держаться машинами у буев: *Беовульф* и один из легких крейсеров получили приказание держаться возможно ближе к северной линии фронта; броненосные крейсера — там же, не заходя за 10-*м* глубины; два легкие крейсера — с южной стороны города (черт. 8 и 9); тральщики должны были обеспечивать корабли от атак подводных лодок, X флотилия — быть в готовности при удобном случае прорваться в гавань; по одному миноносцу выделялось для поддержания в северной и южной части района боя сигнальной связи со своими войсками, как только они покажутся на побережье; остальные миноносцы предназначались для службы донесений и для общей связи. *UA* оставалась в готовности в Мемеле.

В случае хорошей погоды *Глиндёру* с 4 самолетами надлежало подойти возможно ближе к Либаве. Обеспечение отряда от помех со стороны русского флота возлагалось на IV разведывательную группу и флотилии миноносцев из Северного моря, которые должны были утром 7 мая построить дозорную линию на линии Хуввудшер — Готска-Сандэ — Эзель.

Распоряжение об открытии огня командир отряда оставил за собой, кроме случаев необходимости отражения атак на корабли, а также тех случаев, когда замеченные войска были бы опознаны безусловно как неприятельские; миноносцам вообще запрещалось стрелять до получения особого приказания. Сам город и торговая гавань должны были быть по возможности пощажены. Пристрелку должен был производить один флагманский корабль, причем самолеты должны были в виде опыта указывать попадания ус-

ловным маневрированием в воздухе; затем, по отдельному приказанию, должны были присоединиться остальные броненосные крейсера. *Беовульф* в отношении обстрела северного участка фронта был самостоятелен, и ему был подчинен находившийся при нем крейсер.

В южной части руководство операцией возлагалось на коммодора Карф. Предписывалось вести спокойный и меткий огонь, причем обращалось особое внимание на экономное расходование боевых запасов и на внимательное опознание своих и неприятельских войск. Каждый корабль должен был иметь в готовности паровой катер для высадки десанта. В конце приказа были приведены сигналы для переговоров с армией, рандеву для морских сил (в 3 часа 7 мая у рифа Бернатен) и походный порядок.

Снабжение углем доставило много забот. В Мемеле на складах не было запасов. Крейсера и миноносцы принимали уголь, котельную воду и машинное масло с двух пароходов, базировавшихся на Данциг. Последние не успевали удовлетворять потребность флота, возросшую за последние дни в несколько раз. Один из них вышел вечером 4 мая, а другой через 24 часа — пустыми в Данциг; поход туда и обратно вместе с погрузкой занимал по меньшей мере около 5 суток. В первую очередь был использован уголь, погруженный в качестве баласта на авиаматку *Ансвальд;* впоследствии доставка угля была организована на буксируемых баржах. Кроме того, был послан заказ в Киль погрузить для миноносцев на пароход 2 000 *т* угля в мешках.

Расположенные в Мемеле морские силы 6 мая около полудня вышли в море, имея с собой все три легких крейсера на случай, если армия подойдет к Либаве ранее назначенного планом времени. Траление продолжалось беспрепятственно, и ничто не указывало на неприятельские оборонительные мероприятия. Коммодор, во избежание бесполезной перестрелки, запретил чрезмерное приближение к стенкам гавани.

Летчики были снова безрезультатно обстреляны над окрестностями озера Тосмар. Легкий бриз и хорошая видимость облегчали разведку; город и форты имели обычный вид. Дорога была пуста. На вокзале царило спокойствие. Отряд Шуленбурга не давал о себе никаких сведений, и

2-й флагман стал на якорь к югу от рифа Бернатен, оставив 20-ю полуфлотилию на фарватере.

В полдень вышел также к.-адм. Гопман с броненосными крейсерами. С большими затруднениями эти крейсера, имевшие дополнительный запас угля на палубах, вышли из устья Вислы. Вследствие увеличения их осадки и падения уровня на 30 *см* ниже ординара, они по нескольку раз садились на мель, идя по фарватеру. Лишь около 15 ч. 30 м. отряд вышел в море. Высланный ввиду своей тихоходности вперед *Беовульф* вступил в кильватер у Брюстерорта. 19-я полуфлотилия выстроилась на светлое время дня для охраны от подводных лодок, затем пошла за кормой флагмана, мористее.

На рассвете 7 мая в 2 ч. 30 м. показались корабли коммодора и заняли свои места. К.-адм. Гопман в первый раз увидел подчиненный ему отряд сведенным в одно соединение. Длинная линия боевых и вспомогательных кораблей представляла собой пеструю картину: впереди — старые малые миноносцы II дивизиона тральщиков; за ними — три броненосных крейсера, все разных типов, отличавшиеся по числу труб (2—3—4); затем — броненосец береговой обороны *Беовульф,* выходец из времен Каприви [1]; ему в кильватер — три разнотипных легких крейсера различного возраста; в хвосте колонны — рыбачьи пароходы вспомогательного дивизиона тральщиков и 4 сторожевых парохода, служившие до войны для пассажирского сообщения в Кильской гавани; в X флотилии, шедшей вдоль строя для охраны от подводных лодок, были собраны старые миноносцы разных серий, не годившиеся для службы в Северном море.

Отряд не успел закончить построение, когда около 5 час. от IV разведывательной группы, шедшей по заданию в дозорной линии, было получено тревожное радио:

> «Линия прорвана. Противник находится в верхней части квадрата 151α, идет курсом *SO*».

Предыдущее сообщение не дошло по назначению,—ука-

---

[1] Каприви—нем. сухопутный генерал, бывший в 1883—1889 гг., т. е. когда Германия еще удовлетворялась наличием флота береговой обороны, морским министром. — *Н. Н.*

занный квадрат находится в 50 милях к северо-западу от Либавы. На запрос с флагманского крейсера разведывательной группы Северного моря *Штетина (Stettin)* последовало разъяснение:

> «*Мюнхен* (*München*) видит 2 четырехтрубных и 2 трехтрубных броненосных крейсера на *ONO* в расстоянии 180 *гм* (98,4 каб.), идущих курсом *SO*, кроме того, дым на *N*».

Вскоре поступило еще радио:

> «предполагаю присутствие дальнейших неприятельских сил прямо по носу»[1].

На основании этих данных можно было предполагать, что русские выслали на защиту Либавы все наличные силы. В случае, если бы Гопман пошел на соединение с дозорными крейсерами, ему пришлось бы обходить с юга опасный район минного заграждения, что составляло около 100 миль хода до места, где находилась IV разведывательная группа, и при этом он очищал либавский рейд для неприятеля. Поэтому, несмотря на опасность от мин, он решил итти прямо навстречу противнику, пользуясь протраленным фарватером и следуя за тральщиками вдоль берега к северу от Либавы; в случае, если бы на их пути встретилось заграждение, Гопман предполагал обойти его вплотную к берегу и прорваться на север по мелководью. *Глиндёр,* находившийся еще в Мемеле, получил приказание воздушной разведкой обнаружить противника. *V-107* и *V-108* были высланы вперед к Стейнорту. *S-142* получил приказание сопровождать *UA* на позицию к северо-западу от Мемеля и в случае появления неприятеля стараться навести его на лодку. *Беовульф* с рыбачьими пароходами был отпущен и стал на якорь на своем месте по диспозиции обстрела.

Корабли вышли навстречу противнику, имея команду на местах по боевой тревоге. На сообщение *Штетина* в 4 час., что он видит единичные дымы — броненосные крейсера не

---

[1] Столкновение неприятельских сил с дозорной линией изложено ниже, см. карту 2. Радиообмен между дозорными крейсерами, из которого было ясно, что они вступили в бой, на *Принце Адальберте* принят не был, вероятно, потому что он передавался малой мощностью.

отвечали. В ответ на посланный с *Пр. Адальберта* запрос «показать свое место» было получено:

«нахожусь в квадрате 154γ, курс *ONO*. В направлении *NOzO* четыре корабля, повидимому, неприятельские, идут на *S*».

Но уже в 5 час. *Штетин* сообщил:

«русская эскадра в квадрате 032β идет *N*-вым курсом».

Место неприятеля в обоих случаях находилось в 45 милях на *NzW* от *Пр. Адальберта,* и изменение курсов убеждало, что противник повернул. Хотя к.-адм. Гопман и не надеялся принудить неприятеля к бою, он все же сообщил командующему IV разведывательной группой к.-адм. Шейдту:

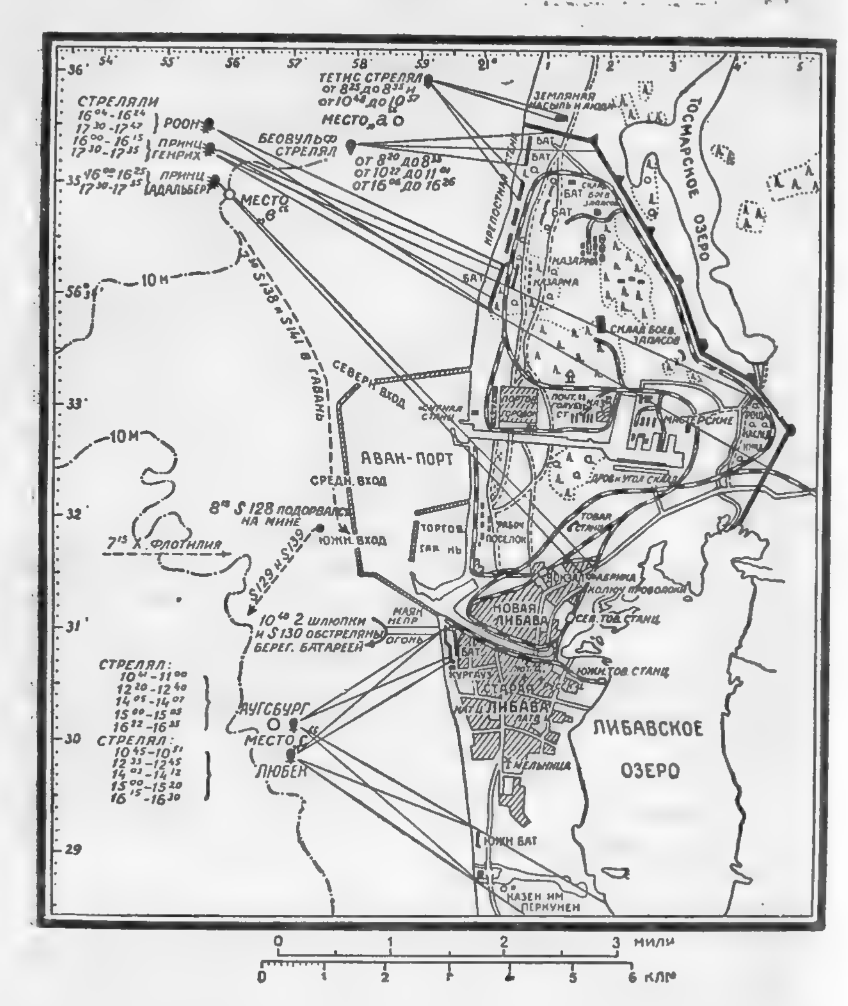
«иду навстречу прорывающемуся неприятелю под берегом».

Но так как до 6 ч. 15 м. никого не было видно, он возвратился к исполнению поставленной непосредственно ему задачи.

Вероятно, русская эскадра получила приказание возвращаться из-за опоздания для защиты Либавы, потому что войска стали очищать крепость. От армии было получено радио:

«по сообщению летчиков русские взрывают укрепления в восточной части. По нашим сведениям русские отступают к Гольдингену. Мы давим на Гробин, подойдем к Либаве не ранее вечера».

Заслуживало удивления, что на дороге, ведущей к северу от Либавы, хорошо видной с кораблей, не было заметно никакого движения. Гопман приказал кораблям стать на свои места по диспозиции для обстрела. *V-107* и *V-108* были вызваны обратно; после напрасного ожидания неприятеля к северу от Стейнорта они обстреляли маяк и осмотрели рыбачью флотилию, с которой взяли в плен военнообязанных. Высланный в разведку самолет не мог ничего сообщить ввиду отсутствия на нем радиостанции. *Глиндёр* вышел по направлению к Бернатену, так как погода благоприятствовала полетам. Слабый южный ветер, дувший на-

Черт. 9. Обстрел Либавы 7 мая 1915 г.

кануне, лишь немного засвежел, волнение было умеренным, видимость хорошая. Небо в течение дня было обложено тучами, а к вечеру местами выпали слабые дожди.

Вскоре после 19 час. корабли стали на коротко вытравленные якор цепи в готовности к съемке с якоря; вокруг них стали полукругом тральщики. На берегу и в гавани ни-

что не шевелилось. Ушел ли неприятель? Или нужен был решающий удар, чтобы заставить его сдаться? Для выяснения обстановки офицер морского генерального штаба Герке просил разрешения произвести разведку двумя миноносцами. На *S-138* и *S-141,* предоставленных в его распоряжение, он подошел к северному входу, а затем прошел вдоль молов до южных ворот, в которых расстояния между затопленными пароходами казались шире. Подойдя к последним, миноносцы увидели несколько стоявших у поверхности мин и, предполагая, что около них имеются другие, глубже поставленные, решили протралить вход со шлюпок.

За выделенными миноносцами последовала оставшаяся часть X флотилии, чтобы оказать содействие в случае прорыва в гавань или обстрела с берега. Шлюпки, вооружившись кошками и катерным тралом с подрывным патроном, занялись очисткой входа от бонового и тросового заграждений; боны были перебиты подрывными патронами. Неожиданно в 8 ч. 15 м. на *S-128,* стоявшем с застопоренными машинами среди остальных миноносцев 19-й полу флотилии, раздался сильный взрыв. Кормовая часть был совершенно оторвана, верхняя палуба загнулась вперед, но машинная переборка выдержала, и миноносец остался на плаву. *S-129* и *S-139,* имевшие врачей, подошли с обеих сторон, оказали первую помощь и, взяв пострадавший миноносец на буксир, повели его в Мемель. Потери при взрыве выразились в 5 убитых и 6 раненых. Остальные мино носцы благополучно вышли из загражденного района.

Разведка подтвердила предположение, что город гото сдаться. Не было произведено ни одного выстрела. Кап.-лейт Герке выходил на стенку головы мола, откуда также не было видно войск. Поэтому, по его предложению, в его распоряжение были даны 2 паровых катера со шлюпками на буксире, на которые он посадил десантный отряд и ре шил высадить его южнее гавани у Кургауза.

Когда шлюпки в 10 ч. 30 м. подошли на 1 *км* к берегу, по ним был открыт ружейный и пулеметный огонь с кургаузской батареи, после чего они, согласно приказанию, вернулись без потерь. *S-130,* высланный коммодором Карф для прикрытия операции, тотчас открыл огонь из орудий, вслед за ним *Аугсбург* и *Любек* также накрыли своими залпами

батарею. Вероятно, благодаря этому кап.-лейт. Герке удалось высадиться на побережье без потерь. Для проникновения в город у него было мало сил, поэтому желание встретиться в городе с наступавшими с юга и с востока войсками осталось неисполненным.

На северном участке появилось несколько русских солдат, которые были прогнаны выстрелами с *Беовульфа* и с *Тетиса*. Часть дороги, ведущей на север, была скрыта лесом, в котором до полудня были обнаружены наблюдательные пункты и отдельные укрепления, тотчас обстрелянные. Броненосные крейсера сначала не могли принять участия в бою. Группа Лауенштейна сообщила, что впредь до точного опознания неприятеля ни в каком случае не следует открывать огня. К.-адм. Гопман решил воспользоваться воздушной разведкой для выяснения обстановки на восточном фронте. Один раз была слышна сильная ружейная перестрелка, и вскоре поднялось огромное облако дыма в одной из отдаленных частей города. Это был первый из взрывов, часто повторявшихся в течение дня и указывавших на основательную разрушительную работу, производившуюся неприятелем.

Германские войска подошли вплотную к городу. В 9 ч. 15 м. 3-я кавалерийская бригада (Шуленбург) сообщила по радио, что она без боя перешла рубеж у Вартага; час спустя, около 10 ч. 30 м., она была на дороге Нагген—Сарры. Находившаяся у побережья группа майора Люк, которая должна была первоначально занимать оборонительное положение, также приняла участие в наступлении. В 7 час. она достигла нижнего Бартау и успешно продвигалась вперед. С 10 час. ее головные части сопровождал *S-126*, ввиду чего здесь, на южном участке, в каждый момент были точные сведения о том, чьи войска видны на побережье. В соответствии с этим в бою на этом участке уверенно и быстро действовали крейсера. По требованию группы Люка, *Аугсбург* и *Любек* обстреливали в полдень в течение 20 минут южные крепостные сооружения. В результате в продолжение следующего часа на месте форта возник пожар и облако взрыва, что указывало на последние приготовления защитников к отступлению. В 14 и 15 час. обстрел был возобновлен и велся по расположенным впереди фортов

земляным окопам. Так как защитники крепко держались в окопах и других целей не было, то крейсера ограничивались одиночными выстрелами. В течение следующего часа передовая германская линия, а с ней вместе и *S-126* подошли настолько близко, что русские открыли по миноносцу ружейный и пулеметный огонь. Когда они начали стрелять и по германской пехоте, коммодор Карф в 16 ч. 20 м. приказал открыть ураганный огонь. Тотчас смолкли пулеметы, вследствие чего атака возобновилась, и через 10 минут ракеты, выпущенные отрядом, указали, что он подходит к сфере действия огня с кораблей. После этого был дан отбой.

Группа броненосных крейсеров получила в 14 ч. 30 м. уведомление, что армия начнет в 15 ч. 20 м. обстрел восточных крепостных сооружений огнем тяжелой артиллерии от Гробина, после чего пошлет предложение о сдаче. В случае отказа огонь будет возобновлен в 17 ч. 30. К.-адм. Гопман решил принять участие в обстреле и просил назначить ему цели. Так как с ответом вышла задержка, он распределил между кораблями уже известные ему объекты, назначив: *Беовульфу* — северный участок фронта, *Роону* — береговую батарею, *Пр. Генриху* — восточный участок фронта, а своему флагманскому кораблю — фабрику колючей проволоки.

Открытие огня артиллерией армии задержалось. Когда, наконец, в 16 час. на расположенных к северо-востоку от города возвышенностях появились вспышки орудийных выстрелов, к.-адм. Гопман разрешил открыть огонь. Редкими выстрелами тяжелой и средней артиллерии корабли начали обстрел своих целей. *Пр. Генрих,* вынужденный стрелять по невидимой цели, использовал башню водокачки в качестве вспомогательной точки для наводки. Место расположения фабрики колючей проволоки, скрытой в складках местности за городом, было хорошо заметно по ее многочисленным трубам. Дистанции были достаточно большими. *Пр. Генрих* стрелял по цели, удаленной свыше 100 *гм* (54,6 каб.). Результатов, заметных глазом, с корабля наблюдать не удавалось, чего и следовало ожидать по характеру цели. В 16 ч. 23 м. был получен ответ от войскового начальника, что с 16 ч. 15 м. назначен перерыв ввиду

переговоров о сдаче. Корабли по сигналу немедленно прекратили огонь.

2-й флагман в 17 ч. 15 м. сообщил, что южная батарея подняла белый флаг. Однако, это был лишь местный успех, потому что вскоре вновь стала слышна отдаленная канонада. Полной капитуляции достигнуть еще не удалось. Поэтому в 17 ч. 30 м. корабли вновь открыли редкий огонь. Кроме прежней цели, средняя артиллерия *Пр. Адальберта* взяла под обстрел радиостанцию, скрытую в лесу и теперь обнаруженную. *Беовульф* произвел несколько выстрелов по невидимой части северного участка фронта. Так как армия в последних радиограммах настойчиво просила обстрелять береговые батареи, к обстрелу их, кроме *Роона,* был привлечен еще и *Пр. Генрих;* благодаря этому избегалась опасность от обстрела кораблями собственных войск, приближавшихся к восточному участку фронта. Корабли за время двух обстрелов после полудня израсходовали 70 снарядов крупного калибра и 200 снарядов средних калибров.

В 17 ч. 45 м. к.-адм. Гопман приказал прекратить огонь и одновременно запросил армию, нужно ли его продолжать, так как в 18 ч. 15 м. ему нужно уходить с рейда. Он хотел до наступления темноты выйти из опасного от мин района и надежно обеспечить на ночь корабли от атак миноносцев и подводных лодок. Так как ответа не последовало, то отряд в указанное время самостоятельно ушел на юг. Пока корабли удалялись, у береговой полосы сдались в плен 6 офицеров и 500 солдат. В течение вечера группа Люка заняла весь участок города Старая Либава. Восточный участок крепостного фронта также не мог дольше держаться, и там германские войска ворвались в город до наступления ночи.

На рейде была оставлена 20-я полуфлотилия (4 миноносца). Легкие крейсера стали на якорь к югу от рифа Бернатен, а броненосные крейсера у Паппензе. Охрану несли: сторожевые корабли, рыбачьи пароходы и 19-я полуфлотилия. II дивизион тральщиков был отпущен для погрузки угля в Мемель. Туда же вечером была отправлена и подводная лодка. *Глиндёр* на ночь остался у Бернатена. Самолет *93,* вылетевший утром на разведку, должен был при возвращении произвести из-за неисправности мотора вы-

нужденную посадку у Паппензе, где после долгих поисков был найден миноносцем; другой самолет, корректировавший стрельбу, повредил при посадке поплавок и был поднят на флагманский корабль.

На 8 мая полк. Шуленбург просил содействия флота «как можно раньше». Впоследствии он добавил:

> «продолжение атаки с рассветом. Появление флота крайне желательно. Открывать огонь только по радиограммам».

К.-адм. Гопман на предложение согласился. Во всяком случае нужно было дать около часа времени для погрузки угля на миноносцы и тральщики; все крейсера с рассветом должны были передать им по 20 *т* угля. Окоро 6 час. нужно было успеть снова занять места для обстрела. При этом учитывалось, что на предстоящие сутки охрана от подводных лодок будет значительно ослаблена, так как в предвидении дальнейших операций тральщики и половина миноносцев были отпущены в Данциг для приема полного запаса угля.

С рассветом появился туман. Миноносцам удалось еще ошвартоваться к броненосным крейсерам, и *Глиндёр* переменил якорное место, приблизившись к *Пр. Адальберту* для приемки поврежденного самолета. Но поход к Либаве задерживался. Коммодор Карф снялся с легкими крейсерами с якоря, когда — в 3 ч. 10 м. — начали доноситься раскаты пушечной канонады; однако, попасть на протраленный фарватер не удалось, и крейсера вновь стали на якорь. Незадолго до 5 час., когда видимость несколько увеличилась, к.-адм. Гопман произвел подобную же попытку, но и ему не удалось пройти дальше рифа у Бернатена. Не с большим успехом окончилась попытка 19-й полуфлотилии. Туман захватил большой участок моря; вскоре было получено радио от *Штетина,* сообщавшее об уменьшении видимости ввиду тумана и о невозможности ручаться, что отдельные корабли противника не смогут пройти незамеченными через дозорную линию.

К 9 ч. 30 м. туман несколько рассеялся, и все корабли смогли войти на фарватер. Через 2 часа все корабли стали на якорь на рейде, на этот раз сосредоточенно в северной его части, у мест «а» и «b». Для охраны от подвод-

ных лодок была выделена 19-я полуфлотилия и сторожевые корабли. 20-я полуфлотилия была отпущена в Мемель, а вспомогательный дивизион тральщиков застрял из-за тумана у Бернатена. Бо́льшая часть II дивизиона тральщиков была выделена для поддержания связи с побережьем.

В 10 ч. 30 м. полк. Шуленбург известил по радиотелеграфу, что первая часть операции окончена.

> «3-й кавалерийской бригадой, благодаря действительному и сильному содействию флота, в настоящее время окончательно занята Либава. Надеюсь на дальнейшие совместные успехи».

Законно в его телеграмме сквозило удовольствие по поводу благополучного взятия города. В течение немногих часов крепость сдалась слабому отряду. Отдельные потери были незначительными по сравнению с числом пленных и стоимостью захваченных материалов. Главная часть гарнизона отступила и не оставила ни одного орудия. Противник удовольствовался затруднением операций на суше — путем взрывов мостов, на море — бонами во входах в гавань и обильной постановкой мин.

Кроме того, он пытался сильными разрушениями привести в негодность для военных целей окружавшую город крепость.

Причиной столь лестной оценки, данной командованием армейской группы значению содействия флота, был не столько артиллерийский обстрел, сколько впечатление, что, благодаря участию флота, город был занят почти без боя и без помехи со стороны неприятельских морских сил. Один из попавших в плен русских офицеров сказал, что гарнизон при отражении атаки рассчитывал только на обещанную русским Балтийским флотом помощь; когда же вместо него на рейд пришли германские корабли, сразу началось всеобщее отступление. В одном месте флот оказал действительное содействие, а именно при захвате южного верка, капитуляция которого без помощи крейсеров не произошла бы столь быстро. Майор Люк, сразу после занятия укрепления, выразил свою искреннюю благодарность. Но в смысле общего результата большее значение имело то, что армия отважилась наступать с такими малыми си-

лами, что флот, несмотря на мины и на опасность от подводных лодок, прибыл в назначенное время в указанное место, что флот уже до этого дал понять русским своими действиями, что он чувствует в себе достаточно силы, чтобы искать встречи с броненосными крейсерами противника. Флот и армия в одинаковой степени обеспечили успех операции. Командиры, штабы и команды имели основание гордиться этим, и в особенности тральщики, миноносцы и самолеты.

В значительной степени сказалось и наличие Флота открытого моря. Его действие издали проявилось еще при начале войны, когда сильные укрепления Либавы были неприятелем разоружены и покинуты. Для данной операции от него были выделены всего несколько крейсеров и миноносцев. IV разведывательная группа и 14-я и 15-я полуфлотилии вышли 4 мая после полудня из Киля в Данциг, VI флотилия последовала в тот же вечер. Ввиду опасения мин им приказано было итти вдоль померанского побережья; в особенности им было предписано остерегаться плавающих мин, и от Иерсгефта до Риксгефта разрешалось итти только в светлое время суток. Заход в Нейфарвассер был необходим для пополнения топлива, а также для личного свидания с командующим в Балтийском море флагманом и для разработки плана операций.

К.-адм. Шейдту, командовавшему соединением из Северного моря, было невозможно, при всем его желании, ознакомиться тотчас же 5-го после полудня со всеми подробностями подготовлявшихся на суше и на море операций. Этого не позволяла краткость имевшегося в его распоряжении времени, а также отсутствие достаточного штаба. С другой стороны, ему, как старшему по службе, нужно было бы принять общее командование. В случае если бы это произошло, ему пришлось бы подчинить себе хорошо знакомого с обстановкой к.-адм. Гопмана, командовавшего значительно более сильным и многочисленным отрядом. Учитывая эти обстоятельства, гр.-адмирал объявил, что он сам командует всей операцией, и разделил задачи: морским силам Балтийского моря он поручил непосредственное содействие флангу армии, в то время как пришедшие из Северного моря крейсера и миноносцы получили задачу от-

ражать атаки русских из Финского и Рижского заливов[1]. В случае необходимости в действиях соединенных сил в общее командование должен был вступить к.-адм. Шейдт.

Между обоими флагманами было условлено, что IV разведывательная группа ранним утром 7 мая выстроится на линии между Готска-Сандэ — банка Сарычева в дозорную линию. Один из крейсеров должен был сторожить проход между Готска-Сандэ и Хуввудшером, 2 миноносца должны были наблюдать за выходом из Рижского залива (карта 1). К.-адм. Шейдт, выдвинутый со своими сравнительно тихоходными кораблями далеко вперед, во всех случаях должен был рассчитывать только на свои силы, потому что оперировавшая у Либавы группа для соединения с ним должна была бы до выхода в открытое море обойти обширный опасный для плавания из-за мин район, который тянулся вдоль курляндского побережья и кончался лишь в 30 милях южнее Либавы, т. е. группы были разделены расстоянием около 180 миль.

Большое число приданных к разведывательной группе миноносцев и наблюдавшееся до сих пор желание неприятеля уклониться от столкновений должны были на случай встречи уравнять силы. Дозорная линия должна была

---

[1] Состав сил Северного моря, выделенных для действий в Балтийском море:

IV разведывательная группа:

Командир к.-адм. Шейдт.

Офицер морского генерального штаба, кап. 2 р. Вебер.

Легкие крейсера *Штетин (Stetin), Мюнхен (München), Штутгарт (Stuttgart)* и *Данциг (Danzig).*

VI флотилия миноносцев:

Кап. 2 р. Шульц *(V-161).*

11-я полуфлотилия: кап.-лейт. Рюман.

V-151, V-152, V-153, V-154 и *V-155.*

12-я полуфлотилия: кап-лейт. Лас.

V-156, V-157, V-158, V-159 и *V-160.*

VIII флотилия миноносцев.

Кап. 2 р. Хундертмарк (*S*-178).

15-я полуфлотилия: кап. 2 р. Вейсенборн.

V-181, V-182, V-183, V-184 и *V-185.*

14-я полуфлотилия: кап.-лейт. Кордес.

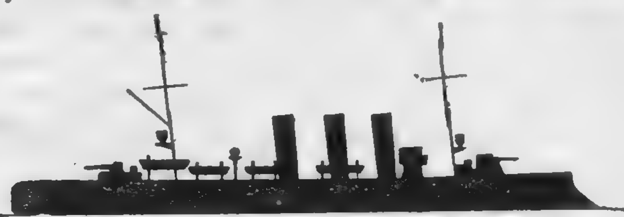
S-19, S-20, S-22 и *S-23.*

держаться на назначенном месте несколько дней, и путь туда был очень длинен. На каждый крейсер было погружено по 40 *т* угля в мешках для передачи на миноносцы; последние, кроме того, приняли на палубу возможно большее количество угля. Потребность в топливе с трудом была удовлетворена в Нейфарвассере, и погрузка угля на 4 крейсера и 21 миноносец затянулась до глубокой ночи.

К.-адм. Шейдт снялся в 6 час. и, пройдя мимо Брюстерорта и Мемеля, вышел с протраленного фарватера в море по параллели 56°. Миноносцы охранной завесой с обоих бортов обеспечивали крейсера от атак подводных лодок. Эскадренная скорость хода была назначена в 15 узлов, ввиду чего пришлось бережно расходовать уголь. Заказанный в Киле груженный мешками с углем для миноносцев пароход не был выслан. Все миноносцы выкрасили задние дымовые трубы в желтый цвет, чтобы во время ночных встреч со своими кораблями их было легче опознать. В 20 час. отряд лег на курс *N* (карта 2); *Данциг* и три миноносца, шедшие на левом фланге, были отправлены для дозора в водном районе к западу от Готланда. Отряд с наступлением темноты выстроил дозорную линию для наблюдения морского пространства между Готландом и Курляндией; расположение дозорной линии не захватывало всю ширину моря, а оставляло свободной на востоке широкую полосу ввиду опасения присутствия в ней мин. С 0 ч. 30 м. крейсера и миноносцы шли широко растянутым строем уступа на *NW*. Несмотря на ясную погоду, группы шли вне видимости одна другою и только изредка видели дымы соседей.

Когда в 2 часа (7.V) в северной и восточной части горизонта стало светлее, вторая справа группа — *Мюнхен* и *V-181* — обнаружила слева по носу дымы 4 кораблей. Командир *Мюнхена* повернул тотчас полным ходом на них. Широкие белые пятна ниже дымов указывали на приближение больших кораблей, если эти пятна не принадлежали сопровождавшим отряд миноносцам. Обстановка быстро выяснялась. Пока команда разбегалась по боевой тревоге, было установлено, что головной корабль — 4-трубный броненосный крейсер. Чтобы не потерять неприятеля из виду, *Мюнхен* продолжал итти на сближение.

В 2 ч. 08 м. у русских блеснули первые выстрелы, и германские 10,5-*см* орудия также открыли огонь со средних дистанций 42 *гм* (23 каб.). Предрассветные сумерки затрудняли использование артиллерии; для освещения прожекторами было слишком далеко, применение оптических приборов затруднялось недостаточностью освещения. Неприятельская эскадра, шедшая большим ходом, повернула на *W*, вероятно для уклонения от атаки миноносцев. Командир *Мюнхена* также повернул, чтобы продолжать бой на параллельных курсах. Против него были 2 крейсера типа *Адмирал Макаров* и 2—типа *Богатырь*. Все четверо оживленно участвовали в бою. Их огонь не нанес никаких по-

Германский легкий крейсер *Мюнхен (München)* (1904)

Длина	110,8 *м*;
Водоизмещение	3 250 *т*;
Скорость хода	22 узла;
Вооружение	10—105-*мм*, 10—37-*мм*; 2 торпедных аппарата;
Личный состав	310 чел.

вреждений. В то же время около 2 ч. 18 м. было замечено попадание в головной русский крейсер [1]. В это время русская колонна повернула еще раз вправо и исчезла в дыму. *Мюнхен* последовал за ней.

Через несколько минут бой начался вновь на *SO*-вых курсах. Теперь *Мюнхен* оказался впереди и использовал это, выпустив в 2 ч. 30 м. по неприятельской линии тор-

[1] Многие наблюдатели отчетливо видели густое черноватое облако с высоким взбросом пламени вблизи мостика. Русский кап. 2 р. Граф утверждает в своем дневнике на основании разговоров с офицерами, участниками сражения, что русские крейсера попаданий не имели, а, наоборот, что они наблюдали попадание в *Мюнхен*. Г. Граф, «На *Новике*», «Русский флот в войне и революции, издание на английском языке: «The Russian Navy in war and revolution», Мюнхен, 1922 г. и 1923 г., издание автора.

педу, однако, безрезультатно. После этого залпы тяжелой артиллерии неприятеля стали хорошо накрывать крейсер; один залп упал так близко по носу, что всплески залили всю переднюю часть корабля до боевой рубки. Применявшиеся до этого изменения скорости хода и курсов при начавшемся рассвете стали мало действительными. Командир был вынужден отойти на более дальнюю дистанцию. Около 2 ч. 35 м. *Мюнхен* прекратил огонь, потому что корабли, окруженные дымом, не представляли более хорошей цели. Немного погодя замолчала и артиллерия противника.

Сопровождающий *Мюнхена V-181* пошел в торпедную атаку, но находившийся на нем начальник полуфлотилии считал нападение обреченным на неуспех ввиду большого расстояния до неприятельских кораблей, а также ввиду того, что почти рассвело, почему приказал *V-181* вступить в кильватер *Мюнхену*. Безрезультатная стрельба русских крейсеров говорит о том, что миноносец в своей атаке достиг бы успеха.

Шедшие на правом фланге *V-151* и *V-153* в начале сражения оказались в неблагоприятном положении. Помимо того, что с них в направлении на запад почти ничего не было видно, им вряд ли удалось бы приблизиться к противнику из светлой части горизонта. По требованию собраться к *Мюнхену*, начальник 11-й полуфлотилии (на *V-151*.— *Ред.)* пошел самым полным ходом на *NW*. Полученное приказание к.-адм. Шейдта — всей линии повернуть на обратный курс — не смогло быть выполнено немедленно, так как сейчас же вслед за этим слева позади траверза из-за дыма, в расстоянии менее 100 *гм* (54,6 каб.), показалась неприятельская линия; ее головной корабль тотчас открыл по миноносцам огонь (2 ч. 42 м.) и повернул, как казалось, на них. Но затем русские продолжали вновь итти *SO*-вым курсом, и 2 миноносца, вскоре повернув на *SW*, а потом на *S*, соединились со своими силами.

Шедшие слева от *Мюнхена V-152* и *V-154* заметили артиллерийскую перестрелку и бросились к месту боя, но они были далеко сзади и не могли выйти в исходное для атаки положение; так, с них даже не заметили, что противник некоторое время лежал на *W*-вом курсе. Пока сигналы о встрече с неприятелем, данные *Мюнхеном*, были

разобраны, противник уже шел курсом *SO*. Командир IV разведывательной группы был на *Штетине* почти на 10 миль западнее и не мог на основании отдельных сообщений получить правильного представления об обстановке, даже если бы и сумел по желтоватым и красноватым вспышкам определить, где свои корабли и где противник. Первое радио с *Мюнхена* сообщало:

> «вижу неприятельскую эскадру из четырех кораблей, идущих курсом *S*».

Ближайшей задачей было воспрепятствовать неприятелю сорвать операцию у Либавы и ликвидировать прорыв. К.-адм. Шейдт поэтому повернул всю дозорную линию (2 ч. 22 м.), а сам пошел вместо *SW* на *S*, чтобы соединиться с *Мюнхеном*.

Одну минуту он думал дать сигнал общей атаки миноносцев, однако, уже настолько рассвело, что трудно было рассчитывать на успешную атаку разрозненными парами миноносцев. Когда через 10 минут расстояние до сражавшегося *Мюнхена* не уменьшилось, *Штетин* повернул еще на 4 румба влево и пошел самым полным ходом. Затем Шейдт приказал всем крейсерам и миноносцам собраться к флагманскому кораблю, на котором сам шел на сближение с противником; *Мюнхен*, прекративший к этому времени огонь, также получил приказание соединиться.

Из военного дневника к.-адм. Шейдта видно, что он хотел вызвать для поддержки к.-адм. Гопмана с броненосными крейсерами. Радиотелеграмма об этом по причине, до сих пор не установленной, однако, отправлена не была, вследствие чего находившиеся у Либавы морские силы в первое время вообще не знали, что в море находится неприятельская эскадра.

В 2 ч. 42 м. со *Штетина* видели на юго-востоке облако дыма, которое, судя по его размерам, принадлежало, повидимому, соединению кораблей. Дым так хорошо закрывал корабли, что только изредка из-за него показывались отдельные мачты. Расстояние до него было 12—15 миль. Эта группа могла или прорваться ночью через дозорную линию, или разойтись с нею, пройдя в свободной полосе между дозором и побережьем. В это же время *Мюнхен* сообщил, что во время боя он видел севернее противника еще обла-

ко дыма (в действительности принадлежавшее *V-151* и *V-153*). От *V-151* поступило донесение о бое с крейсерами, но были ли это крейсера отряда, шедшего с *Адмиралом Макаровым,* было неясно. Неожиданная встреча со значительными неприятельскими силами вынудила к.-адм. Шейдта принять решение собрать свой отряд и спешно итти с ним на помощь Гопману, чтобы не допустить срыва операции по захвату Либавы и в первую очередь не допустить, чтобы шедший на юго-восток русский отряд стал между своими кораблями и силами Гопмана. Он повернул на *S*, уменьшил ход, чтобы дать время крейсерам и миноносцам нагнать больше пара, а затем снова пошел 20-узловым ходом.

Выполняя свой замысел не дать отрезать себя от своих сил, Шейдт, заметив, что облако дыма идет вправо, уклонился еще вправо, а затем, когда пришел на нужный пеленг, снова лег на *S*. Возможность столкновения с неприятельскими крейсерами сначала считалась неизбежной, потому что в 3 часа расстояние до них было около 180 *гм* (98,4 каб.). В 3 ч. 20 м. их дымы были видны на *ONO*. Последние — не вполне надежные — наблюдения давали основание предполагать, что противник изменил свой *SO*-вый курс по крайней мере на *NO*-вый.

Около 3 ч. 30 м. большое облако дыма разделилось на несколько дымовых следов, ясно передвигавшихся на восток. Таким образом, противник очистил дорогу. Тогда Шейдт решил не терять с ним соприкосновения; *Штетин* повернул на *SO*, а через четверть часа — на *ONO*. Скорость хода была уменьшена, чтобы дать подтянуться отряду. Вскоре все вступили на свои места за исключением *Данцига,* который с 15-й полуфлотилией находился к западу от Готланда, и кроме пары: *V-151* и *V-153*; *S-20* и *S-23*, назначенные в дозор у входа в Рижский залив и находившиеся в начале боя значительно южнее дозорной линии, к этому времени присоединились к отряду. Теперь дымы неприятеля были прямо по носу, и он незадолго до этого, как казалось, повернул вправо. Следовать за ним на юго-восток флагман не решался. Хотя отряд находился еще в нескольких милях от загражденного минами района, но нельзя было быть уверенным в своем месте ввиду большого

числа поворотов и многократного изменения скорости хода. Поэтому он приказал править по курсу *S*, но вскоре был вынужден повернуть снова на *ONO* и увеличить скорость хода, чтобы не потерять неприятеля из виду.

Около 4 ч. 30 м. из-за дыма появились отдельные корабли. На отряде предполагали увидеть 4 неприятельских броненосных крейсера, идущих *S*-вым курсом, но противник отвернул на *NO*. Очевидно, он был вынужден отказаться от нападения на Либаву, потому что издали принял соединенно идущий германский отряд из 3 крейсеров и 16 миноносцев за внушительную силу, перед которой необходимо было отступить. Это мнение подтверждала и перехваченная в то время открытая радиограмма одного из неприятельских кораблей, принятая *Мюнхеном* и переведенная на немецкий язык:

«Новая группа идет в атаку»,

а также последовавший затем обмен радостными восклицаниями между радиотелеграфистами кораблей противника по случаю благополучного возвращения в свои воды. Около 5 ч. 20 м. к.-адм. Шейдт известил командующего отрядом у Либавы, с которым он поддерживал радиосвязь в течение трех последних часов, что он больше не нуждается в помощи.

Теперь возникал вопрос, отступила ли крейсерская эскадра, с которой сражался *Мюнхен,* а также другие русские корабли, принимавшие участие в событиях этого дня. Шейдт считал возможным, что виденная им группа имела задание отвлечь его от Либавы, в то время как остальные силы пытались обойти с запада. Поэтому он считал, что самым правильным образом действий будет создать у противника ложное впечатление, что его отряд представляет мощное соединение. IV разведывательная группа поэтому шла в таком расстоянии, чтобы неприятельские наблюдатели не смогли определить ее слабость, и старалась возможно больше дымить. Затем отряд постепенно стал удаляться от противника и к 6 ч. 30 м. потерял из виду его дымы. Через полчаса крейсера и миноносцы разошлись и выстроили между Эстергарном и Виндавой, в том же строю, как и ночью, с равными интервалами между кораблями, дозорную линию, которая имела к западу от Готланда про-

должение, упиравшееся в северную оконечность Эланда; от дальнейшего следования к Готска-Сандэ флагман отказался ввиду ограниченного количества угля на миноносцах.

В то время как смелое сближение *Мюнхена* с противником и его следование в непосредственной близости от значительно сильнейшего неприятельского отряда вызвало похвалу, гр.-адм. пр. Генрих не согласился с осторожной тактикой к.-адм. Шейдта, и в этом с ним было согласно большинство командиров соединений и кораблей, участвовавших в операции. Он не одобрял отступления Шейдта от неприятельской эскадры и принятия решений на основании облаков дыма, без выяснения количества и силы производивших этот дым кораблей. Разногласия в сообщениях различных кораблей и наблюдателей заставили пр. Генриха притти к заключению, что второе облако дыма произошло от разрыва дыма неприятельских крейсеров, отнесенного ветром, а не принадлежало другому неприятельскому отряду. Также мало вероятным он считал, чтобы замеченное с *Мюнхена* к северу от броненосных крейсеров дымовое облако принадлежало третьей неприятельской группе кораблей. Он выразил удивление, почему на последнем N-вом курсе было потеряно соприкосновение с противником. Пр. Генрих ожидал, что дозорные крейсера воспользуются благоприятным случаем и принудят противника принять рано или поздно бой, в крайнем случае — наведя их на морские силы, стоявшие у Либавы. К.-адм. Шейдт не считал свой отряд достаточно сильным для этого:

> «Задачей разведывательной группы было обеспечить от помехи совместные действия армии и флота у Либавы. Отклонение от нее могло считаться допустимым лишь в случае наличия возможности нанести чувствительный удар русским морским силам. Рассчитывать же на таковой с полной уверенностью в успехе нельзя было, судя по величине встреченных неприятельских сил».

Русские морские силы в действительности участвовали в операциях в лице нескольких соединений и кораблей[1]. По

---

[1] Г. Граф, The Russian Navy in war and revolution, разбросанные в разных местах книги сведения из дневника этого офицера, в то время плававшего на *Новике*.

получении сведений о наступлении германских армий и флота на Либаву, командующим флотом была выслана в район Либавы — Данцига английская подводная лодка *Е-9*, крейсеровавшая ранее почти до конца апреля к северу и западу от Борнхольма. Кроме того, командующий флотом приказал поставить с миноносцев мины в тех местах, где были замечены работавшие германские тральщики. В течение 6 мая три флотилии миноносцев, *Новик* и полудивизион особого назначения выходили со своего якорного места в южной части Моонзунда и у Михайловского маяка на минные постановки; при этом *Новик* имел на борту 40 мин, а полудивизион — 80, предназначенных для северного заграждения (карта 2)[1]. Одна флотилия сопровождала *Новика*, остальные находились в готовности в Ирбенском проливе. В качестве дальней поддержки для ставящих мины миноносцев была выслана в район Готланда бригада крейсеров к.-адм. Бахирева. С наступлением темноты *Новик* с сопровождавшей его флотилией отошел от побережья между Бакгофеном и Стейнортом с целью обойти загражденный ранее район; места германских минных полей русские узнали из германских карт, найденных подмышкой у утонувшего рулевого с *Магдебурга*[2].

В ежеминутном ожидании встречи с германскими дозорными кораблями особенно следили, чтобы на полном ходу у миноносцев не было факелов из труб. Однако, все обошлось благополучно: около полуночи мины были поставлены согласно заданиям, и возвращение произошло беспрепятственно. С началом рассвета в темноте на северо-западе были видны вспышки и была слышна канонада. Предполагали, что броненосные крейсера наткнулись на германские разведывательные силы, но об этом не заботились. *Новик* с сопровождавшей его флотилией повернул к побережью, соединился с полудивизионом особого назначения, также

[1] См. приложение 5.

[2] *Магдебург* выскочил на камни у Оденсхольма в ночь на 26 августа 1914 г., когда немцами были поставлены заграждения лишь у Либавы и перед входом в Финский залив (квадрат 39). Очевидно, позднейшие их заграждения не могли быть на картах, взятых с *Магдебурга*. — *Н. Н.*

поставившим в назначенном месте свое заграждение, и все вместе невредимыми вернулись в Рижский залив.

Таким образом, действительное положение, с которым встретился к.-адм. Шейдт, было следующее: бригада крейсеров шла произвольными курсами с заданием прикрывать постановку мин, производившуюся с миноносцев, от германских дозорных кораблей, и две группы миноносцев (в одной—9 и в другой 4) спешили скрыться в Ирбенский пролив после окончания своих операций; он заметил сначала бригаду крейсеров, затем группу, шедшую с *Новиком*, и, наконец, не замечая разницы, снова сблизился с крейсерами.

Уклонение русских от боя произошло не по вине Шейдта: они лишь так же твердо выполняли поставленную им пассивную задачу, как он свою. Если бы Шейдт был настолько же хорошо осведомлен о возможностях и особенностях балтийского театра, как командир *Мюнхена* или как к.-адм. Гопман, то он, вероятно, попробовал бы определить силы и намерения противника и постарался бы нанести ему удар при посредстве крейсеров или атаками флотилий. В результате его осторожности группа *Новика* спустилась незамеченной южнее Либавы. Во всяком случае операция не принесла русским никакой пользы: заграждения не повредили ни одного из германских кораблей, не помешали проведению операций германского флота и, что замечательно, — поставленные мины никогда не были обнаружены; бригаде же крейсеров не удалось нанести вреда наткнувшимся на нее германским дозорным силам.

Командующий морскими силами не мог представить себе ясно обстановку даже при одновременном рассмотрении всех вахтенных журналов. Поэтому еще меньше он мог знать об обстановке 7 мая, когда его сведения ограничивались несколькими радиограммами, принятыми данцигской радиостанцией и переданными в Киль. К.-адм. Шейдт считал, что донесение очень загрузит радиообмен, почему отложил его отправку, руководствуясь также и тем соображением, что любые мероприятия опоздают, и лишь вечером, в ответ на запрос, изложил ход событий. Передача донесения, составленного самым сжатым слогом (90 слов), со *Штетина* через Данциг в Киль заняла более 4 часов.

Первым сведением, поступившим в 4 ч. 30 м. утра в Кильский дворец, была одна из позднейших радиограмм от находившегося в соприкосновении с неприятелем *Мюнхена:*

> «Вижу два 4-трубных неприятельских крейсера и два 3-трубных на *ONO* в 180 *гм* (98,4 каб.), идущих курсом *SO*, кроме того, на *N* облака дыма».

Время и место передававшей радиостанции указаны не были. Пр. Генрих тотчас приказал 7-й дивизии IV эскадры, бывшей в его распоряжении (4 линейных корабля типа *Виттельсбах*), приготовиться к походу, допринять в срочном порядке уголь и итти в Свинемюнде. Из дальнейших радио выяснилось, что противника видели между Готландом и Курляндией, что он отступил и соприкосновение с ним уже было потеряно. Пр. Генрих считал возможным, что русские повторят нападение для прикрытия отступления своей армии от Либавы, почему выслал линейные корабли вместо Свинемюнде в район подходов к Стокгольму, откуда они должны были отрезать противника при возвращении в случае вторичного нападения.

7-я дивизия, под командованием в.-адм. Шмидта, в составе линейных кораблей *Виттельсбах* (флагманский корабль), *Веттин (Wettin), Швабен (Schwaben) и Мекленбург (Mecklenburg)* в полдень 7 мая вышла из Киля 14-узловым ходом на восток. Приказ, полученный командиром эскадры в последний час перед выходом, предписывал ему только итти кратчайшим путем в район между Готландом и Эландом. Ему была подчинена IV разведывательная группа и обе флотилии миноносцев к.-адм. Шейдта, но к.-адм. Гопмана с его разведывательными силами он мог использовать только в исключительном случае. Для обеспечения сохранения секретности этой новой операции и с целью соблюдения внезапности было решено сообщить истинное назначение отряда даже командирам кораблей — только после выхода в море; поэтому сначала было объявлено, что линейные корабли передвигаются в Свинемюнде с целью демонстрации. Придя в Фемарн-Бельт, дивизия получила предостережение о неприятельских подводных лодках: за несколько часов до этого видели две неприятельских лодки у Арко-

ны[1]. Но командир эскадры не стал откладывать выполнение порученной ему задачи из-за отсутствия противолодочной охраны и, держась вплотную к побережью до Арконы, тем самым благополучно прошел позицию крейсеровавшей там английской подводной лодки *E-1*.

В полночь с 7 на 8 мая флагман IV разведывательной группы сообщил еще через Данциг и Киль, что все полуфлотилии в течение следующего дня нужно отпустить в Данциг и Мемель для погрузки угля и что для крейсеров желательно также немедленное пополнение запасов угля, в противном случае, начиная с раннего утра 9-го, их боеспособность будет ограничена, ввиду необходимости посылать прислугу артиллерии в угольные ямы. С первым предложением в.-адм. Шмидт вынужден был согласиться, но крейсерам он приказал остаться в дозоре не для обеспечения своего обходного маневра, а принимая во внимание, главным образом, обеспечение операции против Либавы. От времени возвращения миноносцев зависела возможность проведения операции 7-й дивизии, предусмотренной утром 9 мая. В.-адм. Шмидт рассчитывал, что транспорт с углем, погруженным в мешках, находится на своем месте; однако, из оживленного радиообмена, ведение которого легло на флагманский корабль, он установил, что все четыре полуфлотилии шли в Нейфарвассер и смогут вернуться на широту Готланда не ранее вечера 9 мая. В случае если бы он их не стал дожидаться, его линейные корабли оказались бы без защиты от подводных лодок и без разведки; кроме того, крейсера IV группы значительно потеряли свою боеспособность и не могли бы противостоять энергичному русскому нападению против Либавы, если бы таковое было предпринято. Несмотря на это, в.-адм. Шмидт решил немедленно итти вперед, учитывая, что неприятель может получить сведения о присутствии линейных кораблей.

Поход дивизии 8 мая прошел без особых происшествий, временами лишь его задерживал туман. Корабли поставили фальшивые третьи трубы, которые обеспечивали им сходство с линейными кораблями типа *Брауншвейг* (*Braun-*

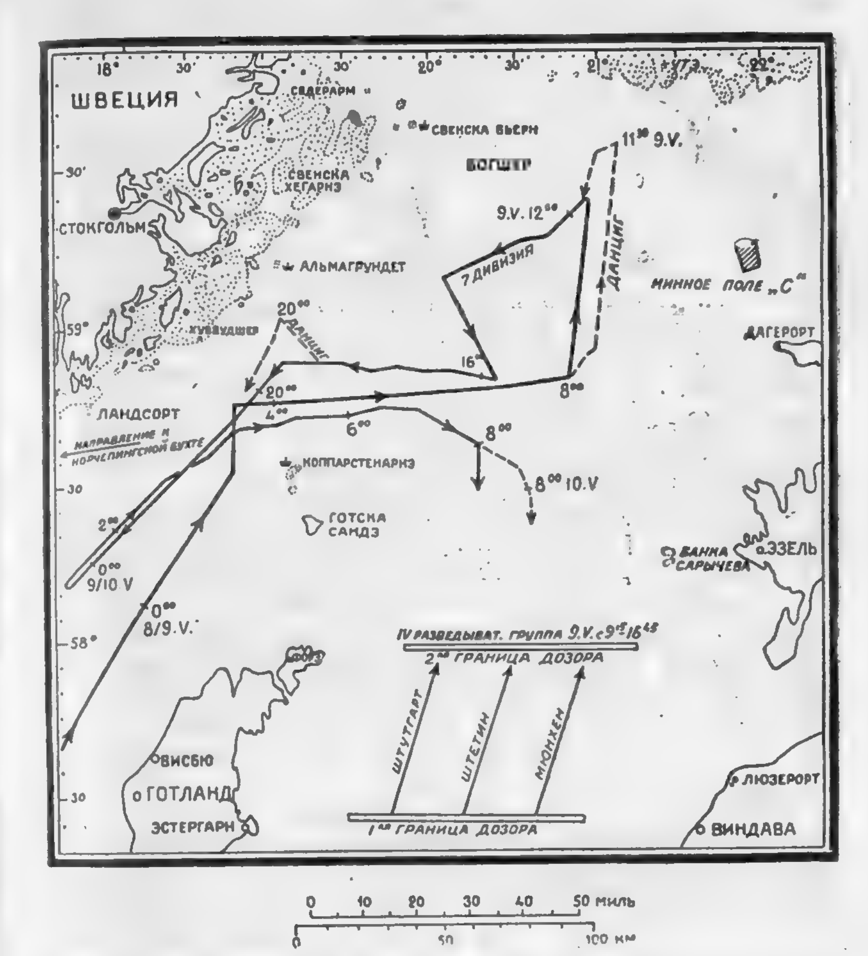
[1] Здесь была только одна английская подводная лодка *E-1*.— *Н. Н.*

schweig). Перед полуднем дивизии стало известно, что вся Либава занята армией. Но операция продолжалась, потому что гавань нужно было быстро очистить для возможности входа в нее транспортов с войсками. В дозорной линии к западу и к востоку от Готланда все было спокойно. К.-адм. Шейдт сообщал, что вскоре после полудня 7 мая *Штетин* видел на широте Люзерорта дым, принадлежавший вероятно неприятельскому быстроходному заградителю[1]. Вечером дозорная линия поднялась до северной оконечности Фарэ, чтобы, идя в течение темного времени суток *S*-вым курсом, тем самым затруднить прорыв противника. К утру крейсера снова были на линии: северная оконечность Эланда—Эстергарн—Виндава. VI флотилия и 14-я полуфлотилия в полдень были отпущены, вместо них к.-адм. Шейдт просил смену из состава разведывательных сил Балтийского моря, но к.-адм. Гопман не мог предоставить ни одного миноносца. Пара *S-20* и *S-23* была атакована у Брюстерорта подводной лодкой *(E-9)*. *S-20* видел следы торпед и даже рубку лодки, но вследствие густого тумана потерял ее из виду раньше, чем успел открыть огонь. С несколькими тоннами угля полуфлотилии вошли в течение вечера в порт, а 15-я полуфлотилия вошла лишь на следующий день.

С рассветом 9 мая в.-адм. Шмидт с 7-й дивизией и легким крейсером *Данциг*, который он захватил с собой от Эланда для того, чтобы линейные корабли не остались совсем без охраны, находился к западу от Готска-Сандэ (черт. 10). Очень большая видимость заставила его пройти пловучий маяк Коппарстенарнэ в расстоянии 12 миль, после чего он пошел с увеличенной скоростью курсом *Ost*. О неприятеле никаких сведений не поступало. *Мюнхен* в 3 ч. 30 м. донес, что видит много неизвестных кораблей, но через несколько минут сообщил, что ошибся. В 5 ч. 30 м. в.-адм. Шмидт выслал дозорную цепь крейсеров по параллели 58° сев. шир. Когда это мероприятие не дало никаких результатов, он повернул на *N*, но и в этом случае убедился, что русского балтийского флота в море не было. Находясь в расстоянии 25 миль от Утэ, он лег на курс к Норчепингской бухте; отряд шел зигзагообразными

---

[1] Кого видел *Штетин*, так и осталось неизвестным.

Черт. 10. Операция 7-й дивизии линейных кораблей (IV эскадры) с *Данцигом* с 8 по 10 мая 1915 г.

курсами для избежания атак подводных лодок, так как у Брюстерорта около полудня германские корабли вновь охотились за подводной лодкой.

Через два часа на короткий срок воскресла надежда на схватку с противником. *Штетин* сообщил, что в 11 ч. 30 м.

видел на *NNO* на очень большом расстоянии дым, а *Мюнхен* принял и перевел русское радио:

«Два крейсера в дозоре ходят по бухте с *Ost'a* на *W*».

Последнее сведение ничего не давало, но сообщение о дыме заставило флагмана повернуть на *SO*. Около 3 ч. 30 м. крейсера наблюдали новый дым на полтора румба западнее виденного ранее, который к этому времени уже рассеялся. Когда это известие дошло до в.-адм. Шмидта, ему стало ясно, что в обоих случаях речь шла о дымах его собственных линейных кораблей. Если бы между ним и крейсерами был противник, то он бы его видел. Было неожиданным, что самая обыкновенная дымность кораблей была видна значительно дальше 50 миль, хотя свежий северный ветер быстро рассеивал клубы дыма.

Дивизия вновь взяла курс к шведским шхерам, так как в.-адм. Шмидт рассчитывал провести ночь к западу от Готска-Сандэ. IV разведывательная группа получила приказание возвратиться на прежнюю линию дозора. И тут и там все было спокойно. Два длинных русских радио, из которых *Мюнхен* принял и перевел отдельные отрывки, как будто бы говорили о готовившемся нападении легких сил противника на германский дозор [1]. К.-адм. Шейдт отступил поэтому в критические часы к югу, подобно тому, как он поступил в ночь с 7 на 8 мая.

С рассветом (10.V) крейсера возвратились на линию Эстергарн — Виндава, а линейные корабли повторили поход предыдущего дня. Так как снова никого не видели, в.-адм. Шмидт прекратил операцию в 8 час. и пошел восточнее Готска-Сандэ и Фарэ на юг, потому что оставшийся на крейсерах запас угля не допускал их дальнейшего пребывания в выдвинутом вперед районе моря. Предполагалось, что крейсера будут еще вечером сменены миноносцами, но затем, по предложению VI флотилии, флагман назначил им рандеву ближе к своим берегам, исходя из того соображения, чтобы им пришлось итти меньшее расстояние полным ходом и чтобы они могли прийти с большим запасом угля в район операций, так как им предстояло

[1] В ставших известными до сих пор русских источниках нет никаких упоминаний про эту операцию.

держаться в дозорной линии до тех пор, пока крейсера не вернутся из Данцига.

VI флотилия своевременно, в полдень, после дополнительной погрузки угля в Мемеле, прибыла в назначенное место. У Брюстерорта 12-я полуфлотилия видела 9-го перископ подводной лодки, которая безуспешно была обстреляна артиллерией и забросана противолодочными бомбами. В дозорную линию теперь вступили *Данциг* и VI флотилия; 14-я полуфлотилия сменила дозор в проходе между Эландом и Карльсэ. IV разведывательная группа (кроме *Данцига*) пошла полным ходом в Нейфарвассер, потому что имела приказание возвратиться через 48 часов.

15-я полуфлотилия была оставлена в качестве резерва в Данциге, так как в.-адм. Шмидт не хотел вторично выполнять операцию совершенно без миноносцев. Дивизия линейных кораблей с этих пор оставалась позади дозорной линии. От повторения на следующий день обходного маневра Шмидт не ожидал никакого результата: корабли показывались в пределах видимости противника слишком часто, чтобы их присутствие могло остаться ему неизвестным. Вместо этого он приказал 11 мая части дозорной линии, находившейся восточнее Готланда, временно выдвинуться до широты Коппарстенарнэ. Никаких следов неприятеля обнаружено не было.

О том, какое направление принял за это время ход операций на суше и какие задачи еще стояли перед флотом, командир эскадры мог составить себе представление лишь с трудом. После того, как вначале армия придавала величайшее значение приведению Либавского порта в состояние пригодности к использованию, вечером 9-го главнокомандующий сообщил приказ Высшего командования, согласно которому должна была быть немедленно подготовлена эвакуация города. Ночью с 10-го на 11-е по радио было сообщено о возможности контрнаступления русских на суше и на море, которого, однако, не следовало ждать раньше 15 мая. IV эскадра получила приказание, чтобы этого числа она имела в готовности, по крайней мере, одну дивизию. Ввиду того, что нельзя было с уверенностью рассчитывать на готовность 8-й дивизии, в.-адм. Шмидту пришлось назначить погрузку угля 7-й дивизии на один день

раньше, чем это было предусмотрено планом, учитывая, что район операций на 12 мая останется без линейных кораблей. Броненосные крейсера к.-адм. Гопмана в этот день также пошли для погрузки топлива. Поэтому 11 мая утром линейные корабли пошли в Свинемюнде.

Когда они подходили к параллели южной оконечности Готланда, была получена радиотелеграмма, требовавшая возвращения из Балтийского моря всех кораблей, приписанных к Северному морю. При этом 7-я дивизия и VI флотилия должны были итти в Свинемюнде, а IV разведывательная группа и обе остальные полуфлотилии — в Киль. Отдельные группы собрались и пошли с наибольшей скоростью, которую им позволял запас угля; проход между Борнхольмом и Сандхаммар был пройден в темное время суток.

Линейные корабли и VI флотилия утром 12-го вошли в Свинемюнде; *Швабен,* нуждавшийся во вводе в док из-за течи в румпельном отделении, пошел в Киль, куда и прибыл около полудня одновременно с крейсерами и миноносцами. IV эскадра пробыла еще несколько дней в Балтийском море, а легкие силы по просьбе командующего флотом были возвращены в его распоряжение[1]. Гр.-адм. пр. Генрих не возражал против этого, так как получил от к.-адм. Гопмана в ночь с 10 на 11 мая исчерпывающие сведения о положении на сухопутном фронте у Либавы; о возможности русского контрнаступления речи уже не было. Линейные корабли, с помощью которых пр. Генрих рассчитывал задержать противника, нанесли удар по пустому месту. Не принесли пользы ни их выступление, настойчиво проведенное в.-адм. Шмидтом наряду с оставлением кораблей в дозоре восточнее Готланда, ни та тяжелая ответственность, которую флагман принимал на себя, выходя в открытое море без охраны от подводных лодок. Пропущенные 7 мая возможности уже нельзя было вернуть.

С началом операции между руководящими органами фло-

---

[1] Флот открытого моря ввиду новолуния (14 мая) собирался выйти в большую операцию. VI флотилия также была отпущена, почему значение 7-й дивизии сильно понизилось. 7-я дивизия была также отпущена 16 мая, после того как выяснилось, что положение на фронте укрепилось.

та произошел оживленный обмен мнениями по вопросу о необходимости и о возможности использования занятого русского военного порта для собственных военных надобностей. Никто до сих пор не допускал вероятности длительного владения Либавой; прежние планы предусматривали только приведение гавани в состояние, негодное для пользования ею неприятельским флотом, что предполагалось осуществить посредством обстрела с моря, путем заграждения входов или с помощью кратковременной высадки десанта. К.-адм. Гопман телеграфировал 1 мая командующему морскими силами, что будет обстреливать город, только если это будет совершенно неизбежно, и на следующий день письменно сообщал:

«Занятие и удержание Либавы и возможное оборудование в ней в дальнейшем опорного пункта будет иметь для будущих действий наших морских сил столь большое значение, что, по моему мнению, крайне желательно самое деятельное участие в операциях нашего флота».

Еще до получения этого гр.-адм. пр. Генрих телеграфировал 2 мая в морской генеральный штаб:

«считаю необходимым удерживать Либаву возможно дольше. Необходимые мероприятия подлежат срочному обсуждению совместно с армией. Либава может быть оборудована в очень ценный опорный пункт для морских сил. Считаю сухопутные действия русских против Либавы, находящейся в наших руках, более трудными, чем наши против русской Либавы. Не исключается возможность бомбардировки, но против нее могут быть своевременно приняты меры».

Ответ гласил:

«Несмотря на признание значения для нас Либавы, считаю длительное владение ею и использование ее в наших целях, без отвлечения больших военных сил и средств — очень затруднительным. Флот уже не может больше выделять их для действий в районе Фландрии и Турции без серьезного ущерба для дальнейшего ведения морских операций в водах, прилегающих к собственному побережью. Поэтому интересы флота при операциях у Либавы должны быть поставлены в зависимость от ин-

тересов армии, чтобы в противном случае на флот не были возложены чрезмерные задачи в связи с длительной оккупацией».

Адм. Бахман ссылался, таким образом, на требования сухопутного фронта, которые были им подчеркнуты еще потому, что он давал в свое время указания Флоту открытого моря предоставить по просьбе пр. Генриха просимые последним подкрепления. Он был согласен с мнениями своего заместителя к.-адм. Бенке и морского министра гр.-адм. Тирпица, что при существовавшем положении было невозможно вооружить и укомплектовать новый приморский фронт, который образовался бы у Либавы. Флотский корпус во Фландрии поглотил почти все имевшиеся резервы снаряжения и личного состава; в то же время оборона Дарданелл и Босфора вступила в решающую стадию [1]. Какие цели преследовало командование армии при занятии Курляндии, известно не было; но было известно, что и оно должно было соблюдать самую жесткую экономию в силах.

Командующий флотом адм. Поль также считал, что сил, необходимых для удержания Либавы, взять неоткуда. По случаю вторичного требования подкреплений из состава Флота открытого моря для участия в операциях против Либавы он записал в своем военном дневнике:

«Защита укрепленного места надводными морскими силами в течение длительного времени при существующих морских боевых средствах для нас неосуществима. Эти морские силы будут, во-первых, подвергаться постоянной опасности от мин и, главным образом, от подводных лодок, во-вторых, — будут отвлечены другими важными задачами. Поэтому решение вопроса возможно лишь: постройкой со стороны моря достаточных по мощности береговых укреплений или защитой подходов с помощью подводных лодок, или, наконец, постановкой минных заграждений в виде пояса на дальности действия огня тяжелой артиллерии кораблей противника. Необходимое число подводных лодок не сможет быть представлено до

[1] 25 апреля 1915 г. русские корабли обстреляли укрепления Босфора и в тот же день произошла первая крупная высадка на Галлиполи.

тех пор, пока не будет построено достаточное количество новых малых лодок типа «UB», предназначенных для целей, подобных указанным. Обеспечение с помощью минзаграждения в значительной степени ограничивает использование Либавы при ее выдвинутом положении в качестве опорного пункта для наших морских сил и не представляет абсолютно надежной защиты. Таким образом, остается только защита береговыми батареями и укреплениями, подобно тому, как это сделано на фландрском побережьи. Некоторый предварительный выход из положения мог бы быть найден во введении внутрь гавани линейных кораблей V эскадры в качестве пловучих батарей. Но пока крепость не сможет защищаться самостоятельно, для ее обеспечения нужно выделять значительные морские силы».

Для командовавших на Балтийском море флагманов заключение морского генерального штаба было тяжелым разочарованием. 4 мая из Киля вторично были посланы в Берлин пространные телеграммы в расчете на возможность все же связаться и договориться с армией; указывалось, что Либава расположена на 120 миль ближе к Финскому заливу, чем Данциг, что особенно важно при ограниченном радиусе действия миноносцев и подводных лодок [1]. Крепость служила бы естественным опорным пунктом для фланга армии, защищающей от русских нападений наше побережье, и, наоборот, была бы в руках усилившейся России постоянной угрозой для наших восточных портов.

Однако, морской генеральный штаб и морской министр держались того мнения, что лишь дальнейшие события мо-

---

[1] Это впоследствии подтвердил и в.-адм. Шмидт, командир IV эскадры, на основании опыта, полученного во время операции у Либавы:

«Либава имеет огромное значение как опорный пункт для флота, если даже там будут только легкие силы. Главная задача морских сил Балтийского моря — защита германской части Балтийского моря — при наличии такого опорного пункта будет значительно облегчена. Сейчас дозорные и разведывательные корабли ходят за углем в Данциг; во время походов туда и обратно они расходуют столько топлива, что их район действия в значительной степени ограничивается».

гут выяснить необходимый способ ведения войны на море, в зависимости от того, будет ли армия стремиться занять всю Курляндию или же ограничится удержанием оккупированной теперь части. Положение Мемеля не настолько существенно хуже, а с помощью нескольких транспортных судов вполне возможно в случае надобности использовать Либаву временно в качестве опорного пункта.

Гр.-адм. пр. Генрих ни в какой степени не считал это решение вопроса окончательным; он надеялся, как он писал уже 3 мая к.-адм. Гопману, что развитие военных действий на фронте легко может привести такие доводы, которые окажутся сильнее взглядов центральных учреждений.

Армия, казалось, была склонна к длительной оккупации Либавы. Утром 8 мая Гинденбург телеграфировал принцу:

> «Либава взята. Прошу организовать защиту Либавы с моря и поддерживать фарватеры между Либавой и Мемелем средствами флота; только при этих условиях будет возможно удержать Либаву».

Армейская группа Лауенштейна просила в срочном порядке очистить входы в гавань, чтобы иметь возможность доставить и выгрузить орудия:

> «С нашей стороны для удержания Либавы выделяются 8 батальонов пехоты и тяжелая артиллерия».

В то же время главнокомандующий восточным фронтом потребовал через отдел морского транспорта морского министерства предоставления тоннажа для перевозки трех 15-*см* батарей; по сведениям же из Данцига, в Либаву предполагалось назначение губернатора. Гр.-адмирал считал необходимым не препятствовать желаниям фельдмаршала и, не запрашивая предварительно согласия морского генерального штаба, согласился. К.-адм. Гопман получил полномочия ускорить очистку входов в либавскую гавань всеми средствами; данцигский порт и командование морской станции были привлечены к участию в этих работах. В качестве обеспечения, впредь до выяснения обстановки, пр. Генрих считал нужным держать у Либавы такие же морские силы, как и до сих пор; поэтому на время ухода 7-й дивизии и броненосных крейсеров для погрузки угля он просил из состава Флота открытого моря I разведывательную группу

или II эскадру, а также одну флотилию с большим радиусом действия.

В это время морской генеральный штаб получил неожиданное подкрепление своего мнения благодаря запросу из главной квартиры. Ген. Фалькенгайн телеграфировал утром 8 мая:

> «Либава взята и будет временно удержана. Длительное удержание допустимо лишь, если флот приведет особенно важные обоснования для этого, и возможно лишь в том случае, если флот сможет предоставить значительные силы и средства для защиты».

Адм. Бахман считал себя вынужденным ответить:

> «Интересы флота не требуют длительного удержания Либавы. Флот не может предоставить для этого на суше ни людей, ни оборонительных средств».

Одновременно он сообщил и в Киль:

> «Целью мероприятий в Либаве может быть только быстрое приведение в негодность всего важного с военной точки зрения оборудования, в особенности гаваней и входов в них, так как рассчитывать на длительное владение Либавой нельзя. Защита Либавы с моря должна производиться имеющимися в вашем распоряжении морскими силами. Я не в состоянии отстаивать необходимость дальнейшего выделения сил Флота открытого моря для действий на Балтийском море».

Указанное решение повлияло на всех, горячо принявшихся за работы по скорейшей очистке гавани, угнетающе. Высшее командование не только отрицало возможность использования Либавы для флота, но и лишало сухопутные части возможности использовать сообщение морем для перевозок.

> «Флот вынужден отказаться от содействия как раз в тот момент, когда его помощь может быть использована наиболее продуктивно»—

записал пр. Генрих в своем военном дневнике.

Но фельдм. Гинденбург преследовал, очевидно, совершенно другие цели. Уже в полдень 9 мая из Гамбурга было сообщено, что 7 транспортных пароходов для армии готовы к выходу в Данциг; пр. Генрих не знал, что это давно про-

водившееся мероприятие не было связано с операциями у Либавы. В то же время выделенный от армии для связи с морским командованием в Данциге офицер потребовал выделения подрывных партий, ибо, якобы, «на основании переговоров между главнокомандующим восточным фронтом и командованием флота» было признано бесполезным длительное удержание Либавы. Это известие в Киле вызвало недоумение, потому что командующий морскими силами Балтийского моря не был посвящен в содержание переговоров, шедших между генеральным и мор. ген. штабами.

9 мая после полудня пр. Генрих решил еще раз представить в мор. ген. штаб все возражения и снова просить о том, чтобы точки зрения на Либаву были обсуждены между высшими командованиями армии и флота с целью получения по линии того и другого исчерпывающих согласованных приказаний. Кроме того, он распорядился соединить себя по прямому проводу с находившимся в Берлине начальником штаба. Последний был под впечатлением полученных донесений, содержавших указания на трудности, с которыми морским силам пришлось бороться [1]. К тому же были получены сведения о группировке у Митавы больших сил противника, что указывало на предстоявшее контрнаступление. На этом основании он считал установление грузового сообщения с Либавой на транспортах преждевременным, тем более, что генеральный штаб не высказывал пожеланий относительно этого. Поэтому оставалось в силе приказание привести гавань в негодность. Распоряжение было смягчено только тем, что к.-адм. Гопману было дано право самому совместно с местным сухопутным командованием установить сроки проведения его в жизнь.

Этим было выиграно время. Армия встретила в Курляндии ограниченное сопротивление, о русском контрнаступлении

---

[1] Вечернее донесение командира разведывательных сил Балтийского моря от 8 мая:

«Деятельность сегодня затруднена туманом. Стою вследствие сообщения о присутствии подводных лодок на якоре у Либавы на мелком месте. Сегодня установлен 70-метровый проход в северном выходе в гавань с достаточными глубинами. *V-107* подорвался во внутренней гавани на мине и тяжело поврежден».

не было речи. Уже спустя 24 часа после получения последнего приказания губернатор гарантировал флагману разведывательных сил, что об очищении Либавы и Курляндии вопроса не поднимается, и ген.-лейт. Лауенштейн снова вернулся к исполнению прежнего плана, вследствие чего вечером 10 мая телеграфировал:

> «Согласно новым приказаниям, Либава будет удерживаться и впредь. Для подвоза боевых припасов и продовольствия, так же как и для вывоза большого количества обнаруженных запасов, прошу насколько возможно скорее очистить входы в гавань. Заграждения входов и взрывы важных сооружений должны быть подготовлены в такой мере, чтобы в случае надобности могли быть выполнены в срочном порядке».

Так как оборона была обеспечена армией и были приняты меры к тому, чтобы гавань в случае отступления была своевременно и основательно заграждена, пр. Генрих с готовностью согласился на предложение ген.-фельдм. Гинденбурга. Во всяком случае город не должен был больше рассчитывать при любой обстановке на защиту только с моря. Был окончательно избран путь — использование Либавы для ведения войны и на суше и на море. Тогда еще не могли учесть, какое большое значение будет иметь эта гавань впоследствии. Вскоре она стала базой левого фланга восточного фронта и главным опорным пунктом флота в восточной части Балтийского моря.

Морской генеральный штаб предоставил теперь событиям итти своим чередом. Казалось, он убедился, что слишком сильно сомневался в возможности продвижения фронта. Но никто не мог предвидеть столь блестящего исхода операций на суше. Еще за 6 недель до этого противник предпринимал наступление на Мемель. На море он также вел наступательные операции, по крайней мере в смысле минных постановок; его флот значительно усилился со вступлением четырех новых линейных кораблей. Высшие руководящие лица армии и флота как в главной квартире, так и в Берлине были заняты в это время, главным образом, разработкой и проведением активных операций на западе, в то время как на востоке Гинденбург сам задумал наступление,

и только пр. Генрих хотел ему в этом помочь. Фактически Либава, несмотря на то, что ее ни разу не пришлось защищать, потребовала на длительные сроки значительных сил флота. Инстанции, которые несли ответственность за распределение всех сил, протекавшее в крайне напряженной обстановке, были со своей точки зрения правы, предостерегая от использования Либавы.

Но разница в мнениях влияла на развитие операций самым нежелательным образом. Она становилась особенно неприятно ощутительной тем более, что части армии и части флота имели различную подчиненность, линии которых поддерживали между собой лишь слабую связь. Правда, на самом фронте, благодаря опыту, полученному во время мемельской операции, заботились об обеспечении тесной связи, и между обоими командованиями велась гармоничная совместная работа. Обмен мнениями между начальником генерального штаба и морского генерального штаба ограничился только посылкой телеграмм 8 мая, в то время как гр.-адм. пр. Генрих уже давно считал совершенно необходимыми самую тесную связь и проведение операций на основании единого совместно разработанного приказа. Выраженный как раз в противоположность этому в сухой категорической форме отказ флота в ответ на запрос армии о необходимости удержания Либавы явился причиной больших затруднений в работе на фронте.

Интерес к деятельности отряда к.-адм. Гопмана тотчас прекратился, как только поступило извещение о взятии Либавы: была достигнута главная цель на Балтийском море, и излишние силы были тотчас использованы по другому назначению. Вечером 6 мая группа Лауенштейна запросила — возможно ли перебросить орудия из Кёнигсберга морем в Либаву, ввиду чего нужно было срочно проложить фарватер в гавань. Первая попытка утром 7 мая показала, что входы между молами, кроме затонувших пароходов, заграждены еще и минами. Тотчас был вызван работавший у банки Штольпе вспомогательный дивизион моторных катеров-тральщиков; из Киля были затребованы спасательные средства для подъема пароходов и для уборки наваленных в проходах бетонных массивов. В ответ на сообщение Гоп-

мана, что он не может назначить срок окончания работ, сухопутное командование стало торопить:

> «Положение требует настойчивого ускорения очистки входов для выгрузки орудий».

Вследствие густого тумана Гопман со своим отрядом смог притти и стать на якорь на либавском рейде только около полудня 8 мая; по той же причине заставил себя ждать и вспомогательный дивизион тральщиков. Незначительное количество исправных тральщиков II дивизиона было назначено для траления фарватера до северного входа. В то же время кап.-лейт. Герке на шлюпке вошел в самую гавань. Он произвел промер северного входа и выяснил, что малые суда могут входить через проход шириной в 70 *м*. После этого он прошел через аванпорт мимо торговой гавани и по каналу до поворотного моста. Так как он не обнаружил ничего, что давало бы основание предполагать наличие дальнейших заграждений, то к.-адм. Гопман отправил своего начальника штаба на берег для переговоров с начальником гарнизона о предстоявших задачах и для более полного выяснения состояния и работоспособности порта.

Кап. 1 р. Михельсен перешел на *V-107,* чтобы независимо от времени дня быть в связи со своим начальником при помощи радиотелеграфа и оптических средств связи. Фарватер до северных ворот и проход через эти ворота были объявлены чистыми от мин, поэтому миноносец должен был итти сперва самостоятельно, а начиная от ворот — под проводкой четырех тральщиков. Когда он, пройдя ворота, стал ворочать за тральщиками, у него под носом взорвалась мина. Носовая часть была оторвана и затонула, передние отсеки быстро наполнились водой. С помощью двух тральщиков кормовая часть миноносца была посажена на затопленную баржу и спасена от потопления; к.-адм. Гопман впоследствии особенно отметил удачное проведение этого маневра. Потери, благодаря заранее принятым мерам, были невелики: один человек погиб, а кап. 1 р. Михельсен и еще один человек были легко ранены. Самым неприятным последствием этого было то, что пришлось разговор с полк. Шуленбургом отложить и попрежнему пользоваться

для связи между армией и флотом помощью радиотелеграфа.

В это время к.-ад. Гопман получил известие о нападении у Брюстерорта неприятельской подводной лодки на *S-20*. То, что подводная лодка смогла подойти на дистанцию торпедного выстрела, несмотря на туман, казалось странным; но флагман, не сомневаясь в правильности наблюдений, усилил меры предосторожности, в том числе отказал армии в продолжении работ.

Группа Лауенштейна требовала немедленной отправки одного из крейсеров в Пиллау для доставки 1 000 человек или, по крайней мере, высылки конвоя для одного парохода, который должен был уже утром выйти из Пиллау. Пути сообщения армии от границы до Либавы были очень плохи, что явствовало из требования главнокомандующего восточным фронтом к флоту поддерживать и охранять фарватер между Либавой и Мемелем. Несмотря на это, к.-адм. Гопман не мог ничем помочь, так как миноносцев X флотилии едва хватало для охраны многочисленных кораблей его отряда; тральщики могли быть использованы не по прямому назначению лишь в исключительных случаях. Стоявший на якоре отряд был в данный момент до некоторой степени защищен туманом. Но когда к вечеру прояснилось, Гопман переставил крейсера на мелкое место возможно ближе друг к другу, чтобы цепь охранных судов была короче и теснее. Перед самым наступлением темноты пришли на рейд авиаматка *Глиндёр* и оба парохода *Индианола* и *Инкула,* имевшие на борту моторные тральщики вспомогательного дивизиона Свинемюнде. Госпитальное судно *Шлезвиг,* стоявшее до этого в Путцигской бухте, было переведено в Нейфарвассер.

Меры предосторожности, предусмотрительно принятые после первого уведомления о появлении подводной лодки, вполне оправдались. На следующее утро (9 мая) с *V-159,* шедшего совместно с 12-й полуфлотилией из Данцига в Мемель, видели перископ подводной лодки опять в районе Брюстерорта. На повторный запрос армии, можно ли теперь рассчитывать на безопасную перевозку войск хотя бы из Мемеля в Либаву, к.-адм. Гопман вновь должен был ответить отрицательно. Хотя, судя по сообщениям, речь шла об

одной и той же лодке, но она могла в любой момент перенести свою деятельность к Мемелю или к Либаве, и в то же время нужно было считаться с тем, что в море могли одновременно быть еще несколько лодок. Требование армии было передано в Киль с добавлением, что перевозка войск сможет быть охранена лишь в том случае, если будет дополнительно прислана, по крайней мере, одна флотилия миноносцев.

9 мая траление хорошо подвинулось вперед. Вспомогательный дивизион Свинемюнде с рассветом спустил свои моторные катера, вытралил северный вход и гавань и водное пространство вокруг него, а также проложил фарватер шириной от 400 до 600 *м* от северного входа до торговой гавани, причем было взорвано много мин. II дивизион тральщиков дополнил сеть фарватеров снаружи гавани, протралив прямой фарватер от заграждения у Бернатена к месту «а» (см. выше, черт. 8). Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера совместно с возвратившейся из Мемеля 20-й полуфлотилией нес по большей части противолодочную охрану броненосных крейсеров. Ввиду того, что до полудня не было получено никаких сведений, указывавших на неприятельское контрнаступление, к.-адм. Гопман счел положение достаточно прочным, чтобы отпустить часть кораблей в порты. 2-му флагману было разрешено итти с легкими крейсерами и тремя миноносцами 19-й полуфлотилии в Данциг для ремонта; *Аугсбургу* нужно было сменить погнутую лопасть винта, *Тетису* — исправить повреждение главного парового трубопровода, а *Любеку* — установить оборудование для сбрасывания мин. *Беовульф* получил приказание итти с авиаматкой *Глиндёр* и двумя миноносцами в Мемель. Самолеты за последние дни не могли подниматься либо из-за тумана, либо из-за сильного волнения; особых задач для них также не было. Подводная лодка *UA* оставалась в готовности в Мемеле, вторая — *U-4*, принадлежавшая подводной школе, находилась уже, по приказанию командующего морскими силами, на пути из Киля в Нейфарвассер.

Кроме охраны города с моря и обеспечения безопасного от мин фарватера, перед флотом встала еще задача в кратчайший срок привести в порядок портовые средства и на-

ладить их работу. На это дело была выделена половина охраны данцигского порта: 200 человек морского ополчения с двумя пулеметами, под командой командира роты, кап.-лейт. морского ополчения Вейера, вышли 7 мая вечером из Нейфарвассера на маленьком пароходе *Мотлау (Mottlau)* и утром 9-го под проводкой 20-й полуфлотилии были доставлены, с заходом в Мемель, к Либаве, где были при помощи шлюпок, высланных с крейсеров, высажены на берег; это было сравнительно трудным делом ввиду сильного волнения, начавшегося после полудня.

Руководство работами было, впредь до назначения капитана порта, поручено старшему офицеру *Пр. Генриха* кап. 2 р. Гиллебранд. Ему были подчинены, кроме команды охраны из Данцига — *V-108*, вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера, 4 сторожевых корабля и переносная радиостанция, которая была до этого придана к войсковым частям армии. Его задачами являлись траление, очистка фарватера от затонувших судов и предметов, обстановка и охрана фарватеров снаружи и внутри гавани, охрана всего водного района порта с моря, учет, ремонт и использование имевшихся в наличии портовых средств, как-то: кранов, буксиров, барж, расходных материалов и т. п., и оборудование радиотелеграфной и сигнальной станций. Все указанные мероприятия должны были привести к возможно скорейшему приготовлению гавани для приема транспортов, а также к возможно большему содействию армии, в первую очередь, в выгрузке ожидавшихся из Кёнигсберга орудий.

Капитан порта с 9 мая принял на себя охрану протраленных фарватеров; поэтому броненосные крейсера совместно с 20-й полуфлотилией в 18 час. снялись с якоря и перешли на уже испытанную якорную стоянку южнее рифа Бернатен. Матки тральщиков *Инкула* и *Индианола* последовали за ними, оставив катера в Либаве, потому что из-за неблагоприятной погоды (волнение 4—5 баллов) подъем их потребовал бы слишком много времени, а им на следующие сутки нужно было продолжать работу. II дивизион тральщиков и вспомогательный дивизион Нейфарвассера ночевали в Либаве, где они нашли в канале хорошие якорные места.

К вечеру, в результате предварительного поверхностного ознакомления, капитан порта сообщил:

> «Радиостанция установлена и готова к действию. Рота размещена в военном городке. Сигнальная станция будет готова завтра. В порту обнаружено 300 *т* угля; 4 буксира и 3 моторных катера, на первый взгляд пригодные к употреблению, завтра будут введены в строй. В гавани три больших парохода. Армия настойчиво желает обеспечения морских сообщений для подвоза продовольствия, которого здесь недостаточно».

В то же время на флагманском корабле был принят приказ пр. Генриха:

> «По требованию командования, немедленно прекратить все работы по очистке фарватеров и восстановлению судоходства. Приготовить все к подрыву и разрушению, чтобы гавань была безусловно непригодна для использования русскими. Договориться с армией о начале работ, приступить к ним возможно скорее. Отставить начатые работы по оборудованию складов и постов наблюдения и связи. Иметь в виду необходимость поддержки армии с моря. В дальнейшем руководствоваться использованием сил в духе моих общих оперативных приказов. Главнокомандующий восточным фронтом об этом извещен».

В соответствии с приказом на запрос *Тетиса* о разрешении приступить к большой чистке котлов было указано, исходя из соображений о необходимости иметь в готовности в критические дни все силы, работу отсрочить. 2-му флагману в Данциг было послано приказание немедленно выслать в Либаву два миноносца с минами. Капитан порта получил приказание снять артиллерию, торпедные аппараты и другие дельные вещи с *V-107* и прекратить траление. Дивизионы тральщиков, используя стоянку, приступили к срочной погрузке угля и необходимого для них имущества из военного порта и находились в непрерывной готовности к выходу по первому требованию. Для перевозки данцигской охранной роты был вызван из Мемеля *Мотлау*, который благодаря своим малым размерам мог войти в гавань. Предметы, затребованные из Киля для оборудования поста службы наблюдения и связи, а также снабжение для судов,

были возвращены; находившиеся в пути офицеры и команды были отозваны; доставка затребованной из Данцига провизии была отменена.

После возвращения отряда утром 10 мая на Либавский рейд кап.-лейт. Герке, по поручению к.-адм. Гопмана, уговорился с капитаном порта относительно дальнейших мероприятий. Был установлен перечень подлежащих взрыву военных сооружений: русская маломощная радиостанция (незаконченная), водонапорная башня водопровода, остатки ангаров для самолетов, малые моторные шлюпки и буксиры — поскольку их не удалось бы захватить с собой — и один английский пароход, стоявший в гавани. Затопление русских пароходов, приписанных к либавскому порту, было отменено, потому что население хорошо относилось к немцам; их решили использовать лишь в случае необходимости затопления в воротах гавани, хотя и не было полной уверенности, что при их осадке они смогут быть проведены в назначенные места. К тому же южный и средний проходы были непроходимы, северный же проход предполагалось заградить только минами, на случай если бы им пришлось еще воспользоваться.

В полдень кап.-лейт. Герке был принят только что вступившим в должность губернатором ген.-лейт. Папритц. В конце короткого разговора, касавшегося положения, каким оно представлялось командиру разведывательных сил, Герке спросил, когда предполагается приступить к эвакуации. Губернатор ответил, что происходившие операции идут успешно. От их исхода будет зависеть момент очищения города и что этого во всяком случае нельзя ожидать с сегодня на завтра. Вследствие этого будет правильным не начинать пока никаких подготовительных работ по уничтожению. Намерение эвакуировать Курляндию, повидимому, имеет своим основанием не военные, а политические соображения. В заключение, при переговорах по телефону с 1-м офицером генерального штаба группы Лауенштейна, подтвердились сведения об устойчивом военном положении.

Однако, все это не могло изменить полученные из Киля распоряжения. Капитан порта получил приказание продолжать приготовления к производству назначенных взрывов, но выполнить их по согласованию с армией. Так как непо-

средственных задач в то время флоту поставлено не было, к.-адм. Гопман предложил командующему отпустить морские силы, прикомандированные из Северного моря. Сам он намеревался итти с броненосными крейсерами, 20-й полуфлотилией, подводной лодкой *UA*, II дивизионом тральщиков и вспомогательным дивизионом тральщиков Свинемюнде — в Нейфарвассер. Около полудня матка тральщиков подняла свои катера вполне благополучно, благодаря тихой погоде. Малые крейсера с 19-й полуфлотилией и сторожевыми кораблями были переведены в Мемель. В распоряжение капитана порта в Либаве был оставлен вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера и миноносцы *S-130* и *S-126*, которые привезли из Данцига по 6 мин каждый.

Незадолго до наступления времени съемки с якоря для перехода на ночь к Бернатену, губернатор выразил желание переговорить с к.-адм. Гопманом. Последний отправился на берег, отдавая себе при этом отчет, что отряд остается в опасном в смысле нападения подводных лодок месте. Ген. Папритц предложил обсудить высказанное им в полдень предположение о том, что Либаву думают очистить, исходя из политических соображений. Причина этого намерения крылась также, вероятно, в сложившемся у главнокомандующего восточным фронтом мнении, что флот не считает для себя важным удержать Либаву. Поэтому полученное губернатором при назначении приказание восстановить Либаву в качестве первоклассной приморской крепости, повидимому, должно было быть отменено. Из разговора с офицером штаба он заключил, что Либава для флота очень важна; если это так, то он думает, что фельдмаршал изыщет средства для ее удержания и использования.

К.-адм. Гопман сообщил, что гавань в ее теперешнем состоянии может быть использована лишь для мелких судов, но вообще само собой разумеется, что Либава для флота была бы очень полезна. На балтийском театре флоту отведена второстепенная роль, так как все внимание командования флотом отвлечено театром Северного моря, но нельзя утверждать, что Либава не имеет никакого значения. В случае если военные обстоятельства не позволяют удержать Курляндию, нужно, конечно, примириться с эвакуацией. Но дело, повидимому, не в этом. Возможность неприятельского

контрнаступления не заботила, видимо, командование армии, оно было обеспокоено трудностями, связанными с отсутствием годных дорог, что препятствовало организации регулярного снабжения войск.

По возвращении на корабль к.-адм. Гопман отправил гр.-адм. пр. Генриху по радиотелеграфу следующее сообщение:

> «Стратегическое положение Либавы настоятельно требует продолжения важнейших работ по очистке гавани, потому что владение Либавой в высшей степени облегчает мою главную задачу обороны германского побережья Балтийского моря. Прошу разрешения продолжать работы своими средствами, работа не свяжет деятельности морских сил. Возобновление заграждений возможно быстро осуществить в любое время».

Донесение губернатора своим непосредственным начальникам сказалось через несколько часов в сообщении группы Лауенштейна в Киль, что главнокомандующий восточным фронтом решил удерживать Либаву и впредь; там же содержалась просьба в срочном порядке очистить входы в гавань для подвоза боевого снаряжения и продовольствия, а также для вывоза военной добычи. Пр. Генрих в течение следующего дня согласился с мнением фронта.

С рассветом 11 мая отряд вышел для погрузки угля в Нейфарвассер. 20-я полуфлотилия охраняла от подводных лодок крейсера, II дивизион тральщиков охранял матки тральщиков вспомогательного дивизиона Свинемюнде. Между Полангеном и Паппензе одной из неприятельских подводных лодок удалось с удобной позиции атаковать *Роон*. Вахтенный начальник отвернул, положив руль на борт и дав самый полный ход, вследствие чего обе торпеды прошли в нескольких метрах за кормой. Отряд шел 16-узловым ходом, почему миноносцы противолодочного охранения не могли итти зигзагами. *S-141,* пользуясь следом торпеды, повернул, чтобы таранить лодку, и вслед за тем, увидев перископ, открыл из носового 5,2-*см* орудия огонь, но вскоре потерял цель. Через четверть часа была атакована той же лодкой матка тральщиков *Инкула;* командир ее своевременно заметил следы торпед и уклонился поворотом на них. Первая торпеда взорвалась в 70 *м* от корабля от

удара о грунт, вторая прошла в 30—50 *м* за кормой. В обоих случаях атаковала английская подводная лодка *E-9*, выпустившая пять торпед и считавшая, что она потопила матку тральщиков [1]. К.-адм. Гопману пришлось ограничиться высылкой самолета, который, однако, безуспешно искал противника. Надводных судов, которые могли бы произвести преследование лодки, в распоряжении отряда не было.

После полудня крейсера и миноносцы, а к вечеру — вспомогательный дивизион тральщиков, ошвартовались у стенок в Данциге и в Нейфарвассере. II дивизион тральщиков ночью вышел в Киль для производства большой чистки котлов и текущего ремонта. Старые маленькие миноносцы, из которых состоял дивизион, требовали срочного ремонта, потому что с начала войны они выдержали свыше 100 сильных минных взрывов и вследствие этого почти все имели течь. Во время перехода дивизион должен был протралить фарватер от Риксгефта на *N;* мин обнаружено не было, и, таким образом, из Данцигского залива был проложен второй выход, лучше существовавшего до сих пор мимо Брюстерорта и Мемеля.

Либава была прочно занята; наступление крайнего левого фланга восточного фронта на некоторое время было закончено. Значительный успех армии и флота был достигнут с очень небольшими потерями, что было в немалой степени также заслугами разведывательного отряда Балтийского моря и его командующего. Хотя в силу сложившихся обстоятельств ведение совместной операции обоих родов оружия не смогло быть подготовлено достаточно полно заблаговременно, многое было достигнуто в процессе ее развертывания, в особенности в отношении взаимного осведомления и поддержания связи. Необходимо подчеркнуть, что большинство командующих соединениями и командиров перед самым началом операции выполняли самые различные задания и только за 3 недели до этого был создан отряд.

---

[1] Эти атаки описаны в официальной английской истории морской войны — Corbett, Naval operation, II, London, 1923. (Ю. Корбетт, Операции английского флота в мировую войну, т. II.) — *Прим. ред.*

Глава IV

ПОСТАНОВКИ МИННЫХ ЗАГРАЖДЕНИЙ И ОПЕРАЦИИ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

После окончания операций по прикрытию наступления в Курляндию можно было перейти к решению стоявших на очереди задач морской войны, перечисленных в новогодней памятной записке пр. Генриха и указанных им еще раз 22 апреля при вступлении к.-адм. Гопмана в командование:

«Живая деятельность у русского побережья с целью создать впечатление энергичного наступления. При этом должна быть использована каждая возможность для нанесения противнику вреда. Без поддержки эскадры линейных кораблей операций в Ботническом заливе пока что не предпринимать».

«По возможности нужно так располагать деятельность флота, чтобы Финский залив оставался под наблюдением. Какими способами, насколько далеко и какой продолжительности сможет быть достигнуто наблюдение — покажет практика. Необходимо принять во внимание, что русские привыкли считать наши операции носящими характер коротких ударов, которые порой отделяются друг от друга значительными паузами. Это могло бы быть использовано для устройства ловушки неприятельским силам при выполнении ими постановок мин заграждения и операций миноносцами».

«Минные поля «А» и «В»[1] должны быть поставлены лишь в том случае, если с уверенностью можно будет

[1] Оставшиеся невыставленными в апреле части предполагавшегося пояса заграждений (Sperrgürte) в Финском заливе (см. выше черт. 4).

ожидать активной деятельности русских главных морских сил. Надлежит обратить внимание на проведение минных постановок на входных фарватерах у Бенгшера, Хекла, Лилейна (у Эрэ — *Прим. ред.*), Утэ и Гангэ, а также у Моонзунда. Осуществление этих намерений будет возможно лишь при условии расхода разумно ограниченного числа мин».

«Создание помехи неприятельским и нейтральным перевозкам военной контрабанды».

«Охрана и контроль наших собственных прибрежных вод и выходных фарватеров, проложенных через районы неприятельских минных постановок».

С занятием Либавы к этим задачам прибавились в первую очередь восстановление и охрана гавани, а также движения транспортов между ней и портами Восточной Пруссии и Данцигом.

Пр. Генрих считал важнейшим проведение минных постановок. Уже 3 мая, когда ожидалось контрнаступление русских против Либавы, он распорядился поставить минные поля «А» и «В». Но в то время к.-адм. Гопман был всецело поглощен приготовлениями к операциям против Либавы; кроме того, мины и оборудование рельсовых путей для *Любека,* отправленные в Нейфарвассер на вспомогательном заградителе из Киля, вследствие дурной погоды во-время не прибыли.

Гопман считал целесообразным пользоваться для минных постановок вблизи неприятельского побережья не *Дейтшландом,* достаточно тихоходным и имевшим большие надстройки, а двумя наиболее быстроходными крейсерами *Аугсбургом* и *Любеком* и также миноносцами. В действительности мин, принимавшихся единовременно обоими крейсерами, хватало лишь для одного заграждения: на *Аугсбурге* помещалось 100 мин, а на *Любеке*—50, чего было недостаточно для постановки в течение одного похода заграждений «А» и «В». Вследствие этого к.-адм. Гопман не был убежден в целесообразности заградительных операций. По этой причине, когда принц вновь стал настаивать на минных постановках, Гопман возразил, что предназначенные к постановке поля будут препятствовать деятельности собственных подводных лодок, и предложил сначала заградить входные

фарватеры Або-Аландского района (Утэ, Эрэ и т. д.). Но командующий оставил свой приказ в силе, потому что считал необходимым преградить выходы в открытое море для *Рюрика* и для новых линейных кораблей, которые, по его мнению, не могли пользоваться шхерными фарватерами [1].

К.-адм. Гопман решил в первую очередь поставить заграждение «А» к югу от банки Олег (черт. 11). Одновременно с производством постановки было решено выслать *U-4* для действий в устье Финского залива. Вечером 12 мая *Тетис* в сопровождении *G-135* и *U-4* вышел из Нейфарвассера. На рейде *Тетис* взял на буксир подводную лодку и при хорошей погоде пошел по протраленному фарватеру мимо Риксгефта в море; Готланд оставили с левого борта. К.-адм. Гопман с броненосными крейсерами и обоими легкими крейсерами, взявшими мины на палубу, в сопровождении 20-й полуфлотилии вышел оттуда же через 24 часа. Несколько позднее присоединились миноносцы 19-й полуфлотилии, вышедшие из Либавы и из Мемеля.

Когда в полдень 14-го *Тетис* с *U-4* на буксире подходили к маяку Ботшер, внезапно слева по носу был обнаружен след шедшей торпеды, замеченной, благодаря хорошей видимости, с большого расстояния. Командир, застопорив машину, пропустил торпеду под носом. Пока отдавали буксир, *U-4* была обнаружена вторая торпеда, которая также прошла впереди носа. Лишь после этого крейсер получил возможность свободного маневрирования и быстро уклонился на *SO*, обстреливая перископ. По *G-135*, шедшему в охране, также была выпущена торпеда; он атаковал лодку и начал преследование, но вскоре вынужден был его прекратить из опасения повредить собственную лодку, так как *U-4*, отдав буксир, тотчас погрузилась. На ход операции эта атака никакого влияния не имела. Главные силы в это время находились на широте Ирбенского пролива и даже останавливались для передачи угля на *S-130* и *S-126*. К.-адм. Гопман только изменил место рандеву с *Тетисом*,

---

[1] В действительности к этому времени выход из Финского залива шхерами был уже оборудован, и большие корабли русского флота выходили по фарватеру Ганге — Эрэ. Что касается *Рюрика*, то он мог пользоваться теми же фарватерами, что и остальные крейсера. — *Н. Н.*

находившееся недалеко от места атаки, перенеся его на 10 миль к *SO*.

Спустя 3 часа с *G-135*, шедшего совместно с *Тетисом* юго-восточнее Богшера, в расстоянии от него около 8 миль еще раз был замечен перископ, по которому был открыт огонь из бакового орудия. Несмотря на это, подводная лодка атаковала *Тетис* и успела погрузиться, уклонившись от таранного удара миноносца. *Тетис* отвернул от торпеды, положив руль на борт, и она прошла в нескольких метрах за его кормой. Несколько залпов с крейсера, произведенных по предполагавшемуся месту лодки, не дали никаких результатов. Возникал вопрос, были ли обе атаки произведены одной и той же лодкой. Ввиду того, что расстояние между местами обеих атак было не менее 15 миль, командир *Тетиса* склонялся к мнению, что атаки были произведены двумя лодками и что у важного для определения места маяка Богшер выставлена на позиции линия подводных лодок; поэтому он отказался от того, чтобы приблизиться к острову для более точного определения своего места. Впоследствии выяснилось, что обе атаки были произведены русской подводной лодкой *Дракон*. Хотя нападение и было безуспешным вследствие того, что торпеды были выпущены с чересчур большого расстояния, но сообщение подводной лодки о том, что один крейсер типа *Нимфе (Nymphe)* с одним миноносцем и с одной подводной лодкой идут к Утэ — было верным.

> «Очевидно, неприятель рассчитывал выманить в море находившиеся там крейсера и заманить их в ловушку» (Г. Граф).

После уклонения от плававшей на поверхности бочки, принятой за выступ корпуса подводной лодки, крейсер к 19 час. пришел к месту рандеву. Соединение с отрядом броненосных крейсеров произошло только через $1\frac{1}{2}$ часа из-за ухудшения видимости, произошедшего вследствие дождя и наступления темноты.

Ввиду сомнения главных сил в правильности своего места *Тетис* был выслан для определения к Богшеру: он сообщил, что и его счисление вследствие уклонения от атак также неточно. Это означало, что поставить мины в назначенном

месте оказывалось невозможным. Перенести постановку на следующую ночь было нельзя, так как не могла быть извещена *U-4*. Использовать свое присутствие в русских водах для других целей было также затруднительно, потому что боеспособность *Аугсбурга* и *Любека* была значительно ослаблена наличием на них мин, и к тому же погода не благоприятствовала.

К.-адм. Гопману не удалось появиться внезапно, так как неприятель ожидал с утра 15-го демонстрацию в Финском заливе. Повидимому, с помощью пеленгования германских радиопереговоров, а может быть и расшифровки отдельных радиотелеграмм, приближение крупных сил было обнаружено неприятелем. То обстоятельство, что *Дракон* был на позиции как раз у Богшера, чем препятствовал постановке мин, видимо, явилось случайным совпадением.

Во время возвращения ветер начал усиливаться, пошел дождь, барометр начал падать, и вечерняя сводка о погоде предупреждала о шторме. С рассветом 15 мая разразился шторм, ветер заходил с *NO* через *SO* на *SSW* и вскоре достиг силы 9 баллов. Быстро развело большую волну; крейсерам и миноносцам приходилось очень туго, на *S-130* был сорван носовой торпедный аппарат, около 9 час. с *Пр. Адальберта* смыло унтерофицера, которого напрасно искали в течение целого часа. Положение легких крейсеров, имевших мины на палубах, несмотря на самый малый ход, было порою критическим; их качка была столь сильна, что все время угрожало сорвать походные крепления с мин. Командир *Аугсбурга* приказал обезопасить мины. Несмотря на то, что работа по извлечению запалов на качке была очень опасна, минный кондуктор ловко исполнил это задание. Когда после полудня ветер зашел на *NNW* и ослаб до 7—8 баллов, было уже поздно входить на фарватер у Риксгефта. Гопман не хотел в темное время суток итти через загражденный русскими район, где после шторма можно было ожидать большого количества плававших сорванных мин. Он лег на курс к южной оконечности Эланда для получения точного места, откуда утром 16 мая при все еще свежем ветре от *SSW* вошел на фарватер. Вскоре после полудня весь отряд уже был в Нейфарвассере.

U-4, предоставленная после первой атаки *Тетиса* не-

приятельской подводной лодкой сама себе, не успев еще закончить погружение, заметила, что и по ней выпущена торпеда, которая прошла под острым углом за ее кормой. Через час командир заметил в перископ прямо по носу дым, и вскоре удалось ясно рассмотреть корабль средней величины. Лодка пошла в атаку, но через 15 минут атака была отменена, потому что противник исчез с горизонта. Так как командир подводной лодки *U-4* отрицал возможность принять *Тетиса* за противника, происшедшее можно объяснить лишь тем, что *Дракон,* всплыв после атаки, пошел под двигателями внутреннего сгорания по направлению к Утэ и оказался в близком расстоянии по носу от *U-4*. Поиски неприятельской лодки до наступления темноты успехом не увенчались.

Когда подводная лодка *U-4* пришла 15-го в район, назначенный для ее операции (между Бенгшером и Даго), то и там погода ухудшилась. Маленькая лодка постройки 1908 г. ныряла и качалась так сильно, что командир был вынужден выжидать улучшения погоды, укрывшись за Богшер. Когда он вечером всплыл для зарядки, то не рискнул выслать людей на палубу для постановки трубы. В полночь отказала главная помпа; лодка ушла на глубину 50 *м,* откуда всплыла, продуваясь сжатым воздухом. На следующий день ударами волн была повреждена рубка, многие палубные листы были вмяты, некоторые заклепки лопнули, радиотелеграфная сеть была совершенно разрушена. Так как утром 17-го сила ветра оставалась около 8 баллов, командир решил вернуться ввиду следующих обстоятельств:

> «Повреждения механизмов не позволяют итти на заданной глубине, потому что кормовая вспомогательная помпа со вчерашнего дня не работает и для откачки остается только одна передняя помпа, что затрудняет управление. Главная помпа, из-за отказов которой в течение предыдущего дня лодка несколько раз падала на слишком большие глубины, теперь стала отказывать еще чаще. Мотор переднего перископа отказывает после того, как перископ несколько раз побывает в работе. Запас питьевой воды очень ограничен, потому что в одну из двух систерн вследствие течи проникла морская вода. Подшип-

ник динамомашины правого борта был заменен запасным, который оказался ненадежным и легко нагреваемым. Других запасных нет. Носовая вспомогательная помпа, остававшаяся единственной после отказа главной и кормовой вспомогательных помп, была так перегружена работой, что и она начинала сдавать. Предстояло поддерживать ее действие судовыми средствами. Пребывание на глубине 50 *м*, повидимому, отразилось на водонепроницаемости корпуса, так как носовая и кормовая цистерны сильно пропускают воду».

Попытки итти под двигателями внутреннего сгорания в надводном положении пришлось оставить, так как даже на малом ходу палубу так сильно заливало, что нельзя было держать открытым люк рубки. К вечеру несколько стихло, *U-4* всплыла, и ее экипаж после более чем трехсуточного с небольшими перерывами заключения в тесных помещениях, в условиях, вызывавших необходимость усиленной работы, получил, наконец, возможность дышать свежим воздухом. Вскоре после этого вышел из строя гирокомпас; но все же, несмотря на все затруднения, *U-4* утром 19 мая вошла в Данциг. После производства самых необходимых исправлений она вышла следующим утром в Киль, и после месячного ремонта была окончательно передана обратно в подводную школу. На донесении о походе пр. Генрих положил резолюцию:

«Достойно внимания, что командир, несмотря на очень плохую погоду и тяжелые повреждения, все-таки пробовал выполнить поставленную ему задачу».

Разведывательные силы Балтийского моря не успели еще войти 16 мая в Нейфарвассер, как получили из Киля приказание повторить операцию по улучшении погоды. Однако, мины, бывшие на *Аугсбурге* и *Любеке,* настолько пострадали в течение похода, что для их переборки требовалась, по крайней мере, неделя. К.-адм. Гопман имел время письменно изложить командующему свои возражения против предписанного плана постановок — для действия подводных лодок безусловно необходимо оставить свободный путь, но и надводные суда должны иметь возможность входа в Финский залив, между прочим и для заграждения

входов в Лапвик, Гангэ, к Бенгшеру и т. д. Поля «А» и «В» серьезно угрожают их походам даже в том случае, если места постановок удастся точно нанести на карту. Использование маяка Богшер в качестве исходного пункта для всех операций, как это делалось до сих пор, теперь невозможно, потому что русские, повидимому, поняли, какое значение он для нас имеет; их подводные лодки помешали *Тетису* определить около него свое место. Кроме Богшера, для этой цели можно использовать только Готска-Сандэ, но расстояние оттуда до банки Олег — около 100 миль, не позволяющее рассчитывать на бо́льшую точность минной постановки, чем при астрономическом определении. Кроме того, у Готска-Сандэ уже в прошлом году при более ограниченной подвижности русских подводных лодок была обнаружена их позиция. Подводная опасность вынуждает главные силы держаться так далеко от устья Финского залива, что наиболее легко уязвимые легкие крейсера с минами на палубе будут в течение нескольких часов находиться без сколько-нибудь действительной защиты. Кроме того, темнота является действительной защитой только с 22 час. до 1 час., т. е. только в течение одного часа на подход и одного на возвращение, считая час на самую постановку. Посылка крейсеров должна состояться лишь в том случае, если она будет преследовать безусловно важную цель, которая не может быть достигнута другими средствами. Ни та, ни другая из указанных операций этому не отвечают. Русские обнаружат заграждения, проложат через них фарватер, и оно, таким образом, не послужит долговременным препятствием для выхода их линейных кораблей. Постановка заграждения у Стейнорта будет иметь значение на более длительный срок; на случай повторения нападения, подобного бывшему 7 мая, оно одновременно явится защитой и для Либавы.

Пр. Генрих твердо держался своего мнения, что после постановки полей «А» и «В» миноносцы и подводные лодки попрежнему смогут пройти вдоль побережья Даго в залив; если бы пришлось предпринять большую операцию, то для ее проведения будут выделены столь значительные силы, для которых преодоление минной зоны не составит значительных затруднений; в остальном ошибка в определении

места будет совершена только один раз и ее можно учесть; проверка определения места может быть произведена перед наступлением темноты или с рассветом по Бенгшеру: постановку мин не обязательно производить только в темное время; вместо ценных крейсеров может быть выслан *Дейтшланд*, который имеет еще то преимущество, что может поставить оба поля в течение одной операции; попыткам неприятеля произвести траление должны воспрепятствовать крейсера, которым надлежит вести наблюдение за полями, если не постоянно, то лишь с краткими перерывами; заграждение у Стейнорта даже при использовании всего наличного запаса мин (450 штук) не будет достаточно длинным для безусловной защиты Либавы, — с другой стороны, это заграждение создаст большую опасность для собственных кораблей от сорванных мин.

«Финский залив должен быть так загражден минами, чтобы при попытке активных действий *Рюрика* и линейных кораблей неприятель рисковал чувствительными потерями. Крейсера и заградители будут иметь возможность прорыва у Утэ или по какому-нибудь другому выходу из западных шхер. Для них имеющихся у нас сил достаточно, но для облегчения наших операций и эти выходы надлежит заградить».

Командующий морскими силами выслал своего начальника штаба кап. 1 р. Генриха для личных переговоров в Данциг. По некоторым пунктам ему удалось достигнуть единства мнений; так было решено использовать для постановок вспомогательный минный заградитель *Дейтшланд*. Но к.-адм. Гопман остался при своем мнении, что в первую очередь нужно ставить заграждение у Стейнорта. В подтверждение небольшого значения предложенных к постановке полей он привел еще следующие соображения: не исключается возможность, что неприятель имеет фарватер севернее банки Олег; линейные корабли противника наверное ходят за тралами; постановка заграждения вряд ли пройдет незамеченной; в лучшем случае неприятель заметит дымы заградителей и запеленгует их с наблюдательных постов; очень вероятно, что поблизости окажутся русские миноносцы или подводные лодки; тральные работы

могут быть нами в лучшем случае замечены, но при их соответствующем прикрытии помешать им нам не удастся; мины в один прекрасный день будут нам препятствием в случае, если удастся собрать достаточно сил для производства попытки к уничтожению главных сил врага; подводные лодки на походы вдоль Дагерорта будут тратить много времени, потому что им придется итти большое расстояние под водой с большой опасностью сесть на грунт: *U-26* составила скверное мнение о русских картах.

Вечером 21 мая из Киля пришло окончательное решение, принятое после рассмотрения командующим всех возражений своего подчиненного флагмана. Поля «А» и «В» было приказано ставить.

> «Я придерживаюсь взгляда, что заграждение Финского залива будет служить действительным препятствием для проявления русскими инициативы и в значительной степени облегчит нам задачу наблюдения; кроме того, оно будет служить защитой и для наших крейсеров».

Находившийся в Киле вспомогательный заградитель *Дейтшланд* получил в то же время приказание о выходе, и 21-го вышел из порта. Радио от морского наблюдательного пункта в Пиллау, извещавшее о появлении на *NNW* от него нескольких больших пароходов с решетчатыми мачтами, вынудило командира приготовить к сбрасыванию мины, установив их приборы для действия через определенный промежуток времени. Ввиду отсутствия дальнейших сведений о неприятеле корабль благополучно ошвартовался вечером 22-го в Нейфарвассере. Там выяснилось, что наблюдатели ошиблись из-за рефракции. От летчиков, производивших в течение последних дней регулярную разведку из Либавы, удавалось получать весьма точные сведения о противнике: он держался в пределах своих вод, что подтверждалось также сведениями, поступавшими из морского генерального штаба. 20 мая один раз видели русский дивизион миноносцев, появившийся во время вечерних сумерек у Стейнорта; кроме этого, изредка показывались только подводные лодки.

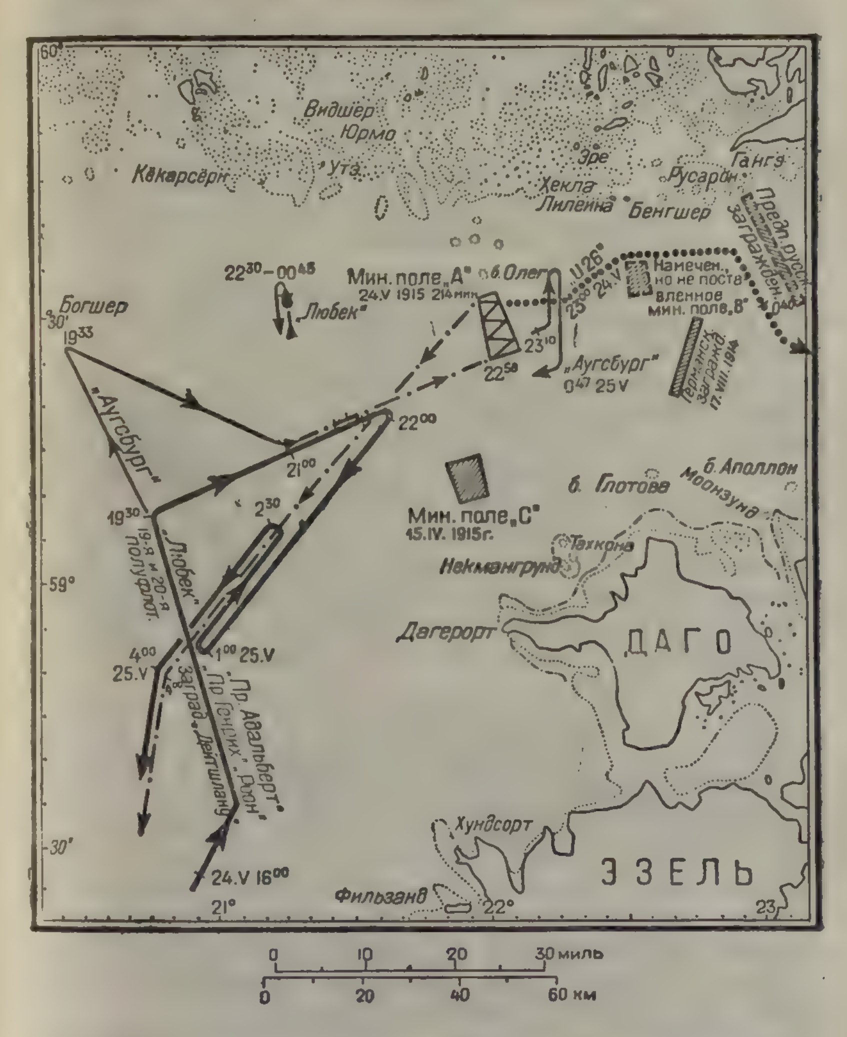
Как и при первой заградительной операции, для прикрытия были собраны все крейсера и миноносцы; только *Тетис*

пришлось отпустить в Киль для ремонта главного парового трубопровода. Кстати в это же время в Финский залив направлялась подводная лодка; пр. Генрих просил в главной квартире предоставить в его распоряжение для дальних операций подводную лодку, по возможности *U-26,* потому что ее командир кап.-лейт. Беркгейм хорошо знал театр и был известен своею настойчивостью и военной удачей. *U-26* вышла 16 мая из Эмдена, где она готовилась к участию в подводной войне, и после короткой остановки в Киле и Данциге 21 мая вышла в поход.

Командующий назначил для постановки 360 мин; из них 214 были на *Дёйтшланде* в готовности к постановке, а остальные должны были быть взяты со складов данцигского порта. К.-адм. Гопман, однако, решил не брать с собой все 360 штук, чтобы не терять времени на погрузку, а главное — потому, что подводная лодка была извещена только о границах поля «А», которое предполагалось поставить у банки Олег, и, таким образом, считала чистым район к востоку от меридиана 22° 15′ вост. долг., а, значит, и место, предназначенное для поля «В». Уверенности в том, что с нею удастся установить связь по радиотелеграфу, не было.

23 мая после полудня 3 броненосных крейсера с *Дёйтшландом* и 20-й полуфлотилией вышли из р. Вислы и у Риксгефта пошли в открытое море. По обыкновению по пути попадались плавающие русские мины, которые были расстреляны. Ночью удалось добиться двусторонней связи с *U-26* на замечательно большом для того времени расстоянии — 240 миль.

Подводная лодка показала свое место к *S* от Богшера, сообщила об отличной видимости и ничего особенного не добавила. По заданию малые крейсера и 19-я полуфлотилия, выйдя из Мемеля и Либавы, присоединились к отряду и образовали охранную завесу: *Аугсбург* — прямо по носу от флагманского корабля, а *Любек* — на 4 румба справа, оба — в расстоянии видимости прожекторных сигналов. Курс был проложен по середине между Готландом и Курляндским берегом. Неожиданно рано с марса *Любека* увидели маячную башню Фильзанд, после чего крейсер подошел, стараясь не дымить, к главным силам (черт. 11).

Черт. 11. Минно-заградительная операция в Финском заливе 24 мая 1915 г.

Флагман рассчитывал исходить из среднего счисления места, исправленного астрономическими наблюдениями, но приподнятый и расплывчатый вследствие рефракции горизонт не давал возможности получить хорошие высоты солнца, вследствие чего полуденные места кораблей разнились друг от друга на 3—5 миль. По этой причине *Аугсбург* был послан определиться для проверки по Богшеру. Он пошел полным ходом и приблизился к острову на 4 мили, не встретив неприятельских подводных лодок, которых так опасались.

После возвращения *Аугсбурга* вспомогательный заградитель был отправлен для выполнения поставленной ему задачи. Оба легкие крейсера образовали к *Ost*-у и к *W* от него дозор; каждому из них было придано по паре миноносцев. Главные силы сперва шли за *Дёйтшландом,* затем повернули на *SW*. В 23 часа была сброшена первая мина в юго-западном углу поля «А», а через час вся постановка была окончена. Всего было поставлено 214 мин, глубина постановки 5 *м,* с интервалами в среднем по 120 *м.* Командир донес, что точность границ постановки можно было считать в пределах 1 мили. Ночь была такая ясная и светлая, что *Любек* в полночь определился по маяку Утэ, находившемуся от него в 14 милях; несмотря на это, неприятеля не видели.

После того как *Дёйтшланд* известил по радио, как было приказано, что постановка окончена, выдвинутые вперед корабли пошли к месту рандеву, назначенному в 30 милях на *OSO* от Дагерорта, где и соединились около 2 ч. 30 *м.* с броненосными крейсерами. В известных до сих пор русских источниках ничего не говорится о том, что эта постановка была замечена[1]. Опасность радиопеленгования в то время еще не учитывалась, было только введено ограничение радиопереговоров, в особенности во время похода к месту операции, чтобы внезапным увеличением радиообмена не привлекать внимания неприятеля.

На обратном пути к.-адм. Гопман постарался замаски-

[1] Сама постановка замечена не была, но из расшифрованного радио от 24 мая стало известно об ее факте («в 0 ч. 57 м. постановка мин закончена»). — *Н. Н.*

ровать цель присутствия германских морских сил в северной части Балтийского моря, которое все равно стало бы известно противнику, и придать походу вид обыкновенной разведывательной операции. 2-й флагман в сопровождении 20-й полуфлотилии был выслан в 4 ч. 30 м. к Дагерорту, в пределах видимости которого прошел, правя на *N*. Броненосные крейсера приблизились к шведскому острову Фарэ на 18 миль и прошли затем мимо него, направляясь также к северу. После этой операции в 10 ч. 30 м. корабли отошли от побережья на расстояние, позволявшее продолжать поход в свои порты вне видимости с берегов.

S-141 был выслан вперед к Риксгефту, чтобы, определившись, стать маячным кораблем при входе на протраленный фарватер. Это было особенно важно потому, что часть многочисленных русских заграждений еще не была точно установлена. Но в эту ночь предусмотрительность была напрасна, так как флагманским кораблем огонь маяка Риксгефт, зажженного на 2-часовой срок по требованию *S-141,* был обнаружен с расстояния около 60 миль. 26 мая утром корабли вошли в Нейфарвассер, а *Аугсбург* и *Любек* возвратились еще накануне вечером, соответственно — в Либаву и в Мемель. Намерение преградить неприятельским главным силам путь из Финского залива было осуществлено без постановки минного поля «В».

U-26 в ночь с 21-го на 22-е встретилась у Готланда с неприятельской подводной лодкой, — атак они не производили; затем подходила к Утэ и Бенгшеру, но вынуждена была возвратиться ввиду необычайно хорошей видимости (черт. 11). Несмотря на незначительную высоту глаза, лодка одновременно видела маяки Утэ, Бенгшер и Дагерорт. Благодаря штилю море было как зеркало; так как после захода солнца видимость почти не уменьшилась, произвести зарядку аккумуляторов в заливе, которая оказалась бы незаметной, было невозможно. Кроме миноносца, прошедшего по направлению к Утэ на большом от нее расстоянии, подводная лодка видела лишь передвигавшиеся в шхерах отдельные дымы. Когда через два дня вечером 24 мая поднялся ветер и небо стало покрываться тучами, командир решил проникнуть в залив (карта 3). Маячные башни Бенгшера и Руссарэ позволяли определяться при

обходе с севера «заграждения Мишке»[1] и при проходе на юго-восток, вдоль русского заграждения, расположенного к югу от Руссарэ[2].

Погрузившись у Оденсхольма, подводная лодка к полудню 25-го подошла к западному входу в Ревель. Город и портовые здания были хорошо видны, кораблей нигде заметно не было. У северного побережья залива после полудня был лишь встречен полудивизион вспомогательных тральщиков.

27 мая лодка вошла на рейд Балтийского порта, где в гавани стояло несколько малых пароходов, после чего вернулась на свою позицию у Ревеля. Около полудня она наблюдала вход дивизиона тральщиков; судя по курсам дивизиона, вход между минными заграждениями был расположен вдоль острова Наргэн; расстояние от места лодки было, однако, слишком большим, чтобы пеленги были достаточно надежными. Вскоре после этого прошла за пределами торпедного выстрела подводная лодка с обвесом на мостике и с установленными мачтами для антенны, — повидимому, английская; ее беззаботное плавание являлось доказательством, что пребывание *U-26* еще не было обнаружено. Командир мог надеяться, что и другие корабли будут пользоваться этим путем, а потому пропустил пароход и миноносцы, которые появлялись много раз.

День за днем лодка караулила Суропский проход, оставаясь в нем по 8 часов в сутки; 12 часов уходило на поход для зарядки аккумуляторов и на возвращение на позицию. Хотя подводная лодка передвигалась малым ходом, все-таки по большей части ей нехватало темного времени для полной зарядки батарей, у которых из общей емкости в 9 000 ампер ежедневно расходовалось около 4 000 ампер. Проход к востоку от острова Наргэн был слишком рискованным; короткий налет не обещал успеха, потому что ни разу не было видно дымов, длительное же крейсерство, вероятно,

[1] «Заграждение Мишке» в русском флоте было известно под названием «39 квадрата». — *Прим. перев.*

[2] Предположение, что у Руссарэ имелось большое русское минное заграждение, оказалось впоследствии неправильным.

повлекло бы за собою обнаружение и уничтожение лодки. К 30 мая видимость уменьшилась, и лодка подошла ближе к заграждению, где ей удалось выяснить некоторые детали дозорной и лоцмейстерской службы. 31 мая и 1 июня погода была неблагоприятной; сперва был туман, а затем задул шторм от *W*, который развел большую волну.

К вечеру 1 июня командир решил ввиду отсутствия более ценных объектов использовать оставшиеся в его распоряжении три дня для потопления одного из пароходов, поддерживавших сообщение вдоль южного побережья. Подойти

Русский минный заградитель *Енисей* (1906).

Длина	91 *м*;
Водоизмещение	3 000 *т*;
Скорость хода	17 узл.;
Вооружение	5—120-*мм*;
Личный состав	ок. 250 чел.

на дистанцию действительного выстрела к большому пароходу, замеченному им 2 июня, не позволяла большая волна; на следующий день он встретил лишь несколько портовых судов. 4 июня принесло лодке, при ясной, спокойной погоде, вполне заслуженный ею успех. Сначала лодка заметила проходивший на большом расстоянии миноносец; затем, находясь на позиции на полпути между Пакерортом и Оденсхольмом, в 7 ч. 50 м. увидела приближавшийся с востока большой корабль; он шел без конвоиров, держась вплотную к берегу. Вскоре в нем был опознан заградитель типа *Амур*. *U-26* подошла незамеченной с носу на дистанцию 600 *м*, и в 8 ч. 27 м. выпустила торпеду. Взрыв пришелся под средней частью корабля, который тотчас лег на правый борт и затонул через 3 минуты. Впоследствии выяснилось, что это был заградитель

Енисей, который направлялся в Моонзунд[1]. Свыше 200 человек погибло в волнах и только 21 человека удалось спасти подоспевшему миноносцу.

Командир лодки решил возвращаться, потому что на дальнейший успех в этом районе больше рассчитывать было невозможно. Когда вечером он всплыл на поверхность, то оказался к югу от Бенгшера; вскоре после полуночи он прошел минные поля. На широте Дагерорта далеко слева по борту на короткий срок была видна неприятельская подводная лодка, которая, однако, отвернула, повидимому, заметив *U-26.* При проходе мимо Фарэ подозрительные дымы заставили командира уклониться с курса на *SO,* при дальнейшем сближении был опознан отряд германских крейсеров и миноносцев. Лодка подошла к борту *Тетиса,* пополнила запас продовольствия и передала через радиостанцию крейсера известие о потоплении русского заградителя. 7 июня *U-26* благополучно пришла в Кильскую гавань. Лодка прошла за время похода 1 840 миль в надводном положении, 680 — под водой и была в походе 22 суток. При этом не произошло никаких серьезных повреждений; необходимые исправления легко и быстро производились своими средствами. В военном дневнике командир с гордостью отметил это обстоятельство и отнес его к отличной работе машинной команды под руководством механика.

Успех операции был значителен. Противник не только потерял полноценный корабль, но был принужден к еще большей осторожности и к воздержанию от активных действий. Сегодня мы определенно знаем, что новое возникновение подводной опасности в Финском заливе — со времени потопления *Паллады* ни одна германская подводная лодка не проникала так далеко — имело следствием ряд широких мер предосторожности, принятых русским командующим флотом. Тревога усилилась, когда на следующий день одному из русских миноносцев показалось, что он

[1] Гибель *Енисея* должна быть всецело приписана легкомыслию русского оперативного руководства, пославшего этот ценный корабль специального назначения в Рижский залив «для поддержки миноносцев в качестве легкого крейсера» (с ходом в 17 узл.!!!) без охраны, что явилось повторением случая с *Палладой.* — *Н. Н*

видел подводную лодку позади центральной позиции, в непосредственной близости к новым линейным кораблям, производившим учебную стрельбу. Корабли были спешно отозваны в Гельсингфорс, и все наличные миноносцы были высланы на охоту за подводными лодками (Г. Граф). Кроме этого воздействия на неприятеля, долговременное наблюдение за судоходством и входом в Ревель дало важные данные, на основании которых могли выполняться дальнейшие операции подводных лодок. В данный момент, однако, командир предостерегал от повторения похода. Предвидя усиление сторожевой службы, он считал возможность нового продолжительного пребывания в заливе исключенной.

Глава V

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИБАВЫ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПО СОДЕЙСТВИЮ АРМИИ. ТРАЛЕНИЕ

Между тем в деле очистки либавского порта были достигнуты большие успехи. 12 мая, один день спустя после ухода отряда к.-адм. Гопмана с либавского рейда, в Либаву прибыл и вступил в исполнение обязанностей назначенный капитаном порта кап. 1 р. Кутшер, принявший должность от кап. 2 р. Гиллебранда. Первая часть задач была почти выполнена: утром 11 мая старший войсковой начальник был извещен, что суда с осадкой до 4 *м* могут через северные ворота входить в аванпорт. Пароходы обязывались осведомляться о правилах подхода к побережью у командира стоявшего в Мемеле *Беовульфа*. Однако, безопасность от минных заграждений и от подводных лодок, конечно, гарантирована быть не могла.

Морские сообщения развивались постепенно; вначале имелись для использования только три малых парохода: *Мотлау, Гинденбург (Hindenburg)* и *Бреслау (Breslau)*. Для перевозок отдельных лиц и спешных грузов в первые дни высылались миноносцы или сторожевые корабли, которые совершали рейсы Мемель — Либава. Около 20 мая пришли из Данцига задержавшиеся на несколько дней из-за шторма 5 судов, которые были зафрахтованы для армии через посредство отдела морского транспорта морского министерства. Наконец, для сообщений с Либавой была выслана дюжина малых пароходов и буксир с баржами. Они обеспечивали армию продовольствием, боевыми припасами и прочим снабжением, доставляли из Кёнигсберга орудия, необходимые материалы для восстановления оборудования порта и железной дороги, а в качестве обратного груза

брали обнаруженное в Либаве имущество, необходимое в Германии. Назначенная губернатором трофейная комиссия установила наличие значительного количества кожевенных материалов, спирта, жмыхов, дерева, шерсти, мехов и удобрений. В военном порту хранились порядочные запасы бензина, масла, меди, латуни, цинка и резины. Как раз в этих материалах в Германии уже тогда ввиду военных надобностей был сильный недостаток.

Для лучшего использования грузоподъемности пароходов, а также для того, чтобы дать возможность крейсерам входить в аванпорт, был углублен и расширен проход между пароходами, затопленными в северном входе, а также фарватеры снаружи и внутри гавани (см. выше, черт. 9). Затопленные в канале военной гавани препятствия должны были быть в ближайшее время обследованы и устранены. Суда, расставленные на якорях для обозначения внешнего протраленного фарватера, ввиду опасности от подводных лодок необходимо было заменить буями. Предварительными условиями для выполнения этого были: приведение в годность русских портовых пловучих средств, обеспечение потребностей рабочей команды и сооружение радиотелеграфной и сигнальной станций. Параллельно шли работы по спасанию миноносца *V-107*. Вызванные из Данцига водолазы и два оставшихся от русских небольших парохода с водоотливными средствами оказались для этого недостаточными. Спасательное судно данцигского порта по неудачному стечению обстоятельств находилось в Свинемюнде, а когда оно пришло в Либаву, начался шторм, который доставил и морским силам много забот. Корпус *V-107* получил такие повреждения, что работы по его спасанию пришлось прекратить: удовольствовались съемкой одного орудия, торпедных аппаратов, а также могущих быть использованными отдельных предметов, которые и были свезены на берег.

Для выполнения всех этих задач первоначально в распоряжении капитана порта были: данцигская команда под начальством Вейера и вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера; затем Гопман выслал половину вспомогательного дивизиона тральщиков в Свинемюнде. 6 моторных катеров рано утром 15 мая отошли от своей мат-

ки, которая из опасения подводных лодок была оставлена в Нейфарвассере, и под своими машинами направились в Пиллау, через Кёнигсберг — дальше в Либаву, и 17-го, несмотря на большую волну, через Куришгаф — в Мемель; спустя сутки они благополучно прибыли в Либаву. Из состава вспомогательного дивизиона Нейфарвассера для работ в порту обыкновенно оставалось мало судов: по меньшей мере, два из них были заняты дозорной службой, еще два — поддерживали рейсы между Либавой и Мемелем. В связи с намерением поставить у Стейнорта минное заграждение дивизион прокладывал в ночь с 18-го на 19-е фарватер от Либавы к Стейнорту и оттуда далее на 10 миль на *NW;* работы прикрывались *V-108.* Дивизионом мин найдено не было, и, таким образом, задача скрытного от неприятеля траления была, повидимому, выполнена. Германские посты были установлены только до Стейнорта, почему нужно было опасаться возможности передачи сведений неприятелю, тем более, что край был занят только слабыми силами, не гарантировавшими полного прекращения сообщений вдоль побережья.

Капитан порта 20 мая смог сделать некоторые благоприятные сообщения: проход в северных воротах был расширен до 70 *м* и углублен до 7 *м* (затонувшая баржа и остатки *V-107,* вынуждавшие корабли делать при входе трудный поворот, должны были быть еще отведены в сторону); вспомогательный дивизион тральщиков Свинемюнде был занят тралением 600-метрового по ширине фарватера в аванпорте — на глубину в 6,5 *м;* в случае если бы не было обнаружено никаких препятствий, через два дня вход стал бы доступен для легких крейсеров; для авиаматки ***Глиндёр,*** использование которой было крайне необходимо для воздушной станции, глубина фарватера была достаточна уже теперь. Из Пиллау пришла землечерпалка; вызванный из Данцига землесос был еще в пути. Подрывная партия и водолазное снабжение, а также соответствующие специалисты были затребованы из Германии. Все было приготовлено для заграждения входа в случае неожиданной эвакуации; необходимо было лишь окончательное указание, заграждать ли его только минами или затоплением пароходов. Обстановка наружного фарватера буями была за-

кончена, лоцманская и дозорная служба организована. На сигнальной станции, установленной в военной гавани на здании управления военного порта, недоставало только прожектора. Подготовлялась установка орудий с *V-107* и *S-128* у основания северного мола; армия соорудила полевые укрепления и поставила несколько старых пушек. Охрана с моря ограничивалась дозорной службой, вспомогательными тральщиками и полетами самолетов. Уже 13 мая 2 самолета с *Ансвальда* прилетели из Мемеля, и одновременно необходимые материалы и личный состав были перевезены на миноносцах. 18-го прилетели еще 2 самолета с *Глиндёра.* Летчики были размещены в русских ангарах. В то время как сторожевые корабли располагались в непосредственной близости от аванпорта, самолеты производили разведки на расстояние 50 миль в море.

Но наиболее действительной защитой города являлись морские силы, действовавшие далеко на севере, в неприятельских водах. Когда в этих операциях наступил перерыв, к.-адм. Гопман приказал коммодору Карф с *Аугсбургом, Любеком* и 19-й полуфлотилией обеспечивать Либаву из Мемеля. *Аугсбург* ошвартовался вечером 19-го рядом с *Беовульфом.* Командир его и только что прибывший из Либавы командир вспомогательного дивизиона тральщиков осведомили коммодора об обстановке. На 20 мая был назначен поход *Любека* с двумя миноносцами мимо Эстергарна к Фарэ. Он вышел в 8 час. в море; коммодор Карф, провожая их на *Аугсбурге* с тремя миноносцами, зашел в Либаву. Вдоль всего побережья были видны рыбачьи лодки, которые, повидимому, беспрепятственно занимались своим делом. Из предосторожности к рифу Бернатен были направлены тральщики, чтобы, идя в протраленном и обставленном фарватере, быть обеспеченным от неожиданностей. Пока *Аугсбург* стоял на якоре у северного входа, коммодор отправился на *G-135* в гавань, чтобы ознакомиться с состоянием производимых работ и для личных переговоров с губернатором.

Аугсбург только что вернулся в Мемель, когда в 22 ч. 15 м. из Либавы было получено известие, что самолет *92* видел у Стейнорта 13 кораблей, которые стреляли. В ответ на телефонный запрос на авиационную станцию не было

получено ясных дополнительных сведений, потому что наблюдатели в наступавшей темноте не могли определить тип кораблей. Коммодор предполагал, что это были миноносцы, которые, по всей вероятности, в течение темного времени уже успели вернуться в Рижский залив [1]. Поэтому преследовать их на *Аугсбурге* не имело никакого смысла, но *Любек* был выслан к Люзерорту. Ни он, доходивший около 2 ч. 30 м. (21 мая) до отмелей Ирбенского пролива, ни *V-108*, высланный из Либавы и дошедший до Стейнорта в 0 ч. 30 м., не заметили ничего подозрительного, и после своего безрезультатного похода оба возвратились, соответственно в Либаву и в Мемель. Также и самолет, высланный на следующий день на рассвете в разведку до Люзерорта, не доставил никаких сведений.

Могло быть, что сообщение, переданное накануне вечером, было основано на том, что наблюдатели приняли рыбачьи суда за военные корабли, о которых сообщали. На всякий случай было решено еще раз проверить фарватер у Стейнорта. Коммодор решил итти на *Аугсбурге* в Либаву для прикрытия тральщиков. Когда после полудня он туда прибыл, не было никакого сомнения, что в указывавшемся месте действительно был неприятель. Сторожевые корабли слышали орудийную стрельбу, а от береговых постов армии, расположенных у Стейнорта, пришло извещение, что обстрел был безрезультатен. С наступлением темноты вышли на работу 5 тральщиков вспомогательного дивизиона Нейфарвассера. *Аугсбург* следовал за ними с двумя миноносцами в качестве охраны от подводных лодок. *G-135* и *V-108* образовали дозор в 5 милях впереди тральщиков. Мин найдено не было.

Об этой операции в русских источниках имеются лишь скудные сведения. Русские миноносцы получили задачу: разведать предполагавшийся у Стейнорта дозор и обстрелять установленные на побережье орудия и прожектора [2].

---

[1] Эскадренные миноносцы 2-го дивизиона и по одной группе 3-го и 6-го дивизионов имели заданием произвести рекогносцировку берега от Люзерорта до маяка Стейнорт, причем одновременно к югу от Ирбенского пролива были высланы подводные лодки *Минога* и *Окунь*. — *Н. Н.*

[2] См. предыдущее примечание. — *Н. Н.*

флотилии возвратились невредимыми в Рижский залив[1]

Благодаря хорошей погоде траление внутри аванпорта настолько продвинулось, что можно было перевести *Беовульф* в Либаву. Во время перехода одна из неприятельских подводных лодок (*Акула*) атаковала его 21 мая у Паппензе. *Беовульф* повернул на противника, и торпеда прошла сзади него. Место, где был произведен выстрел, было безрезультатно обследовано. Пенистые гребешки на волнах сбивали след, и солнце слепило. Корабль уже поворачивал, чтобы лечь на старый курс, когда заметил второй след: эта торпеда прошла близко от носа. Командир снова повернул на противника; многие наводчики, считая, что видят подводную лодку, открыли огонь, но его пришлось вскоре прекратить, так как в направлении стрельбы были обнаружены рыбачьи суда. Возникал вопрос, не работали ли последние совместно с лодкой, сообщив ей о приближении корабля? Но командир не мог задерживаться для их осмотра. В 19 ч. 30 м. *Беовульф* остановился перед северным входом и был введен в гавань с помощью буксира. Он был первым большим кораблем, ставшим на якорь в гавани Либавы.

Ввиду того, что коммодор в Мемеле еще не получил к утру 22 мая распоряжений о предстоявших минных постановках, он решил выслать *Любек* в Либаву, чтобы испробовать вход в северные ворота гавани на этом достаточно длинном корабле. Маневр входа удался без затруднений. Крейсер в то же время привез командиру *Беовульфа* поручение принять на себя оборону водного района Либавы. Два тральщика вспомогательного дивизиона Нейфарвассера должны были и впредь высылаться на 6 миль к северу от Либавы для дозорной службы, но наибольшее значение коммодор придавал утренней и вечерней разведке самолетов.

Возможности этого молодого оружия еще раз с очевидностью подтвердились в то же утро. Самолет *216* около 6 час., после встречи у Эстергарна с *U-26* и посадки около нее для переговоров, узнал о присутствии в море неприя-

---

[1] Ю. Шельтинга, Действия морских сил на Рижском заливе в 1914—1916 гг., «Морской сборник», 1926 г., № 3.

тельской подводной лодки; поднявшись, он обнаружил в 15 милях южнее *Акулу,* которую атаковал, сбросив с высоты 150 *м* четыре бомбы. Ввиду того, что на воде были видны только три всплеска, летчик считал, что достиг попадания [1]. Лодка, несколько накренившаяся на правый борт, дала задний ход, затем застопорила, но потом снова дала ход и благополучно возвратилась в свой порт.

Самолет отправился в Либаву, принял горючее и снова поднялся для преследования противника (карта 1).

> «Если лодка продолжала итти по курсу *ONO* с 12-узловой скоростью, то она должна быть у Люзерорта между 12 и 13 час. Я правил поэтому на *N* до широты Люзерорта, откуда пошел по курсу *WSW* на Готланд, оттуда по курсу *NNO,* потому что лодка могла пойти и на *N*».

Около полудня произошла вынужденная посадка из-за неисправности в моторе.

> «В 12 ч. 45 м. старт на курс *Ost по* направлению ко входу в Рижский залив. У Михайловского маяка лодка не могла быть раньше 14 час. В 14 ч. 30 м. — посадка в 10 милях севернее этого пункта для ожидания подхода лодки. Так как до 15 ч. 50 м. ничего не было видно и не было слышно, — стартовал для возвращения. Виндава была внимательно осмотрена на случай, если бы лодка зашла туда; но гавань была совершенно пуста. Затем — обратный полет вдоль побережья. В 17 ч. 20 м. — посадка в гавани Либавы. Общее время полета 5½ часов, утром — 4½ часа».

Самолет *92* принимал участие в преследовании и летал зигзагами между Эзелем и материком до острова Руно, откуда вся поверхность Рижского залива была видна; затем — по прежнему пути над Ирбенским проливом и дальше до половины расстояния между ним и Готска-Сандэ. В 16 ч. 30 м. он благополучно сел в Либаве. Кроме одного парусника, не было замечено ни одного судна. Гавани Б. Ирбен, Виндава и Павловская (5 миль к северу от Стейнорта) были пусты. Летчики не нашли подводной лодки,

[1] Бомбы упали по носу и слева в 3—4 *м,* не причинив повреждений. — *Н. Н.*

но доставили ценные сведения и достигли исключительных успехов в полетах. Самолет *216* был 10 часов в воздухе, а самолет *92* благодаря экономичному расходованию топлива сумел продержаться в воздухе непрерывно 7 часов с количеством топлива, которое обыкновенно расходовалось в течение 6 часов. Заслуги летчиков и наблюдателей нельзя недооценивать, несмотря на то, что была спокойная и ясная погода.

Одновременно с *Беовульфом* в Либаву была переведена и *UA*. Когда она вечером 21-го выходила из Данцига, было как раз получено известие об атаке на *Беовульф*. Поэтому темное время она переждала у Брюстерорта, откуда дальше пошла под водой. По указанию из Мемеля, поход продолжался и ночью, почему лодка проходила район Паппензе на рассвете. Противник не показывался. Для ускорения работ по разведывательному и окончательному тралению в Либаву были высланы и остальные корабли вспомогательного дивизиона тральщиков Свинемюнде.

Индианола и *Инкула* в сопровождении двух сторожевых кораблей вышли вечером 22-го из Нейфарвассера и беспрепятственно пришли на либавский рейд. Спустив моторные тральщики и передав адресованные капитану порта грузы, они возвратились в Нейфарвассер, не заметив выпущенной по ним с *E-9* на широте Паппензе торпеды.

Ввиду хорошей погоды работы продолжались успешно (см. выше, черт. 9). Весь аванпорт был обследован и почти весь промерен. Мины были обнаружены лишь в ограниченном количестве. Приступили к обследованию средних ворот, потому что, судя по картам, только в них был углубленный землечерпалками проход для кораблей с большой осадкой. Ведущий во внутреннюю военную гавань канал был сильно загражден. Вход в него почти полностью был закрыт затопленными: пловучим доком, пловучим краном и пароходом. Одно из крыльев перекинутого через канал поворотного моста было оторвано взрывом и обвалилось в воду. Повсюду на дне валялись затопленные малые суда, среди них — старый миноносец и подводная лодка.

Здания порта, за малыми исключениями, были невредимы; внутреннее оборудование и машины в большинстве случаев были разрушены. Оба сухих дока были выведены

из строя взрывом батопортов; пловучий док для миноносцев был взорван и находился в полузатонувшем состоянии. В одном из сараев было найдено некоторое количество мин, повидимому — последние резервы защитников крепости. Они очень пригодились для производства подрывных работ. Найденные принадлежности судового инвентаря, а также оружие, требовали основательного ремонта. Запасы металлических изделий и металлов еще не были определены. Красиво расположенные в лесу и окруженные садами казармы и жилые дома военного городка являлись готовым помещением для германских войск. Хотя отсутствовала мебель, и многие окна были забиты досками, но отдельные здания, как, например, собор и морское собрание, своим почти неповрежденным внешним видом и внутренней отделкой являлись живыми свидетелями прошлого. Повидимому, при их постройке стоимость не имела значения. Главный купол собора, судя по всему, был использован и для военных целей: он был оборудован аппаратом Морзе и связан телефоном с другими важными пунктами.

Оживленное движение царило в торговой гавани, откуда отправлялась добыча ценностью во много миллионов. Обозы частей армии колоннами доставляли имущество в гавань, где погрузка его на суда была делом флота. Ввиду того, что несколько сот людей, состоявших в распоряжении капитана порта, были заняты нарядами для других надобностей, погрузка производилась рабочей силой из местных жителей и из военнопленных.

В городе флоту делать было нечего. Но для него было важно, что армия откровенно устраивалась для длительной оккупации. Был оборудован большой продовольственный склад, шли усиленные работы по восстановлению разрушенных железных дорог, а фабрика колючей проволоки уже была пущена в ход. С населением хорошо поладили, на заполненных людьми улицах города часто слышалась немецкая речь. С другой стороны, русская, и в особенности латвийская, часть населения относилась ко всему немецкому с глубокой ненавистью[1]. Войск было очень не-

[1] Очевидно Лолльман коренное население Либавы—латышей—не считает «населением», с которым «хорошо поладили» *Ред.*

много, но командование считало, что их вполне достаточно. Комендант крепости располагал только двумя батальонами запаса, двумя ландвера и тремя ландштурма, несколькими эскадронами кавалерии и двумя дюжинами орудий, расположенными на большом пространстве вокруг Либавы.

Когда 2-й флагман возвратился из операции минной постановки в Финском заливе, ему была поручена охрана курляндского побережья; с наступлением темноты 25 мая *Аугсбург*, возвращаясь из северной части моря, вошел в гавань. Поздно вечером пришло сообщение, что один из самолетов не возвратился; оба только что пришедшие с *Аугсбургом* в порт миноносцы *S-138* и *S-142* были высланы на поиски. Но когда ни они, ни поднявшиеся с рассветом самолеты не смогли найти пропавшего, коммодор приказал *Аугсбургу* поднимать пары. Наконец, около 9 час. шедший из Мемеля сторожевой корабль привез в гавань заблудившийся самолет невредимым.

Коммодор Карф удостоверился в успешном ходе погрузочных работ в коммерческой гавани в Либаве и осмотрел совместно с губернатором военный городок; во время осмотра были урегулированы вопросы постройки телефонной сети для связи разбросанных служебных пунктов и вопросы связи и взаимной информации между кораблями и берегом. Большое впечатление производил размах, с которым был выстроен на плоском и открытом песчаном побережьи «порт императора Александра III». Неимоверных средств стоила России эта незамерзающая гавань, сданная теперь почти без сопротивления неприятелю. Хотя при этом и были приняты все меры для приведения ее в негодность, но уже теперь в гавани стоял корабль с 24-*см* орудиями, а вскоре к нему присоединились некоторые линейные корабли.

На 28 мая коммодор назначил разведывательную операцию. В 8 час. *Аугсбург* снялся со швартовов от южной стенки зимней гавани и пошел в сопровождении двух миноносцев сначала к Ульмалену — деревне, расположенной к северу от Стейнорта, население которой, по всей видимости, имело тесную связь с русскими войсками. При подходе к ней выяснилось, что деревня состоит из расположенных на берегу одиночных домов, по которым трудно

было достичь хороших результатов из 10,6-*см* орудий, почему коммодор отказался от обстрела и продолжал поход на север. В 19 час. увидели маячную башню Фильзанд, мимо которой прошли в небольшом расстоянии, рассчитывая своим появлением вызвать погоню, при которой минное поле или *U-26* выполнили бы свое назначение. Как только корабли вышли из пределов видимости маяка, *Аугсбург* повернул на обратный курс и на следующее утро вошел в Мемель.

Между тем на сухопутном фронте оживилась боевая деятельность. Вечером 28-го ген.-лейт. Папритц сообщил в Данциг, что русские наступают с кавалерией, артиллерией и ополчением и что решено произвести их охват с обоих флангов — от Газенпота и Сяды. Расположенная недалеко от Стейнорта в 5 *км* от берега мыза Сакенгаузен была уже занята неприятельской кавалерией. Ввиду того, что к.-адм. Гопману с крейсерами предстояла большая операция, он решил первоначально предоставить в распоряжение армии *Беовульф*. Этот корабль получил в полдень 29-го распоряжение обстрелять Сакенгаузен и итти к Ульмалену, и через час вышел в море. Так как *V-108* был в Мемеле, для охраны от подводных лодок были взяты два тральщика вспомогательного дивизиона; в качестве надежной поддержки была выслана на позицию к Стейнорту подводная лодка *UA*. В течение операции все время должен был летать над *Беовульфом* посменно один из двух выделенных с *Глиндёра* самолетов; они получили задачу на походе охранять *Беовульф* от подводных лодок, а во время обстрела береговых предметов должны были указывать цели, сбрасывая зажигательные бомбы, и сообщать результаты падения снарядов.

Селение Ульмален было вскоре накрыто, несмотря на то, что сброшенная с самолета зажигательная бомба не загорелась. В 15 ч. 40 м. для предостережения были произведены один перелетный и один недолетный выстрелы, а через 5 минут начался обстрел. Ввиду того, что падения залпов легкой артиллерии не были заметны, пришлось ввести в действие башни. Когда каменный господский дом был объят пламенем, в 16 ч. 20 м. огонь был прекращен; всего было выпущено 150 шт. 8,8-*см* и 16 шт. 24-*см* сна-

рядов. Вторая часть задачи была труднее: расположенный вдали от побережья Сакенгаузен с моря виден не был, точных карт не было. Пользуясь вспомогательной точкой наводки, произвели 4 выстрела, после чего командир прекратил стрельбу и направился обратно. Наблюдение при помощи одного самолета и сигнальная связь с ним были недостаточно организованы, чтобы обеспечить успешный обстрел с движущегося корабля на больших дистанциях.

С фронта продолжали поступать неблагоприятные сообщения. Вечером 30 мая летчики видели у Сакенгаузена сильные неприятельские пехотные части; до Семуппена, расположенного немного более 20 *км* от Либавы, доходили казачьи разъезды. Губернатор настойчиво просил обстрелять Сакенгаузен, а также выбить кавалерию из Семуппена с помощью флотской роты. Хотя такое использование роты и влекло за собой полное прекращение работ по очистке гавани, капитан порта вынужден был на него согласиться.

250 человек были посажены на небольшой пароход с целью высадки их в 1 *км* к северу от Семуппена. *Беовульф* получил задание предоставить для высадки шлюпки, погасить противодействие неприятеля высадке и держаться вблизи места ее производства впредь до выяснения, будет ли рота возвращаться в Либаву по суше или морем. Первоначально командование всей операцией было предположено возложить на командира *Беовульфа*, но он отказался ввиду того, что было недостаточно времени для подготовки к проведению даже только тех мероприятий, которые возлагались на корабль поддержки. В 5 час. (31.V) *Беовульф* в сопровождении парохода с десантом вышел в море; для охраны от подводных лодок впереди шли *V-108* и 2 сторожевых корабля. *UA* была выслана на позицию к Стейнорту, один из самолетов поднялся для корректировки стрельбы *Беовульфа*, но вынужден был вернуться ввиду низкой облачности.

Погода вполне благоприятствовала; ветер и волна были умеренными. Высадка с помощью обоих катеров *Беовульфа* не представила никаких трудностей, — в течение часа вся рота была на берегу, а в 8 час. она двинулась в глубь страны. Против ожидания она уже через 2½ часа возвратилась, не сделав ни одного выстрела, и ее командир кап.-лейт. Вейер донес, что

Семуппен свободен от противника. Намерение погрузиться обратно на пароход удалось выполнить лишь отчасти; ввиду засвежевшего ветра одна полурота вынуждена была возвратиться в Либаву по суше вдоль побережья.

Предложение обстрелять Сакенгаузен вместо *Беовульфа* попало в Мемель, и в полдень 31-го, из-за очень свежей погоды на несколько часов позднее, чем было назначено, 2-й флагман с *Аугсбургом, Любеком* и 20-й полуфлотилией вышел из гавани. Он еще не знал о произведенном за два дня до этого обстреле Сакенгаузена, так как командир *Беовульфа* ограничился посылкой письменного донесения. Когда группа в 18 ч. 30 м. подошла к побережью севернее Стейнорта, Сакенгаузена не могли найти, напрасными были также попытки наблюдателей обнаружить неприятельские войска. Ввиду этого коммодор решил зайти в Либаву для предварительного ознакомления с обстановкой. Неприятель не продвигался больше вперед, а в некоторых местах отступил: русское наступление было остановлено. Возможно, что в этом случае повлияли и 24-*см* снаряды старого броненосца береговой обороны. Высадка флотской роты обошлась без потерь лишь по счастливой случайности, и на будущее время такие высадки с недостаточными средствами были запрещены.

В Данциге, как и в Киле, старались всячески помочь восстановлению Либавы. Ежедневно капитан порта должен был доносить о ходе работ. К.-адм. Гопман в особенности заботился об улучшении береговой обороны; он предложил постановку минного заграждения у Стейнорта, и уже 11 мая ходатайствовал о постановке старых линейных кораблей в аванпорте в качестве пловучих батарей. Пр. Генрих со своей стороны согласился и ждал только открытия среднего входа. Когда в Либаве были найдены данные промера, из которых было ясно, что в гавань могут входить корабли с осадкой 8 *м*, он обратился 22 мая к начальнику морского генерального штаба со всесторонне обоснованной просьбой перевести в Либаву линейные корабли *Бранденбург (Brandenburg)* и *Вёрт (Wörth)*[1]. Учитывая недоста-

[1] Оба корабля состояли в V эскадре, с которой в феврале 1915 г. была снята часть личного состава и которая числилась

ток в личном составе, гросс-адмирал не хотел полностью укомплектовывать корабли, а для перевода их в Либаву считал достаточным одного командира на оба корабля, одного артиллериста, полного количества прислуги для тяжелой артиллерии и дальномеров, для легкой артиллерии — половинное число прислуги, машинной команды — из того расчета, чтобы корабли в случае нужды могли бы под своими машинами дойти до Данцига.

Но адм. Бахман был против такого предложения. Он считал, что личный состав был более нужен для других целей; нападение русского Балтийского флота на Либаву было мало вероятным, в остальном ведение активных операций должно было быть лучшей защитой; кроме того, перевод линейных кораблей мог повлечь за собой необходимость организовать их защиту в случае, если экстренная эвакуация совпадет с понижением уровня моря, могущим затруднить выход кораблей с осадкой 7,4—7,9 *м*. Гр.-адм. Тирпитц присоединился к мнению морского генерального штаба.

4 июня пр. Генрих лично прибыл в Либаву[2]. Он убедился не только в правильности сведений, что порт вполне удовлетворяет потребностям военных операций, но и удостоверился, что не было причин опасаться внезапной эвакуации. Губернатор выражал уверенность, подтвержденную впоследствии лично ген.-фельдм. Гинденбургом в главной квартире восточного фронта, что Либаву будут удерживать. Ввиду этого из Данцига был выслан в Берлин первый офицер морского генерального штаба для осведомления центральных учреждений о создавшемся на месте положении и для возбуждения вновь вопроса об оборудовании в Либаве опорного пункта флота. Министр и начальник морского генерального штаба согласились на перевод в Либаву линейных кораблей типа *Бранденбург* в предположении, что морские станции смогут произвести выделение

«дивизией готовности» («Bereitschafts division») в подчинении командования морской станции Киля (см. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 35).

[2] Ознакомительная поездка на автомобиле через Свинемюнде, Данциг, Либаву в ставку Гинденбурга в Лодзь, на обратном пути—остановка в Данциге для совещания с к.-адм. Гопманом и для беглого смотра личному составу стоявших в гавани кораблей.

личного состава, а также на оборудование складов снабжения и на увеличение количества малых кораблей.

Командующий морскими силами возобновил свои требования, предъявленные в весенней памятной записке, об организации флотилии для охраны побережья. Перерыв в деятельности неприятельских подводных лодок в течение последних дней (см. следующую главу) требовал проведения более энергичных мероприятий и лучшей защиты морских сообщений с Либавой, так как чаще и в большей степени пароходы использовались для перевозки войск. Например, 7 июня за несколько часов до перевозки роты велосипедистов из Мемеля был затребован конвой, в который мог быть выслан единственный имевшийся в распоряжении миноносец *V-108*. Перевозка военной добычи часто производилась морем до Штетина, чтобы не загружать железной дороги. С другой стороны, было невозможно использовать в еще большей степени для сторожевой и конвойной службы вспомогательные тральщики, и в особенности миноносцы, потому что они часто были нужны для совместных действий с боевыми кораблями.

Начальник морского генерального штаба отклонял как раньше, так и теперь передачу миноносцев из Флота открытого моря; предложенные мероприятия по передаче части кораблей из охраны портов не вышли еще из стадии переговоров, и конкретных решений по ним еще не последовало. Рассчитывать можно было только на получение рыбачьих судов, вооруженных мелкими пушками и снабженных оборудованием для сигналопроизводства и радиотелеграфом. Но неожиданно выяснилось, что морское министерство считает невозможной передачу 12 таких судов; оно объясняло свое решение тем, что могущие быть взятыми, оставшиеся еще суда крайне тихоходны и, кроме того, в интересах обеспечения населения пищей они заняты рыбной ловлей; для укомплектования их нехватало радиотелеграфистов и сигнальщиков; предназначенных для командования ими строевых офицеров было всего 3 человека, которые в настоящее время были назначены командовать группами; словом, встретился ряд непреодолимых препятствий. Только с большим трудом удалось в конце мая вооружить и укомплектовать 4 таких судна, ко-

торые принц и предназначил для несения дозорной службы у Либавы.

Окончательное очищение входов в гавань, фарватеров, ведущих к порту с моря, и различных участков внутренней гавани, требовало многих недель, а может быть и месяцев работы. Капитан порта и его подчиненные неутомимо проводили восстановительные работы своими средствами и по мере возможности пользовались случайной рабочей силой. В аванпорте вспомогательный дивизион тральщиков Свинемюнде, состоявший с 29 мая из 6 моторных катеров, достиг больших успехов в устранении обнаруженных подводных препятствий; так, например, им была приподнята, отбуксирована через северный вход и выведена за пределы фарватера баржа с опущенной из нее на глубину 8 *м* рамой. В июле пришли два лоцмейстерских судна, которые произвели систематичный промер, определив предварительно места навигационных сооружений. Параллельно с этим происходила замена легких буев, обозначавших границы протраленных фарватеров, более надежно поставленными на якорях бочками, лоцманскими баканами—освещаемыми и с колоколами, а также установка створных знаков на берегу. Были обучены лоцманы и издано руководство для плавания.

Самым важным было очищение северного входа. Затопленная поперек него землечерпалка была разломана рядом взрывов на мелкие части. Много работы доставила уборка бетонных массивов, затопленных там вместе с лихтером; постоянно находились новые, над которыми глубина была на несколько дециметров меньше назначенных 8 *м*. В последние дни мая были подняты на поверхность несколько наполненных динамитом бочек, повидимому, изображавших донные мины. После дальнейших поисков был обнаружен кабель, который шел вдоль северного мола к посту, оборудованному в кроне одного из деревьев; сухие элементы, включенные в эту цепь, были еще годны к употреблению. Возможно, что такое заграждение послужило причиной гибели *V-107* 8 мая. Надежды на избыточную глубину входного фарватера не оправдались; недалеко от головы мола было обнаружено повышение дна протяжением в 7-*м* с таким твердым грунтом, что 2 работавшие там землечерпалки оказывались бессильными. Поэтому северный вход мог

быть доведен до глубины 8 *м* лишь после значительной затраты времени.

Но еще до начала июня, когда это обстоятельство обнаружилось, кап. 1 р. Кутшер начал работы по очищению среднего входа. После уборки мин, стоящих с наружной и внутренней сторон входа, водолазами было установлено, что северная половина входа на ширине 70 *м* свободна от крупных топляков. Нужно было только поднять несколько дюжин бетонных массивов и взорвать паровую землеотводную шаланду. К работам было тотчас приступлено, причем для удаления с фарватера взорванных частей пользовались обыкновенной землечерпалкой. Работы продолжались до 24 июня, когда капитан порта смог донести, что вход свободен для броненосных крейсеров, но именно в этот момент возник ряд препятствий: один из портовых буксиров затонул после столкновения; на водолазной барже произошел взрыв, которым был убит один водолаз и несколько человек было убито и тяжело ранено; дивизионы тральщиков были отправлены для выполнения других заданий. Но главным препятствием было состояние погоды: лишь половину дня можно было работать во входах; волнение и зыбь препятствовали спуску водолазов и постановке землечерпалок на якоря вне молов наружной гавани.

В такие дни рабочие группы перекочевывали в канал военного порта. Сначала была взорвана затопленная часть поворотного моста, затем — части миноносца и баржи. Затопленный при входе в канал пловучий док (60 *м* длины и 20 *м* ширины) и пловучий кран были подняты после откачки. Из малых заградителей четыре были использованы уже в конце мая в качестве портовых судов; подъем пятого потребовал больших усилий и до начала июля он все еще был под водой. В июне командиру *U-4* с помощью нескольких водолазов подводной школы и вспомогательного дивизиона тральщиков удалось откачать и поднять русскую устаревшую подводную лодку *Сиг* (год спуска 1904, водоизмещение 135/170 *т*), затопленную еще во время мобилизации. Другие рабочие партии подготовляли спасение затопленного в северном входе парохода *Вильгельм Хемсот* (*Willhelm Hemsoth*), обследовали затопленный в среднем входе *Дюссельдорф* (*Düsseldorf*), переоборудовали

в минный блокшив *Глиндёр,* который стал после подрыва на мине непригодным для использования в качестве авиаматки, а также приготовляли его и русский *Саратов* к тому, чтобы их в случае надобности можно было бы отбуксировать и затопить во входах. Бывшее русское госпитальное судно *Балтика (Baltica),* служившее сначала пловучей казармой, было отпущено в Бремен, потому что выяснилась его принадлежность немецким владельцам. Кроме местных жителей, спасавших собственные суда, нейтральные страны возбудили через своих консулов или дипломатическим путем ходатайства о разрешении выхода принадлежавших им 10 пароходов и 2 парусников. Разрешение было выдано с соблюдением определенных условий, затруднявших проникновение в Либаву неприятельских агентов. Эти суда вышли группами в конце июля и в начале августа к немалой радости капитана порта по случаю освобождения ими швартовых мест и гавани.

Происходивший под руководством губернатора вывоз ценных материалов еще долго был очень оживленным. Морское командование сначала довольствовалось ознакомлением с количеством и местом назначения вывозимых грузов по судовым документам, на основании которых представители морского министерства доносили в центр общую картину вывоза. Но когда в начале июня приступили к съемке станков и механизмов из мастерских военного порта, к.-адм. Гопман признал нужным усилить влияние флота в трофейной комиссии и потребовал оставления на месте в порту всего, что могло понадобиться в дальнейшем для обслуживания крейсеров и миноносцев. Ввиду того, что дальнейшего увеличения количества людей, подчиненных капитану порта, не предвиделось, а все наличные были и без того перегружены, пересмотр имущества и заботы о своевременном выделении годного к употреблению на месте было поручено *Беовульфу.*

Возможно скорее нужно было оборудовать склады для снабжения кораблей и ремонтные мастерские, способные обслуживать разведывательные силы в Либаве. Для легких крейсеров и флотилий хватало имевшихся 4 пароходов угольщиков. Но когда в конце июня в гавань вошли и броненосные крейсера, добавление же двух пароходов встре-

тило препятствия, — в помощь им были приданы баржи и были сделаны приготовления для завоза больших количеств угля в мешках на стенки гавани. Смазочные масла и другие расходные материалы подвозились на пароходах; питьевую воду и воду для мытья доставляли с берега при помощи имевшихся портовых судов; котельную воду, как и соляровое масло для подводных лодок, доставляли из данцигского порта на наливных судах, регулярно пополнявших запасы.

От предполагавшегося раньше перевода в Либаву пловучей мастерской *Босния (Bosnia)* затем отказались, так как в Эмдене, где она находилась, без нее было трудно обойтись, а также ввиду появления уверенности в возможности в скором времени производить ремонт в мастерских на берегу. Кроме порта, к этому времени можно было рассчитывать на металлургический завод Беккера, уже полностью начавший работать. В продовольственном отношении помогла армия. Хотя свободная торговля на берегу прекратилась, но зато необходимые припасы подвозились по мере надобности из Германии. К концу июня база снабжения была полностью оборудована; флот получил собственный продовольственный склад, пекарню и бойню.

Морская рота под командой Вейера постепенно выросла до 400 человек, не считая личного состава гидроаэростанции и тральщиков. Настоятельно требовались специалисты: водолазы, подрывные партии, команды буксиров, мастеровые, сигнальщики, пекаря, мясники, наконец, полицейские, канцелярские служащие. Кадровые морские части — 1-я флотская рота и 1-я портовая рота — напрягали все силы для удовлетворения потребностей. Особенно трудно было найти унтер-офицеров для командования портовыми пловучими средствами и людей для замещения лоцманских вакансий. Мастерские были укомплектованы 1-й строительной ротой. Ее личный состав получил первоначальное полевое обучение в Киле, там же ему были сделаны прививки против холеры и тифа. Он был снабжен подвесными койками, так как русские оставили казармы совсем пустыми. Приведение последних в порядок не представляло, однако, слишком больших трудностей; здания стали годными для жилья после исправления их средствами кораб-

лей. Сначала варка пищи производилась на месте работ, а впоследствии для сбережения времени и труда для этой цели из Германии были доставлены полевые кухни.

Люди и материалы перевозились по железной дороге в Мемель, а оттуда морем в Либаву. Ввиду того, что пароходы, подчиненные губернатору, ходили нерегулярно, происходили многодневные задержки, особенно отражавшиеся на доставке почты. По предложению начальника мемельского морского этапного пункта, между городами было установлено автомобильное сообщение, которое вскоре пришлось ограничить случаями особой важности, так как выделенные для этого две старых машины не могли полностью выполнить своего назначения из-за скверного состояния дорог. Телеграфная связь с Либавой также оставляла желать лучшего вследствие окончательного уничтожения старой русской сети и крайней перегрузки полевой связи армии. С помощью ремонтных частей армии была проведена собственная линия, которая имела конечным пунктом морской пост наблюдения и связи, оборудованный к концу июня радиотелеграфом и сигнальными приспособлениями. Кроме того, в Паппензе была проведена двухпроводная линия, ввиду чего в этом важном пункте смог быть оборудован наблюдательный пост; благодаря этому морские команды могли своевременно получать предупреждения о грозивших им нападениях.

С очевидностью выяснялось как ранее, так и в дальнейшем, что население состояло в тесной связи с неприятельскими вооруженными силами: неприятель иногда обнаруживал поразительную осведомленность о передвижениях германских кораблей и о различных операциях. Имелись большие основания предполагать, что телеграфные переговоры подслушиваются. Несомненно, что среди многочисленных рыбаков, которые встречались как у берегов, так и далеко в море, была организована осведомительная служба, если только они не участвовали даже и в активных действиях. Когда 8 июня *Тетис* обнаружил к юго-западу от Либавы мины и одновременно увидел совсем рядом с собою рыбаков,—рыболовство было ограничено пределами 3-мильной полосы от побережья, с правом пользоваться для этой цели только гребными шлюпками; одновременно за

ними был установлен надзор. Несмотря на это, нападения подводных лодок на германские корабли продолжались, и каждый раз в таких случаях в непосредственной близости оказывались рыбачьи суда. Поэтому в начале июля военный губернатор, по настоянию командующего морскими силами, запретил рыбную ловлю всем русским подданным и добился у соответствующих властей запрещения также германским подданным рыболовства в водах, расположенных севернее государственной границы. Наблюдение за проведением этих распоряжений в жизнь было возложено на *V-108* и на тральщики.

Армия в середине июня решила наладить железнодорожное сообщение до Шавлей и Митавы, для чего к середине июня потребовалось доставить морем паровозы и вагоны, ибо русские при отступлении угнали весь подвижной состав. Для уменьшения расходов, связанных с наймом для этой цели одного из паромов-пароходов, обслуживавших линию Засcниц — Треллеборг или Варнемюнде — Гиедзер, пр. Генрих разрешил предоставить для перевозок вспомогательный минный заградитель *Дейтшланд,* несмотря на предстоящие ему минные постановки. Погрузка подвижного состава должна была производиться в Засснице с оборудованной для этой цели пристани. Для разгрузки в Либаве железнодорожной строительной ротой была построена деревянная пристань с откидным деревянным помостом. Как только она была окончена, *Дейтшланд,* занятый до последней минуты в качестве минного транспорта, а также производившимися на нем переделками, доставил 26 июня первую партию в составе 3 паровозов и 6 товарных вагонов вместе с заготовленными осями для более широкой колеи русских железных дорог. Выгрузка в Либаве затруднялась из-за поломки крана, но, несмотря на это, *Дейтшланд* 28 июня снова вышел в море. Недалеко от Засcница заградитель в густом тумане сел на мель, с которой через 3 часа сошел собственными средствами. Когда туман рассеялся, в 50 *м* прямо по носу оказался мыс Штуббенкаммер.

В Засснице корабль стоял лишь в течение времени, необходимого для погрузки 18 товарных вагонов; 1 июля утром он вновь прибыл в Либаву. За это время там было решено, что вместо смены осей у вагонов должны быть пе-

ретянуты бандажи; это, однако, выполнялось лишь впервые, отчего выгрузка затянулась до вечера.

После выхода *Дейтшланда* из Либавы были получены радиограммы, извещавшие, что севернее Брюстерорта подорвался на мине пароход *Урсула Фишер (Ursula Fischer)* и его команда находится еще в море (см. главу VII). Вследствие этого командир уменьшил ход в расчете пройти в светлое время опасное от плававших и мелко поставленных мин место, чтобы иметь больше возможности уклониться от них в случае их обнаружения. Но вскоре появился густой туман, и пришлось его переждать. Так как по новым сведениям *Урсула Фишер* явился жертвой подводной лодки, и в том же месте торпедой с подводной лодки был поврежден *Пр. Адальберт,* то *Дейтшланд* получил приказание во время третьего рейса в Либаву проходить у Риксгефта и между Мемелем и Паппензе в темное время, т. е последовательно в течение двух ночей; вследствие этого он пришел в Либаву только 5 июля утром. При возвращении, начавшемся еще до полудня, т. е. в светлое время суток, II дивизион тральщиков нес охрану от подводных лодок, сопровождая заградитель до Риксгефта, в то время как предыдущие походы совершались до этого места без конвоя.

Первоначально предполагалось совершение только трех рейсов, но положение на восточном фронте вынуждало начальника военных сообщений фронта настаивать на дальнейшем использовании корабля. Соответствующие морские учреждения выразили согласие, указывая на необходимость в целях ускорения производить перевозку подвижного состава из какого-либо восточного германского порта. В Пиллау и Мемеле не было возможности быстро соорудить пристань по образцу выстроенной в Либаве из-за отсутствия там в данный момент железнодорожно-строительных рот. В Данциге, — как это установил во время четвертого похода *Дейтшланд,* — речная паромная пристань у Хольма была непригодна для использования, но можно было надеяться осуществить перегрузку вагонов с помощью большого крана, имевшегося в порту. Поэтому после разгрузки в Либаве 2 паровозов и 12 вагонов, окончившейся в 8 час., корабль тотчас возвратился в Данциг,

где после погрузки угля команда получила первую ночь для отдыха.

10 июля была произведена пятая погрузка с помощью портовых парома и крана; выгрузка перевезенного состава была произведена рано утром на следующий день в Либаве. Вечером в тот же день *Дейтшланд* в течение 2½ часов погрузил последнюю партию в 20 вагонов и сдал их ровно в полдень.

Предстоявшие операции минных постановок требовали отправки корабля на 8 дней в Киль для чистки котлов, производства необходимых переборок и текущего ремонта механизмов. Командир и команда могли гордиться проделанной ими работой: в течение 23 дней корабль, совершая переходы почти все время экономической скоростью, прошел 4 500 миль; за это время было произведено 7 погрузок угля на корабль и 9 перегрузок из трюмов в угольные ямы. В очень короткий срок удалось, преодолевая ряд трудностей, доставить в Либаву необходимые для армии паровозы и вагоны. Когда в конце месяца понадобилась дальнейшая доставка подвижного состава, то на эту работу был поставлен однотипный корабль *Прейсен (Preussen)*, снятый на это время со своих рейсов между Засcницем и Треллеборгом.

Так как германские госпитальные суда стояли в бездействии, армия 24 июня попросила одно из них. Стоявшее в Данциге в готовности госпитальное судно *Шлезвиг* немедленно вышло в Либаву; вход этого плохо управлявшегося корабля благодаря успешному ходу работ по очистке средних ворот был значительно облегчен. Там он был обращен в пловучий лазарет. Количество раненых и больных было, однако, столь незначительным, что перевозка их на родину требовалась лишь очень редко.

Тральные работы все еще продолжались в подозрительных со времени зимы районах у померанского побережья. Хотя на подрывы кораблей на минах и нельзя было жаловаться, но изо дня в день мины выбрасывало на побережье, а военные корабли, рыбаки и пароходы встречали плававшие мины в море. После сильного шторма в мае только в этих водах было расстреляно или разоружено властями на берегу 20 мин, вследствие чего торговым судам был дан

совет впредь до дальнейшего извещения проходить район банки Штольпе только в светлое время суток. Командующие морских станций, командующий морскими силами и морской генеральный штаб использовали все поступавшие сведения, чтобы по конструкции мин, степени их обрастания и направлению дрейфа установить место и давность постановки.

В конце мая было приступлено к продолжению тральных работ, прерванных операциями по занятию Либавы и необходимостью для тральщиков II дивизиона произвести чистку котлов. 24 мая 7 тральщиков, идя из Киля и Засница, обследовали предполагавшееся к востоку от Христиансэ заграждение, на котором был поврежден в январе взрывом *Аугсбург* (карта 1). Они вскоре установили границы и направление линии заграждения, а также вытралили несколько мин. На дальнейшем пути от Свинемюнде к Нейфарвассеру эти же тральщики обследовали тралом фарватер между Штольпмюнде и Стило, на котором мин обнаружено не было. В дальнейшем необходимо было удлинить, а также расширить до 10 миль фарватер, шедший от Риксгефта на север; эту площадь решено было обследовать не сплошными галсами, а зигзагообразными курсами. Часть дивизиона, исполнявшая эту задачу с утра 28-го, в самом начале работы наткнулась в 30 милях от Риксгефта на мелко поставленное заграждение. Тральщики *Т-49* и *Т-54* получили при этом тяжелые повреждения кормовых частей; их удалось удержать на плаву и довести на буксире в Данциг. Высланных вперед двух тяжело раненых спасти не удалось.

Вторая группа из 5 тральщиков, вышедшая из Киля, продолжала 29 мая обследование юго-восточной части заграждения у Христиансэ[1]. Ранее было установлено, что заграждение простирается несколько дальше на восток, но при сделанных через этот район многочисленных галсах мин найдено не было. Когда тралившая группа вечером направилась в Данциг и находилась к западу от банки Штольпе,

[1] Вся задача не была выполнена первой частью дивизиона потому, что первоначально весь дивизион должен был 29 мая собраться для большой совместной работы у Нейфарвассера. Впоследствии начало этой операции было отсрочено.

оба тральщика первой пары, шедшие правее и левее ведущего, наткнулись на мины: *Т-47* разломился по середине и тотчас затонул; *Т-51* получил тяжелое повреждение в носовой части и его также не удалось удержать на плаву. Пока *Т-104* спасал команду с последнего, вместе с *Т-47* погибло 20 человек во главе с командиром. Почти сразу из состава II дивизиона выбыла одна треть тральщиков, и лишь благодаря хорошей погоде удалось спасти большую часть личного состава. Несчастье произошло на северной части заграждения, поставленного в ночь с 18 на 19 ноября 1914 г. заградителем *Амур;* южная часть этого заграждения была причиной гибели парохода *Кёнигсберг* и обнаружена 9 апреля II дивизионом тральщиков. Траление фарватера между Борнхольмом и банкой Штольпе временно было отложено ввиду того, что Свинемюнде, как опорный пункт, отошел на второй план после оборудования Данцига, и в особенности Либавы.

Важнее было поддерживать выходной фарватер от Рiксгефта. К.-адм. Гопман сейчас же выслал в Либаву одну из маток вспомогательного дивизиона Свинемюнде для доставки шести моторных катеров-тральщиков. 2 июня, с наступлением хорошей погоды *Индианола* стала на якорь невдалеке от вновь обнаруженного заграждения; судов для несения охраны от подводных лодок не могло быть дано, и оставалось рассчитывать, что неприятельские подводные лодки не будут действовать так близко от собственных заграждений. Начальник дивизиона уже через несколько часов сумел установить важнейшие данные: заграждение было поставлено по румбу *NO—SW* и кончалось в 300 *м* западнее места гибели обоих тральщиков. В течение трехдневной работы были выяснены некоторые достойные внимания подробности. Мины были поставлены на очень коротких интервалах и с переменной глубиной постановки; их расположение в шахматном порядке свидетельствовало, что они были сброшены с бортовых скатов и, повидимому, незадолго до их обнаружения, о чем свидетельствовало хорошее состояние наружной окраски. Как это часто наблюдалось у русских мин, они стояли на очень легких якорях и имели приборы, делавшие их безопасными при сбрасывании; мина, взорвавшаяся в 15 *м* от рядом стоявшей,

и даже в случае непосредственного расположения одной из них рядом с другой, не вызывала детонации соседней мины. В общей сложности было уничтожено 22 мины. Заграждение имело в длину 5,6 миль и имело два перерыва, наводивших на мысль, что его ставили с нескольких кораблей. Но не все заключения впоследствии подтвердились: заграждение было поставлено с одного броненосного крейсера *Рюрик* 14 декабря 1914 г.[1]. Мелко стоявшие мины, послужившие причиной гибели тральщиков, во время постановки не были предусмотрены.

Тральщикам, кроме расширения фарватера от Риксгефта, были еще заданы работы: проложить второй фарватер к Либаве в расстоянии 20 миль от побережья, в обход опасного от подводных лодок района между Мемелем и Паппензе, а также новый выходной фарватер из Данцигского залива от Брюстерорта по направлению на *NNW* шириной в 6 миль, длиной 50 миль. Так как русские перешли, повидимому, к мелкопоставленным заграждениям, командир разведывательных сил решил для пробы заставить работать II дивизион тральщиков с катерами-тральщиками вспомогательного дивизиона Свинемюнде: мореходные, но сравнительно глубоко сидевшие тральщики должны были сначала обследовать фарватер вообще, моторные же тральщики — определять и уничтожать найденные заграждения. В составе II дивизиона тральщиков осталось, кроме ведущего. 7 судов: 4 вышедших из строя тральщика еще не были заменены. Остаток дивизиона был в Киле, где происходила замена малых судов (серий 20-х и 30-х номеров) более крупными судами (серий 60-х номеров); последние были до этого в составе дивизиона охраны рейда, и на них была произведена установка оборудования для траления.

После возвращения из сопровождения крейсеров во время одной из операций (см. далее) II дивизион тральщиков приступил 11 июня к работе севернее Риксгефта и закончил ее в течение нескольких часов; на протраленных галсах мин обнаружено не было. *Индианола* шла во время траления за дивизионом; при этом, с одной стороны, сам диви-

---

[1] См. приложение 5—таблицу русских минных заграждений, поставленных в 1914—1915 гг. у германского побережья. — *Н. Н.*

зион защищал ее от атак подводных лодок, с другой стороны — работа тральщиков проверялась с большого корабля, обладавшего большими возможностями в смысле точности прокладки.

В течение нескольких дней из-за плохой погоды траление было невозможно. 17-го и 18-го приступили к прокладке нового фарватера к Либаве, несмотря на то, что ветер временами достигал силы 6 баллов. Дивизион ночевал иногда в Либаве, иногда в Пиллау. В продолжение последующих дней благодаря хорошей погоде удалось закончить прокладку фарватера от Брюстерорта в море. Ввиду того, что и здесь мин найдено не было, моторным тральщикам в работах участвовать не пришлось. Все три задачи были выполнены быстро и гладко. Несмотря на это, Гопман все еще не был вполне уверен в безопасности фарватера из тех соображений, что новый способ траления, покрывавший исследуемый фарватер сетью зигзагообразных курсов, ввиду обширности района давал очень большие промежутки между галсами; поэтому дивизионы тральщиков получили задание после чистки котлов обследовать фарватер еще несколькими параллельными его основному направлению галсами.

9 июня рыбаки обнаружили у померанского побережья к северо-западу от Стило две стоявшие на якорях мины. Они принадлежали к остаткам русского заграждения, которое долго и тщетно искали весной, и которое было поставлено, как теперь известно, 14 декабря 1914 г. с броненосного крейсера *Адмирал Макаров*[1]. 23 июня туда отправилась *Индианола* со своими моторными катерами-тральщиками; в течение следующих двух дней были затралены и уничтожены очень глубоко стоявшие и сильно обросшие мины. После некоторого перерыва, вызванного плохой погодой, в этом месте было найдено много мин, стоявших в 3 линиях, удаленных друг от друга на 2 мили. Некоторые мины, находившиеся вне общего направления линий, были, вероятно, оттащены со своих мест рыбачьими сетями. Закончить обстановку конца заграждения не удалось, потому что *Индиа-*

---

[1] См. приложение 5 — таблицу русских минных заграждений, поставленных в 1914—1915 гг. у германского побережья. — *Н. Н.*

нола 2 июля была отозвана. В то же время II дивизион тральщиков с 28 июня обследовал фарватеры и нашел все их чистыми от мин. Перерыв в работах затянулся до 9 июля; сначала, 2 июля, дивизион был задержан туманом, а в течение последующих дней — был занят охотой за подводными лодками, сопровождением *Дейтшланда* и других кораблей.

Базировавшиеся на Либаву соединения тральщиков — вспомогательный дивизион Нейфарвассера и вторая половина вспомогательного дивизиона Свинемюнде — участвовали как ранее, так и в дальнейшем в работах по очистке порта от затонувших судов, по восстановлению порта и по охране гавани. Задачи по тралению ставились им лишь в случае проведения операций базировавшимися на Либаву силами. Два раза поднимался вопрос об обследовании и расширении фарватера у Стейнорта. Хотя здесь и не было найдено мин, но 8 июня по направлению *WSW* от Либавы с проходившего невдалеке *Тетиса* были замечены мины, стоявшие близко от поверхности и выдавшие наличие поставленного еще зимой заграждения. Вспомогательный дивизион Нейфарвассера, сопровождавший крейсер, смог на обратном пути найти только одну мину. На следующий день с того же крейсера были обнаружены еще 5 мин, стоявших у поверхности; они были расстреляны после того, как расположение заграждения было достаточно точно определено со шлюпок. В конце июня и в начале июля районы, прилегающие к гавани с востока и с севера, были обследованы, частично с рыбачьих пароходов, частью с моторных катеров. Кроме бывшего уже ранее известным заграждения у Бернатена, северная граница которого была еще раз обследована, больше мин найдено не было.

Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Возвратившись 26 мая с постановки минного заграждения у банки Олег к.-адм. Гопман в ответ на запрос гр.-адм. пр. Генриха о дальнейших намерениях телеграфировал:

> «Предполагаю после вступления в строй *Тетиса*[1] заградить южный вход в Моонзунд минами, поставив их с пяти миноносцев. Для наблюдения за Финским заливом вышлю легкие крейсера, заняв главными силами позицию для атаки русских в случае их выхода в море. Одновременно буду производить воздушные атаки Риги и Усть-Двинска самолетами» (черт. 7).

Командующий известил, что с планом согласен, и добавил, что западный вход в Рижский залив должен оставаться свободным, дабы в случае захвата Риги можно было бы поддерживать с ней сообщение морем. Через несколько дней к.-адм. Гопман дополнительно сообщил, что он предполагает произвести постановку заграждений у входов в шхеры, указанных в весенней памятной записке. Несколько отступая от старых программ, он предложил заградить выходные фарватеры у Бенгшера, Утэ, Фэглофиорда (южный вход), Нюхамна и вместо северного входа в Моонзунд — южный. Кроме этого, Гопман предполагал использовать для постановок миноносцы взамен приметного издалека и тихоходного *Дейтшланда*. Но он не смог обойтись без использования их для несения охраны главных сил и для сопровождения крейсеров, шедших в разведку; кроме того,

---

[1] *Тетис* находился в ремонте в Киле и должен был быть готов через несколько дней.

не было уверенности в достаточной надежности креплений мин на миноносцах в случае свежей погоды. Поэтому он возбудил вопрос о предоставлении разведывательным силам впредь до сформирования третьей полуфлотилии миноносцев — малого, с хорошим ходом и хорошо управляющегося вспомогательного заградителя, подобного применявшимся в западной части Балтийского моря.

Для операции же заграждения Моонзунда было оставлено в силе первоначальное предположение. Кап. 2 р. Витинг, которому поручалась постановка, считал, что наилучшим местом для нее будет та часть фарватера, где он имеет ширину не более двух миль, в расчете, что миноносцы приблизятся к маленькому острову Патерностер на 1 000 *м*. Начальник флотилии рассчитывал обстрелом маяка отвлечь внимание от истинных целей этой операции. Постановка была назначена на время вечерних сумерек. Между тем Гопман приказал перенести место постановки минного поля на 1,5 мили к югу из опасения, что у Патерностера уже стоят русские мины.

Воздушный налет на Усть-Двинск предполагалось провести с помощью трех самолетов, которые авиаматка *Глиндёр* должна была доставить в Рижский залив и спустить на воду между Доместесом и Руно. Основной задачей им ставилась бомбежка Мюльграбенской верфи, на которой строились миноносцы, после чего одному из самолетов надлежало произвести разведку над Ригой вдоль северного и южного берегов реки Зап. Двины. Поход для выполнения операций предполагалось провести под начальством командира *Тетиса,* причем отряд должен был войти в Рижский залив через Ирбенский пролив за тралами II дивизиона тральщиков. После этого тральщики должны были держаться у *Глиндёра,* а 19-я полуфлотилия с погруженными минами под защитой *Тетиса* — произвести постановку.

Аугсбург и *Любек,* каждый в сопровождении одного миноносца, должны были обеспечивать операцию от внезапных нападений с севера. 2-й флагман располагал их у входа в Финский залив с таким расчетом, чтобы проходы южнее и севернее минного поля «С» у Дагерорта оставались под наблюдением; кроме того, эти крейсера должны были выяснить, производятся ли работы на германских минных

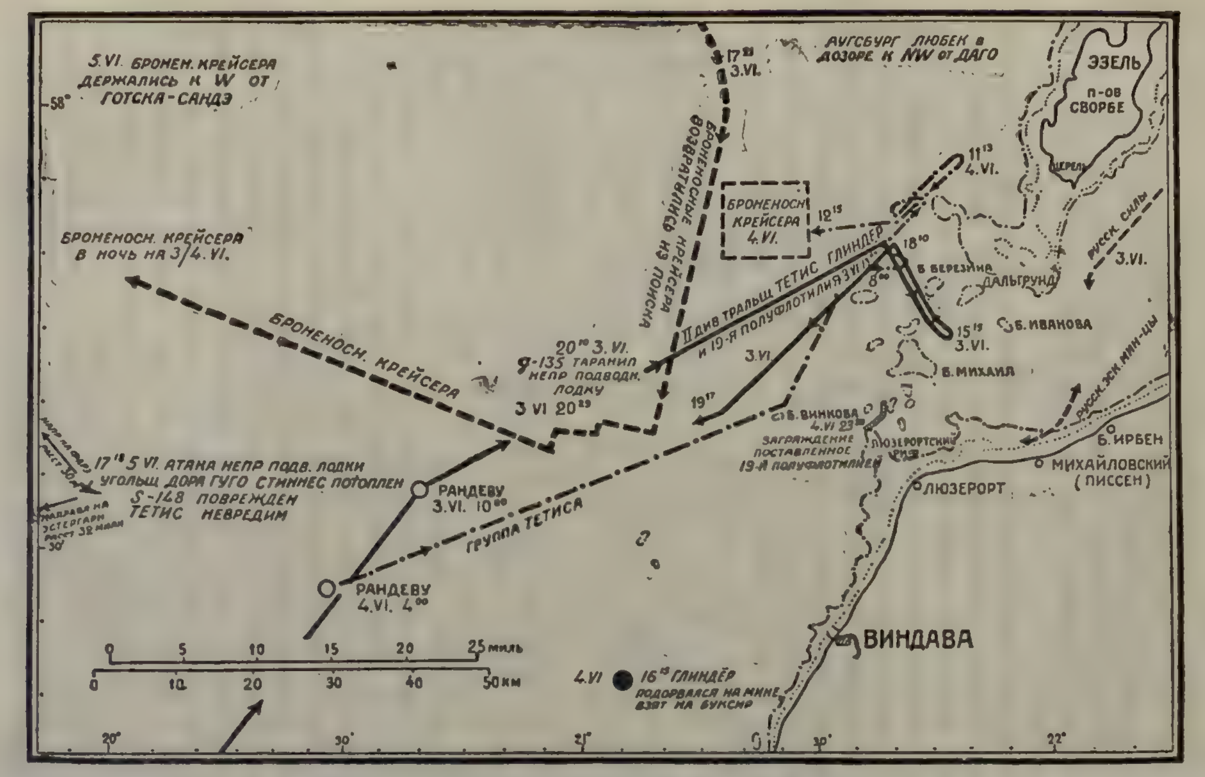
заграждениях. К.-адм. Гопман предполагал сам с броненосными крейсерами и тремя миноносцами крейсировать у входа в Ирбенский пролив. После выполнения двух главных задач он намеревался подняться до широты Готска-Сандэ, где оставаться в течение суток и при случае вступить в бой с русскими силами, если бы их удалось вызвать на преследование легких крейсеров, тем более, что косвенным образом в этой операции приняла бы участие *U-26*, крейсировавшая в это время в Финском заливе, хотя она и не была извещена о предстоявших действиях ввиду отсутствия с ней связи. Для обеспечения секретности подготовлявшейся операции и времени выхода кораблей были приняты на этот раз особенно тщательные меры, так как двухкратная атака подводными лодками *Тетиса* в течение предыдущего похода, у Богшера, считалась результатом неприятельского шпионажа. Несмотря на все старания, обнаружить агентов и пути, по которым передавались сведения противнику, — до сих пор не удавалось; установленный же военный контроль за почтовыми и телеграфными сношениями с заграницей, как казалось, вполне оправдывал свое назначение.

Предварительным условием для проведения операций были хорошая погода и отличная видимость. После многодневного ожидания к.-адм. Гопман смог, наконец, в полдень 2 июня выйти в море с кораблями, стоявшими в Нейфарвассере. Севернее Риксгефта отряд прошел мимо *Индианолы*, катерные тральщики которой работали на западной части вновь обнаруженного заграждения. Для безопасности впереди отряда в этом районе шел II дивизион тральщиков с поставленными тралами. В назначенное для либавских морских сил место рандеву, расположенное в 30 милях западнее Люзерорта, корабли пришли заблаговременно, благодаря чему успели передать с броненосных крейсеров уголь на тральщики. Из Либавы рано утром 3 июня вышла авиаматка *Глиндёр* в сопровождении двух миноносцев; несколько позднее за ней последовали *Аугсбург, Любек* и остальные миноносцы 20-й полуфлотилии. К 10 час. все силы собрались на назначенном месте рандеву и были отправлены далее следующими группами:

1. *Т-104 с 7* тральщиками.
2. *Тетис, G-135, S-126, S-131* и *S-130.*
3. *Глиндёр* и *V-108.*
4. *Аугсбург, Любек, S-148* и *S-139.*
5. *Пр. Адальберт, Пр. Генрих, Роон, S-138, S-142, S-141* и *S-149.*

Охрана главных сил от подводных лодок была усилена за счет группы, назначенной для постановки мин, вследствие чего последняя уменьшилась до 4 миноносцев.

Ирбенский пролив имеет три фарватера: северный — мимо банки Дальгрунд, вдоль Церельского рифа; средний — оставляющий банки Березина и Иванова слева, а Михайловские банки справа, и южный — вдоль Люзерортского рифа (черт. 12). *Тетис* избрал средний и в 13 час. повернул на юг, в этот проход. Русское ограждение было снято, но с помощью лота крейсер легко удерживался в пределах 20-*м* глубин; вскоре открылась башня Михайловского маяка. В голову отряда был выслан II дивизион тральщиков с поставленными тралами, который обставлял протраленный фарватер буями. *Тетис* и 19-я полуфлотилия шли за тралами малым ходом, отставший *Глиндёр* и *V-108* постепенно нагоняли. В 13 ч. 40 м. на *SO* и *ONO* были замечены дымки, и на короткий срок был виден неприятельский самолет. Сначала *Тетис* продолжал поход по прежнему направлению. 19-я полуфлотилия подготовляла мины к постановке. *Глиндёру* было приказано выпустить самолет в разведку, что и было исполнено через 20 минут. Дым, приближавшийся от Цереля, скоро обратился в большой военный корабль с одной трубой; другие дымы принадлежали 16 или 17 эскадренным миноносцам, появившиеся облачка белого дыма принадлежали, вероятно, подводным лодкам. Самолет, возвратившийся с разведки в 15 час., подтвердил наблюдения. Ввиду явного превосходства сил противника командир *Тетиса* считал дальнейший поход бесцельным и в 14 ч. 40 м. приказал *Глиндёру* и тральщикам возвращаться, а сам с миноносцами, подождав уборки тралов, также отошел от Ирбенского пролива. Неприятель держался на порядочном расстоянии, что командир *Тетиса* объяснял наличием минного заграждения между Михайловским маяком и Церелем. Обнаруженный корабль, принятый за броненосную

Черт. 12. Прорыв в Рижский залив 3—5 июня 1915 г.

канонерскую лодку *Храбрый*[1], так же, как и миноносцы, ходившие переменными курсами под берегом, держались все время вне дистанции артиллерийского огня. В 17 ч. 30 м. скрылись из виду все корабли и их дымы. *Тетис* находился в это время у наружных банок Ирбенского пролива, выжидая окончания уборки последних буев, чтобы итти затем на соединение с броненосными крейсерами.

Но они сами появились, направляясь полным ходом к Ирбенскому проливу. В 11 ч. 15 м. на основании воздушной разведки из Либавы было получено радио:

> «У выходов из Рижского залива кораблей не обнаружено»[2],

почему Гопман со своим отрядом прошел далеко на север. Сообщение *Тетиса* об обнаружении неприятеля застало флагманский корабль в точке, расположенной в середине расстояния между Готска-Сандэ и Дагерортом. К.-адм. Гопман очутился в совершенно изменившейся обстановке. За несколько недель до этого два миноносца беспрепятственно подходили к Руно, и еще 22 мая самолеты, преследуя подводную лодку, осмотрели всю западную часть Рижского залива и не обнаружили присутствия военных кораблей. Теперь, совершенно неожиданно, узкость между Эзелем и материком оказалась занятой неприятелем, если только миноносцы не были собраны случайно в этот день для повторения, например, набега, аналогичного произведенному 20 мая для обстрела Стейнорта. Гопман решил повторить на следующий день операцию группы *Тетиса,* на этот раз под прикрытием броненосных крейсеров, которые в случае надобности должны были также войти в Рижский залив. На ночь силы были им разделены: *Тетис,* после снабжения углем *V-108,* и *Глиндёр* со II дивизионом тральщиков были отправлены по направлению к Эстергарну; главные силы с X флотилией пошли по направлению к Фарэ.

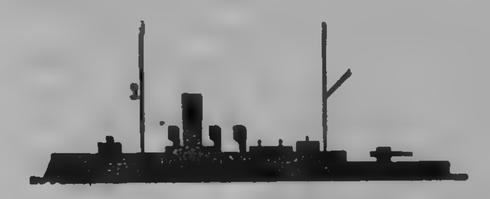
---

[1] Это был не *Храбрый*, а однотипный корабль более ранней постройки — *Грозящий,* о существовании которого в составе русского флота в Германии не было ничего известно, потому что он с 1912 г. числился разоруженным.

[2] Радио дошло через три часа после отправки. Неясность первоначальной передачи вызвала необходимость неоднократных запросов и повторений.

Едва корабли легли на соответствующие курсы, как *G-135*, шедший от флагмана справа по носу в охранении от подводных лодок, в 20 час. дал сигнал о появлении лодки и передал семафор:

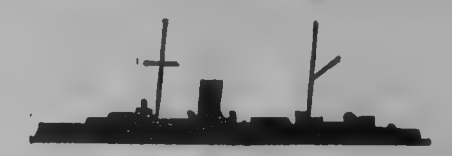
«Протаранил подводную лодку».

Русская канонерская лодка *Храбрый* (1895)

Длина	72 *м*;
Водоизмещение	1 760 *т*;
Скорость хода	14 узл.;
Вооружение	2—203-*мм*, 1—152-*мм*; 1 торпедный аппарат;
Личный состав	197 чел.

Перископ был обнаружен в 100 *м* по носу; миноносец пошел прямо на него и таранил лодку, причем было несколько ударов об ее корпус. *S-126*, кроме того, сбросил связку

Русская канонерская лодка *Грозящий* (1890)

Длина	72 *м*;
Водоизмещение	1 650 *т*;
Скорость хода	12 узл.;
Вооружение	2—152-*мм*, 4—75-*мм*; 1 торпедный аппарат;
Личный состав	190 чел.

подрывных патронов, которые взорвались под водой; в то время противолодочных бомб на миноносцах еще не было. Мнения о том, удалось ли потопить подводную лодку, разделились, так как масляные пятна и воздушные пузыри всплывали в ограниченном количестве. На всякий случай на этом месте все же был на ночь оставлен миноносец.

При осмотре *G-135* в доке убедились, что столкновение было сравнительно легким и уничтожения подводной лодки предполагать было нельзя. Русская малая подводная лодка *Окунь* счастливо отделалась: на ней при столкновении был лишь погнут почти под прямым углом перископ, полопались электрические лампочки и дали течь несколько заклепок; лодка накренилась на 25°, но не потеряла способности управляться (Г. Граф). Она даже приписывала себе успех[1], считая, что одна из выпущенных ею перед столкновением трех торпед попала в цель; повидимому, взрывы подрывных патронов ею были приняты за взрыв торпеды. На самом деле все три торпеды пошли по неверному направлению; одна из них всплыла и была уничтожена *S-131*. Отряд дважды уклонился с курса влево, чтобы уйти от неприятельской подводной лодки, и затем благополучно продолжал поход.

От 2-го флагмана не поступало никаких заслуживавших внимания сведений. *Аугсбург* и *Любек* заняли позицию у входа в Финский залив около 17 час. Когда они находились у Дагерорта, ими была обнаружена оборжавевшая английская торпеда, которая после обстрела ее с *S-148* затонула и взорвалась на грунте. Облако дыма, обнаруженное на востоке, повидимому, принадлежало кораблю, шедшему далеко в глубине залива, потому что, держа долгое время курс на это облако, отряд не мог сблизиться с кораблем, от которого оно исходило. У минных заграждений ни одного корабля встречено не было. С наступлением сумерек коммодор для введения в заблуждение наблюдателей на Дагерорте лег на *SSW* с расчетом продолжать операцию с наступлением рассвета.

Броненосные крейсера *Тетис* и II дивизион тральщиков собрались, как было назначено, в 4 час. (4/VI) на середине

---

[1] Командир подводной лодки *Окунь* (Меркушев) доносил, что лодка встретила в 20 милях к западу от Люзерорта главные силы неприятеля в составе 10 линейных кораблей типа *Дейтшланд* и *Нассау* и атаковала их, выпустив все торпеды, причем головной германский корабль пытался таранить лодку, уходившую на глубину и согнул ей перископ. Повидимому, веря в успех своей атаки, командир *Окуня* склонен был приписать ей отказ противника от дальнейшей операции. — *Н. Н.*

расстояния между Эстергарном и Люзерортом (черт. 12). Заказанного из Либавы угольного транспорта на месте не оказалось[1], вследствие чего от угольной погрузки на миноносцы пришлось отказаться.

Отряд, назначенный для прорыва, остался в составе тех же групп, что и накануне. В случае, если бы удалось беспрепятственно войти в Рижский залив, в первую очередь должен был быть произведен воздушный налет на Усть-Двинск, а *Глиндёр* на это время должен был находиться под защитой *Тетиса* и 19-й полуфлотилии. В случае обнаружения мелко поставленных мин надлежало возвращаться. Но к.-адм. Гопман надеялся, что мины будут еще ранее обнаружены летчиками, почему II дивизион тральщиков будет избавлен от новых тяжелых потерь. Однако, в Балтийском море в противоположность Северному даже опытным наблюдателям не удавалось обнаружить мины с воздуха.

Первый самолет с *Глиндёра* поднялся в 6 ч. 30 м. и, возвращаясь около 8 час., при посадке перевернулся: летчик и наблюдатель остались, однако, невредимыми; несколько позднее был поднят на палубу авиаматки и поломанный аппарат. В это время *Тетис* приготовлялся итти за тралами в средний проход Ирбенского пролива. Летчики, несмотря на неизменявшуюся тихую погоду и хорошую видимость, мин не обнаружили; у Михайловского маяка ими были замечены 3 эскадренных миноносца и одна подводная лодка, к северо-востоку от Цереля — броненосная канонерская лодка и 6 эскадренных миноносцев, которые безуспешно обстреляли самолет артиллерийским огнем. Данные разведки показывали, что вход в Рижский залив находился под постоянным наблюдением неприятеля, и подтверждали предположение о наличии минного заграждения, имевшего свободный проход у Михайловского маяка.

К.-адм. Гопман решил отменить налет на Усть-Двинск и постановку мин у выхода из Моонзунда. Подтвердившееся наличие подводных лодок оказало свой действие: большие корабли были бы не в состоянии успешно уклоняться от атак в более трудных в навигационном отношении усло-

[1] Радиотелеграмма дошла по назначению, но в ней из-за описки было указано «4 ч. пополудни» («4 Uhr nm») вместо «4 ч. пополуночи» («4 Uhr vm»).

виях, посылка же одних легких сил без поддержки их броненосными крейсерами не оправдывалась второстепенной задачей операции. Поэтому он ограничился воздушным налетом на русские легкие силы. Самолет *247* сбросил бомбы на северную группу, а *227* — на южную; третий самолет ввиду повреждения поплавков не смог подняться.

Неприятель успешно отражал воздушные атаки: оба самолета вернулись с пробоинами в поплавках и на крыльях.

> «Ни одна из бомб не попала, но сброшены они были очень хорошо и падали вплотную около борта эскадренных миноносцев. Последние еще не имели специального оружия против авиации: поэтому они отстреливались из ружей и пулеметов, а также уклонялись от нападения маневрированием. Это, конечно, были мало действительные средства обороны, но все-таки до некоторой степени и они имели значение. Главное было то, что команды получали некоторое ощущение безопасности; вообще же авиационные бомбы действовали очень неприятно на людей, которые к ним еще не привыкли» (Г. Граф).

Тем временем около 9 час. *Аугсбург* со своего места у входа в Финский залив обнаружил на севере облако дыма, пошел на него и увидел в шхерах 2 крейсера типа *Баян* и 2 — типа *Богатырь*, которые производили учебную стрельбу: сначала были слышны раскаты залпов, а затем стали наблюдаться вспышки выстрелов и всплески от снарядов. За островом Утэ было видно много меньших мачт; там, очевидно, стоял дивизион миноносцев. Кроме этого, с *ONO* появились два дыма, повидимому, принадлежавшие кораблям, шедшим от Бенгшера. *Аугсбург* прошел малым ходом на восток по направлению к банке Олег и обратно к Утэ, после чего 2-й флагман из опасения подводных лодок повернул на юг, не теряя из виду обнаруженных дымов. Неприятель обращал также мало внимания на *Аугсбург*, как и на *Любек*, крейсировавший в течение всего дня в пределах видимости с Дагерорта.

К вечеру с *Аугсбурга* был замечен выход подводной лодки типа *Акула*, которая погрузилась как только подошла на дальность действия германских орудий. Но она, повидимому, была назначена только для защиты входа в Утэ, по-

тому что, когда *Аугсбург* через час в последний раз перед возвращением приблизился на дистанцию видимости к крейсерам, то он снова увидел лодку приблизительно в том же месте.

К.-адм. Гопман, получив в 10 ч. 45 м. известие, что видна бригада русских крейсеров, прекратил воздушные налеты и вышел с главными силами к шведскому побережью. Он рассчитывал выполнить последнюю часть задачи — выманить легкими крейсерами неприятельские силы на юг и принудить их к бою. Нужно было только выждать возвращения обоих самолетов и дать возможность хотя бы некоторым миноносцам пополнить запасы угля. Вскоре после полудня броненосные крейсера, *Тетис* и X флотилия направились к пароходу-угольщику, ожидавшему в 30 милях восточнее Эстергарна. II дивизион тральщиков и *Глиндёр* были отпущены в Либаву, но *Пр. Адальберт* вынужден был еще раз вернуться к этому кораблю, потому что неправильно сделанный им прожектором сигнал был принят за сообщение о произведенном на него нападении; после этого в виде предосторожности *Тетис* был выслан для конвоирования авиаматки до Стейнорта.

В 16 ч. 15 м. *Глиндёр* на широте Виндавы наткнулся на неизвестное до тех пор заграждение, поставленное 8 октября 1914 г. четырьмя русскими миноносцами перед Виндавой. Корабль подорвался на мине правым бортом; 2-й трюм и машинное отделение тотчас же наполнились водой. Командир приказал спустить шлюпки, на которые и была посажена команда. Но против ожидания водонепроницаемые переборки выдержали, и потерявший способность управляться корабль оказалось возможным спасти. *V-108* взял его на буксир, с обоих бортов к нему ошвартовалось по одному тральщику, и караван двинулся со скоростью 5 узлов. С помощью тральщиков вспомогательного дивизиона Нейфарвассера и двух отливных пароходов *Глиндёр* на следующее утро благополучно вошел в Либаву. *Тетис,* находившийся в момент взрыва позади *Глиндёра,* отошел задним ходом из опасного минами района и принял участие в дальнейших операциях. *Глиндёр* был разоружен, но впоследствии вновь использован (для других надобностей.—*Прим. ред.*).

Главные силы в 16 час. встретились с пароходом-угольщиком *Дора Гуго Стиннес (Dora Hugo Stinnes),* и два ми-

носца тотчас ошвартовались к борту. Броненосные крейсера ходили взад и вперед под охраной 19-й полуфлотилии, которая не могла грузить уголь, так как этому мешали стоявшие на палубах мины. Через 3 часа погрузка была прервана ввиду необходимости отпустить миноносцы с минами. Уверенность, что вход в Рижский залив закрыт заграждением, поставленным самим неприятелем поперек пролива и имевшим проход в южной части, повела к решению заградить имевшимися на миноносцах 48 минами этот южный выход; сохранять свободный проход для будущих операций больше не имело смысла. Пока *Тетис* стоял в качестве прикрытия у банки Винкова, начальник полуфлотилии со своими четырьмя миноносцами подошел к рифу у Люзерорта, ориентируясь по лоту и определяясь с помощью пеленгов по башне маяка Люзерорт, которая была видна благодаря заре на северной части неба. Около 23 час. была начата постановка и через 15 минут проход был загражден линией мин, образовавшей угол со сторонами общей длиной в 2,5 мили. Так как миноносцы шли не дымя, имели низкие корпуса и в отличие от миноносцев Флота открытого моря были выкрашены в серый цвет, начальник полуфлотилии считал, что операция прошла незамеченной неприятелем. В этом он, однако, ошибся: с материка миноносцы были замечены, и по их маневрированию противник догадался, что они ставят мины [1].

Пока 19-я полуфлотилия выполняла операцию и после ее окончания совместно с *Тетисом* пошла к пароходу-угольщику, — главные силы шли на свою позицию к западу от линии Готланд — Готска-Сандэ. В полночь они начали там крейсировать. *Аугсбург* и *Любек*, ушедшие в 20 час. со своих мест у входа в Финский залив, заняли сначала линию Готска-Сандэ — банка Сарычева, а к 4 час. спустились до линии Эстергарн — Виндава. В надежде на ответное нападение русских к.-адм. Гопман решил оставаться на

[1] Из материалов радиоразведки Службы связи Балтийского моря видно, что намерение германского командования поставить мины было известно. Имеется разобранное радио от 21 мая, в которой германский флагман сообщает высшему морскому командованию: «предполагаю сегодня ночью поставить мины у Люзерорта». — *Н. Н.*

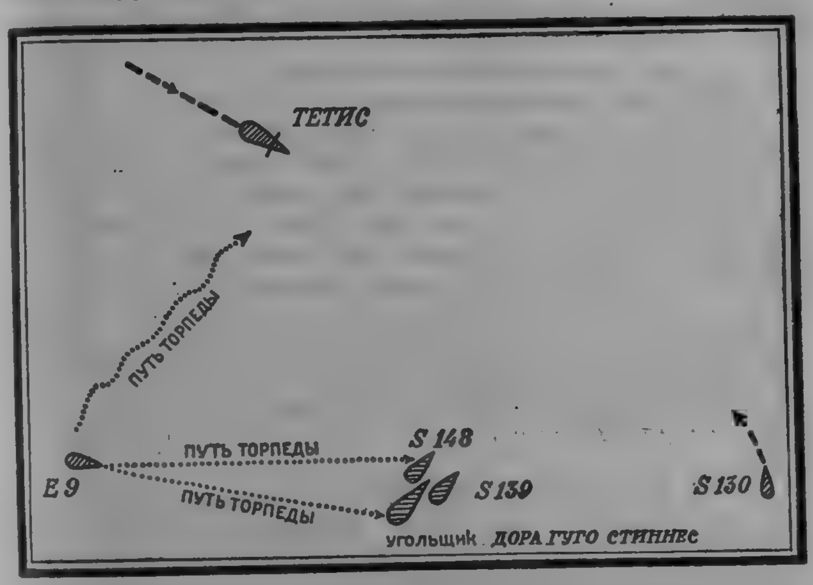
позиции еще двое суток, рассчитывая, что установившаяся тихая погода продержится и что не только миноносцы, но и легкие крейсера пополнят запасы угля с парохода. Такой маневр не был безопасен, потому что он производился в посещавшемся неприятельскими подводными лодками районе, но Гопман считал возможным взять это на свою ответственность, так как пароход-угольщик стоял в стороне от наиболее часто использовавшихся путей, а часть донесений о виденных подводных лодках была несомненно основана на ошибках.

Сведения о неприятельских подводных лодках

День	Час	Место	Наблюдатель	Сообщение
3/VI	15 час.	Ирбенский пролив	*Тетис*	В сравнительно далеком расстоянии белые дымки, возможно, что от миноносцев с нефтяным отоплением.
3/VI	20 »	Перед Ирбенским проливом	*G-135*	Таранил подводную лодку.
4/VI	8 »	Ирбенский пролив	Самолет	У Михайловского маяка 3 эск. мин-ца и 1 подводная лодка.
4/VI	11 »	Перед Ирбенским проливом	*G-135, S-131*	Темный предмет, всплывший по носу у миноносцев, вероятно перископ.
4/VI	15 »	12 миль к NO от угольного парохода	*Роон*	Похожий на перископ предмет, в расстоянии 2 200 *м*, который скоро исчез.
4/VI	17 »	У Паппензе	Буксирный пароход *Гинденбург*	Безуспешно атакован торпедой с подводной лодки.
4/VI	19 »	Перед Утэ	*Аугсбург*	Обстрелял всплывшую подводную лодку.

5 июня всюду было спокойно. Броненосные крейсера встретили несколько коммерческих пароходов, которые были осмотрены и отпущены, так как их бумаги оказались в порядке. Были обнаружены слабые попытки русских радиостанций помешать германскому радиообмену.

К полудню было получено благоприятное известие от единственной находившейся в районе операции германской подводной лодки *U-26*, подошедшей на обратном пути к группе *Тетиса* и сообщившей, что ею накануне потоплен у Балтийского порта шедший в Рижский залив заградитель типа *Амур* (см. стр. 163).

Черт. 13. Атака *Тетиса* и других кораблей неприятельской подводной лодкой 5 июня 1915 г.

Ровно в полдень последний из миноносцев окончил погрузку угля; когда *Тетис* начал подходить к борту *Дора Гуго Стиннес,* группа была атакована подводной лодкой. *Тетис* отошел назад и обстрелял место торпедного выстрела. Выпущенная торпеда шла неправильно, часто выскакивала из воды и под конец стала описывать кривую, ввиду чего *Тетису* пришлось снова дать передний ход; торпеда прошла очень близко за его кормой (черт. 13). *S-148* и *S-139* как можно скорее отошли от парохода. В это время уже приближалась вторая торпеда; последовал взрыв, и большой столб дыма показал, что пароход получил про-

боину в кормовой части. Почти в тот же момент третья торпеда попала в нос *S-148*. Артиллерийский огонь, открытый с *Тетиса,* ложился хорошо, и при двух залпах наблюдались черные облачка разрывов, ввиду чего уже появилась надежда на успех обстрела. *S-139* и *S-130* также вступили в бой. Несмотря на это, нападавшая подводная лодка *E-9* возвратилась в порт без повреждений. Это была та самая лодка, с которой *U-26* встретилась за 12 часов до этого у Дагерорта и которая также направлялась на юг, заметив благодаря хорошей видимости группу кораблей у угольщика.

Дора Гуго Стиннес затонул через $1^1/_2$ часа. Команда, за исключением 2 человек, была спасена. *S-148,* имевший одного убитого и двух раненых, погрузился носовой частью до мостика; над водой оставалась только верхняя часть полубака, три отсека наполнились водой. Перегрузкой тяжестей на корму удалось снова погрузить в воду винты, после чего миноносец самостоятельно мог итти в Либаву задним ходом. Но так как загнутый взрывом нос миноносца действовал как положенный руль, почему поход происходил со скоростью около 3 узлов, *S-149* взял пострадавшего на буксир. *S-148* удалось довести в Германию и отремонтировать.

Потеря угольного парохода принудила прекратить операцию. Из-за долгого крейсерства возможность дальнейшего использования легких крейсеров была ограничена, почему флагман приказал им возвращаться. *Тетис* получил приказание конвоировать *S-148* до Либавы. 2-й флагман получил приказание итти в Нейфарвассер, после того как эта группа будет в безопасности. *Аугсбург* и *Любек* в соответствии с этим соединились утром 6 июня на широте Стейнорта, а в полдень уже были в порту. У Бернатена *G-135* видел перископ, но безуспешно искал подводную лодку. Броненосные крейсера возвращались домой проходом западнее Готланда; в полночь они прошли узкость между Эландом и Стура-Карльсэ; войдя с помощью миноносца, высланного навстречу для обозначения входа на фарватер у Риксгефта, они прибыли одним часом позднее легких крейсеров в устье Вислы.

Смело задуманная и с настойчивостью выполнявшаяся операция успеха не имела. Заграждение Моонзунда и бом-

бардировка самолетами Усть-Двинска, как и завлечение русских крейсеров в ловушку, одинаково не удались. С постановкой обоими противниками мин в Ирбенском проливе неудача заграждения Моонзунда в значительной степени была исправлена. Но материальные потери были очень болезненны: один пароход-угольщик был потоплен, авиаматка *Глиндёр* и *S-148* — тяжело повреждены. Зато единственной подводной лодке, принимавшей участие в операции с германской стороны, удалось потопить *Енисей*, нанеся этим неприятелю особенно сильный удар ввиду большого количества погибших. Кроме этого, русским с очевидностью было дано понять, что действующие против них части германского флота чувствуют себя достаточно сильными для многодневных операций в их водах.

Ценным результатом операции были выводы, к которым на основании операции пришел к.-адм. Гопман:

«Характерно для неприятеля, что 4 июня он не решился помешать своими 17-эскадренными миноносцами возвращению *Глиндёра* и II дивизиона тральщиков». «Русские корабли не сделали никаких попыток, чтобы приблизиться или преследовать *Аугсбург*; такое поведение доказывает, как мало они склонны к действиям в открытом море. Возможно, что это им совершенно запрещено. *U-26* подтверждает совершенно пассивное поведение больших кораблей». «Из этого я заключаю, что линейные корабли и крейсера противника будут редко выпускаться в море, и что на будущее время надо ожидать только атак подводных лодок и заградительных операций»[1]. «Стратегической целью русских, повидимому, является только защита Ботнического залива и обеспечение морской торговли со Швецией». «Русские используют с недавнего времени Рижский залив как выход для легких сил и, повидимому, в первую очередь для подводных лодок и минных судов. Это новое обстоятельство

---

[1] В течение последних дней перед этим были обнаружены новые заграждения: 28 мая — в 20 милях к северу от Риксгефта (дивизион тральщиков Свинемюнде); 4 июня — в 15 милях к западу от Виндавы (*Глиндёр*); 8 июня — в 12 милях на *WSW* от Либавы (*Тетис*). Кроме того, неприятель, повидимому, поставил мины в Ирбенском проливе и в районе Аландских островов.

вынуждает нас уделить этому участку моря больше внимания, чем до сих пор».

К.-адм. Гопман отметил усиленное уклонение русских от активных операций. Причиной этого он считал лишь отчасти отсутствие активного духа; главная же причина, как он предполагал, была в соответствующих связывающих директивах высшего военного командования Балтийскому флоту[1]. В отношении действий подводных лодок и загра-

[1] Неоднократные представления морского командования (Эссен, Канин) о необходимости использования для операций дредноутов и попытки получения в этом отношении «оперативной свободы» встречали систематические отказы ставки, которая указывала, что «линейные корабли типа *Севастополь* находятся в непосредственном распоряжении государя императора» и что «указанные корабли не могут быть использованы вне главной позиции флота без высочайшего на то разрешения». Доводы адм. Канина о том, что «операции, выполняемые устарелыми и слабыми миноносцами и крейсерами, получают весьма неустойчивый характер из-за отсутствия должного обеспечения со стороны мощных современных линейных кораблей» и что «ввиду сосредоточения противником в Балтийском море линейных кораблей типа *Нассау*, всякая операция крейсеров, не поддержанная кораблями типа *Севастополь*, явится авантюрой» — также не приводили к желаемому результату. Так уже в дни рижской операции на повторение просьбы ввести в дело дредноуты ставка ответила, что «дредноуты должны быть использованы для основной цели (бой на центральной позиции) и рисковать ими для «частной» операции безусловно не следует». Еще до того, в связи с отходом сухопутного фронта к Риге и возникновения вопроса об обороне Риго-Шавельского района и Рижского залива, командование флотом (Канин) получило из ставки директиву, в которой сообщалось, что задача вновь формируемой V армии (в подчинение командованию которой переходил Балтийский флот) заключается «в обеспечении направления на Ригу и прикрытия подступов к ней с сухого пути». Что же касается Балтийского флота, то вновь подтверждалось, что «в обороне Рижского залива не должны принимать участие линейные корабли (новые и старые), для которых задача остается неизменной и попрежнему заключается в обеспечении Финского залива от вторжения противника». Содействие же флота обороне Рижского залива с моря должно было выразиться лишь: 1) «в удержании Ирбенского пролива средствами позиционно-подводной обороны», 2) «в организации обороны морских подступов к Усть-Двинску подводными лодками и в прочном удержании Моонзундской позиции» и 3) «в разработке вопроса о заграждении южного выхода из Моонзунда на случай форсирования его противником *после овладения им Рижским заливом*» (подчеркнуто мною. — *Н. Н.)*

дителей русские как до сих пор, так и в дальнейшем были весьма деятельны. Теперь было ясно, что противник в своих водах Рижского залива и в шхерах у Утэ преследовал вполне определенные цели; также по агентурным сведениям русские развивали внутри шхерных районов энергичную деятельность. Они устанавливали у Або и на наружных шхерах батареи; в районе Аландских островов были вновь замечены русские миноносцы и большие корабли.

Становилось все более очевидным, что между Седерармом и Флетианом было поставлено заграждение. Уже 26 апреля там затонул шведский пароход *Центрик (Centrik)*, вероятно, подорвавшийся на пловучей мине. Но когда там же погибли 23 мая — шведский пароход *Хернодия (Hernodia)*, а 26-го — датский *Эли* (*Ely*), — можно было больше не сомневаться в наличии минного заграждения. Гибели пароходов в непосредственной близости от входов к Стокгольму в шведской прессе уделялось удивительно мало внимания; вероятно, большая часть заинтересованных торговых кругов была уведомлена о постановке этого заграждения, имевшего целью защиту шведско-русской торговли. Во всяком случае Россия обеспечила себе согласие Швеции, до того как заградить спорный с точки зрения международного права район Аландских островов.

Другой новости — смене командующих русским флотом — германское командование придавало мало значения. Адмирал Эссен умер 20 мая[1 и 2]. Через 8 дней после этого его заместителем был назначен в.-адм. Канин, бывший до этого начальником отряда заградителей[3]. Смена коман-

---

[1] Причина его смерти в точности не была известна. Уже давно ходили слухи, что он покончил самоубийством из-за того, что не принял заблаговременных мер к защите Либавы. Другие думали, что во флоте произошли волнения, так как в эти же дни в петербургских газетах было объявлено о смерти 28 морских офицеров, в том числе 4 из штаба командующего флотом. В действительности у него было воспаление легких, державшее его уже в течение 3 недель в постели.

[2] Адм. Эссен умер от крупозного воспаления легких при ослабленной сердечной деятельности, проболев 7 дней. — *Н. Н.*

[3] В.-адм. Канин родился в 1862 г., поступил во флот в 1879 г. В 1907 г. командовал к/л *Кубанец*, затем л/к *Синоп*, был начальником дивизиона миноносцев, в конце 1913 г. был назначен начальником отряда заградителей. Он был одним из самых моло-

дующих не внесла, насколько мы знаем, изменений в цели и методы ведения войны, потому что начальником оперативной части оставался попрежнему кап. 1 р. Колчак.

С начала войны, вернее с 1912 г., Балтийскому флоту была поставлена единственная задача — защита столицы[1]. Ее выполнение заключалось в обороне внутренней части Финского залива и в недопущении высадки германского десанта, имея опорой укрепления у Гельсингфорса и у Ревеля и минное заграждение, поставленное между ними.

Острова, фланкирующие вход в залив, служили опорными пунктами для дозорных сил и получили затем сами защиту в виде артиллерии и мин. Таким образом, зона обороны шаг за шагом укреплялась и выдвигалась вперед. Когда вопреки ожиданиям германский флот не произвел нападения в течение первых недель войны, а остался в Северном море, командование русским флотом имело намерение перейти к нападениям на германские легкие силы, к обстрелу германского побережья и т. д. Но эти планы не были утверждены в ставке, и царь откладывал от случая до случая разрешение выхода линейных сил из Финского залива. Поэтому активные выступления ограничивались заградительными операциями крейсеров и эскадренных миноносцев в течение периода длинных ночей, а также действиями подводных лодок.

Поводом, если не причиной, продвижения линии обороны в Рижский залив послужило наступление германской армии на Курляндию и нападение миноносцев *V-107* и *V-108* на остров Руно, произведенное 1 мая.

В этом увидели подготовку к высадке десанта на лифляндское побережье, тем более, что по агентурным сведениям в Киле формировался десантный корпус. Это создало бы угрозу как флангу сухопутного фронта, так и Ревелю, центральной позиции и главной оборонительной линии Пе-

---

дых кандидатов на должность командующего флотом и его назначение вызвало всеобщее одобрение. Он не пользовался такими симпатиями, как его предшественник, но его заслуги со времени начала войны были общеизвестны (по Г. Графу).

[1] По статьям Новицкого, Эмме, Винтера и Гельмерсена в сборнике Морской Исторической Комиссии, вып. 1-й и 2-й, Петроград, 1920—1922 гг.

тербурга. Тотчас все исправные миноносцы приняли мины и пошли, несмотря на наличие льда, через Моонзунд в Рижский залив; туда же были отправлены одна подводная лодка и самолеты. В ночь со 2 на 3 мая *Новик* и 4 миноносца полудивизиона особого назначения поставили 190 мин поперек Ирбенского пролива. 8 мая после постановки поля для защиты Либавы теми же миноносцами было поставлено еще одно заграждение. Миноносцам, несшим охрану заграждений, были в качестве артиллерийской поддержки приданы канонерские лодки *Храбрый* и *Грозящий;* одновременно было приступлено к промерам Моонзундских фарватеров для выяснения возможности проводки в Рижский залив кораблей с большой осадкой. Таким образом, здесь целесообразно и с достаточными средствами был создан новый оборонительный рубеж [1].

3 июня русским казалось, что немцы предпринимают попытку к прорыву: почти одновременно германские морские силы появились у Утэ, у Дагерорта и у Ирбенского пролива. В ответ на это большинство миноносцев было стянуто в Рижский залив; туда же был выслан и минный заградитель *Енисей,* а подводные лодки, кроме уже находившихся в море, были высланы на позицию.

Необычно странно держали себя с точки зрения противника германские крейсера и миноносцы, имевшие с собою гидросамолеты и державшиеся в продолжение 3-го и 4-го далеко в море, но положение оставалось все же серьезным: первыми выступили самолеты, сбросившие бомбы; затем *Енисей* был потоплен у Балтийского порта; *Окунь* вернулся с погнутым перископом, предполагая, что он повредил торпедой один из линейных кораблей противника; *Грозящий* сообщил о появлении подводной лодки. В погоню за лодкой были посланы миноносцы, полудивизион особого назначения получил приказание заградить проход, оставленный вдоль Церельского рифа, остальные миноносцы крейсеровали позади выставленного заграждения. Когда на следующий день противник не появился, все вздохнули свободнее, хотя его намерения так и оставались неясными. «Наиболее

[1] По Г. Графу, а также Ю. Шельтинга, Деятельность морских сил в Рижском заливе в 1914—1916 гг. «Морской сборник», 1926 г. №№ 3-й и 4-й.

вероятным было, что он производил скрытую глубокую разведку или демонстрацию для прикрытия перевозки войск в Либаву...»

После возвращения к.-адм. Гопмана 6 июня в Данциг ему представился случай для личного доклада командующему морскими силами, возвращавшемуся после поездки в Либаву и в Лодзь. Гр.-адм. пр. Генрих воспользовался благоприятным случаем для подробного обсуждения создавшейся обстановки, во время которого мнения о том, что нужно оставить без перемен, а что возможно улучшить, — разошлись. Одобряя действия флагмана в части проведения плана минных постановок, пр. Генрих не соглашался с методом действий, носивших характер отдельных ударов. В памятной записке, поданной весной, главной целью было поставлено осуществление длительного, а если возможно, то и постоянного наблюдения за Финским заливом; кроме того, 22 апреля флагману была поставлена задача[1]:

> «по возможности нужно так организовать деятельность флота, чтобы Финский залив оставался под наблюдением. Какими способами, насколько далеко и какой продолжительности сможет быть достигнуто наблюдение — покажет практика».

Командующий отдавал себе отчет, что выделенных для этой цели сил недостаточно, и считал своею задачей их пополнение. По поводу его просьбы к командующему Флотом открытого моря предоставить на 2 месяца до готовности *Бремена* один из крейсеров IV разведывательной группы было принято отрицательное решение. Однако, пр. Генриху удалось настоять на передаче двух достраивавшихся эскадренных миноносцев — срок вступления которых в строй был уже близок — в состав морских сил Балтийского моря; эти корабли по своей скорости и отчасти в вооружении соответствовали русским эскадренным миноносцам, вследствие чего могли высылаться даже дальше, чем крейсера. Последние известия укрепили гр.-адм. в мнении о необходимости настаивать на проведении его указаний: неприятель, повидимому, использовал ударное проведение германских операций со сравнительно длинными

[1] См. директиву от 22 апреля 1915 г., стр. 131. — *Прим. ред.*

между ними промежутками и в течение последних ставил мины[1 и 2].

К.-адм. Гопман, в согласии со 2-м флагманом коммодором Карф, высказался против длительного дозора для наблюдения у входа в Финский залив, так же как и против бесполезного, по его мнению, заграждения этого входа минами. Разделение сил на две группы, сменявших одна другую, лишало возможности производить объединение сил для проведения некоторых операций всем их составом. С другой стороны, русским ввиду более или менее постоянного присутствия германских кораблей в том же самом ограниченном районе моря представятся отличные возможности для применения излюбленного ими оружия — мин заграждения, а также для использования их многочисленных подводных лодок; благодаря большой видимости они смогут точно установить курсы германских дозорных крейсеров и с тем большей уверенностью воспользоваться этими наблюдениями для постановки мин на их курсах. Кроме того, так как главные силы не будут высылаться ими в море до тех пор, пока наблюдательные посты будут видеть дымы, отпадает надежда когда-либо напасть на отдельные части сил неприятеля и нанести им поражение.

Гопман приходил, таким образом, к заключению, что выраженные ожидания не осуществятся и что следует иметь дозор на линии Эланд — Хоборг — Стейнорт. В случае же, если бы командующий морскими силами продолжал настаивать на выполнении своего плана, командир разведывательных сил считал необходимым провести предварительное заграждение шхерных выходов, а также окончательную закупорку входа в Рижский залив с целью уменьшить опасность от подводных лодок.

Дальше он высказывал в качестве предложения, чтобы дозор по временам несли подводные лодки, что дало бы

---

[1] В действительности русские провели после зимы только одну постановку — 7 мая. Найденные в последнее время мины поставлены за несколько месяцев до их обнаружения.

[2] Это было первое с начала навигации 1915 г. поставленное у Либавы заграждение (полудивизион особого назначения — 200 мин). Позже был выставлен еще ряд заграждений (см. приложение 5). — *Н. Н.*

возможность надводным кораблям от времени до времени удлинять необходимые для ремонта и учений сроки пребывания в портах.

> «Приведение в состояние полной негодности наших миноносцев и тральщиков при теперешнем напряженном использовании этих легко изнашивающихся кораблей является лишь вопросом времени».

Гопман предполагал высылать к устью Финского залива посменно *Аугсбург,* а затем — броненосные и легкие крейсера сразу, исходя из расчета в одном случае на скорость первого, в другом — на боевую мощь остальных. Для совместных действий с *Аугсбургом* он ходатайствовал предоставить, по крайней мере, три современных больших эскадренных миноносца, потому что наличные не были в состоянии держать скорость хода этого крейсера даже приблизительно.

Гр.-адм. пр. Генрих отнесся с большим вниманием к доводам к.-адм. Гопмана и приказал изложить их письменно. Но по возвращении в Киль он не смог отрешиться от своих основных мыслей о ведении войны на Балтийском море, тем более что его начальника штаба кап. 1 р. Генриха совершенно не убедили доводы к.-адм. Гопмана, которые он решительно отклонял как «первый шаг к оборонительному методу действий».

Приказ об установлении длительного дозора был возобновлен 15 июня, но смягчен в пояснениях предписывавшейся линии поведения: неприятеля надлежало держать в напряженном ожидании, чтобы всячески затруднить ему переход к проведению наступательных операций, а также активных минных постановок. Постоянного дозора во что бы то ни стало не требовалось, но подчеркивалась необходимость организации длительного наблюдения. Каждый поход в дозор должен был находиться в определенной связи со следующим, дабы получать целый ряд наблюдений, но, с другой стороны, было бы неправильно вводить для походов твердое расписание. Поэтому не должна была стать системой смена в районе дозорной службы, каковым считался район, расположенный к северу от линии Хуввудшер — Готска-Сандэ — Фильзанд, но считалось вполне до-

пустимым, чтобы между приходом возвращавшихся из дозора кораблей и уходом их сменявших иной раз проходило бы 24 часа. Новая форма дозорной службы не должна была исключать возможности проведения операций, имевших целью постановку минных заграждений, атаки подводных лодок, торпедные атаки миноносцами, полеты гидросамолетов для воздушных атак и т. п. Когда обстановка в связи с удлинением ночей сделается более сложной, потребуются новые решения. Заграждение подходов к Риге, а также входов у Бенгшера, Утэ и Фэгле-фиорда было одобрено; заграждение же фарватера к Нюхамну было признано лучшим, ввиду его близости к побережью, произвести с подводных лодок типа *UC;* один из этих вновь строившихся подводных заградителей было предположено передать по готовности для службы в Балтийское море. Выражалось предположение, что может быть было бы целесообразно заградить также проход к северу от банки Олег, так как имелись достоверные сведения, что в Фэгле-фиорде в начале июня были *Цесаревич* и *Слава,* из чего можно было заключить, что указанным фарватером русские пользуются вследствие недостаточной глубины шхерных фарватеров для линейных кораблей[1].

На приводившиеся соображения командующий морскими силами возражал:

> «Разделение сил не будет играть сколько-нибудь существенной роли ввиду того, что одна из групп будет состоять только из одного крейсера и 2-3 миноносцев, что в очень малой степени ослабит остальные силы; зато при

---

[1] С появлением германских подводных лодок в северной части Балтийского моря и в Ботническом заливе, а в особенности с проникновением их за минные рубежи Финского залива, чрезвычайно возросло значение шхерных фарватеров, обеспечивавших проход боевых кораблей из Финского залива в открытое море и служивших торговыми коммуникациями со Швецией, откуда в чрезвычайно крупных размерах шло в Россию необходимое для военных целей оборудование, снабжение и сырье. Недостаточная изученность шхерных районов побудила уже во время войны начать энергичное гидрографическое обследование шхер, в результате которого был найден и оборудован ряд продольных и выходных фарватеров (стратегических), доступных на всем протяжении для дредноутов, а также рейдов для них. — *Н. Н.*

этом в опорном пункте будут находиться в готовности силы, могущие оказаться необходимыми для поддержки»

Он считал вполне возможным, что неприятель поставит мины в районе несения дозора. Отрицательная сторона этого была бы казалось ему компенсирована тем, что в результате русские перестали бы ставить мины на подходах к германским портам или даже у самого германского побережья. В качестве средства защиты командующий приказал, кроме 20-й полуфлотилии, оборудованной приспособлениями для траления еще весной, таким же образом оборудовать и 19-ю полуфлотилию; однако, использование миноносцев в качестве тральщиков должно было допускаться ввиду перегруженности их другими задачами лишь в исключительных случаях. Опасность атак подводных лодок в значительной степени уменьшится тем, что корабли будут ходит зигзагообразными курсами и дозорные крейсера будут нерегулярно появляться в одних и тех же местах. Теоретически правильно, что возможности неприятельских подводных лодок возрастают в случае, если наши крейсера длительно держатся в районе наблюдений, но не нужно забывать, что подводные лодки, как это показала практика, являются оружием, которое действительно лишь при благоприятном случае.

Против опасности быть отрезанным неприятельскими надводными силами должен предохранить правильный учет погоды, видимости и продолжительности темного времени. Пр. Генрих добавил, что в данный момент мало шансов принудить неприятеля к бою, но дозор будет в этом отношении иметь то значение, что в случае необходимости крейсер сможет обеспечивать соприкосновение с неприятелем. Если в исключительном случае в распоряжении командования не будет других кораблей, то наблюдение могут временно нести подводные лодки. В просьбе предоставить быстроходные эскадренные миноносцы пр. Генрих отказал, потому что не было никаких надежд на ее удовлетворение.

Эти решения были приняты к.-адм. Гопманом и его начальником штаба Михельсеном с ощущением правоты их доводов. Приказ уже предусматривал сильное увеличение программы минных постановок. Постановка заграждения

шириной в 25 миль у Ирбенского пролива являлась расширением этой задачи, которое получило некоторое лишь ослабление в том, что, главным образом, должны были быть поставлены мины новой конструкции специально против подводных лодок. Командующий обеспечил 1 800 этих мин, которые собственно предназначались для большого заграждения в Фемарн-Бельте.

В качестве заградителей к.-адм. Гопман считал необходимым иметь два малых вспомогательных заградителя, одного из которых он уже наметил в начале мая; но пр. Генрих не признал его достаточно мореходным и быстроходным, а потому выслал *Дейтшланд*, который был из остальных единственным пригодным кораблем для постановки чувствительных противолодочных мин ввиду малой высоты сбрасывания. Кроме этого, он считал удобным *Альбатрос (Albatross)*, который в то время не использовался в Северном море. В случаях, когда нельзя было при постановках обойтись без помощи миноносцев, мины для них должен был доставлять возможно ближе к месту постановки один из других кораблей и только там передавать их на миноносцы, чтобы во время похода последние можно было использовать и по другим заданиям.

Заботясь об обеспечении от атак подводных лодок отряда из 7 кораблей (3 броненосных крейсера, 3 легких крейсера и 1 заградитель), который в лучшем случае мог располагать 10 миноносцами, к.-адм. Гопман сделал еще раз попытку получить для использования, хотя бы на время, 4 эскадренных миноносца.

> «Я безусловно должен принять участие с главными силами в операциях минных постановок у Финского побережья. Расстояние от моего опорного пункта до районов операции слишком велико, и обратный путь для легких сил слишком длинен для того, чтобы я мог оставаться на время операций с броненосными крейсерами в порту».

Командующий обратился с телеграфным ходатайством к командующему Флотом открытого моря и получил, как и следовало ожидать, ответ, что имевшегося у него числа миноносцев нехватало для обеспечения передвижений флота. Дивизион охраны побережья в этом также не мог помочь.

Первый груз противолодочных мин, доставленных из Киля на *Дейтшланде,* в количестве 700 штук предназначался для заграждения западного входа в Рижский залив (карта 1). Вспомогательный заградитель должен был сам поставить 580 мин поперек южного выхода (задача II), затем 19-я полуфлотилия должна была поставить две линии, северо-восточнее и западнее, вдоль побережья у Люзерорта (задача III и IV)[1]. Более быстроходному и принимавшему меньшее количество мин *Альбатросу* поручалось заграждение выходов из шхер, где поля для затруднения их обнаружения и уничтожения должны были ставиться в расстоянии 15—20 миль от узкостей означенных фарватеров, подобно тому как это было сделано неприятелем в германских водах. 200 больших мин предназначались для постановки заграждения на путях от Утэ к Готска-Сандэ и к Фарэ (задача V), 350 противолодочных мин — для постановки на пути, ведущем к Коппарстенарнэ и к проходу между Готландом и Эландом (задача VI), и, наконец, 160 больших мин — для заграждений поперек курсов, ведущих от выходов из западных шхер по обеим сторонам Богшера (задача VII).

Составление планов минных заграждений было поручено командирам заградителей. В тех местах, где постановка мин не могла быть произведена скрытно от наблюдателей береговых постов, часть мин нужно было ставить на малую глубину для того, чтобы затруднить уничтожение заграждений. Как у Рижского залива, так и у шхерных выходов, при постановках нужно было предусмотреть возможность прохода через загражденные районы своих кораблей. Для большинства мин прибор глубины было приказано ставить на 2,5 *м* в расчете на то, что неприятельские подводные лодки проходили заграждавшиеся районы еще в надводном положении. При постановках противолодочных мин от использования прибора-взрывателя, действовавшего при помощи маятника, отказались, чтобы мины, стоявшие на малых глубинах, не взрывались от действия волн.

В ожидании прихода заградителей были произведены малые операции. Стоявшая в Либаве подводная лодка *UA*

[1] Заграждение, поставленное 4 июня, обозначалось теперь № I.

получила 7 июня приказание итти к Ирбенскому проливу для атаки выходящих кораблей, и в особенности подводных лодок. Вместе с ней вечером 8 июня *Тетис* с 2 миноносцами вышел в северную часть моря. Корабли для пробы выходили по новому фарватеру, который был проложен через опасный от мин район по направлению на *W* от входной либавской бочки (точка «В») (см. выше, черт. 6 и 8. — *Прим. ред.)* до 100-*м* глубин, и потому шли в кильватер за вспомогательным дивизионом тральщиков. Во время похода *Тетис* в 12 милях от гавани видел в некотором расстоянии от курса 6 мин, стоявших у поверхности[1]. Ввиду имевших место набегов неприятельских миноносцев для обстрела Стейнорта и подрыва на мине *Глиндёра* к.-адм. Гопмана больше не удовлетворял фарватер, ведший в море мимо Стейнорта. Он находился под усиленной охраной, а в дальнейшем к северо-западу от Стейнорта крейсеровали в ночное время 2 вспомогательных тральщика.

UA утром 9 июня пришла на свое место и держалась там до вечера 14 июня, совершая ежедневно 18—20-часовые походы в погруженном состоянии. Противник не обнаруживал движения, ни одна подводная лодка не показывалась; несмотря на отличную видимость, не было замечено дымов ни угольных, ни нефтяных, и ни разу не было видно самолетов. Малая, не приспособленная для столь длительных переходов подводная лодка блестяще выдержала испытание; на ней не было ни одной серьезной аварии даже во время разыгравшегося в последний день шторма. Столь длительные ежедневные подводные походы были возможны лишь потому, что командир до последней степени экономил энергию аккумуляторов. Горело самое ограниченное число ламп, отопление было выключено, вместо электрического рулевого управления шли под ручным, и работала только одна машина наименьшим количеством оборотов.

Лодка при спокойной погоде, несмотря на незначительную скорость в 1,5—2 узла, хорошо слушала рулей и удерживала глубину похода под перископом, но уже при малой волне ее сбивало с курса на 2—3 румба. По возвращении в Либаву у нее еще оставалась половина запаса го-

[1] См. стр. 192 и 193.

рючего и смазочных материалов, но зато вода для охлаждения двигателей была почти полностью израсходована. Неудобства личного состава были в силу неблагоприятных жилищных условий велики; в особенности была тяжела работа обоих рулевых горизонтальных рулей, поочередно сменявших друг друга.

Крейсерство *Тетиса* к Дагерорту, обратно на широту Эстергарна и затем к шведскому материку протекало планомерно. 9 июня утром, когда скрылся маяк Дагерорт, *Тетис* сделал первый поворот. В полночь, подойдя к плвучему маяку *Альмагрундет,* он повернул на обратный путь через проход западнее Готланда, в Либаву. К востоку от Фарэ-Зунда были найдены и спасены несколько шлюпок с *Дора Гуго Стиннес,* у Хуввудшера был осмотрен и отпущен шведский парусник. Неприятеля не видели.

Такое же крейсерство было повторено броненосными крейсерами ввиду невозможности выхода из порта легких крейсеров: *Любек* производил большую чистку котлов, на *Аугсбурге* устанавливали оборудование для смешанного отопления. Для охраны от атак подводных лодок X флотилия могла выделить только 4 миноносца, потому что 3 миноносца производили неотложный ремонт, 2 — производили большую чистку котлов, 3 — заменялись другими и один — *V-108* — был в Либаве.

11 июня утром к.-адм. Гопман вышел из Нейфарвассера. Расстояние до Хелы было пройдено кораблями по отдельности, зигзагообразными курсами, так как учебный самолет из Путцига донес, что видел подводную лодку; затем отряд мимо Риксгефта направился в проход Эланд — Готланд и далее на север. Кроме двукратного прохода через полосы тумана и осмотра одного парохода, ничего заслуживающего внимания за время похода не произошло. В распоряжении Гопмана было мало времени, и для него было достаточно, чтобы осведомительная служба неприятеля получила сведения о походе; поэтому 12-го утром, пройдя Хуввудшер, он повернул на *Ost,* после чего, оставляя Готланд и Готска-Сандэ далеко справа, пошел обратно. В полдень 13-го корабли возвратились в Данциг. Малозаметные вехи, обозначавшие западный край заграждения у Риксгефта, не были видны, почему в этом месте было намечено поставить

военный корабль в качестве пловучего маяка, или, по крайней мере, светящийся буй; практиковавшееся обыкновенно использование для этой цели миноносца было невозможно ввиду недостатка в последних.

Командующий морскими силами отклонил такое обозначение начала трального фарватера, так как оно было бы удобно также и неприятелю, не говоря уже о том, что с точки зрения морской практики было бы очень трудно надежно поставить на якорь корабль на глубине 85 *м*. Впоследствии он согласился с целесообразностью наличия пловучего маяка, который бы выходил по требованию на короткий срок, и приказал приспособить приобретенный для этого пароход.

13 июня в Нейфарвассер прибыли оба заградителя: один в полдень, другой вечером, но ввиду скверной погоды к выполнению задачи II удалось приступить лишь через 3 дня (карта 1). Вспомогательный заградитель вышел из Нейфарвассера рано утром 17-го в кильватер *Аугсбургу,* на котором шел 2-й флагман. Корабли прошли мимо Риксгефта к банке Винкова, 4 миноносца 19-й полуфлотилии несли охрану от атак подводных лодок; к.-адм. Гопман с броненосными крейсерами и *Тетисом* остался в Данциге в готовности к выходу; *Любек* в сопровождении 2 миноносцев утром вышел из Либавы к Дагерорту, куда и подошел к 21 часу. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера обследовал фарватер мимо Стейнорта под прикрытием *Беовульфа* и имея в дозоре у Люзерорта *V-108*.

Коммодор Карф рассчитывал произвести постановку мин в течение темного времени; исходя из этого, курсы и ход были рассчитаны так, чтобы корабли пришли в исходную точку, расположенную в 10 милях от берега, как можно позднее. Только один из миноносцев был выслан вперед для проверки счисления и определения направления и скорости течения. Но это мероприятие оказалось бесполезным: хотя маячная башня Люзерорта еще была видна, но шпрюйт-бакен вехи, брошенный за 14 дней до этого *Тетисом,* на банке Винкова найти не удалось, попытки же определиться по лоту не внесли ясности.

Постановка 580 мин прошла гладко, взорвалась только одна из них в момент толчка о грунт. К 1 час. постановка

была закончена; *Дейтшланд* снова вступил в кильватер *Аугсбургу;* к этому же времени присоединился к отряду возвращавшийся с севера *Любек*. В 6 час. группа прошла траверз Стейнорта, и вскоре корабли стали на якорь в либавской гавани. Командир *Дейтшланда* донес, что заграждение поставлено в заданном секторе Михайловского маяка, но возможно, что мили на 2 дальше, чем предполагалось, так как глубины, измерявшиеся лотом, не соответствовали глубинам на карте. Сама постановка почти наверно с берега замечена не была, как, вероятно, и пребывание кораблей. Около полуночи русский радиообмен очень оживился, но это могло быть следствием похода *Любека*.

Заграждение задачи III должно было быть поставлено в течение следующей ночи. 19-я полуфлотилия[1] установила скаты для постановки мин и приняла с *Дейтшланда* по 12 противолодочных мин. После полудня 18 июня *Аугсбург* со 2-м флагманом и миноносцы вышли в море. Один из самолетов произвел разведку в *NW* направлении. *Аугсбург* остался в море вне видимости с побережья, миноносцы легли на *Ost*, имея Люзерорт прямо по носу. 19-я полуфлотилия отделилась вскоре после 22 час., и начальник 20-й полуфлотилии (на *S-138)* повел ее через Люзерортский риф в Ирбенский пролив. Маячные башни Люзерорта и Михайловского были хорошо видны, вследствие чего минное поле было поставлено точно в назначенном месте. С другой стороны, небольшая туча в северной части горизонта давала надежду на то, что минная постановка прошла незамеченной; на самом деле это так и было, но русские правильно заключили, что таинственные появления германских миноносцев в течение двух ночей подряд имели целью минные постановки[2].

---

[1] *S-149,* заменивший *S-128;*
S-147, заменивший *S-129.*
S-131.
S-130.
S-126.

[2] О постановках минных заграждений немцами русское морское командование обычно узнавало из их «радиоболтовни». В данном случае — из расшифрованной радиотелеграммы, что «постановка закончена в 2 ч. 39 м. 18 июня», о чем начальником службы связи тотчас и было сообщено морским силам. — *Н. Н.*

19-го же июня *Новик* с тремя полудивизионами вышел с рейда Куйваст в Моонзунде для постановки мин на прибрежном фарватере южнее Виндавы. Пока *Новик* и один из полудивизионов были в прикрытии операции с *W*, а другой — с *S*, полудивизион особого назначения в усиленном составе поставил в полночь недалеко от Бакгофена 175 мин под прямым углом к ранее поставленному вдоль побережья заграждению. Миноносцы уклонились от германских мин тем, что шли вплотную вдоль курляндского побережья по 5-*м* глубинам.

Постановка заграждения IV была отменена. Приказанием командующего морскими силами впредь запрещались дальнейшие постановки заграждений перед Рижским заливом; это мероприятие было проведено в связи с разработкой плана операций против Риги. Кроме того, *Дейтшланд* снова был передан для удовлетворения нужд армии по перевозке паровозов и железнодорожных вагонов. Лишь благодаря удачно сложившейся обстановке заградитель успел до этого доставить из Киля еще один полный груз мин.

Настала очередь заграждений на курсах к Утэ. К.-адм. Гопман решил, несмотря на недостаток миноносцев, прикрывать операцию *Альбатроса* главными силами; в Данциге был оставлен один *Тетис*. В целях соблюдения секретности были введены новые правила для радиообмена; оперативный приказ для либавских кораблей был передан в письменном виде после встречи с ними в море; время выхода и место рандеву было передано по береговым телеграфным проводам; заградитель должен был донести о выполнении операции с помощью средств оптической связи только после соединения с главными силами.

Броненосные крейсера с *Альбатросом* 20 июня вечером вышли из р. Вислы, собрались у Хелы и пошли по обычному пути восточнее Готланда на север. Северо-западнее Стейнорта к отряду присоединились оба вышедшие из Либавы легкие крейсера, которые образовали дозорную линию впереди отряда. Для охраны от атак подводных лодок имелось всего 9 миноносцев. В 20 милях южнее Богшера к.-адм. Гопман в 8 час. отпустил минный заградитель, *Аугсбург* и *Любек*. Пока последние в сопровождении двух миноносцев направились курсами: один — к пловучему

маяку Свенска-Бьерн, а другой — к банке Олег, *Альбатрос* с *G-135* подошел к Богшеру для точного определения исходной точки. В 23 часа была сброшена первая мина, а через 20 минут закончена постановка 200 штук. По всей вероятности, эта постановка никем не была замечена[1]; русские источники подтверждают это, так как в них нигде не указывается ни о самой постановке, ни о принятых противомерах.

Во время сбора отряда и при его обратном походе не было встречено также никаких судов; только *Аугсбург* встретил в районе Аландских островов несколько мелких парусников. Особенно удивительно было отсутствие атак подводных лодок в течение очень светлой ночи. Легкие крейсера на обратном пути так же шли впереди главных сил и были отпущены в 8 час. совместно с 20-й полуфлотилией в Либаву. К.-адм. Гопман направился к Риксгефту. Назначенная маячным кораблем *Индианола* не могла выйти в море, и поэтому *G-135* был выслан к Хоборгу: точное определение места было очень необходимо, так как места, определенные астрономическим путем, были неверны из-за мглистого горизонта. В полночь с 22 на 23 июня броненосные крейсера и *Альбатрос* вошли в р. Вислу и ошвартовались в гавани.

В течение двух дней пришлось ждать прибытия мин из Киля. В соответствии с директивой командующего в этот промежуток времени в дозор был выслан крейсер. *Тетис* и сопровождавший его для противолодочной охраны *G-135* вышли утром 24 июня в море и пошли по новому прямому фарватеру в Либаву, где к ним присоединился *S-139*. В 22 час. группа обогнула Хоборг, выстроившись для введения в заблуждение неприятельских агентов в одну кильватерную колонну и развивая наибольшую дымность у всех кораблей. К рассвету отряд, пройдя Хуввудшер и пловучий маяк Альмагрундет, стал возвращаться, описывая широкую

---

[1] Благодаря принятым немцами мерам постановка действительно осталась незамеченной (ненаблюденной), хотя в материалах Службы связи все же имеется радио *Альбатроса*, сообщавшего, что «в 1 ч. 40 м. постановка минного заграждения № 4 выполнена, неприятеля не видел». Радио это было понято в том смысле, что сообщение касается постановки у Люзерорта.— *Н. Н.*

дугу и оставляя Готска-Сандэ и Готланд к западу. Крейсер должен был показаться еще у русского побережья, но его по радио вызвали в Либаву.

Одновременно с этим либавские морские силы предприняли два коротких похода, в которых для прикрытия принимал участие и 2-й флагман. Ввиду отсутствия исправных самолетов 24-го рано утром была выслана в дозор пара миноносцев. Она как раз возвращалась, когда в 9 час. на Либаву с большой высоты сбрасывал бомбы русский сухопутный самолет. Одна из бомб упала в непосредственной близости от борта *Инкулы;* корабли не были повреждены ни бомбами, ни шрапнельным огнем, открытым с некоторых батарей. Корабельные орудия не могли ввиду малых углов возвышения принять участия в отражении атаки самолетов, и вместо этого был открыт огонь из ружей и пулеметов; самолет вынужден был снизиться в лесах севернее Либавы, где и был уничтожен.

Коммодор Карф приказал быть в 2-часовой готовности, а к вечеру выслал *Любек* в разведку. Один из сопровождавших его миноносцев *S-141,* во время осмотра рыбачьих судов вследствие неточности карты наткнулся вблизи Стейнорта на камень и настолько сильно повредил винты, что вынужден был итти в Данциг для ввода в док. *Любек* с миноносцем *S-130* пошел дальше и дошел к 21 ч. 30 м. до линии Фарэ — Церель, а на рассвете вернулся в Либаву, не видев ничего особенного.

Возросший из-за аварии *S-141* недостаток в миноносцах и, с другой стороны, — требование командующего продолжать длительное наблюдение за Финским заливом, принудили к.-адм. Гопмана решиться выслать *Альбатрос* на обе следующие постановки в сопровождении лишь половины главных сил: на постановку VI были назначены *Пр. Адальберт, Пр. Генрих* и *Тетис;* на постановку VII в прикрытие были назначены *Аугсбург, Роон* и *Любек,* под командой 2-го флагмана. Только при таком разделении сил принимавшие участие в операции корабли могли быть в достаточной степени охранены миноносцами от атак подводных лодок. Для уменьшения опасности при атаках подводных лодок запрещалось выделять для погони за ними больше

15*

кораблей, чем это было безусловно необходимо [1]. На нападение надводных сил неприятеля рассчитывать почти не приходилось, так как все говорило о том, что они не показываются в открытом море. В случае же их появления ввиду господствовавшей в это время года большой видимости отдельные части морских сил имели бы время для отступления, а в зависимости от обстоятельств к ним на помощь могли бы притти крейсера, стоявшие в готовности в гавани [2].

Гр.-адм. пр. Генрих, которому было сообщено о предположенном разделении сил, ничего не возразил, хотя в это время в Киле с учебными целями стояли I и IV разведывательные группы, которые должны были остаться там до 1 июля. По имевшимся к тому времени сведениям о состоянии русской разведывательной службы нужно было учитывать, что их пребывание в Балтике противнику известно.

Альбатрос принял утром 25 июня 350 противолодочных мин и в кильватер броненосным крейсерам *Пр. Адальберту* и *Пр. Генриху* вышел по направлению к Аландским островам для постановки заграждения (задача VI). *Тетис* присоединился в полдень 26-го к главным силам и был выслан на 4 мили вперед флагманского корабля. X флотилия в составе 8 миноносцев была разделена между 4 кораблями. В 21 час *Тетис* и *Альбатрос* отделились и пошли сначала к Богшеру. Остров едва стал виден с крейсера, когда *S-142* увидел впереди слева след торпеды и дал условный сигнал, предостерегавший о выпущенной торпеде. Ввиду отказа сирены сигнал был понят как предупреждение о мине, почему *Тетис* застопорил машины и дал задний ход. Ошибка не имела скверных последствий, так как все три торпеды прошли впереди носа. Следы от торпед в сумерках были очень плохо видны, почему атака имела большие шансы на успех, хотя и была произведена русской подводной лодкой *Дракон* с расстояния 1 500 *м* [3]. *S-142*, сам с трудом

---

[1] С начала мая до середины июня по кораблям разведывательных сил и миноносцам было выпущено подводными лодками около 20 торпед.

[2] Записи от 30 июня в военном дневнике командира разведывательных сил Балтийского моря.

[3] Это была подводная лодка *Алигатор*.— *Н. Н.*

уклонившийся от торпед, направился атаковать подводную лодку, но обнаружил только место торпедных выстрелов. *Тетис* отошел на несколько миль на *SW*, после чего вернулся на свое место у Богшера, совершая все переходы самым полным ходом.

В 22 часа крейсеру показалось, что на северо-востоке виден дым; он повернул на него и сообщил о нем по радио. Но через полчаса выяснилось, что это была поднимавшаяся из-за горизонта туча.

Заградитель, бывший в момент атаки подводной лодки в 1,5 милях позади крейсера, соответственно повторил его маневрирование. Когда после этого с флагманского корабля поступило:

«Попытаться провести операцию»,

Альбатрос пошел зигзагообразными курсами опять к Богшеру и после определения своего места начал постановку. Флагманский миноносец *G-135* шел уступом очень близко от кормы *Альбатроса* с целью не дать подводной лодке разглядеть сбрасывание мин, которое могло быть видно на фоне светлой северной части неба. Как и опасались, часть мин стала близко к поверхности; оставалась надежда, что они сдрейфуют. В 1 час. *Альбатрос* вступил в кильватер броненосным крейсерам [1].

Флагманский корабль совместно с *Тетисом* и 19-й полуфлотилией пошел по фарватеру мимо Стейнорта под проводкой вспомогательного дивизиона тральщиков в Либаву, чтобы попытаться войти в аванпорт. Проход через средние ворота не представил никаких трудностей; но в это время была тихая погода, и к.-адм. Гопман считал, что

[1] Командир подводной лодки *Алигатор* сообщил, что, всплыв после атаки (см. предыдущее примечание) и возвращаясь в Утэ, лодке на пути пришлось пройти мимо неприятельского минного поля, состоявшего, по крайней мере, из 60 мин, плававших на поверхности. Сопоставив эти данные с содержанием германского радио, Служба связи в своей сводке от 14 июня сообщила: «Неприятель в 9-м часу доносит, что задача № 6 выполнена». Вероятно, это — постановка заграждения на пути Утэ—Богшер, именно в квадрате 90. Операция эта выполнена с *«БЕ» (Альбатрос)* под прикрытием крейсера типа *Нимфе* и миноносцев. Возможно, что после атаки крейсера подводной лодкой *Алигатор*, вследствие паники на крейсере и какой-то ошибки личного состава заградителя, мины всплыли на поверхность» — *Н. Н.*

в случае сильного южного ветра вход был бы сильно затруднен или даже невозможен. *Пр. Генрих* заказал *Индианоле* выйти к Риксгефту, нашел ее на месте и в 23 часа ошвартовался в Нейфарвассере; *Альбатрос* ошвартовался к пловучему складу мин *Виктория Луизе* (*Wictoria Louise).*

По агентурным сведениям, полученным 26 июня, за день перед тем у Коппарстенарнэ были замечены 4 больших и 2 малых корабля, все двухмачтовые и двухтрубные. Коммодор Карф приказал находившимся в Либаве кораблям быть в полной готовности к выходу, чтобы тотчас выполнить требование флагмана. Но последний не придал сообщению никакого значения.

> «Если оно вообще верно, то может касаться только шведских кораблей. Русские не имеют 4 кораблей с двумя мачтами и двумя трубами, кроме линейных кораблей, которых они не пошлют так далеко без крейсеров. Последние сведения о дислокации русских морских сил все более убеждают, что они до сих пор не выходили из пояса шхер и, вероятно, не намерены его покинуть» [1].

Но командир *Альбатроса,* основываясь на этом сообщении, выступил с ходатайством о наибольшем возможном усилении прикрытия во время предстоявшей операции. Он также предостерегал от подхода для определения места к Готска-Сандэ во время похода для выполнения постановки, что имело место во время обеих предыдущих операций. Кроме того, учитывая возможность атак подводных лодок, он считал невозможным пользоваться во время похода снова теми же самыми курсами. К.-адм. Гопман согласился с этим доводом, но указал, что выбор курсов ограничен, если стремиться к тому, чтобы при необычно большой видимости не быть обнаруженными с Готланда или с русских берегов. Против подхода к Готска-Сандэ у него не было никаких возражений.

> «Даже в случае если на этом острове находится радиостанция, ее агентурные сведения ни в каком случае не

[1] Запись от 30 июня. В сообщении речь шла в действительности о *Тетисе* с двумя сопровождавшими его миноносцами; вместо «4 больших» должно было быть «1 большой и 2 малых военных корабля». Сделанная в Данциге ошибка при передаче тогда не была обнаружена.

могут так быстро дойти до России, чтобы можно было своевременно принять меры для воспрепятствования минной постановке».

Требование командира *Альбатроса* об усилении прикрытия флагмана не удивило, потому что этот командир еще не был знаком с обстановкой театра Балтийского моря, столь отличной от обстановки на Северном море.

Между тем противник готовился к небольшому контрудару. На основании германского радиообмена, вызванного атакой подводной лодки на *Тетис*, стоявшие в Моонзунде 20 миноносцев перешли к Церелю утром 27-го. *Новик* в полдень произвел разведку до Готланда. Вероятно, русские этим хотели предотвратить новую постановку мин перед Ирбенским проливом.

К.-адм. Гопман использовал стоянку в Либаве, чтобы ознакомиться с ходом работ. Там же предстояло принять решение по поводу просьбы командующего неманской армией:

«Разрушить вокзал и железнодорожные постройки Виндавы, щадя город; обстрелять гавань в том случае, если там будет производиться погрузка больших запасов материалов».

Вследствие развивавшегося вновь наступления германской армии русские очищали город и его окрестности.

Провести операцию с моря было очень затруднительно; точные карты отсутствовали, корректировка огня с самолетов не позволяла вести обстрел с такой точностью, чтобы разрушить определенные постройки и поражать указанные на суше участки. В лучшем случае результатом было бы перенесение погрузки дальше от берега, чего бы достигла и бомбардировка с воздуха, при этом со значительно меньшей затратой средств. Несмотря на перечисленные возражения флагмана, губернатор Либавы считал обстрел в высшей степени важным, хотя, принимая во внимание характер населения, он создал бы впоследствии большие затруднения. Флот выразил готовность попробовать провести его.

Пока *Пр. Адальберт* в сопровождении двух миноносцев шел в Данциг, *Беовульф* утром 28 июня вышел из гавани и под проводкой 6 тральщиков вспомогательного дивизио-

на пошел вдоль побережья к Виндаве. Одновременно *Любек* был выслан на широту Фильзанда с целью прикрыть операцию со стороны Финского залива. 2-й флагман на *Аугсбурге* вышел вслед несколько позже. Кораблям можно было придать только по одному миноносцу. *Беовульф* еще не дошел до Стейнорта, когда на тральщиках пробили противолодочную тревогу, но вскоре с ведущего тральщика сообщили, что гребешки волн приняты за след от перископа. К северо-западу от Бакгофена тральщики в 12 ч. 30 м. увидели прямо по носу стоявшие на поверхности мины, а через 2 часа начальник дивизиона сообщил подошедшему к этому времени коммодору, что им обнаружено заграждение длиной около 5 миль, поставленное по направлению с *W* на *Ost*; это была линия, поставленная 19 июня с полудивизиона особого назначения[1] (черт. 14).

Начальник вспомогательного дивизиона тральщиков был намерен протралить фарватер поперек заграждения в том месте, где были расстреляны четыре стоявшие рядом у поверхности мины. Но при проходе этого места трал сошелся; это указывало, что тут стояли еще мины либо в виде второй линии, либо в промежутках между мелко стоявшими минами были поставлены мины еще на бо́льшую глубину. Ввиду того, что рыбачьи пароходы не могли работать на мелко поставленном заграждении, а *Инкула* с моторными тральщиками не была взята с группой из-за недостатка в кораблях для охраны, 2-й флагман решил обойти заграждение, если это возможно, придерживаясь побережья. Тральщики для этого должны были еще раз пересечь заграждение, потому что они уже были за ним. Во время этого маневра тральщик *Бунте Ку (Bunte Kuh)* наткнулся на мину и тотчас погрузился носом в воду до палубы. Из его команды один человек был убит и 6 ранено. Попытки удержать корабль на плаву, продолжавшиеся 2 часа, окончились неудачей.

За три минуты до взрыва в 1 000 *м* на *NO* от тральщиков поднялись всплески от залпа легкой артиллерии; за первым последовали другие. Сначала место, откуда про-

---

[1] В ночь на 20 июня, совместно с двумя миноносцами 2-го дивизиона. — *Н. Н.*

Черт. 14. Бой у Люзерорта и обстрел Виндавы 28 июня 1915 г.

изводилась стрельба, было неизвестно, но вскоре на северо-востоке увидели вспышки выстрелов. За час до этого в указанном направлении были видны дымы, но теперь не было видно никаких кораблей. Противник был скрыт от германских кораблей вследствие рефракции, которая в этот день была совершенно особенная: отдельные полосы водной поверхности казались перевернутыми и выглядели, как густой камыш. Только через 20 минут, около 16 час., наблюдатель с «вороньего гнезда» *Аугсбурга* заметил в направлении Люзерорта 8 эскадренных миноносцев[1]. После этого коммодор больше не сомневался в целесообразности продолжения операции, и в то же время решил сделать попытку отрезать миноносцы от Ирбенского пролива, поставив их в два огня между крейсерами. *Любек* получил приказание итти к банке Винкова, *Аугсбург* и *Беовульф* с помощью миноносцев и тральщиков по лоту вышли к линии 10-*м* глубин, обошли заграждение и, имея впереди тральщики с поставленными тралами, пошли на *N*. Ввиду того что трал часто задевал за грунт и его очистка требовала много времени, отряд продвигался вперед очень медленно. У Бакгофена корабли были безрезультатно обстреляны с берега ружейным огнем; стрелявших обнаружить не удалось. Около 19 час. корабли увидели Виндаву, и, несмотря на позднее время, коммодор дал условный сигнал о старте самолета, который должен был корректировать огонь *Беовульфа*.

Любек, бывший с 15 час. в дозоре к западу от Фильзанда, получив радио 2-го флагмана, пошел курсом *SO* к Ирбенскому проливу. Уже через четверть часа, в 17 час., он увидел справа по носу *Новика*. Этот эскадренный миноносец имел, как и накануне, приказание произвести разведку до Готланда, но на пути получил радио не отходить далее 20 миль. Он как раз поворачивал, когда увидел

[1] Намерение немцев бомбардировать Виндаву было известно русскому морскому командованию из германского радио. В сводке от 27 июня сообщалось:

«по полученным сведениям ожидается операция неприятеля в районе Виндавы с бомбардировкой с моря».

Для противодействия к Ирбенскому проливу были отправлены эскадренный миноносец *Новик* и 2-й дивизион миноносцев, а в район Виндавы — подводная лодка *Окунь*. — *Н. Н.*

дым *Любека.* Последний напрасно пытался сблизиться на расстояние дальности огня: его противник благодаря значительному превосходству в скорости хода быстро отступил. *Любек* во время преследования подошел так близко к *Церелю,* что ему пришлось огибать германское заграждение на курсе *SSW*. Когда в 18 ч. 45 м. он прибыл на указанное ему место, неприятель уже скрылся из виду (черт. 14).

Вскоре под берегом, несколько южнее Люзерорта, было обнаружено значительное число кораблей, и *Любек* тотчас повернул на них (черт. 14). Когда в 19 ч. 20 м. неприятельские миноносцы с расстояния 130·*гм* (71 каб.) открыли огонь, командир крейсера, не зная намерения 2-го флагмана об охвате противника, повернул вправо и принял бой на параллельных курсах левым бортом. Вскоре всплески от неприятельских снарядов стали ложиться в непосредственной близости от крейсера. Последний был в худшем положении не только из-за меньшего числа у него орудий и большей подвижности неприятеля, но также из-за трудности выбора точки наводки и трудности определения расстояния до противника: серо-зеленые миноносцы пропадали на фоне леса, и их дым шел прямо на Любек. Кроме того, вследствие большого числа неприятельских недолетов управление огнем могло вестись лишь на основе дальномерных данных. Внезапно миноносцы настолько закрылись дымом, что вообще нельзя было выбрать никакой точки наводки. Можно было предположить, что противник пошел в торпедную атаку. Командир из осторожности повернул на обратный курс, и из-за дыма показались миноносцы, также повернувшие на *N*-вый курс.

Бой продолжался на расстоянии 115—100 *гм* (63—55 каб.); миноносцы, которых оказалось 15, правили на Люзерортский риф и скрылись в Рижском заливе. *Любек* их преследовал, пока это позволяли собственные заграждения и глубины, и в 20 час. прекратил огонь. Считали, что во время боя в неприятельские корабли было 3 попадания, но это, однако, отрицается русскими источниками. В крейсер попаданий не было; один из 100-*мм* снарядов пробил кормовой флаг и часто на палубу сыпались осколки от разрывов снарядов. Сопровождавший *Любека S-130* не мог

принять участия в бою из-за недостаточной дальности огня его пушек, шел со стороны борта, противоположного ведшему бой, и остался невредимым. Русские миноносцы с каждой встречей все более убеждали нас в том, что они являются достойным внимания артиллерийским противником: рассеивание залпов было очень незначительным, централизованное управление огнем нескольких миноносцев, проводившееся, повидимому, флажными сигналами, работало неожиданно хорошо.

Во время встречи с *Любеком* противника с *Аугсбурга* уже не было видно. Заметив неожиданно вставшие всплески снарядов, коммодор, несмотря на опасность от мин, пошел самым полным ходом на неприятеля. У Бакгофена, а также у Виндавы были замечены большие пожары. Так же, как и раньше, несколько раз на берегу наблюдались пожары, как только германские корабли проходили на север. 2-й флагман считал, что это условные сигналы, с помощью которых местные жители уведомляют свои войска и флот о приближении неприятельских кораблей. У Виндавы по крейсеру были в 19 ч. 45 м. выпущены 2 торпеды с подводной лодки[1]; атака была неудачна ввиду большого расстояния (1 500—2 000 *м)* и ввиду того, что она производилась с кормы. *S-149* и *S-131* погнались за лодкой, сам *Аугсбург* пошел дальше, но неприятеля больше не видел.

Беовульф также торопился к месту боя. Но когда выяснилось, что приходится прекращать преследование, ему было приказано, по возможности произвести обстрел, согласно плану операции. В 20 ч. 30 м. он с одним миноносцем подошел к Виндаве. Самолета не было ввиду того, что ему пришлось вернуться с полдороги из-за порчи мотора; но место железнодорожных сооружений легко обнаруживалось благодаря дыму ходившего около них паровоза. Корабль держался малым ходом в расстоянии 2 000 *м* от побережья и, используя в качестве точки вспомогательной наводки фабричную трубу, открыл огонь с расстояния 42 *гм* (23 каб.). Одно из попаданий снарядов дало большое черное облако пыли: повидимому, оно пришлось

[1] Атака была произведена подводной лодкой *Окунь*. — *Н. Н.*

в угольный склад. 4 выстрела, выпущенных по большому зданию, принятому за вокзал, дали два ясно видных попадания. В 20 ч. 55 м. коммодор приказал прекратить огонь и начать возвращение. Тихоходный *Беовульф* на обратном пути вдоль побережья сопровождался двумя миноносцами. *Аугсбург* и *Любек* вместе с *S-130* обошли подозрительный в отношении мин район, вышли мимо Люзерорта в море и пошли в Либаву по фарватеру, ведшему мимо Стейнорта. Вспомогательный дивизион тральщиков около 21 часа при проходе мимо Бакгофена снова был обстрелян с берега. Начальник дивизиона решил в ответ на это обстрелять маяк и опушку расположенного к югу от него леса; несколько выпущенных снарядов привели неприятельские пулеметы к молчанию. К восходу солнца все корабли были уже в Либаве.

Задача была выполнена. Обстрел из-за некоторых задержек *Беовульфа* в пути начался поздно вечером и был очень краток из-за присутствия подводной лодки: всего было выпущено 13 штук 24-*см* снарядов. Но сухопутный самолет, высланный в разведку на следующий день, донес по возвращении о следах попаданий между путями пассажирского вокзала; что же касается морального действия, то оно вряд ли усилилось бы от увеличения количества выпущенных снарядов. Все старания нанести чувствительный удар части неприятельского флота, с которой произошла встреча, несмотря на отсутствие боязни ответственности у флагмана и отличное поведение личного состава, не увенчались успехом. Но *Любек* все-таки возвратился с важным в боевом отношении опытом, а также со сведениями о месте и направлении входного фарватера в Ирбенский пролив.

Неприятельские миноносцы, несмотря на их большое число, не достигли никакого успеха, и, напротив, если бы они не появились, обстрел Виндавы, вероятно, не состоялся бы. Также и атака, произведенная подводной лодкой *Окунь,* влиянию которой русские склонны были приписать отступление крейсеров, могла лишь в незначительной степени отразиться на проведении операции. Русские на следующее утро вышли со значительным числом миноносцев для постановки мин в водах у Виндавы, но повернули

обратно, увидев кружившийся над городом самолет. Заграждение было поэтому поставлено в ночь с 29 на 30 июня.

Подвижность противника вынудила 2-го флагмана обратить особое внимание на охрану Либавы. Дошло до того, что шедшему 29-го утром из Мемеля пароходу стали казаться дымы в *W*-вом направлении. Ввиду отсутствия готовых к полетам гидросамолетов коммодор выслал *Тетиса* в разведку до широты Люзерорта. Крейсер в сопровождении *S-130* в полдень вышел из гавани, прошел по фарватеру мимо Бернатена на *W* в море, и в полночь достиг назначенной ему точки в 50 милях на *WNW* от Виндавы, не обнаружив по пути ничего подозрительного. На обратном пути в 4 час. он прошел мимо Стейнорта.

Этот поход имел несчастье причинить много беспокойства стоявшим в Либаве кораблям. Дым *Тетиса,* который был виден на *W,* был принят за неприятельский. Так как это совпало с особенно сильным русским радиообменом и некоторым даже слышалась отдаленная канонада, то была объявлена полная готовность. В Данциге обстановку не считали угрожающей, так как не видели ничего нового в выходах русских миноносцев и подводных лодок при благоприятных для них условиях из Ирбенского пролива. К.-адм. Гопман не отменил похода *Тетиса,* но отказал в запрошенном 2-м флагманом подкреплении миноносцам и приказал, чтобы дозорную службу в ближайшие дни несли только вспомогательные тральщики, миноносцам же предписывалось предоставить отдых.

Вечером 29 июня вышел приказ о выполнении очередной заградительной операции:

> Выполнение задачи VII в случае благоприятных условий назначается на четверг (1 июля). Возможность встречи с плавающими минами от заграждения VI заставляет назначить постановку в светлое время суток. Подход с запада ввиду имевших место атак подводных лодок южнее Богшера представляется наиболее благоприятным. Все приказания будут переданы по береговому телеграфу или письменно».

Общее командование операцией переходило на этот раз по плану к коммодору Карф.

Роон совместно с *Альбатросом* и с пятью миноносцами вечером 30 июня вышел из Вислы; *Аугсбург, Любек* и два миноносца на следующее утро вышли из Либавы (карта 4). При приближении к месту рандеву, назначенному на *NW* от Стейнорта, обе группы встретили полосы тумана, постепенно все более и более сгущавшегося, и тщетно делали попытки соединиться. Когда сигналы прожекторами и сиренами, а также рассылка миноносцев и обмен местами по радио с обеих групп не достигли цели, 2-й флагман решил после часовой задержки продолжать поход раздельно и назначил место рандеву на параллели Фарэ. Чтобы провести операцию в течение того же дня, пришлось итти большим ходом, несмотря на порой очень густой туман. На месте нового рандеву было более ясно, и к назначенному времени корабли соединились; место *Роона* оказалось по счислению на несколько миль южнее.

После развозки приказов отряд пошел к Готска-Сандэ для проверки своего счисления. Около 18 час. *Роон* и *Любек* с парой миноносцев уклонились на *Ost*; *Любеку* поручалось наблюдение за проходом между германскими минными полями «А» и «С»; броненосный крейсер должен был находиться в поддержке. *Аугсбург* и *Альбатрос* продолжали поход на север. С *Альбатроса* во время похода увидели перископ, от которого отвернули, но в дальнейшем выяснилось, что за перископ был принят какой-то плавающий предмет[1]. Богшер, к которому подходили с *SW*, открылся прямо на носу в 19 ч. 30 м.

Тогда как флагманский корабль крейсировал между Богшером и пловучим маяком Свенска-Бьерн, *Альбатрос* поставил 160 мин к северо-востоку и к северо-западу от Богшера, причем действительно встретил сорванные с мест мины предыдущего заграждения. После постановки в 21 ч. 30 м. последней мины *Аугсбург* с *Альбатросом* направились обратно. Через три часа они соединились с *Любеком* и *Рооном* в условленном месте, в 35 милях на *S* от Богшера, после чего 2-й флагман передал по радио:

---

[1] На *Любеке* впоследствии была такая же ложная тревога: один из сопровождавших его миноносцев открыл огонь по останкам вехи.

«Задача VII выполнена. Неприятелем виден не был. Нахожусь в 1 час. в квадрате 020. Курс 190°, скорость 17 узлов».

Последнее заграждение было поставлено, и июньская программа выполнена. Быстрое исполнение задачи, несмотря на крайнее напряжение миноносцев, было возможно только благодаря державшейся хорошей погоде; благодаря этому же удалось поставить заграждения точно в назначенных местах. Можно было с известной долей уверенности сказать, что постановки к югу от Аландских островов прошли незамеченными неприятелем. Заграждение западного выхода из Рижского залива было еще недостаточным. Но у Богшера и восточнее его, где *Альбатрос* поставил свыше 700 мин, было создано серьезное препятствие; вместе с тем был сделан большой шаг к выполнению намеченной командующим морскими силами Балтийского моря цели: осуществить длительное наблюдение за входом в Финский залив.

Глава VII

КРЕЙСЕРСКО-НАБЕГОВАЯ ОПЕРАЦИЯ РУССКИХ ПРОТИВ МЕМЕЛЯ. БОЙ У ЭСТЕРГАРНА 2 ИЮЛЯ 1915 г.

В день начала последней заградительной операции часть русского Балтийского флота вышла в море. Что именно заставило русских отступить от их прежнего образа действий — неизвестно. Можно предполагать, что поход явился следствием совместного влияния нескольких причин. Сильный и быстроходный броненосный крейсер *Рюрик,* который был значительно поврежден при посадке на грунт в феврале, к середине июня вступил в строй. Боевая подготовка кораблей, начатая после весеннего таяния льдов, была закончена. Новый командующий флотом адм. Канин был уже 4 недели в должности и, возможно, хотел видимым успехом поднять свой авторитет в глазах офицеров и команд. Он мог рассчитывать на своевременное предупреждение осведомительной службы о прибытии подкреплений к выделенным для действий в Балтийском море германским силам. Эти последние, базируясь на Либаву, все время расширяли район своих действий и в последние дни безнаказанно обстреляли Виндаву. Поводом к выступлению послужила неблагоприятная обстановка, сложившаяся на сухопутном фронте, вследствие чего для армии было крайне желательно потревожить германские тыловые сообщения. В противном случае командование VI армией, расположенное в С.-Петербурге, которому был подчинен флот, не дало бы согласия на производство операции.

I бригада крейсеров в составе *Адмирала Макарова, Баяна, Олега* и *Богатыря,* усиленная *Рюриком,* получила зада-

ние пройти восточнее Готланда, обстрелять Мемель и в случае встречи с дозорными силами противника нанести им чувствительный удар[1]. К крейсерам были приданы *Новик* и дивизион эскадренных миноносцев, которые для этой цели были вызваны 30 июня утром из Ирбенского пролива. Назначенный на раннее утро 1 июля выход задержался из-за тумана, появление которого отозвалось также и на походе германских сил; эскадренные миноносцы остались в Моонзунде, опоздав на несколько часов.

Так как бригада в это время уже вышла и пошла на юг, причем держала большой ход, то командовавший операцией к.-адм. Бахирев решил обойтись без миноносцев и приказал им по радио вернуться обратно; только *Новик,* шедший 24-узловым ходом, соединился с крейсерами.

Точный путь отряда до сих пор неизвестен. Повидимому, он вышел из Утэ[2] и держался середины между шведскими островами и русским побережьем (карта 4). После полудня туман настолько сгустился, что *Рюрик* потерял из виду шедший перед ним корабль и шел только с *Новиком;* его попытки вступить в кильватер остались без результата. Вследствие атмосферных разрядов в течение долгого времени не удавалось установить радиосвязи между разделившимися частями отряда, ввиду чего на флагманском корабле стали опасаться, что *Рюрик* взорвался на мине и потонул. Незадолго до наступления темноты часть радио дошла по назначению, причем *Рюрик* сообщил, что он находится при хорошей видимости в 20 милях от Мемеля; в ответ на это с *Адмирала Макарова* последовало приказание присоеди-

[1] Изложение основано на записях в дневнике Г. Графа, дающих кроме его собственных переживаний описание этого похода неназванным его участником. Если этот источник нельзя считать совершенно точным в отношении данных о маневрировании крейсеров во время боя, то во всяком случае ручательством за объективность изложения является достоверность других мест дневника, получивших проверку по иным источникам. Что касается русских официальных данных, то кроме краткого донесения, опубликованного тотчас после боя, иных материалов нет. Исключительная роль, которую играла во время этой операции расшифровка германских радиопереговоров, выяснилась при занятии Гельсингфорса в 1918 г.

[2] Крейсера вышли через Эрэ, *Рюрик* из Ревеля, миноносцы из Куйваста через Моонзунд. — *Н. Н.*

ниться к бригаде. В соответствии с этим *Рюрик* повернул. Когда он снова, на этот раз — в темноте, вошел в полосу тумана, то и *Новик* с ним разошелся. Последний после неудачных попыток получить представление о месте нахождения крейсеров по принятым обрывкам радиообмена решил итти к Церелю.

К.-адм. Бахирев получил сообщение из Ревеля, что германские силы находятся в море; сообщение было основано на расшифровке радиограмм, которыми утром обменялись *Аугсбург* и *Роон*. На основании указанных там пунктов и моментов пришли к заключению, что германские крейсера предполагали в течение ночи поставить заграждение в северной части моря и утром будут оттуда возвращаться[1]. Ввиду того, что в радиообмене не участвовала радиостанция *Пр. Адальберта*, считали, что в операции участвует незначительное число кораблей. При этих обстоятельствах русский флагман решился на бой, однако, при условии присоединения *Рюрика*, который превосходил по силе каждый из германских крейсеров Балтийского моря в отдель-

[1] Идея набеговой операции крейсерского отряда против Мемеля возникла в связи с получением агентурных сведений, что 18 июня в Киле состоится смотр кайзера германскому флоту и что большая часть боевых кораблей уже там сосредоточена. Поэтому, рассчитывая на отсутствие противника в море, русское морское командование предполагало этим набегом произвести сильное впечатление на германскую общественность, тем более, что последняя под влиянием систематических уверений прессы считала, что «русский флот окончательно заперт в Финском заливе и ни один крупный корабль ни разу за войну не был у берегов Германии».

Уже во время самой операции радиостанция в Кильконде приняла ряд германских радио, в том числе и упоминаемое в тексте радио коммодора Карфа, из которых выяснилось, что немцы в свою очередь намерены осуществить заградительную операцию в северной части Балтийского моря и что назначенные для этого корабли уже в море.

Находившийся на радиостанции кап. 2 р. Ренгартен (ведавший радиоразведкой) все получаемые из неприятельских радио сведения о движении, составе и намерениях противника тотчас сообщал адм. Бахиреву, шедшему к Мемелю, и таким образом направлял отряд навстречу *Аугсбургу* и *Альбатросу*. Набег на Мемель был отменен, и в точно рассчитанный момент по носу русского отряда открылись ожидаемые корабли противника. — *Н. Н.*

ности. Поэтому обстрел Мемеля был отставлен. 2 июля в 4 час. Бахирев держал в руках сообщение, посланное коммодором Карф всего лишь за три часа до этого. Так как в нем было указано место, курс и скорость германского отряда, оставалось только выбрать наиболее благоприятное место для встречи. За целый час до появления неприятеля на русских кораблях была сыграна боевая тревога, и все приведено в полную готовность к бою.

Германский флагман, наоборот, ничего не знал о близости противника. Хотя и были слышны оживленные русские радиопереговоры, но их приписали русским дозорным кораблям в Ирбенском проливе. В 6 час. 2-й флагман отпустил корабли, шедшие в Либаву. *Роон, Любек* и четыре миноносца повернули на фарватер к Стейнорту, в то время как *Аугсбург* совместно с *Альбатросом* и тремя остальными миноносцами повернули к южной оконечности Готланда, чтобы оттуда лечь на курс к Риксгефту. Вскоре разделившиеся группы потеряли друг друга из виду, потому что туманная погода ограничивала видимость до 5 миль.

Разделение сил в соединении с пасмурной погодой чуть было не лишили противника успеха. Русский флагман решил ожидать со своими силами около того места, которое из перехваченных накануне германских радио было ему известно как место рандеву германских сил. Но последние разделились уже в 15 милях севернее этого пункта. Бахирев не встретил бы ни группы *Аугсбурга,* ни группы *Роона,* если бы он не оказался случайно несколько севернее и западнее, чем предполагал.

В 6 ч. 30 м. *Аугсбург* увидел на *SO* большой дым, и вскоре после этого из тумана выступил четырехтрубный корабль; за ним следовал второй такой же (карта 4, I). Неприятель повернул и вступил в бой на пареллельных курсах. Коммодор Карф приказал дать самый полный ход, лег на курс *W* и велел передать по радио *Роону* и *Любеку* распоряжение присоединиться. В 6 ч. 32 м. противник открыл оживленный огонь. Залпы 15,2-*см* орудий и отдельные всплески тяжелых снарядов ложились у *Аугсбурга* и *Альбатроса.* Германские орудия молчали. Неприятель снова скрылся в тумане, ввиду чего измерение расстояния прекратилось, и прицелы не могли найти цели. Видны были

только вспышки выстрелов, по которым можно было заключить, что в бою принимают участие четыре неприятельских корабля. Последние хорошо видели цель, потому что на *NW* было светлее. *Аугсбург* развил с помощью нефтяных форсунок густой черный дым, чтобы попытаться хотя бы несколько укрыть *Альбатроса*. Оба пытались частыми переменами курса затруднить стрельбу неприятеля, но все же они оставались под хорошими прикрытиями, поэтому в 6 ч. 45 м. коммодор медленно повернул на 2 румба вправо. Неприятель, шедший 20-узловым ходом, повидимому, хотел отрезать им наступление. *Альбатрос* заметно отстал.

Следовало ли выслать в атаку миноносцы *G-135, S-142* и *S-141?* Могла ли эта атака дать какие-либо результаты? Коммодор Карф это отрицал: дистанция боя выросла с 86 *гм* (43,8 каб.) до 90 *гм* (49,2 каб.); море было гладко, как зеркало; против трех миноносцев были четыре крейсера, вся артиллерия которых могла отражать атаку; миноносцы были вооружены старыми торпедами С/03, дававшими предельную дальность в 3 000 *м*; *G-135* едва развивал 20 узлов, остальные были только немного быстроходнее. Начальник дивизиона держался того же мнения; его флаг-офицер, недавно назначенный на полуфлотилию, считал атаку безнадежной. Оба командира миноносцев *S-141* и *S-142* в донесениях о бое высказались в том же смысле. Но в тот момент положение складывалось так, что миноносцы должны были учитывать возможность их уничтожения; в течение длительного срока в непосредственной близости от них падали снаряды, и было лишь вопросом времени, когда начнутся попадания. Нужно было опередить противника и постараться спасти *Альбатрос*. Начальник дивизиона решил произвести атаку; на *G-135* был поднят флаг «Z», и три миноносца собрались вместе.

2-й флагман в то же время решил прорваться под носом у неприятеля на юг, чтобы сохранить хотя бы крейсер с миноносцами, поэтому, начиная с 6 ч. 35 м., он начал уклоняться влево. Заградителю *Альбатросу* было приказано войти в шведские территориальные воды. На основании этого радио, а также потому, что противник в то же время повернул к северу, начальник дивизиона отставил ата-

ку, и миноносцы пошли за все более уклонявшимся к югу *Аугсбургом*. Путем перестроения в развернутый строй и постановкой дымовой завесы удалось добиться того, что залпы неприятеля разошлись и временами то *Аугсбург*, то *Альбатрос* были скрыты от противника. Миноносцы смогли теперь, когда один из крейсеров показывался из-за дыма, принимать участие в сражении с расстояния 70-60 *гм* (38,3—32,8 каб.); *S-141* заметил одно попадание в голов-

Германский легкий крейсер *Аугсбург (Augsburg)* (1909).

Длина	130 *м*;
Водоизмещение	4 350 *т*;
Скорость хода	27 узл.;
Вооружение	12—105-*мм*; 2 торпедных аппарата;
Личный состав	379 чел.

ной корабль. Благодаря изменениям курса отряда они сравнительно быстро вышли из опасной зоны, а к 7 ч. 35 м. противник окончательно скрылся.

Альбатрос пытался самым полным ходом войти в нейтральные территориальные воды. К 7 час. расстояние между сражавшимися настолько уменьшилось, что его легкие орудия смогли снова открыть огонь. Командир мешал неприятельскому огню, идя зигзагами, и попробовал вынудить русского флатмана отвернуть, послав 2-му флатману открытое радио на немецком языке:

«Прошу выслать в атаку подводные лодки».

Повидимому, эта хитрость имела успех. Непосредственно после этого противник повернул вправо, но вскоре снова лег на *W* курс и разделился: *Адмирал Макаров* и *Баян* пошли, поворачивая влево, а *Олег* с *Богатырем* отделились для обстрела *Альбатроса* с кормы продольным огнем.

В 7 ч. 20 м., т. е. через 45 мин. после начала боя, корабль получил первое попадание, которое разорвало верхнюю палубу и борт в корме и произвело потери в личном составе.

Германский минный заградитель *Альбатрос (Albatross)* (1907).

Длина	96 *м*;
Водоизмещение	2 200 *т*;
Скорость хода	20 узл.;
Вооружение	8—88-*мм*;
Личный состав	199 чел.;

Германская артиллерия также достигла попаданий, которые, естественно, не нанесли бронированным крейсерам вреда. После этого *Альбатрос* был сильно поврежден в носовой части; в корме один из отсеков наполнился водой;

Русский броненосный крейсер *Адмирал Макаров* (1906).

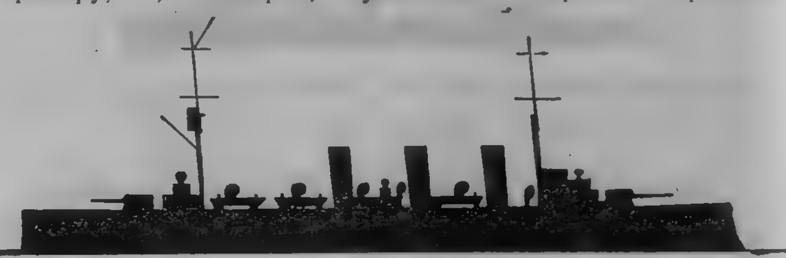
Длина	135 *м*;
Водоизмещение	8 000 *т*;
Скорость хода	22.5 узл.;
Вооружение	2 203-*мм*, 8—152-*мм*, 22—75-*мм*; 2 торпедных аппарата;
Личный состав	593 чел.

Русский броненосный крейсер *Баян* (1907).

Длина	137 *м*;
Водоизмещение	8 000 *т*;
Скорость хода	21 узел;
Вооружение	2—203-*мм*, 8—152-*мм*, 22—75-*мм*; 2 торпедных аппарата;
Личный состав	568 чел.

во многих местах возникли пожары; фок-мачта была сбита; командирский мостик и штурманская рубка со всем персоналом вышли из строя. Командир, находившийся на мостике, был ранен осколками, но вскоре смог вновь принять командование от своего 1-го офицера.

В 7 ч. 45 м. корабль вошел в территориальные воды Швеции у Эстергарн-хольма, после чего командир приказал прекратить огонь. Русские и не думали следовать его примеру, а, наоборот, — увеличили скорость стрельбы.

Русский крейсер *Богатырь* (1901) [1].

Длина	134,2 *м*;
Водоизмещение	6 800 *т*;
Скорость хода	23 узла;
Вооружение	12—152-*мм*, 12—75-*мм*; 2 торпедных аппарата;
Личный состав	568 чел.

Русский крейсер *Олег* (1903).

Элементы те же, что и у *Богатыря*
Личный состав . . . . 563 чел.

Лишь после того, как *Альбатрос,* идя с севера, прошел Эстергарн-зунд, они в 8 ч. 07 м. прекратили в свою очередь огонь. Корабль получил еще много попаданий, сел глубже и начал крениться. Румпельное отделение пришлось покинуть; дальнейшее маневрирование производилось под ручным управлением. Но вскоре и оно перестало действовать, и корабль стал управляться с помощью машин, которые к удивлению, как и котлы, не были повреждены. Так как корабль все больше кренился на левый борт, возникли опасения, что он перевернется; поэтому командир в 8 ч. 12 м. с малого хода посадил его на грунт.

[1] Крейсера *Олег* и *Богатырь* в 1915 г. были перевооружены, получив вместо 152-*мм* (6″) пушек — 130-*мм* в числе 16 (см. приложение 4). — *Н. Н.*

Совсем небронированный *Альбатрос* на дистанциях действительного огня сопротивлялся в течение 1½ часов с 4—8,8-*см* пушками против неприятеля, значительно превосходившего его в количестве тяжелой и средней артиллерии; офицеры *Альбатроса* считали, что русские произвели около 3 000 выстрелов и израсходовали почти половину своих боевых запасов. К счастью, из 5 или 6 попаданий снарядов 20,3-*см* (8") калибра и около 20 попаданий 15,2-*см* (6") снарядами лишь небольшая часть нанесла серьезные повреждения. Много снарядов не разорвалось, 4 таких снаряда были найдены внутри корабля. Из 11 офицеров и 226 кондукторов, унтерофицеров и рядовых — артиллерийский офицер и 26 человек команды были убиты, 4 офицера и 51 человек команды — ранены. *Альбатрос* не спустил флага, как это было объявлено русскими[1].

О распоряжениях русского флагмана во время боя известно немного. Из описания Г. Графа следует лишь, что стрельбе в начале боя мешали туман и дым; потом управлению огнем мешало сосредоточение огня всех четырех кораблей по одной цели. Об уклонении бригады в 7 час. к *N* ничего не говорится; это могло оказаться необходимым также потому, что *Альбатрос* был прикрыт дымовой завесой с миноносцев. На новом курсе считали, что 3 миноносца произвели атаку, а на *Адм. Макарове* даже видели след торпеды. Автор умалчивает о нарушении шведского нейтралитета. Храбрая защита и очень хорошая стрельба *Альбатроса* в начале боя заслуживали похвалу противника: его флагманский корабль получил 4 или 5 попаданий, одним из которых был убит 1 человек.

---

[1] То, что в течение полуторачасового боя 4 русских крейсера, из которых каждый был сильнее *Альбатроса*, не смогли уничтожить противника и дали ему укрыться в нейтральных водах, свидетельствует прежде всего о неудовлетворительном руководстве боем и чрезвычайно низкой дисциплине огня. Применение сложных приемов тактики и излишнего маневрирования вместо быстрого сближения на решительную дистанцию привело в результате к продолжительной суматошной стрельбе всех кораблей по одной цели, при которой, вопреки правилам сосредоточения огня, крейсера мешали друг другу и, произведя чрезвычайно большой расход боевых запасов, смогли лишь подбить слабейшего противника. — *Н. Н.*

Аугсбург с 7 ч. 20 м. до 7 ч. 33 м. получил возможность еще раз обстрелять с больших расстояний флагманский корабль, для чего повернул на него, чтобы отвлечь внимание от *Альбатроса* и вызвать погоню за собой. Но, принимая во внимание переменную видимость, колебавшуюся в пределах от 5 до 7 миль, коммодор во всяком случае придерживался осторожного образа действий. Когда *Альбатрос* сел на мель, он приказал передать на него прожектором:

«Приду за вами позднее».

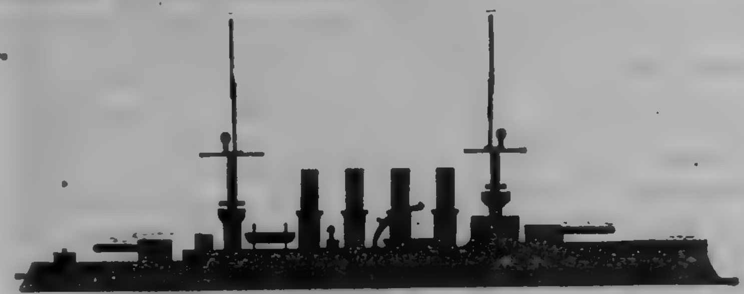
Вскоре после этого увидели, что противник уходит на север; *Аугсбург* следовал за ним вне пределов досягаемости его артиллерии, насколько это позволяла видимость.

Неприятель опасался группы *Роона,* которая спешила полным ходом на радиотелеграфный вызов 2-го флагмана, но вследствие расхождения в прокладке подошла кружным путем; слабая канонада боя, которую вообще слыхали лишь иногда, навела их на место сражения (карта 4, II).

Любек, бывший впереди, обнаружил в 8 ч. 20 м. первый русский крейсер, но, не испугавшись этого, пошел дальше и вскоре увидел и остальных, которые ходили в одиночку и парой восточнее и севернее Эстергарн-хольма. Увидев его, противник выстроился в кильватерную колонну и начал отходить. Германские корабли также построились в кильватер; 4 миноносца 19-й полуфлотилии, бывшие с *Любеком,* не могли быть использованы ввиду того, что неприятель был впереди.

К 9 час. *Роон* подошел на такую дистанцию, что его тяжелая артиллерия смогла открыть огонь по концевому неприятельскому кораблю. *Адм. Макаров* и *Баян* стали ему тотчас же отвечать, два остальные крейсера открыли огонь по *Любеку.* Одним из первых недолетных залпов на *Рооне* была перебита антенна, из-за чего на 30 минут вышла из действия радиостанция; других повреждений неприятельский огонь ему не причинил. Артиллерия *Роона* нанесла *Баяну* одно попадание, стоившее ему 4 раненых. *Любек* и его противники не могли накрыть друг друга своими залпами, так как расстояния боя были лишь немного меньше 130 *гм* (71 каб.).

Поспешность, с которой более сильный русский отряд покидал поле сражения, навела командира *Роона* на размышления. Быть может они хотели его заманить на более сильные корабли, находившиеся поблизости? Куда девался *Аугсбург,* который вызывал на помощь? Его противник, который должен был быть в районе Эстергарна, не был противником *Роона,* считавшего себя в 15 милях северо-вос-

Германский броненосный крейсер *Роон (Roon)* (1903).

Длина	127.3 *м*;
Водоизмещение	9 500 *т*;
Скорость хода	21 узел;
Вооружение	4—210-*мм*, 10—150-*мм*; 12—88-*мм*, 4 торпедных аппарата;
Личный состав	633 чел.

точнее Эстергарна, в то время как в действительности он был на 5 миль южнее его. В противоположность *Любеку,* успевшему определить свое место по Эстергарн-хольму, *Роон* не имел случая проверить свое счисление; поэтому командир решил повернуть и постараться соединиться с *Аугсбургом.* В 9 ч. 22 м. бой прекратился, и *Любек* последовал за *Рооном* в *SW*-вом направлении. Русские им в этом не препятствовали.

Г. Граф в своих воспоминаниях пишет:

«Причиной уклонения адмирала от боя с *Рооном* было очень малое количество оставшихся снарядов крупного калибра; например, на *Макарове* оставалось всего 90 штук 8″ (20,3-*см*) снарядов и около половины 6″ (15,2-*см*); так же дело обстояло и на *Баяне*» (Г. Граф).

Вследствие этого Бахирев чувствовал себя ослабленным и вынужден был прекратить наблюдение за *Альбатросом.*

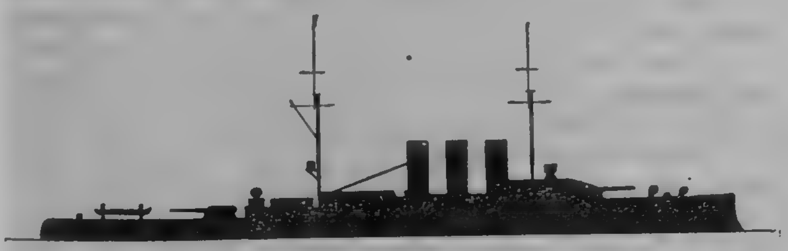
В то же время он послал распоряжение линейным кораблям *Цесаревич* и *Слава,* стоявшим на рейде у Эрэ (к северо-западу от Бенгшера), выйти на поддержку бригаде крейсеров. После этого, вскоре после прекращения перестрелки, лишь только он взял еще раз на короткий срок курс на S, как тотчас по окончании сражения натолкнулся на *Рюрика.*

Последний в течение нескольких часов искал бригаду. Наступил в первый раз за всю войну удобный случай бросить на весы истории его тяжелую артиллерию. В 9 ч. 30 м. *Любек* увидел по направлению на *Ost* облако дыма, на которое и повернул; через несколько минут обозначился неясный силуэт (карта 4, III). На показанный прожектором опознавательный сигнал последовал неверный ответ. У противника были особенно тонкие мачты, почему сначала он был принят за *Новика,* и командир *Любека* пошел на сближение. В 9 ч. 45 м. был опознан *Рюрик,* что заставило легкий крейсер спешно позаботиться о своей сохранности, потому что расстояние было всего 110—120 *гм* (60,2—65,6 каб.). Русские начали пристрелку главным калибром, потому что противоминная артиллерия давала почти исключительно недолеты. Германскому артиллерийскому офицеру оставалось только использовать скорострельность своей артиллерии, чтобы помешать управлению огнем противника. В большинстве случаев в воздухе было по 3 залпа, ясно были видны 5 попаданий, из которых одно вызвало пожар. В общем в *Любек* не попал ни один снаряд; на палубу сыпались только осколки от рвавшихся об воду в непосредственной близости снарядов крупных калибров.

В ту же минуту, когда *Любек* повернул для выяснения, что скрывается за подозрительным дымом, *Роон* увидел *Аугсбурга.* 2-й флагман повернул в 9 час. в направлении вновь возникшей канонады, и теперь перед ним оказался *Роон,* повернувший за Любеком на *S*-вый курс. Но противника сначала нельзя было разглядеть; вскоре обнаружился головной неприятельский корабль; возможно, что за ним следовали другие; кроме того, каждую минуту можно было ожидать на месте боя бригаду с *Адм. Макаровым.* Поэтому коммодор Карф не считал возможным принять бой в строю, но, чтобы попытаться освободить, по крайней мере, *Любека,* он стал на *Аугсбурге* сближаться с не-

приятелем. *Роон* сделал то же самое. *X* флотилия начала собираться, выстраиваясь впереди *Аугсбурга* с борта, противоположного от противника.

Через 15 минут после начала боя сражавшиеся достаточно сблизились, чтобы *Роон* мог полностью связать русский крейсер. *Любек*, получивший переданное с помощью прожектора приказание итти к Эстергарн-хольму, благодаря этому был спасен и мог итти вдоль нейтральных вод к своему побережью. *Аугсбург* лег на *S*-вый курс; так как *Рюрик* в тот же момент изменил курс влево, то начался

Русский броненосный крейсер *Рюрик* (1906).

Длина	161 2 *м*;
Водоизмещение	15 400 *т*;
Скорость хода	22 узла;
Вооружение	4—254-*мм*, 8—203-*мм*; 20—121-*мм*, 2 торпедных аппарата;
Личный состав	899 чел.

бой на параллельных курсах на расстоянии от 150 до 140 *гм* (82—76 каб.). *Рюрик* стрелял, главным образом, по *Роону* и, несмотря на большой расход боевого запаса, не смог нанести вреда ни ему, ни другим крейсерам и миноносцам. Напротив, *Роон* наблюдал одно попадание; стрельба так же, как и при бое с *Макаровым* была затруднена плохой видимостью и неприятельскими недолетами. 2-й флагман постарался оторваться от сильного противника. Для торпедной атаки расстояние было слишком велико, поэтому он попытался достичь поставленной себе цели незаметным уклонением. Это ему удалось: по крайней мере, к 10 ч. 20 м. на дистанции 160 *гм* (87,5 каб.) огонь был прекращен с обеих сторон. *Рюрик*, казалось, повернул, затем шел некоторое время вслед вне дальности огня и в 10 ч. 45 м., наконец, совсем исчез из виду.

Теперь 2-й флагман после трех боев, во время которых он оказывался перед значительно бо́льшими силами неприятеля и чуть не был поставлен в два огня, стал избегать соприкосновения с противником и направился к Хоборгу, чтобы определить свое место и соединиться *с Любеком,* а оттуда возвратиться к Риксгефту. То обстоятельство, что к.-адм. Гопман вышел к 10 час. из Данцига, о чем ему стало известно из сообщения по радио, укрепило его в заключении, что после соединения с *Пр. Адальбертом* и *Пр. Генрихом* отряду следует вновь повернуть на противника. Возникало предложение выслать несколько миноносцев к *Альбатросу* на помощь, но коммодор на это не согласился, потому что из-за скверной видимости они могли попасть в руки неприятеля. Заградитель, по наблюдениям с *Аугсбурга,* а затем с *Любека,* стоял с сильным креном на мели у берега и находился в нейтральных водах. О раненых, повидимому, позаботились, так как на берегу стояло много народа и много шлюпок держалось у борта корабля. Для получения более точных сведений воздушной станции в Либаве было дано приказание по улучшении видимости выслать один из самолетов к *Альбатросу,* другой должен был разведать положение неприятельских крейсеров.

Огонь *Любека* причинил *Рюрику* большие затруднения. Один из залпов лег вплотную у форштевня и бросил так много воды на палубу, что ею были повреждены дальномеры носового поста; кроме того, в носу от попадания снаряда возник пожар. Одна из прицельных труб противоминной артиллерии упала на палубу, и отскочив, ударилась о бронированный борт.

Считали, что всего было не менее 8 попаданий, часть которых причинила потери в личном составе. Когда *Роон* открыл огонь, почти тотчас последовало попадание в кормовую боевую рубку (*Рюрика. — Ред.*), причем были разрушены окружавшие ее надстройки. Более неприятна была неисправность в цепи питания носовой башни, из-за которой вышло из строя одно из 25,4-*см* (10″) орудий, вследствие чего командир был вынужден изменить курс, чтобы ввести в обстрел кормовую башню. Русские приписывали себе значительные успехи: во время боя с *Любеком* в него будто бы попали два залпа, а в *Роон* даже больше; его

огонь будто бы стал менее метким, а в конце боя стреляло даже только одно орудие. *Рюрик* продолжал преследование. Затем, однако, с него заметили перископ, из-за чего на несколько минут был изменен курс. За это время расстояние быстро увеличилось. Погоня все же продолжалась до 11 ч. 50 м. (10 ч. 50 м. по среднему европейскому времени), когда по радио было получено приказание возвратиться.

Бахирев охотно пошел обратно. Повидимому, этому способствовало, кроме большого расхода боевых запасов, предположение о возможности приближения германских подкреплений и опасность от подводных лодок. Г. Граф утверждает, что еще утром, вскоре после начала боя с *Альбатросом,* на *Рюрик* было послано предостерегающее радио: «Подводные лодки между вами и нами». Когда бригада крейсеров после боя с *Рооном* шла на север, около 9 ч. 45 м. на *Макарове,* как и на *Баяне,* была противолодочная тревога и открывался огонь для обстрела перископов. Мы не ошибемся, если припишем эти тревоги действию обманного требования *Альбатроса* о высылке несуществующих подводных лодок.

Для к.-адм. Гопмана сначала все события, развертывавшиеся к востоку от Готланда, были совершенно неясны. Сообщение 2-го флагмана о выполнении минной постановки дошло без искажений. Затем, в 7 ч. 12 м. было принято открытое радио на немецком языке:

> «Броненосным крейсерам и II эскадре. Противник находится в квадрате 003 β. Атаковать, обойти и отрезать!» [1].

Потом следовало приказание *Альбатросу* итти к шведскому берегу. В 7 ч. 48 м. *Роон* сообщал:

> «Место в квадрате 117 α, курс *WNW,* скорость 19 узлов».

После этого Гопман приказал срочно поднимать пары. Благодаря исключительно дружной работе всего личного состава и благоприятному для тревоги времени суток

[1] Радио было дано с *Аугсбурга* по примеру сигнала с *Альбатроса.* Ранее переданные сигналы не были приняты ни одной из данцигских станций.

пр. Адальберт и *пр. Генрих* в 11 ч. вышли из Вислы и 17-узловым ходом пошли в море; их сопровождали всего два миноносца, которые удалось быстро приготовить к походу. Во время похода было дано распоряжение находившимся в порту в Данциге *V-108* и подводной лодке *UA* итти в Либаву для подкрепления находившихся там слабых морских сил. Но они слышали сигналы *Аугсбурга* уже с 10 ч. 30 м. и приступили к срочным приготовлениям к выходу в море.

Едва броненосные крейсера обогнули Хелу, как горизонт видимости уменьшился. Туман, в который 2-й флагман попал у Готланда и о котором сообщали из Либавы, повидимому, стоял над всем Балтийским морем. Сопровождавшие миноносцы приблизились к флагманскому кораблю. Когда через полчаса несколько прояснилось, охранную цепь от подводных лодок не строили, потому что впереди была видна новая густая полоса тумана. Кроме того, корабли шли большим ходом и находились в районе русских минных заграждений, где еще ни разу не появлялись подводные лодки. Но на этот раз одна из них стояла на позиции в 6 милях от Риксгефта. В 13 ч. 57 м. командир *пр. Адальберта* увидел справа в расстоянии только 300—400 *м* пузырь от выстрела торпедой, потом был замечен перископ и след от торпеды, шедшей по направлению к кораблю. Командир дал самый полный ход, но за те 20 секунд, которые торпеде нужны, чтобы пройти малую дистанцию, эта мера ничего не смогла достигнуть. Взрыв пришелся под мостиком, гигантское черное облако газов и угольной пыли окутало броненосный крейсер. Казалось, что в корму попала вторая торпеда, потому что корабль еще раз сильно содрогнулся. К счастью, это не подтвердилось; на шедшем в строе уступа слева *S-139* также отделались таким же испугом, потому что торпеда взорвалась, ударившись о грунт. Некоторые наблюдатели докладывали еще и о третьем следе, но в действительности лодка выпустила только две торпеды.

У *пр. Адальберта* была большая пробоина. Первая кочегарка, помещение бортовых торпедных аппаратов, один погреб боевых запасов и центральный пост тотчас же наполнились водой; 2 унтерофицера и 8 человек команды погибли. Все приборы управления кораблем и приборы

У. А. О. (управления артиллерийским огнем) были выведены из строя, рулевой привод заклинило, ввиду чего пришлось править из румпельного отделения. Пока флагманский корабль под конвоем *S-139* шел по направлению к берегу, чтобы в случае надобности стать на грунт, *S-138* атаковал подводную лодку, открывая огонь по перископу, как только он показывался, и пытался ее протаранить.

Пр. Генрих был отпущен в Данциг без конвоира, и лишь в течение последнего часа его сопровождал *V-108*.

На шканцах *Пр. Адальберта* был найден обломок подогревательного аппарата от английской торпеды со всеми деталями. Но так как в то время, по имевшимся сведениям, *Е-1* стояла в ремонте, атаку могла произвести только *Е-9*. Ее командир вызвал в Ревеле большую радость своим донесением, что он потопил линейный корабль типа *Дёйтшланд*. В действительности он только слышал оба взрыва, потому что наблюдать ему помешал миноносец. Позднее он встретил возвращавшиеся от Готланда три крейсера, но ввиду большого расстояния до них атаковать их не мог (Корбетт). Подводная лодка была выслана в связи с операцией крейсеров 28 июня. Возможно, что внимание неприятеля к этому месту привлек повторявшийся радиотелеграфный вызов маячного корабля для указания входа на фарватер к Риксгефту.

Вход в Нейфарвассер для поврежденного броненосного крейсера был недоступен. Хотя удалось успешно справиться с пробоиной и значительно возросли надежды удержать корабль на плаву, но осадка носом увеличилась до 9 *м*, что было слишком много для входа в Вислу. К.-адм. Гопман решил сначала итти под берегом в Свинемюнде. Сравнительно большую скорость хода в 15, а затем в 12 узлов, которая была нужна, чтобы скорее увеличить расстояние до подводной лодки, длительно держать было невозможно, потому что подпертые переборки и горловины подвергались слишком большим напряжениям. Но все же машины делали количество оборотов, соответствовавшее 10 узлам. Помпы работали полною мощностью, но вода находила все новые пути для проникновения в соседние отделения. К 16 час. корабль принял около 1 200 *т* воды. При проходе мимо Леба работавшей там у неприятельского заграждения *Ин-*

дианоле было приказано поднять свои моторные тральщики и следовать за крейсером. Корабль мог оказаться полезным до прихода вызванных из Свинемюнде буксиров и пароходов с водоотливными средствами; кроме того, его нельзя было оставлять одного в опасном районе.

К вечеру носовая часть крейсера настолько погрузилась, что полубак ушел под воду и его срезы работали как рули глубины. Помещение носовых торпедных аппаратов наполнилось водой, так же как и носовой погреб 21-*см* снарядов, средний коридор, а вместе с ними целый ряд малых помещений. В дополнение ко всему перечисленному возник крен, который нужно было выровнять затоплением, но вскоре угольные ямы левого борта наполнились водой, и корабль выровнился сам собою. Теперь корабль имел внутри 1 600 *т* воды. Командир вынужден был предложить флагману прервать поход, чтобы произвести необходимые спасательные работы в условиях стоящего спокойно корабля и попытаться насколько возможно вывести из-под воды верхнюю палубу. В 20 ч. 30 м. у Штольпмюнде был отдан якорь, и в течение всей ночи производились усиленные работы. *Индианола* доставила продовольствие, потому что все помещения крейсера с запасами были под водой и экипажу нечего было есть. Еще чувствительнее был выход из строя расходных и питьевых цистерн с пресной водой; запас котельной воды также сильно уменьшился.

Подъем носовой части не удался в требуемой мере. Поэтому в 4 часа (3.VII) была сделана попытка двигаться дальше задним ходом. Но зарывшийся носом, с осадкой носовой части в 11,5 *м*, крейсер управлялся плохо, а на мелководье совершенно не слушался руля, почему приходилось управляться машинами, а иногда давать передний ход, чтобы притти на курс. При этом левая машина вообще не могла работать, так как ее циркуляционная помпа, откачивавшая воду из носового отсека, давала недостаточное количество воды для охлаждения холодильника. После того как корабль вышел на большие глубины, скорость хода удалось довести до 6 узлов. Прокладку вела *Индианола*; оба миноносца и три малых буксира, пришедших к утру из Свинемюнде, сопровождали броненосный крейсер. Ввиду того, что углубление крейсера ставило под сомнение возмож-

ность входа в Свинемюнде, и желая использовать тихую погоду, командир решил итти непосредственно в Киль. В 13 час. на меридиане Функенгагена (к востоку от Кольберга) был взят курс на Рюген.

В это время навстречу с запада показались два миноносца, высланные для оказания помощи: *S-123* из зундской флотилии и первый из вступавших в состав разведывательных сил Балтийского моря миноносцев новой постройки — *V-99*. На этом быстроходном корабле к.-адм. Гопман отправился в Данциг и вечером поднял свой флаг на *Рооне*. Три возвращавшихся от Эстергарна крейсера вернулись туда же поздно вечером 2 июля, после того, как они с особыми мерами предосторожности прошли мимо Риксгефта.

Работы по борьбе с течью, требовавшие непрерывного участия всего личного состава, продвигались успешно; углубление было постепенно доведено до 11 *м*. Но все-таки корабль принял очень много воды; к вечеру ее было около 2 000 *т* (запас пловучести 2 500 *т*). Скорость могла быть поднята до 8 узлов, но не была использована, так как хотели пройти мимо Арконы только после наступления темноты. Два больших отливных парохода из Кильского порта разошлись с поврежденным кораблем, потому что шли с заходом в Свинемюнде и не имели радиотелеграфа. У Гиедзера, к которому подошли утром 4 июля, временами находил туман; несмотря на это, связь с ведущей *Индианолой* не была прервана, и поход продолжался без особых затруднений. Через боны Кильской гавани командир для лучшего маневрирования прошел передним ходом. В 15 час. корабль стал на бочку. Гр.-адм. пр. Генрих тотчас прибыл на крейсер и выразил командиру и команде свою благодарность.

Спасение корабля с особенно устаревшим делением на отсеки и имевшего столь значительные повреждения в подводной части было очень трудным делом как с точки зрения морской практики, так и техники, и оно стало бы невозможным, если бы этому не сопутствовала продолжительная хорошая погода. Торпеда попала очень неудачно в том смысле, что сразу было затоплено два отделения вместе с главным трюмным постом, вследствие чего стало невозможно пользоваться трюмными магистралями, а впослед-

ствии и средним коридором. Пробоина имела 2 *м* в диаметре, несколько переборок было проломлено. Только броневая палуба и бортовая броня остались почти неповрежденными. В помещении торпедных аппаратов зарядное отделение торпеды, приготовленной к выстрелу, было совершенно разбито, но не взорвалось, что лишний раз доказало безопасность при хранении и доброкачественность наших взрывчатых веществ. Успешная борьба с течью являлась заслугой, главным образом, старшего офицера и старшего инженера-механика, а также аварийной партии. Корабль прошел в общей сложности 295 миль, из которых 240 миль задним ходом.

Незадолго до атаки на *Пр. Адальберт,* 2 июня, из Мемеля пришло известие о мнимом успехе неприятельской подводной лодки. Пароход *Урсула Фишер (Ursula Fischer)* водоизмещением в 1 300 *т*, шедший из Либавы в Данциг с грузом военной добычи и двумя требовавшими ремонта самолетами, 1 июля затонул в 40 минут вследствие подводного взрыва; команда была спасена на шлюпках. Самолеты были спущены на воду и достигли берега. В то время как летчики говорили, что пароход наткнулся на мину, судя по показаниям остальных потерпевших кораблекрушение, можно было считать, что причиной взрыва был выстрел торпедой. Лишь позже, при производстве расследования пришли к заключению, что пароход взорвался все-таки на мине. Он шел по новому, расположенному вне видимости побережья, фарватеру, отклонился с правильного пути и наткнулся на неизвестное до тех пор заграждение, поставленное 26 ноября 1914 г. двумя русскими миноносцами. Неосторожность повлекла за собою не только потерю парохода с грузом, но, ввиду ложного первоначально представления о действительной гибели, вызвала ряд затруднений в вопросах деятельности морских сил.

3 июля утром к.-адм. Гопман по радиотелеграфу приказал 2-му флагману произвести охоту за подводными лодками у Риксгефта и между Мемелем и Паппензе. Первую задачу выполнить не удалось ввиду отсутствия миноносцев для ее проведения, для второй был выслан II дивизион тральщиков. Он выстроился в строй фронта с широкими интервалами и, идя на зигзагообразных курсах, обследовал прибреж-

ный фарватер. После пополнения топлива в Мемеле он 4 июля с рассветом продолжил ту же работу южнее, до Брюстерорта. У Ниддена в 6 ч. 30 м. тральщики *Т-61* и *Т-56* как будто бы видели перископ. Хотя атаковать подводную лодку не удалось, но местонахождение ее подтвердилось сообщением из Роситтена, что один из рыбаков в одну из предыдущих ночей встретился с подводной лодкой, шедшей в надводном положении. Вследствие этого прибрежным фарватером в течение следующих дней пользовались с особыми предосторожностями; вспомогательный заградитель *Дейтшланд* на время дальнейших проходов снабжался сильным конвоем. Воздушная станция в Путциге получила приказание нести охрану фарватера на участке Хела — Риксгефт — Леба, поскольку это позволяли условия погоды, прохождение обучения и боевая готовность самолетов. Из опасений, что подводная лодка могла поставить мины, было приказано обследовать и охранять оба ведших к Либаве фарватера, и в особенности место гибели парохода *Урсула Фишер* частично II дивизионом тральщиков, частично четырьмя сторожевыми кораблями лейт. Вилькенза. Начиная с этого времени, каждую ночь один из сторожевых кораблей ходил по фарватеру между Полангеном и Паппензе. Охрана Зунда была усилена, чтобы воспрепятствовать дальнейшему проникновению английских лодок в Балтийское море.

Из-за подрыва *Пр. Адальберта* исчезла последняя возможность оказания помощи *Альбатросу*, тем более, что затребованная 2-м флагманом воздушная разведка не была выполнена: единственный исправный на либавской станции самолет *55* поднялся вскоре после полудня, как только несколько рассеялся туман, осмотрел побережье Готланда, но *Альбатроса*, к удивлению, не обнаружил. На обратном пути он увидел в 30 милях на *OSO* от Эстергарна большую русскую подводную лодку, на которую безуспешно сбросил две бомбы[1]. Из-за недостатка топлива полет кончился вынужденной посадкой, во время которой были повреждены поплавки; самолет удалось удержать на поверхности ценой мотора, который был снят и выброшен за борт. Аппарат

[1] Подводная лодка *Акула*. — *Н. Н.*

был на следующий день найден и спасен одним из моторных катеров с *Инкулы*. Во время розыска самолета, *V-108*, бывший в охране посланных для этой цели вспомогательных тральщиков, подходил на 20 миль к Эстергарну, но русских не встретил.

Для защиты *Альбатроса* от дальнейших действий русских к Эстергарну была выслана подводная лодка *UA*. Она вышла в море тотчас по прибытии в Либаву утром 3 июля и на следующее утро подошла в подводном положении на дальность видимости к месту посадки (черт. 15). Ей удалось только установить, что *Альбатрос* имеет крен на левый борт, что его корма очень высоко поднялась из воды и что с передней мачты сбита стеньга. Людей на корабле, повидимому, не осталось.

Для зарядки батарей из-за зеркально-гладкого моря пришлось отходить на восток. В 17 ч. 20 м. в небольшом расстоянии стал виден предмет, величину и форму которого было трудно рассмотреть против солнца. Командир повернул на него и погрузился, но когда в перископ ничего рассмотреть не удалось, он всплыл к поверхности, но оставил лодку в позиционном положении. Вскоре был обнаружен перископ быстро приближавшейся подводной лодки[1], командир тотчас всплыл в надводное положение и пустил двигатели внутреннего сгорания для лучшего маневрирования. После выпуска противником торпед, оба их следа были хорошо видны, и лодка легко от них уклонилась; одна из них, выпущенная с расстояния 2 000 *м*, не дошла до кильватерной струи. Несмотря на то, что *UA* оставалась еще около часа на том же месте, ей не представилось случая в свою очередь произвести атаку. Маневр командира был впоследствии отмечен приказом командующего морскими силами. Поздно вечером 5-го *UA*, находясь в 7 милях южнее маяка, обнаружила, что *Альбатрос* охраняется шведскими миноносцами. Один из них прошел со включенными ходовыми огнями через Эстергарн-зунд, осветил заградитель прожектором и повернул обратно к острову, за которым были видны еще два миноносца. 6 июля прошло

[1] Подводная лодка *Акула*. — *Н. Н.*

спокойно, и по заданию вечером того же дня лодка начала возвращение. . . . .

Нужно было показать за границей, что гибель заградителя не поколебала германского господства на Балтийском море. Пр. Генрих приказывал утром 3 июля:

> «Настоятельно необходимо, чтобы не позднее завтрашнего вечера у Эстергарна на расстоянии хорошей видимости показались *Аугсбург* с V-*99* и, если возможно, то и *Бремен* с несколькими миноносцами. Использовать поход для разведки. Только после этого сделать перерыв для отдыха морских сил».

Гопман, получив приказание в Данциге, назначил операцию на следующий день. *Бремен,* пришедший после окончания перестройки рано утром 4-го в Нейфарвассер для службы в Балтийском море, не мог принять участия в операции ввиду недостатка миноносцев; кроме *V-99,* были готовы к выходу в море только *S-141* и *S-142.* На время действий *Аугсбурга* севернее широты Мемеля, для *Роона, Пр. Генриха, Любека* и *Бремена,* стоявших в Данциге, и для *Тетиса* и *S-130,* стоявших в Либаве, была объявлена одночасовая готовность.

Утром 4 июля вышли в море *Аугсбург* и три миноносца. *V-99* шел прямо впереди крейсера, два другие — в обычном строю пеленга на 6 румбов. Выйдя из-за Хелы, отряд пошел зигзагами с резкими изменениями курсов ввиду обнаружения II дивизионом тральщиков подводной лодки у Нидена. На половине пути между Риксгефтом и Хоборгом *V-99* сделал сигнал, что видит мину, а затем сообщил, что не исключена возможность ошибки, но что в стороне под водой был замечен подозрительный предмет. 2-й флагман все-таки приказал *S-141* и *S-142* поставить трал и прошел за ним подозрительный район.

С утра было сравнительно ясно. К полудню стало туманно, о чем коммодор донес Гопману и получил от него приказание возвращаться

> «в случае, если состояние погоды ставит под сомнение продолжение операции».

Хоборг открылся с расстояния 14 миль, но видимость вскоре вновь упала до 3—4 миль и имела, казалось, тен-

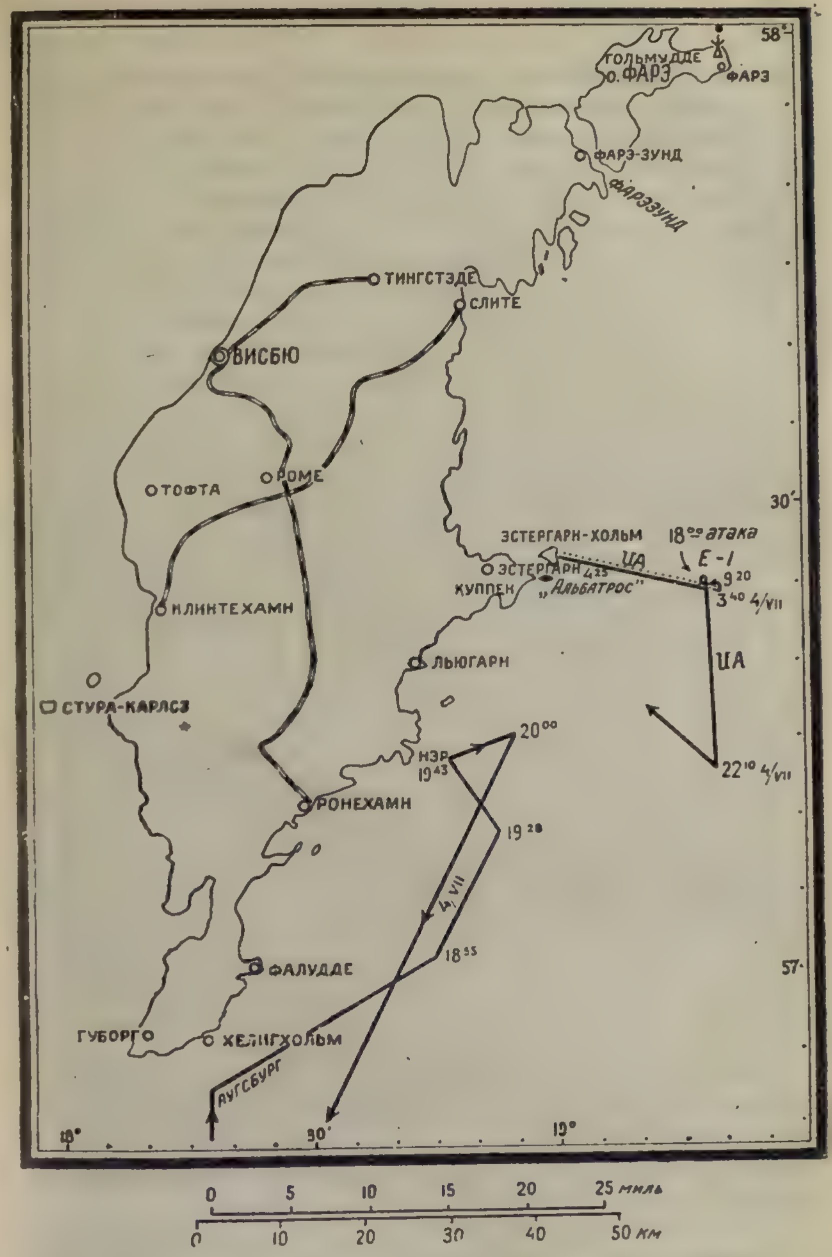
денцию к дальнейшему уменьшению (черт. 15). 2-й флагман, находясь на траверзе Нэр, в 19 ч. 30 м. решил не итти дальше на север. Задача была, очевидно, выполнена, так как *Аугсбург* и миноносцы были замечены с Хоборга, Хелигхольма, Фальуддена и Нэра. С другой стороны, возрастала опасность неожиданно наткнуться на превосходные силы противника или на *UA*, которая ничего не знала о происходящей операции и могла атаковать отряд, приняв его за русский, тем более, что 3-трубный *V-99* был лодке совершенно незнаком. В 20 час. отряд повернул. Вызванное к заграждению маячное судно открылось своевременно, и в 6 час. корабли вошли в Вислу.

У всех возникало предположение, не попали ли крейсера коммодора Карф 2 июля в ловушку; русские могли узнать об операции, а потому выйти в соответствии с полученными сведениями. В то же время с одинаковой вероятностью допускалась возможность и случайной встречи. Командующий морскими силами, кроме того, высказал предположение,

> «что наши операции против Виндавы и у входа в Рижский залив вызвали ответные действия русских в надежде напасть на те или другие малые группы кораблей. Далее возможно также, что предполагалось нападение на Либаву, отмененное ввиду скверной видимости».

Но никто тогда не предполагал, в какой опасности был Мемель.

Действия германского командования в бою не получили полного одобрения. Гр.-адм. пр. Генрих 11 июля представил в морской генеральный штаб исчерпывающий доклад на основании донесения о бое 2-го флагмана и командиров участвовавших крейсеров и миноносцев. Он одобрял план операции, подтверждая, что разделение сил было произведено с его ведома, и при этом отмечал, что к.-адм. Гопман мог бы принять в соображение возможность большей видимости; после случившегося на будущее время нужно было учесть, что служба погоды требует дальнейшего улучшения. Наоборот, гр.-адм. высказывал упрек коммодору Карф, что он, несмотря на туманную погоду, не держал отряд соединенно до наибольшей возможности. Управление в самом бою и поведение отдельных кораблей получили полное

Черт. 15. Походы *Аугсбурга* и *UA* на о. Готланд 4 июля 1915 г.

одобрение. Особенно подчеркивалось стремление сблизиться с врагом и самоотверженная взаимная поддержка кораблей, несмотря на превосходство сил противника. Пр. Генрих выражал полное согласие с решением не посылать миноносцев в атаку. Он снова обращал внимание на ограниченное боевое значение имевшихся миноносцев; *G-135* едва мог дать 20 узлов и вернулся в Данциг всего с 3 *т* угля.

Начальник морского генерального штаба в общем согласился с точкой зрения командующего и подчеркнул слова похвалы, относившиеся к командирам и личному составу. Он был того же мнения, что часть кораблей была слишком рано отпущена в Либаву и что в открытом море следовало проявить больше осторожности. О возможных результатах торпедной атаки у него было другое мнение; он считал, что два миноносца уже подошли на расстояние действительного торпедного выстрела, поворот же русского отряда мог дать *Альбатросу* возможность уйти; но, с другой стороны, он принимал во внимание, что и в этом случае неприятель, вероятно, уничтожил бы заградитель в нейтральных водах Швеции. Адм. Бахман указывал также на то, что *Пр. Адальберт* и *Пр. Генрих* из-за недостатка в миноносцах, «которые, по мнению флагмана разведывательных сил, совершенно необходимы для защиты от подводных лодок», были оставлены в порту. Можно было и впредь, как и до сих пор, считаться с возможностью неприятельских нападений, пока не будет достигнуто получение точных сведений о выходах противника с помощью наблюдения за морем германских кораблей. Кайзер, которому 20 июля делал доклад начальник морского генерального штаба, также потребовал дополнительных донесений от флагманов, участвовавших в операциях, «о причинах, побудивших как в начале операции, так и во время ее проведения отступить от основного принципа — сосредоточения сил».

Командир разведывательных сил в ответ на это распоряжение еще раз обрисовал поставленные его соединению задачи, исполнение которых сильно затруднялось большим возрастом кораблей и изношенностью их материальной части, а также серьезной подводной опасностью.

«Общее ведение морской войны на Балтийском море строится на том предположении, что русский флот обла-

дает очень ограниченной инициативой и дееспособностью. Без этой предпосылки общее превосходство сил русского флота — линейные корабли 4 : 0, броненосные крейсера 5 : 3, 4 бронепалубных крейсера против 3 малых крейсеров, миноносцы около 70 : 12, а в последнее время безусловное преимущество в подводных лодках — заставляет во всякое время ожидать проведения ответных ударов. Успех наших предыдущих операций покоился на бывшей до сих пор верной оценке русского флота, которая, повидимому, должна будет измениться в связи со смертью его командующего и вступлением в строй линейных кораблей типа *Гангут*»[1].

Донесение 2-го флагмана сводилось к аналогичным выводам; он считал, что после прохода широты Эстергарна можно было не ожидать со стороны неприятеля активных выступлений; начиная с этого места, главной задачей являлось обеспечение кораблей от мин заграждения и подводных лодок и благополучное возвращение кораблей в порты. Он основывался на постоянной до сих пор, даже в условиях плохой видимости, практике походов легких сил, действовавших в этом районе без всякой поддержки. Командующий морскими силами 2 августа добавил в пояснение, что соображения, приведшие к разделению сил, должны получить признание, и потому он не считает возможным бросить значительный упрек 2-му флагману. Пр. Генрих предостерегал от того, чтобы на основании только что полученного в отношении русской стратегии опыта производить оценку действий за прошедшее время. Исчерпывающие доклады флагманов Балтийского моря окончательно рассеяли сомнения, возникшие в Берлине и в главной квартире; потеря *Альбатроса* была признана последствием плохой видимости и существовавшей до того времени, однако, вполне обоснованно, недооценки противника.

Высшие инстанции командования, естественно, не могли все правильно понять. Суждения боевых флагманов, изо дня в день сочетавших учения и выводы маневров мирного времени с повседневной действительностью военных действий, были тем правильнее, что в их стремлении к активным дей-

[1] См. примечание к стр. 55. — *Н. Н.*

ствиям не могло быть сомнений. К.-адм. Гопман хорошо понимал сильные и слабые стороны подводных лодок, поэтому он рассуждал совершенно правильно, предлагая ограничить походы кораблей и несение крейсерами дозора в непосредственной близости от опорных пунктов неприятельских подводных лодок, когда был получен отказ на все ходатайства об увеличении числа кораблей для противолодочной охраны. Уже при практиковавшейся до этого времени системе периодических единичных выступлений русские получили, с помощью подводных лодок, радиопеленгования и расшифровки радиопереговоров важные данные о положении германских минных заграждений; поэтому заграждения не оправдали возлагавшихся на них надежд. Туман в одинаковой степени препятствовал обеим сторонам и почти что свел к нулю русскую операцию; и при ясной погоде на рассвете могла произойти такая же неожиданная встреча. Если бы в начале боя была произведена торпедная атака, которая, вероятно, повлекла бы за собой потерю всех миноносцев, она в лучшем случае вынудила бы русскую бригаду к кратковременному повороту, а *Альбатросу* все равно было бы очень трудно спастись. После того как начальник флотилии решил произвести атаку, русская бригада изменила курс и разделилась на две части, вследствие чего и имевшаяся ограниченная возможность атаки больше не представилась. Поэтому *Альбатрос* пал жертвой не тактических ошибок и не плохой видимости, а выхода русского Балтийского флота из его пассивного оборонительного положения. Если бы он при своем превосходстве в числе и силе кораблей так же неожиданно и так же далеко вышел в море, как I бригада крейсеров 1 июля, то его успех был бы настолько же полным, насколько верным.

Лишь благодаря искусному управлению германскими крейсерами и миноносцами, низкой степени обученности русского отряда, а также недостаточному военному опыту русских и их неуверенности в своих силах, германские потери не были более значительными.

Русская бригада крейсеров вернулась домой, не достигнув поставленной ей цели: Мемель остался необстрелянным, и 2-й флагман с боем пробился к своим базам. Русские не повторили набега, и стратегическое положение не изменилось.

После того как *Альбатрос* утром 2 июля выбросился на берег полуострова Куппен у Эстергарна, в первую очередь нужно было оказать помощь многочисленным раненым (см. выше черт. 15). Судовой лазарет был разрушен прямым попаданием через полчаса после начала боя, врач был смертельно ранен на мостике во время перевязки старшего артиллериста, у которого была оторвана рука. Командир приказал поднять сигнал по международному своду:

«Имею срочную надобность во врачебной помощи» —

и решил передать тяжело раненых на берег. Высадка со шлюпок на открытом каменистом побережье была очень затруднительна. Сельские жители и шведские власти охотно пошли навстречу, но врачи должны были быть вызваны из Висбю и Льюгарна.

В полдень прибыли два представителя военного губернатора острова и объявили от имени шведского правительства, что экипаж должен быть интернирован. Убитых надлежало свезти на берег для погребения вечером того же дня. Раненые должны были быть насколько возможно скорее перевезены в местечко Рома, куда должны были отправиться также командир и часть офицеров. Команда должна была провести ночь у Эстергарна на побережье и на следующее утро походным порядком следовать в Рома. На корабле могла быть оставлена лишь небольшая часть команды для караульной службы.

Надежды на улучшение положения почти не было. Русские сначала крейсеровали севернее и восточнее *Альбатроса*. Затем на короткое время с юга показался *Аугсбург* и передал сигнал:

«Приду за вами позднее»,

после чего были сделаны все приготовления для спешного съезда с корабля. Но канонада, указывавшая на продолжение боя, давно смолкла, и прошло несколько часов с того момента, как германские крейсера полным ходом скрылись на юг. *Альбатрос* представлял собой корабль, потерпевший кораблекрушение, и командир и офицеры были уверены, что он потерял способность держаться на воде. Сразу после посадки крен стал увеличиваться, почему пришлось затопить правое машинное отделение, чтобы не

дать кораблю перевернуться. Однако, при наступавшей свежей погоде кораблю угрожала серьезная опасность.

При создавшемся положении командиру оставалось лишь подчиниться, после того как, по его настоянию, ему было подтверждено, что корабль со всем находившимся на нем имуществом и инвентарем является и остается собственностью германского государства. Флаг и вымпел были спущены, убитых передали на берег, после чего приступили к высадке команды. Все обмундирование и собственные вещи были захвачены с собой с помощью шведских рыбаков, потому что изо всех шлюпок остался в исправности только один катер. Вечером было произведено торжественное погребение убитых в общей могиле около церкви в Эстергарне. Кроме команды, в нем приняло участие большое количество жителей, украсивших могилу цветами. Шведские воинские части выстроились шпалерами и произвели погребальный салют. После церемонии погребения с кратким словом выступили командир и германский консул в Висбю. После того как командир поблагодарил представителей шведских властей, он передал им свое оружие и на автомобиле уехал в Рома. Команда отправилась туда же на следующий день и была размещена в домах для рабочих бездействовавшей сахарной фабрики. Двое раненых, в том числе и судовой врач, умерли по дороге и были похоронены на следующий день с воинскими почестями. Остальные, благодаря отличному уходу медицинского персонала лазарета в Рома, все поправились. По требованию шведского правительства, утром 5 июля была снята с корабля германская команда, так как охрану принял шведский пехотный караул и, кроме того, пребывание на корабле сделалось невозможным.

То обстоятельство, что русские пренебрегли нейтральными территориальными водами, привлекло большое внимание шведского общественного мнения; после того как выяснилось, что бой продолжался вопреки международному праву в территориальных водах и снаряды только несколько сот метров не долетали до побережья и лишь случайно не было падений и на нем, пресса стала требовать удовлетворения. Сторож маяка с острова Эстергарн-хольм вынужден был с семейством укрыться в лощине, потому что много снаря-

дов пролетало над островом. Правительство поручило своему послу в Петербурге выразить энергичный протест, что и было исполнено 3 июля. Русские ответили немедленно, что по донесению флагмана случай мог произойти только по причине стоявшего тумана, препятствовавшего точному регулированию стрельбы, что имела место невнимательность и что флагманам даны определенные указания удвоить бдительность, дабы избежать впредь возможности повторения подобных случаев. Русское правительство выражало свое искреннее сожаление и заверяло в своем твердом решении безусловно соблюдать шведский нейтралитет. Явно прикрашенное изложение фактов было принято едва ли без возражений, но ввиду прямых извинений ответом удовольствовались.

В Берлине не хотели примириться с тем, что потерпевший корабль был без всяких околичностей интернирован. Согласно XIII Гаагской конвенции[1] корабли воюющих стран имеют право оставаться в нейтральных водах 24 часа, а в случае аварии — впредь до восстановления своей мореходности. В силу этого *Альбатрос* ни в коем случае не подлежал интернированию, поскольку он мог быть снят с мели и отремонтирован. Поэтому 4 июля морскому атташе в Швеции было приказано обследовать состояние *Альбатроса* и спешно донести. Осмотр состоялся 6 июля в присутствии 1-го офицера корабля и представителя спасательной компании. Результаты были положительные:

> «Спасение возможно и целесообразно. Морской министр согласен, если спасательная компания будет шведская. Приступать нужно срочно, место посадки открыто для волны от *NO* до *SW*».

Правда, корабль получил много серьезных попаданий, но после того как теперь были удалены крупнейшие следы боя, получалось впечатление, что в основном корпус сохранился; нижние палубы в общем были в порядке. Обследование подводных пробоин водолазами предстояло еще произвести, но значительных повреждений днища было трудно ожидать, так как корабль сидел на ровной известковой скале. Атта-

[1] XIII Гаагская конвенция 1907 г. О правах и обязанностях нейтральных держав при морской войне. — *Прим. ред.*

ше после осмотра *Альбатроса* вынужден был для сообщения указанных сведений вернуться в Стокгольм, потому что с Готланда ему не позволили послать шифрованной телеграммы.

Германское правительство решило потребовать освобождения корабля и его команды. Хотя и не хотелось доставлять неприятностей стране, население которой только что во время приема команды *Альбатроса* проявило свою симпатию к Германии, но ввиду не считавшегося ни с чем использования Антантой международного права в своих целях и его нарушения ею, не было никаких оснований отказываться от защиты своих интересов. Швеция требование отклонила, приведя среди других доводов указание, что корабль не был в состоянии выйти в море в продолжение 24 часов и что командир ничего не имел возразить против разоружения и интернирования; кроме того, и остальные германские учреждения, повидимому, мирились с создавшимся положением, так как только через 13 дней сделали соответствующее представление.

На это Германия возразила, что раз корабль потерял способность к выходу в море из-за нарушения международного права противником, продолжавшим бой в нейтральных водах, то он должен пользоваться правом убежища. Командир был поставлен перед необходимостью выбора либо покинуть территориальные воды, либо согласиться на интернирование. Вина в задержке протеста ложится на шведские власти, поставившие ряд препятствий для телеграфных сношений между кораблем и его государством. В течение зимы произошел еще раз обмен нотами. Германия настаивала на своем толковании международного права, но в конце концов уступила в интересах сохранения хороших отношений со Швецией. *Альбатрос* был снят с мели 23 июля шведской спасательной компанией «Нептун» после заделки подводных пробоин и выгрузки 180 *т* угля. Сначала он был отбуксирован в Фарэ-зунд, но оставить его там на зимовку было невозможно; якорное место было открыто с двух сторон, возможное крепление канатов и бриделей не обеспечивало надежной стоянки при всех ветрах, многочисленные пробоины верхней палубы еще не были заделаны. Германская команда, назначенная для обслуживания корабля,

ввиду трудности сообщения и снабжения состояла всего из нескольких человек. Переговоры со шведским правительством привели в конце концов к тому, что корабль в последних числах сентября был переведен в Оскарсхамн (в Кальмарзунде), где имелся док. Количество команды на корабле было разрешено довести до 30 человек, а 7 октября 1-й офицер снова поднял флаг и вымпел. В то же время с корабля был свезен шведский караул, и охрана корабля производилась стоявшим в гавани миноносцем. К началу февраля 1916 г. восстановление корабля настолько продвинулось, что все жилые помещения снова могли быть использованы для жилья, вследствие чего был возбужден вопрос о возвращении на корабль всей команды, которая к этому времени была переведена в лагери Тофта в 20 *км* южнее Висбю. Но Швеция не согласилась, ссылаясь на то, что будет затруднено несение охраны[1].

После ратификации германо-русского мирного договора, в мае 1918 г. снова было предъявлено требование об отпуске корабля и его команды. Шведское правительство стало, однако, на ту точку зрения, что все военные силы союзников представляли единую армию и единый флот, почему сепаратный мир одного из них не меняет обстановки в смысле соблюдения нейтралитета по отношению к продолжающим военные действия. Даже когда были даны гарантии, что *Альбатрос* до заключения всеобщего мира не будет использован вне Балтийского моря, переговоры не имели ожидаемого успеха. Корабль возвратился, наконец, из Карльскроны в Германию к наступлению нового 1919 г. и был поставлен в Данциге.

---

[1] Это произошло ввиду двух неудачных попыток к бегству. Так как беглецы были осуждены шведским военным судом к нескольким месяцам тюремного заключения, то германское правительство заявило протест на основании гаагских правил ведения сухопутной войны (IV Гаагская конвенция 1907 г. О законах и обычаях сухопутной войны), и шведская сторона должна была признать, что в таких случаях может быть применено лишь дисциплинарное взыскание.

Глава VIII

ПЕРЕВОД IV ЭСКАДРЫ В БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ. ВСЯ КУРЛЯНДИЯ ПОПАДАЕТ В РУКИ ГЕРМАНИИ

Все внимательно следили за продвижением армии. Бои сначала разыгрывались внутри страны, но было очевидно, что при дальнейшем движении левый фланг выйдет к Рижскому заливу, так как в районе Курляндии специально формировалась Неманская армия.

В середине июня от верховного командования армией пришло уведомление, что продвижение по направлению к Риге находится в пределах возможностей армии и что при этом потребуется поддержка флота. Ввиду этого проводившаяся подготовка заграждения минами входа в Рижский залив была тотчас прекращена. Три поставленных минных поля не могли помешать проникновению в залив, но, в случае если были правильны наблюдения *Тетиса* в ночь с 3 на 4 июня, препятствием оказались бы неприятельские заграждения. Поэтому предстояла длительная предварительная работа, прежде чем большие корабли могли бы показаться в непосредственной близости к Риге. Предполагалось заградить вход в Моонзунд, чтобы для наблюдения за ним возможно было ограничиться выделением небольшого количества кораблей. «Обеспечение свободы прохода мимо банки Березина (в Ирбенском проливе) требует, повидимому, наличия эскадры линейных кораблей, причем к северу в этом случае нужно будет выдвинуть завесу из крейсеров и миноносцев. Ввиду того, что в Рижском заливе будет занята главная часть разведывательных сил Балтийского моря, потребуется переброска значительных подкреплений из Северного моря». В то же время был поставлен вопрос о за-

граждении северного выхода из Моонзунда минами с целью отрезать отступление русским кораблям, находившимся в Рижском заливе[1].

Пр. Генрих тотчас обратился в главную квартиру восточного фронта за получением более точных сведений о времени и характере необходимого содействия флота. Ответ, полученный им 27 июня, был уже гораздо определеннее: в первой половине июля предполагалось наступление на Митаву, с которым желательно было совместить демонстрацию морских сил у Виндавы; вопрос о возможности продолжать наступление до Риги оставался открытым. Уже в тот же день Неманская армия потребовала разрушения Виндавского вокзала, после чего она значительно быстрее продолжала свое наступление. Ввиду того, что русские миноносцы, с которыми имел бой *Любек*, избегали активных действий, пр. Генрих сообщил 1 июля указание:

> «ввиду увеличения сил *Бременом, V-99, U-26* и еще одной подводной лодкой, считаю набег в Рижский залив... с целью глубокой разведки и заграждения выхода из Моонзунда — выполнимым в течение одного дня и целесообразным, в случае если условия видимости позволят ограничить поддержку у Виндавы незначительными силами...»

Но через несколько дней обстановка коренным образом изменилась. Русские броненосные крейсера вынудили *Альбатрос* выброситься на берег, а *Пр. Адальберт* вышел из строя на несколько месяцев. На широте Эстергарна оперировал *Рюрик*, который превосходил по силе каждый из германских крейсеров. Командующий снова обратился за помощью к Флоту открытого моря, несмотря на то, что лишь за несколько недель до этого ему было указано, что более или менее длительное откомандирование в Балтику соединений Северного моря, в связи с действиями против Англии, должно быть избегнуто. Он сообщил, что для разрешения разнообразных задач, поставленных морским силам Балтийского моря, наличных сил недостаточно, и предлагал предоставить IV эскадру, одну флотилию миноносцев

[1] Эти соображения командующего морскими силами были направлены 23 июня командиру разведывательных сил Балтийского моря на отзыв.

и две подводных лодки, кроме того замену для *U-26* на время ее ремонта, а также спешно передать обещанные подводные лодки типа «UC».

Предложение в основном было выполнено. По приказу кайзера от 4 июля, было указано временно передать IV эскадру, одну флотилию миноносцев с большим радиусом действия и две подводных лодки. Необходимость этого мероприятия адм. Бахман обосновывал гр.-адм. Тирпицу следующими соображениями:

> «Морские силы Балтийского моря, после выхода из строя *Пр. Адальберта* и имеющей большое моральное значение потери *Альбатроса,* нужно усилить настолько, чтобы они могли продолжать проводить прежнюю линию ведения войны, имеющую целью отбить у русских охоту к активным действиям в наших водах и при этом достичь возможно больших успехов».

Министр, не принимавший участия в решении этого вопроса, считал себя обязанным высказать свои соображения и после выхода приказа: корабли IV эскадры очень чувствительны к подводным пробоинам и значительно уступают в скорости неприятельским броненосным крейсерам, почему было бы лучше вместо них перевести в Балтийское море один линейный крейсер. Начальник морского генерального штаба вполне соглашался с надобностью в Балтийском море в корабле этого класса, но отказывался взять с главного театра ценную боевую единицу ввиду того, что

> «Затяжной характер военных действий против России легко может потребовать окончательного оставления в Балтийском море части или всех высланных туда теперь подкреплений».

Выше уже было упомянуто, что морской генеральный штаб выразил свое согласие на перевод в Либаву двух линейных кораблей типа *Бранденбург*. В то же время было поставлено условие, что при пополнении их личным составом перевод ни в коем случае не должен повредить другим интересам флота. Усилиями командования Кильской морской станции корабли удалось привести в готовность к выходу в море, и через несколько дней они должны были итти на восток. Кроме этого, была сформирована полуфлотилия

сторожевых кораблей Балтийского моря. После того как все старания получить еще одну флотилию миноносцев для охраны побережья окончились неудачей, пр. Генрих решился на ослабление сторожевой службы в западной части Балтийского моря для развития за счет этого средств борьбы с подводными лодками в восточной его части. Восемь сторожевых кораблей из Варнемюнде под командой начальника полуфлотилии были переведены в Либаву, и флотилия их была к началу августа доведена до двенадцати кораблей путем присоединения к ней рыбачьих судов. Взамен них на запад были переведены четыре менее мореходных и хуже вооруженных сторожевых корабля из Мемеля.

Но командование передовыми силами в своих требованиях шло все дальше. Когда к.-адм. Гопман узнал о переводе IV эскадры, он указал, что требуется добавление не одной, а двух флотилий миноносцев. Затем он обратился к командующему с просьбой о сформировании группы кораблей-прорывателей заграждений (Sperrbrechergruppe). В качестве непосредственной охраны для больших кораблей в то время мог быть использован только II дивизион тральщиков; установка же тральных приспособлений на миноносцы X флотилии, а также обучение их тралению потребовали бы еще много времени. Пр. Генрих считал оба требования неисполнимыми, но поддержал последнее из них перед морским генеральным штабом. Адм. Бахман принял к сведению приведенные доводы и после того как морское министерство вновь подтвердило, что в данное время ввиду недостатка в соответствующих кораблях и в личном составе оборудование новых прорывателей заграждений выполнено быть не может, получил согласие командующего Флотом открытого моря на предоставление во временное пользование в Балтийское море одной из имевшихся в его распоряжении групп.

Утром 5 июля пришли в Киль по Кильскому каналу IV эскадра и VIII флотилия миноносцев. Гр.-адм. пр. Генрих вызвал командира в.-адм. Шмидта и поручил ему ведение операций в восточной части Балтийского моря[1]. Все силы

[1] Результаты этого обсуждения нашли свое отражение в двух приказах (от 7 и 8 июля), главнейшие пункты которых будут приведены дальше.

переходили в его подчинение. Но ввиду того, что перевод кораблей и соединений из Северного моря был лишь временным, существовавшая организация разведывательных сил Балтийского моря была оставлена без изменений. Несмотря на это, броненосные крейсера *Роон* и *Пр. Генрих* были в виде исключения сведены в одну группу с имевшими одинаковую с ними скорость хода линейными кораблями типа *Брауншвейг*[1].

«Назначение группы пяти линейных кораблей типа *Виттельсбах* будет служить исключительно поддержкой».

Вопросы базирования были значительно менее острыми, чем в середине мая, когда та же эскадра некоторое время оперировала в Балтийском море: кроме Свинемюнде, теперь были оборудованы места стоянки в Нейфарвассере и в Данциге, достаточные и для линейных кораблей и для броненосных крейсеров; возможность входа и выхода была вполне обеспечена во всякое время, за исключением случая чрезвычайно низкого уровня воды. В скором времени корабли могли рассчитывать на перенос базы в Либаву. Командующий морскими силами выражал желание, чтобы главная часть сил была переведена туда.

В основание плана дальнейших действий были положены: весенняя памятная записка, директива 22 апреля и приказ от 15 июня[2]. В связи с новыми задачами в отношении Рижского залива, пр. Генрих, сославшись на свои последние распоряжения командиру разведывательных сил, которые полностью подтвердил, потребовал представления со-

---

[1] Состав сил, переданных из Флота открытого моря:

IV эскадра:

Командир эскадры: в.-адм. Шмидт, 2-й флагман: к.-адм. Альбертс.

Виттельсбах (Wittelsbach) (флагм. корабль), *Веттин (Wettin)*, *Мекленбург (Mecklenburg)*, *Швабен (Schwaben)* (2-й флагман), *Церинген (Zähringen)*, *Эльзас (Elsass)*, *Брауншвейг (Braunschweig)*.

VIII флотилия миноносцев, начальник кап. 2 р. Хундертмарк на *S-178*.

15-я полуфлотилия миноносцев (кап.-лейт. Ледебоер): *V-185, V-182, V-181, V-183* и *V-184*.

16-я полуфлотилия миноносцев (кап. 2 р. Штегеман): *S-176, S-179, V-180, G-175* и *S-177*.

[2] См. стр. 55, 148 и 216.

ображений, указывая на необходимость по мере возможности следовать за продвижениями армии и оказывать ей содействие по ее требованиям.

«Создается впечатление, что выступление русских главных и легких морских сил за последнее время имело целью облегчение положения в районе Виндавы и у Ирбенского пролива; если такие операции повторятся, то нам надлежит их использовать».

Операции в районе Аландских о-вов и Ботнического залива в ближайшее время не должны были предприниматься; также в течение периода белых ночей подводные лодки не должны были высылаться в Финский залив. Особое внимание командира эскадры обращалось на воздушную разведку:

«Не должно быть допущено, чтобы все 15 самолетов[1] одновременно не были готовы к использованию. Чисто разведывательные операции самолетов и использование последних для борьбы с подводными лодками должны быть согласованы. Известны очень большие успехи самолетов против подводных лодок в Северном море».

Служба тральщиков в смысле порядка работ по тралению и уничтожению заграждений должна была быть более однообразно организована и обеспечена единым руководством. Одной из главных задач признавалось очищение от мин района у Леба, особенно опасного для судоходства ввиду большого количества сорванных и плававших там мин. Кроме этого, надлежало проложить новые фарватеры, по возможности через неприятельские заграждения, чтобы затруднить действия подводных лодок противника. В заключение пр. Генрих предупреждал о возможности русского шпионажа и подчеркивал значение объявленного незадолго до того ограничения рыбной ловли. На время пребывания эскадры в Балтийском море он усилил штаб ее начальника своими 1-м и 2-м офицерами морского генерального штаба.

7 июля в полдень IV эскадра и VIII флотилия по обыч-

[1] В это число входили самолеты, находившиеся в Либаве, вновь построенные, хотя доставленные, но не вполне готовые к использованию, переданные для ремонта в Данциг, а также учебные и опытные самолеты в Путциге.

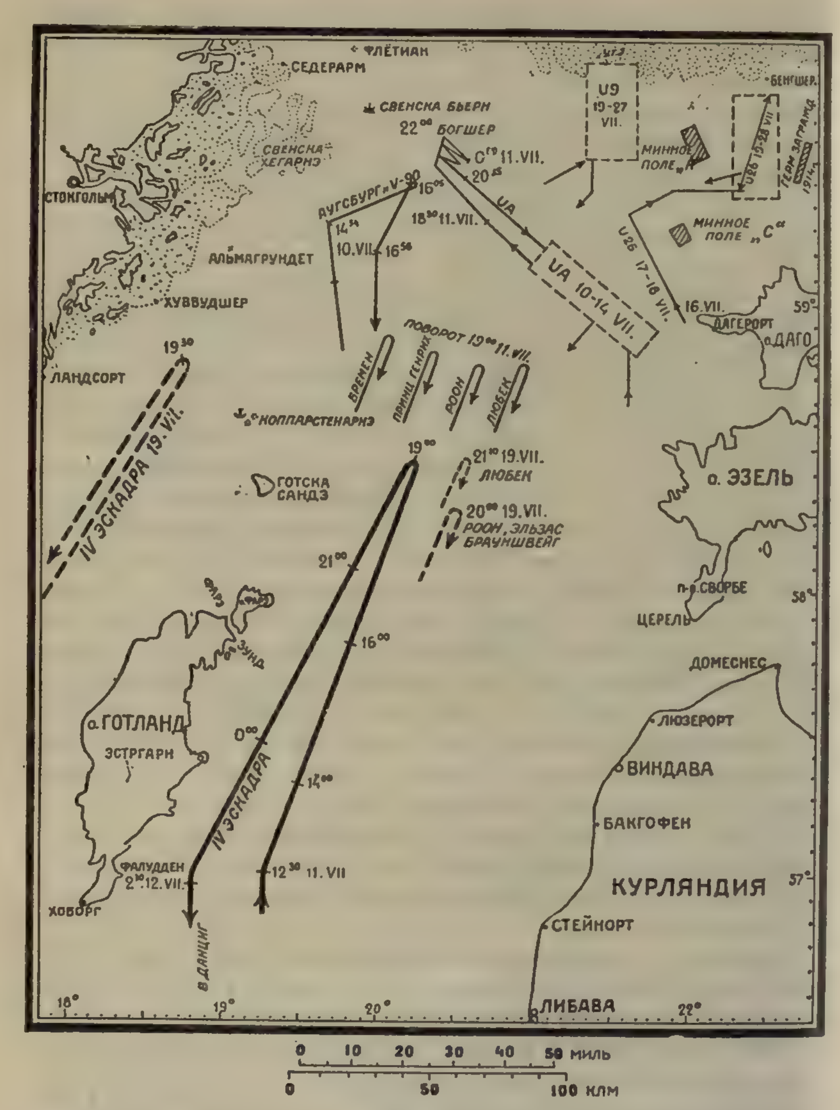
ному пути вышли из Киля в Данциг; миноносцы днем выстраивались для охраны от подводных лодок. Затребованная воздушная разведка фарватера от Стило мимо Риксгефта к Хела не могла быть произведена ввиду грозовой погоды, но, несмотря на это, корабли благополучно прибыли в 20 час. в Нейфарвассер. Вход кораблей и швартовка их ввиду узкости углубленного фарватера заняли три часа. *Виттельсбах* и *Швабен* ошвартовались у Хольма в Данциге. Таким образом, линейные корабли в первый раз вошли в Вислу. В.-адм. Шмидт вступил в командование соединенными силами. Гопман, ожидавший совместно со 2-м флагманом в Данциге его прибытия, доложил о готовности своего отряда за исключением некоторых миноносцев и сторожевых кораблей. *Беовульф,* передача которого в состав морских сил Балтийского моря из кратковременной превратилась в длительную, нуждался в капитальном ремонте котлов (смена трубок) и был оставлен в Либаве впредь до прибытия двух кораблей типа *Бранденбург.* Находившийся в Либаве *Тетис* нужно было при первой возможности отпустить для малого ремонта. Гопман получил приказание перейти с броненосными крейсерами в Либаву, которая в ближайшем будущем должна была служить для него базой, и принять меры, чтобы как можно скорее туда же могли перейти и линейные корабли.

Крейсера *Любек* и *Бремен, V-99* и четыре миноносца были уже на пути в Либаву, выполняя при этом предписанную пр. Генрихом операцию: *Любек* должен был показаться у Эстергарна под прикрытием *Бремена,* державшегося к западу от Хоборга, после чего они должны были совместно итти в Либаву по фарватеру, проходившему по параллели 56° сев. широты. Так же как и 4 июля, находившимся в порту кораблям была назначена одночасовая готовность. Группа вышла в море 7-го вечером, но, не доходя до Готланда, попала в сильную грозу, вскоре затем перешедшую в длительный дождь. Ввиду того, что видимость не превышала 2—3 миль, поход, согласно приказу, был прерван. При входе в либавский аванпорт *Любек* слегка коснулся грунта из-за перестановки ограждения после землечерпания, о котором крейсера не были извещены. *Тетис* был затем послан для ремонта в Данциг.

В.-адм. Шмидт тотчас приступил к выполнению наблюдения за Финским заливом (черт. 16). В полдень 9 июля подводная лодка *UA* вышла из Либавы, направляясь в район к западу от германских минных полей. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера должен был итти впереди нее с поставленными тралами, потому что фарватер у Стейнорта не был безопасен в смысле мин. Как в ночь с 5 на 6 июля, так и 7 июля сторожевые корабли видели в северном направлении дымы, которые, повидимому, принадлежали неприятельским миноносцам. Начальник флотилии попробовал итти курсом *W* из среднего входа в гавань и благополучно вышел в море.

В тот же день вечером *Аугсбург,* в кильватер за ним *Роон* и *Пр. Генрих,* в сопровождении 15-й полуфлотилии вышли из Данцига в Либаву и дальше, для похода к Богшеру, с целью выяснения, производит ли неприятель работы на заграждениях. Утром 10 июля южнее Либавы к ним присоединился *V-99,* после чего 2-й флагман направился на северо-запад, прошел между Фарэ и Готска-Сандэ в расстоянии 20 миль от того и другого пункта и к 15 час. увидел Свенска-Хегарнэ. Несмотря на свежий западный ветер, он держал сравнительно большой ход, сначала — 17, а затем 20 узлов, причем *V-99* шел впереди отряда зигзагообразными курсами. Через час отряд был в 8 милях на *SSW* от Богшера. Отсюда можно было осмотреть район последних постановок *Альбатроса;* в море не было никого, за исключением нескольких парусников у шведского побережья. *Аугсбург,* определившись по огням маяков Фарэ и Эстергарн-хольм, повернул обратно к Либаве, куда и пришел с юга мимо Бернатена ввиду ненадежности остальных фарватеров.

Командир эскадры после этого вышел с линейными кораблями в водный район к северу от Готланда. Главные силы в составе 7 линейных кораблей и 10 миноносцев 16-й и 19-й полуфлотилий вышли в море вечером 10 июля. Выход занял значительно больше времени, чем предполагалось; стоявший ближайшим к выходу линейный корабль снялся в 18 ч. 30 м., а флагманский корабль прошел мимо головы мола только в 22 час. Идя по углубленной части фарватера, он стал на грунт недалеко от входной бочки; на его съемку

Черт. 16. Наблюдение за Финским заливом в середине июля 1915 г.

потребовалось еще около одного часа времени и лишь после этого был начат поход. *Виттельсбах* снялся собственными силами и вскоре догнал эскадру; в.-адм. Шмидт, который ночью перешел на *Брауншвейг*, к утру снова перенес флаг на *Виттельсбах*. Он пошел по новому фарватеру, проложенному от Брюстерорта на *NNW* длиной в 50 миль, и пришел в исходный пункт операции, назначенный в 25 милях восточнее Фальуддена в полдень 11 июля. Разведывательные силы Балтийского моря, вышедшие из Либавы по пути мимо Бернатена и по параллели 56° сев. шир., ждали в 25 милях на *NNO* от этой точки и выстроили впереди главных сил дозорную линию. *Роон* и *Пр. Генрих*, каждый с 2 миноносцами, шли в середине, *Любек* и *Бремен*, с одним миноносцем у каждого, занимали несколько выдвинутое относительно них положение на обоих флангах.

Когда в 19 час. главные силы пересекли широту Готска-Сандэ, а крейсера находились соответственно севернее, было начато возвращение; неприятеля никто не видел. По плану похода возвращение было назначено в 20 ч. 30 м., но вскоре после полудня от командующего была получена радиотелеграмма, вынуждавшая командира эскадры повернуть обратно раньше времени. IV эскадра прошла мимо Эстергарна и Риксгефта в Данциг, куда и пришла на следующий день после полудня. В.-адм. Шмидт перешел на рассвете 12 июля на *V-99* и отправился для переговоров с губернатором Либавы; после полудня он пошел дальше в Данциг. Крейсера дозорной линии, повернув также в 19 час., собрались с наступлением темноты и совместно с присоединившимся к ним *Эльзасом*, определив свое место по Фарэ, пошли обратно в Либаву по тому же фарватеру, по которому вышли. *Эльзас* попробовал войти в гавань, что ему удалось; но его командир все же советовал не пользоваться гаванью до углубления, расширения до надлежащих размеров и хорошей обстановки входа, а также пока наружный фарватер не будет лучше охраняться от подводных лодок. В.-адм. Шмидт убедился, что Либава впредь до этого не могла считаться надежным опорным пунктом для всего состава морских сил.

Вскоре после этого в Либаву прибыл командир V эскадры к.-адм. Бегас, всецело посвятивший себя руководству спеш-

ным восстановлением и оборудованием порта. *Бранденбург* и *Вёрт* получили 1 июля приказание приступить к приведению себя в боевую готовность. Команда была на время похода увеличена с 320 до 380 человек. Утром 10 июля корабли вышли из Кильской гавани в сопровождении вспомогательного заградителя *Рюген (Rügen)*, который имел груз мин в Данциг. Начиная с Фемарн-Бельта, 4 миноносца 7-й полуфлотилии выстроились в охранение от подводных лодок; на следующий день у Стило они были сменены миноносцами 20-й полуфлотилии. Предположенный заход в Данциг для пополнения запасов был с целью экономии времени отменен, и отряд утром 12 июля вошел в Либаву. Флагманский корабль *Вёрт* получил постоянное место к востоку от северного входа, *Бранденбург* — поблизости от среднего входа; оба были поставлены на якоря параллельно молам.

Корабли не перешли под команду пр. Генриха, а остались в подчинении у начальника морских станций Балтийского моря адм. Ингеноля, которому V эскадра была передана еще со времени отозвания ее из Северного моря.

Это было сделано для разгрузки командующего действующими силами (Frontbefehlshaber) и с целью объединения руководства всеми портовыми учреждениями в Либаве. Деятельность капитана порта, складов, ремонтных мастерских и службы наблюдения и связи была объединена под руководством командующего морской станции, к кругу ведения которого все это относилось. Тем самым Либава была фактически включена в сеть морских опорных пунктов на Балтийском море, хотя и без официального оформления. Морское министерство приказало:

> «Восстановление гавани, как опорного пункта в качестве военно-морского порта, в настоящее время не предполагается. Либава должна иметь только пункт для пополнения запасов и сигнальную станцию так же, как это имеет место во всех приморских крепостях (например, Свинемюнде)».

К.-адм. Бегас не получил поэтому, как это ранее предполагалось, звания командира военного порта, а остался в прежней должности и, кроме того, назывался «старшим морским начальником в Либаве». Его главной задачей были

защита крепости с моря. Кроме того, на нем лежали все обязанности капитана порта. С приходом кораблей из Северного моря потребности в буксирных средствах, в якорных местах и в местах для швартовки, а также в обеспечении топливом и материалами линейных кораблей, крейсеров, миноносцев и подводных лодок возросли до огромных размеров. Тем важнее становилась забота о более тесной связи с учреждениями и должностными лицами армии. Стоявшие в порту корабли сохраняли свою обычную подчиненность, но командующий морскими силами и начальник морских станций пришли к соглашению, что в случае военной угрозы для гавани корабли могли быть приведены к ее обороне, если прямыми начальниками на них не было возложено выполнение других заданий. Подобным же образом проведение мероприятий на случай необходимости отступления из Либавы было отнесено к совместным действиям флагманов, командовавших в Либаве и на море. Использование самолетов было предоставлено в распоряжение флагмана разведывательных сил Балтийского моря, но при этом обычные дальние полеты должны были служить также и для местной разведки. Старшему морскому начальнику в Либаве было предоставлено право требовать воздушную разведку лишь в исключительных случаях.

11 июля после полудня на флагманском линейном корабле была получена от командующего морскими силами радиограмма, гласившая:

> «Высшее командование армии предполагает с 14 июля начать наступление. Большая часть либавского гарнизона временно выйдет из крепости. К вечеру 13 июля морские силы в Либаве должны быть настолько увеличены, чтобы крепость была обеспечена с моря. По соглашению с либавским губернатором, начиная с 14-го, беспокоить побережье в районе Виндавы обстрелами и демонстрациями. По возможности ввести в обман неприятеля ложными высадками десанта, но высадок не производить».

К этому требованию, исходившему из главной квартиры восточного фронта, губернатор устно добавил, что он, командуя сам левым флангом, намерен сначала занять берег реки Виндавы, 15-го занять Гольдинген, 16-го выслать по

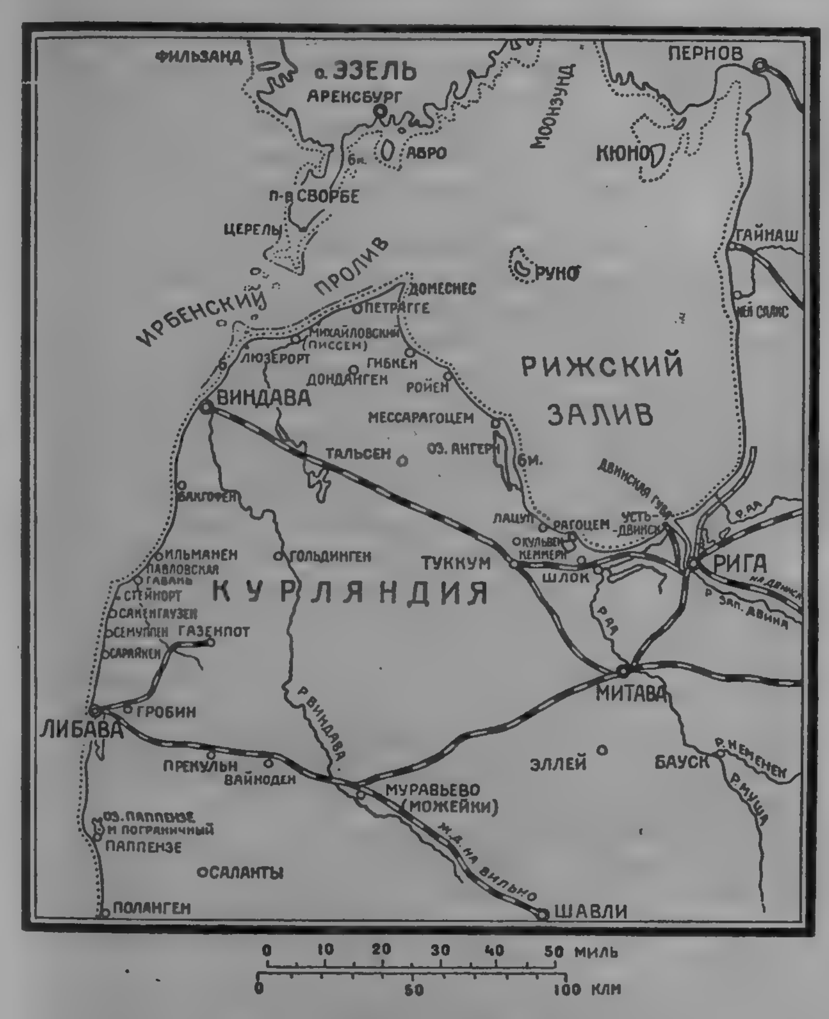
направлению на Туккум кавалерию, чтобы с ее помощью разрушить, ориентировочно 17-го, железнодорожную линию Виндава — Рига (черт. 17). Этим он надеялся отрезать рассеянные в северной части Курляндии отдельные отряды противника. Обстрел железнодорожных сооружений Виндавы с моря не следовало начинать до 17 июля, чтобы этим не вызвать преждевременного отступления русских к Риге. О ложных высадках губернатор почти не упоминал.

Таким образом, недавно ожидавшееся большое наступление Неманской армии ген. Белова для занятия всей Курляндии — началось. Главной его целью, повидимому, было заставить русскую армию откатиться по направлению к Ковно. В дальнейшем предполагалось занять Ригу или, по крайней мере, обложить этот город. Крупных совместных действий с флотом вначале не предполагалось; действия армии должны были развиваться в глубине страны, вдали от побережья. Но в.-адм. Шмидт рассчитывал, что наступление вынудит русские морские силы к большей активности. Операции против Виндавы могли, подобно событиям 28 июня, предоставить возможность отрезать русские миноносцы, а также послужить первым шагом к выполнению минной постановки у Моонзунда, предусмотренной приказанием командующего от 1 июля.

В виде подготовки к обстрелу Виндавы к.-адм. Гопман получил 12 июля в полдень приказание:

> «поставить 60 противолодочных мин в районе Люзерорта, вплотную к побережью, аналогично прежней задаче IV; постановку произвести по возможности в ночь с 12-го на 13-е или в следующую ночь. Протралить безопасный от мин фарватер к Виндаве».

Ввиду возможности атак русских эскадренных миноносцев, к северо-западу от Люзерорта, вне видимости с побережья, должны были держаться легкие крейсера; на броненосные крейсера возлагалась задача прикрывать легкие силы. 16 июля в.-адм. Шмидт намеревался сам выйти с IV эскадрой к передовым силам. 20-я полуфлотилия вечером 12-го была отпущена на несколько дней из Либавы для производства ремонта; взамен нее в Либаву была выслана из Нейфарвассера 16-я полуфлотилия, вышедшая вместе с

Черт. 17. Курляндия и Рижский залив.

Тетисом рано утром 13-го. *Беовульф* был также отпущен 12-го в Данциг для производства не терпевшей дальнейшего отлагательства смены котельных трубок. На броненосце береговой обороны в то время никто не предполагал, что после 6-недельного ремонта он будет отправлен в Север-

ное море и не вернется в Либаву и к Курляндскому побережью, где он так успешно участвовал в операциях в течение четверти года. Около полудня 12 июля начальник эскадры отправил вспомогательный минный заградитель *Дейтшланд* в Киль для срочного докования, чистки котлов и доставки на обратном пути мин для постановки у Моонзунда.

К.-адм. Гопман приказал трем дивизионам тральщиков в первую очередь протралить фарватер от среднего выхода либавской гавани на *W* и обследовать фарватер мимо Стейнорта. Один из крейсеров должен был в течение светлого времени прикрывать работы, а ночью охранять протраленный район. В ночь с 14-го на 15-е под защитой нескольких крейсеров миноносцы должны были поставить заграждение IV; заграждение не могло быть поставлено раньше из-за отсутствия заградителей, которые были необходимы для окончательного приготовления мин и должны были прибыть на 16-й полуфлотилии, вышедшей 13-го после полудня из Данцига. В заключение тральщики должны были начать траление на бакгофенском заграждении. Для обстрела Виндавы были выделены 2 легких крейсера под проводкой II дивизиона тральщиков; на это время операцию с севера должен был прикрывать один из легких крейсеров; группа броненосных крейсеров должна была находиться к западу от Ирбенского пролива, а главные силы — несколько южнее. План кончался приказанием:

> «В случае встречи с неприятельскими морскими силами вся диспозиция нарушается; в этом случае главной задачей является нанесение удара противнику, а если будет возможно, то надлежит отрезать ему путь к отступлению».

Прокладка 30-мильного фарватера на *W* от гавани началась 11 июля и, благодаря хорошей погоде, была закончена II дивизионом тральщиков в течение трех дней. Фарватер к Стейнорту, а оттуда в море, был обследован 13-го вспомогательным дивизионом тральщиков Нейфарвассера. Вспомогательный дивизион Свинемюнде, оба полудивизиона которого стояли в Либаве, был пока без применения. *Индианола* 11 июля вернулась из Киля, куда она

сопровождала *Пр. Адальберта.* На пути туда, утром 7-го, она столкнулась с *S-139,* причем у миноносца была тяжело повреждена носовая часть, но, несмотря на это, он дошел до Киля без посторонней помощи.

Тральные работы 11 и 12 июля были прикрыты выходившей в море эскадрой. Утром 13-го в море вышли *Бремен* и 2 миноносца. Крейсер в течение светлого времени держался вблизи от вспомогательного дивизиона тральщиков, а затем перешел в район северо-западнее Стейнорта. С рассветом 14-го крейсер поднялся до параллели Ирбенского пролива, где и продолжал крейсеровать; около 20 час. с *Бремена* заметили два следа шедших торпед. *V-183* видел всплывшую торпеду с отработанными механизмами. В некотором расстоянии были замечены гладкие пятна, указывавшие место выпуска торпед. *V-180* получил приказание преследовать в этом направлении лодку, но он не понял семафора, и крейсер сам пытался таранить лодку в указанном месте.

В 21 час, когда *Бремен* уже поднял сигнал о сборе всех сил, снова были замечены следы торпед. Этот залп был опаснее и, лишь положив рули на борт и давая обеими машинами полный задний ход, крейсеру удалось пропустить одну торпеду по носу, а другую за кормой [1]. Энергичные действия командира, плававшего до этого в западной части Балтийского моря, были отмечены, но на будущее время было запрещено на одном крейсере охотиться за подводными лодками. В течение ночи *Бремен* держался в западной части района своей операции, где он пользовался для определения своего места маяками острова Готланд. Утром, при подходе в район вчерашних атак, вновь были замечены и обойдены подозрительные полосы на поверхности воды. Через час после этого, в начале 7-го часа, во мгле показалась рубка подводной лодки, которая потом еще несколько раз появлялась и скрывалась. В заключение она сделала германский опознательный сигнал и оказалась возвращавшейся из Финского залива подводной лодкой *UA.* Повторные погружения производились ею из опасения ата-

[1] Первую атаку произвела подводная лодка *Акула,* вторую — *Дракон.* — *Н. Н.*

ки *Бремена.* Выстрелы из пистолета «Вери», произведенные с лодки, согласно таблице опознательных сигналов, на крейсере не были замечены из-за мглистой погоды и потому на них не было дано ответа. *Бремен* сменился около полудня и возвратился с обоими миноносцами в Либаву.

UA крейсеровала с 10 по 14 июля между Богшером и Дагерортом, передвигаясь в надводном или подводном положении в зависимости от условий видимости. Состояние погоды благоприятствовало операциям. Юго-западный ветер, дувший в первый день с силою 6 баллов, упал до 4 баллов и меньше; часто было мглисто, а иногда находил туман. Лодка неприятеля не видела. Через несколько часов после возвращения *UA*, вечером 15-го вышла в поход *U-26* с заданием держаться в течение первого дня у Дагерорта, а 19-го проникнуть в район к северу от Даго.

Постановка мин у Люзерорта была отменена. 13 июля из разговора с губернатором Паппритц к.-адм. Гопман узнал, что сухопутное командование отменяет обстрел Виндавы ввиду наличия в ней лишь слабых сил и важности сохранения железнодорожного оборудования и складочных помещений в исправном состоянии для использования их в интересах Германии. Паппритц говорил, что в скором времени возможно наступление на Ригу. На его вопрос о возможности обстрела флотом укреплений Усть-Двинска Гопман ответил отрицательно и обратил его внимание на то, что до этого нужно предварительно прорваться через заграждения, поставленные при входе в залив. На основании этого разговора Гопман сообщил командованию, что, по его мнению, постановку минных заграждений нужно отложить, «учитывая возможность изменения обстановки, которая сделает вероятной необходимость прорыва в Рижский залив». В Данциге были другие сведения. 13-го вечером через Киль из главной квартиры было сообщено:

«Операции армии против Риги, вероятно, начнутся не ранее начала августа».

В.-адм. Шмидт, считавший постановку заграждения очень желательной, телеграфировал в Либаву:

«Осуществления предположения не предвидится, поэтому надлежит выполнить постановку IV».

Исполнение этого неожиданного приказания, полученного в Либаве 14-го вечером, не могло состояться раньше 17-го ввиду необходимости изменить все уже действовавшее распределение времени. Кроме того, к.-адм. Гопман нашел подтверждение своей оценки обстановки в новых донесениях. Поэтому он взял на себя продолжение начатых операций и утром еще раз послал донесение командованию соединенными силами. Его соображения на этот раз получили признание; теперь и командир эскадры также склонен был считать, что операции могут начаться раньше, чем этого ожидали.

15 июля с рассветом дивизионы тральщиков вышли из гавани для определения размера и формы заграждений у Бакгофена и у Виндавы; *Любек* вышел вместе с ними; *Аугсбург* и *Тетис* под начальством 2-го флагмана несли прикрытие с севера. На полсвине пути к Стейнорту флагманский корабль встретил самолет, севший на воду из-за порчи мотора; вызванный к нему на помощь из Либавы *V-182* поднял его стрелой на палубу и благополучно доставил на авиастанцию.

В 8 час. на широте Виндавы *Тетис* был отпущен на свою позицию, расположенную на *WSW* от банки Сарычева, а *Аугсбург* пошел к Фарэ. Каждый крейсер шел в сопровождении пары миноносцев; последним было очень трудно в течение долгого времени держать 17-узловую скорость хода, так как они не могли пользоваться котлом с нефтяной топкой из-за отсутствия в Либаве мазута. Около полудня коммодор узнал, что *V-99* выслан в море до широты Ирбенского пролива. II дивизион тральщиков с утра поставил тралы у Стейнорта и вышел по направлению к Бакгофену. Пока он обследовал опушку заграждения с восточной, южной и северной сторон, моторные катера с *Индианолы* занялись самим заграждением. Матка тральщиков стала на якорь у берега под охраной пяти вспомогательных тральщиков; *Любек* в сопровождении двух миноносцев ходил взад и вперед по обставленному буями фарватеру. Благодаря хорошей погоде работа подвигалась быстро. II дивизион тральщиков нашел только в северо-западной части района одну мину, повидимому, принадлежавшую к заграждению, на котором был поврежден *Глиндёр*.

В 16 час. с *Любека* был неожиданно подан сигнал сбора. Из его «вороньего гнезда» наблюдатель заметил у Люзерорта 4 эскадренных миноносца, шедших *S*-вым курсом; затем их число постепенно возросло до 12. *Индианола* быстро подняла катера, и уже в 17 час. дивизионы начали возвращение. *Любек* повернул на север, а коммодор Карф после получения первого радио на *Аугсбурге* пошел к Люзерорту и приказал пойти туда же *Тетису*, выслав ему на смену к банке Сарычева *V-99*. К 18 час. все три крейсера с сопровождавшими их миноносцами были у Люзерорта, но неприятеля больше видно не было; была видна лишь одна подводная лодка. Исходя из русской тактики, 2-й флагман решил, что миноносцы имели лишь целью заманить крейсера на позиции подводной лодки [1] и [2]. *Любек*, следуя вдоль побережья, возвратился в порт. *Аугсбург* и *V-99* обошли загражденный у Виндавы район с запада, а *Тетис* со своей парой миноносцев вступил в дозор. Броненосные крейсера и стоявшие в гавани миноносцы начали разводить пары, когда к 17 ч. 30 м. стало выясняться, что операция может затянуться до ночи; затем они перешли на 3-часовую готовность. *Тетис* в течение ночи и до полудня (16.VII) крейсеровал между Эстергарном и Виндавой. В полдень на нем был получен приказ разыскать не возвратившийся из утренней разведки самолет. Погода значительно ухудшилась, свежий юго-восточный ветер развел короткую, крутую волну, и как раз к полудню начался сильный дождь. Наконец, в 17 ч. 30 м. самолет был найден миноносцем *S-177*, высланным *Тетисом* к берегу. Он был на траверзе Сараек поднят со своей командой на миноносец, после чего группа, согласно ранее полученным приказаниям, вернулась в гавань. Высланные из Либавы на его поиски *G-175* и *V-180* дошли до Люзерорта. Для поддержки легких сил один

---

[1] Подтверждения этого не было найдено. Г. Граф об этом пишет: «Наша подводная лодка *Дракон*, находившаяся в это время на позиции снаружи пролива, пыталась безуспешно атаковать крейсер *(Любек)*».

[2] Эти эскадренные миноносцы были высланы для наблюдения за неприятелем независимо от подводных лодок. Из последних здесь могла быть замечена лишь *Акула*, которая возвращалась от Готланда в Аренсбург. Вторая подводная лодка — *Кайман* находилась в крейсерстве за Готландом. — *Н. Н.*

из броненосных крейсеров был переведен в одночасовую готовность — мероприятие, которое к этому времени было принято за правило. Кроме того, в постоянной готовности к выходу была пара миноносцев.

В течение двух следующих дней предполагалось продолжать работы по обследованию заграждения перед Виндавой. Но запас угля в Либаве значительно уменьшился. Хотя до этого уже много раз требовали его увеличения, указывая на возросшие потребности, но мероприятия по пополнению запаса все же не могли поспевать за ростом расхода; запас угля, бывший 15 июля — 1 800 *т*, к 16-му упал до 600 *т*. Переполнение гаваней Данцига и швартовка линейных кораблей у его угольных пристаней препятствовали погрузке угля на пароходы и даже вынуждали их прибегнуть к походам для погрузок в Свинемюнде. Кроме того, от командования соединенными силами была получена 16-го вечером телеграмма:

> «Предписанное наблюдение на севере ограничить широтой Люзерорта. Учесть, что с 19 июля либавские морские силы на двое суток должны выйти в море».

Поэтому 17-го в дозор были отправлены только *Бремен* с 2 миноносцами, а после полудня оба миноносца, *V-183* и *V-181*, под прикрытием *V-99* контролировали фарватер к Бакгофену. Буи фарватера стояли без изменений, поэтому пара прошла по нему дальше, с целью изобразить постановку заграждения к северу от Виндавы. Около 17 час. они, идя перпендикулярно к береговой черте, начали сбрасывать с кормы через равные промежутки времени мешки с золой, которые могли казаться с берега минами. В это время из Ирбенского пролива вышли русские миноносцы. Наши миноносцы повернули на них, и уже с 80—90 *гм* (43,8—49,2 каб.) неприятель открыл огонь и достиг очень хороших накрытий. Германские орудия ввиду малых углов возвышения имели дальность огня только до дистанции 71 *гм* (32,8 каб.), а потому не могли отвечать. Попытка выманить русских на юг не удалась, и, несмотря на превосходство в силах, через несколько минут они повернули, повидимому, вследствие обнаружения подводной лодки[1]

[1] См. примечание 2 к стр. 292. — *Н. Н.*

(Г. Граф). Ни *V-99,* ни группе *Бремена,* ни двум спешившим из Либавы миноносцам не удалось вступить в соприкосновение с противником. *Бремен* продолжал крейсерство к северо-западу и к западу от Стейнорта, а миноносцы вернулись в Либаву.

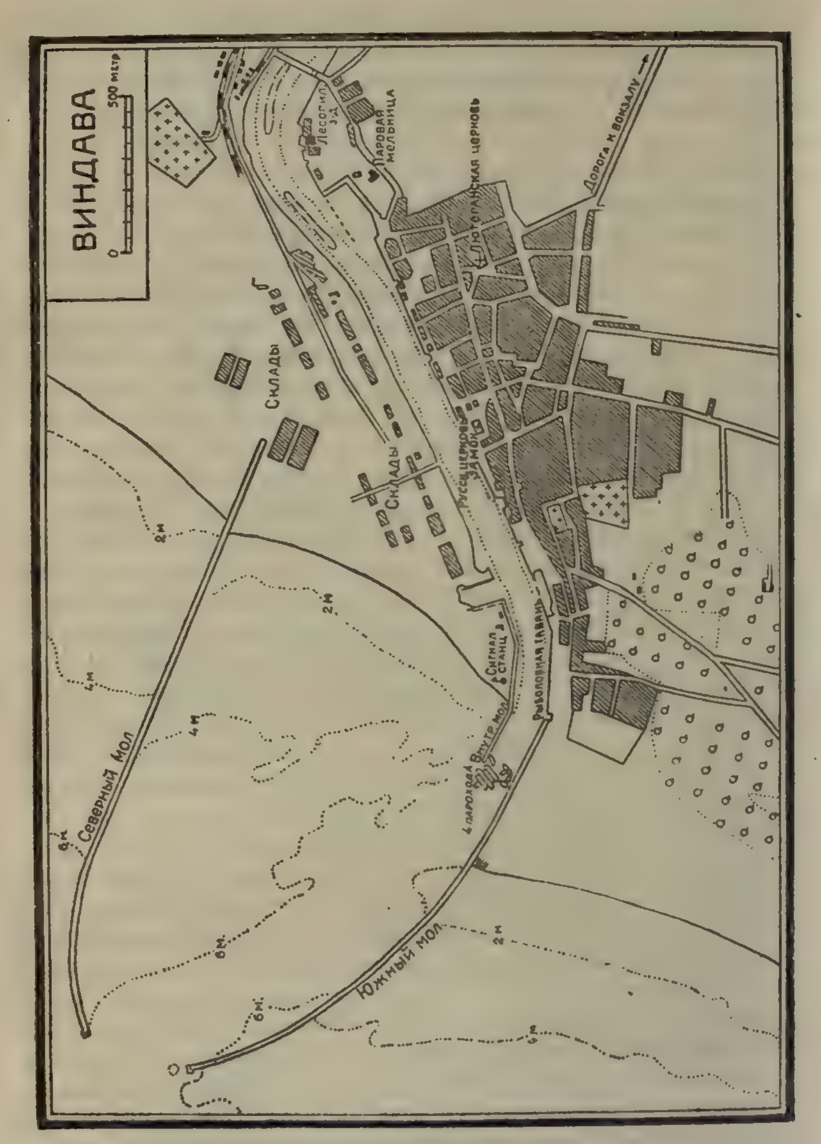
В течение этого дня *Т-104,* 2 тральщика и 2 рыбачьих парохода проникли в расположенную севернее Стейнорта Павловскую гавань. Под прикрытием высаженного десанта силой в 20 человек вооруженные шлюпки поднялись вверх по реке на 5 *км* и захватили несколько моторных рыбачьих ботов, которые были отведены с собой в Либаву. Ценную находку в виде землечерпалки с двойным рядом черпаков не удалось вывести, так как устье реки было заграждено затопленной баржей. Вечером *Пр. Генрих* был отпущен в Данциг для ремонта, и командир эскадры выслал взамен его *Брауншвейг.* Одновременно *UA,* прибывшая за 2 дня до этого в Данциг, вышла в Либаву. Лодка была тотчас по приходе отправлена на позицию к Утэ, чтобы совместно с находившейся у Даго *U-26* выяснить расположение выходных шхерных фарватеров. Другая, пришедшая из Северного моря, подводная лодка *U-10* должна была сначала исправить некоторые повреждения.

День 18 июля предполагалось использовать для окончательного определения границ заграждения, расположенного на *WSW* от Либавы. Но программу действий пришлось изменить еще раз. В 1 час командир разведывательного отряда получил сообщение с берега, что отряд Шверина около 10 час. подойдет к Виндаве. Флот должен был прикрывать его движение с моря и в случае надобности захватывать уходящие из гавани суда; обстрел береговых целей не должен был производиться. Сообщение пришло очень поздно и, кроме того, ввиду недостатка угля, ставило под вопрос назначенную на 19 июля готовность. Несмотря на это, к.-адм. Гопман решил выделить для указанной цели *Аугсбург* со II дивизионом тральщиков; *Бремен* и *V-99* были назначены в прикрытие группы 2-го флагмана, а остальные корабли должны были стоять в полной готовности к выходу. Между 5 и 6 час. назначенные в операцию корабли вышли в море. *Аугсбург* и сопровождавшие его миноносцы за тралами II дивизиона тральщиков подошли к 10

час. к Виндаве. В то же время *Бремен* встретился с *V-99* у банки Винкова, после чего они выстроились там в дозорную линию. Вскоре у Люзерорта показались неприятельские миноносцы, но командир *Аугсбурга* напрасно старался выманить их в море. К полудню подошла к Люзерорту вызванная туда группа *Бремена;* русские миноносцы еще были видны попрежнему поблизости от маяка, и с них было произведено несколько залпов. В Либаве уже в 10 ч. 30 м. стало известно, что Виндава взята. Просьба губернатора связаться с наступавшими войсками с помощью десанта уже в 11 час. была в руках у 2-го флагмана. *Т-104* подошел к молу и выслал шлюпки в гавань. Когда его через час вернули, командовавший десантом офицер доложил, что германские войска еще не подошли к району порта. Из опасения, что у гавани может появиться неприятельская подводная лодка, коммодор не решился ждать дольше 13 ч. 30 м., и все корабли к вечеру вернулись в Либаву.

Русские отдали Виндаву и всю Курляндию почти без сопротивления, а также не препятствовали продвижению морских сил до Люзерорта. Виндава была очищена уже через 24 часа после начала наступления Неманской армии. На море неприятель ничего, кроме сбора миноносцев у Ирбенского пролива, не предпринял. В ночь с 17 на 18 июля была предположена минная постановка к югу от Виндавы,

«но (по Г. Графу) начальник минной дивизии получил сведения, что у Стейнорта выставлена германская дозорная линия, и решил поэтому отменить постановку, не рискуя посылать в указанный район миноносцы с минами. 18 июля неприятель занял Виндаву, ввиду чего мы были вынуждены снять пост службы связи с Люзерорта. Так мы постепенно все теснее входили в соприкосновение с противником. Все мужское население этой местности призывного возраста, а также те, кто предпочитал не оставаться до прихода неприятеля, были эвакуированы на *Хабаровске* (2 800 т) в Ревель. Мы (*Новик*) держались в течение всего дня поблизости от Михайловского маяка и видели, как население со всем скарбом, гоня перед собою коров, свиней и овец, спешило к берегу и в срочном порядке со шлюпок грузило все на транспорт. Все, что имело военное значение, разрушалось. Сначала мы хотели

Черт. 18. Виндава

взорвать и маячные башни, но начальник службы связи был против этого; впоследствии наличие этих построек доставило нам много неприятностей»[1].

Вместе с г. Виндавой в руки Германии перешла гавань, вполне приспособленная, чтобы служить базой для легких сил. Она была на 50 миль ближе к неприятельским водам, чем Либава, и была особенно важна ввиду близкого соседства с Ирбеном (черт. 18). Река Виндава образовывала гавань с глубинами около 7 *м;* ее берега частично имели набережные, что позволяло швартовку к стенкам больших кораблей. Железнодорожные пути и склады были исправны, но прочее оборудование ни в какой степени не соответствовало размерам города (20 000 жителей); мастерских в порту не было. Противник заградил устье реки затопленными судами, которые, повидимому, было не легко убрать. Нужно было выяснить, насколько это заграждение было проходимо для малых судов, можно ли его обойти и имелись ли еще препятствия. Тотчас после занятия города армия просила привести гавань в состояние, годное для использования, для подвоза морем провианта гарнизону, состоявшему из трех рот, одной батареи артиллерии и небольшого количества кавалерии. Гопман немедленно согласился на это, но предупредил, что флот не ручается за безопасность пароходов и что оборона Виндавы не может быть им обеспечена в течение продолжительного срока. Губернатор в отношении обороны не предъявлял никаких требований; в случае надобности для этой цели можно было поставить батарею, имевшую старые 9-*см* полевые орудия с дальностью в 60 *гм* (32,8 каб.).

Ввиду того, что крейсерам и тральщикам было необходимо 19 июля принять уголь, для сообщения об этом в Виндаву по сухому пути был послан офицер. Но ему не удалось проехать дальше Газенпота. Рано утром 20 июля коммодор Карф с 2 крейсерами, 3 миноносцами, II дивизионом тральщиков и *Инкулой* вышел в море. 6 моторных катеров с последней были спущены у Бакгофена на воду и переданы на буксир тральщикам. Пока *Бремен* под брейд-

[1] О дальнейших действиях Г. Граф пишет мало ввиду ухода *Новика* в Гельсингфорс в док для замены винтов и для устранения течи нефтяной цистерны.

вымпелом 2-го флагмана[1] оставался у северных буев фарватера, *Тетис* под проводкой тральщиков пошел к виндавскому рейду. Когда он к 9 час. 40 м. подошел туда, из-за Люзерорта показались 4 эскадренных миноносца противника, которые, однако, тотчас повернули обратно. Через час начальник дивизиона тральщиков сообщил, что моторные катера могут войти во внутреннюю гавань. Их начальник имел поручение остаться в Виндаве и совместно с уполномоченным спасательного общества и офицером-летчиком предпринять более подробное обследование гавани. *Инкула* пошла обратно в Либаву. II дивизион тральщиков приступил к прокладке фарватеров к северу и к западу для обхода виндавского загражденного района. *Тетис* остался при тральщиках. Трал два раза задевал, оба раза в отличительных местах, что вместе с имевшимися данными позволяло установить действительное положение заграждения. Ввиду поломки машины на одном из тральщиков его пришлось несколько часов буксировать, почему одна из групп вошла в гавань только около 22 час. *Бремен* начал возвращение в 4 час., после того как *Тетис* прошел к югу параллель Виндавы.

Между тем в.-адм. Шмидт приступил к выполнению похода с главными силами. После отсрочки, а затем отмены обстрела Виндавы, целью похода являлось наблюдение за Финским заливом, согласно директивам командующего морскими силами, а также операции против русских сил, в случае если бы они повторили, в связи с производившимися у Виндавы тральными работами, свое нападение, аналогичное произведенному в ночь с 1 на 2 июля. Кроме эскадры линейных кораблей, в походе должны были участвовать все крейсера за исключением *Аугсбурга*, который непосредственно вслед за операцией должен был итти в Финский залив. Но от участия *Тетиса* и *Бремена* в.-адм. Шмидту пришлось отказаться из-за недостатка на них угля. Командир эскадры потребовал в добавление к четырем угольным пароходам, работавшим в восточной части Балтийского моря, еще четыре. Постоянного запаса угля в количестве 10 000 *т* на либавских складах было уже не-

[1] *Аугсбург* не принимал участия в походе, так как ему нужно было на следующее утро быть в готовности для другой цели.

достаточно, и кроме него требовалось постоянное присутствие в порту 4 пароходов с углем для быстрого одновременного пополнения кораблями запасов топлива. Кроме этого, он предлагал оборудовать угольный склад на 1000 *т* в Мемеле, пополняя в крайнем случае этот запас при помощи железной дороги. Командующему морскими силами и командованию станцией удалось добиться, что один пароход-угольщик был вновь зафрахтован и два должны были быть переведены из Эльбы.

Вечером 18 июля пять линейных кораблей типа *Виттельсбах* вышли по фарватеру мимо Брюстерорта, после присоединения к ним 9 миноносцев X флотилии, обследовавших Данцигский залив, с целью обнаружения неприятельских подводных лодок. Когда отряд утром 19-го, направляясь в проход между Эландом и Готландом, шел мимо южной оконечности банки Хоборг, был туман, который вскоре рассеялся. Несколько встречных торговых пароходов были задержаны для осмотра; их документы были в порядке. После полудня отряд остановился на один час, в течение которого на *S-130* и *S-126* было передано по 40 *т* угля (см. выше, черт. 16), *Любек, Роон, Эльзас, Брауншвейг* и 8 миноносцев VIII флотилии вышли из Либавы утром 19 июля по фарватеру, ведшему на запад. Вскоре и этот отряд неожиданно попал в полосу тумана, в котором *G-175* имел легкое столкновение с *Эльзасом;* миноносец пришлось отпустить в Данциг, так как он имел течь в носовой части. К 13 час. туман сгустился настолько, что флагман разведывательных сил вынужден был сообщить о нем в.-адм. Шмидту и уменьшить скорость хода до 7 узлов; корабли уменьшили интервалы и включили прожекторы. IV эскадра также попала в густой туман северо-западнее оконечности Готска-Сандэ, почему в.-адм. Шмидт в 19 ч. 30 м., несколько ранее намеченного времени, повернул на обратный курс. Вскоре он вышел из тумана, но к.-адм. Гопман, сделавший поворот в то же время, сообщил о прояснении лишь в 3 часа. Оперативный приказ предусматривал повторение похода с утра 20 июля до параллели Коппарстенарнэ. Но ввиду недостаточного радиуса действия миноносцев, делавшего невозможным дальнейшее пребывание в море, командир эскадры прекратил операцию; он решил повто-

рить ее 22-го, в случае, если в Либаве хватило бы угля для пополнения запасов топлива кораблями, и если бы *Аугсбург* во время своего похода донес о благоприятной погоде. Эскадра прошла к западу от Готланда и по фарватеру 56° сев. шир. зашла в 17 час. для пробы на одни сутки в Либаву.

Тем временем отряд к.-адм. Гопмана крейсеровал на широте Эстергарна. В 12 час. *V-180* произвел противолодочную тревогу, так как его наблюдателям показалось, что они видят след торпеды; корабли отвернули, но поиски лодки не дали никаких результатов. Через час после входа эскадры вошли в Либаву также и разведывательные силы. Места хватило всем линейным кораблям, крейсерам, миноносцам и вспомогательным судам. Но глубина гавани была в обрез. *Виттельсбаха,* имевшего наибольшую осадку, с трудом удавалось удерживать на курсе; у него под килем оставалась едва 1/3 *м* воды. Командир эскадры считал, что трудности, которые возникнут в связи со скверной погодой и в случае падения уровня моря при надобности во внезапном выходе, будут столь велики, что использовать Либаву в качестве главной базы флота пока невозможно. Кроме того, вопрос пополнения запасов угля требовал безусловного продолжения использования Данцига. 21-го после полудня IV эскадра вышла в море и направилась в этот порт. Предположенное повторение операции было отменено ввиду получения новых распоряжений из Киля, которые требовали, чтобы эскадра в кратчайший срок снова была готова к выходу в море.

Кроме либавских самолетов, к этому времени мог принимать участие в воздушных разведках еще один из дирижаблей. 14 июля прибыл из Фюльсбиттеля обещанный еще зимой для морских сил Балтийского моря воздушный корабль *L-5* и был введен в эллинг Седдина, расположенный у Штольпе; более удобно расположенный эллинг в Кёнигсберге был занят армией. На следующий день командир *L-5* подробно доложил старшему флагману о состоянии и возможностях своего корабля [1]. Он мог при благоприятной по-

[1] *L-5* был выстроен по типу *Цеппелина* (*LZ-28*). Объем 22 500 *куб. м,* длина 158 *м,* скорость 40 миль в час, запас горючего на 20 часов, вступил в строй в 1913 г.

годе производить разведку до Готска-Сандэ или до Ирбенского пролива и в лучшем случае до Дагерорта, поэтому было очень желательно оборудование в Либаве промежуточной базы для пополнения запаса бензина и водорода. Сведениями о погоде корабль снабжался из Вильгельмсгафена, на востоке же нужно было сначала еще создать сеть метеорологических станций. С этим удачно совпало, что вновь построенная в Мемеле радиопеленгаторная станция, за 14 дней до этого начавшая действовать, во время испытаний показала очень хорошие результаты.

L-5, вылетев утром 19-го, был вынужден вернуться вследствие тумана и дождя. 20 июля при легком юго-западном ветре корабль удачно совершил полет и видел в 7 ч. 30 м. у Бакгофена *Тетис* с тральщиками, а в 8 час. у Михайловского маяка — одну полуфлотилию миноносцев и один пароход. Сходство этих миноносцев с миноносцами X флотилии, их спокойное поведение, несмотря на близость *Тетиса,* а также то обстоятельство, что они не стреляли, заставили считать их за свои. Хотя они и не ответили на опознательный сигнал, но это случалось часто и раньше, ввиду того, что вспышки прожектора и «звезды», выпускавшиеся с воздушных кораблей, были очень плохо заметны на фоне неба. Только из радио, полученного с *Тетиса,* командир узнал, что видел русские миноносцы. После сообщения из Седдина об ожидавшейся свежей погоде он в 9 час. лег на обратный курс. Ветер оставался в пределах силы 2—3 баллов, и к 17 час. корабль достиг места своей стоянки.

Поход *Аугсбурга* 21 июля, ввиду новых приказаний командующего морскими силами, вместо входа в Финский залив был ограничен линией Готска-Сандэ—банка Сарычева. Крейсер вышел из гавани в 8 час. и к 21 час. уже возвратился; в течение похода впереди него на зигзагах шел *V-99.* Неприятель был только слышен: очень громкий, по временам, радиообмен происходил, повидимому, между русскими дозорными кораблями у Ирбена. Возвратившийся с вечерней разведки самолет донес, что у Цереля стоят: 1 канонерская лодка, 10 эскадренных миноносцев и 1 подводная лодка. Самолет *270* атаковал эти корабли, сбросив 8 бомб, и считал, что достиг двух попаданий. Неприятель

отвечал огнем из пулеметов, и, кроме того, 2 самолета поднялись в воздух для контратаки.

В эти дни Неманская армия, отрезав железнодорожную линию Виндава — Рига у Туккума и выйдя к побережью Рижского залива, повернула на юго-восток. Все возможные силы были стянуты к Шавлям, и для оккупации северной Курляндии войск осталось очень немного. Поэтому губернатор попросил 20-го вечером выделить с кораблей 200—300 человек для помощи ему при очищении побережья от неприятеля. Хотя такой сборный отряд, не обученный действиям на суше, и не представлял значительной боевой силы, губернатор считал наличие его ценной помощью, так как не рассчитывал на серьезное сопротивление. Отряд должен был выступить из Виндавы 22-го в полдень. В.-адм. Шмидт согласился на выделение десантного отряда, чтобы оказать армии содействие чем только возможно, тем более, что занятие моряками важных прибрежных пунктов было необходимо для морских операций. В течение 24 часов из команд больших кораблей был сформирован и приготовлен к перевозке отряд в составе 200 человек, вооруженных винтовками, шанцевым инструментом, пулеметом и двумя десантными радиостанциями для Виндавы и Михайловского маяка, в сопровождении врача с необходимым санитарным персоналом. 22-го на рассвете отряд был посажен на 10 тральщиков II дивизиона, а в 6 час. отряд вышел под конвоем *Тетиса* и *Бремена* и под брейд-вымпелом 2-го флагмана. Тральщики легко прошли мимо затопленных судов во внутреннюю гавань Виндавы, где десант и был высажен. К 13 час. все участвовавшие корабли уже начали возвращение.

Этим случаем воспользовались для доставки остальных моторных катеров вспомогательного дивизиона Свинемюнде в Виндаву. Командир соединенных сил приказал отпущенной для чистки котлов в Данциг *Индианоле* вернуться, и она прибыла на либавский рейд в ночь на 22-е, а утром вышла к Бакгофену, где спустила катера на воду. Последние пошли под своими машинами в Виндаву, а матка возвратилась в Либаву. Начальник дивизиона катерных тральщиков принял на себя работы по восстановлению виндавской гавани. В качестве первой задачи ему было приказано вытралить стоявшие в гавани мины, после чего попытаться

расширить проход между затопленными судами, наряду с этим на него была возложена установка радиотелеграфной и сигнальной станций, реквизиция полезных для флота оборудования и материалов, а также защита Виндавы с моря.

В этот же день воздушный корабль получил приказание произвести разведку между Церелем и Михайловским маяком и постараться определить место минного заграждения. Но утром на широте Либавы он встретил мглу и низкую облачность, почему был вынужден возвратиться. Ночью из Либавы было сообщено, что по дороге на Гробин, к северо-западу от Либавского озера, оборудована промежуточная посадочная площадка. На ней были вкопаны якоря, и содержалась в готовности швартовая команда. Но, кроме бензина, там пока ничего получить было невозможно.

Еще раз неприятельская подводная лодка *(Е-1)* была замечена на позиции у Паппензе. В полдень она безуспешно выпустила две торпеды по сторожевому кораблю *Неймюлен (Neumühlen)*. Последний, ввиду отсутствия на нем противолодочных средств, после коротких поисков лодки продолжал поход.

В.-адм. Шмидт в соответствии с данным ему поручением разработал план минных постановок у южного выхода из Моонзунда и соображения о возможных операциях в Рижском заливе в связи с продвижением армии и по ее требованиям. Предполагалось, что *Роон,* два легких крейсера, *V-99, V-100,* полуфлотилия миноносцев и вспомогательный заградитель *Дейтшланд* должны будут прорваться за тралами дивизионов тральщиков в залив. IV эскадра на время операции должна была, совместно с прочими крейсерами и миноносцами, обеспечивать западный выход из Рижского залива, а 2 или 3 подводные лодки — находиться у выхода из Финского залива. Одновременно с заграждением Моонзунда надлежало, по приказанию командующего морскими силами, заградить также вход в Пернов, который, по имевшимся сведениям, служил, повидимому, опорным пунктом; в узком мелководном входном фарватере его должны были быть затоплены 3 малых парохода.

Разработанные план и соображения еще были в пути, когда 13 июля из Киля пришло указание, что все действия

против Рижского залива нужно временно прекратить, чтобы дать русским успокоиться. Заградительная операция должна была непосредственно предшествовать демонстрации против Риги; продолжения операции армии нужно было ожидать не ранее начала августа. Ввиду большого размаха предполагавшихся операций, на это время в качестве начальника штаба командования соединенными силами должен был быть выслан кап. 1 р. Генрих. К этому времени командующий морскими силами просил у морского генерального штаба передать ему из состава Северного моря 4 линейных крейсера из I разведывательной группы, 2 или 3 новейших легких крейсера и 1½ флотилии эскадренных миноносцев. Они должны были перейти в Киль за 8 дней до срока, в который армия будет считать желательным появление флота в Рижском заливе; общее же время их отсутствия с театра военных действий Северного моря было бы приблизительно 20 суток. На это время, по его мнению, было бы очень целесообразно перевести в Киль еще одну эскадру, а две других иметь наготове в устье Эльбы.

19 июля гр.-адм. пр. Генрих через прибывшего к нему в Киль, по его настоянию, представителя ген.-фельдм. Гинденбурга узнал более подробно о планах армии. Как только будет захвачена дорога Митава — Шавли, возникнет вероятность наступления правого крыла русской армии с севера. Во время этой фазы сражения желательно, чтобы флот произвел демонстрации в Рижском заливе, с целью сковать неприятельские войска возможно далее к востоку от Двины. Взятие Риги и Усть-Двинска будет зависеть от обстановки; город занять не легко, но еще труднее будет его удержать. Если это произойдет, то будет очень желательна охрана флотом фланга продвигающихся вдоль побережья войск. Кроме этого, командир соединенных сил получил приказ:

«Немедленно подготовить и приступить к прокладке безопасного от мин фарватера для больших кораблей мимо (места. — *Прим. ред.*) Люзерортского пловучего маяка в залив (по южному проходу), если потребуется — вытралить поставленное 5 июня заграждение углом. NW-й сектор Михайловского маяка (средний фарватер) обследовать

тралами и обеспечить этот вход от мин. Предполагается, что прикрывающие крейсера найдут безопасное от атак подводных лодок якорное место вплотную у побережья и что Виндава будет использована как опорный пункт для соединений тральщиков... Разрушить возможно скорее Люзерортский маяк. Восстановить наблюдательный пункт на Михайловском маяке по соглашению с армией. Разрушить возможно скорее береговые телеграфные линии на курляндском побережье, а также кабель, который, может быть, имеется между материком и Эзелем».

Телеграмма пришла вечером 20 июля на *Виттельсбах,* стоявший в Либаве. К тралению могло быть приступлено тотчас по прибытии из Данцига второй половины вспомогательного дивизиона тральщиков (Свинемюнде), после подготовки к использованию виндавской гавани и после занятия Люзерорта германскими войсками. Подробно был разработан план прокладки и обстановки буями фарватера, подлежащего тралению. В качестве прикрытия 2 легких крейсера должны были находиться на якорном месте у Люзерорта, поскольку это позволяло бы направление ветра. Броненосные крейсера должны были находиться мористее и принять на себя охрану с севера. По предложению флагмана разведывательных сил, количество легких крейсеров было повышено до 3, а также возбуждено ходатайство перед армией об установке виндавской 9-*см* батареи западнее Михайловского маяка. Разрушение Люзерортского маяка с согласия командующего морскими силами было отменено ввиду необходимости его для пеленгования.

К.-адм. Гопман, оставшийся старшим после ухода эскадры линейных кораблей в Данциг, не мог назначить времени начала работ по тралению на следующий день, как предполагалось первоначально, в вечер перевозки десантного отряда и моторных катеров-тральщиков, потому что Люзерорт и Михайловский маяк еще не были заняты, необходимые морские предостерегательные знаки для постановки их на долгий срок еще не были готовы, а приказы еще не распределены. В течение 23 июля от десантного отряда не поступало никаких сведений, погода была скверная, видимость плохая, что ставило под сомнение возможность точной прокладки и надежность артиллерийской под-

держки тральщиков. Поэтому начало работ было еще раз отложено до следующего дня.

24 июля Гопман выслал до линии Фарэ — Церель *Любек* и миноносец *V-100,* однотипный с *V-99,* только что сдавший все ходовые испытания и пришедший 22 июля в Либаву после прохождения учебно-боевой подготовки. Они вышли в море в 4 час. и после полудня вернулись, не видев неприятеля. Из Виндавы пришло донесение, что мин в гавани не обнаружено, глубина входа 4 *м,* наименьшая ширина 10 *м,* а также, что наружная гавань пригодна для якорной стоянки двух легких крейсеров. Об отряде Шверина, в подчинении которого был десант, не было никаких известий. Несмотря на это, можно было предполагать, что он достиг Люзерорта и Михайловского маяка; возможно, что в пути были повреждены чувствительные приборы радиостанции или пришел в неисправное состояние ее двигатель; по крайней мере, установленный в Виндаве работал настолько ненадежно, что обоим тральщикам, доставившим туда в этот день продовольствие и почту, должен был быть дан другой двигатель для доставки. Сведения об ожидавшейся погоде продолжали быть неблагоприятными, ввиду чего к.-адм. Гопман вновь отодвинул срок начала работ еще на 24 часа, после того как со стороны командования было подтверждено, что военная обстановка не требовала во чтобы бы то ни стало немедленной попытки приступить к работам. К этому времени стала известна блестящая победа, которой закончились бои у Шавлей; 5-я русская армия была совершенно разбита, ввиду чего можно было предположить, что наступление на Ригу ускорится.

С утра 25-го был туман. Шедший после ремонта из Данцига в Либаву *Пр. Генрих* пришел с большим запозданием; назначенный выход в море *Аугсбурга* был отменен, так же как и предположенный полет *L-5* для разведки Ирбенского пролива. Позднее прояснило, но из Виндавы сообщили о ветре *WSW* силой от 5 до 6 баллов с дождевыми шквалами и о плохой видимости. К.-адм. Гопман вынужден был в четвертый раз отменить выход. Удалось провести на следующий день только выход *Аугсбурга* с *V*-100 до линии Фарэ — Церель.

26 июля утром *Виттельсбах* в сопровождении VIII фло-

тилии пришел из Данцига в Либаву и стал на якорь. В.-адм. Шмидт считал необходимым быть в тесной связи с подчиненными ему флагманами и с армейскими начальниками, а также лично изучить обстановку в Либаве и, кроме того, познакомить с местными условиями только что прибывшего начальника штаба кап. 1 р. Генриха. Последний привез в качестве новейших сведений сообщение, что наступление на Ригу, если таковое вообще будет, не может иметь места раньше середины августа. Это же получило письменное подтверждение в пришедшем 24-го вечером предписании командующего:

> «Назначение срока для предположенных операций в данное время не зависит больше от наступления армии на Ригу — Усть-Двинск; ее надлежит проводить, не принимая в дальнейшем в соображение действия армии. Я рассчитываю, что идущие из Северного моря силы будут в Киле к вечеру 31 июля».

Для проведения прорыва в Рижский залив тотчас после окончания работ по прокладке свободного от мин фарватера — на чем особенно настаивал к.-адм. Гопман — было необходимо дать возможность окончить работы на находившихся в Данциге 4 линейных кораблях, освободить на несколько дней от постоянной готовности II дивизион тральщиков и отпустить для чистки котлов X флотилию. Последняя не могла возвратиться раньше 2 августа. В течение этого промежутка времени командующий соединенными силами приказал протралить фарватер от Виндавы до района к западу от Люзерорта; походы кораблей и выходы в дозоры предлагалось ограничить случаями крайней необходимости.

Эти мероприятия всеми приветствовались, так как дурная погода, стоявшая в последние дни июля, за редкими исключениями совершенно не позволяла выполнять даже малые задачи по тралению. Непрерывно выполнялись лишь походы для несения предписанного дозора; каждый день один из легких крейсеров в сопровождении *V-99* или *V-100* отправлялся до линии Фарэ—Фильзанд, причем ими ничего особенного в море замечено не было. Воздушный корабль отважился за это время всего на один полет, но

был вынужден через час вернуться в эллинг. Также и самолеты почти все без исключения были обречены на бездействие. 28 июля от Утэ возвратилась *U-9;* она несколько раз в светлое время суток подходила на 3—4 мили к острову, и ее командир успешно собрал сведения об имевшихся сооружениях, створных знаках и морских предостерегательных знаках; на основании их можно было считать, что выход минами не загражден. Из неприятельских кораблей были встречены только малые дозорные миноносцы и тральщики. Недостаток питьевой воды вынудил подводную лодку вернуться раньше назначенного срока. *V-26,* возвратившаяся на сутки позднее, была на позиции между Бенгшером и Даго и также не имела значительных встреч. Она один раз видела соединение из 4 тральщиков, а в другой раз вне дальности выстрелов — заградитель типа *Амур.* Туман сильно стеснял наблюдение. В последний день вышел из строя гирокомпас, и лодка должна была, пользуясь мало надежным магнитным компасом, с помощью определений по луне и солнцу, проходить между минными полями. Обе лодки после кратковременной остановки пошли в Данциг. *UA* и *U-10* по окончании ремонта получили приказание 29-го зайти в Либаву. Там же стоял только что пришедший подводный заградитель *UC-4.* Хотя он и прибыл в Данциг еще 11 июля, но не был еще использован, так как только в Либаве были проведены меры для сохранения в тайне нового оружия и так как находившиеся в море подводные лодки не были надлежащим образом оповещены.

Выделенная Флотом открытого моря I группа прорывателей заграждений, состоявшая из пароходов *Аахен (Aachen), Золинген (Solingen) и Отенсен (Ottensen),* пришедшая в Либаву 28 июля, была 30-го выслана в море с задачей в течение 3 дней обследовать по заранее выработанному плану район между Готландом и Курляндским побережьем с целью обнаружения еще неизвестных в этом районе неприятельских заграждений. Когда группа в первый вечер находилась в 15 милях на *ONO* от Эстергарна, в 20 ч. 15 м. на головном судне *Аахен* произошел сильный взрыв. 2-й грузовой трюм, кочегарка и машина моментально наполнились водой, носовая часть ушла под воду и через ¼ часа пароход пошел ко дну. 5 человек не смогли спа-

стись из затопленных помещений, остальные на шлюпках, несмотря на большую волну (около 5 баллов), подошли к *Золингену*. Группа получила приказание возвращаться в Либаву, но когда пароходы подошли к гавани, то была настолько большая волна, что их отправили в Данциг. Ввиду того, что ни один из кораблей не видел следа торпеды или перископа и волна для подводных атак была слишком велика, начальник группы донес, что взрыв, вероятно, произошел на мине. В Либаве этому не хотели верить, так как в районе Эстергарна еще совсем недавно были встречены неприятельские подводные лодки, и по нему часто проходили, пересекая в различных направлениях, легкие крейсера. Через несколько дней петербургское телеграфное агентство сообщило по радио, что английская подводная лодка *(Е-1)* потопила большое военное вспомогательное судно.

Из-за шторма в тот же вечер подорвался на заграждении у Бернатена выделенный для лоцманской службы вспомогательный тральщик; у него был сильно поврежден нос, но он без посторонней помощи вошел в Либаву. Опасность от пловучих мин сильно возросла; временами в один день сообщали о нескольких минах. 31 июля такая пловучая мина была занесена в аванпорт и прошла между стоявшими там на якоре кораблями. Командование поэтому стянуло все сторожевые корабли, разбросанные для противолодочной охраны вдоль побережья, и назначило их для наблюдения за подходами к гавани.

Между тем становилось все чувствительнее, что русский флот господствовал в Рижском заливе. 25 июля с коротких дистанций были обстреляны Рагоцем и Лацуп (см. выше, черт. 17), вследствие чего расположенные там германские части вынуждены были отступить, имея одного раненого. В следующие дни обстрелы были повторены с канонерских лодок и эскадренных миноносцев. 3-я кавалерийская бригада запрашивала, когда предполагается прорыв в Рижский залив. До этого предполагалось установить на побережье полевые гаубицы.

Оккупация северной Курляндии была закончена без сопротивления к концу июля, но, несмотря на это, ввиду плохой связи и очень ограниченного количества войск, прихо-

дилось считаться с враждебным отношением населения, возможностью поджогов и т. п. Морской десантный отряд прибыл 23 июля к Михайловскому маяку и расположился около него. Поход по песчаным дорогам представлял большие затруднения для отряда; реквизированные подводы едва тащились. Трудности удалось преодолеть только благодаря находчивости и упорству. Страна была настолько опустошена, что, кроме мяса и фуража для лошадей, все приходилось ввозить через Виндаву. Отряд был под защитой двух полевых орудий, установленных у Михайловского маяка; приданная ему радиостанция вначале не могла отправлять телеграмм из-за отсутствия бензина. В дальнейшем на него была возложена задача установить с возможно большей точностью все передвижения неприятельских эскадренных миноносцев в Ирбенском проливе, и особенно наблюдать, ставятся ли с них заграждения. Кабель на острове Эзель был разрушен русскими, так же как и все оборудование маячных башен. Набегом 29 июля была захвачен Люзерортский маяк, после чего удалось установить через него телефонное сообщение между Михайловским маяком и Виндавой.

31 июля начальник десанта кап.-лейт. Муле сообщил по радио, что в Рижский залив вошел линейный корабль *Слава*. Он появился с севера, приблизился к Михайловскому маяку на 6 миль, откуда в сопровождении миноносцев пошел на восток, а затем скрылся на северо-восток. Возможность путаницы с какой-либо канонерской лодкой, как это сначала предполагалось в Либаве, отпадала, так как корабль видели несколько морских офицеров и по фотографиям и силуэтам опознали в нем, несомненно, *Славу*. Русские решили упорно защищать подходы к столь важному пункту, который представляла собой Рига, являвшаяся портом, промышленным центром и железнодорожным узлом, на который опирался крайний правый фланг армии.

«С отступлением наших войск к Риге Рижский залив получил очень большое стратегическое значение» [1].

---

[1] Г. Граф. В качестве источников для освещения действий русских в Рижском заливе, кроме этого дневника, использованы выдержки из статей Д. Малинина и Ю. Шельтинга в «Морском сборнике» за 1923, 1924 и 1926 гг.

Для обороны Ирбенского пролива был переведен линейный корабль, хотя ему не было фарватера для отступления; в то время Моонзунд имел глубину не более 5 *м.* Защита уже поставленных и ставившихся минных заграждений с помощью четырех 30,5-*см* (12″) хотя и устарелых пушек делала их в значительной степени более действительными Обследование свободного от мин фарватера в северной части пролива, по которому прошла *Слава,* было, повидимому, произведено в темное время суток, чтобы не возбудить подозрений неприятельских самолетов[1]. Переход корабля также был произведен ночью под защитой части Балтийского флота, в которую, кроме подводных лодок и крейсеров, входили также два новых линейных корабля — *Петропавловск* и *Гангут,* впервые вышедшие за пределы Финского залива[2]. Об участии этих кораблей в операции в Германии ничего не было известно, но одно донесение, гласившее, что 30 июля после полудня у Висби видели 3 больших военных корабля[2], привело к заключению, что поход *Славы* был совершен под прикрытием других кораблей. Значение такого передвижения сил для германского командования было вполне ясно, и этот перевод корабля ни в какой степени не отразился на приготовлениях к операциям против Рижского залива.

По случайному совпадению в день годовщины начала войны снова была объявлена полная боевая готовность. Коммодор Карф должен был на *Аугсбурге* с *V-99* и *V-100* выйти в дозор к северу, в случае ясной погоды дойти до

---

[1] Повидимому, во время этих работ, а может быть немного раньше, утонул на германских заграждениях у входа в Финский залив русский тральщик *№ 6.*

[2] Дредноуты участия в сопровождении линейного корабля *Слава* не принимали. Последний вышел 30 июля с рейда Пипшер под охраной крейсерского отряда (*Рюрик, Адмирал Макаров, Баян, Богатырь, Олег*), который сопровождал его до Ирбена. Здесь на рассвете 31-го *Слава* была встречена миноносцами минной дивизии, базировавшейся на Моонзунд, и проведена через Ирбен в залив. Для обеспечения операции в Эре были сосредоточены линейные корабли *Андрей Первозванный* и *Павел I* с миноносцами в готовности к выходу по первому требованию. Одновременно на позиции между о. Готланд и Виндавой были высланы английские подводные лодки *Е-1* и *Е-9,* а на подходах к Рижскому заливу находились две подводные лодки типа *Окунь.* — *Н. Н.*

линии Готска-Сандэ — Фильзанд и вести наблюдение за входом в Рижский залив. К.-адм. Гопман получил приказание крейсеровать с броненосными крейсерами к западу от Либавы, а к вечеру несколько приблизиться к *Аугсбургу*; ему, кроме миноносцев, был придан еще легкий крейсер, который должен был нести дозор со стороны Хоборга.

В 9 час. вышли в море на запад: *Роон, Пр. Генрих, Брауншвейг, Эльзас, Любек* и VIII флотилия миноносцев; в это время *Аугсбург* и оба большие миноносца шли на север между Готландом и Курляндией. В полдень и вечером главная группа была предупреждена о подводной лодке одним из миноносцев охранения — *S-179* — и соответственно *V-183* и вынуждена была повернуть оба раза в 30 милях на *OSO* от Хоборга; пара *V-183* и *V-184* осталась на всю ночь в этом месте, но противника не обнаружила. С наступлением темноты отряд поднялся до Эстергарна, обходя квадрат, бывший местом гибели *Аахена,* считавшийся подозрительным в смысле мин. *Аугсбург* крейсеровал согласно плану после приближения к Церелю — восточнее Фарэ; несмотря на отличную видимость, он, как и самолет, вылетавший после полудня на разведку в направлении к Церелю и к Домеснесу, противника не видел. После того как новый поход до параллели Фильзанда утром 2 августа прошел без результатов, командир соединенных сил отпустил броненосные крейсера, оставив до захода солнца в море только *Аугсбург.*

Ввиду улучшения погоды утром поднялся в воздух *L-5.* На траверзе Хоборга с него были замечены два перископа шедшей в погруженном состоянии подводной лодки[1]. Воздушный корабль атаковал ее, сбросив 2 бомбы, но еще до их падения в воду лодка ушла на большую глубину[2]. В полдень воздушный корабль находился между Люзерортом и Церелем на высоте 800 *м.* Несколько эскадренных миноносцев открыли по нем огонь, но с такого большого расстояния, что не смогли нанести ему повреждений. После этого к нему стал приближаться неприятельский гидро-

[1] После получения донесения об этом с *L-5* командир разведывательных сил вновь выслал в этот район два миноносца. Они подводной лодки *(Акулы)* не обнаружили.

[2] Подводная лодка *Алигатор. — Н. Н.*

самолет, и *L-5* должен был, отступив к западу, просить показавшегося там случайно *Аугсбурга* о поддержке. Появления крейсера было достаточно, чтобы принудить летчика прекратить более чем получасовую погоню. Противник был очень опасен для тихоходного и плохо забиравшего высоту воздушного корабля, почему командир его доносил, что полеты над Рижским заливом будут почти невозможны, если не удастся обнаружить русские аэродромы и их обезвредить. *L-5* получил приказание производить впредь разведку не далее Ирбенского пролива.

Либавские самолеты использовали тихий день для налета на неприятельские корабли. К 14 часам были готовы к полету 6 гидросамолетов, из которых два должны были временно отложить полет; большое количество исправных самолетов было достигнуто прежде всего благодаря вынужденному отдыху в течение последней недели. Под командованием начальника воздушной станции в воздух поднялись 4 самолета и направились к Ирбенскому проливу. Благодаря исключительно хорошей видимости им удалось осмотреть весь Рижский залив, Эзель и Даго; вблизи Руно крейсеровал *Храбрый*, кроме него кое-где были видны только миноносцы, ходившие в одиночку или небольшими группами; пока ведущий самолет прикрывал группу от неприятельских аппаратов, остальные с высоты 1 200 *м* атаковали эскадренные миноносцы; последние оборонялись артиллерийским огнем и успешно уклонялись от бомб. Замеченная у Цереля подводная лодка была оставлена в покое, чтобы случайно не атаковать *UA*, которая в это время была на пути в Ирбенский пролив. В 16 ч. 10 м. летчики увидели поднявшегося от Аренсбурга противника; когда он через полчаса приблизился, на него пошли в атаку 2 самолета. Летчик самолета *270* доносил об этом бое:

> «Куртисовская летающая лодка пыталась выиграть высоту и не допускала нас к себе ближе, чем на 2 000 *м*, уклоняясь ввиду преимущества в скорости. Самолет *292* вынужден был прекратить преследование ввиду невозможности также быстро забирать высоту. Во время многочисленных встреч лодка была обстреляна из карабинов. В 17 ч. 55 м. мне удалось у пункта «В» (северо-восточнее Цереля) сблизиться с противником до 800 *м* на высоте

1 900 м. Здесь я повернул на юг, чтобы не залетать в глубь Аренсбургской бухты и чтобы использовать кормовые углы обстрела. Противник держался позади меня приблизительно на 100 *м* выше. Мой наблюдатель произвел, не торопясь, 20 выстрелов из карабина, повидимому — с успехом, так как летающая лодка круто повернула и спустилась у Цереля».

После этого *270* последовал за остальными самолетами в Виндаву, где при посадке из-за низкого тумана все три получили повреждения. Около 8 час. над Виндавой появились две больших русских летающих лодки, которые сбросили бомбы, не причинившие вреда.

За день до этого (1.VIII) Михайловский маяк был накрыт бомбами с неприятельского гидросамолета. Вслед за этим заградитель типа *Амур* и 8 эскадренных миноносцев обстреляли деревню; после полудня обстрел повторили миноносцы, которые держались на почтительном расстоянии, опасаясь полевой артиллерии. От обстрела пострадало несколько домов и радиостанция, после чего в ускоренном порядке была усилена оборона. Земляные работы были ускорены; с *Бранденбурга* были сняты два 10,5-*см* скорострельных орудия и вместе с боевым запасом доставлены на сторожевом корабле в Виндаву. Оба орудия были установлены между 6 и 10 августа и приготовлены к действию, после чего полевая артиллерия вместе с прислугой была отозвана.

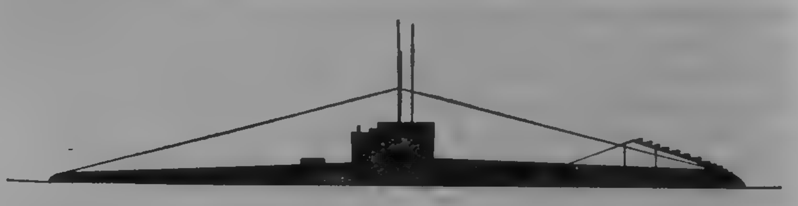
Кроме того, в.-адм. Шмидт выслал в полдень 1 августа в Рижский залив подводную лодку *UA*. Она прошла в надводном состоянии вплотную к берегу и после наступления темноты была у Михайловского маяка. Уже от Люзерорта были видны дымы и эскадренные миноносцы, почему из-за малой глубины под килем и зеркально-гладкого моря лодке пришлось маневрировать очень осторожно. В течение ночи пришлось несколько раз быстро погружаться; утром перископ был обстрелян неприятельским эскадренным миноносцем, и в то же время совсем близко разорвалась сброшенная с самолета бомба; лодка и не подозревала, что неприятельский миноносец в это время был атакован германским самолетом. Лодка *UA* напрасно искала у Домеснеса и Аренсбурга достойный атаки объект; наконец, она вновь верну-

лась к Михайловскому маяку, чтобы там атаковать дозорный эскадренный миноносец. После трехчасового преследования противника, резко изменявшего скорость и курсы, в 4 час. удалось приблизиться на расстояние 100—150 *м;* торпеда прошла под миноносцем, не причинив ему никакого вреда. Несмотря на начавшуюся за ней охоту, *UA* удалось в течение следующей ночи в подводном положении выскользнуть из залива через песчаные банки.

Михайловский маяк с этого времени ежедневно обстреливался или забрасывался бомбами и стрелами с самолетов, но на потери жалоб не было. *Слава* также была несколько раз видна; 2 августа вечером были даже предположения, что видели *Рюрика.* Командир десантного отряда постоянно был в готовности к отражению высадки неприятеля. 5-го во время очередной воздушной разведки над Ирбенским проливом один самолет был атакован тремя большими летающими лодками, которые преследовали его до Люзерорта, но, несмотря на близкое расстояние, не обстреляли. Германский самолет не мог действовать оружием ввиду того, что несущие плоскости ограничивали угол обстрела. Итак, русские могли и с воздуха защищать свою позицию, поэтому было крайне необходимо лучше вооружить свои самолеты, по крайней мере, автоматическими ружьями.

Известия о нападениях неприятельских морских сил на южное побережье Рижского залива были весьма скудные, но по ним мог быть установлен состав сил противника. В распоряжение флота поступили три сухопутных самолета, которые были затребованы пр. Генрихом после воздушной атаки 24 июля. Но они оказались слишком слабыми для полетов над сушей ввиду их изношенности в течение долгой фронтовой службы во Фландрии. Поэтому 6 августа в Рижский залив был послан *L-5.* Благодаря отличной видимости воздушный корабль легко установил, что в южной части залива кораблей не было. Низкая пелена облаков, располагавшаяся над Усть-Двинском, навела командира на мысль воспользоваться благоприятными условиями для бомбардировки, и он быстро получил на это согласие командования соединенными силами. Когда в 12 час. воздушный корабль собирался повернуть на крепость, он

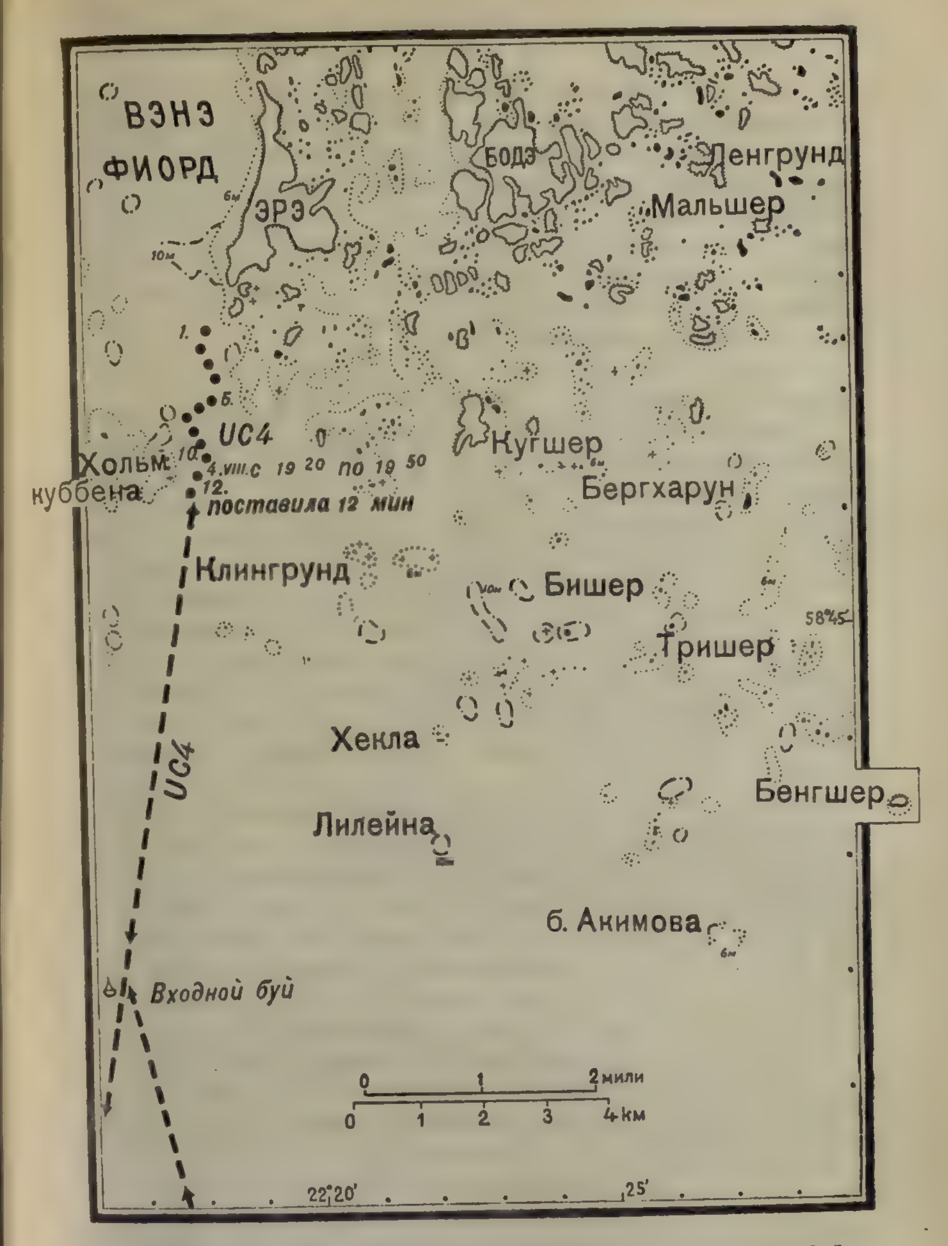
был неожиданно обстрелян от Шлока на расстоянии 2 000—3 000 *м* из пулеметов и шрапнелью. Воздушный корабль быстро поднялся на безопасную для него высоту, но в течение трех минут получил так много пробоин, что 2 кормовых отделения начали сильно травить газ. Корабль тотчас же повернул обратно. По пути пришлось для облегчения дирижабля сбросить бомбы, часть топлива и все запасные части. Несмотря на это, около 15 час. корабль имел такой дифферент на корму, что моторы отказывали один за другим. Вынужденная посадка, ставшая неизбежной, была произведена сравнительно благополучно, и экипаж серьезно не пострадал. Но все же нечего было и думать о том, чтобы там, где корабль находился посреди пашни в глубине материка, в 60 *км* от Мемеля, — исправить его и привести в годное для полетов состояние. С помощью батальона ландштурма, расположенного в Плунгянах, корабль был разобран и отправлен в Германию.

Германская подводная лодка (минный заградитель) *UC-4* (1915).

Длина	33,5 *м*;
Водоизмещение	175 *т*;
Скорость хода	6 узл.;
Вооружение	12 мин.;
Личный состав	14 чел.

На морском театре в эти дни было сравнительно тихо, отчасти из-за подготовки к операциям в Рижском заливе, отчасти из опасения, что неприятель проведет туда еще несколько больших кораблей. Вместо выходивших в дозор днем одиночных крейсеров высылались на ночь миноносцы. 3 августа с заходом солнца VIII флотилия вышла на север в широкую дозорную цепь. Необыкновенно светлая ночь лишала возможности внезапных нападений на противника, почему в полночь флотилия на широте южной оконечности острова Даго повернула на обратный курс.

Черт. 19. Минно-заградительная операция *UC-4* 4 августа 1915 г.

Подобным же образом протекал поход *V-99* и *V-100*, происходивший ночью через двое суток. Рано утром 4 августа вышли на работы II дивизион тральщиков и вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера, первый — для прокладки фарватера между Виндавой и Люзерортом, а второй — для контрольного траления фарватера у Стейнорта. Вспомогательный дивизион тральщиков Свинемюнде был в Виндаве в полной готовности приступить к тралению, если бы было обнаружено заграждение.

Аугсбург и *Бремен* сопровождали II дивизион, тогда как броненосные крейсера с остальными легкими крейсерами и с X флотилией находились в прикрытии в 20—30 милях северо-западнее Виндавы. IV эскадра и VIII флотилия оставались в готовности в Либаве, самолеты производили разведку по направлению на запад и на северо-запад от Виндавы. Все протекало планомерно, и неприятель не пробовал мешать. Перед самым окончанием работ на траверзе Виндавы, в 3 милях от нее, тралы зацепили, и 6 мин всплыли на поверхность. *T-61* чудом избежал взрыва на мине: его винт ударился об мину и даже повредил ее корпус, но она не взорвалась. Таким образом, была обнаружена восточная оконечность заграждения, поставленного русскими 29 июня.

2 августа *UC-4* проникла на выходной фарватер у Эрэ, западнее Бенгшера, для его заграждения; на следующий день *U-10* вышла для смены *U-26* в районе между Дагерортом и Бенгшером. *UC-4* вошла в Финский залив незамеченной, хотя она шла в погруженном состоянии лишь последние мили перед целью своего похода; фарватер не охранялся и был отлично обставлен, ввиду чего вход при хорошей погоде не представлял никаких трудностей. Хотя и нужно было считаться с наличием на Эрэ военной команды и поста, но командир подошел к острову на 100 *м*, повернул на обратный курс и, выходя, поставил на фарватере змейкой свои 12 мин (черт. 19). Точно через 4 суток лодка вернулась в Либаву. Хотя успешное выполнение операции имело место в известной мере благодаря благоприятным условиям, но все же следует признать и заслугу личного состава и строителей этого нового типа лодки. Постановка мин была

успешна; 14 (15?) августа самый большой из русских заградителей *Ладога*[1] (6 000 *т*), только что поставивший в районе Утэ 800 мин, возвращаясь в Эрэ, подорвался на одной из поставленных подводной лодкой мин и затонул через 3 часа.

---

[1] Заградитель *Ладога* подорвался 15 августа у входа в Эрэ, возвращаясь с постановки мин в северной части устья Финского залива. — *Н. Н.*

Глава IX

ПЕРВЫЙ ПРОРЫВ В РИЖСКИЙ ЗАЛИВ

Начальник генерального штаба ген. Фалькенхайн в разговоре с начальником морского генерального штаба адм. Бахманом 19 июля между прочим высказал свое мнение, что наступление на Ригу вообще находится под сомнением и что вопрос о нем во всяком случае не будет поставлен ранее середины августа, но демонстрация морских сил перед Рижским заливом или в самом заливе очень желательна. Это мнение вместе с сообщениями посланного от главнокомандующего восточным фронтом в Киль офицера генерального штаба возбудили в штабе пр. Генриха сомнения в целесообразности при таком неопределенном положении вопроса о наступлении на Ригу, ради одних интересов морской войны на Балтийском море рисковать большими силами для производства демонстрации в Рижском заливе. В интересах флота казалось более целесообразным взамен траления фарватера в Рижский залив скорее окончательно закупорить Ирбенский пролив. По мере удлинения ночей прорыв становился все труднее, как и пребывание после него морских сил в Рижском заливе. Достижение другой, побочной цели операции, состоявшей в том, чтобы вынудить противника выйти в море и заставить его принять бой, — было под большим сомнением. С другой стороны, было трудно отступать от наполовину уже данного армии обещания, тем более, что как раз теперь кайзер выразил свое согласие на предположенные операции и приказал предоставить просимые крейсера и флотилии миноносцев. *Зейдлиц (Seydlitz)*, правда, до 31 июля не был боеспособен, *Дерфлингер (Derfflinger)* находился в таком же со-

стоянии до середины августа. Как в Киле, так и в Берлине, во время обсуждения вопроса 22 июля при проезде начальника штаба кап. 1 р. Генриха в Данциг, пришли к заключению, что самым правильным решением будет провести демонстрацию, причем возможно скорее, не дожидаясь готовности *Дерфлингера*. В.-адм. Шмидт получил соответствующий приказ.

В течение последней недели июля было проведено более детальное согласование. Пр. Генрих, в отличие от своих первоначальных предложений и от предположения командующего флотом провести в западной части Балтийского моря учебные упражнения двух эскадр, просил оставить в Северном море все три эскадры.

> «Присутствие линейных кораблей в Киле станет тотчас известно в России, и тогда едва ли можно надеяться, что русские морские силы под давлением нашего наступления выйдут из Финского залива».

Начальник морского генерального штаба был с ним согласен; такое сосредоточение сил

> «Может иметь следствием, что русские будут воздерживаться от активных действий, и тем самым оно будет препятствовать достижению цели намеченной операции».

По его предложению урегулировать вопрос непосредственно между Килем и Вильгельмсгафеном гр.-адмирал послал, в целях полного соблюдения секретности, своего 1-го офицера морского генерального штаба к командующему флотом. Последний согласился держать на время операции свои силы между Яде и Эльбой. Ввиду того, что по готовности *Зейдлица* он предполагал провести еще одну операцию в Скагерраке, пр. Генрих отодвинул свою операцию на три дня, а когда у него попросили еще времени в запас, то согласился, чтобы соединения пришли в Киль не позднее 6 августа. С другой стороны, и адм. Поль заявил, что не будет настаивать на своем плане в случае, если положение на востоке потребует проведения операций в точно определенный срок.

С получением 31 июля уведомления о проходе *Славы* через Ирбенский пролив, в.-адм. Шмидт выступил с предложением немедленно осуществить все операции против Риж-

ского залива, так как давление на левый фланг восточного фронта могло стать настолько сильным, что в один прекрасный день могла потребоваться помощь флота. Он предлагал ввести в залив IV эскадру, а для обеспечения ее с тыла ввиду необходимости считаться с противником из Гельсингфорса выслать в его распоряжение, кроме I разведывательной группы, еще, по крайней мере, одну дивизию линейных кораблей, четыре легких крейсера и четыре флотилии эскадренных миноносцев из состава сил Северного моря. Командующий морскими силами 1 августа передал это требование морскому генеральному штабу, наметив вместо дивизии одну из новейших эскадр, а именно I, с тем, чтобы в.-адм. Шмидта вместе с его сработавшимся штабом оставить во главе руководства всеми операциями: I эскадра была ввиду болезни ее командира временно под командой 2-го флагмана, к.-адм. Гедеке, в то время как III эскадрой командовал более старший в.-адм. Шеер. Начало операции предполагалось немедленно после улучшения погоды.

Эти предположения с 1 августа стали, казалось, действительно осуществляться, так как сводки за последние 24 часа сообщали, что операции начались: снова приступили к регулярной воздушной разведке; Михайловский маяк был обстрелян с моря и атакован бомбами с самолетов; *UA* вышла в Ирбенский пролив; находившиеся еще в Данциге линейные корабли пошли в Либаву; по требованию армии, на побережье Рижского залива были установлены морские наблюдательные посты; 3-я кавалерийская бригада сообщила о взятии Митавы. Поэтому командующий морскими силами 2 августа в полдень начал торопить:

> «Военная обстановка требует, чтобы... морские силы тотчас шли в Киль и были бы готовы к выходу по первому приказанию. Прошу в этом смысле сделать доклад кайзеру».

Морской генеральный штаб этой необходимости не признал и предполагал предоставить больше времени для операции в Северном море. Но командующий флотом на основании последних телеграмм из Киля добровольно отказался от своей операции и выслал уже в тот же день I и II разведывательные группы с 2 флотилиями миноносцев

через канал[1]. При таком положении вещей кайзеру, которому вопрос был представлен теперь на решение, ничего не оставалось делать, как отдать приказание о высылке I эскадры и еще одной флотилии миноносцев[2]. Из оставшихся

---

[1] Командующего флотом принуждал к отмене операции еще ряд других причин. См. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 244.

[2] Состав соединенных сил:

Штаб командования соединенными силами (IV эскадры):

Командир соединенных сил: в.-адм. Шмидт.

Начальник штаба кап. 1 р. Генрих.

2 офицера морского генерального штаба (кап. 2 р. Клапенбах и кап. 2 р. Бетц), флаг-офицер, флагманский штурман, флагманский механик, флагманский врач.

Назначенные в операцию морские силы Балтийского моря:

IV эскадра: командир — в.-адм. Шмидт, 2-й флагман к.-адм. Альбертс.

Линейные корабли: *Виттельсбах* (флагм. кор.), *Веттин, Мекленбург, Швабен, Церинген, Брауншвейг* (2-й флагм. кор.), *Эльзас*.

Разведывательные силы Балтийского моря:

Ст. флагман. к.-адм. Гопман, 2-й флагман коммодор Карф.

Роон (флагм. кор.), *Принц Генрих, Аугсбург* (2-й флагм. кор.), *Бремен, Любек, Тетис, V-99* и *V-100*.

VIII флотилия миноносцев, кап. 2 р. Хундертмарк (11 миноносцев).

X флотилия миноносцев, кап. 2 р. Витинг (11 миноносцев).

II дивизион тральщиков, кап.-лейт. Дофлейн (14 тральщиков).

Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера кап.-лейт. Вейдген (9 рыбачьих пароходов).

Вспомогательный дивизион тральщиков Свинемюнде кап.-лейт. Альтфатер (12 моторных катеров).

Вспомогательный заградитель *Дётшланд* кап. 2 р. Розенберг.

Пароходы, предназначенные для затопления (Blockschiffe): *Сити оф Берлин (City of Berlin), Аук (Auk)* и *Ирис (Iris)*: кап.-лейт. резерва Науэр.

Прорыватели заграждений *Отенсен* и *Золинген* кап.-лейт. резерва Крюцфельд.

Назначенные в операцию морские силы Северного моря:

В.-адм. Хиппер.

I эскадра к.-адм. Гедеке, 2-й флагман кап. 1 р. Энгель.

Линейные корабли: *Остфрисланд (Ostfriesland)* (флагм. кор.), *Тюринген (Thüringen), Гельголанд (Helgoland), Ольденбург (Oldenburg), Рейнланд (Reinland)* (2-й флагм. кор.), *Позен (Posen), Нассау (Nassau), Вестфален (Westfalen)*.

в Северном море эскадр по меньшей мере одна должна была стоять на Эльбе в готовности, в случае форсирования англичанами Бельта, — тотчас войти в Брунсбюттельские шлюзы.

В Либаве под командой к.-адм. Бегас остались линейные корабли *Вёрт* и *Бранденбург*. Полуфлотилия сторожевых кораблей получила задание охранять наружные подходы к стейнортскому фарватеру, к протраленному фарватеру, ведшему из Либавы на запад и у южной входной бочки; кроме того, днем и ночью три сторожевых корабля должны были охранять от проникновения подводных лодок фарватер между Бернатеном и Стейнортом. Самолеты либавской воздушной станции и вводившейся в строй вместо *Глиндёр*, но еще не готовой к участию в операциях авиаматки *Санта Елена* (*Santa Elena*) (7 400 *т*) имели заданием местную разведку и защиту от подводных лодок. Кроме того, начальнику V эскадры для обороны порта была придана подводная лодка *UA*, единственная из наличных подводных лодок, кроме *U-10*, которая с 3 августа была на позиции у входа в Финский залив.

Русские морские силы Рижского залива, находившиеся под командой кап. 1 р. Трухачева, насколько было известно, были не слишком значительны: *Слава, Храбрый*, еще несколько малых кораблей, сравнительно большое число эскадренных миноносцев и миноносцев, несколько подводных лодок и, по меньшей мере, 3 самолета-истребителя. Однако, они являлись в своем роде достойным уважения противником, тем более, что места их опорных пунктов в

I разведывательная группа в.-адм. Хиппер. *Зейдлиц (Seidlitz)* (флагм. кор.), *Мольтке (Moltke), фон дер Танн (von der Tann).*

II разведывательная группа к.-адм. Геббингауз. *Грауденц (Graudenz)* (флагм. кор.), *Регенсбург Regeusburg), Штральзунд (Stralsund), Пиллау (Pillau).*

2-й флагман миноносцев коммодор Ресторф на *Кольберге (Kolberg).*

1-я полуфлотилия миноносцев кап.-лейт. Альбрехт (4 миноносца).

III флотилия миноносцев	кап. 2 р.	Хольман	(10 миноносцев).
V » »	кап. 2 р.	Кнезебек	(8 »).
IX » »	кап. 2 р.	Геле	(10 »).
I дивизион тральщиков	кап. 2 р.	Бобсиен	(13 »).

глубоких бухтах, которыми особенно богат извилистый южный берег острова Эзель, не были точно известны. Естественно было ожидать, что они будут сражаться у минных заграждений. По наблюдениям с Михайловского маяка, почти наверняка можно было предполагать между ним и Церелем наличие большого минного поля. В других местах нужно было также считаться с вероятностью заграждений, например, на подходах к Усть-Двинску. Сооружения этой крепости почти все были очень старой постройки, но все-таки на них было налицо несколько исправных дальнобойных 15-*см* батарей. Германские силы, которые должны были крейсеровать вне залива в качестве прикрытия, могли выступить против всего русского Балтийского флота; выхода в море 4 новых линейных кораблей в то время еще не учитывали. Ввиду того, что целый ряд русских миноносцев был по внешнему виду очень похож на германские, — так как они были построены на германских верфях или по немецким чертежам, — то были введены особые опознательные сигналы; кроме того, все германские миноносцы и тральщики выкрасили во время похода кормовые трубы в желтый цвет.

Оперативный приказ в.-адм. Шмидта, изданный 6 августа, после того как флагманы были ознакомлены с планом похода и с основными замыслами операции, ставил морским силам Балтийского моря (группа Шмидта) задачу протралить от мин средний и южный фарватер Ирбенского пролива и прорваться в Рижский залив, затем:

> «Разбить морские силы противника после тщательной разведки. Заградить южный выход из Моонзунда минами. Заблокировать гавань Пернова. Произвести демонстративный обстрел Усть-Двинска».

По сообщению начальника морского генерального штаба, находившегося в непосредственной связи с главным военным командованием, со стороны армии не было предъявлено никаких требований.

> «Части флота, находящиеся под командованием в.-адм. Хиппера, должны прикрывать эти операции, используя все возможности, чтобы разбить противника, в случае если он появится из Финского залива».

В качестве завершения операции назначался обстрел Утэ. На операции в Рижском заливе отводилось два дня. На рассвете 8 августа в.-адм. Шмидт хотел со своей группой за тралами II дивизиона тральщиков войти по среднему фарватеру. В случае обнаружения мин их следовало уничтожить, вызвав для этой цели катера-тральщики, которые во время прорыва должны были работать на южном входном фарватере. К полудню Шмидт рассчитывал пройти опасный район южнее Цереля. После этого крейсера должны были выйти тремя группами в разведку. *Дейтшланд* под защитой броненосных крейсеров (к.-адм. Гопман) должен был поставить заграждение перед Моонзундом, а три парохода надлежало затопить во входах в Пернов. В течение ночи главные силы должны были ходить взад и вперед севернее Руно, крейсера же — выстроить дозорную линию с юга. Утром 9-го надлежало уничтожить отрезанные в южной части залива неприятельские морские силы и с демонстративными целями обстрелять с большого расстояния батареи Усть-Двинска; во время обстрела IV эскадра должна была передвигаться за II дивизионом тральщиков. По возможности вечером этого второго дня эскадра, по мысли командира эскадры, должна была покинуть залив и возвратиться в Либаву.

В.-адм. Хиппер назначил к.-адм. Геббингауза обеспечивать операцию с севера; дозорная линия из 4 легких крейсеров должна была находиться в движении между линиями: Хуввудшер — Коппарстенарнэ — банка Сарычева и Свенска-Хегарнэ — Дагерорт, крейсеруя туда и обратно, ввиду опасности от подводных лодок, зигзагами. I эскадра (к.-адм. Гедеке) получила район между Готландом и Курляндией. Сам Хиппер с I разведывательной группой предполагал держаться у Готска-Сандэ. В начале операции до входа IV эскадры в Ирбенский пролив линейные крейсера, по приказу командира соединенных сил, должны были прикрывать ее, находясь ближе к Церелю. После входа у фарватеров устанавливалось несение дозорной службы полуфлотилией миноносцев для отражения могущих появиться извне неприятельских заградителей и подводных лодок.

Выход в операцию начался 4 августа с отправления в Либаву *Пиллау*, приданного к разведывательным силам

Балтийского моря. В тот же день I дивизион тральщиков вышел из Кильской гавани с приказанием проложить безопасный фарватер от Иерсгефта через загражденный район к западу от банки Штольпе; в.-адм. Хиппер не хотел пользоваться опасным в смысле присутствия подводных лодок фарватером от Риксгефта, а также слишком оживленным проходом к западу от Борнхольма. Пока линейные корабли и крейсера для вида занимались в Кильской бухте одиночными упражнениями, флотилии, одна за другой, были разосланы в Засснщ, Свинемюнде, Данциг и Либаву, чтобы они могли притти в район операции с возможно более полными угольными ямами. I и II разведывательные группы и I эскадра вышли 6 августа вечером в море, в течение ночи прошли Фемарн-Бельт и узкость у Гиедзера, соединились к востоку от Рюгена с III и V флотилиями и 1-й полуфлотилией, которые выстроились впереди в охранение от подводных лодок, и 7-го к полудню подошли в банке Штольпе. I дивизион тральщиков выполнил без задержек свою задачу, и у входа на протраленный фарватер длиной в 15 миль до подхода соединений был выставлен в качестве маяка один из тральщиков; дивизион же был отправлен для пополнения запаса угля в Нейфарвассер. В.-адм. Хиппер пошел курсом *NO* и 16-узловым ходом прямо в точку рандеву, назначенную командиром соединенных сил. С присоединением вышедшей из Данцига IX флотилии, вечером крейсера выстроились в походную дозорную линию впереди эскадры. На рассвете отряд вошел в соприкосновение с IV эскадрой.

Либавские морские силы вышли в море в течение 7 августа. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера соединился с дивизионом тральщиков в Виндаве; назначенный для их прикрытия *Тетис* временно стал на якорь в аванпорте. Оба прорывателя заграждений приступили к выполнению возложенной на них задачи — обследовать фарватер от Стейнорта к Люзерортскому рифу с западной стороны виндавского загражденного района. Около полудня коммодор Карф вышел в море на *Аугсбурге* с *Пиллау*, *V-99* и *V-100*, чтобы при заходе солнца поставить буй у начала входного фарватера (пункт «L», карта 5). Затем в течение ночи он крейсеровал к западу от банки Сарычева, а с рассветом прошел вдоль западного побережья полу-

острова Сворбе для обнаружения воздушных станций противника. Но ни *Пиллау* в заливе Аристени, ни *Аугсбург* у южной части побережья не заметили ничего подозрительного.

Главные силы либавских соединений после полудня вышли из гавани и ровно в 3 часа (8.VIII) были у входа в Ирбенский пролив. Буй «L» в предрассветных сумерках удалось найти не сразу. Поэтому II дивизион тральщиков только в 3 ч. 50 м., закончив постановку тралов, начал поход. Его сопровождали: *Бремен,* выделенный для отражения русских эскадренных миноносцев, ввиду наличия на нем двух 15-*см* орудий, и *Брауншвейг* под флагом к.-адм. Альбертса, с миноносцами для охраны от подводных лодок. Через час узкий фарватер между песчаными банками был протрален, и тральщики в точке «F» повернули на курс *Ost*. Вскоре после этого, в 5 ч. 10 м. они попали на мины. *Т-52* подорвался кормой и получил столь значительное повреждение, что через ¼ часа затонул, к счастью, без потерь в людях.

Катера-тральщики вспомогательного дивизиона Свинемюнде еще не успели подойти. 10 катеров вышли из Виндавы с первыми признаками рассвета и с помощью вспомогательного дивизиона рыбачьих пароходов прошли через Люзерортский риф; они поставили тралы в 4 ч. 45 м. в точке «Е» и пошли по направлению к точке «F». Длина этого галса была 4 мили, а так как главная группа уже была впереди, *Тетис,* сопровождавший тральщики под защитой тралов двух рыбачьих пароходов, решил подойти ко II дивизиону тральщиков. Он уже приблизился на расстояние 1 мили к точке «F», когда в 5 ч. 38 м. у него под носом взорвалась мина. Большой столб воды и масса осколков обрушились на мостик, электричество погасло, руль перестал действовать. Помещение торпедных аппаратов и носовые артиллерийские погреба тотчас наполнились водой, осадка носовой части увеличилась с 4,6 до 6,4 *м*, погибли 2 унтерофицера. Пара тральщиков, за которыми шел *Тетис,* незаметно для себя прошла через заграждение, одна из мин была захвачена вместо трала-искателя — серединой тралящей части тяжелого трала и буксировалась ею вместе с якорем; она и была причиной аварии. Пока крейсер

становился на якорь, сопровождавший его *S-141* вызвал катера-тральщика для вывода крейсера из района заграждения. Вследствие этого начальник дивизиона катеров-тральщиков получил почти одновременно два требования о помощи; оба были одинаково важны, почему дивизион был разделен пополам. Одна его часть была оставлена тралить и обставлять буями фарватер для выхода *Тетиса* на 10 *м* глубины, другая пошла на помощь ко II дивизиону тральщиков для прокладки фарватера через заграждения.

Неприятель, собравший в течение утра все свои силы за заграждениями Ирбенской позиции, безуспешно старался помешать работам. Подходили группы эскадренных миноносцев, с воздуха атаковал один самолет, затем открыли огонь *Храбрый* и другая канонерская лодка; часть снарядов и бомб ложилась среди тральщиков. Но нападавшие сейчас же отходили, как только *Бремен* или *Брауншвейг* в свою очередь открывали огонь. Артиллерия флагманского корабля десять раз открывала в это утро огонь из орудий тяжелого и среднего калибра, по большей части с расстояния свыше 150 *гм* (82 каб.), но каждый раз с незначительным числом залпов. Вызванный сюда же *Эльзас* также сблизился на дальность огня и достиг одного попадания в *Грозящий*. Хорошая видимость и спокойное море прекрасного летнего дня облегчали их задачу.

Линейные корабли, ходившие около точки «F» на курсах *SO* и *NW* самым малым ходом, тщательно охранялись от подводных лодок. Нужно было считаться с этим противником, и, действительно, уже много раз показывался перископ; поэтому миноносцы получили указание охранять корабли, не обращая внимания на границы протраленного фарватера, кроме особенно опасных от мин мест. Миноносцам поручалось также расстреливать оказавшиеся вблизи протраленного фарватера мины. После уничтожения флагманским миноносцем X флотилии *V-153* мины, казавшейся плававшей, флагманский миноносец 19-й полуфлотилии *S-144* убедился, что это была мина, стоявшая на поверхности. В 7 ч. 07 м. по соседству с такой миной он подорвался кормовой частью, получив тяжелые повреждения, но благодаря исправному действию руля и машин смог задним ходом выйти на протраленный фарватер. Там к

нему подошли *S-147* и *S-140* и отвели его в Либаву. После этого случая миноносцы, охранявшие корабли от подводных лодок, получили приказание держаться в пределах обставленного буями протраленного фарватера.

Около 10 ч. 30 м. из-за горизонта появился дым, принадлежавший, повидимому, большому кораблю. Дым и мачты были при их передвижении запеленгованы для определения курса, который мог пригодиться для проникновения в залив. Это была *Слава,* шедшая с поднятыми стеньговыми флагами и охранявшаяся миноносцами. С дистанции 160 *гм* (87,5 каб.) *Брауншвейг* и *Эльзас* открыли по ней огонь[1]. *Слава* не отвечала, но после шестого залпа отвернула и стала держаться вне дальности огня. Почему молчала ее тяжелая артиллерия — было неясно; некоторые думали, что она вообще снята. Во всяком случае путь тральщикам был свободен, потому что и остальные русские корабли не возобновляли атак.

К 11 ч. 15 м. проход через заграждение был протрален. Его пришлось сделать шириной в 500 *м,* так как пересечение линии заграждения с курсом было под очень острым углом. Это обстоятельство в соединении с большим количеством мелко поставленных мин затянуло работу: несмотря на тихую погоду, она потребовала шести часов. Вскоре после начала дальнейшего продвижения один из тралов снова зацепил, но после подробного обследования было установлено, что трал либо лег на грунт, либо запутался в обломках *Т-52.* Через 2 мили снова развевался сигнал «затралил мину», на этот раз на многих тральщиках. Дивизион пересекал заграждение, поставленное в направлении с юга на север. Тральщики прошли через него без потерь.

5 линейных кораблей типа *Виттельсбах* и крейсера Балтийского моря все время ждали у входа. Количество миноносцев, охранявших их от подводных лодок, было невелико, потому что почти половина VIII и X флотилий была в охране *Брауншвейга, Эльзаса, Бремена* и *Тетиса,* но в море опасения возможности подводных атак были меньше. Незадолго до 6 час. неприятельским самолетом была произведена

[1] *Слава:* 4—30,5-*см* (12″); *Брауншвейг* и *Эльзас* по 4—28-*см* (11″) при возможности ведения стрельбы одновременно носовой и кормовой башнями; в ином случае — половина этого числа.

воздушная атака. В то время как до этого вдали несколько раз были видны в воздухе самолеты, теперь солнце настолько сильно слепило, что тревога была сыграна лишь после падения бомбы в воду невдалеке от *Роона* и в 100 *м* от *S-138*. Только что открыли огонь по летающей лодке, как она круто пошла на снижение и села на воду. *S-138* взял в плен офицера и механика, прежде чем они успели испортить аппарат; последний был поднят на *Виттельсбах*. Из допроса летчиков выяснилось, что это был единственный из 6 поднявшихся аппаратов, выполнивший задание сбросить бомбы на главные силы. По их показаниям, в Рижском заливе находились 3 больших и 4 малых подводных лодки. Большой интерес представляло их правдоподобное сообщение, что все четыре корабля типа *Гангут* вполне готовы[1].

В.-адм. Шмидт был в полном курсе событий у Ирбенского пролива. Стрельба кораблей была видна и слышна; сообщения к.-адм. Альбертса и дивизиона тральщиков давали знать и о подробностях. В штабе не рассчитывали на столь большие потери, как гибель *Т-52* и подрыв на минах *Тетис* и *S-144*, и считали их очень чувствительными. Также неожиданно долгим оказался срок, потребовавшийся для прохода через заграждения: кап. 1 р. Генрих для траления прохода считал совершенно достаточным 3-часового промежутка времени, что, конечно, было правильно только для обстановки мирного времени. Когда около 13 час. стало известно об обнаружении второго заграждения, надежда поставить мины у южного выхода из Моонзунда в тот же вечер исчезла: заградителю *Дёйтшланд* после прохода заграждения требовалось, при отсутствии других задержек, еще 5½ часов, чтобы дойти до цели. В безлунную ночь было бы очень трудно надежно заградить пролив. В случае же переноса операции на утро пришлось бы оставить без достаточной защиты корабли, вошедшие в Рижский залив, в то время как подводные лодки, которые, несомненно, были высланы неприятелем из Ревеля или Гельсингфорса, еще смогли бы проникнуть в залив. С другой стороны, число миноносцев уже уменьшилось, и на 14 кораблей, включая

[1] См. примечание к стр. 55. — *Н. Н.*

Дёйтшланд, было всего 18 миноносцев, тогда как нужно было считаться с возможностью дальнейшего уменьшения их числа. Отложить прорыв до следующего дня не позволяли запасы угля на кораблях. Учитывая эти обстоятельства, в.-адм. Шмидт, по совету своего начальника штаба, прервал операцию. Приказ возвращаться, полученный на тральщиках в 13 ч. 45 м. одновременно с прибытием катеров-тральщиков, вызвал удивление и предположения, что он дан ошибочно. На II дивизионе тральщиков надеялись, что после прохода второго заграждения, на котором в это время производилась работа, весь загражденный район уже был бы пересечен. В то же время и это заграждение имело мелко поставленные мины, на одну из которых наткнулся и затонул через 20 минут *Т-58,* подошедшие же катера с трудом держались на волне, поднявшейся вследствие налетевшего грозового шквала.

Оба вспомогательные дивизиона тральщиков пошли обратно южным фарватером и во исполнение полученного приказания на обратном пути сняли буи. У Люзерорта моторные катера-тральщики были подняты на свои матки, которые после этого стали на якорь у Виндавы, чтобы подобрать оставленные тралы, и на следующее утро возвратились в Либаву. Нейфарвассерский вспомогательный дивизион тральщиков ночевал в виндавском аванпорте. II дивизион тральщиков после уборки буев на главном фарватере также вошел в Виндаву. *Дёйтшланд,* прорыватели заграждений и пароходы в течение ночи пришли в Либаву.

Тетис в 8 ч. 30 м. снялся с якоря и пошел, буксируемый за корму вспомогательным тральщиком *5;* вскоре, помогая собственными машинами, он смог передвигаться со скоростью 7,5 узла. Второй рыбачий пароход и *S-141* охраняли их от атак подводных лодок и помогали вести счисление. Доступ воды удалось ограничить тремя первыми отсеками, расположенными впереди кочегарки, но все же нос продолжал погружаться, и осадка в конце концов дошла до 7 *м.* К наступлению темноты крейсер ошвартовался в либавской зимней гавани. Через несколько часов туда же был приведен с помощью *S-147* и *S-140* справившийся со своей пробоиной *S-144.* Во время буксировки, происходив-

шей от точки «L» сперва на *W*, а затем на *S*, как раз в момент поворота, в 40 милях к западу от Люзерорта, сопровождавший их *S-31* (IX флотилии) обнаружил перископ. Эта тревога была не единственная; так, например, *V-108* заметил вечером у Виндавы подводную лодку, которую затем долго преследовал.

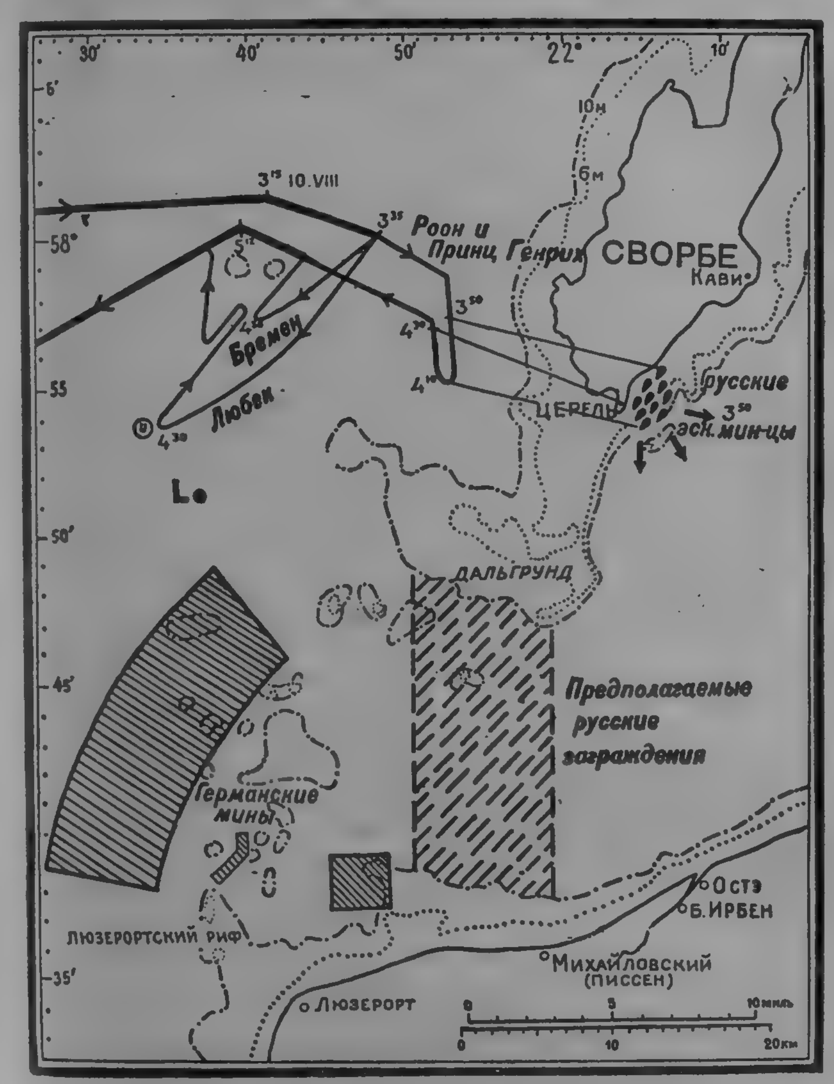
I эскадра под командой к.-адм. Гедеке была утром на широте Готска-Сандэ, а после полудня вновь спустилась к югу до Стейнорта. Большой расход угля на некоторых кораблях, объяснявшийся отчасти обрастанием подводной части, отчасти низким качеством угля, вынудил командира эскадры, несмотря на опасность от подводных лодок и хотя на каждые 2 корабля было только по 2 охраняющих миноносца, не давать более 14 узлов хода. В.-адм. Хиппер с I разведывательной группой, под охраной 6 миноносцев, дошел сначала до середины линии Готска-Сандэ — Богшер, затем пошел к Ирбенскому проливу, откуда снова дошел до Коппарстенарнэ. Легкие крейсера под командой к.-адм. Геббингауза — в следующем порядке с запада на восток: *Регенсбург, Грауденц, Штральзунд, Кольберг,* — в сопровождении по одному миноносцу у каждого, крейсеровали между указанными линиями туда и обратно. Все соединения и корабли ходили зигзагами, меняя курс через каждые ½ часа. Коммодор Ресторф на *Кольберге* около полудня обследовал бухты северного побережья Эзеля, выслав для этого сопровождавший его *V-30;* при этом был потоплен один парусник, с которого взяты в плен 3 человека призывного возраста, остальные 4 были отпущены на берег. Кроме этого, была встречена только возвращавшаяся с севера подводная лодка *U-10;* она с полудня 4 августа держалась к северу от Даго, крейсеруя преимущественно между Руссарэ и Моонзундом, но встретила только сторожевые корабли и подводные лодки, проходившие вне дальности торпедного выстрела. Неисправность в машине вынудила ее возвратиться. Перед уходом, 7 августа, она прошла весь район в надводном положении и обстреляла из своей 5-*см* пушки маяки Бенгшер и Оденсхольм. Этот набег, вызванный желанием показать присутствие подводной лодки и замаскировать свой уход, имел нежелательные последствия для начинавшейся на следующий день после этого

операции Хиппера, которая должна была выманить русский флот. Но об этом подводная лодка не знала, так как она вышла в поход еще 3 августа.

В.-адм. Шмидт считал неправильным прерывать всю операцию, а поэтому решил принять с освободившимися у Ирбенского пролива силами участие в выполнении задач, поставленных группе Хиппера. *Аугсбург* с *V-99* и *Пиллау* с *V-100* были высланы в подкрепление дозорной линии; еще до наступления темноты первый сменил *Кольберга*, отпущенного в Либаву, а второй был поставлен между *Регенсбургом* и *Грауденцем*. Все остальные корабли и миноносцы стянулись к *Виттельсбаху* и пошли между Фарэ и Готска-Сандэ на запад. Ранним утром 9 августа соединение почти в 30 кораблей было у Ландсорта, где его видели многочисленные пароходы, шедшие в Стокгольм. Там часть кораблей сделала остановку для снабжения углем и водой миноносцев VIII флотилии. После этого эскадра, идя *S*-вым курсом, прошла в видимости маяков Альмагрундет и Хуввудшер, а затем переждала темное время вне видимости с берега. Передвижение I эскадры, I разведывательной группы и дозорной цепи совершалось согласно распоряжениям, отданным накануне. В полдень неприятельская подводная лодка (*Е-1*) в 30 милях к северо-западу от банки Сарычева атаковала *Штральзунд*, но промахнулась: торпеда прошла в 100 *м* за кормой. *Регенсбург* несколько раз осматривал проходившие пароходы.

Утром 10 августа пришлось начать возвращение; хотя при каждом удобном случае одна полуфлотилия за другой и высылались в Либаву для погрузки угля, но все же большинство миноносцев имели уголь на исходе. До начала возвращения крейсера Северного моря должны были, по приказанию в.-адм. Шмидта, отданному в полдень 9-го, произвести намеченный обстрел Утэ, а крейсера Балтийского моря — обстрелять авиационные ангары и радиотелеграфную станцию на Цереле, места которых стали приблизительно известны из опроса пленных летчиков. В поддержку балтийским крейсерам назначалась IV эскадра, а I эскадре было приказано подняться до широты Дагерорта.

К.-адм. Гопман назначил для проведения обстрела *Роон* и *Пр. Генрих*, для прикрытия их с фланга в точку «L» были

Черт. 20. Обстрел Цереля 10 августа 1915 г.

высланы *Любек* и *Бремен* (черт. 20). X флотилия, снова имевшая в своем составе 10 миноносцев, получила задание охранять крейсера от подводных лодок, а если понадо-

бится, то итти впереди отряда с тралами. Около 3 ч. 30 м. (10.VIII) перед отрядом появились контуры полуострова Сворбе, вблизи маяка был виден нефтяной дым, а под ним скрытый в большей своей части за берегом дивизион эскадренных миноносцев. Броненосные крейсера тотчас подошли возможно ближе к берегу, насколько это позволяли глубины, повернули на курс *S* и в 3 ч. 50 м. открыли огонь с расстояния 130 *гм* (71 каб.). Эскадренные миноносцы были застигнуты врасплох, но так быстро снялись с якоря, что в 4 ч. 10 м. последний из них уже выходил из зоны обстрела. Ввиду большой разницы между показаниями лота и глубинами на карте крейсера повернули на обратный курс и обстреляли ангары в окрестностях маяка; радиотелеграфную станцию обнаружить не удалось. В 4 ч. 30 м. стрельба была прекращена; всего было произведено 65 выстрелов из крупных орудий и 200 выстрелов среднего калибра. В результате обстрела, который русскими был назван «Церельской побудкой», были 2 попадания в *Сибирский стрелок,* вызвавшие пожар; на суше один из самолетов получил тяжелое повреждение.

Любек, державшийся у среднего входа в пролив, был атакован подводной лодкой *S-146* своевременно дал сигнал тревоги, и крейсеру с трудом удалось, повернув полным ходом на неприятеля, пропустить 2 торпеды под носом и 2 за кормой. Вблизи от места атаки всплыла русская торпеда, которая была расстреляна *S-146*. Подводная лодка *Гепард* выпустила с 1 200 *м* 5 торпед, и ее командир приписывал себе большой успех, так как 3 произведенных с *Любека* выстрела он принял за взрывы своих торпед. В 6 час. в 30 милях западнее п-ва Сворбе *Роон* увидел на большом расстоянии всплывшую подводную лодку, которая, однако, тотчас скрылась. Вскоре после этого к.-адм. Гопман соединился с IV эскадрой, которая уже направлялась в свои порты. Спустя немного времени в Данциг были отпущены *Брауншвейг, Эльзас, Роон, Пр. Генрих,* вместе с VIII флотилией. 7-я дивизия, *Любек, Бремен* и X флотилия пошли в Либаву. Последние были в гавани около полудня, броненосные крейсера вернулись поздно вечером, а самая тихоходная 8-я дивизия вошла только на следующее утро с рассветом.

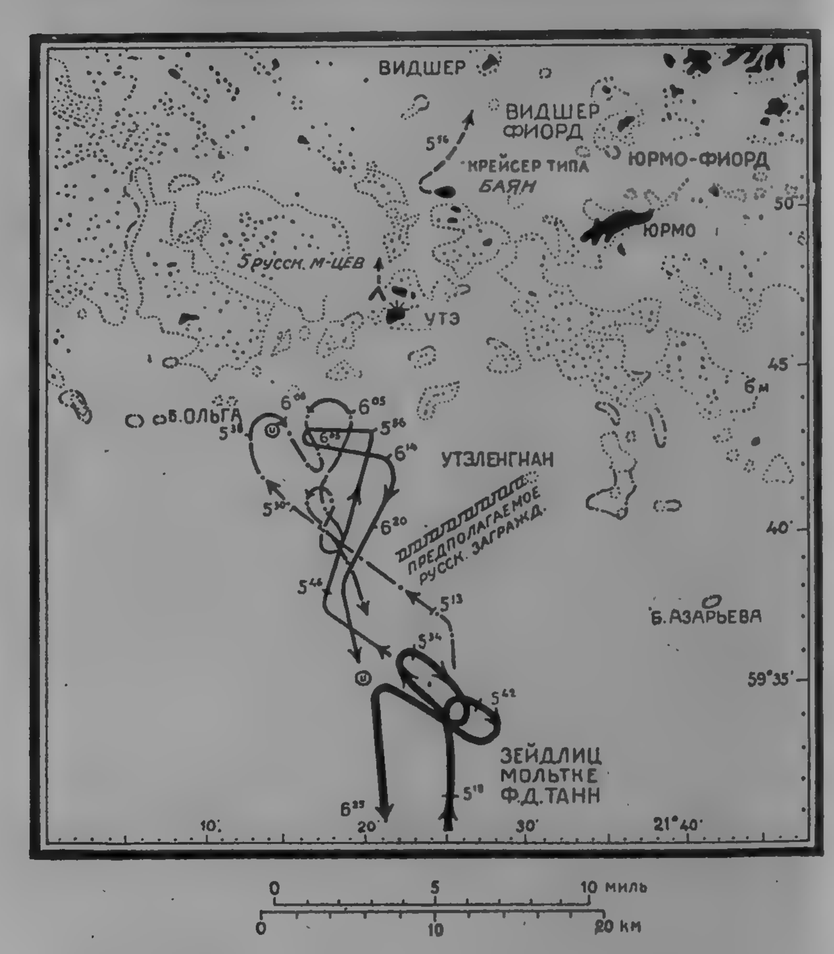
Обстрел Утэ был поручен легкому крейсеру *Кольберг*. В 5 час. он и сопровождавший его флагманский миноносец IX флотилии *V-28* были у маяка, вскоре после этого были обнаружены неприятельские эскадренные миноносцы, выходившие из шхер (черт. 21). Последние тотчас же повернули и зигзагами пошли обратно к Утэ. *Кольберг* в 5 ч. 24 м. с расстояния 100 *гм* (54,6 каб.) открыл огонь сначала по эскадренным миноносцам и попал в концевой из них. Но через несколько минут противник уже вышел за пределы дальности огня.

В то же время в.-адм. Хиппер, следовавший на некотором расстоянии с I разведывательной группой, выслал для обстрела Утэ *ф. д. Танн* вместо занятого боем с эскадренными миноносцами *Кольберга*. Командир линейного крейсера, несмотря на узость фарватера и возможность наличия неизвестных минных заграждений, подошел к Утэ на 75 *гм* (41 каб.), повернул на *W*-вый курс и сначала открыл в 5 ч. 56 м. огонь по кораблям: из тяжелых орудий — на расстоянии 150 *гм* (82 каб.) по крейсеру типа *Баян*[1], стоявшему за островом и теперь начавшему удаляться, а средней артиллерией — по отступавшим эскадренным миноносцам. Неожиданно в бой вступили три береговых батареи, ввиду чего в 6 ч. 01 м. огонь был перенесен на них. Хотя они были вооружены средними и легкими пушками, но ввиду сравнительно небольших дистанций их залпы ложились близко к крейсеру. Один из снарядов попал в носовую трубу; попадание причинило лишь незначительное повреждение и обошлось без потерь в людях. В 6 ч. 05 м. *ф. д. Танн* повернул на обратный курс ввиду поступившего с *Кольберга* сообщения о подводной лодке. Бой продолжался. Одна батарея за другой были приведены к молчанию, и потому огонь еще раз на короткое время был в 6 ч. 14 м. перенесен на *Баян*, отошедший на 180 *гм* (98,5 каб.), а затем на маячную башню и радиостанцию. В 6 ч. 18 м. огонь был прекращен; расход снарядов: 62 шт. 28-*см* (11″) и 80 шт. 15-*см* (5,9″) фугасных. Командир выполнил свою задачу. За исключением обстрелянных

---

[1] На самом деле на рейде Видшер (севернее Утэ) стоял бр. кр. *Громобой*.

целей других не было видно, кроме того, возрастала опасность от подводных лодок. Не только *Кольберг* видел перископ и пытался таранить подводную лодку, но и оба

Черт. 21. Обстрел Утэ 10 августа 1915 г.

конвоировавшие *ф. д. Танн* миноносца — *S-31* и *G-197* — видели и обстреляли перископ, а с *Зейдлица* прожектором сообщали, что видят подводную лодку; *G-11*, несомненно,

видел также перископ[1]. Поэтому в.-адм. Хиппер приказал собираться. *Кольберг* в 6 ч. 25 м. еще раз приблизился к Утэ, чтобы попытаться выманить *Баян,* а затем присоединился к линейным крейсерам.

В.-адм. Хиппер выслал I эскадру с III флотилией в Свинемюнде, где все было приготовлено для погрузки угля на рейде. I разведывательная группа с *Кольбергом* и *Регенсбургом,* V флотилией и 1-й полуфлотилией пошли в Путцигскую бухту и в Нейфарвассер. Остальные легкие крейсера и IX флотилия были направлены в Либаву. Обратный путь прошел без помехи, несмотря на многочисленные донесения о виденных подводных лодках. Кроме *Любека и Рона,* рубку подводной лодки дважды видели *Аугсбург* и *V-99* у Дагерорта между 5 и 7 час., а *Пиллау* в 15 милях южнее Богшера расстрелял плававшую торпеду. После полудня II разведывательная группа с *Аугсбургом* вошли в Либаву. I разведывательная группа на следующее утро стала на якорь на мелком месте в Путцигской бухте и по окончании погрузки угля поставила бортовые противоминные сети. Одна из полуфлотилий по очереди охраняла вход с моря, находясь днем — на ходу, а ночью — на якоре, кроме того, бухта повторно осматривалась самолетами путцигской станции. Линейные корабли мимо Рикстефта прошли в Свинемюнде, где 11 августа вошли в гавань, благодаря произведенным за последние месяцы углубительным работам. *Ольденбург* и *Позен* пришлось все-таки отправить в Киль из-за недостаточности запаса угля на складах; утром 13-го они уже возвратились.

В.-адм. Шмидт вечером 8 августа отправил командующему морскими силами радиотелеграмму с перечислением событий дня, настолько подробным, насколько это позволял перегруженный эфир; в конце ее он сообщал:

> «Операция против Рижского залива прервана ввиду очень сильных минных заграждений. Установлено наличие нескольких заграждений, следующих друг за другом...

[1] Здесь находились на позициях: в 4 милях к югу от Утэ подводная лодка *Крокодил* и далее в 10 милях подводная лодка *Кайман,* пытавшиеся, но без успеха, атаковать противника. — *Н. Н.*

Повторение прорыва может быть успешным, кроме остального—лишь в случае участия многочисленных тралящих соединений».

Пр. Генрих, после того как он предоставил командовавшему в море флагману полную самостоятельность, и знавший тем более, что на *Виттельсбахе* находится начальник его штаба, был крайне удивлен и запросил, нужно ли отменить прорыв или же он может быть продолжен и когда, в то же время ответив:

«увеличить количество тральщиков невозможно, считаю проведение операции необходимым».

В.-адм. Шмидт более подробно сообщил 9-го вечером доводы, побудившие его прервать операцию: невозможность заградить Моонзунд до наступления темноты и вытекавшая отсюда опасность увеличения количества неприятельских подводных лодок.

«Вчерашняя операция носила характер глубокой разведки, которая удалась. Считаю прорыв выполнимым. Немедленное продолжение не предполагалось, так как повторение прорыва, в связи с действиями армии, вновь потребует, вероятно, такого же риска и немалых потерь, если в промежутках между операциями Рижский залив не будет удержан в наших руках... Вчера вечером получил сообщение о прибытии I дивизиона тральщиков в Мемель. Мне было неизвестно, что он в моем подчинении. Иначе отодвинул бы срок начала операции на 3 дня»[1].

В ответ на это пр. Генрих приказал:

«Операцию приостановить. Приступить к повторению ее тотчас по окончании погрузки угля всеми соединения-

---

[1] Командованию соединенными силами было, однако, сообщено командующим морскими силами 4 августа: «Командующий флотом предоставил I дивизион тральщиков. Будет тралить 5 и 6 августа фарватер западнее банки Штольпе на NO». Ввиду сокращенного содержания телеграмма была понята так, что дивизион предоставлен лишь для выполнения этой работы. Когда Хиппер по окончании первой работы выслал дивизион через Нейфарвассер в Мемель, командир соединенных сил об этом ошибочно уведомлен не был. Только из-за такого узкого толкования извещения, какое было теперь придано командованием соединенными силами, недоразумение все-таки не возникло бы.

ми или 14 августа в случае, если остаются в силе переговоры 1 августа с командованием армией. В перерыве тщательно наблюдать за Рижским заливом».

Пр. Генрих понял ссылку на армию в том смысле, что в Либаве имели место новые переговоры с ее представителями. Но в.-адм. Шмидт ссылался на переговоры 1 августа. В Неманскую же армию была послана телеграмма:

«Флот предполагает, начиная с 14 августа, на 3 дня войти в Рижский залив».

В действительности никаких новых переговоров не произошло, а дата 14 августа появилась из предположений, которые были уже оставлены в связи с переходом *Славы*. Командир соединенных сил, однако, имел в виду возможность, что армия все же начнет еще наступление на Ригу. Обмен телеграммами 10 августа хотя и не внес окончательной ясности в создавшееся положение, но привел к определенному решению:

«Операцию в Рижском заливе провести в ближайшее время».

Но главной причиной, побудившей в.-адм. Шмидта ожидать наступления армии, был опыт первой попытки, который показал, что прорыв будет сопряжен со значительными жертвами, в связи с чем у него снова возникли сомнения, будут ли результаты соответствовать риску. Он донес 11 августа, когда береговой телеграф дал ему возможность более пространного изложения:

«Мой оперативный приказ основывался на том предположении, что, по меньшей мере, в течение первого дня можно будет достигнуть быстрого хода операции. На опыте 8 августа я убедился в неправильности этого мнения. Подводная оборона оказалась сильнее, а моя противолодочная защита была слишком слаба. Если я оставлю в силе прежнее распределение сил, то мне придется считаться с вероятностью больших окончательных потерь из числа кораблей типа *Виттельсбах* и *Брауншвейг*, а также и броненосных крейсеров, при выполнении задачи, которую при другом распределении сил я считаю выполнимой с большим расчетом на военный успех. Тогда как первоначальная цель операции заключалась в производстве ле-

монстрации в Рижском заливе с тем, чтобы выманить противника из Гельсингфорса на силы в-адм. Хиппера... теперь главная цель становится второстепенной, а побочная задача — главной. Русский флот, повидимому, не выйдет, потому что он осведомлен о присутствии частей Флота открытого моря в Балтийском море; но мы все же не можем отказываться от участия отряда Хиппера. Быть может мне удастся с большим риском и потерями в легких крейсерах и миноносцах уничтожить несколько неприятельских эскадренных миноносцев; большинство из них ускользнет через Моонзунд. Возможно удастся отрезать *Храброго* и почти наверное уничтожить *Славу*. Не нахожу себя вправе судить, достойны ли перечисленные объекты больших жертв... Я также довожу до сведения, что немедленное оставление залива после удачного, а может быть совершенного с большими потерями прорыва стратегически и просто с военной точки зрения считаю неправильным. В случае получения приказания приступить в ближайшее время к проведению операции, к выполнению прорыва будет приступлено с введением в действие всех сил и несмотря на возможные потери. Я буду руководить операцией с одного из кораблей типа *Нассау* или с *Мольтке,* а корабли IV эскадры, *Роон* и *Пр. Генрих* ввиду слабости их защиты от мин и торпед с собой не возьму. Но в то же время в операции будут участвовать 5 легких крейсеров и 3 флотилии миноносцев».

Командующий морскими силами, который, кроме своего 1-го офицера морского генерального штаба кап. 2 р. Вестеркампфа, совещался с командиром ремонтировавшегося в Киле броненосного крейсера *Пр. Адальберт,* кап. 1 р. Михельсеном, остался при своем решении.

В Берлине следили за событиями с серьезным вниманием. 10 августа к.-адм. Бенке сообщал по телефону в главную квартиру:

«Мне кажется, что прорыв с боем ввиду очевидной большой опасности от мин и подводных лодок не оправдывается целями операции. Я считаю более правильным возвратиться к прежнему плану возможно скорее заградить вход в залив минами, в случае если армия не имеет

> намерения во всяком случае сохранить возможность прорыва флота...»

Он также указал на то, что выделенные силы Северного моря ни в коем случае не должны быть задержаны в Балтийском море дольше, чем это безусловно нужно. Адм. Бахман был с ним согласен, но до доклада этого вопроса кайзеру хотел еще раз слышать мнение начальника генерального штаба и пр. Генриха. Ген. Фалькенхайн ответил теперь уже совершенно определенно:

> «Наступление на Ригу сухопутных войск не предполагается».

Гр.-адм. пр. Генрих 12 августа сообщил в противоположность мнению морского генерального штаба, что продолжение уже начатой операции необходимо,

> «исходя из стратегических, военных и моральных соображений»

Кайзер, высказавшийся при получении первых известий за продолжение операции, и в особенности за уничтожение *Славы,* не согласился с доложенными ему противными доводами. Он приказал еще раз запросить принца, убежден ли тот на основании данных производившейся разведки, что ожидаемые результаты операции будут соответствовать возможным жертвам. В то же время указывалось на ведение против *Славы* операции подводными лодками.

Пр. Генрих подтвердил свое прежнее мнение и подкрепил его следующими соображениями[1]:

> «1) Рижский залив стратегически важен для русских, что подтверждается упорной обороной ими этого водного района.
>
> 2) В такой же мере для нас стратегически неудобно, что противник господствует в заливе. Очень трудно удерживать там наши наблюдательные пункты. Русская позиция занимает фланкирующее положение по отношению к нашим операциям против Финского залива и угрожает водному району у Либавы. Энергичная операция обещает

---

[1] Разговор по прямому проводу 12 августа поздно вечером (сокращенно).

успех и облегчение положения на долгий срок, в особенности, если удастся заградить Моонзунд. Заграждение там может быть поставлено с таким расчетом, что его будет очень трудно вытралить.

3) Уничтожению *Славы* я приписываю моральное значение.

4) При первом наступлении мы понесли некоторые потери. Они сами по себе незначительны, но в случае, если операция не будет продолжена, они будут истолкованы русскими как наше поражение.

5) Я хотел бы использовать присутствие соединений Северного моря, тем более, что при дальнейшем выжидании русские только усилят подводную оборону залива.

6) Командование на *Виттельсбахе* держится со мною одного мнения, что операция необходима и может быть проведена с большим расчетом на военный успех, но, также в согласии со мною, отдает себе отчет, что она не может быть доведена до конца без риска и потерь».

На состоявшемся в полдень 13-го докладе пункты 2-й, 3-й и 6-й решили дело. На самом деле указанное в заключении единодушие командующих в Киле и в Либаве было относительным. В.-адм. Шмидт, хотя и приписал в военном дневнике к полученной от пр. Генриха 9 августа телеграмме («считаю проведение операции необходимым») свое замечание: «Я того же мнения», но продолжил: «Остается только вопросом — когда», и в дальнейшем высказал, как и прежде, ряд сомнений. Ссылка же на мнение командования соединенными силами, что «операция может быть проведена с большим расчетом на военный успех» основывалась на ошибочно понятой телеграмме. По предложению начальника морского генерального штаба, кайзер приказал предоставить пр. Генриху свободу действий «при условии надлежащих мер предосторожности против потерь».

Предостерегающий голос раздался еще раз. Гр.-адм. Тирпиц при осуществлении давно задуманной им поездки для осмотра Либавы по пути туда заехал в Лодзь, где 13 августа посетил Гинденбурга и 14-го прибыл к месту назначения. Он убедился из разговоров с в.-адм. Шмидтом, что положение, как он это себе и представлял по поступившим в течение последних дней сведениям, действительно мало

благоприятно. Шмидт не скрывал от морского министра, что он разделяет его опасения; естественно, что теперь, при наличии приказа, он не спрашивал «зачем» и «почему». Гр.-адмирал считал своим долгом ввиду выяснившейся при его поездке новой точки зрения воспользоваться предоставленным ему с начала войны правом советовать и телеграфировал командующему морскими силами и начальнику морского генерального штаба:

> «Я считаю операцию опасной и лишь в том случае целесообразной, если армия начнет наступление на Ригу. Я твердо уверен, что оно еще состоится... предполагаю, что окончательное решение будет принято через 8 дней, а может быть и раньше. Теперешняя операция флота связана со значительным риском и не имеет никаких видов на действительный успех».

Гинденбург и Людендорф снова безуспешно пытались получить согласие высшего командования на проведение предположенного ими охвата на левом фланге. В Киле и в Берлине после имевших место событий относились с некоторым недоверием к исходившему из Либавы известию о наступлении. Но так как морской министр в ответ на запрос не счел себя уполномоченным докладывать о положении высшему командованию, постановка вопроса, противоречившая высказанному за 3 дня до этого официальному мнению начальника генерального штаба, не могла получить дальнейшего движения. Кроме того, кратко изложенного мнения гр.-адм. Тирпица было недостаточно для получения нового решения кайзера. Когда морской министр 15-го после полудня дал обоснование своего мнения:

> «Без участия армии мы будем вынуждены вскоре снова очистить Рижский залив. Россия объявит это своей победой»,

операция уже полностью развернулась.

Глава X

ВТОРОЙ ПРОРЫВ В РИЖСКИЙ ЗАЛИВ

До начала новой операции входы в Финский и Рижский заливы в соответствии с указанием пр. Генриха были под тщательным наблюдением. В течение 11 августа вышли в море *U-26* и *U-9*, первая — в район Оденсхольма и восточнее его, а вторая — в район к северу от Даго. Так как одновременно с ними вышла *UC-4* для заграждения минами входа к Утэ, командир *U-9* решил предварительно произвести нападение на тот броненосный крейсер, с которым 10-го вступил в бой *ф. д. Танн*. 12-го после полудня *U-9* при благоприятной погоде в подводном положении направилась в шхеры. Лодка беспрепятственно подошла к Утэ, прошла около 19 ч. 30 м. совсем близко от батареи, расположенной на большом острове, и вскоре командир смог осмотреть оказавшийся перед ним шхерный плес и открытый с северо-запада рейд (см. выше, черт. 21). Крейсера не оказалось, лишь в глубине гавани стоял на якоре небольшой вспомогательный корабль, а в расстоянии менее 1 000 *м* была обнаружена подводная лодка [1]. От нее отошел стоявший по борту паровой катер, и лодка стала выходить на фарватер, прямо по направлению на *U-9*, ввиду чего последняя не смогла занять позиции для выстрела и должна была поторопиться очистить узкий фарватер. Неприятельская лодка открыла огонь из орудия мелкого калибра и выпустила торпеду, но промахнулась. Наступаю-

---

[1] Ввиду данных радиоразведки, что около Утэ надо ожидать появления германской подводной лодки, туда для ее атаки была послана подводная лодка *Кайман*. — *Н. Н.*

щая темнота вынудила *U-9* к уходу. Она привезла с собой важное наблюдение, что неприятель также пользовался подводными лодками для постановки мин; по крайней мере, на виденной ею лодке были замечены 5 или 6 предметов, похожих на корпуса мин.

UC-4, встретившаяся на следующий день с *U-9,* чтобы использовать добытые последней сведения, была поставлена в затруднительное положение. Перед выходом теперь крейсеровали миноносцы, а стоявшие до этого входные буи оказались убранными. Командир смог лишь на рассвете 14 августа проникнуть к Утэ и, выходя, поставить свои 12 мин непосредственно к северо-западу от острова. Когда он через несколько часов всплыл и направился обратно, вплотную около Утэ поднялось высокое белое облако, что позволяло надеяться, что одна из поставленных мин сослужила свою службу; какой из кораблей подорвался — до сих пор неизвестно[1]. Задача была успешно выполнена, несмотря на навигационные трудности и совершенно гладкое море, а также несмотря на неисправность гирокомпаса, с которой пришлось бороться почти с начала похода. При этом лодке сопутствовало счастье; когда она на следующий день после полудня поднялась на широте Фильзанда на поверхность для регулировки компаса и застопорила машины, неприятельская лодка (*Е-9*) выпустила в нее с расстояния 150 *м* три торпеды, из которых две прошли: одна — под рубкой и другая — под кормой. Быстрое погружение спасло лодку от дальнейших атак. Пока *UC-4* возвращалась в Либаву, *U-9* и *U-26* оставались на позиции.

Перед Рижским заливом, начиная с вечера 11 августа, крейсеровали два легких крейсера, каждый в сопровождении двух миноносцев. *Штральзунд* был выдвинут к Готска-Сандэ, а вооруженный 15-*см* орудиями *Пиллау* крейсеровал к западу от полуострова Сворбе. В полдень 13-го *Регенсбург* и *Кольберг* заняли свои места. Кроме задания охранять вход в Ирбенский пролив от неприятельских минных постановок, им было предложено наблюдать за неприятельскими кораблями, которые несли дозорную службу,

[1] Это заграждение было обнаружено через 4 дня при проверке входного створа в Утэ. Никаких боевых или иных судов на этом заграждении не взрывалось. — *Н. Н.*

и с помощью кратковременных обстрелов держать неприятеля в напряженном состоянии. В первое же утро (12.VIII) *Пиллау*, идя с запада, приблизился насколько возможно ближе к Церелю и обстрелял сигнальную станцию и авиационные ангары; маячную башню сознательно щадили. Вечером тот же крейсер, идя *S*-вым курсом вдоль полуострова, благодаря хорошей выучке артиллерии, обстрелом с расстояния 130 *гм* (71 каб.) разогнал стоявшие по другую сторону суши корабли, хотя были видны только с «вороньего гнезда» одни их мачты. На рассвете 13-го были высланы с целью выманить неприятельские эскадренные миноносцы *V-27* и *S-31*. Когда они с расстояния 80 *гм* (43,7 каб.) обстреляли неприятеля и, насколько можно было судить, достигли попаданий, последний не принял боя и отступил, несмотря на значительное превосходство сил. Через 24 часа *V-191, G-193* и *G-194* удалось обстрелять *Новик* и два эскадренные миноносца типа *Эмир Бухарский;* неприятель не выходил из-за отмелей, и после 8-минутной перестрелки германские миноносцы повернули обратно.

Кроме эскадренных миноносцев, несколько раз появлялся минный заградитель *Амур*, а с Михайловского маяка сообщили, что русские использовали перерыв для усиления своих минных позиций в Ирбенском проливе. Это не было неожиданным: уже 11 августа рано утром наблюдатели видели к востоку от Михайловского маяка работу заградителей, а 13-го и 14-го снова повторились передвижения кораблей, занятых почти несомненно минной постановкой. Но наибольшую деятельность противник развивал, повидимому, в ночное время. Он укреплял свои позиции не только в проливе, но и усилением наружных полей: *Кольберг* видел к западу от банки Березина русские мины, но не смог установить, были ли они на плаву или же поставлены близко к поверхности. Впоследствии они оказались сорванными пловучими минами, но в Ирбенском проливе *Амур* и миноносцы в течение этих дней поставили свыше 400 мин и сетевое заграждение. Многочисленные появления подводных лодок показывали, что русские рассчитывали на повторение прорыва с северо-запада. Утром 13-го по *Пиллау* были выпущены три торпеды, но безуспешно, так как их следы и перископ лодки были замечены своевре-

менно и крейсер успел уклониться. *Кольберг* после полудня 13-го и утром 14 августа не менее пяти раз видел подводные лодки, причем один раз и ему пришлось уклоняться от торпеды, а ввиду случайной отлучки охранявших миноносцев — вступить с подводной лодкой в бой. Вследствие этого предполагали наличие позиции двух, а может быть и трех подводных лодок, но крейсера все же продолжали держаться до полудня 14 августа в назначенном для них районе.

В то же время обнаружили неприятельскую подводную лодку у Полангена. Около полудня 13-го в этом месте по шедшей с запада без сопровождения авиаматке *Ансвальд* была выпущена торпеда. Лодка была обнаружена одним из высланных на ее поиски самолетов и на нее были сброшены шесть бомб, но она успела уйти на глубину и поздно вечером была снова обнаружена у Мемеля одним из миноносцев. Неприятель успеха не имел. После тщательного обследования подозрительного района тремя миноносцами 20-й полуфлотилии на следующий вечер возобновилось движение пароходов (транспортов), в том числе было разрешено следовать и парому-пароходу *Прёйсен* с грузом железнодорожных вагонов и 1 500 солдат. В.-адм. Хиппер предполагал с линейными крейсерами уйти из Путцигской бухты, но остался там, потребовав лишь на будущее время усиления охраны. По просьбе пр. Генриха, командующий флотом выслал для этой цели из Северного моря девять вспомогательных тральщиков.

Прибывший 11 августа в Седдин взамен *L-5* воздушный корабль *SL-4*[1] был использован для разведки над Рижским заливом, сухопутным фронтом и Усть-Двинском. Командование соединенными силами возложило на него задачу выяснить, какие именно морские силы там находились, так как утром 12 мая побережье у Лацупа и Думбе снова было обстреляно канонерской лодкой. *SL-4* поднялся вечером 13-го и благодаря хорошей погоде смог на следующее утро осмотреть всю южную часть залива, сделал

[1] *SL-4* системы Шютте-Ланц. Длина — 153 *м*, объем — 62 400 *куб. м*. Скорость—45 миль в час, запас топлива на 30 часов полета, 2 пулемета. Построен в 1915 г.

при дальнейшем полете фотографические снимки побережья и пролетел затем над Усть-Двинском. Ни в море, ни в портах и гаванях крупных военных кораблей обнаружено не было. Батареи и дозорные миноносцы открыли энергичный огонь фугасными снарядами и шрапнелью, от которого воздушный корабль легко уклонился, забрав высоту в 1 200 *м*. После 16-часового полета он невредимым вернулся в свой эллинг.

Приготовления к новой операции против Рижского залива проводились планомерно изо дня в день. После приема докладов от начальников тралящих соединений в.-адм. Шмидт сообщил 12 августа флагманам стоявших в Либаве соединений, в том числе вызванному к этому дню Хипперу, свои предположения. Оперативные задачи оставались прежние. Но вместо IV эскадры и броненосных крейсеров в.-адм. Шмидт решил войти в Рижский залив только с двумя сильными и хорошо защищенными в подводной части линейными кораблями *Позен* и *Нассау*. На траление отводилось значительно больше времени. На выполнение операции предполагалось затратить не менее 5 суток. Начало операции несколько затянулось из-за переговоров между Килем и главной квартирой. Лишь после полудня 13-го пришло окончательное решение пр. Генриха:

> «...провести операцию в духе вашего боевого приказа от 5 августа. Предложенная перегруппировка сил представляется мне приемлемой. Демонстративный обстрел Усть-Двинска предоставляется вашему усмотрению (проведение не обязательно). Указанные кайзером меры предосторожности, по моему мнению, должны заключаться в тщательной разведке, надежном охранении кораблей от подводных лодок и усиленном использовании вспомогательного дивизиона катеров тральщиков из Свинемюнде для траления мелкопоставленных мин... Предлагаю вашему рассмотрению предложение оставить в Либаве все корабли, в участии которых нет настоятельной необходимости, с расчетом предоставить остальным возможно более сильную противолодочную защиту».

Отряд, назначенный для прорыва в Рижский залив, имел на этот раз следующий состав:

Позен (флагм. кор.), *Нассау, Грауденц, Пиллау, Бремен, Аугсбург*[1]; *V-99, V-100;* VIII, IX и X флотилии (31 миноносец); I и II дивизионы тральщиков; два вспомогательных дивизиона тральщиков — Свинемюнде и Нейфарвассера; полуфлотилия сторожевых кораблей (8); вспомогательный минный заградитель *Дейтшланд*; три парохода для затопления и *V-108*; два прорывателя заграждений.

Начальник прикрывающего отряда в.-адм. Хиппер возглавлял следующие силы:

Остфрисланд (флагм. кор.), *Тюринген, Гельголанд, Ольденбург, Рейнланд, Вестфален, Брауншвейг* (2-й флагм. кор.), *Эльзас; Зейдлиц; Мольтке, ф. д. Танн; Роон, Регенсбург, Штральзунд, Любек, Кольберг;* I, III и V флотилии (32 миноносца).

В Либаве были оставлены 5 линейных кораблей типа *Виттельсбах,* оба линейных корабля V эскадры, авиаматки и госпитальное судно. Для их защиты в последние дни была заведена сетевая преграда в северном входе, снаружи гавани было установлено наблюдение четырех оставленных для этой цели сторожевых кораблей и, кроме того, самолетов, которые вместе с воздушным кораблем не принимали непосредственного участия в операции. *Пр. Генрих* был послан для выполнения большого ремонта в Гамбург, а *UA* для той же цели — в Данциг.

К вечеру 14 августа I эскадра вышла из Свинемюнде в море и, пройдя мимо Риксгефта, направилась к месту рандеву, назначенному в 30 милях к западу от Либавы. Туда же к 19 ч. 15 августа собрались корабли из Путцигской бухты, Данцига и Либавы. В.-адм. Шмидт со своим штабом перешел на *Позен,* а *Брауншвейг* и *Эльзас* заняли в строю место назначенных для прохода в Рижский залив линейных кораблей. Согласно приказу командования соединенными силами I эскадра с утра 16-го крейсеровала в районе восточнее Фарэ, а I разведывательная группа — на широте Готска-Сандэ, не заходя севернее линии Коппарстенарнэ — Хундсорт; крейсера к.-адм. Гопмана выстроили дозорную линию между Свенска-Хегарнэ и Дагерортом.

[1] 2-й флагман разведывательных сил Балтийского моря коммодор Карф не находился на корабле, так как был в отпуску по болезни.

Все соединения должны были с наступлением темноты стянуться к югу для затруднения прорыва сил противника, а с рассветом вновь подняться до указанных мест. В.-адм. Хиппер не мог выделить особого дозора к Ирбенскому проливу, как этого желал в.-адм. Шмидт, потому что миноносцев едва хватало для охранения кораблей. Длительность операции вынуждала все время посылать крупные корабли и миноносцы для пополнения запаса угля в Путцигскую бухту и в Либаву. Вследствие этого в течение всей операции единовременно отсутствовали посменно: 2 линейных корабля, 1 крейсер и в среднем 1 флотилия миноносцев; только 3 линейных крейсера не ходили на погрузку.

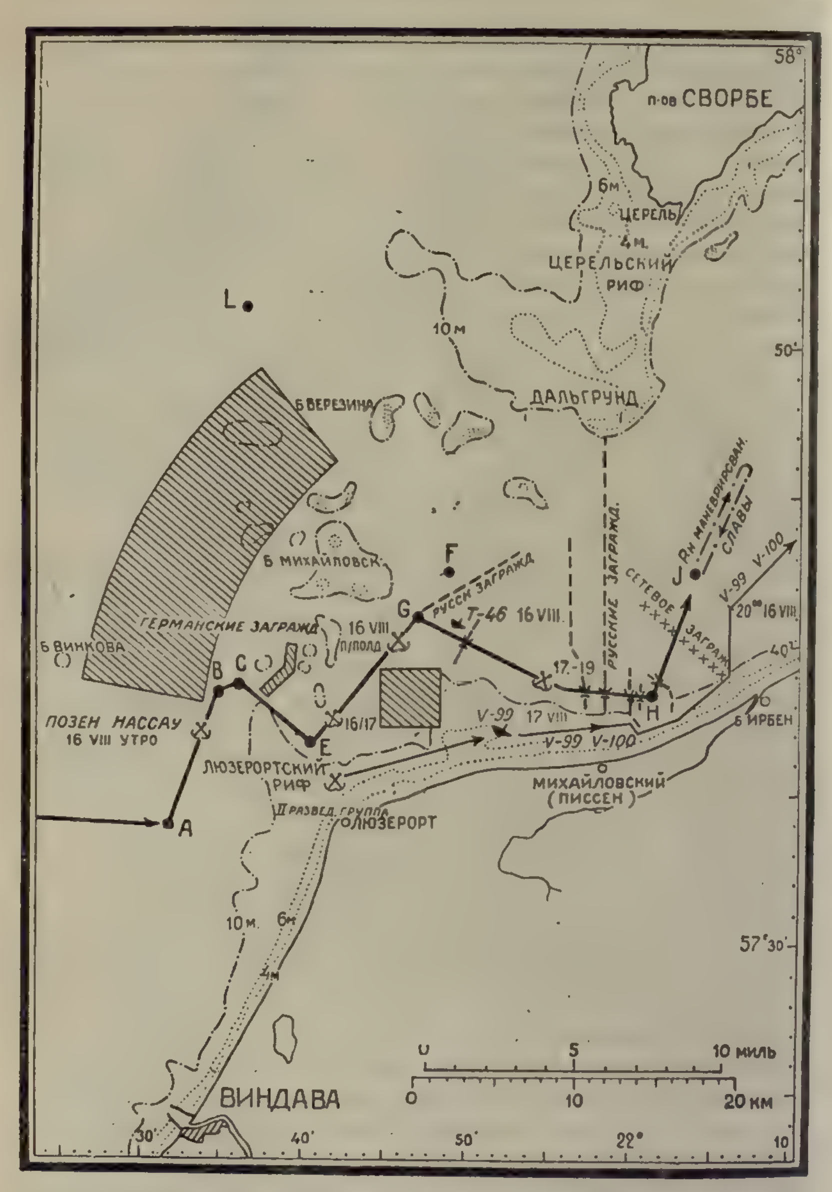
В.-адм. Шмидт намеревался первоначально прорываться снова через средний проход, но последние сообщения о минах и о подводных лодках наводили на мысль, что русские ожидают атаки с северо-запада, почему Шмидт решил воспользоваться южным фарватером, учитывая, что при этом в первую очередь придется пройти через поставленное у Люзерорта собственное заграждение. После того как *Аугсбург* 15-го вечером поставил входную бочку у начальной точки направления прорыва, с рассветом 16-го в некотором отдалении к западу от Сворбе держались *Грауденц, Аугсбург, V-99* и *V-100* под общим командованием к.-адм. Геббингауза, с одной флотилией миноносцев, для создания у противника впечатления, что главный удар будет направлен по среднему фарватеру. II дивизион тральщиков поставил тралы на траверзе бочки «А» (черт. 22), за ними шли несколько тральщиков вспомогательного дивизиона Нейфарвассера с катерами-тральщиками на буксире, затем *Пиллау* и *Бремен;* несколько позади шли тральщики I дивизиона и оба линейных корабля. К югу от Люзерорта в течение утра собрались и стали на якорь матки моторных тральщиков, *Дёйтшланд,* пароходы, предназначенные для затопления, и прорыватели заграждений; полуфлотилия сторожевых кораблей охраняла якорную стоянку от подводных лодок.

В 4 час. II дивизион тральщиков начал движение вперед. У Люзерортского рифа были высланы вперед катерные тральщики Свинемюндского дивизиона при поддержке

вспомогательного дивизиона Нейфарвассера. Германское заграждение удалось обойти, взорвав только одну мину; таким образом, здесь обошлось без задержки. В 7 ч. 20 м. у точки «Е» изменили курс и в 11 ч. 30 м. подошли к точке «G». II дивизион тральщиков, согласно плану, снова поставил тралы, а через ¼ часа вошел на первое заграждение и начал тралить проход. Во время этой работы наткнулся на мину *Т-46;* взрыв пришелся под средней частью, тральщик переломился пополам и тотчас затонул. Из команды в 25 человек удалось спасти только 8. В голову были опять поставлены катера-тральщики и на смену II дивизиона вступил I дивизион тральщиков.

За тральщиками от точки «Е» шли в сопровождении миноносцев *Бремен* и *Пиллау. Позен* и *Нассау* утром стояли на якоре у точки «В» с отваленными противоторпедными сетями и под защитой X флотилии, а затем перешли в точку «Е» и, наконец, в точку «G».

Еще утром с востока показались дымы, но противник приблизился только около полудня. С расстояния 200 *гм* (109,3 каб.) были опознаны *Новик,* большое количество миноносцев, *Храбрый, Слава* и *Амур. Слава* после полудня дважды пыталась обстрелять тральщики, но оба раза безуспешно, так как линейные корабли уже с большого расстояния принуждали ее отходить. Даже путем увеличения дальности огня ее орудий с помощью искусственного крена она не смогла достичь попаданий. К 16 час. моторные тральщики в сопровождении одного из вспомогательных тральщиков так далеко продвинулись на восток, что попали под действительный огонь *Славы* на дистанции 120 *гм* (65,6 каб.); им пришлось отвернуть. Тотчас, несмотря на угрожавшую ему опасность, к ним подошел *Бремен,* чем отвлек на себя огонь до тех пор, пока *Позен* и *Нассау* не вынудили противника к отступлению. Все суда остались невредимыми, и катера снова приступили к работе. Наблюдательный пост на Михайловском маяке, орудия которого один раз также открывали огонь для отражения неприятеля, наблюдал, что будто бы огнем с *Позена* был потоплен неприятельский эскадренный миноносец, но, однако, ошибся.

Черт. 22. Прорыв через Ирбенский пролив 16—18 августа 1915 г.

Наступающий вечер и уменьшение видимости принудили в.-адм. Шмидта в 17 час. дать сигнал отбоя. *Позен* и *Нассау* с поставленными сетями отошли к точке «Е». Шесть вспомогательных тральщиков стали около них полукругом на якорь, остальные были в готовности начать, в случае надобности, галсы. Кроме того, до наступления темноты и с рассветом впереди на ходу находилась для дозорной службы X флотилия; одна из ее полуфлотилий на ночь стала на якорь у Михайловского маяка для охраны протраленного фарватера, а другая — у Люзерортского маяка. Туда же были отосланы оба дивизиона тральщиков для пополнения запаса угля с их маток, а также для отдыха. 4 легких крейсера стали на якорь вплотную у Люзерортского маяка под охраной VIII флотилии. Одна из групп IX флотилии была послана для пополнения запаса топлива в Либаву, после передачи с нее нефти на другие миноносцы. Проведение всех перечисленных мероприятий сильно затруднялось загрузкой радиотелеграфа, так как пользование оптическими средствами связи было прекращено.

Неприятельские подводные лодки в течение последних 24 часов несколько раз вызывали тревоги. Вечером 15-го на пути к Виндаве у Бакгофена под килем *Т-104* прошла торпеда. Утром того же дня между Коппарстенарнэ и Хундсортом *Зейдлиц* на большом расстоянии видел погружавшуюся подводную лодку. Около полудня прорыватель заграждения *Отенсен* в 30 милях к западу от Виндавы подвергся преследованию подводной лодки и к вечеру *S-168* также видел лодку в 40 милях на северо-запад от Стейнорта. Ввиду этого было приказано усилить бдительность.

Передвижения других отрядов, помимо прорывавшегося в Ирбен, происходили в соответствии с планами. I разведывательная группа на ночь собиралась отойти к западу от Готска-Сандэ, чтобы не быть стесненной I эскадрой. Но в.-адм. Шмидт приказал занять пути, ведущие в Финский залив, чтобы отрезать неприятельским силам путь отступления из Рижского залива открытым морем; он опасался, что *Слава* под давлением продвигавшихся германских сил попытается уйти северным фарватером Ирбенского пролива. В.-адм. Хиппер поэтому остался в районе к востоку от шведских островов и поручил к.-адм. Гоп-

ману на *Рооне* с одной парой миноносцев охранять этот путь. Броненосный крейсер с полуночи ходил взад и вперед между банкой Сарычева и Церелем.

Ввиду того, что *Слава* в 18 час. продолжала держаться на своей позиции, Шмидт решил атаковать ее ночью с помощью *V-99* и *V-100*. Оба миноносца в 18 ч. 20 м. снялись с якоря и пошли вплотную под берегом на восток (карта 6). Прорыв удался. Недалеко за Михайловским маяком были замечены мелкостоявшие мины, но их удалось обойти по 4,5-*м* глубинам. Темнота уже значительно сгустилась, когда слева по носу неожиданно были обнаружены два эскадренных миноносца. Это были отпущенные *Славой* бывшие в сторожевом охранении *Генерал Кондратенко* и *Охотник;* сама *Слава* ушла в Аренсбургскую бухту, где стала на якорь за сетевым заграждением; русские эскадренные миноносцы стали на якорь у Своёрбе. В 19 ч. 55 м. начался короткий бой на дистанции 60 *гм* (32,8 каб.); русские эскадренные миноносцы отступали на полном ходу. В 20 ч. 10 м. *V-99* удалось их догнать и обменяться с ними еще несколькими залпами, после чего он повернул прямо на Михайловский маяк, чтобы оторваться от неприятеля. В 20 ч. 25 м. *V-99* дошел под прикрытием побережья до Домеснеса, откуда лег на курс к южному выходу из Моонзунда. Исключительно темная ночь затрудняла обнаружение неприятеля, но в то же время благоприятствовала торпедным атакам. В 23 час. *V-99* повернул, дойдя до линии залива Феттель—Руно, — к Аренсбургской бухте. За время похода здесь он также никого не видел. Только к юго-востоку от Цереля в 1 ч. 10 м. *V-99* и *V-100* были внезапно ослеплены прожекторами с двух миноносцев, которые затем в течение 3-минутного боя на расстоянии 600 *м* достигли нескольких попаданий; 2 выпущенные ими торпеды прошли под килем германских миноносцев. Участвовавшие в этой схватке эскадренные миноносцы были: *Украина* и *Войсковой,* только что сменившие группу *Кондратенко;* в результате боя на *Войсковом* было одно попадание и три тяжело раненых. Германские миноносцы, идя после этого средним ходом, выжидали рассвета, чтобы выйти из залива через район минных заграждений.

Они только что легли на курс к Михайловскому маяку, когда в 4 ч. 15 м. (17.VIII) сзади них появился одиночный эскадренный миноносец. Германские миноносцы повернули на него и на расстоянии 50 *гм* (27,3 каб.) вступили с ним в бой. Противником оказался *Новик,* к которому спешили на помощь еще 3 эскадренных миноносца.

Соотношение сил было следующее:

V-99: 3—8,8 *см; Новик:* 4—100 *см.*

V-100: 3—8,8 *см; 3 Добровольца:* 6—100 *мм.*

V-99 казалось вскоре достиг попаданий, но и *Новик* быстро пристрелялся и, перейдя на поражение, достиг перевеса. На *V-99* в носу и в средней части корабля возникли пожары, потери в личном составе ослабляли артиллерию, и германские миноносцы были вынуждены отступить перед превосходными силами противника. Невдалеке от Михайловского маяка *V-99* попал в сетевое заграждение, из которого, однако, освободился, дав задний ход. Едва было обойдено это препятствие, как подошли к обнаруженным накануне вечером мелкостоящим минам. Прорыв через это место удался, но две минуты спустя миноносец попал на незамеченное минное заграждение.

Последовательно, одна за другой взорвались под ним две мины. Оба машинных отделения и кормовой водонепроницаемый отсек заполнились водой; турбины некоторое время еще вращались. *V-100* все время, по мере сил, старался отвлечь внимание *Новика* от тяжело поврежденного корабля. Но лишь к 5 час. ему удалось после постановки дымовой завесы вынудить противника отойти. *Новик* не получил ни одного попадания, но осколками от недолетов были причинены некоторые повреждения и были легко ранены два человека. Остальные три миноносца, участвовавшие в бою лишь короткий срок, были невредимы (Г. Граф).

Глубоко севший кормой *V-99* был взят на буксир *V-100,* который благополучно прошел через заграждения и во время боя остался совершенно неповрежденным, если не считать попаданий осколков.

Первым пришел на помощь около 6 час. *V-108,* который, приблизившись к заграждению, остановился у спущенного с *V-100* катера, подбиравшего выброшенных взрывом с *V-99* людей. Несмотря на продолжавшийся неприятель-

ский огонь, удалось спасти 8 человек. Вскоре пришла IX флотилия, и *S-31* и *S-34*[1] подошли вдоль бортов к поврежденному кораблю, чтобы удержать его на плаву. Но ни хорошее качество материалов, ни старания экипажа не смогли надолго удержать на плаву имевший две минных пробоины миноносец, и его пришлось, отбуксировав на несколько миль к западу от Михайловского маяка, поставить на мель, так как корма села на грунт на глубине 7 *м*. Миноносец, после выгрузки с него годного инвентаря и вооружения, был покинут. *V-100* перевез спасенных с него людей на *Индианолу; S-34*, имевший врача, повез раненых в Либаву. Потери выразились в 21 убитом, считая в том числе пропавших без вести и умерших в лазарете, 4 тяжело и 18 легко раненых. Около *V-99* стала на якорь пара миноносцев для его охраны и, в случае надобности, уничтожения. Из Либавы были затребованы спасательные средства и пароходы с водоотливными средствами, чтобы попробовать поднять миноносец и отвести его в порт.

В это время дивизионы тральщиков вновь начали траление, и линейные корабли вышли вперед для их защиты. Уже в 6 ч. 20 м. *Позен* защищал *V-108* от эскадренных миноносцев неприятеля и через несколько минут на короткое время открыл огонь по *Славе*. Последняя не отвечала, повидимому, вследствие плохой видимости германских кораблей на фоне мглистого горизонта. Когда неприятельский корабль стал приближаться второй раз, в.-адм. Шмидт приказал подпустить его до 163 *гм* (89,1 каб.). *Позен* и *Нассау* в 7 ч. 40 м. открыли действительный огонь; ясно было замечено одно попадание, и *Слава* быстро отошла. I дивизион тральщиков сначала обследовал курс между точками «G» и «H», причем были затралены обломки *Т-46*, а около 8 час. к северу от Михайловского маяка было обнаружено новое заграждение с мелкопоставленными минами. Катера-тральщики, вызванные вперед, к 18 час. протралили проходы через три линии. Там были перемешаны поставленные в разных направлениях мелко- и глубокостоявшие большие и малые мины; они были разбро-

[1] X флотилия, стоявшая ночью на якоре у Михайловского маяка, с рассветом была вызвана для противолодочной охраны линейных кораблей.

саны бессистемно, что сильно затрудняло работу. Всего в этом месте было вытралено 35 мин. Прикрывавшему траление *Пиллау* не пришлось открывать огонь, потому что неприятель скрылся. Он направился в Моонзунд после того, как *Слава* получила в течение утра три попадания тяжелыми снарядами. Она не потеряла боеспособности, но русский флагман считал себя не в состоянии оказать прорыву действительного сопротивления.

Ввиду отступления противника на германской стороне считали, что *Слава* получила тяжелые повреждения, и надеялись, что Балтийский флот выйдет для прикрытия выхода из залива поврежденного корабля. На этот случай в.-адм. Хиппер получил приказание стянуть все свои силы и следующим утром находиться с ними к западу от Сворбе. Линия дозора, ослабленная уходом ряда кораблей на погрузку угля, при наступившей туманной и пасмурной погоде имела слишком большие расстояния между кораблями и была оттянута на линию банка Сарычева—Готска-Сандэ.

Крейсеровавшие в открытом море соединения провели день спокойно за исключением *Зейдлица,* который в том же месте, что и накануне, видел подводную лодку *(Е-9);* кроме того, кораблями были расстреляны несколько плававших мин и торпед. *Позен* и *Нассау* остались с наступлением темноты на якоре на своей дневной позиции в 3 милях от Михайловского маяка, за ними стали на якорь два легких крейсера. Часть флотилии миноносцев была поставлена на якорь под берегом, другая часть выслана для пополнения запасов угля к Люзерорту, куда прибыли к этому времени два угольных транспорта. Так как с *V-99* сообщили, что и русские миноносцы имеют одну трубу, выкрашенную в желтый цвет, то все германские миноносцы перекрасили теперь все трубы в красный цвет.

18 августа катера-тральщики вновь приступили к работе и, дойдя до точки «Н», в 7 час. повернули к Аренсбургской бухте, причем пришлось проложить проход еще через одно заграждение, стоявшее к северо-востоку от Михайловского маяка. Когда катера дошли до 15-*м* глубин, их сменил II дивизион тральщиков. Он скоро попал на обнаруженное *V-99* сетевое заграждение — сеть из стального

троса, стоявшую на якорях и снабженную небольшими поплавками; на сети оказались подвешенными вполне достаточные для действия против подводных лодок подрывные патроны и малые мины. До полудня появились лишь канонерские лодки и эскадренные миноносцы, не причинившие тральщикам затруднений. *Пиллау* и линейные корабли вышли вперед, но не смогли обстрелять противника из-за плохой видимости. Дивизион тральщиков затопил сеть длиной 300 *м*, пробивая ее поплавки со шлюпок и взрывая патроны и малые мины натягиванием сети; в 15 ч. 30 м. было сообщено, что проход через нее открыт.

Прорываться в залив со всеми силами было уже поздно, поэтому в.-адм. Шмидт решил использовать вечер для пополнения запасов топлива; для этой цели все корабли были отправлены на те же якорные места, на которых они ночевали накануне. С наступлением темноты, когда по направлению к Церелю блеснул огонь, в.-адм. Шмидт приказал прикрывавшим судам усилить бдительность охраны северного выхода. Но ночь прошла спокойно.

В 4 часа 19 августа, как и в предыдущие дни, на флагманский корабль собрались начальники дивизионов тральщиков для осведомления об обстановке и для получения приказания на предстоящий рабочий день. II дивизион тральщиков получил задачу итти с тралами впереди кораблей к Моонзунду, а I должен был следовать за кораблями широким строем фронта для охраны от подводных лодок. Вспомогательные дивизионы были оставлены для охраны фарватера и его расширения, чтобы он по всей длине был доведен до 400 *м*. Когда II дивизион тральщиков подходил к месту сетевого заграждения, *Т-77* при разворачивании в узком месте фарватера, севернее Михайловского маяка, вышел из-за буев фарватера и наскочил кормой на мину. Тотчас два отделения заполнились водой, но тральщик удалось поддержать на плаву и доставить в порт; он потерял двух человек убитыми. Отсутствие в течение двух дней неприятельских самолетов позволило выслать до Ирбенского пролива в разведку воздушный корабль. Он поднялся вечером и к 5 час. был над *Позеном*, но вынужден был повернуть, так как при бывшей тогда туманной погоде он не мог осмотреть залив.

Операция началась в 7 ч. 45 м.—несколько позднее чем было назначено — ввиду повреждения холодильника на *Пиллау* и несмотря на только что полученное известие, что *Мольтке* получил торпедную пробоину. Отряд построился на больших интервалах позади тральщиков: *Пиллау, Бремен, Позен, Нассау, Аугсбург, V-100, Дейтшланд* и *Грауденц;* у заградителя шла VIII флотилия; IX флотилия разделилась для прикрытия легких крейсеров, а X шла с линейными кораблями.

В 9 ч. 30 м. флагманский корабль прошел мимо Цереля в 6 милях (карта 6). Незадолго до этого с *Нассау* и с *Позена* видели погружавшуюся подводную лодку справа в 50 *гм* (27,3 каб.); *Нассау* открыл огонь и выслал для преследования миноносцы, но и то и другое было безуспешно. Через ¼ часа тральщики II дивизиона у банки Калькгрунд подняли сигнал — «вижу мину», почему отряд на некоторое время вынужден был повернуть на обратный курс. Подозрительный район был обойден с юга, причем I дивизион сменил II дивизион. Головными кораблями в 4—5 милях к северо-западу от этого места был обнаружен появившийся из мглы эскадренный миноносец. Командир эскадры выслал вперед *Пиллау,* но противник уже скрылся. Это был *Новик,* который собирался, по указанию прибывшего в Куйваст кап. 1 р. Колчака, ставить мины на фарватере, ведущем на аренсбургский рейд. Когда эскадренный миноносец обнаружил тральщиков, он отвернул к Доменесу и, увидев, что *Пиллау* пытается его отрезать, пошел самым полным ходом в Моонзунд, не поставив своих мин.

В полдень, в соответствии с планом, в разведку были высланы крейсера *Бремен* — к Аренсбургу, *Пиллау* — к бухтам восточного побережья Эзеля, *Аугсбург* — к Пернову, *Грауденц* с одной полуфлотилией — в проход между Руно и Доменесом. На широте мыса Меррис *Бремен* попал в большое сетевое заграждение, но неожиданно быстро прошел через него; сопровождавшие его *V-30* и *S-34* пробили проход, расстреливая из револьверов стеклянные поплавки со шлюпок. *Бремен* в 14 час. донес, что в бухте кораблей нет, обстрелял портовые сооружения Рамоссара и стоявшие там пароходы, произвел поиск вдоль побережья

Цереля, после чего построил перед бухтой дозор, использовав 3 прибывшие в его распоряжение миноносца. К.-адм. Геббингауз на *Грауденце* вскоре после 14 час. пришел к месту назначения и выстроил линию дозора из миноносцев в проходе между о-вом Руно и материком. *Аугсбург* в 15 ч. 30 м. вошел в Перновский залив; шедший под берегом с баржей на буксире малый русский пароход *Дагмар* был потоплен *V-29*, взявшим в плен военнообязанных и пересадившим находившихся на пароходе женщин на встречный буксир, который был отпущен. *V-100* подошел на 1 милю к молам гавани Пернова и выяснил, что в ней находятся только 2 парусника. *Пиллау* в сопровождении *V-27* и *S-36* обследовали все бухты Эзеля, причем *S-36* осмотрел несколько парусников. К 16 час. эта группа присоединилась к главным силам на широте мыса Нина Отц.

Последние шли до тех пор без задержек. Но как раз в этот момент пришлось на некоторое время повернуть на обратный курс, ввиду сообщения с тральщиков, что трал за что-то зацепил. I дивизион обошел подозрительное место, повидимому, банку. Когда в 17 ч. 30 м. отряд подошел к банке Ларина, командир эскадры выслал заградитель *Дёйтшланд*, а также 3 миноносца VIII флотилии, имевших каждый по 12 мин, под конвоем *Пиллау* за тралами II дивизиона на постановку заграждения.

Согласно плану, составленному к.-адм. Геббингаузом, один миноносец должен был заградить Моонзунд у Куйваста, 2 миноносца — поставить заграждение у выхода из Малого Зунда, а заградитель — заградить фарватер к югу от линии Патерностер — Вердер, на что в общей сложности имелось 300 мин. От предусматривавшегося планом операции набега на Моонзунд пришлось отказаться из-за пасмурной погоды и плохой видимости. К этому времени головные корабли заметили несколько эскадренных миноносцев. *Пиллау* немедленно подошел к своим тральщикам и накрыл неприятеля первым же залпом, ввиду чего тот сейчас же скрылся из виду. Когда в 18 час., за полчаса до захода солнца, на тральщиках был поднят сигнал:

«Трал задел, видимо, за грунт»,

в.-адм. Шмидт отменил на этот день постановку и направился к о-ву Кюно, чтобы переждать в укрытом месте ноч-

ное время. II дивизион с поставленными тралами вышел в голову на смену I дивизиону, последний стянулся к флагманскому кораблю, а *Пиллау* образовал арьергард. На широте мыса Семери X флотилия была отпущена на минную постановку для заграждения Моонзунда. *V-153,* потопивший незадолго до наступления темноты малый парусник, узнал от его команды, что у Куйваста стоят на якорях около 20 кораблей и в том числе *Слава;* поэтому дозор был усилен *Пиллау.* Задевание трала, явившееся причиной отмены минной постановки с *Дейтшланда,* произошло, по-видимому, от захвата мины на выставленном незадолго до этого с *Амура* заграждении, которое у банки Ларина перекрывало фарватер.

Аугсбург, возвращаясь из Перновского залива, шел южнее Кюно, когда в 19 ч. 30 м. с него заметили на западе неясные (из-за рефракции) силуэты двух кораблей. На опознательные сигналы они не ответили. Результаты двух выпущенных по неприятелю залпов не были видны вследствие наступившей темноты. *Аугсбург,* поставив охранявшие его от подводных лодок миноносцы в кильватер, дал самый полный ход и лег на курс, отрезавший неприятельским кораблям путь к югу и к западу, после чего повернул на них, считая, что это эскадренные миноносцы.

Неприятельские корабли повернули на Моонзунд, не зная, что оттуда приближались главные силы, но, несмотря на густые облака дыма, они подвигались очень медленно. *Аугсбург* их скоро догнал и в 19 ч. 58 м. открыл огонь по головному кораблю, освещая его прожектором; на крейсере считали, что дерутся с канонерскими лодками, причем в головной был опознан *Храбрый. V-29* обстреливал левый, а *V-100* правый корабль противника. Неприятель отвечал оживленным огнем, не открывая прожекторов. Бой происходил на расстоянии 40—30 *гм* (21,8—16,4 каб.) и не дал быстрых результатов, хотя *Аугсбургу* удалось достичь попадания при первом залпе. Поэтому командир последнего в 20 ч. 05 м. решил уничтожить противника торпедной атакой. Отдав миноносцам соответствующее распоряжение, он сам увеличил расстояние до неприятельских кораблей, чтобы миноносцы могли выйти вперед незамеченными. Но последние поняли сигналы иначе, так как не

приняли предыдущего донесения *Аугсбурга* о том, что бой идет с неприятельскими канонерскими лодками. Вместо того, чтобы обойти крейсер с борта, противоположного ведшему бой, оба миноносца повернули на предполагавшиеся ими эскадренные миноносцы противника, и каждый из них продолжал вести артиллерийский бой самостоятельно. Они достигли многочисленных попаданий и благодаря преимуществу в скорости теснили противника все ближе к материку, хотя значительно уступали ему в артиллерии.

Пущенная с *V-29* торпеда не попала, так как противник отвернул. *Аугсбург* во время прохода миноносцев должен был прекратить огонь и случайно как раз в это время он получил попадание в носовую часть, которым был сбит носовой прожектор, поврежден якорный шпиль и ранено 7 человек. Командир *Аугсбурга* безуспешно пытался вызвать к себе свои миноносцы, чтобы избежать недоразумений и путаницы при сближении с линейными кораблями и вступления их в бой со своими силами.

Между тем флагманский линейный корабль в 20 час. настолько приблизился, что с него были видны прямо по носу вспышки выстрелов и лучи прожекторов. В.-адм. Шмидт обеспечил себе свободу действий, приказав шедшим впереди тральщикам повернуть на *W* и убрать тралы. Около линейных кораблей и тральщиков то и дело поднимались всплески от снарядов, а *Т-63* был незначительно поврежден осколками. В 20 ч. 12 м. *Позен* открыл огонь, но сразу же был вынужден его прекратить, чтобы не повредить собственных миноносцев, вспышки стрельбы которых блестели по направлению на противника. Несмотря на сигналы *Аугсбурга,* который еще до этого был опознан справа по носу, обстановка происходившего слева боя была неясна. Поэтому Шмидт в 8 ч. 17 м. решил сблизиться с противником, и скоро в луче прожектора на расстоянии 1 000 *м* по носу стал виден корабль, по силуэту очень похожий на *Славу.* В тот же момент корабль был окружен высокими всплесками. Для введения в действие артиллерии всего борта *Позен* повернул на прежний курс и во время поворота потерял цель; когда же он ее вновь обнаружил, то не было твердой уверенности, что стреляет по тому же самому кораблю. Но этот во всяком случае был уничтожен в

несколько минут. Противник храбро сражался до самого последнего момента; надстройки были разрушены, внутри происходил взрыв за взрывом, и в 20 ч. 30 м. корабль перевернулся со всем своим мужественным экипажем. Вместе с *Позеном* по мнимой *Славе* стрелял также и *Нассау*; *V-29* выпустил по нему торпеду. VIII флотилия в составе *S-178*, *V-185*, *S-176* и *S-179* произвели атаку, выпустив 4 торпеды; три миноносца этой флотилии не могли участвовать в

Русская канонерская лодка *Сивуч* (1906/07).

Длина	66,3 *м*;
Водоизмещение	890 *т*;
Скорость хода	12 узл.;
Вооружение	2—120-*мм*; 4—75-*мм*;
Личный состав	140 чел.

атаке из-за наличия мин на палубах, четыре остальных были отправлены к *Грауденцу* и *Бремену*. В поисках за второй канонерской лодкой *Аугсбург* прошел к юго-востоку, но без результата [1]. Все миноносцы подошли к месту ги-

[1] Обе канонерские лодки *Сивуч* и *Кореец* находились у Риги для содействия войскам на побережье рижского фронта. Когда русское морское командование убедилось, что прорыв германского флота в залив может произойти с минуты на минуту, оно отдало приказание, по времени—уже запоздалое, отойти в Моонзунд, не сообщив им затем во время самого перехода о совершившемся факте прорыва, что в итоге и привело к гибели *Сивуча* и самоуничтожению *Корейца*.

Необходимо отметить, что прорыв германских линейных сил (линейные корабли *Позен* и *Нассау*) в Рижский залив не был замечен русскими, и потому долгое время считалось, что *Сивуч* погиб в бою с настигшими его крейсерами. Что касается канонерской лодки *Кореец*, то, избегнув неприятеля, она поспешила укрыться под берегом и, перескочив через прибрежные рифы у мыса Мерис и получив с берега, где на всем протяжении в сторону Пернова виднелись пожары, сообщение о высадке десанта и занятии города неприятелем, была взорвана потерявшим самообладание командиром, считавшим себя отрезанным от Моонзунда, а потому и обреченным на захват противником. — *Н. Н.*

бели, спустили шлюпки и спасли двух офицеров и 48 человек команды, из которых некоторые, несмотря на немедленную врачебную помощь, умерли от тяжелых ран. Все пленники одинаково утверждали, что затонувший корабль был канонерская лодка *Сивуч*, а другой, шедший с ним — однотипная с ней канонерская лодка *Кореец*. На последней будто бы незадолго до конца боя произошел большой взрыв, вследствие чего она тотчас погибла. Подобные же сведения, не вполне совпадавшие в деталях, поступили и с германских кораблей. В действительности же *Кореец* прошел между рифами к материку и на следующий день был взорван собственной командой ввиду полученных сведений, что Пернов занят немцами. Обе канонерки шли из Усть-Двинска в Моонзунд после постановки ими 18 августа минного заграждения у Рагоцема в качестве обеспечения фланга войсковых частей.

Около 23 час. в 15 милях к северу от Руно стали на якорь: *Позен, Нассау, Дейтшланд* и миноносцы с минами, *Аугсбург* с *V-29* и *V-100* и I дивизион тральщиков; линейные корабли поставили сети. II дивизион тральщиков оторвался от главных сил из-за уменьшения видимости к концу дня, почему стал на якорь севернее. Начальник VIII флотилии, во избежание ночной встречи с главными силами, крейсеровал к востоку от якорной стоянки до утра. Ночь прошла спокойно, только с X флотилии от времени до времени были видны лучи прожекторов, которыми русские, повидимому, давали направление ожидавшимся канонерским лодкам. Дозор, находившийся на линии между Домеснесом и Руно, около 23 час. донес о гибели *S-31* в 4 милях западнее острова. Взрыв произошел позади мостика, и две кочегарки тотчас же наполнились водой; горящая нефть произвела пожар на мостике, 3 человека были сброшены за борт, но были спасены шлюпками с *V-184* и *S-35*. Последние не могли подойти к подорванному миноносцу, потому что около него стояли у поверхности мины. На *S-31* были приняты все меры для удержания миноносца на плаву, но через 2½ часа он переломился и затонул. Благодаря надлежащей помощи двух указанных миноносцев и взаимной поддержке экипажа пострадавшего корабля в течение

четырех часов был спасен весь личный состав за исключением 11 человек, погибших при взрыве.

С рассветом 20-го все дозорные линии были свернуты, и крейсера и миноносцы были использованы для активных операций. В.-адм. Шмидт решил прикрывать постановку заграждений у Моонзунда главными силами и в то же время приказал командиру II разведывательной группы, в распоряжение которого были переданы *Грауденц* и *Аугсбург*, заградить вход в Пернов[1]. В.-адм. Геббингауз выслал *V-183* для приемки нескольких мин с *Дёйтшланда*, после чего соединился с прошедшими ночью Ирбенский пролив под прикрытием *V-108* пароходами, предназначенными для затопления, и направился в 7 час. при спокойной, но мглистой погоде, в Перновский залив (черт. 23). Так как осадка флагманского корабля не позволяла ему подойти к входу в гавань, то непосредственное руководство затоплением пароходов было поручено начальнику IX флотилии, шедшему на *V-28*. *Грауденц* следовал за ними насколько возможно, а *Аугсбург* был оставлен для охраны входа в бухту. При подходе к месту операции, совершавшемся со скоростью 6—7 узлов, *V-28* и *S-32* сожгли, предварительно сняв команду, шесть небольших парусников. У мыса Такерорта выехавшая на позицию невдалеке от церкви полевая батарея открыла огонь, но была приведена к молчанию огнем с *V-28* и с *Грауденца* на расстоянии 80 *гм* (43,8 каб.).

Противник, повидимому, ожидал высадки десанта; входные бочки были убраны, при входе между молами были затоплены три парусника, и по мере приближения германского отряда на побережье увеличивалось количество пожа-

---

[1] Заграждение входа в Перновскую бухту путем затопления пароходов было намечено германским командованием вследствие ошибочного предположения, что на Пернов базируются подводные лодки. Повидимому, немцы были введены в заблуждение сведениями своей агентурной разведки, которая в этом основывалась на случайном факте пребывания в Пернове зимой 1914—1915 гг. малых подводных лодок *№ 1, № 2* и *№ 3* (так называемые «подводные лодки инженерного ведомства»), которые, будучи посланы из Ревеля в Ригу, вынуждены были из-за льда зайти сюда и пробыть до начала навигации. — *Н. Н.*

ров, — горели склады, сараи и фабрики, подожженные русскими[1].

Когда в 10 ч. 47 м. головной пароход прошел мимо конца мола, к югу от города, в расстоянии 30 *гм* (16,4 каб.) была замечена выезжавшая на позицию батарея. Одновременно открыли огонь по кораблям еще 2 или 3 полевых батареи и несколько крупных орудий. *V-28, S-32, V-183* и *V-108* приняли неравный бой и вскоре привели к молчанию старые крепостные пушки[2]. Стрелявшие бездымным порохом хорошо укрытые полевые батареи трудно было обна-

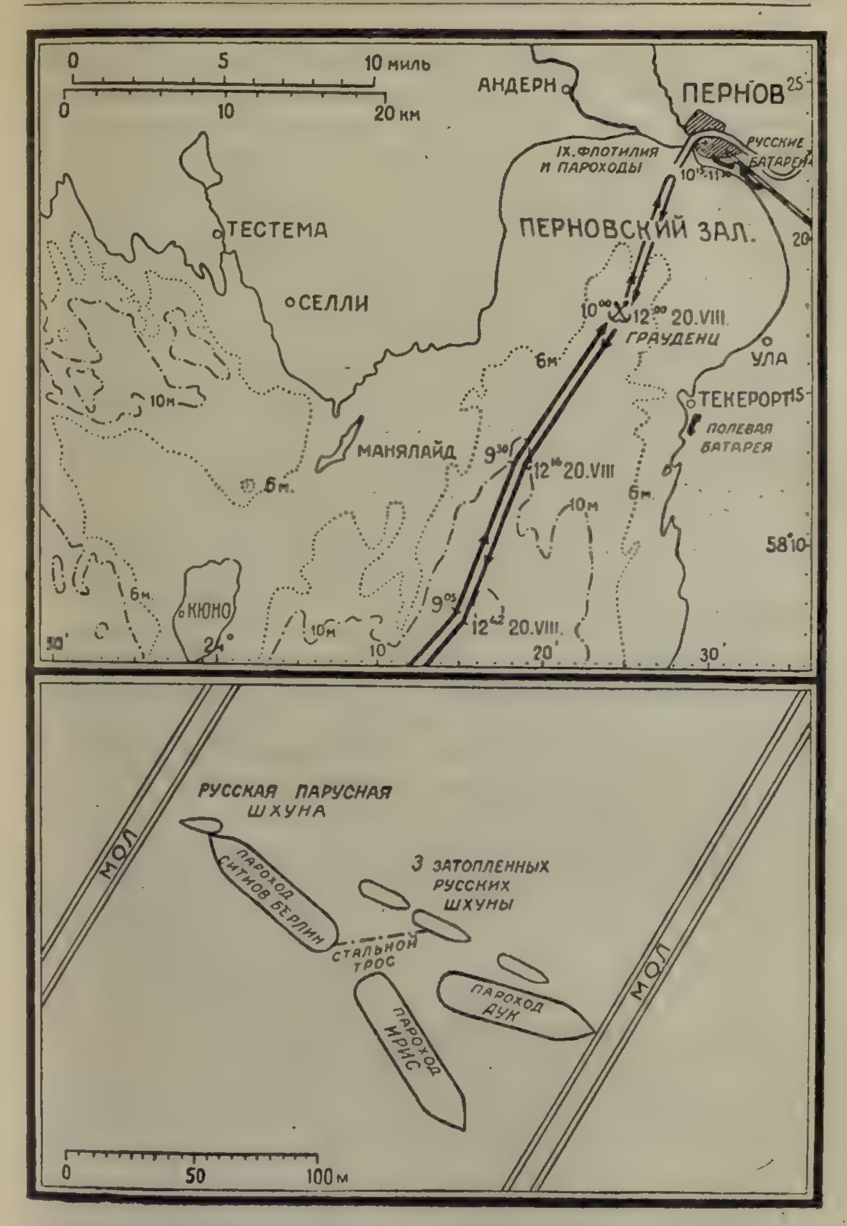
---

[1] Еще ранней весной 1915 г. сведения разведки и контрразведки указывали, что Пернов намечен немцами как место высадки крупного десанта для занятия Эстляндии (удар на Ревель), с одной стороны, и действий в тыл Риге — с другой. Ввиду этого было решено для защиты Пернова создать гарнизон, в который и вошли расположенные вблизи ополченские части (две дружины, одна сотня и одна полевая батарея). На случай высадки крупных сил было приказано все имеющие для неприятеля значение сооружения, склады, портовое оборудование, пловучие средства и т. п. подготовить к уничтожению.

Неожиданное появление перед Перновом боевых кораблей противника в сопровождении транспортов было понято, как осуществление ожидавшегося десанта. Впавшее в панику местное командование, приказав уничтожать все намеченное, бросило город и отступило с гарнизоном в глубь побережья. Исключение составила ополченская батарея, которая, заняв позицию на берегу, открыла по противнику огонь. Ответная стрельба миноносцев по побережью, взрывы различных сооружений и уход гарнизона довели панику среди властей и населения до пределов. Покидая город и его окрестности, жители и части сжигали склады, строения и пр., так что к вечеру весь берег был в заревах от пожаров.

Когда по затоплении транспортов миноносцы удалились и командование вернулось в город, предчувствуя неизбежное возмездие за его оставление, оно спешно создало версию об отражении десанта и потоплении транспортов, т. е. крушении «основного замысла» неприятеля. В частности один из командиров дружин, Родзянко, послал своему брату, председателю государственной думы, длинную телеграмму с описанием «подвига». Ввиду того, что на следующий день после Перновской операции германский флот очистил Рижский залив и изестие об этом сейчас же достигло Петрограда и правительства, «Перновский эпизод» на радостях был также сопричислен к страницам «блестящей победы в Рижском заливе». — *Н. Н.*

[2] Никакой крепости, а потому и крепостной артиллерии в Пернове не было. — *Н. Н.*

Черт. 23. Заблокирование входа в Пернов 20 августа 1915 г.

ружить; оставалось только обстрелять поросшее кустарником побережье. Весь огонь батарей сосредоточился на пароходах, которые, невзирая на рвущиеся гранаты и шрапнели, выполнили свою задачу быстро и осмысленно. Пароход *Сити оф Берлин* протаранил ошвартованную у мола русскую парусную шхуну и, затопив ее, стал сам поперек фарватера, заведя конец на одну из затопленных русскими шхун. *Аук* заградил южную половину прохода, а *Ирис* середину канала. Все пароходы быстро заполнились водой после взрыва подрывных патронов. Команда, назначенная на них из состава экипажей IV эскадры, отступила под сильным огнем на шлюпках под веслами и была принята на *V-108*. В заключение *V-183* поставил свои 12 мин непосредственно у входа между молами. Во время этой операции у него снарядом была разрушена радиорубка и убиты два человека. Это были единственные потери в течение 40-минутного боя. Миноносцы по возвращении около полудня к *Грауденцу* донесли, что вход в Пернов основательно загражден.

Главные силы в 5 ч. 30 м. вышли к Моонзунду, но вскоре постановка заграждения у южного входа была отменена. Причиной, вынудившей в.-адм. Шмидта принять такое решение, послужило радиосообщение с *V-182*, который на пути линейных кораблей ясно видел подводную лодку. Но и до этого погода доставила флагману много беспокойства.

> «Видимость не превышает 4 миль. Полный штиль, море как зеркало. На свободной воде это значительно усложнило бы действия подводных лодок. В пределах же стесненного района, подозрительного в смысле наличия мин, корабли не имеют возможности свободного маневрирования. Вход в Моонзунд с юга при плохой видимости является крайне неудобным фарватером... Для постановки мин необходимо хорошее определение места».

Когда вдобавок к этому поступили сведения о наличии неприятельских подводных лодок, Шмидт пришел к решению, что риск для кораблей и возможность жертв «не будет соответствовать высочайшему повелению». На основании собственного опыта в Ирбенском проливе в.-адм. Шмидт не считал больше, что минные заграждения пред-

ставляют сильное препятствие. Русские получили достаточное предостережение, а потому будут выходить со всеми предосторожностями.

«Ввиду необходимости вскоре уйти из залива, заграждение препятствовало бы действиям противника не более чем в течение трех суток».

Демонстрация против Усть-Двинска также была отменена; не говоря уже о том, что *Слава* оставалась в тылу, обстрел на больших дистанциях по причине плохой видимости был затруднен. Решение в.-адм. Шмидта начать возвращение было основано, главным образом, на сильном понижении дееспособности миноносцев, и в особенности II дивизиона тральщиков[1], а также ввиду недостаточности запаса угля на кораблях группы Хиппера, испытывавшей по последним донесениям затруднения в этом смысле.

До конца перновской операции линейные корабли и X флотилия держались в протраленном фарватере. *Пиллау* прикрывал со стороны Моонзунда, причем несколько раз видел подводные лодки, но не мог к ним приблизиться. I дивизион тральщиков был выслан для контрольного траления выходного фарватера. Эта работа производилась под прикрытием *Бремена* и пяти миноносцев, которые держались между сетевыми заграждениями и входом на фарватер. II дивизион тральщиков, а потом *Дейтшланд* и VIII флотилия были отпущены к Люзерорту; после того как около 15 ч. 30 м. к главным силам присоединились *Грауденц* и *Аугсбург,* а затем *Пиллау,* они стали выходить из Рижского залива. Миноносцы, сопровождавшие крейсера, снимали ограждение протраленного фарватера, но не окончили своей задачи, потому что Шмидт хотел до наступления темноты пройти через заграждение, стоявшее у Михайловского маяка. Опасение, что подводные лодки будут во что бы то ни стало стараться отрезать отряду путь отступления, оказались неосновательными. Около 19 час. корабли стали на якорь к северо-западу от Михайловского маяка; ближайшими к неприятелю были *Позен* и *Нассау.*

[1] На одном из тральщиков произошла авария машины, и он был взят на буксир; повреждение смогло быть исправлено в несколько часов.

Фарватер при возвращении не представлял никаких неудобств. Оба вспомогательные дивизиона тральщиков усердно работали на нем в течение двух суток, причем уничтожили только у сетевого заграждения около 60 противолодочных мин и подрывных патронов.

До окончательного оставления на следующий день (21.VIII) Ирбенского пролива, с утра оба дивизиона тральщиков приступили к уборке буев, поставленных в районе заграждений. По приказанию командира соединенных сил, в точках поворотов было оставлено ограждение на случай, если бы при наступлении армии понадобилось повторить прорыв в Рижский залив. На этом же основании флагман не исполнил полученного в полдень предложения пр. Генриха заградить северный и средний фарватеры. В то время как съемка ограждения была произведена в несколько часов, работы по съемке и уничтожению возвышавшихся над уровнем воды частей корпуса *V-99,* производившиеся с помощью вызванной из Либавы подрывной команды, были закончены лишь к вечеру. Уже до полудня часть соединений была отпущена: *Аугсбург, Бремен* и VIII флотилия пошли в Данциг для чистки котлов; *Дёйтшланд,* II дивизион тральщиков, вспомогательный дивизион катеров-тральщиков, прорыватели заграждений и угольные транспорты были отпущены в Либаву. В полдень были отозваны и линейные корабли с тем расчетом, чтобы они могли до наступления темноты присоединиться к своей эскадре. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера и полуфлотилия сторожевых кораблей несли охрану кораблей от подводных лодок и пошли на Либаву. Туда же на *V-100* отправился командир эскадры со своим штабом. *Грауденц,* а также *Пиллау* и сопровождавшие их миноносцы IX флотилии держались у Люзерорта до конца подрывных работ на *V-99.*

Когда *Позен* и *Нассау* утром 19 августа входили в Рижский залив, I разведывательная группа, шедшая в строю пеленга к юго-западу от банки Сарычева, попала в район действия английской подводной лодки *E-1.* С флагманского крейсера был замечен воздушный пузырь торпедного выстрела в 200 *м* справа на траверзе. Никакие повороты корабля спасти его не могли, и только случайно торпеда про-

шла вплотную за кормой. Но подводной лодке повезло, потому что торпеда попала в нос шедшего левее позади *Зейдлица* — *Мольтке*[1]. Последний только что разобрал предостерегавший его сигнал и в момент попадания был на циркуляции, но из-за мелкой ряби след торпеды с него был замечен очень поздно. Вода заполнила только таранный отсек и находившиеся в нем помещения, причем погибло 8 человек. Корабль легко держал назначенный 15-узловый эскадренный ход, но в.-адм. Хиппер тотчас повернул в Данциг, чтобы пополнить запас топлива и тщательнее осмотреть пробоину *Мольтке*.

На время отсутствия линейных крейсеров командование отрядом прикрытия принял к.-адм. Гедеке. Погрузка угля I эскадры была произведена с таким расчетом, чтобы в течение этих 48 часов все 6 линейных кораблей были на месте. Согласно приказанию командира соединенных сил, к.-адм. Гедеке обратил особое внимание на охрану северного входа в Ирбенский пролив: эскадра крейсеровала день и ночь к западу от Сворбе, перед самым входом держался крейсер, а с вечера 20 августа — пара миноносцев. Остальные крейсера находились на линии Готска-Сандэ — банка Сарычева; их число иногда доходило до двух, так как ввиду уменьшения запаса угля в Либаве некоторым кораблям приходилось ходить за топливом в Нейфарвассер. Миноносцы по той же причине пополняли свои запасы с линейных кораблей IV и V эскадр, стоявших в Либаве. Лишь с большим трудом удавалось коммодору Ресторф удовлетворять потребность в сопровождающих миноносцах для каждого крейсера. I эскадра часто должна была довольствоваться 6 миноносцами, а шедшие в Нейфарвассер 19 августа *Брауншвейг* и *Эльзас* не получили никакого охранения. К тому же 19-го и 20-го поступали сообщения о подводных лодках: *Регенсбург* был безуспешно атакован у Готска-Сандэ подводной лодкой, выпустившей три торпе-

[1] Английская подводная лодка *Е-1*. Радио линейного крейсера *Мольтке*, расшифрованное службой связи, сообщало, что торпеда попала в носовую часть, заполнено носовое отделение и еще два смежных. Из дальнейшего радиообмена было выяснено, что крейсер был направлен в Путциг, а затем прямо в Вильгельмсгафен и «может дать 15 узлов». — *Н. Н.*

ды; у Паппензе долго охотились за подводной лодкой; *Брауншвейг* встретил лодку к северо-западу от Стейнорта; к востоку от Фарэ дважды были замечены следы подводной лодки, которую и преследовали; из Зунда поступили известия, что в Балтийское море прорвались несколько английских подводных лодок. В.-адм. Хиппер поэтому не без опасения поставил свои линейные крейсера на якорь в Путцигской бухте, хотя и под охраной вспомогательного дивизиона катеров-тральщиков Северного моря.

Вечером 21-го прикрывавшие силы были отпущены. I разведывательная группа, пришедшая к полудню, за исключением *Мольтке,* в район операций, возвратилась оттуда прямо в Киль; I эскадра пошла на Свинемюнде; *Брауншвейг, Эльзас, Роон, Любек* и II разведывательная группа — на Либаву. Большие затруднения представило обеспечение надлежащей охраной соединений, шедших в западную часть Балтийского моря, тем более, что в эти дни, кроме *Мольтке,* в сопровождении нуждались *Тетис* и только что вышедший с данцигской строительной верфи новый линейный крейсер *Лютцов (Lützow).* Почти все без исключения флотилии после этого были отпущены для чистки котлов, частью — в Киль или Данциг, частью — в Либаву. Все тральщики были посланы для длительного ремонта к заводам.

Вопреки ходатайствам пр. Генриха об оставлении соединений Северного моря еще на некоторое время в Балтийском море из опасения ответной операции русских, по приказанию кайзера, все временно выделенные корабли и соединения были возвращены Флоту открытого моря.

Для соблюдения скрытности корабли проходили канал поодиночке, с промежутками в несколько дней. Крейсера *Регенсбург* и *Пиллау* 25-го были еще раз высланы к Дагерорту; незадолго до наступления темноты они обстреляли нижний Дагерортский маяк и пост наблюдения и связи на мысу Ристна; в обе цели были достигнуты многократные попадания. 20-я полуфлотилия охраняла крейсера от подводных лодок, а во время пребывания в пределах видимости Даго она была привлечена к обеспечению от мин. Новое тральное оборудование испытывалось впервые и в сравнительно тяжелых условиях; оно оказалось вполне пригодным, но ввиду недостаточной опытности личного состава

миноносцев трал несколько раз выскальзывал на поворотах и на волнении.

Одна из двух подводных лодок, оперировавших в Финском заливе во время прорыва в Рижский залив, — *U-9*, возвратилась в Либаву 22 августа. За время своего похода она, кроме миноносцев и тральщиков, других военных кораблей не видела. 17 августа ей удалось потопить, в непосредственной близости от расположенных на острове Вормс батарей, пароход *Сербино* (2 200 *т)*, шедший совместно с другим. На потопленном пароходе находились беженцы из Риги, а также некоторые эвакуированные ценности, между прочим памятник Петру I, церковные колокола, машины и много мелких ценных предметов. Через сутки *U-9* была безуспешно атакована в Суропском проходе неприятельской подводной лодкой. От *U-26* никаких известий еще не было.

Операциям воздушных сил препятствовала пасмурная и туманная погода. Воздушный корабль долетал 19-го и 21-го до входа в Ирбенский пролив, но оба раза не доставил никаких сведений. Все попытки организовать воздушную разведку из Либавы оказались безуспешными. Самолеты высылались 20-го для поисков подводных лодок в районе Паппензе, но и там ничего не видели. Самолеты Путцигской станции охраняли Путцигскую бухту.

Гр.-адм. пр. Генрих был изумлен, когда в полдень 21-го он узнал о прекращении операции[1]. Он рассчитывал на более длительные действия, так как в.-адм. Шмидт телеграфировал 11-го, что он считает неправильным немедлен-

[1] Оказавшись перед совершившимся фактом прорыва германских сил в Рижский залив и оттянув свои корабли к Моонзунду в предвидении неизбежного развития противником достигнутого успеха, русское морское командование не могло не увидеть последствий занятия Рижского залива и вытекавшего отсюда чрезвычайно тяжелого положения рижского фронта, фланг и тыл которого оказались обнаженными с моря. Выгоды достигнутого немцами положения были неисчислимы и потому оставление ими залива явилось для растерявшегося русского командования неожиданным и непонятным. И поскольку опыт операции показал всю слабость защиты залива и Ирбенской позиции, командование спешно приступило к коренному пересмотру сил, средств и методов обороны на будущее время. — *Н. Н.*

ное оставление залива. В Киле не обратили внимания, что Шмидт хотел в то время, путем указания на неблагоприятные последствия быстрого возвращения из Рижского залива, дать совет совершенно отказаться от операции. Пр. Генрих согласился с доводами, что операцию нужно было прекратить ввиду того, что дееспособность II дивизиона тральщиков была почти исчерпана. Он одобрил также и прочие мероприятия флагмана, за исключением похода *V-99* и *V-100*. По его мнению, вероятность найти *Славу* была очень незначительна, а опасность попасть на мины или встретить превосходные силы противника была довольно велика. Он сожалел, что Моонзунд не был загражден ни в одном месте; в действительности, постановка даже небольшого числа мин была бы полезна; *Новик* 24-го совершенно самостоятельно прошел по протраленному германскими тральщиками фарватеру, пользуясь оставленными буями.

> «Прорыв в Рижский залив был проведен энергично, с полным пониманием поставленных целей. Во время операции пришлось преодолевать значительные затруднения. Русские широко использовали подводные препятствия (минные и сетевые заграждения); устранение их, равно как траление безопасных фарватеров, ведущих в залив, требовало много времени и предъявляло большие требования ко всем участникам. В особенности надлежит отметить безупречную работу дивизионов тральщиков».

Пр. Генриху было известно, что не все поставленные цели были выполнены. Но все же он оценивал нанесенный противнику на воде и суше урон достаточным, чтобы считать операцию удачной, так как моральное значение прорыва через казавшийся непреодолимым район заграждения было огромно.

Морской генеральный штаб в своем письменном заключении, данном после обработки военных дневников 20 сентября, пришел к менее утешительным выводам. Как раз те задачи, ради которых он согласился на первоначальную операцию и затем на ее продолжение после первой неудачи, а именно действительное заграждение Моонзунда на долгий срок и уничтожение *Славы*, — не были выполнены.

«Поэтому всю операцию в целом нельзя назвать удачной. В отдельных случаях участвовавшие команды кораблей и миноносцев показали высокие образцы стойкости и исполнительности, в особенности это можно сказать про тральщики. Нужно, кроме того, приветствовать, что командам наших кораблей представился случай непосредственного участия в боях с кораблями противника. В этом отношении операция оказала в высшей степени благоприятное влияние на настроения личного состава кораблей, принимавших в ней участие».

Выводы были подписаны адм. Хольцендорфом, который только что вступил в должность начальника морского генерального штаба. По остальным данным нужно полагать, что адм. Бахман был того же мнения. Кайзер согласился с мнением морского генерального штаба.

Цели операции несколько раз менялись. Командующий морскими силами первоначально наметил ее план, исходя из предположений армии о наступлении на Ригу. Продолжавшиеся в течение нескольких недель переговоры и несогласия между ставкой восточного фронта и главной квартирой армии вокруг вопросов о плане кампании на востоке отразились на плане и проведении операции. Когда стало очевидным, что продвижение армии откладывается на неопределенный срок, пр. Генрих решил провести самостоятельно подготовленный тем временем набег крейсеров с целью демонстрации на фланге русского сухопутного фронта — что ген. Фалькенхайн находил очень желательным— и для заграждения минами выхода из Моонзунда. Появление *Славы* поставило задачу уничтожить этот отрезанный от своих портов линейный корабль и привело в то же время к развертыванию набега в большую операцию, в которой приняла участие половина флота Германии. Участие столь значительных сил в свою очередь повлекло за собой выдвижение на первый план желания попытаться выманить неприятельские главные силы для боя. Обе цели имели преодоление загражденного района в Ирбенском проливе своим предварительным условием.

Кап. 1 р. Генрих, имевший дело в качестве начальника штаба командующего морскими силами с разработкой оперативных документов и принимавший затем участие в опе-

рации в роли начальника штаба у в.-адм. Шмидта, на основании полученного им боевого опыта все более приходил к убеждению, что оборонительные меры неприятеля, в особенности деятельность неприятельских подводных лодок, требовали серьезного к себе внимания. Поэтому план строился с расчетом на внезапность, причем преодоление минной позиции должно было быть произведено в течение половины дня, в то время как первоначально было предусмотрено два и самое меньшее один день. Хотя русские и были готовы к обороне, но прорыв 8 августа, вероятно, удался бы в предполагавшееся время, если бы все германские корабли, принимавшие участие в операции, были бы столь же привычны к борьбе с минами, как тральщики или как хорошо владевшие этим оружием неприятельские корабли. На самом деле попытка не удалась, и в.-адм. Шмидт, по предложению своего начальника штаба, прекратил операцию, так как, по их мнению, риск не соответствовал ожидавшемуся успеху; но гр.-адм. пр. Генрих, напротив, решил продолжать операцию, находя, что их решение ввиду малых потерь неосновательно, и не уясняя себе из телеграмм командования соединенными силами, что в глазах передовых сил значение целей операции оценивалось уже гораздо ниже и что своим приказанием он дает противнику возможность достичь дешевого успеха.

Второй прорыв, предпринятый с лучшей подготовкой и группировкой сил, после некоторых усилий, несмотря на противодействие неприятеля, был совершен успешно. В течение трехсуточной работы при благоприятной погоде были форсированы одна собственная и шесть русских линий минных и сетевых заграждений. Но главные задачи все-таки выполнены не были. *Слава,* для уничтожения которой в.-адм. Шмидт безуспешно рисковал своими лучшими миноносцами, получила незначительные повреждения в артиллерийском бою и смогла своевременно отступить в Моонзунд, перед которым оказалась вторая позиция из минных заграждений и подводных лодок. Это обстоятельство, вместе с предписанием кайзера о соблюдении осторожности, а также убеждение, что поставленное немцами заграждение не сможет без защиты долго связывать передвижения русского флота, вынудили в.-адм. Шмидта отменить

минную постановку перед входом в Моонзунд. В другом месте ставить мины он воздержался, чтобы не затруднить производства предположенной совместной операции с армией. Предположение о бое отряда прикрытия с русскими главными силами не имело никаких видов на осуществление, так как русские держались совершенно пассивно. Все второстепенные задания, кроме обстрела Усть-Двинска, были успешно выполнены.

Уход из Рижского залива был заранее предрешен, потому что флот не мог там долго держаться без опорного пункта и при отсутствии поддержки армии. Как этого и опасались, он вызвал в Петербурге и во всех странах Антанты торжество победы, причем германские потери были сильно преувеличены, а собственные представлены совершенно незначительными. Со стороны Германии в течение всей операции погибли: два миноносца — *V-99* и *S-31* — и три тральщика — *Т-46, Т-52* и *Т-58,* — все на минах; были повреждены подрывом на минах, но доведены в порт и затем исправлены: *Тетис, S-144* и *Т-77;* линейный крейсер *Мольтке* получил пробоину от торпеды, выпущенной с подводной лодки; в боях с береговыми батареями и с канонерской лодкой *Сивуч* получили по одному попаданию *ф. д. Танн, Аугсбург* и *V-183;* число убитых и раненых было 65 человек. Русские потеряли *Сивуч* со всем экипажем и *Кореец.* Кроме того, более или менее пострадали в боях: *Слава, Грозящий, Новик, Сибирский стрелок* и *Войсковой.* Эскадренный миноносец *Амурец* попал на русское сетевое заграждение у Михайловского маяка и получил большую пробоину от взорвавшейся мины, но был уведен на буксире. Один из неприятельских самолетов попал в немецкие руки. Кроме этого, были потоплены два парохода и девять парусников и нанесен существенный вред в окрестностях обстрелянных германским флотом береговых целей. В Пернове много убытков было причинено пожарами и взрывами, произведенными по распоряжению русских властей.

Только незначительная часть германских потерь произошла от непосредственных действий неприятеля. С русской стороны только морские силы Рижского залива защищали по мере своих сил Ирбенскую позицию, но остальной Бал-

тийский флот никакого участия в этом не принял[1]. Не было произведено даже торпедных атак миноносцев, хотя командующему флотом время от времени удавалось получать сведения о месте германских соединений путем радиопеленгования. Но он ограничился только посылкой подводных лодок, из которых в Рижский залив — *Окунь, Макрель* и *Минога*, а в открытое море — *Барс, Гепард* и английские *Е-1* и *Е-9*. Кроме того, в Лондон был послан запрос:

> «Может ли Англия увеличить число своих подводных лодок в Балтийском море или принять какие-либо иные меры, облегчающие давление немцев на Ригу»[2].

---

[1] Морское командование, надеясь на разрешение ставки использовать дредноуты, перевело линейные корабли *Гангут* и *Севастополь* из Гельсингфорса в Лапвик, но получило отказ с сообщением, что «дредноуты должны быть использованы для основной цели, поставленной флоту, и рисковать ими для «частной» операции безусловно не следует».

Однако, когда опыт борьбы за Рижский залив наглядно показал всю слабость сил, которые могли выделить для его защиты морское командование, верховное командование, осознав значение потери Рижского залива для сухопутного фронта, поспешило пересмотреть свою точку зрения на использование дредноутов. 21 августа, т. е. в день отказа немцев от продолжения операций в занятом ими заливе, морское командование получило следующую директиву, формулировавшую задачи Балтийского флота на будущее время.

1) Не допускать проникновения противника к востоку от главной позиции флота (Нарген — Поркаллауд).

2) Прочно удерживать Або-Аландский шхерный район и препятствовать проникновению противника в Ботнический залив.

3) Прочно удерживать Моонзундскую позицию и острова Моонзунда.

4) Минными судами и средствами позиционно-подводной обороны противодействовать операциям противника против Рижского залива и высадке десанта на его побережье. — *Н. Н.*

5) Выполнять активные операции, не идущие в ущерб главной задаче.

Для выполнения этих задач разрешалось: а) пользоваться по усмотрению командования двумя кораблями дредноутского типа, не испрашивая на то «высочайшего» разрешения, б) использовать линейные корабли старого типа при крейсерских и минных операциях для придания последним нужной устойчивости. — *Н. Н.*

[2] Corbett, Naval operations, vol. III, стр. 135 (Ю. Корбетт, Операции английского флота в мировую войну, т. III. По Корбетту в Балтийское море были посланы 14 августа две подвод-

Своевременно, еще 19 августа, в Балтийское море пришла *Е-8* [1]; другая лодка, *Е-13,* недалеко от Копенгагена наскочила на мель и была приведена в негодность одним из германских миноносцев. Из всех подводных лодок только одной удалось достичь попадания. Английский флот отказал в серьезной поддержке своему атакованному союзнику, а также не использовал длительной отлучки из Северного моря большей части германского флота.

Несмотря на трудности, которые представляло управление этой единственной в своем роде по длительности и масштабу операции, в.-адм. Шмидту и его штабу удалось в сотрудничестве с подчиненным ему личным составом удержать в своих руках руководство всеми бывшими под его командованием многочисленными соединениями и хорошо их использовать. Командиры и экипажи кораблей были всегда на достаточной высоте при решении поставленных перед ними задач, несмотря на то, что при втором прорыве корабли были почти непрерывно на ходу в течение семи суток. Постоянно прогретые машины, несение боевой вахтенной службы, непрерывная готовность к отражению атак подводных лодок, сильно возросший радиообмен, а на линейных кораблях — частые постановки и уборки противоторпедных сетей, длительные крейсерства и переходы по узким, протраленным среди минных заграждений фарватерам, наконец, частые перегрузки и погрузки угля потребовали необычно усиленной службы офицеров и команды. Охрана от подводных лодок и походы зигзагообразными курсами полностью оправдались.

> «Корабли так хорошо маневрировали и настолько были защищены миноносцами, что все усилия *Е-1* и *Е-9* выйти на позицию для атаки разбивались об умелую германскую тактику отражения нападения» (Корбетт).

При нередких подводных пробоинах команды работали с полным знанием дела, а материальная часть кораблей ока-

---

ные лодки, однако, не вследствие русской просьбы о помощи, полученной по его сведениям только 15-го, а, повидимому, в результате обращений английских офицеров, находившихся в России.

[1] Английская подводная лодка *Е-8* прибыла в Ревель 22 августа. — *Н. Н.*

залась высокого качества. Особенно для участвовавших кораблей Северного моря операция явилась желанным источником освежения после длительных стоянок и ожиданий в полной готовности; по крайней мере, линейные корабли в первый раз приняли участие в боях и, по меньшей мере, отдельным кораблям и миноносцам удалось показать, что во флоте жив бодрый наступательный дух. Прорыв крупного соединения через широкий загражденный минами район, защищаемый неприятельскими морскими силами, представлял для тральщиков, миноносцев и крупных кораблей совершенно новую задачу. Не обращая внимания на всплески снарядов и на ежеминутную опасность подрыва на мелкопоставленных минах, тральщики несли свою ответственную службу, и нужно было только удивляться, что ни один из наиболее глубокосидевших ведущих тральщиков не подорвался на минах, несмотря на длительную работу на заграждениях и необходимость неоднократно пересекать те же линии в различных направлениях [1].

Никому из участников не было известно, что главная цель операции была достигнута. Подход эскадры, ее прорыв через ирбенскую позицию, а также перевозки войск в Либаву, о чем русские были осведомлены, возбудили большое беспокойство в неприятельской ставке. «Известие о высадке немцев в Пернове, в тылу наших войск, на кратчайшем пути в Ревель, который являлся оперативной базой нашего флота и оборона которого с суши не имела достаточных средств, вынудило верховного главнокомандующего приказать перевести гвардейский корпус в Валк» [2]. Это приказание, отданное 18 августа, впоследствии не было приведено в исполнение, но в Пернов была выслана артиллерия, количество орудий в Усть-Двинске было доведено до 100 и, кроме того, вдоль всего лифляндского побережья была создана линия обороны, по которой были вырыты окопы, оборудованы опорные пункты, проволочные заграждения, а местами установлены крепостные орудия. Ввиду того, что прорыв германского флота совпал с бле-

[1] Ведущими назначались наиболее крупные тральщики из переделанных устаревших миноносцев. — *Прим. перев.*

[2] Gen. Daniloff, Russland im Weltkrieg 1914—1915, стр. 539, Jena, 1925.

стящим успехом армии, захватившей в течение августа Варшаву, Ломжу, Ковно, Ново-Георгиевск и Брест-Литовск, это повело к большим переменам в русском военном командовании, проведенным в начале сентября; войска западного фронта были переформированы, пополнены новыми частями и вместо вел. кн. Николая Николаевича верховное командование принял сам царь.

Прорыв в Рижский залив произвел еще большее, может быть, впечатление на командование русским флотом. Там были очень испуганы, что германским тральщикам удалось прорваться через Ирбенскую позицию и что вся оборона, включая подводные лодки, оказалась почти бессильной. Германия отважилась на несколько недель увести из Северного моря большую часть своего флота, и английский флот это стерпел. Становился под сомнение вопрос о возможности выполнения русским флотом главной задачи — защиты столицы. Поэтому было решено восстановить Ирбенскую минную позицию и для ее охраны и усиления создать в дополнение к центральной позиции передовую позицию между Даго и Руссарэ, укрепив фланги и той и другой береговыми батареями самого крупного калибра и усовершенствовав имевшиеся минные заграждения и батареи береговой артиллерии. Эти планы, к осуществлению которых было тотчас же приступлено, потребовали большого количества военных материалов и рабочей силы. Непредвиденное благодаря этому увеличение расхода мин привело к тому, что осенью активные минные постановки не были предприняты в таких размерах, как в предыдущую осень. Но главное значение операции заключалось в лишении русского флота инициативы и в возвращении его снова к тактике обороны. Гр.-адм. пр. Генрих достиг поставленных им целей, ради которых он, главным образом, так настойчиво добивался предоставления ему современных линейных кораблей, которые и постарался использовать.

Глава XI

МАЛАЯ ВОЙНА В РИЖСКОМ ЗАЛИВЕ. НЕПРИЯТЕЛЬСКИЙ ФЛОТ ПОЛУЧАЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ. ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОМЕРЫ

В конце августа были произведены большие перемещения флагманов, намеченные еще в июле, но временно задержанные ввиду операций в Рижском заливе. В.-адм. Шмидт вернулся в Северное море, чтобы принять командование I эскадрой. На его место был назначен в.-адм. Шульц[1]. 2-й флагман IV эскадры к.-адм. Альбертс был назначен начальником штаба Кильской морской станции; на его место был назначен кап. 1 р. Энгельгардт. Гр.-адм. пр. Генрих отпустил своего начальника штаба кап. 1 р. Генриха, получившего назначение командиром *Дерфлингера;* это произошло вследствие возникновения между ними в течение последних недель отчуждения, хотя командующий попрежнему признавал его работоспособность и заслуги. На его место был назначен кап. 1 р. Услар. Установленная на время операций должность начальника штаба при старшем флагмане в Балтийском море, командовавшем соединенными силами обоих морей, была введена в штат и замещена кап. 1 р. Михельсеном, который сдал командование *Пр. Адальбертом* кап. 1 р. Бунneману. Почти одновременно в течение первых дней сентября, в результате несогласий

---

[1] В.-адм. Фридрих Шульц вступил на службу в 1881 г., по специальности минер, в бытность командиром ряда крейсеров и линейных кораблей руководил опытной торпедной партией; перед войной был комендантом укрепленного района Вильгельмсгафена, с осени 1914 г. командовал II флотской дивизией во Фландрии.

по поводу неограниченной подводной войны, сменились начальник морского генерального штаба адм. Бахман и его заместитель к.-адм. Бенке. На их места были назначены адм. Хольцендорф и в.-адм. Кох. Адм. Бахман был назначен начальником морских станций Балтийского моря.

Средства, которыми мог теперь распологать в.-адм. Шульц, были очень ограничены по сравнению с количеством имевшихся в течение последних недель. В Балтийском море были оставлены IV эскадра и VIII флотилия, но зато разведывательные силы заметно сократились из-за вывода из строя наиболее старых кораблей, личный состав которых был использован для укомплектования подводных лодок, самолетов и малых кораблей. *Беовульф* должен был быть возвращен в Северное море; *Тетис,* нуждавшийся после подрыва на мине в длительном ремонте, был исключен из списков. Взамен него морской генеральный штаб обещал дать по готовности в середине ноября достраивавшийся новый крейсер *Эльбинг (Elbing);* кроме того, имели место переговоры и о дальнейшем усилении. В.-адм. Шмидт в своем докладе указывал на настоятельную необходимость наличия второго крейсера с 24-узловой скоростью, и морской генеральный штаб не возражал против предоставления крейсера *Кольберг*. Требование пр. Генриха о предоставлении замены вместо *V-99* было отклонено, но *V-100* все-таки был оставлен, несмотря на то, что командующий Флотом открытого моря рассчитывал на его перевод к себе. Боевое значение кораблей сильно уменьшалось из-за недостатка миноносцев для несения охраны от подводных лодок. В течение последующих недель для этой цели было в готовности всего только две флотилии, так как миноносцы задерживались у заводов, производя, кроме чистки котлов и ремонта, — смену артиллерии; VIII флотилия была снабжена более современными торпедами и производила их пристрелку в Киле; Х флотилия ввиду назревшей настоятельной необходимсти получила новые 8,8-*см* орудия на бак, вместо 5,2-*см* орудий, стоявших на мостике. До середины сентября исправных тральщиков совершенно не было; лишь с этого времени половина II дивизиона тральщиков была готова к выходу в море. При этих условиях особенно большое значение приобретали подводные лодки. Хотя они

должны были, собственно говоря, возвратиться в Северное море, но морской генеральный штаб, идя навстречу желаниям пр. Генриха, отложил срок их перевода. Ценно было также то, что авиаматки были в исправности.

Старший флагман, в соответствии с приказом командования, стремился не оставлять без наблюдения воды вокруг Готланда и вход в Финский залив.

> «Естественно, что речь шла не о длительном наблюдении, а о коротких походах, которые нужно было проводить при хорошей видимости».

29 августа вечером к.-адм. Гопман вышел в крейсерство в море с дивизией броненосных крейсеров в составе *Роона, Эльзаса* и *Брауншвейга,* легким крейсером *Любек* и восемью миноносцами X флотилии; отряд прошел между Фарэ и Готска-Сандэ к Хуввудшеру, оттуда в район к югу от Богшера и вернулся, обойдя Готланд с запада, в Либаву, куда вошел утром 31-го. За время похода неприятеля обнаружено не было. Для введения противника в заблуждение Гопман в полдень 30-го передал радиограмму на корабли и соединения Флота открытого моря: результаты этого в то время не были известны, теперь же можно предположить, что противник был введен в заблуждение [1].

Ежедневно с Михайловского маяка и с Люзерорта поступали сведения о передвижении русских эскадренных миноносцев и заградителей; на основании этого можно было заключить, что враг планомерно и тщательно восстанавливал ирбенскую позицию (см. выше, черт. 22). Действительно, по распоряжению командования русским флотом в течение двух недель был поставлен целый ряд новых заграждений как в районе старой позиции, так и с ее наружной стороны. Постановка мин с полудивизиона особого назначения 27 августа, происходившая у Люзерортского рифа, была прикрыта выходившими из Финского залива двумя ли-

---

[1] «При нашем возвращении к мысу Кави вечером 30-го мы узнали, что ожидают новых попыток противника прорваться в Рижский залив для совместных действий с армией против Риги» (Г. Граф). Последние известия основывались как будто на германском шифрованном радио от 26-го, которым назначалось наступление вдоль побережья, впоследствии отмененное.

нейными кораблями и одной бригадой крейсеров [1]. При возвращении *Охотник* наскочил на мину, повидимому, германского заграждения, выставленного против подводных лодок северо-западнее Михайловского маяка, получил тяжелые повреждения, но дошел до порта [2]. Кроме минных заграждений, 30-го у устья р. Ирбен было поставлено заграждение из затопленных судов. Перпендикулярно к береговой линии были затоплены в ряд, на протяжении двух миль, двенадцать парусников и два парохода; интервалы между ними были заграждены бревнами и сетями, а вокруг — поставлены мины, вследствие чего вдоль побережья нельзя было пройти даже на самом мелкосидящем судне.

Когда в.-адм. Шульц узнал о производившейся постановке этого заграждения, он отправил из Либавы три самолета для точного определения места работ, а также для атаки с воздуха на заградители и миноносцы. Разведка вскоре была успешно закончена, но бомбометание было очень затруднено неприятельским зенитным огнем из орудий и пулеметов, а также маневрированием кораблей. Несмотря на это, самолету *234* удалось достигнуть при второй атаке попадания в корму *Новика* [3].

> «Бомбы были хорошо видны за все время их полета, начиная от момента освобождения с подхватов, почему было легко рассчитать их траекторию. Атака продолжалась 20 минут, гидросамолет сбросил 10 бомб, но по счастливой случайности ни одна из них не попала. Некоторые взрывы происходили настолько близко от корабля, что брызги и осколки дождем сыпались на палубу. В обык-

---

[1] Крупные корабли выходили, повидимому, не для прикрытия эскадренных миноносцев, а наоборот, последние использовали этот выход в качестве своего прикрытия. По сведениям Д. Малинина («Морской сборник», 1923 г.) крейсера *Олег* и *Богатырь* под прикрытием двух дредноутов поставили ряд минных заграждений на наиболее употребительных путях кораблей германского флота. Если в это время началась постановка заграждений передовой позиции, то корабли не спускались к югу от параллели Дагерорта.

[2] Эскадренный миноносец *Охотник*, подорвавшись на неприятельской мине и получив пробоину в кормовом отделении, самостоятельно дошел до Куйваста. — *Н. Н.*

[3] В действительности этого попадания не было.—*Н. Н.*

новенных условиях атака не вызвала бы опасений, но у нас на палубе было около 50 мин, готовых к сбрасыванию, и если бы хоть одна из бомб попала в мину, мог бы произойти такой взрыв, что от нас ничего бы не осталось. Поэтому во время атак мы были вынуждены сбросить за борт все мины» (Г. Граф).

Таким образом, вследствие воздушной атаки русские были вынуждены поставить мины в районе собственного маневрирования.

Соприкосновение с русскими морскими силами в Рижском заливе осуществлялось только при помощи самолетов; на них же легла задача разведки места нахождения *Славы,* так как все еще существовала надежда, что она уничтожена в бою у Кюно и каким-либо иным образом. Поэтому старший флагман 29 августа приказал одной из авиаматок перейти на некоторое время в Виндаву. Штормовая погода задержала этот переход до 4 сентября, когда *Ансвальд* под охраной *V-100* и 2 сторожевых кораблей совершил переход и стал на якорь в аванпорте Виндавы. В тот же день самолет *270* долетел до Шильдау, обнаружил укрепления на Мооне, осмотрел Куйваст, бухту Феттель и Аренсбург, служившие опорными пунктами для неприятельских морских сил, а также установил точное количество неприятельских кораблей. Он, как раньше и другие, попал под сильный огонь, и по возвращении на нем были обнаружены 11 пробоин от шрапнельных и ружейных пуль, что, однако, не помешало его благополучному возвращению в Виндаву. *Слава* стояла в Аренсбургской бухте. Линейный корабль к этому времени уже доказал свою способность передвигаться и стрелять, так как накануне им был обстрелян Михайловский маяк, причем только один из снарядов поцарапал маячную башню. В это время с одного из летевших из Либавы самолетов на корабль были сброшены, несмотря на усиленный обстрел его из зенитных орудий, пять бомб, не причинивших, однако, вреда.

У входа в залив держались подводные лодки. *UA* была выслана в район к западу от Цереля и банки Сарычева с заданием атаковать выходящие из Ирбенского пролива корабли, и в особенности подводные лодки, а также с целью выяснить, имеется ли сообщение с заливом. В то же время

в Финский залив была выслана *UC-4* для заграждения северного выхода из Моонзунда минами. Четырехдневный шторм задержал отправку обеих лодок, и они вышли соответственно 9 и 11 сентября. *U-10* также была в исправности, но ее было решено отправить к Ревелю, после возвращения оттуда *U-26*, о которой не поступало никаких сведений со дня ее выхода (11.VIII). Ее командир получил приказание держаться у южного побережья Финского залива до 17 августа включительно, после чего оперировать к востоку от Ревеля и в районе Гельсингфорса. Запас продовольствия и горючего был принят на четыре недели. Когда по истечении этого срока U-26 не вернулась, нужно было считать, что она погибла на одной из бесчисленных мин, поставленных в этом районе. Из сопоставления ставших известными сведений теперь видно, что вечером 30 августа ее видела к юго-западу от Дагерорта *E-9*. В таблицу русских потерь (Г. Граф) в течение времени, совпадающего с ее походом, внесены гибель тральщика *№ 1* у северного входа в Моонзунд и гибель от торпеды военного транспорта *Печора* (1 200 *т*) 25 августа у Наргена. Это были последние успехи прославившейся потоплением крейсера *Паллада* подводной лодки и ее отважного командира кап.-лейт. Беркгейма.

Новый прорыв английских подводных лодок через Зунд и оживленная деятельность неприятельских лодок в течение операции против Рижского залива вынудили командира эскадры предпринять планомерную охоту за подводными лодками. В течение ночи с 3 на 4 сентября и на рассвете 19-я полуфлотилия обследовала участок моря к востоку от банки Хоборг, где в начале августа часто видели подводные лодки. На следующую ночь для той же цели на подходы к Мемелю была выслана 20-я полуфлотилия, так как в этом районе, по наблюдениям радиопеленгаторных станций Мемеля и Штольпмюнде, были слышны английские радиопереговоры. Воздушный корабль *SL-4* также поднялся для патрулирования над районом моря возле Данцигского залива и у Мемеля. Во время этих походов подводных лодок обнаружено не было. Так же безрезультатно было подробное обследование Паппензе и его окрестностей, проведенное по приказанию губернатора за 14 дней до этого из по-

дозрения, что неприятельские лодки пользуются им как базой с помощью прибрежных рыбаков. Этот район оказался слишком мелководным. Но посыльное судно *Т-21* захватило несколько рыбачьих шлюпок, занимавшихся промыслом без разрешения, что напомнило о необходимости более строгого контроля соблюдения объявленных для рыболовства ограничений.

Когда однажды обе флотилии были одновременно готовы к выходу в море, в.-адм. Шульц решил совершить поход со всеми силами. Хотя он не слишком надеялся на встречу с неприятельским флотом, но считался на всякий случай с возможностью выхода линейных кораблей типа *Гангут*. После полудня 9 сентября он с пятью кораблями типа *Виттельсбах, V-100* и десятью миноносцами вышел в море на запад, прошел ночью пролив между Эландом и Готландом и на следующее утро показался у Хуввудшера. *Аугсбург, Бремен* и сопровождавшие их миноносцы под командованием командира *Аугсбурга* прошли восточнее Готланда на север и выстроили дозорную линию на широте Дагерорта. К.-адм. Гопман на *Пр. Адальберте*[1] вышел с *Брауншвейгом* и *Эльзасом* только утром 10-го и держался на линии Фарэ — Церель, пока *Любек* конвоировал в Виндаву авиаматку *Санта-Елена,* которая должна была выслать оттуда два самолета для разведки западного побережья Эзеля. Один из них обнаружил на полпути между Фарэ и банкой Сарычева неприятельскую подводную лодку, атаковал ее и в ответ на это был с нее обстрелян. *Аугсбург* у Даго видел на большом расстоянии миноносец. Наконец, отряд броненосных крейсеров после полудня встретил в 40 милях к северо-западу от Стейнорта подводную лодку; выпущенная ею торпеда, во-время замеченная с *S-176,* прошла мимо. Вечером 10-го Гопман вернулся в Либаву. На другое утро туда же возвратился и в.-адм. Шульц, который обогнул Готска-Сандэ далеко с востока, после чего определил свое место по маяку Фаль-удден и направился к фарватеру на параллели Либавы. При входе на фарватер его ожидал плавучий маяк военного времени *Ханза (Hansa),* который сна-

[1] Этот корабль только что окончил ремонт, ввиду чего *Роон* смог быть поставлен в свою очередь на несколько недель для ремонта.

чала предназначался для входа на фарватер у Риксгефта, а теперь применялся для той же цели у Либавы. 20-я полуфлотилия в течение этой ночи производила поиски подводных лодок к северо-западу от Стейнорта, но безрезультатно.

SL-4 в полдень 9 сентября поднялся для разведки, но ввиду хорошей погоды получил затем разрешение от старшего флагмана произвести нападение на один из русских военных портов в Финском заливе. Воздушный корабль сначала держал курс на острова Эзель и Даго, которые открылись после наступления темноты, пересек Моонзунд, причем был обстрелян с Вормса гранатами, и в 1 час был у Балтийского порта. Дувший на высоте 2 000 *м* довольно сильный северо-западный ветер вынудил его отказаться от бомбардировки Ревеля и ограничиться разрушением портовых и железнодорожных сооружений в Балтийском порту. Здесь он был также встречен оборонительным огнем. Местечко было хорошо затемнено и лишь с трудом можно было обнаружить шоссе и железнодорожные пути. Сбросив 10 зажигательных и 10 разрывных бомб по 50 *кг*, которые хорошо легли в цель, *SL-4* начал возвращение над Эстонией, Рижским заливом и Курляндией. После 22-часового полета, израсходовав почти все горючее, он благополучно спустился в Седдине. О результатах налета до сих пор достоверных сведений не имеется.

В то же утро (10.IX) стартовали в Ревеле восемь русских летающих лодок, которые, спустившись у Цереля, пополнили запас горючего и, приняв бомбы со стоявшей там авиаматки, вылетели для атаки германских морских сил, стоявших в Виндаве. Четыре из них в 11 час. достигли назначенного места и сбросили на стоявшие на якоре в аванпорте Виндавы *Любек* и *S-130* по две бомбы[1]. Все восемь бомб упали в 50 *м* от кораблей и более, но один из самолетов получил попадание из пулемета в пропеллер, вследствие чего вынужден был спланировать на воду. Два бывших на нем офицера были взяты в плен, а летающая лодка взята на буксир *S-130;* она была, так же как и за-

[1] *Санта-Елена* пришла только одним часом позже.

хваченная 8 августа, введена в строй и передана в учебный отряд. Появление сравнительно большого числа неприятельских самолетов было неожиданным; до этого случая одновременно бывали в воздухе не более двух самолетов. Но налет на Виндаву остался единственной крупной воздушной операцией русских в этом году.

Германские летчики в течение нескольких недель готовились совершить далекий полет, к выполнению которого они теперь приступили. По два самолета с либавской станции и с авиаматок *Ансвальд* и *Санта-Елена* собрались 11 сентября в Виндаву и на следующее утро вылетели в Ригу (110 миль). У Доместнеса они попали в сплошной облачный покров, который, повидимому, держался над всем заливом, почему большинство участников повернуло на Аренсбург. Только самолет *270* продолжал полет и, воспользовавшись окнами в облачном покрове над южной частью залива, в течение долгого времени летал над Ригой и Усть-Двинском и произвел ряд фотографических снимков. Он сбросил восемь бомб на Мюльграбенскую верфь и вызвал пожар в одном из ее зданий. На обратном пути он встретил буксир с парусником: «Я спланировал и, сев на воду, обошел вокруг него. Несколькими предостерегательными выстрелами я заставил отдать буксир и пошел к паруснику. Из опасения, что буксир будет меня таранить, я произвел по нему еще несколько выстрелов, из которых один попал в машину. С парусника была спущена шлюпка, и 5 человек его экипажа стали грести к самолету. Механик самолета на этой шлюпке подошел к буксиру, взял его под свое управление, подошел к паруснику и разрешил людям взять их собственные вещи. Одному из них он приказал прорубить дно шхуны, после чего она затонула. Буксир с людьми был отпущен». Самолет, пополнив запас бензина в Роене, благополучно вернулся домой. Остальные во время утреннего и послеполуденного полетов нашли много достойных целей у Цереля и в Аренсбургской бухте. Одна из стоявших там авиаматок была атакована самолетами *459* и *478;* одно из попаданий произвело на ней ясно видимый пожар. Самолеты считали также, что им удалось достигнуть нескольких попаданий в эскадренные миноно-

цы[1]. Три русских самолета опоздали к отражению атаки. Обстрел с кораблей был безрезультатным, хотя *459* спускался несколько раз настолько низко, что смог вводить в действие пулемет.

Сведения, поступившие 9 сентября от охраны Зунда, убеждали с несомненностью, что английские подводные лодки вновь предприняли попытки прорыва в Балтийское море. Ввиду этого к.-адм. Гопман получил поручение старшего флагмана выслать полуфлотилию миноносцев к Эланду, чтобы создать еще одно препятствие на пути людок в Россию. Вечером 10 сентября 16-я полуфлотилия вышла в район между Хоборгом и Утклипан, где крейсеровала в строе фронта в течение 24 часов. Отличная видимость не давала возможности застать подводную лодку врасплох. У Сегерштадта была замечена на большом расстоянии одна лодка, которая погрузилась прежде, чем ее успели надлежащим образом обстрелять. В ночь с 13-го на 14-е вся VIII флотилия еще раз обыскала позицию подводных лодок между Мемелем и Паппензе, но, несмотря на хорошо слышные английские радиопереговоры, операция не дала никаких результатов, так же как и поиски, произведенные через три дня 16-й полуфлотилией к северо-западу от Стейнорта. Из-за наступившей плохой погоды эти походы вскоре пришлось временно прекратить. Еще раз в течение трех ночей в конце месяца на охоту за подводными лодками высылалась полуфлотилия миноносцев, а воздушный корабль *SL-4* вылетал по одному разу в крейсерство к Мемелю и к Эланду. Но корабли почти каждый раз возвращались раньше времени — то по причине шторма, то из-за тумана.

В письменном донесении, посланном в середине сентября пр. Генриху, в.-адм. Шульц не придавал особого значения опасности от подводных лодок в тот момент, но считался с возможностью ее увеличения, если бы на вновь пришедших лодках оказались опытные и энергичные английские командиры. Поэтому он предлагал: усилить заграждения у Зунда; увеличить морские силы восточной части Балтийского моря на одну флотилию эскадренных миноносцев и один

[1] В действительности попаданий в корабли при налете не было. — *Н. Н.*

дивизион б. рыбачьих судов: вооружить все тральщики, сторожевые корабли и крейсера противолодочными бомбами, которыми до этого времени снабжались только миноносцы; кроме того, поставить противолодочные сети в Путцигской бухте, у Риксгефта, у Полангена и у Либавы. Первое предложение было выполнено, второе предложение—уже не новая просьба о предоставлении кораблей малого тоннажа — была передана морскому генеральному штабу; 500 противолодочных бомб были заказаны. В это время командующий имел возможность ознакомиться и с общим положением вопроса о создании и развитии противолодочных средств. Техническая испытательная комиссия заканчивала опыты с гранатами (Granaten) и минами (Minen), которые можно было выстреливать из артиллерийских орудий или из специальных минометов. Были достигнуты большие успехи в испытаниях начиненного взрывчатыми веществами противолодочного змея («U-bootsdrachen»), а также особых сетей («Kastennetze») с прикрепленными к ним подрывными патронами, представлявших собой тралы для подрывания подводных лодок путем траления ими предполагаемого места лодки. Трал из стального троса, вроде употреблявшегося для траления мин, был передан на испытание. Одновременно испытывались индикаторные сети (*Anzeigenetze),* дававшие сигнал, по которому сторожевые корабли могли заметить, что в сеть попала подводная лодка; испытания тяжелых сетей (schwere Sperrnetze), удерживавшихся на месте с помощью якорей и поплавков, были почти окончены. Наконец, на основании опыта, полученного в Дарданеллах, были усовершенствованы акустические (шумопеленгаторные) приборы для сторожевых кораблей, позволявшие им при застопоренной машине улавливать шумы винтов и работающих механизмов на расстоянии от 3 до 5 миль. Было заказано большое количество подводных змеев, буксируемых и якорных сетей, акустических приборов; но на получение тралов, даже в случае успешных результатов последних испытаний, можно было рассчитывать все же лишь через месяцы.

16 сентября вернулись с позиции обе подводные лодки. *UA* в течение целой недели не заметила движения через Ирбенский пролив. Однажды утром у Цереля на нее с са-

молета были сброшены бомбы, но безрезультатно. *UC-4* выполнила задачу заграждения северного входа в Моонзунд, поставив свои двенадцать мин в полдень 13-го у Штапельботтенского буя. Подход к месту постановки был произведен в подводном положении и несмотря на наличие сторожевого корабля и на навигационные трудности фарватера. Попытка захватить буксир с баржей не удалась ввиду малой скорости хода лодки. По пути туда она встретила одну неприятельскую лодку, а на обратном пути две, в обоих случаях у Дагерорта. К северо-западу от Стейнорта она пересекла курс еще одной лодки, перископ которой был внезапно обнаружен в расстоянии 100 *м*. Благодаря слишком малой дистанции командиру и на этот раз удалось спастись быстрым погружением. После этого 22 сентября *U-10* вышла к Дагерорту для боя с подводными лодками. У Штапельботтена она увидела торчавшие из воды мачты затонувшего корабля; это был русский тральщик *№ 10*, погибший на минах, поставленных *UC-4* 17 сентября. Кроме этого, *U-10* видела лишь несколько малых миноносцев 27-го вследствие шторма от *Ost'a* она была вынуждена уйти с позиции и возвращаться в базу, обойдя Готланд с запада.

Неустойчивая осенняя погода с ветрами, разводящими в короткий срок большую волну, затрудняла операции даже более крупных кораблей, так как при преимуществе русского флота в артиллерии необходимо было иметь возможность использовать, по крайней мере, преимущество в скорости хода крейсеров и миноносцев. *Аугсбург* и *V-100*, выходившие 16-го в море к Дагерорту, вынуждены были по этой причине, а также ввиду плохой видимости повернуть на широте Коппарстенарнэ.

Следующий поход к.-адм. Гопману удалось выполнить по плану. 21-го после полудня вышли из Либавы по *W*-вому фарватеру в море: *Пр. Адальберт, Брауншвейг, Эльзас, Швабен, Мекленбург, Церинген, Бремен* и тринадцать миноносцев; в течение ночи они шли на север, оставив Фарэ и Готска-Сандэ слева, и на следующий день показались в виду пловучего маяка Альматрундет. *Бремен* подошел к Дагерорту и заметил там подводную лодку, которая погрузилась. Пока дивизия броненосных крейсеров прикрывала операцию, находясь к северо-востоку от Готска-Сандэ, три

линейных корабля 7-й дивизии пошли к Ландсорту и в Норчепингскую бухту для контроля торговли путем осмотра торговых судов, шедших вне территориальных вод Швеции; для этой цели на миноносцы были посажены с линейных кораблей команды для осмотра. Всего было остановлено девять паровых и парусных судов, у которых была произведена проверка документов; причин для дальнейших мер найдено не было. К вечеру эскадра соединилась на широте Висби и 23-го утром вернулась в Либаву. У Хоборга *Браунштвейг* был отпущен для ремонта в Киль ввиду возвращения к этому времени в Либаву *Пр. Генриха.*

В течение 29 и 30 сентября *Аугсбург* и *V-100* прошли к Дагерорту, к пловучему маяку Альмагрундет и к Хуввудшеру, подходя на дальность видимости; предполагалось, что во время этого похода *V-100* должен был атаковать неприятельский дозорный миноносец, стоявший, как предполагалось, у Тахконы, но нападение было отменено ввиду недостаточно точного счисления для прохода между минными заграждениями.

Между тем было приступлено к тралению по плану, составленному к.-адм. Гопманом. II дивизион тральщиков произвел контрольное траление выходного фарватера у Риксгефта, обследовал тралами фарватер у Брюстерорта и проложил от конечного пункта этого фарватера новый путь в Данцигский залив в направлении *N—S,* для обхода опасного в смысле присутствия подводных лодок района у мыса Брюстерорт. 15 сентября дивизион безуспешно тралил в непосредственной близости от Стейнорта, где по донесению сторожевого корабля была обнаружена мелкостоявшая мина. Несмотря на сильное волнение, державшееся в течение следующих трех недель, программа траления была полностью выполнена: были установлены границы расположенного на *WSW* от Либавы заграждения; выходной фарватер на *W* значительно расширен, и на подходах к Стейнорту значительно увеличен район маневров. Вспомогательный дивизион катеров-тральщиков Свинемюнде к середине сентября был готов, но работал в Северном море, где ему было явочным порядком дано задание по уничтожению заграждений. После настойчивых требований старшего флагмана дивизион был возвращен в Балтийское море в

октябре, когда и приступил к уничтожению заграждения, расположенного на *WSW* от Либавы. Вспомогательный дивизион тральщиков Нейфарвассера, окончивший 20 сентября заводский ремонт, сначала получил задание обследовать водный район к востоку от Хелы. В этом районе один из миноносцев повредил лопасть винта о какой-то металлический предмет — затонувший корабль, либо мину; кроме того, 6-го в 15 милях к северу от Кальберга затонул от взрыва шедший из Либавы с грузом военной добычи пароход *Бреслау* (1200 *т*); причиной взрыва была плававшая или стоявшая на якоре мина. Но дивизион, несмотря на самое тщательное траление, никаких мин не нашел. После этого он стал помогать II дивизиону тральщиков в работе на новом выходном фарватере.

Все малые суда, кроме своего прямого назначения, по очереди привлекались к конвоированию судов прибрежного сообщения. В первую очередь это было делом сторожевых кораблей. Но в середине сентября половина дивизиона вспомогательных тральщиков была выслана для усиления охраны Зунда. Рыбачьи же пароходы оказывались слишком тихоходными и недостаточно вооруженными. Так, например, для охраны отправлявшихся по очереди на несколько дней в Виндаву авиаматок выделялся крейсер или миноносец, потому что один из летчиков 12 сентября как будто бы видел у входа подводную лодку. По нескольку раз в неделю поступали требования выделять миноносцы для сопровождения пароходов, совершавших рейсы между Мемелем и Либавой, так как на них часто находилось по 1 000 человек одновременно, и потому на эту линию были поставлены два самых больших из находившихся в Либаве пароходов. К счастью, в октябре, в связи со взятием Шавлей, перевозки войск морем прекратились, несмотря на очень неудобное железнодорожное сообщение с Либавой через Инстербург — Ковно. Армия приступила к постройке прямой железнодорожной линии от Мемеля через Байорен и Прекульн, которую, однако, удалось закончить только в 1916 г.

Либавский порт соответствовал предъявлявшимся к нему в то время требованиям. Землечерпательные работы в своей главнейшей части были закончены, хотя оставалось сде-

лать для улучшения еще многое. К концу сентября канал, ведущий в военную гавань, был настолько очищен от затопленных судов, что туда удалось в виде пробы ввести *Вёрт* и поставить его у мастерских. Возник вопрос о дальнейших работах по восстановлению. Командующий отстаивал 16 сентября в одном докладе в морском генеральном штабе ту точку зрения, что порт должен быть оборудован в качестве базы для линейных и других крупных военных кораблей, а при заключении мира — удержан за Германией. Следует, примерно, достигнуть того, чтобы флот такого состава, как силы, принимавшие участие в последней операции прорыва в Рижский залив, мог в течение нескольких недель базироваться на Либаву... Оборонительные средства, состоящие в первую очередь из линейных кораблей типа *Вёрт,* недостаточны, в особенности теперь, когда нужно считаться с возможностью неожиданного обстрела русскими линейными кораблями типа *Гангут.* Но морской генеральный штаб считал такой обстрел невероятным и был убежден, что расход материалов, средств и рабочей силы, необходимый по отзыву морского министерства для полного восстановления Либавы, не соответствовал ее действительному значению. До тех пор пока длительная оккупация Курляндии не была бы безусловно обеспечена, — не касаясь подлежавшего разрешению позднее вопроса о территориях, которые перейдут к Германии при заключении мира, — наиболее правильно было подходить к работам с осторожностью. Штаб считал, что порт должен был быть оборудован для обслуживания IV эскадры, в военном канале должны быть устроены места для швартовки, приведены в исправное состояние сухие доки, а ремонтные мастерские несколько расширены; установка мощной радиостанции уже производилась, также была утверждена и постройка эллинга для воздушных кораблей у Вайнодена, несколько в глубь материка от Либавы, но от работ по дальнейшему углублению гавани и от сооружения береговых укреплений нужно было отказаться. Батареи достаточной мощности потребовали бы для своего сооружения срока около года и больших денежных затрат. 24-*см* орудия с кораблей типа *Кайзер Фридрих (Kaiser Friedrich)* и 28-*см* орудия с кораблей типа *Бранденбург,* установку которых рекомендовал пр. Ген-

рих, могли в отношении борьбы с артиллерией кораблей типа *Гангут* считаться лишь полумерой. Укомплектование их личным составом встретило бы неимоверные трудности. Для усиления местной обороны Хольцендорф предложил иметь в постоянной готовности подводную лодку, для чего в ближайшее время приказал перевести в Либаву пригодную для этой цели лодку.

По мере освобождения портовых средств от работ в Либаве, часть из них была переведена для работ в гавани Виндавы. Хотя тральщики оттуда и были отозваны, но гавань оставалась опорным пунктом для передовых сил и для авиации, поскольку операции против русских морских сил Рижского залива не были окончательно оставлены. Походы авиаматок в Виндаву и обратно были небезопасны; кроме того, постановка на якорь и разворачивание в узком аванпорте приводили к повторным постановкам на мель, при стоянке же не имелось охраны от атак подводных лодок и миноносцев. Ввиду этого приступили к прорытию обходного фарватера мимо затопленных судов, заграждавших вход в канал (см. выше, черт. 18), чтобы дать возможность входить авиаматкам и прикрывавшему крейсеру во внутреннюю виндавскую гавань. Два зенитных орудия, предоставленных армией, были ядром обороны. Ввиду трудности совершения даже из Виндавы воздушной атаки на неприятельские корабли, находившиеся в Моонзунде и в Усть-Двинске, летчики оборудовали промежуточные базы на случай вынужденных посадок на восточном берегу Курляндии; сначала складами горючего были снабжены гавань Роен и местечко Килецем на Ангернском озере, но последний пункт не мог быть использован в зимнее время. В непосредственной близости за сухопутным фронтом была оборудована в Раудене вблизи Туккума морская радиостанция, которая сопровождала левый фланг армии и была к этому времени снабжена оборудованием для радиопеленгования. Несколько южнее, в Бауск, в середине сентября были переведены два принадлежавших форту сухопутных самолета новейшей постройки, которым оттуда было удобно производить разведку южной части Рижского залива и атаковать находившиеся там корабли; в целях экономии они

были приданы расположенному там отряду сухопутной авиации.

Деятельность авиации ввиду неблагоприятной погоды была не слишком оживленной. Время от времени один из самолетов производил поиски подводных лодок или разведку над Ирбенским проливом; 23 сентября самолет *478* вступил в бой с русской летающей лодкой и миноносцами. Вечером того же дня самолет *270* совершил вынужденную посадку из-за аварии мотора у Люзерорта; ветром его стало сносить по направлению на северо-запад от Михайловского маяка, но с Люзерорта на помощь ему были высланы шлюпки, которым удалось прибуксировать аппарат в устье реки Ирбен. На следующий день к этому месту подошли неприятельские миноносцы и удачно обстреляли место стоянки самолета, с которого, однако, удалось снять наиболее ценные части.

Русские часто доставляли неприятности обстрелом с канонерских лодок и миноносцев наблюдательных постов Роен, Мессарагоцем и выходивших на побережье моря позиций сухопутных войск. Хотя обстрелы причиняли незначительный вред и приносили небольшие потери, но все-таки они требовали принятия необходимых мер защиты и связывали часть войск и некоторое число орудий. Все время приходилось опасаться возможности высадки десанта в тылу армии. Михайловский маяк несколько раз сообщал, что неприятельские миноносцы высылали к побережью шлюпки и, повидимому, переговаривались со своими агентами с помощью световых сигналов. Старший флагман и губернатор признали необходимым организовать береговую охрану, но армия для этой цели войсковых частей выделить не могла.

25 сентября с утра большой отряд кораблей противника в составе *Славы, Грозящего,* авиаматки *Орлица* и семи миноносцев, одновременно с оживлением боевой деятельности на фронте, обстрелял расположение германских войск на побережье от Лацупа и Думбе до Рагоцема. Положение становилось серьезным, сухопутные пушки напрасно старались отогнать противника. Но, наконец, два самолета из Бауска произвели неожиданный налет, сбросив 16 бомб по 10 *кг* каждая в момент, когда русский отряд становился

на якорь для обеда и, несмотря на свежий ветер, достигли попаданий: одна из бомб попала в миноносец и две в *Славу*. Одной из бомб, разорвавшейся на мостике линейного корабля, был убит его командир кап 1 р. Вяземский, а также еще несколько человек офицеров и команды[1]. Неприятель, считая, что он попал под обстрел дальнобойной артиллерии с берега, снялся с якоря и отошел. Но обстрелянные им деревни в большей части сгорели, что принудило очистить их. Один перебежчик сообщил, что 28 сентября предполагается произвести наступление с охватом фланга, почему командир северного участка обратился в Либаву с запросом о возможности рассчитывать на высылку подводной лодки или на демонстрацию флота в районе Доменеса. В.-адм. Шульц вынужден был ответить, что он не имеет возможности воспрепятствовать нападению неприятеля с моря.

Для организации нового прорыва, к которому, вообще говоря, были готовы, не только не было уже времени, но и повод к нему был недостаточно важным. Командующий морскими силами на основании опыта последней операции пришел к следующему выводу:

> «Повторение будет иметь смысл лишь в том случае, если мы захотим удержать за собою залив. Для этого необходимо, чтобы армия заняла Ригу и Усть-Двинск. Тогда владение заливом будет очень заметно облегчено, но все же потребует весьма значительных морских сил. Только захват островов Эзель и Даго принесет существенное облегчение, ввиду перехода вместе с ними в наши руки обеспеченных якорных стоянок для крупных кораблей, а также возможности приближения наших опорных пунктов к Финскому заливу...»

Морской генеральный штаб считал также занятие балтийских островов безусловно необходимым предварительным

[1] Шрапнельный снаряд полевого орудия попал и разорвался, ударившись о козырек крыши боевой рубки корабля, причем проникшими через визирную прорезь рубки шрапнельными пулями были убиты командир корабля, флагманский артиллерист и 4 человека команды и ранено 10 человек. (Атака самолетов, произведенная несколько позже, была безрезультатна. — *Н. Н.*

мероприятием перед захватом Рижского залива и намеревался поставить о нем вопрос, как только армия потребовала бы обеспечения морских сообщений с Ригой. Также и старший флагман в Либаве, которому уже было поручено разработать план операции и выяснить наиболее удобные места для высадки войск, пришел к заключению, что господство в Рижском заливе невозможно без владения Эзелем.

Вскоре после вступления в командование в.-адм. Шульц был занят решением вопроса, — каким образом исправить неудачу с заграждением Моонзунда и как использовать оставшиеся от неосуществленной постановки мины. Первоначально он решил их поставить у северного и среднего входов в Ирбенский пролив на наиболее вероятных курсах противника. Но после возвращения *UA* стало известно, что в этом районе никакого движения кораблей противника нет, и постановка была отменена. Кроме того, с нею не соглашался и пр. Генрих, считавший, что в первую очередь нужно выяснить, в каком районе неприятель усилил свои минные поля. Гр.-адм. предполагал усилить минные заграждения, поставленные у входа в Финский залив и у Аландских шхер, а остальные мины поставить на подходах к Либаве. При невозможности длительного наблюдения за входом в Финский залив вероятность неожиданного обстрела стоявших в Либаве кораблей, несомненно, уже вступившими в строй русскими дредноутами значительно возрастала, почему, пожалуй, было бы целесообразно, чтобы старший флагман перевел IV эскадру в Данциг.

На оба предложения в.-адм. Шульц дал отрицательный ответ. По его мнению, между заграждениями нужно было сохранить проходы для действий подводных лодок, дальнейшее же заграждение подходов к Аландским о-вам привело бы к невозможности проводить в этом районе какие бы то ни было операции своими силами, в то время как никем не охраняемые заграждения вблизи неприятельских берегов не представят особых препятствий для такого опытного в минной войне противника, каким являлись русские. Постановка заграждений на подходах к Либаве потребует предварительного траления всего прилегающего водного района, а, кроме того, и уничтожения обнаруженных заграждений; весьма сомнительно, чтобы в наступившее осеннее время

тралящие соединения справились с такой работой. Кроме того, после постановки опасность появления плавающих мин, сорванных во время штормов, значительно увеличится; гибель парохода *Бреслау* была в этом смысле предостережением.

К.-адм. Гопман не только поддерживал этот взгляд, но и воспользовался высказанным в переписке между Килем и Либавой обменом мнений для предложения изменения всего образа действий в ведении морской войны. До этого времени все еще оставался в силе приказ о длительном наблюдении за входом в Финский залив. Если он до сих пор не мог быть проведен в жизнь, то тем более теперь, с получением русскими больших подкреплений подводными лодками и новыми линейными кораблями, стало еще труднее рассчитывать на осуществление наблюдения, в особенности с приближением зимнего периода с его длинными темными ночами. Шульц согласился с доводами Гопмана и обратился 22 сентября с докладом к командующему [1].

«Нам предстоят следующие задачи: походы для поддержания активного духа у нас и для создания у неприятеля впечатления о нашей наступательной деятельности. Уничтожение подводных лодок неприятеля. Помеха неприятельским минным постановкам. Обеспечение от нападения на наши корабли во время походов в море и на Либаву превосходных неприятельских сил.

Во исполнение Ваших указаний, в соответствии с мнением флагмана разведывательных сил, я предлагаю новую систему наблюдения за морем путем установки дозорных линий между Эстергарном и Люзерортом и между Капельудденом (Эланд) и Хоборгом. Ввиду значительной ширины обоих проходов они, естественно, не могут быть надежно охранены на всем их протяжении. Поэтому в первом из них необходимо поставить с запада и с востока фланговые минные заграждения общей длиной около 30 миль (черт. 24). Имеющихся в распоряжении 1 200 мин для этой цели будет достаточно... [2]. Длительную охрану

---

[1] Приводится сокращенно.

[2] Доклад указывал, что расширение заграждений невозможно. Средняя часть восточного дефиле прохода (30 мор. миль) имеет

заграждения с помощью сторожевых кораблей и вспомогательных тральщиков, а в открытых местах с помощью миноносцев я считаю вполне обеспеченной. Один из легких крейсеров должен в этом случае ночью находиться позади восточной линии дозора, а на день возвращаться в Виндаву... Хотя дозорная линия и не сможет полностью воспрепятствовать прорыву подводных лодок и минных заградителей, но она будет меня извещать об этом, причем для своевременного принятия противомер в моем распоряжении будут оставаться достаточные силы. О выходе неприятельских крупных сил я также буду уведомлен настолько заблаговременно, что буду иметь возможность выйти из порта для боя».

Пр. Генрих вполне согласился с предлагавшимся сбережением сил. Именно с этой целью он намечал постановку пояса минных заграждений перед Финским заливом. Кроме этого, он вел переговоры с морским генеральным штабом о подкреплении подчиненных ему сил переводом на время до наступления периода замерзания — I или III эскадр, с необходимыми для их действий разведывательными силами и миноносцами, для стоянки в Киль, с выходом их в Северное море только для определенных операций.

Морской генеральный штаб это предложение отклонил, но рассчитывал по возможности чаще посылать в Балтийское море одну из эскадр[1].

Ввиду неудачи этих переговоров пр. Генрих приказал выполнить предложенный им план минных постановок 28/IX, отвергая постоянный дозор, предложенный Гопманом.

«Заграждения не разрешают поставленных нами стратегических целей ограничить деятельность русских морских

слишком большие глубины (от 100 до 200 *м* и больше), западный проход (40 мор. миль) не мог быть загражден из-за Швеции. См. черт. 24.

[1] Наряду с этим предполагалось сделать попытки, путем распространения правильных и ложных сведений, вызывать русских в зависимости от надобности на дальнейшее задерживание их сил в Финском заливе или на их выход. Но уже заранее сильно сомневались в успехе этого мероприятия, и оно не было применено в серьезных размерах.

Черт. 24. Дозорная линия Эстергарн — Люзерорт.

> сил Финским заливом. Противник будет при своих внезапных выступлениях проходить по большим глубинам, не приближаясь к Люзерорту и Эстергарну. Во время последующих операций крупными силами, заграждения, несмотря на ширину проходов, могут стеснить наши действия. Дозорная линия без сильной поддержки очень опасна, набег только одних русских броненосных крейсеров приведет к повторению событий, разыгравшихся 28 августа 1914 г. в Гельголандской бухте».

На следующий день после этого гр.-адм. выехал для ознакомления с положением в Курляндии. В.-адм. Шульц имел поэтому 1 октября возможность еще раз высказать свое мнение и доложить оставшуюся неизменной точку зрения командования передовыми силами. В первую очередь он привел свои соображения, поддержанные к.-адм. Гопманом и кап. 1 р. Михельсеном о бесполезности неохраняемых минных полей в неприятельских водах, в то время как эти заграждения являются тяжелыми препятствиями для действий собственных подводных лодок, особенно потому, что путь мимо Дагерорта им можно было легко отрезать. Постановка намеченного большого заграждения между полями «А» и «С» послужит только к усилению обороны неприятеля. Заграждения у Эстергарна и Люзерорта имели, конечно, свои отрицательные стороны, но они, кроме своего прямого назначения, могли быть использованы также в качестве тактического заграждения в случае боя. Пр. Генриху пришлось согласиться с основательностью доводов и одобрить постановку заграждений у Люзерорта и Эстергарна и установление дозорной линии. Он отказался также от постановки заграждения перед Либавой; вместо этого в гавани должен был находиться в постоянной готовности заградитель для постановки заграждения в случае приближения неприятеля.

Ввиду возвращения на 8-недельный срок заградителя *Дейтшланд* для замены снятого с линии Засснищ — Треллеборг для ремонта парома *Прейсен,* в распоряжение в.-адм. Шульца были даны четыре малых вспомогательных заградителя *Кайзер (Kaiser), Один (Odin), Херта (Hertha)* и *Рюген.* После предварительных учений в составе соединения

этот отряд 30 сентября в полдень вышел из Киля. У Штольпмюнде — в районе, где никогда прежде не видели неприятельских подводных лодок и где корабли шли поэтому без охраны, — по отряду было выпущено подводной лодкой несколько торпед, не попавших, однако, в цель.

После полудня 5 октября, с опозданием против плана на сутки из-за дурной погоды, отряд заградителей вышел в кильватер *Бремена, Пр. Адальберта* и *Пр. Генриха* в море к Эстергарну. Под прикрытием с севера крейсеров к.-адм. Гопмана заградители, усиленные двумя группами 16-й полуфлотилии, выстроились в строй фронта и в полночь выставили большое западное поле в 680 мин; северные линии были поставлены с большими интервалами, а южные имели прогрессивно уменьшавшиеся интервалы: глубины постановки мин — от 4 до 6 *м*. Туманная погода сильно затрудняла вначале проведение операции; затем постепенно прояснилось настолько, что даже были видны огни маяков острова Готланд, и маневр прошел гладко. Постановка восточного и среднего заграждений (соответственно 410 противолодочных мин и 120 больших мин, глубины постановки от 2,5 до 6 *м*) в ночь с 7 на 8 октября также прошла беспрепятственно. Заграждение пришлось выставить на 1,5 мили восточнее предположенного места, потому что шедший впереди *Аугсбург* обнаружил в назначенном для начала постановки месте глубины свыше 120 *м*. Операцию прикрывали в этот раз вместо броненосных крейсеров линейные корабли *Виттельсбах* (с командиром эскадры), *Эльзас* и крейсер *Аугсбург*. Непосредственная охрана заградителей была вместо ставивших мины миноносцев поручена 15-й полуфлотилии, в командование которой незадолго до этого вступил кап.-лейт. Мюкке, бывший 1-й офицер *Эмдена (Emden)* и командир яхты *Аеша (Ayesha)*. Два поставленных на якорь у банки Винкова сторожевых корабля служили пловучими маяками. После этой постановки вспомогательные заградители вернулись в Киль.

К.-адм. Гопман, получивший поручение установить линию дозора, наметил расположение дозорных кораблей по всей линии на шести «позициях» (черт. 24). Пара миноносцев должна была крейсеровать между Эландом и Готландом, два рыбачьих парохода — держаться за западным заграж-

дением у Эстергарна, группа из двух или трех миноносцев — в большом среднем проходе, и по одному рыбачьему пароходу — позади каждого из восточных заграждений. В случаях, когда миноносцев для дозорной службы нехватало, позиция № 1 должна была оставаться свободной, и проход западнее Готланда не охранялся. Корабли должны были проводить трое суток в море, после чего по возможности в течение 8-дневного промежутка находиться в порту для отдыха и других надобностей. Начальником дозорной линии являлся командир дозорного крейсера, который в зависимости от состояния погоды мог держаться или позади позиции № 4 или находиться в виндавской гавани. Два линейных корабля были в полной готовности к походу в либавской гавани, для выхода в случае надобности на поддержку. Была установлена специальная система сигналов для обеспечения быстрой передачи сведений о появлении неприятеля; кроме того, были приняты меры к сохранению в тайне существования дозорной линии как от неприятеля, так и от наблюдателей со стороны нейтрального побережья. Ведение очереди нарядов дозорной службы и все заботы, связанные с ее осуществлением, были возложены на бывшего командира *Тюрингена* коммодора Лангемака, который был назначен 2-м флагманом разведывательных сил вместо все еще не оправившегося от болезни коммодора Карф.

Русский флот с готовностью дредноутов и с увеличением числа подводных лодок значительно увеличивал свой перевес в силах; поэтому, естественно, что его стремление к активным операциям получило толчок. Так как, кроме того, наступало удобное для внезапных действий время года, германское командование вынуждено было подумать о защите портов и стоявших там кораблей на случай внезапного нападения, а также о создании препятствий для прохода неприятельских заградителей и подводных лодок. Действовавшее с весны указание о наблюдении за входом в Финский залив было отставлено, ибо для его выполнения наличных сил было более чем когда-либо недостаточно. Заграждение входа в залив минами также не было выполнено. Установленная вместо этого на широте Люзерорта дозорная линия, опиравшаяся на минные поля, кроме своего оборонитель-

ного значения, выполняла задачи блокады лучше, чем проводившиеся ранее походы. Подсчеты показали, что до сих пор вход в Финский залив был в действительности под наблюдением только в течение $^1/_{10}$ всего времени. Теперь зона наблюдения была отодвинута только на 100 миль южнее прежней, причем от нее до главного опорного пункта — Либавы — было всего 60 миль. Цели ведения морской войны оставались те же: не выпускать русского флота в открытое море; достижение их предполагалось также путем демонстрации германского флага в водах противника. Но силы, назначавшиеся для этих выступлений, должны были иметь такой состав, чтобы быть в состоянии вступить в бой с неприятельскими главными силами.

Глава XII

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

В районе деятельности дивизиона охраны побережья Балтийского моря в течение летних месяцев царило спокойствие. Русский флот держался всецело в своих водах с момента перевода эскадры германских линейных кораблей в Либаву. Английские силы были заняты в дарданельской операции, и их подводные лодки ни разу не прорывались в Балтийское море. Кильская бухта в течение всего времени использовалась для различных упражнений флота, за исключением одного дня, когда из-за мнимо обнаруженной подводной лодки все внимание было направлено на отражение возможной подводной атаки. Все вновь вступавшие в строй большие корабли, миноносцы и соединения проходили здесь свое обучение; изо дня в день обучались офицеры и команды подводных лодок; тут же без помехи производились многочисленные опыты, необходимые для развития новых видов оружия и приборов по всем специальностям.

Естественно, что у южных выходов из Бельтов и из Зунда неслась надежная охрана и целый ряд кораблей и миноносцев был занят этой монотонной службой. В Малом Бельте (карта 1) обыкновенно стояла позади бонового и тросового заграждения, впоследствии замененного сетевым заграждением, канонерская лодка *Пантер,* в поддержке у нее были сторожевые корабли и вспомогательный заградитель, который в случае опасности должен был поставить дополнительную линию заграждений для окончательного закрытия прохода. К осени сюда было добавлено еще неко-

торое количество моторных рыбачьих судов, которые значительно усиливали дозор, в особенности в ночное время. Багэ-зунд был закрыт поставленным поперек него минным заграждением. Датская часть фарватера была также заграждена минами и охранялась датскими миноносцами. Ограниченное грузовое сообщение происходило через ворота заграждений в Эрэ-зунде, и только датское местное судоходство могло пользоваться Багэ-зундом. По настоянию командующего флотом, Багэ-зунд был углублен до глубины, достаточной для прохода новейших линейных кораблей, после чего осенью 1915 г. по нему для пробы прошел линейный крейсер *Дерфлингер*. Лангеланд-Бельт был загражден, как и до тех пор, двумя рядами мин, а вспомогательный заградитель стоял вблизи них на якоре, чтобы в любой момент в случае надобности выставить еще заграждение. По два сторожевых корабля с каждого фланга заграждения несли дозорную и лоцманскую службу. Очень неприятным обстоятельством было то, что половина (свыше 300 штук) стоявших здесь мин были очень давней постановки и плохо выдерживали свежие осенние погоды, не говоря уже об их устаревшей конструкции. Дания жаловалась на появление плававших мин, которые были опасны и для собственных кораблей. Поэтому предполагали убрать всю линию и заменить ее вновь поставленной; но как только морским силам Балтийского моря предоставлялось несколько сотен мин, командующий использовал их в силу настоятельной необходимости в других местах. Поэтому кильскому вспомогательному дивизиону приходилось от времени до времени проверять заграждение и убирать мины, всплывшие к поверхности. Таким образом, был окончательно вытрален конец заграждения, стоявший на мелководье. Несмотря на это, в один из октябрьских вечеров от плававшей мины погибли, к счастью без потерь в людях, два моторных катера-тральщика, стоявшие у борта дозорного корабля. В декабре произошел еще один несчастный случай: сторожевой катер *Бинц (Binz)* в туманную погоду попал на заграждение, взорвался и затонул, причем это не было замечено с соседних катеров. Команда вся погибла. Несколько трупов, выброшенных впоследствии на остров, были в порядке товарищеского содействия датского флота возвра-

щены германскому сторожевому кораблю и доставлены для потребения в Киль.

Большое противолодочное заграждение, предполагавшееся в Фемарн-Бельте, не было поставлено. Когда в начале июня стала поступать первая партия противолодочных мин, в них была настолько большая потребность для восточной части моря, что командующий вынужден был временно отказаться от постановки заграждения в Фемарне. В августе он совершенно отменил его постановку, потому что на основании полученного опыта опасался появления пловучих мин в Кильской бухте. Кроме того, за это время была значительно улучшена охрана выходов из проливов: торговые суда, начиная с июня, проводились через Фемарн-зунд, который для этой цели был углублен до 5 *м*. Только ограниченное число глубоко сидевших пароходов и военные корабли продолжали пользоваться Фемарн-Бельтом. При этом попрежнему делали вид, что имеется поставленное заграждение, для чего корабли под проводкой лоцманов проходили через «ворота заграждения», а для подхода к Редби (на Лааланде), по соглашению с Данией, был оборудован отдельный фарватер. В начале июля, кроме вспомогательного заградителя и нескольких кораблей охраны, была поставлена поперек Бельта в два ряда цепь рыбачьих моторных ботов, первый ряд — у Вестермаркельсдорфа, а второй — у Штабергука с расстояниями между ботами в одну милю. Для поддержки их дивизион миноносцев охраны был переведен из Лабоэ в Хейлигенгафен. Сторожевые корабли в Фемарн-Бельте, так же как и в Большом и в Малом Бельтах, ни разу не видели противника, потому что неприятельские лодки не проникали так далеко. Только один раз, в начале мая, шведский пароход вынудил корабль охраны употребить оружие[1]: пароход *Ванадис* (*Vanadis*) продолжал, несмотря на предупредительные сигналы, итти прямо на заграждение, не обратив внимания на холостой и боевой выстрелы с дозорного корабля. Из желания сохранить в тайне секрет ложного заграждения вспомогательный крей-

---

[1] Движение судов здесь было весьма оживленным: в некоторые дни проводилось до 20, правда большей частью малых, судов.

сер *Сильвана* таранным ударом заставил пароход остановиться. Повреждение было настолько серьезным, что *Ванадис* затонул; команда с него была спасена.

Весной возникла мысль поставить в проходе у Гиедзера такое же воображаемое заграждение, как и в Фемарн-Бельте, чтобы этим обеспечить Варнемюнде, служивший опорным пунктом для охраны Зунда от набегов неприятеля. Предлагали объявить Варнемюндский рейд загражденным минами, а также поставить 15-*см* батарею и линейный корабль для прибрежной обороны в гавани. Все эти желания к.-адм. Мишке — герцог Мекленбург-Шверинский также обратился к пр. Генриху с просьбой о лучшей защите города — остались невыполненными, главным образом, потому, что бомбардировка была слишком мало вероятна, даже в случае неприятельского набега и нападения на охрану Зунда. Проход у Гиедзера охранялся лишь постольку, поскольку все корабли, шедшие к Зунду или на восток, а также самолеты военно-морской авиационной приемной комиссии, помещавшейся в Варнемюнде, ежедневно пользовались этим районом. Но когда осенью 1915 г. неприятель начал подводную войну против морской торговли, стало необходимым создать преграду, по меньшей мере, для подводных лодок. В декабре и в январе вновь образованный отряд сетевых заградителей (пароход *Россаль — Rossal)* поставил между пловучим маяком и германским побережьем сетевое заграждение длиной в 13 *км*. Движение судов происходило через проход вплотную у Вустрова, где были установлены лоцманские суда и пловучий маяк. По предложению Германии, датское правительство легко согласилось убрать свой пловучий маяк, чем был устранен неприятный нейтральный наблюдатель.

Расположенный восточнее район, заключенный между линией Засснии — Треллеборг и Борнхольмом, был под наблюдением нескольких сторожевых кораблей, которые несли противолодочную охрану, и обычно легких крейсеров *Амазоне* и *Ундине,* выполнявших с ними мало завидную задачу крейсерства в качестве поддержки охраны Зунда. Расстрел плавающих мин и случайное оказание помощи терпевшему бедствие пароходу были единственным разнообразием.

Весной было замечено, что Дания начала углубительные работы между островами Фальстер и Мэн, — в проливе Грензунд. По положению землечерпалок можно было заключить, что работы велись на банке Толькэ-Тив, с прорытием которой Грензунд становился доступным для прохода больших кораблей, — обстоятельство, обратившее на себя внимание в связи с попытками прорыва английских подводных лодок. На основании сведений, полученных из Копенгагена, и ночных промеров было установлено, что через мель был вычерпан канал глубиной в 4,5 *м*. Ввиду этого не оставалось ничего другого, как установить вблизи пролива постоянное крейсерство сторожевого корабля. Русское заграждение к северу от Арконы с момента точного определения его границ почти не представляло препятствий для судоходства. Но, во избежание опасности от плавающих мин, в июне это заграждение в 4-недельный срок было вытралено кильским вспомогательным дивизионом катеров-тральщиков, переведенным на это время в Засcниц. Работа этих малых судов всегда вызывала одобрение тем более, что и в порту им было много неприятного дела. Перевод их в Фридрихсорт затруднялся сменой пловучей базы; в конце концов количество команды на них было уменьшено с расчетом, что весь личный состав мог разместиться на катерах и на флагманском корабле *Мёве*. Осенью дивизион получил новые катера, так как старые были сильно изношены. У южного выхода из Зунда (карта 7) изо дня в день при хорошей и дурной погоде крейсеровали три миноносца 7-й полуфлотилии, имевшей опорный пункт в Варнемюнде[1].

Зунд был свободен для прохода, и каждый мог по нему беспрепятственно передвигаться. Только глубина фарватера Флинта (Flintrinne) ограничивала осадку пользовавшихся им кораблей до 7 *м*. Если германские дозорные силы могли не считать возможным появление неприятельских главных сил, то прорыву легких крейсеров ничто не могло помешать, и во всяком случае нужно было ожидать, что

---

[1] Охрана Зунда: начальник IV флотилии кап. 2 р. Вольфрам.

7-я полуфлотилия. Начальник: кап.-лейт. Рекке-Вольмерштейн.

V-154, S-122, G-134, G-132, V-155, V-152, G-136, G-133, S-127.

Англия пошлет свои подводные лодки в Балтийское море. Это нужно было во что бы то ни стало предотвратить. Кроме этого, на три миноносца, если столько вообще находилось одновременно в охране, ложилась задача остановки и осмотра многочисленных пароходов, проходивших мимо в обоих направлениях. Было нелегко надежно охранять сравнительно большой водный район, расположенный между Стевенсом, Фальстербо и Флинтом, в особенности ночью, когда для навигационных надобностей имелся только огонь Стевенсклинта. Фальстербо и Дротген были потушены, а пловучий маяк Фальстербо — уведен. С другой стороны свобода передвижения миноносцев была ограничена, так как, исходя из положений международного права, им было предписано по возможности не заходить в пределы трехмильной полосы. В особых случаях для содействия миноносцам охраны высылали на разведку самолеты из Варнемюнде и воздушный корабль *M-IV;* однако, их помощь была невелика, ибо они также не имели права пролетать через нейтральные территориальные воды, не говоря уже про нейтральную территорию, а потому видели немногим больше морских сил. Кроме того, они, главным образом, служили для обучения личного состава и для производства опытов; так, например, воздушный корабль для пробы спускался на ют крейсера *Амазоне*. Наконец, корабли охраны Зунда использовались для сбора сведений, а в отдельных, редких случаях — для захвата пароходов, шедших с грузами хлопка и маиса для Германии, но имевших для маскировки документы, адресованные на нейтральные порты.

Морской генеральный штаб с начала войны пытался побудить обе прилегавшие к Балтийскому морю нейтральные страны к заграждению ими минами своих территориальных вод, с целью ограничения судоходства только торговыми судами под проводкой лоцманов [1]. По этой причине германским морским и воздушным силам давались инструкции, в которых Германия шла широко навстречу желаниям этих нейтральных государств. Но насколько Дания из своих интересов в свою очередь шла навстречу германским предло-

---

[1] См. «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, стр. 50 и 160. (Фирле, Война на Балтийском море, т. I).

жениям, настолько Швеция долго их отклоняла. Только после прорыва двух английских подводных лодок в Россию, она в конце октября 1914 г. потушила большие маяки на западном побережье и убрала пловучие маяки из Флинта.

В результате этого, по крайней мере ночью, было затруднено движение коммерческих кораблей, которые могли служить лоцманами для прорывающихся подводных лодок, так как трудно поддававшееся учету сильное течение делало проход очень рискованным. В дневное время проход узкостей не представлял затруднений, потому что англичане не испытывали недостатка в людях, знакомых с местностью; но полоса 10-*м* глубин выходила за пределы территориальных вод, вследствие чего подводной лодке, шедшей в надводном положении, было трудно проскользнуть незамеченной мимо миноносцев охраны. Но, несмотря на это, борьба с прорывом подводных лодок была главной заботой охраны. Когда 2 июля у Риксгефта *Пр. Адальберт* был подорван торпедой, тотчас возникло предположение, что атаковавшая лодка могла только что прорваться в Балтийское море, а потому за счет дозорной службы в проходе у Гиедзера была усилена охрана выхода из Зунда переводом туда сторожевых кораблей. С этого времени у южного выхода из Флинта неподалеку от пловучего маяка Дрогден постоянно находился один из сторожевых кораблей полуфлотилии западной части Балтийского моря.

12 августа голландские газеты сообщили, что Россия просила Англию выслать три подводных лодки, для помощи отражению прорыва германского флота в Рижский залив[1]. Почти одновременно с этим поступили сведения о входе английских лодок в Каттегат, а 19-го перед рассветом дозорный миноносец донес, что вступил в бой у Лилльгрунда с шедшей в южном направлении подводной лодкой (карта 7). Попытка таранного удара не удалась, и после этого миноносец два раза в темноте терял лодку из виду. Через несколько часов, около 7 час., *G-132* сообщил по радио начальнику дивизиона охраны побережья:

> «Английская подводная лодка *E-13* села на мель вблизи Сальтхольма».

---

[1] По Корбетту — только 15 августа.

В Киле создалось очень напряженное состояние: операция против Рижского залива, в которой приняла участие большая часть германского флота, достигла кульминационного пункта; в это утро германский отряд прорвался через Ирбенский пролив; только что было получено радио, что *Мольтке* получил торпедную пробоину. *Е-13* каждую минуту могла сняться с мели, произвести атаки или скрыться. К.-адм. Мишке поэтому приказал уничтожить лодку и сам на *Ундине* вышел в Зунд. Как выяснилось впоследствии, его распоряжение, вызванное убеждением в необходимости немедленных решительных действий, вполне соответствовало мнению начальника IV флотилии и командующего морскими силами.

В 10 ч. 30 м. миноносец *G-132* подошел к месту посадки неприятельской подводной лодки. Поднятый по международному своду сигнал, предлагавший покинуть корабль, подтвержденный сигналом сиреной, не был выполнен английским командиром. После того как выпущенная с миноносца по *Е-13* торпеда взорвалась о грунт около лодки, последняя была обстреляна артиллерийским огнем и приведена в состояние, не допускавшее погружения: ее рубка и корпус имели много пробоин, внутри лодки возник пожар. Англичане на выпуск торпеды ответили артиллерийским огнем, и, только убедившись, что всякое дальнейшее сопротивление бесполезно, ее команда стала прыгать за борт[1]. Уцелевшие офицеры и команда были спасены тремя датскими миноносцами, находившимися вблизи. Они сделали попытку стать между сражавшимися, но не успели достичь этого ввиду быстротечности боя. Подводная лодка была снята датским флотом и интернирована вместе с ее личным составом. Дания заявила в Берлине протест и получила на него полное удовлетворение. Возбуждение датского общественного мнения также вскоре улеглось, так как даже наиболее недоброжелательно настроенные согласились, что англичане и русские гораздо серьезнее пренебрегли права-

---

[1] Описание этого боя у Корбетта отличается только тем, что *Е-13* не стреляла. Утверждение, что *G-132* будто бы обстреливал плавающих людей шрапнелью и из пулеметов, должно быть категорически отвергнуто.

ми нейтральных стран и Германии в случаях с *Дрезденом* и *Альбатросом*.

Начальник охраны Зунда считал не исключенной возможность, что подводная лодка, которую видел ночью сторожевой корабль, та же, что и севшая на мель у Сальтхольма. В Берлине на основании дополнительно поступивших сведений были склонны думать, что лодка, которую заметили раньше, прорвалась в Балтийское море и теперь находилась на пути в Россию *(Е-8)*. Во всяком случае было ясно, что охрану Зунда нужно было усилить. Но миноносцев и рыбачьих судов для этой цели не было. Имевшиеся силы также не всегда были в готовности в полном составе; несколько миноносцев 7-й полуфлотилии пришлось отпустить в порты для ремонта. По предложению начальника дивизиона охраны побережья в Зунд были высланы десять рыболовных моторных ботов и расставлены на границе территориальных вод в расстоянии 1,5 миль друг от друга.

8 сентября из Каттегата были получены сведения, что до пяти подводных лодок находится в пути на юг. Хотя охрана Зунда тотчас же была увеличена до трех миноносцев, пяти сторожевых кораблей и девяти рыболовных моторных ботов, но в следующую ночь лодка, повидимому, *Е-8*, прошла незамеченной: утром 9-го миноносец *G-136*, а затем *Амазоне* к югу от Фальстербо встретили подводную лодку, которая в обоих случаях так быстро погрузилась, что они не успели открыть по ней действительного огня. Другая лодка в тот же день, несомненно, находилась у северного входа во Флинт, и даже были сведения, что она остановилась у острова Хвен.

V-154 и *V-152*, прошедшие ночью через Зунд до Каттегата, вскоре узнали на месте, что лодка с надписью *Е-19* мимоходом показывалась в Зунде. Она также благополучно прошла через Флинт и 10 сентября с рассветом была на траверзе Стевенсклинта. Она видела *Амазоне*, но прежде атаковала шедший за ней *S-122;* выпущенная ею торпеда не попала в цепь, пройдя, повидимому, под кормой; два других миноносца сбросили противолодочные бомбы, не причинив ей, однако, вреда. После полудня *M-IV* недалеко от места, где она погрузилась, сбросил две бомбы по 50 *кг*

на «след перископа»; но он, очевидно, был введен в заблуждение гребешками волн.

Воздушный корабль, как и самолеты из Хольтенау и из Варнемюнде, в течение последней тревожной недели принимали живое участие в погоне за подводными лодками. Для самолетов на одном из сторожевых кораблей, находившемся в охране южнее Дрогдена, был даже оборудован склад горючего, но ветер и волна значительно ограничили их деятельность. 16 сентября спустившиеся у Зунда на воду четыре самолета, вопреки предсказаниям хорошей погоды, оказались захваченными внезапным шквалом от NW, раньше чем они этого ожидали, — подняться в воздух стало уже невозможно. Тем не менее, хотя шквал перешел в шторм силой от 8 до 9 баллов, самолетам удалось бы отстояться на бакштовах сторожевых кораблей, на которые они успели стать, если бы из-за имевшего противоположное направление течения они не были в течение ночи перевернуты и сорваны с бакштовов. На следующий день удалось подобрать лишь одни обломки.

9 сентября гр.-адм. пр. Генрих получил в Берлине разрешение заградить выход из Зунда вне пределов нейтральных территориальных вод.

> «Ввиду невозможности рассчитывать на постановку надежного сетевого заграждения ранее трех месяцев, настоятельно необходимо заградить Зунд минами, чтобы затруднить прорыв подводных лодок и уменьшить размеры охраняемого района».

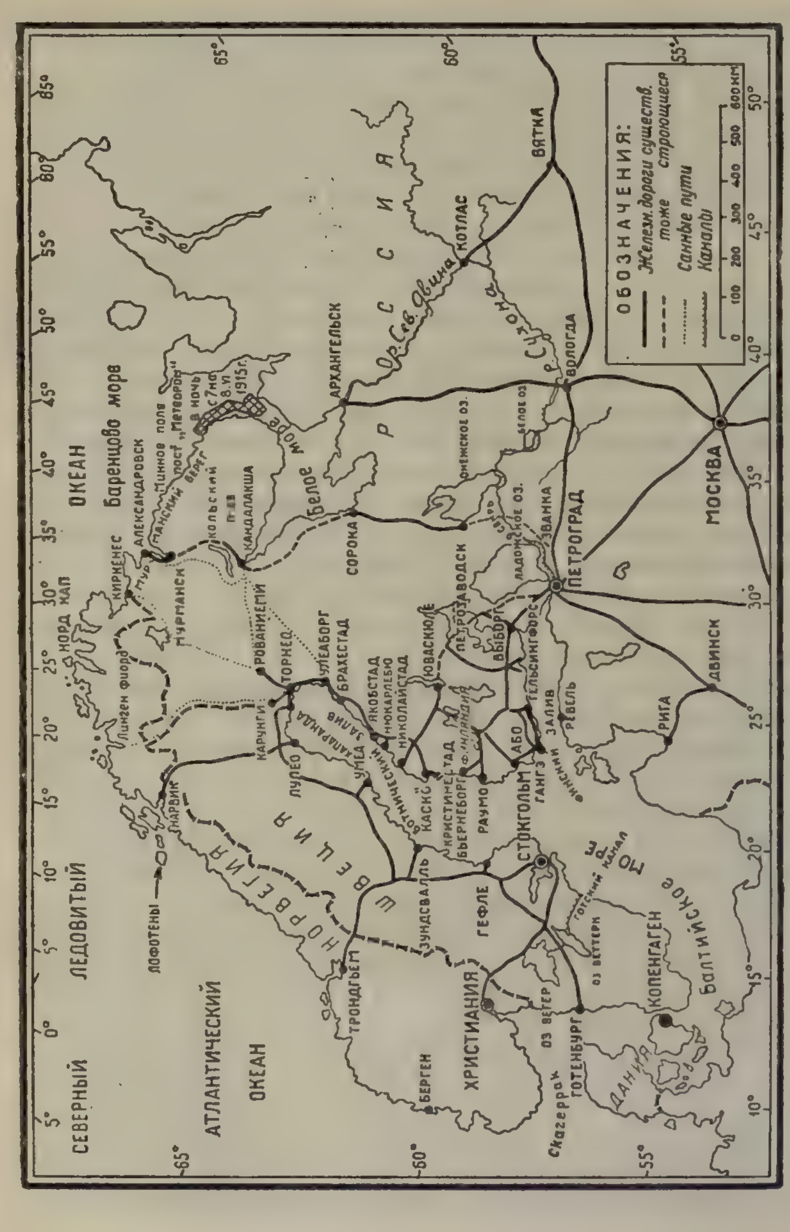
Морской генеральный штаб и министерство иностранных дел дали свое согласие. Швеция и Дания были заблаговременно предупреждены. Первая не хотела признать постановку мин у Зунда правомерной, но ограничилась лишь тем, что осталась при своем мнении и заявила, что при несчастных случаях она будет требовать возмещения всех убытков. Дания не возражала, но считала важным для своих интересов, чтобы торговое судоходство в пределах ее территориальных вод у Амагера совершалось попрежнему под проводкой датских лоцманов, а также чтобы ввиду близости Копенгагена было обеспечено надежное наблюдение за плавающими минами.

К.-адм. Мишке вышел на *Ундине* с заградителями *Один* и *Херта,* имея в поддержке *Пантер,* чтобы лично руководить постановкой. После того как 24 сентября граница предположенного к заграждению района была обставлена буями, а отряд, для введения в заблуждение нейтральных кораблей охраны относительно действительного положения мин, сделал несколько галсов по району, с наступлением темноты с заградителя *Один* была выставлена линия в 108 противолодочных мин поперек фарватера Лилльгрунд и дальше, по направлению к пловучему маяку Дрогден, была выставлена вторая линия в 134 противолодочных мины с заградителя *Херта.* Между обеими линиями был оставлен проход для передвижения кораблей охраны. Некоторое количество мин, оказавшихся на поверхности, были убраны на следующий день. Начиная с этого времени, северо-восточнее и юго-западнее от загражденного района непрерывно несли охрану два сторожевых корабля и один миноносец. Через несколько дней на северной оконечности заграждения не по их вине погиб малый датский парусник *Бесет,* потерявший способность управляться во время налетевшего шквала с дождем, которым он был снесен на заграждение; *S-122* и *V-155* спасли с него команду. 22 ноября с заградителя *Херта* была поставлена внутри огражденного района вторая линия мин к северу и к югу от банки Лилльгрунд; Мишке руководил и этой операцией. При этой постановке заграждение, состоявшее до тех пор только из легких противолодочных мин, было дополнено и усилено крупными минами.

Еще в течение зимы 1914/15 гг. пришли к убеждению, что проводившаяся Германией политика, имевшая целью закрытие Зунда и Бельтов для обеих воюющих сторон, скорее затрудняла, чем облегчала Германии ведение войны на море. Польза от нескольких поставленных Данией заграждений, положение которых было, конечно, в точности известно неприятелю, даже в случае действительной их охраны представлялась очень сомнительной, так как они не могли бы противостоять попытке английского флота прорваться. В начале мая 1916 г. командующий флотом возбудил вопрос об открытии прохода через проливы. Получение таким путем возможности использовать для флота второй выход и контролировать морскую торговлю в Каттегате

имело бы большое значение для ведения Германией морской войны. Успешные работы по заграждению Гельголандской бухты минами подкрепляли его в его требовании. Начальник морского генерального штаба отклонил открытие Малого Бельта по целому ряду военных соображений, главными из которых было то, что датские воды в этом случае стали бы, как можно было предвидеть, театром военных действий, и что Дания была бы вынуждена принять участие в войне на стороне западных государств. На дальнейший запрос флота от 31 июля о возможности повторного прохода Малого Бельта линейными крейсерами был дан ответ, что использование этого пролива должно быть попрежнему ограничено только случаями крайней необходимости. Что касается фарватера, проходившего через шведские воды Зунда, то морской генеральный штаб считал его открытым для германской стороны во всякое время с тех пор, как им воспользовались английские подводные лодки, и что до тех пор не было только надобности пользоваться им для похода германских кораблей; с другой стороны, пр. Генрих опасался усиления в последнем случае деятельности английских морских сил и вместе с тем увеличения опасности для охраны Зунда.

После этого пара миноносцев получила разрешение преследовать бельгийский пароход до Ландскроны, и в течение следующих недель ввиду ожидавшегося прорыва английских подводных лодок такие же походы повторялись. Хотя большинство маячных огней было потушено, миноносцы достаточно хорошо находили дорогу; для замены убранных плавучих маяков оказалось достаточным одного сторожевого корабля, поставленного на якорь у южного выхода из Флинта. Вскоре и самолеты были высланы до мыса Куллен. Ни Швеция, ни Дания не протестовали. Все-таки считали обязательным уведомить обе эти страны дипломатическим путем, что германским кораблям трудно будет избежать пользования в нужный момент Малым Бельтом и Зундом, ввиду намерения оказать английским подводным лодкам более сильное противодействие. В действительности пр. Генриху пришлось отказаться от осуществления своего намерения чаще посылать миноносцы на поиски подводных лодок в Каттегат и вести крейсерскую войну против мор-

Черт. 25. Пути сообщения северной части Европейской России.

ской торговли ввиду недостатка необходимых для этого сил. Но командующий Флотом открытого моря в ноябре и в декабре трижды посылал отряды миноносцев через Зунд и Малый Бельт[1]. Каких-либо трений с нейтральными странами не возникало; несмотря на это, высшее командование приняло решение, что необходимо сохранить возможность использовать Малый Бельт для проведения большой операции из Северного моря.

Хотя отражение прорыва неприятельских подводных лодок было главной задачей охраны Зунда, но на деле она больше использовалась для контроля и осмотра торговых судов. Зунд является одним из немногих путей, при помощи которого западные союзники сообщались с Россией, страной, которая во все возраставшей степени нуждалась в подвозе военных материалов всех видов. Россия на своей европейской западной границе была охвачена центральными государствами. Английский флот совместно с высаженными сухопутными войсками безуспешно старался открыть Дарданеллы. Японские и американские поставки могли выгружаться во Владивостоке, но загромождали затем бесконечно длинный сибирский железнодорожный путь. Главная часть ввоза сосредоточивалась в Архангельске на Белом море, хотя этот порт был первоначально соединен с внутренними областями страны едва развитым речным судоходством по р. Северной Двине и одной узкой железнодорожной колеей с малой провозоспособностью; расширение колеи было закончено только зимой 1915/16 гг. (черт. 25). Летом 1915 г. германский вспомогательный крейсер *Метеор (Meteor)* заблокировал Архангельск минными заграждениями, а зимой ледяной покров в течение нескольких месяцев сильно затруднял движение судов. Незамерзающий порт Александровск в Кольском заливе на Мурманском побережье в то время мог иметь лишь санное сообщение, а спроектированная к нему железная дорога потребовала еще годы тяжелой работы.

Грузы, в отношении которых должны быть приняты меры маскировки их принадлежности к военной контрабанде, направлялись через нейтральные скандинавские страны. Шведский и финляндский железнодорожные пути сходились

[1] См. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 353.

близко один к другому у Хапаранды, на шведской же стороне железнодорожная линия вполне подходила к границе. Но и после того, как недостававший участок был достроен летом 1914 г., товары, прибывавшие в Нарвик, должны были дважды перегружаться: один раз на паром для перевоза через реку и второй раз в вагоны русской колеи; мост через пограничную реку Торнео был готов только по окончании войны. Другие пароходы разгружались в Трондгейме, Бергене и Готеборге, откуда грузы перевозились по железной дороге в Зундсвалль, Гефле или Стокгольм и дальше на пароходах в Бьернеборг, Раумо и Або. Для транзитного сообщения через южную Швецию мог быть использован еще Готский канал, идущий от Готеборга до Норчепинга. Таким образом, недостатка в путях не было, но они требовали перегрузок, были дóроги и находились в подчинении нейтральной государственной власти. Поэтому торговля все время стремилась использовать естественные пути через проливы в Балтийское море, а именно через Зунд, и пыталась парализовать и обойти принимавшиеся Германией исчерпывающие меры для ее контроля.

В этом были заинтересованы не только Россия и Антанта, но и Швеция. Главный предмет вывоза из северной Швеции — лес, шедший на мировой рынок через Зунд, Германии пришлось объявить условной военной контрабандой, потому что, кроме своего прямого назначения для рудников, он являлся топливом для неприятельских армий, а впоследствии употреблялся во все возраставших количествах для постройки окопов. Сначала были объявлены контрабандой определенные сорта лесных материалов, но постепенно их список расширялся все больше, а постановления призового суда становились все строже. С другой стороны, дружественные отношения со шведским народом и необходимость германо-шведской торговли требовали известных уступок. Подозрительные суда, начиная с декабря 1914 г., по примеру английского образа действий, отправлялись для обыска в распоряжение уполномоченного морского генерального штаба к.-адм. Гольцхауера в Свинемюнде. Суда, адресованные в порты нейтральных стран, пропускались без обыска в случае, если шведское правительство давало гарантию, что лес предназначен не для неприятеля. Вместо

гарантийных документов с весны 1915 г. было достаточно свидетельства шведских таможенных учреждений о составе груза и данного под присягой ручательства пароходовладельца и получателя о его назначении.

Соответственно этому были сложны и задачи миноносцев охраны. Каждый месяц создавались новые условия, выполнение которых вначале было затруднено предписанием, данным миноносцам, «по возможности щадить нейтральные корабли». Им ни в коем случае не следовало давать повода для жалоб; шведские суда должны были обыскиваться только в тех случаях, когда возникало подозрение, что документы фальшивые. При таких условиях учреждение пункта для производства обыска в Свинемюнде и более точная регламентация порядка борьбы с военной контрабандой были значительным облегчением для миноносцев. Хотя теперь были постоянно выделены один или два миноносца для сопровождения задержанных судов в Свинемюнде, но все же, по меньшей мере, отдельные призовые команды приходилось высылать и с кораблей, несших охрану. Это вело только к тому, что парусники, конвоирование которых требовало большой потери времени, обыкновенно отпускались без осмотра. Допускавшиеся послабления побуждали капитанов к попыткам при осмотре ввести охрану в заблуждение; так, например, пароходы, шедшие с мнимым балластом, везли в действительности ценные грузы; документы имели незаметные на вид изменения текста или использовались вторично. Но командиры и вахтенные начальники IV флотилии прошли хорошую школу, и их было трудно обмануть. Стоимость задержанных судов в общем была незначительна; только три парохода с грузом и несколько частичных грузов были объявлены в течение года законными призами. Но охрана выхода из Зунда была настолько действительна, а обыск в Свинемюнде настолько основателен, что торговля не рисковала делать слишком частые попытки прорыва по этому направлению.

Главным образом, по этой причине Швеция возобновила свое, имевшее за собой многолетнюю давность, требование о признании четырехмильной ширины территориальных вод. Но так как Германия попрежнему настаивала на трехмильной ширине, она приступила к обстановке обходного фар-

ватера, и уже в июне охрана Зунда установила, что крупные пароходы начали проходить по фарватеру Когрунд и мимо банки Гильдагрунд. Этим фарватером отдельные пароходы пытались пользоваться уже начиная с марта, но их обыкновенно перехватывали у рифа Фальстербо. Теперь движение судов стало быстро возрастать, и к осени по этому фарватеру ежедневно проходило от 10 до 25 пароходов, иначе говоря — почти половина всего суточного числа судов ускользала от германского контроля. Но, к счастью, провоз весной контрабанды в Россию по фарватеру Когрунд не принял больших размеров, видимо, из опасения, что германские миноносцы все-таки найдут пути и способы для захвата пароходов в другом месте (карта 7).

В действительности подозрительные суда, о проходе и назначении которых получались сведения, сопровождались миноносцами на некотором расстоянии, насколько это было возможно для кораблей охраны. Расчет, что они почему-либо выйдут из территориальных вод для сокращения пути, оправдывался только в редких случаях, ввиду чего миноносцы часто попадали в трудное с политической точки зрения положение. Например, 13 августа *G-132* остановил бельгийский пароход *Амбиорикс* у Ландскроны в 3½ милях к югу от острова Хвен. Капитан утверждал без достаточных оснований, что он находится в пределах территориальных вод. Только через полчаса видимость позволила проверить место корабля; оба корабля оказались в пределах территориальных вод, что, однако, произошло по причине сильного течения, отнесшего их к северу. Корабль был все же задержан, но, по постановлению призового суда, отпущен; затем при новом рассмотрении объявлен законным призом, но в конце концов, после протеста владельцев, высшим призовым судом все же отпущен.

Немного южнее, в бухте Лундёкра 16 ноября был замечен английский пароход *Тельма,* который, как и остальные суда Антанты, находившиеся во время начала военных действий в Балтийском море, прорывался в свои порты. Миноносец *G-134* приказал ему остановиться, но пароход круто повернул и успел войти в пределы территориальных вод, прежде чем миноносец подошел на расстояние слышимости человеческого голоса. Пока *G-134* по пеленгам определял

место, на сопровождавшем пароход шведском миноносце *Поллюкс (Pollux)* команда была вызвана к орудиям, и его командир крикнул:

> «Буду защищать неприкосновенность территориальных вод во что бы то ни стало».

Последовал протест против имевшего якобы место нарушения шведского нейтралитета, который был, однако, отклонен, так как скорее Германия могла пожаловаться на поддержку Швецией одной из воюющих сторон, что выразилось в конвоировании шведским военным кораблем английского парохода вне пределов территориальных вод.

В ночь с 19 на 20 декабря пара эскадренных миноносцев, *S-22* и *S-23* (VII флотилии), под начальством кап.-лейт. Карла Гальстера, задержала к северу от Симрисхамна в 4 милях от берега шведский пароход *Арго (Argo)*, который имел погруженный для России груз, являвшийся контрабандой. Луна помешала миноносцам, и пароход успел приблизиться на ½ мили к берегу, прежде чем остановился. Пока начались переговоры, *Арго* дал неожиданно машинам большой ход, повернул, положив руль на борт, по направлению на *S-22* и нанес ему таранный удар под мостиком. Только благодаря контрманевру миноносца удалось избежать тяжелых повреждений с обеих сторон. Пароход опять остановился, *S-22* подошел к нему вдоль борта, но *Арго* снова сделал попытку уйти. Выстрел под нос остался безрезультатным. Так как пароход в это время уже достиг территориальных вод, Гальстер счел нужным отказаться от применения силы. Командир флотилии, корв.-кап. Кох был другого мнения:

> «Ввиду полнейшего нарушения права капитаном парохода, командир миноносцев был не только вправе, но и обязан заставить выполнить свои приказания силой оружия».

Он послал два другие миноносца, *S-15* и *S-17*, чтобы привести пароход, применив любые средства. Миноносцам удалось перехватить пароход у Утленган (Utlängan) в полосе территориальных вод. *Арго* был приведен в Свинемюнде, но уже через несколько часом смог продолжать свой путь, так как морской генеральный штаб, при своем педантично объективном толковании права, не видел никакой возможности добиться конфискации парохода.

Вероятно, часть английских подводных лодок, прорвавшихся в августе и сентябре в Балтийское море, прошла также через Когрунд-ринне. Поэтому за последним с начала октября было установлено планомерное наблюдение, проходившее вполне успешно. У банки Фальстербо держался миноносец или сторожевой корабль, а севернее банки Бредгрунд у границы территориальных вод стоял на якоре вспомогательный крейсер, позднее — вспомогательный минный заградитель, освещавший ночью каждые полчаса фарватер прожектором. Кроме того, с наступлением темноты два моторных рыболовных судна выдвигались вперед до фарватера Когрунд-ринне и один сторожевой корабль — до Флинт-ринне. Против этого Швеция заявила протест: правило о 24-часовом пребывании в территориальных водах не давало права постоянно использовать их для военных операций. Кроме того, Швеция оставляла за собой право требовать возмещения за повреждения рыболовных снастей. Сообразно этому, Дания удаляла при помощи миноносцев германские дозорные корабли, выполнявшие наблюдение у плавучего маяка Дрогден, а также в Багэ-зунде в территориальных водах. В соответствии с пожеланием политического руководства претензии нейтральных государств были признаны, и морским силам вновь были даны указания ограничить посещение территориальных вод исключительными случаями.

Учитывая наличие у Швеции на Балтийском море морской торговли, которая в случае нового прорыва английских подводных лодок была бы еще более нарушена, как это и имело уже место (см. главу XIII), к Швеции обратились с требованием самой охранять фарватер Когрунд-ринне. Это не привело к каким-либо действительным мероприятиям. Только после повторного запроса и после появления в защиту этого голосов среди шведского общественного мнения, правительство распорядилось потушить маячные огни Сканора и Мальмэ, чем было затруднено плавание по фарватеру в темное время. Кроме того, в конце ноября им было «в доказательство своей доброй воли» издано постановление, по которому подводным лодкам воюющих государств вовсе запрещался проход через шведские территориальные воды, за исключением имеющих международное значение фарватеров в Зунде, а также случаев аварии и не-

погоды. Эта мера не имела никакого значения; Дания и Норвегия отказалась к ней присоединиться, а страны, участвовавшие в военных действиях, сомневались в допустимости такого запрещения. Германия объявила, что она не удовлетворена, в ответ на что шведский министр иностранных дел вновь выставил требование о признании 4-мильной ширины территориальных вод. Достичь соглашения оказалось невозможным. На практике германские сторожевые корабли охраняли когрундский фарватер совместно со шведскими и старались по мере возможности избегать при этом конфликтов.

Дания в начале декабря, в ответ на намерение Германии установить световую преграду у Гиедзера, в виде заградительной меры со своей стороны поставила на якорь у северо-западного окончания германского сетевого заграждения один из своих кораблей, который в течение всей ночи освещал прожектором район моря до Драгора. Несколько раз Дания выказывала бóльшую предупредительность, чем ее восточная соседка. Если она не могла противодействовать нарушению Англией норм международного права, то во всяком случае она считалась с интересами противной стороны и благодаря этому соблюдала строго нейтральное положение. Ее правительство всеми способами старалось избежать вступления в войну, в частности применяя сдерживающие меры и в отношении прессы, которая вместе с большинством населения была склонна считать необходимым выступление страны на стороне Антанты. Но германскому посланнику графу Брокдорф-Ранцау удалось сохранить хорошие взаимоотношения между обоими государствами.

Напротив, в общем дружественное отношение со стороны шведского населения не проявлялось в той степени, в какой этого ожидали. Экономические интересы, господствовавшие над политикой, все более и более склонялись под влиянием давления со стороны Англии и России, а также и независимо от него, — к этим последним странам. Кроме того, что транзитная торговля приносила прибыль, естественно было также, что шведская индустрия и финансы рассчитывали быть привлеченными к поставкам, причем большое значение имело то соображение, что им удастся занять место игравшей до этого большую роль на

русском рынке германской промышленности, которую становилось возможным вытеснить совершенно. Россия и, главным образом, Англия поддерживали в Швеции эти стремления. Англия проводила систематические мероприятия, направленные против промышленных торговых кругов Швеции, поддерживавших деловые связи с Германией. Уже к весне 1915 г. была организована широко разветвленная сеть торговых представителей и агентов, проводивших слежку за шведским народным хозяйством. Фирмы, попадавшие в черные списки, не могли получать угля; судовладельцы, продолжавшие посылать пароходы в Германию, испытывали ряд величайших затруднений в английских портах. Швеция принимала противомеры, издала запрещение вывоза товаров, относившихся к военной контрабанде, а затем распространила эти постановления также на их провоз через свою территорию. В случае исключений, предоставлявшихся одной стороне, — другая требовала и для себя доставки соответствующих количеств необходимых для нее товаров. Но во всех случаях подобных соглашений дело сводилось к тому положению, которое создавалось на практике, ввиду чего в июне Германия нашла себя вынужденной также ввести контроль над торговлей. Побуждения к этому исходили от германского морского атташе в Швеции, кап. 1 р. Фишер-Лоссайнена, непрерывно сообщавшего о развитии товарообмена с Россией и с Англией. Таким путем удалось провести мероприятие, которое было до некоторой степени противовесом английской организации. Чрезвычайная английская комиссия, пробывшая летом некоторое время в Стокгольме, вынуждена была, ничего не достигнув, вернуться обратно. Ее дерзкое требование: «свободный провоз всех видов товаров в Россию взамен допущения свободного ввоза в Швецию товаров только для внутреннего потребления» — не прошло. Но и посылка принца Макса Баденского в Стокгольм осенью того же года не дала Германии никаких уступок. Нельзя было не признать, что Англия и Россия, благодаря ряду проводившихся ими экономических мер и в первую очередь затрате больших денежных средств, а также благодаря русской ориентации шведской промышленности, достигли в конечном счете бóльших результатов, чем германская сторона.

Глава XIII

ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

1 октября 1915 г. отряд вспомогательных заградителей, шедший в Либаву, был атакован против Штольпмюнде подводной лодкой [1]; с *Одина* видели даже две лодки. Так как одновременно с этим из Каттегата сообщили о появлении английских подводных лодок, начальник дивизиона охраны побережья считал, что происходит новый прорыв и выслал в Зунд и в Малый Бельт подкрепления: в первый — десять рыбачьих моторных ботов, во второй — *Сильвана* для несения сторожевой службы у северного входа на фарватер Когрунд. После того как этот вспомогательный крейсер при проходе Гиедзера утром 2 октября обнаружил подводную лодку и вступил с ней в бой, к.-адм. Мишке выслал из Варнемюнде все миноносцы и рыбачьи пароходы, а также пловучие средства торпедной школы *(Т-91, Т-94, Т-95* и *Т-100)* и вышел сам на *Амазоне* в опасный район, где находился также и дозорный крейсер *Ундине.* Поиски в течение этого и следующего дня, когда в них ввиду благоприятной погоды принимали участие также *M-IV* и один самолет из Варнемюнде, остались безрезультатными. Вечером 3-го недалеко от Засснипа шедший с баластом из Штетина в Швецию пароход *Свиония (Svionia)* (2 800 *т*) был остановлен английской лодкой и при попытке к бегству обстрелян артиллерийским огнем. Команда высадилась в шлюпки, а пароход был выброшен на берег у Штуббенкаммер (карта 8). С Арконы также сообщили, что около нее был задержан

[1] Английская подводная лодка *Е-8.* — *Н. Н.*

пароход. Впоследствии это не подтвердилось, но через два дня каботажный пароход *Маргарете* (*Margarethe*) (400 *т*) был потоплен орудийным огнем у Стило.

До этих пор неприятельские лодки не появлялись в средней части Балтийского моря и, за исключением прорывов через Зунд, сопровождавшихся стычками с его охраной, оперировали в восточной части моря. Теперь их число настолько увеличилось, что они были в состоянии одновременно действовать вдоль всего германского побережья. Мало того, они перешли и к войне против торговли. Обе потери пароходов, впервые после зимы, вызвали вместе со всякого рода слухами большое беспокойство. Судовладельцы задерживали свои пароходы в портах, паромное сообщение между Засcницем и Треллеборгом, а также между Варнемюнде и Гиедзером было прервано. Лишь после заверений со стороны флота, что для полного прекращения судоходства нет никаких оснований, а также ввиду того, что несчастные случаи прекратились, пароходное сообщение вновь возобновилось. Со стороны командующего морскими силами рекомендовалось в виде меры предосторожности совершать переходы по нейтральным территориальным водам, а где это невозможно — проходить ночью. Все легкие силы, какими только он располагал, были направлены для охраны главнейших морских путей: пловучие средства торпедной школы, находившаяся в Киле полуфлотилия миноносцев Флота открытого моря, три миноносца X флотилии из Данцига и, наконец, десять вспомогательных тральщиков из Нейфарвассера. Но это была только крайняя мера, которую нельзя было применять более нескольких дней, так как эти корабли были нужны для использования по своему прямому назначению. Поэтому пр. Генрих вновь заявил свое неоднократно повторявшееся требование (последний раз в сентябре) о присылке в его распоряжение, по крайней мере, одной флотилии миноносцев и большего числа рыбачьих пароходов. Но и в этом случае морской генеральный штаб ответил, что флотилии Флота открытого моря больше предоставлены быть не могут[1].

Следующие дни прошли спокойно. Но неприятель не

[1] См. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 383.

ушел, а, повидимому, выполнению им операций мешала плохая погода; это подтвердилось, кроме сведений из шведских газет, также и тем, что пеленги радиостанций Мемеля и Штольпмюнде давали неоднократно место неприятельских переговоров у Христиансэ. Поиски в этом районе, произведенные миноносцами, остались, правда, безуспешными. 10 октября шедший в Любек пароход *Лулеа (Lulea)* (2 250 *т*) был у Гиедзера остановлен английской подводной лодкой *Е-19;* потопить его ей не удалось, и он, подобно *Свиония,* после оставления командой сдрейфовал на риф, откуда через несколько дней был снят и доставлен в порт. На следующий день (11.X) несколько германских пароходов, шедших с рудой, сделались добычей той же лодки; пароходы, проходя мыс Сёдра-Удде (Эланд) и пересекая Кальмарзунд, должны были пройти некоторое расстояние вне шведских территориальных вод; *Вальтер Леонхардт (Walter Leonhardt)* (1 250 *т*), *Гутруне (Gutrune)* (3 000 *т*) и *Директор Реппенхаген (Director Reppenhagen)* (1 700 *т*) были потоплены путем открытия кингстонов и взрывом подрывных патронов у днища; их команды были переданы на шведские пароходы. *Никомедия* (*Nicomedia*) (4 400 *т*), обходивший южную оконечность Эланда при наступлении темноты, успел еще повернуть на маяк и скрыться в территориальные воды, но, несмотря на это, пароход был потоплен. Германский протест был шведами отклонен, ввиду невозможности доказать, что место гибели действительно находилось в территориальных водах. Пятый пароход, *Германия* (*Germania*) (1 900 *т*), спасся от потопления бегством, причем выскочил на песчаную банку, удаленную от побережья ровно на две мили. Подводная лодка, стрелявшая до этого момента по пароходу, не постеснялась ошвартоваться к нему и взрывом подрывного патрона сделать большую пробоину в кормовом трюме. На этот раз нарушение нейтралитета подтвердилось вещественным доказательством, находившимся на поверхности моря, и Швеция заявила протест. Англия ответила, что пробоина произошла вследствие взрыва котла, а выстрелы были произведены для предупреждения парохода, что он идет на мель. Шведское правительство официально заявило, что английское объяснение во многих пунктах неприемлемо, а пресса

издевалась над английскими отговорками. *Германия* была снята и отбуксирована, а по возвращении на родину отремонтирована. Адресованный в Штетин шведский пароход *Нике (Nike),* шедший с железной рудой, был захвачен *E-19* и приведен в Кронштадт, но впоследствии был отпущен, так как, согласно лондонской декларации 1909 г., руды не могли быть объявляемы военной контрабандой.

Гр.-адм. пр. Генрих для борьбы с подводной опасностью отменил выполнение части других задач. В.-адм. Шульц получил приказание организовать охрану прибрежного фарватера от Либавы до Брюстерорта нейфарвассерским вспомогательным дивизионом тральщиков, а одной половиной II дивизиона тральщиков — фарватера до Иерсгефта; другую половину того же дивизиона должен был сменить дивизион охраны побережья, район которого был расширен до линии Иерсгефт — Эланд. В распоряжение к.-адм. Мишке были даны дополнительно шесть рыбачьих пароходов, присланных, по требованию высшего военного командования, от сторожевой флотилии Эльбы и Яде. С этого времени на фарватерах крейсеровали:

Иерсгефт — Засснип: 7 тральщиков;

Засснип — Треллеборг: 1 крейсер, 4 учебных миноносца;

Мэн — Эланд: 2 миноносца, 1 вспомогательный крейсер, 3 сторожевых корабля;

узкость у Гиедзера: 1 сторожевой корабль или 1 учебный миноносец;

в бухтах Нейштадта, Любека и Висмара: 1 сторожевой корабль, 6 рыбачьих моторных ботов.

В Варнемюнде были переведены боевые самолеты; бездействовавшие до этого времени воздушные станции Штральзунд и Кезлин начали функционировать, благодаря чему в случае благоприятной погоды все побережье ежедневно обследовалось один, а иногда два раза. Кроме того, удалось получить еще одну подводную лодку — *U-66;* она должна была ходить в подводном положении на буксире у парохода, на котором находилась военноморская команда и который в случае нападения на него неприятельской лодки должен был по телефону сообщить *U-66* необходимые для атаки сведения, после чего отдать буксир. Швеция попыталась защищать свои пароходы, конвоируя их военными

кораблями. В начале ноября первые двенадцать шведских пароходов под конвоем прошли от Ландсорта до Борнхольма. Такое же мероприятие предлагали провести в жизнь и некоторые германские компании, но пр. Генрих считал его, не говоря уже о трудности его осуществления из-за недостатка миноносцев, нецелесообразным; кроме того, что конвой представлял для подводных лодок лучшую цель, чем отдельные пароходы, не исключена была опасность, что пароходы, шедшие под военным конвоем, взрывались бы торпедой без предупреждения. Капитанам пароходов было вновь предписано, чтобы они держались в пределах нейтральных территориальных вод и проходили участки открытого моря в ночное время. Страховые общества были вынуждены к возобновлению операций по страхованию морской торговли. Служба наблюдения и связи и служба предостережения мореплавателей были объединены под общим руководством кильских морских властей.

Командующий морскими силами, кроме того, согласился на выполнение предложения инспектора минного дела кап. 2 р. Розенберга образовать для борьбы с подводными лодками путем использования новых средств — отряд из судов для ловли сельдей и моторных ботов, единственных оставшихся не мобилизованными пловучих средств, которые можно было быстро получить в свое распоряжение. Он рассчитывал привлечь: первых — около 100 судов, а вторых до 200; двадцать старых миноносцев должны были служить ведущими флагманскими кораблями. Кроме этого, он предлагал приспособить три торговых парохода под суда-ловушки для уничтожения подводных лодок, по примеру английских. Его предложения получили в Берлине полное одобрение и были признаны неотложными, равно как и требование об увеличении числа миноносцев и сторожевых кораблей, но потребность в личном составе была слишком велика: в течение ближайших месяцев нужно было назначить около 270 младших офицеров, в первую очередь для укомплектования новых подводных лодок, ввиду чего должен был быть поставлен в резерв ряд более старых линейных кораблей. Но раньше чем по этому вопросу было принято решение, произошло все необходимое для осуществления планов пр. Генриха. Суда-ловушки подводных лодок

были заказаны, рыбачьи суда и моторные боты были изысканы, и было приказано ввести в строй миноносцы. Вновь вводимые в строй миноносцы были сведены в XI флотилию. Рыбачьи пароходы вспомогательного дивизиона тральщиков Нейфарвассера поступили в качестве подкрепления в полуфлотилию сторожевых кораблей восточной части Балтийского моря, дивизион получил вместо них, подобно вспомогательному дивизиону катеров-тральщиков Свинемюнде, — двенадцать мореходных моторных катеров с транспортом-базой 8 000-*т* пароходом *Фюрст Бюлов (Fürst Bülow)*. В то же время, по настояниям пр. Генриха, был сформирован еще один дивизион такого же рода из двенадцати вновь построенных моторных катеров-тральщиков с базой-пароходом *Аммон* (*Ammon*); все три дивизиона катеров-тральщиков получили однообразное название «дивизионов траления» (Minenräumdivisionen). Но, несмотря на это, несколько месяцев должно было пройти, пока новые соединения могли быть приведены в полную готовность для выполнения своего назначения.

Активные действия неприятельских подводных лодок мешали также и выполнению операций в восточной части моря. Передача нескольких соединений для сторожевой службы на фарватерах имела следствием то, что позиции новой дозорной линии между Эстергарном и Люзерортом нельзя было полностью заместить; только 13 октября пара миноносцев пошла в дозор между Хоборгом и Эландом, а 15-го по необходимости позиция 6 и охрана гавани Виндавы были сняты. Из этого района от времени до времени тоже поступали тревожные сведения: *U-9* встретила 10-го у Хоборга противника, шедшего на запад; 12-го сторожевой корабль у Виндавы сообщил, что видел подводную лодку; в *Брауншвейг,* возвращавшийся из Киля, была, как он считал, выпущена перед Либавой торпеда; У Брюстерорта неожиданно затонул нефтеналивной транспорт *Вилькоммен (Wilkommen)* (3 100 *т*) с половиной команды (13 чел.); через сутки *Аугсбург* был обстрелян у Стейнорта, несомненно, подводной лодкой, а 14-го недалеко от места гибели *Вилькоммена* миноносец *S-149* получил тяжелое повреждение от взрыва в кормовой части, но был отведен на буксире в Данциг; при этом взрыве один человек погиб. Тотчас

после гибели нефтеналивного транспорта миноносцы охотились за предполагавшейся подводной лодкой, после чего был вызван на работу II дивизион тральщиков. На это время путь судов, шедших на восток и обратно, был перенесен к Кальбергу, и группа, состоявшая из шести тральщиков, отвлекавшаяся на охоту за подводной лодкой, наткнувшейся, как считали, на рыбачью сеть к югу от Хелы, через несколько дней обнаружила две сильно обросших мины: это были остатки от заграждения, поставленного в ночь с 5 на 6 ноября 1914 г. с эскадренного миноносца *Новик* [1]. Мимо этого места и через него в течение 10 месяцев происходило оживленнейшее судоходство, только 6 сентября одна из мин явилась причиной гибели парохода *Бреслау,* и лишь последующие потери повели к обнаружению истинной причины гибели судов в этом месте [2].

Сторожевая служба западной части Балтийского моря постепенно делала успехи и производилась при уменьшенном количестве ходовых огней; пароходы ночью несли только отличительные бортовые огни, а военные корабли плавали вовсе без огней. Но плавание недостаточно приученных к этому судов происходило не без несчастных случаев: 15 октября поздно вечером пароход-паром *Прёйсен* протаранил у Засница конвоировавший его миноносец *Т-100* из состава судов торпедной школы. Миноносец тотчас затонул; удалось спасти только пять человек. Из разных мест поступали сообщения о неприятельских подводных лодках, но они держались настолько скрытно, что их не могли выследить не только сторожевые корабли, но и воздушные единицы. Только один раз воздушный корабль *SL-6,* переведенный ненадолго во второй эллинг в Седдине, неожиданно оказал поддержку пароходу, которого к юго-западу от Борнхольма преследовала подводная лодка; она тотчас погрузилась, как только увидела приближавшийся издали воздушный корабль.

21 октября утром сторожевой корабль *Метеор* юго-за-

---

[1] См. «Der Krieg zur See», Ostsee, Band I, стр. 233 (Фирле, Война на Балтийском море, т. I.

[2] У неприятеля в октябре также выбыл из строя от попадания на мину миноносец *Украина;* он был поврежден в Ирбенском проливе и отбуксирован для ремонта.

паднее от Истадта при штурмовой погоде заметил подводную лодку без флага, которая, казалось, собиралась погрузиться. До этого поступило уведомление, что должна пройти шведская подводная лодка; нейтральным странам эта мера предосторожности была рекомендована, и, кроме того, германское командование просило, чтобы проходящие Зунд подводные лодки сопровождались военными кораблями. Так как других судов, кроме торговых, на много миль кругом не было видно, сторожевой корабль открыл огонь с расстояния 1 600 *м*, а когда после шести выстрелов у орудия произошла задержка, он пошел на таранный удар. Только теперь, с расстояния 200 *м* был замечен за рубкой шведский военный флаг маленького размера, а один из пароходов оказался вспомогательным военным кораблем шведского военного флота, пловучей мастерской *Бленда* (*Blenda*). Пораженный командир *Метеора* убедился, что он обстрелял шведскую подводную лодку *Хвален (Hvalen)* и ранил одного человека из ее команды. На его счастье, по соседству оказался сторожевой корабль *Регулюс (Regulus)*, который, таким образом, был свидетелем происшедшего. Германское правительство выразило искреннее сожаление и изъявило готовность обеспечить семейство умершего тем временем от ран шведа. Но оно оспаривало утверждение шведов, что *Бленда* шла за лодкой в расстоянии 1 500 *м*, что флаг был хорошо виден и что обстрел был произведен в территориальных водах. Последнее место германского корабля, определенное по пеленгам береговых предметов, было в четырех милях от побережья, поэтому за командиром не признавалось вины. Обмен нотами, имевшими дружественный тон, а также устные переговоры в некоторой мере примирили различные точки зрения на происшедший инцидент. Этот случай не был единичным: в октябре 1914 г. английские миноносцы в Каттегате выпустили торпеду по датской подводной лодке *Хафманден (Havmanden)*; кроме того, между германскими кораблями бывали недоразумения с опознанием, оканчивавшиеся, правда, без вреда.

Неприятель вскоре обнаружил еще одно место, в котором пароходы из-за малых глубин были вынуждены выходить из территориальных вод. Между Ландсортом и Хефрингэ у Норчепингской бухты 18 и 19 октября английская под-

водная лодка *Е-9* задержала и потопила торпедами груженные рудой германские пароходы: *Пернамбуко (Pernambuko)* (4 800 *т)* и *Далёльфвен (Dalälfven)* (1 050 *т*). В то же время груженный лесом пароход *Седерхамн (Soederhamn)* (1 500 *т*) не затонул, несмотря на открытые кингстоны и затопление машинного отделения подрывом днища; съехавшая с него на шлюпках команда вернулась и привела его в Окселёзунд. Направлявшийся в Зундсвалль пароход *Иоханнес Русс (Iohannes Russ)* (1 750 *т*) с грузом угля также остался наплаву и был взят на буксир пароходами спасательного общества; он был почти доведен до Хефрингэ, когда вследствие неожиданного взрыва в кормовой части быстро затонул; поднявшийся при взрыве высокий столб воды почти не оставлял сомнений в том, что имело место попадание торпедой, но доказать это было невозможно. Двум следующим пароходам удалось спастись бегством в Окселёзунд.

В течение двух недель погибло девять пароходов с общим водоизмещением около 20 000 *т*, не считая двух выбросившихся на мель и впоследствии снятых. Пароходные компании заявили о прекращении движения судов; промышленность в ответ на это указывала, что уменьшение поступления руды нанесет ущерб производству военных поставок, тем более, что уже в середине ноября один из экспортировавших руду портов — Лулео — замерзнет. Теперь и высшее военное командование удовлетворило возобновленные командующим морскими силами требования, и для усиления морских сил Балтийского моря было приказано перевести из состава Флота открытого моря на время до 25 октября два легких крейсера и две флотилии миноносцев. Этот шаг имел большое значение для действий на Северном море; в результате там не только пришлось прекратить уже начатую операцию в районе Скагеррака [1], но флот был вообще лишен возможности выполнять операции в море до возвращения переданных миноносцев. III флотилия была придана к дивизиону охраны побережья и, ввиду недостатка нефти в Засснице, базировалась на Свинемюнде, откуда она выходила для несения противолодочной службы

[1] См. «Der Krieg zur See», Nordsee, Band IV, стр. 345.

вдоль шведского побережья до Эланда. Обслуживавшему до тех пор этот участок вспомогательному крейсеру и нескольким сторожевым кораблям был поручен треугольник Засснитц — Иерсгефт — Свинемюнде. Полуфлотилия II дивизиона тральщиков была отпущена в Либаву. V флотилия до ухода ее в ремонт, а также I, VIII и X флотилии чередовались для службы в восточной части Балтийского моря. Крейсера *Штутгарт, Берлин* и *Бремен* поочередно выходили в море для сторожевой службы; *Аугсбург* был переведен для ремонта в Данциг, *Любек* производил переборку механизмов у завода.

До прибытия подкреплений стоявшая на позиции к западу от Либавы английская подводная лодка *E-8* достигла большого успеха. Выпущенная с нее 23 октября торпеда вызвала на *Пр. Адальберте* детонацию боезапасов; когда рассеялся поднявшийся от взрыва гигантский столб дыма и воды, от корабля ничего не осталось. Шедшие в охране крейсера миноносцы *S-142* и *S-143* спасли только трех уцелевших. Миноносцы не видели следа торпед, с крейсера не было дано никаких тревожных сигналов, поэтому взрыв был приписан мине заграждения и на место гибели был выслан II дивизион тральщиков. Даже когда было принято сообщение русской радиостанции, что подрыв был произведен подводной лодкой, не все сомнения рассеялись; считали, что причиной гибели могла быть мина, поставленная с подводной лодки. Это была самая большая потеря в Балтийском море с начала войны: 32 офицера и 640 человек команды погибли вместе с кораблем, и у к.-адм. Гопмана погиб его флагманский корабль. Сам Гопман со своим штабом перешел с крейсера перед его последним выходом, потому что крейсер был выслан в дозор ввиду отсутствия легких крейсеров. Во избежание повторения подобных случаев на кораблях более старой постройки из снарядов были вывинчены трубки; кроме боевых запасов, необходимых для немедленной боевой готовности, все заряды были перегружены возможно дальше от бортов, наружные части погребов вдоль борта были заполнены несколькими рядами пустых пеналов; количество боевого запаса при этом, разумеется, уменьшилось. Когда же на подходах к Либаве участились атаки подводных лодок, было отдано приказание

входить и выходить из гавани только в темное время суток.

Неприятель распространил подводную войну против торговли и на Ботнический залив. 24 октября русская подводная лодка *Алигатор* преследовала два парохода у северного выхода из Эрегрундс-грепен; *Питеа (Pitea)* успел скрыться, а *Герда Битх (Gerda Bith)* (1 800 *т*) был захвачен и приведен в один из портов Финляндии. Подобная же участь постигла через пять дней *Фраскати* (*Frascati*) (1 750 *т*) и *Шталек (Stahleck)* (1 100 *т*), которые были захвачены: первый — четырьмя миноносцами южнее Зундсвалля, а другой — у Свартклуббена подводной лодкой *Кайман*. Так как команды были взяты в плен, лишь в конце 1918 г. удалось установить, что все три парохода были захвачены в территориальных водах Швеции. Другие пароходы подверглись обстрелу, хотя они и шли в нейтральных водах. Германия уже 23 октября обращала внимание Стокгольма на возникшую опасность и на необходимость организации охраны в северной части Эрегрунда, а также на фарватере от Свартклуббена до Симпнесклубба, где пароходы должны были отходить на расстояние почти трех миль от берега. Впоследствии германские пароходы неоднократно освобождались от преследования неприятеля появлением в этих водах шведских миноносцев.

Благодаря принятым флотом широким мерам борьбы, подводные лодки неприятеля, которых видели в угрожаемых местах почти ежедневно, смогли уничтожить только лесовоз *Суоми (Suomi)* (1 000 *т*), захваченный в бухте Ханэ (2.XI) и сожженный. Кроме того, погибли на камнях шедшие по новому и плохо знакомому фарватеру в северной части Кальмарзунда пароходы *Клаус Хорн (Claus Horn)* (2 700 *т*) и *Лулеа* (2 250 *т*).

В Кильской бухте два раза объявлялась противолодочная тревога, но послужившие поводом для этого сообщения не подтвердились. В восточной части моря нападениям подвергся целый ряд военных кораблей: 26 октября — стоявший на позиции № 2 у Эстергарна рыбачий пароход; 30-го по *Берлину*, находившемуся к северо-западу от Стейнорта, был выпущен залп из четырех торпед; 1 ноября был атакован крейсеровавший у Либавы лоцманский пароход; 6-го то же случилось с *Любеком* при проходе Паппензе; 7-го

были атакованы заградитель у Нейфарвассера и угольный транспорт *Джон Заубер (John Sauber)* у Брюстерорта, причем в последний торпеда попала, но не взорвалась. Менее счастливо окончилась атака, произведенная в тот же день к северу от Арконы на *Ундине,* который конвоировал пароход-паром, шедший из Треллеборга; ввиду плохой погоды след торпеды был замечен очень поздно, и она попала в середину корабля, причинив тяжелое повреждение. Единственный миноносец *V-154,* шедший в охране и находившийся с другого борта, бросился преследовать лодку, но вскоре был вызван обратно, так как крейсер начал погружаться. Часть раненых уже была перегружена на миноносец, когда был замечен след второй торпеды. Миноносец успел отойти на несколько метров от борта, но *Ундине* получил второе попадание и затонул через несколько минут, не переставая стрелять по перископу. *V-154* и спасательным шлюпкам с подошедшего парохода-парома *Прёйсен,* несмотря на сильное волнение, удалось подобрать большую часть команды; среди 24 убитых и пропавших без вести оказался и 1-й офицер. Потери оказались сравнительно небольшими лишь благодаря отличным действиям командира и команды миноносца, а также взаимной поддержке среди плававшего на поверхности личного состава погибшего крейсера. Атаковала английская подводная лодка *E-19,* которая уничтожила и пароход *Суоми.*

Германские лодки также находились у неприятельского побережья, если не были в ремонте. *U-9* крейсеровала с 3 по 9 октября у входа в Финский залив, произвела разведку укреплений острова Утэ и установила, что, несмотря на постановку русскими мин, судоходство в районе Аландских о-вов продолжается. *U-17,* сменившая *U-26,* крейсеровала с 20-го по 25-е у Богшера, а затем перешла к Аландским о-вам, где ею был захвачен шведский пароход *Валли (Wally),* груженный каучуком, для виду адресованный в Раумо, в действительности же предназначавшийся для Германии; находившаяся на лодке призовая команда доставила пароход в Мемель. Второй захваченный этой же лодкой пароход *Румина* (*Rumina*) (1 400 т) имел груз леса для Лондона и был отправлен под командой вахтенного начальника с подводной лодки в Либаву, но на пути восточ-

нее Готланда наткнулся на плававшую мину и затонул, причем команда за исключением шести человек была спасена. Опыты подводной лодки *U-66* для выяснения возможности ходить в погруженном состоянии на буксире парохода *Александра* (*Alexandra*) дали удовлетворительные результаты, только телефонная связь с него часто отказывала. Пока пароход ходил за новыми материалами, лодка крейсеровала 24-го и 25-го самостоятельно на пути торговых судов до Кальмарзунда. *UA* дежурила три дня между Либавой и Хобортом и у банки Хоборг в ожидании неприятельских подводных лодок. Наконец, прибывшая только что с фландрского побережья лодка *UB-5* в тот же промежуток времени находилась на подходах к Либаве. Сведения с *U-9* и *U-17* дали старшему флагману мысль перенести подводную войну против торговли в Ботнический залив. Но собранные по этому вопросу данные показали, что осуществлять это намерение не было смысла, потому что, кроме нескольких шведских пароходов, там обращалось всего около полудюжины малых русских пароходов и, кроме того, подходы к ряду портов были русскими заграждены минами.

В начале ноября одновременно в море находились три подводные лодки: *U-10* действовала против неприятельских подводных лодок и крейсеров, которые также приняли участие в войне против торговли в районе Аландских о-вов, 5 и 6 ноября; 7-го она поднялась севернее к бухте Гефле; здесь она потопила подрывным патроном русский пароход *Биргит* (200 *т*). *U-9* до 8-го держала под наблюдением вход в Ревельскую гавань, а 5-го потопила у Оденсхольма русский тральщик *№ 4* (около 600 *т*). Подводная лодка-заградитель *UC-4* для сбережения топлива была проведена часть пути на север, на буксире *V-108*, прошла мимо Дагерорта к Утэ, 2 ноября проникла по проходу восточнее этого острова в подводном состоянии до рейда Видшер, поставила свои двенадцать мин в различных местах на фарватере Утэ—Люм—Або и на следующее утро благополучно вышла из шхер (см. выше, черт. 21). Но ни одна из этих лодок, как бы успешно она ни выполнила поставленные перед ней задачи, не доставила наблюдений о наиболее употребительных курсах неприятельских подводных лодок. Старший флагман особенно интересовался этим вопросом, намереваясь по-

ставить на этих курсах минные заграждения. Он предполагал даже произвести разведку гаваней Аландского архипелага с помощью самолетов, чтобы выяснить базы подводных лодок. В качестве предварительной пробы миноносцы и крейсера пробовали брать на палубу самолеты, но в то время не было никакой возможности выделить количество миноносцев, необходимое для этой цели, потому что все они были перегружены противолодочной сторожевой службой.

По этой же причине не могли предприниматься активные операции с участием крупных кораблей на направлении ко входу в Финский залив, как это мыслил в.-адм. Шульц при установлении дозорной линии между Эстергарном и Люзерортом. Только один раз 20 октября *V-100* с двумя миноносцами выходил в море на север и показался у Дагерорта, Хуввудшера и Готска-Сандэ, а 22-го *Бремен* прошел по пути торговых судов от Хуввудшера до Эланда.

Что касается русских морских сил Рижского залива, то их старались все время держать в напряженном состоянии. В период хорошей погоды в середине октября ежедневно стартовали от трех до четырех самолетов с авиаматок из Виндавы и из Бауска, сбрасывали бомбы на вокзал и на железнодорожные сооружения у Риги, на портовые сооружения Аренсбурга и вступали в бой с дозорными миноносцами в Ирбенском проливе. Несколько раз они считали, что достигли попаданий, но в этом ошибались, так как во всяком случае в 1915 г. они не нанесли ни одному неприятельскому миноносцу ни одного серьезного повреждения (Г. Граф). Огонь с миноносцев для отражения воздушных атак не был безрезультатным; 11 октября самолет *269* вынужден был опуститься у самой Риги, а 30-го самолет *473,* получив повреждение карбюратора, должен был совершить посадку у Цереля. Летчики в обоих случаях попали в плен. 15-го воздушный корабль *SL-4* долетел до Цереля, где сбросил бомбы, но не смог наблюдать достигнутых им результатов из-за наступившей темноты. Предполагавшийся налет на Ревель не был осуществлен из-за недостаточности для этого радиуса действия *SL-4.*

22 октября один летчик наблюдал в направлении на Доместнес орудийный огонь, но ввиду недостатка горючего не мог приблизиться для более подробного выяснения, и по-

этому авиаматке, стоявшей в Виндаве, слишком поздно стало известно, что русские высадили десант. Замещавший командующего морскими силами Рижского залива кап. 1 р. Колчак на рассвете под прикрытием огня *Славы* высадил у Петраггэ 250 матросов и 150 спешенных драгун при 9 пулеметах (см. выше, черт. 17). Десант оттеснил полевой караул и, пройдя вдоль побережья на восток, неожиданно напал на обоз ландштурма, шедший по дороге. Германский отряд отступил с потерями к Домеснесу и, соединившись с расположенным там караулом, вынужден был отойти к Дондангену, где находилась резервная рота. К вечеру русскими десант был посажен обратно на корабли. *Слава* и миноносцы поддерживали операцию обстрелом Петраггэ, Домеснеса и Гибкена[1]. Телефон был только в Дондангене, и первые расплывчатые сведения поступили в Либаву лишь после полудня. Только через 24 часа удалось с несомненностью установить, что противник отступил и десант носил характер кратковременного набега. Но все же в этот день у различных пунктов побережья показывались русские корабли, а *Слава* обстреливала Роен и Мессарагоцем. Сообщения наблюдательных постов были подтверждены семью самолетами, вылетавшими до полудня на разведку до Руно. Один из них атаковал у Роена два транспорта, но ввиду ветреной погоды — без успеха.

Неприятель своим набегом не достиг главной цели: обеспокоив тыл, остановить предстоявшее наступление левого фланга германской армии. Германское командование ограничилось высылкой на побережье для охраны одной кавалерийской дивизии, а фланг армии 31 октября начал по плану свое наступление. Хорошо развивавшееся продвижение германских войск, захвативших Кеммерн, на крайнем левом фланге было остановлено у побережья, где участие

---

[1] Целью десанта было вызвать тревогу в тылу противника, действовавшего против Риги. Первоначально местом высадки был намечен район местечка Роен, где по сведениям разведки немцы намеревались устроить опорный морской пункт и уже возводили долговременные укрепления. Однако, из-за погоды (сильная зыбь), не допускавшей высадки на открытом берегу, десант был высажен к западу от маяка Домеснес, где берег был укрыт от ветра и зыби. — *Н. Н.*

в обороне принимала канонерская лодка *Грозящий*. К 10 ноября неприятелю удалось, главным образом, с помощью огня тяжелых орудий *Славы* принудить германские войска очистить Кеммерн и отойти в прежнее положение к западу от мыса Рагоцем. Флот ничем не мог облегчить положения.

После высадки неприятеля у Петраггэ командование фронтом запросило, может ли флот принять меры для облегчения неуверенного положения на примыкавшем к морю левом фланге. Морской генеральный штаб не видел иных возможностей, кроме овладения Рижским заливом, что нуждалось в предварительном захвате островов Эзеля и Даго. Однако, риск, связанный с такой операцией, не оправдывался значением первоначальной цели. Но были вновь высказаны соображения, что, может быть, возможно оказать содействие с помощью воздушных сил, посылкой в залив подводной лодки или путем перевозки мин по железной дороге на восточное побережье Курляндии. Все указанное было принято во внимание для осуществления следующей весной, как и перевод проходивших испытание самолетов-торпедоносцев для базирования на Виндаву или на Ангернское озеро.

В.-адм. Шульц из первых сообщений о русском набеге вынес впечатление, что десант предшествовал началу более крупной операции флота, а потому возбудил вопрос о переводе в Балтийское море впредь до выяснения положения эскадры новых линейных кораблей и одной разведывательной группы с необходимым для ее сопровождения количеством миноносцев, а также одного дивизиона тральщиков. Морской генеральный штаб в результате этого обращения ограничился только указанием командующему Флотом открытого моря перевести указанные соединения в р. Эльбу.

Кайзер не согласился с соображениями морского министерства и морского генерального штаба по вопросу о выделении офицеров флота для вновь строившихся кораблей и для новых формирований и 1 ноября приказал сдать в порт корабли V эскадры, содержавшейся с уменьшенной комплектацией в качестве «дежурной дивизии» в Киле. На их место должны были быть переведены пять кораблей типа *Виттельсбах*, а в Либаве лишь на несколько месяцев были оставлены *Брауншвейг* и *Эльзас*. В качестве единст-

венной замены в восточную часть Балтийского моря был выслан совершенно новый быстроходный крейсер *Эльбинг,* вооруженный 15-*см* орудиями. Перевод в Либаву линейных кораблей II эскадры не предполагался ввиду слабости их по сравнению с *Гангутами,* а также ввиду недостаточности их живучести при условиях существовавшей в Балтийском море опасности от подводных лодок. Предположение пр. Генриха перевести линейные корабли I эскадры с приданными к ним другими кораблями до замерзания моря в Свинемюнде или произвести поиск частью флота в северную часть Балтийского моря — не прошло. На всякий случай одно соединение Северного моря за другим высылалось для выполнения различных учений вместо Эльбы в Кильскую бухту. На вопрос пр. Генриха, выполнение каких заданий ожидается от морских сил Балтийского моря при изменившейся обстановке, адм. Хольцендорф ответил, что целью попрежнему остается помеха наступательной деятельности русского флота. В особенности требовалось связать деятельность неприятельских подводных лодок против морской торговли. Походы своих подводных лодок должны были продолжаться, по возможности — в глубь Финского залива. Дальнейшей задачей ставилось уничтожение *Славы* в случае, если она попытается перед ледоставом выйти из Рижского залива.

Командующий дал в добавление к этому 16 ноября следующие указания:

> «Главной задачей легких сил является защита торговли и дозор на линии Эстергарн — Люзерорт; наряду с этим легкие крейсера должны при возможности производить разведку к северу от этой линии и путем показа германского флага у шведского побережья прикрывать выдвинутые вплоть до Ландсорта с целью охраны миноносцы (см. дальше). Должны быть сделаны приготовления для атаки *Славы* в случае ее выхода. Наблюдение Финского и Ботнического заливов является обязанностью подводных лодок; предлагается наибольшее использование *UC-4* для заграждения подходов к неприятельским опорным пунктам. Воздушным кораблям предписывается, насколько это возможно, совместно с задачами разведки обследовать пути

торговых судов. Подводная опасность принуждает ограничить походы линейных кораблей и броненосных крейсеров с целью демонстрации, и эти четыре корабля должны оказывать влияние на обстановку уже самым своим присутствием в Либаве. В случае нападения русских на Либаву — что мало вероятно — линейные корабли должны принять участие в его отражении, стоя в гавани, потому что принятие боя в открытом море при ограниченном наличии кораблей бесцельно. В скором времени должен быть дан вспомогательный заградитель, который в случае угрозы сможет поставить перед Либавой защитное заграждение. В отношении активных заградительных операций надлежит разработать предложения, однако, запасы мин очень ограничены. Использование дивизионов тральщиков и дивизионов катеров-тральщиков должно проводиться с учетом, что на дальнейшее их усиление нет никаких надежд».

Защита торгового мореплавания от подводных лодок и мин и дозор на линии Эстергарн—Люзерорт потребовали напряжения всех сил и средств. Позиция № 1, перенесенная к северной оконечности Эланда, и новая позиция № 7 у Хефрингэ—Ландсорта непрерывно были заняты миноносцами (карта 8). Через каждые двадцать часов из Либавы выходила пара миноносцев X и VIII флотилий [1], шла к Ландсорту (свыше 200 миль), держалась там восемнадцать часов, крейсеровала в течение такого же промежутка времени у Эландс-Норра-Уддэ, после чего возвращалась мимо Сегерштадта, а в дальнейшем мимо Капель-Уддена в Либаву. От трех до четырех пар были все время на ходу, пятая стояла в гавани в полной готовности. Выходы совершались каждый день в разное время с целью замаскировать их регулярность от наблюдения подводных лодок. От первоначально предполагавшейся высылки миноносцев группами по три пришлось отказаться ввиду недостатка миноносцев: для чистки котлов и для выполнения неотложного ремонта из состава VIII и X флотилий одновременно от-

[1] Состав X и VIII флотилий, см. стр. 77 и 278. Миноносцы X флотилии были со времени весны частично заменены: 19-я полуфлотилия имела теперь в своем составе, как и 20-я, миноносцы серии *-138 — S-149*, ведущим стал *V-159*.

сутствовало от шести до восьми кораблей, ходатайство же в.-адм. Шульца о прикомандировании еще одной полуфлотилии из Северного моря было безуспешным. V и I флотилии, с составом по 9 миноносцев, из которых в среднем четверть не были готовы к выходу, не могли быть использованы для указанных задач ввиду недостаточности запаса топлива и поэтому из их состава выделялись миноносцы для сопровождения дозорных крейсеров на позицию № 4. III флотилия охраняла фарватер от Эланда на запад, причем походы ее миноносцев приурочивались, когда это было возможно, к конвоированию пароходов в обоих направлениях. Во всех указанных местах случаев столкновения с подводными лодками не было; только один раз у северной оконечности Эланда и один раз у Ландсорта производилась погоня за неприятельской подводной лодкой.

Охрана судоходства вдоль германского побережья производилась по большей части одиночными сторожевыми кораблями. Они так же, как и миноносцы на севере, были заняты не столько погоней за неприятельскими подводными лодками, сколько сопровождением пароходов, перевозивших войска или другие важные грузы в Либаву, и расстрелами мин, которые в наступившее осеннее время особенно часто срывались с якорей; в некоторые дни уничтожалось по 6—7 плававших мин, не считая выброшенных на побережье. Кроме того, восточная полуфлотилия сторожевых кораблей, возросшая к этому времени до 29 единиц, обслуживала позиции № 2, № 3 и № 5, а также поддерживала сообщение между Либавой и Виндавой. Самолеты и воздушные корабли не могли принимать особенно большое участие в охране. При благоприятной погоде самолеты с аэродромов от Варнемюнде до Либавы высылались для осмотра морских путей, в дозор высылались *SL-4* и *SL-6*, которые крейсеровали несколько раз по направлению Борнхольм — Кальмарзунд — Брюстерорт, а *M-IV* — над бухтами западной части моря и перед Зундом. *M-IV* в начале ноября был разоружен ввиду полного износа оболочки. Оба других погибли из-за несчастных случаев: *SL-6* взорвался от неизвестной причины 18 ноября в 8 *км* севернее Седдина, упал весь объятый пламенем на землю и погиб со всем

экипажем; *SL-4* во время шторма, вдавившего ворота эллинга, был настолько изуродован, что ремонтировать его не было смысла. Вместо *M-IV* прибыл *PL-25,* который базировался на Фульсбюттель, так как не мог поместиться в кильском эллинге; но и этот корабль устаревшей системы «Парсеваль» через три месяца потерял свое боевое значение. Замена обоим Шютте-Ланцам была прислана только в начале февраля.

Дивизионы тральщиков также принимали участие в защите от подводных лодок. После атак подводных лодок на *Брауншвейг* у Либавы и на *Аугсбург* у Стейнорта, свинемюндский вспомогательный дивизион катеров-тральщиков получил 13 октября задание проложить фарватер через минное заграждение у Бернатена по линии 10-*м* глубин, чтобы иметь более обеспеченный от атак подводных лодок подход к Либаве. В начале ноября дивизион был переведен в Виндаву, откуда выходил на уничтожение мелковставших мин заграждения постановки 7 октября и для определения границ трех русских заграждений перед Виндавой и Бакгофеном. II дивизион тральщиков работал на месте гибели *Вилькоммена* и *Пр. Адальберта,* а в начале ноября систематически протралил весь район между Хелой и Брюстерортом. Во время последней работы дивизион 10 ноября высылался к месту гибели нефтеналивного парохода *Бюргермейстер Петерсен (Bürgermeister Petersen)* (2 800 *т*), затонувшего почти со всем личным составом после взрыва у Гейстернеста (на половине пути между Хелой и Риксгефтом). В этом месте мин обнаружено не было, и потеря нефтеналивного судна, особенно тяжелая ввиду недостатка в такого рода судах, была приписана взрыву плававшей мины, так как не допускали, что причиной гибели могла быть атака подводной лодки без предупреждения. Кроме того, атака была также маловероятной потому, что пароход после взрыва без всякой охраны оставался еще несколько часов наплаву.

К легким силам предъявлялись исключительно большие требования. На походы миноносцы всегда брали, кроме полного запаса угля в ямах, возможно большее количество на палубу. В случае свежих погод, которые в это время года бывали очень часто, перегрузка угля с палубы в ямы

была невозможна, и часть его несколько раз смывалась за борт.

Повреждения во время походов были очень нередки; 5 ноября три миноносца получили довольно серьезные повреждения, орудия и торпедные аппараты из-за обмерзания вышли из строя, а смытого со скользкой палубы человека едва могли подобрать. 7 ноября на переходе из Киля в Данциг пропал без вести миноносец *А-3* (135 *т)* со всей командой (1 офицер и 25 рядовых). Штормы и вызывавшиеся ими непостоянные и сильные течения значительно затрудняли счисление, что порождало большую опасность при плавании в районах минных заграждений. Снегопад часто затруднял определение места при походах вдоль однообразного курляндского побережья. Поэтому к западу от Либавы, по требованию возвращавшихся с моря кораблей, высылался пловучий маяк военного времени, а по особому требованию зажигались огни маяков, кроме Либавы — в Паппензе, Стейнорт, Бакгофен, в Виндаве и Люзерорт. Ветер и волнение в некоторые дни достигали такой силы, что миноносцам приходилось возвращаться в порт или укрываться под побережьем. По этой причине в ноябре позиции дозорной линии и у шведского побережья были заняты лишь в течение половины всего количества дней.

20 ноября у Симпнесклубба в районе Аландских о-вов неприятельская подводная лодка вновь преследовала два парохода; 4 декабря к востоку от Мэна был потоплен пароход *Фризенберг (Friesenberg)* (1 300 *т*) и там же безуспешно обстрелян торпедой *V-152;* 6 декабря была произведена также безуспешно атака на сторожевой корабль у Эстергарна.

На этом закончилась деятельность русских и английских подводных лодок в 1915 г.; поступавшие в дальнейшем до весны сообщения о подводных лодках были мало достоверны. Причины, заставившие неприятеля прекратить использование подводных лодок, — неизвестны. Вероятно, подводные лодки во время свежих погод, державшихся в начале декабря, и от частого обледенения получили так много повреждений, что Ревельский порт не мог справиться с их ремонтом. Наступившее время года было неблагоприятно для войны против торговли, тем более, что она могла вестись лишь на протяжении немногих ограни-

ченных участков морских путей. Кроме того, усиления противолодочной защиты германского флота, повидимому, отпугнули некоторых командиров[1]. Многие лодки лишь с трудом избегли таранного удара и повреждений от сброшенных противолодочных бомб, а в конце ноября погибла русская подводная лодка *Акула*. Сколько всего подводных лодок действовало за прошедший период — точно неизвестно, подсчеты различных инстанций расходились. В Либаве считали, что было 20—24 лодки; морской генеральный штаб из внимательного рассмотрения всех поступавших сообщений о подводных лодках пришел к заключению, что русские располагали 10 подводными лодками, пригодными для действия за пределами их прибрежных вод, 4 или 5 — было английских. Повидимому, более точным было какое-то среднее число; из крупных русских лодок были в строю: *Акула, Алигатор, Дракон, Кайман, Крокодил, Гепард*[2], *Барс, Вепрь* и *Волк*, из английских — *Е-1, Е-8, Е-9, Е-18* и *Е-19*[3].

Попытка неприятеля сорвать подвоз руды из Швеции, чтобы этим нарушить производство Германией вооружения и снарядов, потерпела неудачу. В общей сложности подводными лодками были потоплены или захвачены четырнадцать пароходов с общим водоизмещением в 28 000 *т* и два парохода в сумме около 5 000 *т* выскочили на мель. Хотя движение судов вначале было затруднено, но вскоре оно было восстановлено в прежних размерах. В декабре, когда сообщение с северными шведскими портами стало затруднено появлением льда, в германские порты было уже завезено около 150 000 *т* железной руды: половина всего ко-

---

[1] Раннее наступление зимы и замерзание Финского залива действительно приостановили с декабря операции подводных лодок, проведших энергичную летнюю и осеннюю кампанию и потому нуждавшихся в ремонте. Кроме того, по приказанию командования к началу навигации, т. е. к середине апреля 1916 г., надлежало снабдить все подводные лодки оборудованием для постановки мин заграждения и произвести ряд переделок, необходимость которых выяснилась на опыте кампании 1915 г.—*Н. Н.*

[2] *Гепард, Барс, Вепрь и Волк* вступили в строй лишь в 1916 г.

[3] Кроме того, имелось 6 подводных лодок прибрежного действия (устарелых): *Окунь, Минога, Макрель, Щука, Белуга* и *Сом.* — *Н. Н.*

личества — в Штетин, а остальное — пополам в Любек и в северные германские порты; кроме того, часть ввоза в количестве около 40 000 *т* прошла через Роттердам. За это время погибли, кроме *Т-100* (от столкновения) и вспомогательного тральщика *№ 4* (от посадки на мель у Брюстерорта): броненосный крейсер *Пр. Адальберт* и легкий крейсер *Ундине*, но оба эти корабля устарели и подлежали замене в ближайшее время; на эти два удачных торпедных попадания приходилось больше, чем двенадцать промахов. Германское командование было вынуждено перевести на долгий срок два легких крейсера и две флотилии миноносцев из Северного моря и в значительной степени уменьшить этим оперативные возможности Флота открытого моря; но это, однако, имело такое же незначительное влияние, как и привлечение всех морских сил Балтийского моря к борьбе с подводными лодками, так как ни в Северном, ни в Балтийском морях оно не повело к нарушению выполнения важных оперативных задач. Большие надежды, возлагавшиеся на подводные лодки Антантой, не осуществились, хотя Франция все же в конце ноября и предлагала Англии и России установить блокаду всего побережья Германии в Балтийском море.

Глава XIV

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ РУССКОГО ФЛОТА

Через день после окончательного ухода большей части IV эскадры из Либавы (10.XI) [1], неприятель вновь приступил к минным постановкам по примеру достигших некоторого успеха постановок в течение осени и зимы 1914/15 гг.; причиной связи между этими двумя событиями установить нельзя. Время выхода в первую операцию было назначено русскими уже за неделю до указанного срока, но беспорядки, возникшие среди команд стоявших в Гельсингфорсе дредноутов, вынудили командующего флотом адм. Канина отложить ее начало. На *Гангуте* [2] команда по ничтожному поводу отказалась от пищи и в дальнейшем предъявила требование о списании старшего офицера и еще двенадцати офицеров с немецкими фамилиями; царившая в то время общая ненависть против немцев была обращена на русских уроженцев Прибалтики и проявилась в этом требовании. На *Петропавловске* через несколько дней произошел аналогичный случай.

> «Команды были утомлены бездеятельностью и непрерывным пребыванием на кораблях, а под влиянием проникавшей с берега пропаганды они стали беспокойными» (Г. Граф).

---

[1] *Виттельсбах, Церинген, Швабен, Веттин;* в Либаве остались *Брауншвейг, Эльзас* и *Мекленбург,* последний — взамен более слабого в боевом отношении *Принца Генриха,* который был также отправлен в Киль для разоружения.

[2] Попытку восстания на *Гангуте* следует, конечно, рассматривать в связи с общим подъемом революционных настроений во флоте. — *Н. Н.*

Командующий флотом выслал все крупные корабли на время расследования беспорядков в море, а после предания суду 50 человек зачинщиков с *Гангута* он послал все исправные корабли против неприятеля [1].

Петропавловск под флагом в.-адм. Кербера, *Гангут, Рюрик, Адмирал Макаров, Баян* и *Олег* вышли 11 ноября из Утэ на юг [2], ввиду свежей погоды миноносцы были оставлены, и с отрядом следовал только *Новик*. Отряд, никого не встретив, прошел по большим глубинам восточнее Готланда, утром следующего дня, на широте Паппензе, повернул на запад, после чего крейсера поставили у банки Хоборг поперек курса, ведущего из Либавы к южной оконечности Эланда, 750 мин в два ряда с интервалами в 90 *м*

---

[1] Волнения в Балтийском флоте осенью 1915 г. далеко не ограничились линейным кораблем *Гангут*; такие же вспышки имели место на ряде других кораблей — крейсерах *Россия, Громобой, Баян,* линейных кораблях *Павел I, Цесаревич,* учебных судах *Александр II, Двина,* миноносцах. Проявляясь внешне в виде протеста против офицеров немецкого происхождения, выступления команд, вполне организованные, являлись результатом общего процесса революционизирования широких масс, который уже охватил в то время рабочий класс и крестьянство. Стихийно росшая среди матросов вражда к офицерству вообще в данном случае хотя и носила внешне германофобский оттенок, но объективно выражала общую ненависть против дворянско-барского офицерства, символизировавшего в глазах масс систему старорежимного угнетения и оплот ненавистного царизма. Министр внутренних дел Хвостов в докладе председателю совета министров Горемыкину писал: «Происходившие на *Гангуте* беспорядки вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд. Причем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных». Но дело не ограничилось только «толками», налицо имелись и реальные доказательства революционной солидарности матросских масс. Так, когда начальство пыталось отправить с крейсера *Рюрик* (флагманский корабль) караул для ареста восставших на *Гангуте*, вся команда, выйдя на верхнюю палубу, не допустила отправления караула.

Общее нарастание революционных настроений во флоте не могло пройти незамеченным со стороны охранки, которая, выяснив наличие революционных организаций на кораблях и в базах флота, поспешила разгромить их, особенно обратив внимание на большевистские организации (крейсер *Россия,* учебное судно *Александр II*). — *Н. Н.*

[2] Выход состоялся из Эрэ.

(карта 8[1]). В полдень отряд уже находился к западу от Готланда и в течение ночи крейсеровал у входа в Финский залив, так как подход курсом на маяк Дагерорт не удался из-за плохой видимости. Постановка заграждения с германской стороны замечена не была: крейсер с позиции № 4 во время прохода русского отряда (5 час.) был на пути в Виндаву, где после гибели *Ундине* крейсера должны были отстаиваться в течение светлого времени суток; миноносцы с позиции № 1 укрылись от начинавшегося *SSW* шторма у побережья Эланда; пара миноносцев с позиции № 7 была на пути торговых судов, расположенном вдоль материка; радиопеленгаторные станции Мемеля и Штольпмюнде не обнаружили ничего, что указывало бы на оживление деятельности русского флота. Задержание и осмотр *Новиком* западнее Готланда двух шведских пароходов остались неизвестными.

В конце операции (14.XI) была выслана в море подводная лодка *Акула* с заданием поставить мины у Виндавы; несомненно, противник узнал, что в этот порт часто заходят германские крейсера. *Акула* из этой операции не вернулась. В Ревеле предполагали, что лодка перевернулась во время свежей погоды из-за закрепленных на верхней палубе мин. Но в действительности она выполнила свое задание, потому что летом 1916 г. германские тральщики нашли в 15 милях на *WNW* от Виндавы короткое заграждение, которое, судя по имеющимся теперь сведениям о русских заградительных операциях, не могло быть поставлено никем другим, кроме *Акулы;* поэтому лодка, вероятно, погибла на обратном пути, попав на одно из германских заграждений, расположенных западнее Люзерорта. Это была, за исключением *Е-13*, первая гибель неприятельской подводной лодки в Балтийском море в 1915 г.[2]

На основании донесений подводных лодок, а также с помощью радиопеленгов и расшифровки германских радио, русское командование узнало, что на линии Эстергарн —

[1] Было поставлено 560 мин. См. приложение 5.

[2] По сведениям Г. Графа. Русские газеты 20 сентября 1915 г. сообщили о смерти командира и всей команды подводной лодки *Дельфин*, но это известие нигде не находит себе подтверждения.

Виндава находятся постоянно германские сторожевые корабли. Против находившегося в восточной части этой завесы корабля был направлен набег, проведенный 20 ноября кап. 1 р. Колчаком. После полудня он вышел на *Новике* в сопровождении шести миноносцев из Рижского залива по новому фарватеру, проложенному через Церельский риф, и, выйдя в открытое море, повернул на юг (черт. 26). В светлую спокойную ночь отряд без труда нашел сторожевой корабль и в 20 ч. 45 м. открыл огонь, не прибегая к помощи прожекторов. Сторожевой корабль *19 (Норбург, Norburg)*, стоявший на позиции № 5, находился несколько в стороне от бочки, выставленной вблизи банки Спон [1], указывая направление входа для дозорного крейсера. Командир тотчас начал сниматься с якоря и пытался уйти. Но семь русских миноносцев окружили его и стреляли со всех сторон в сторожевой корабль, лишившийся своего орудия на носу; только один раз один из миноносцев приблизился на такую дистанцию, что *Норбург* смог открыть огонь из своей 3,7-*см* автоматической пушки. После первых же неприятельских залпов на сторожевом корабле возник пожар, с которым не удалось справиться, а через 15 минут корабль затонул, после того как в него с *Новика* была выпущена торпеда. Команда попрыгала за борт, а часть успела спастись на спущенной шлюпке; русские взяли всех в плен [2], за исключением четырех человек, которые, воспользовавшись темнотой, ушли на тузике и на следующий день добрались до берега. Миноносцы тотчас повернули обратно.

> «И как раз во-время, так как было получено радио, уведомлявшее, что неприятель выслал в погоню крейсера, а несколько флотилий миноносцев получили приказание отрезать нас от Ирбенского пролива» (Г. Граф).

Отряд благополучно миновал германские заграждения и вернулся совершенно невредимым мимо Дагерорта с севера в Моонзунд.

---

[1] Нанесенная на картах банка Спон — небольшая, но с заметно отличительными глубинами в 9 *м* — не была обнаружена, несмотря на многократные поиски; видимо, ее не существовало.

[2] Из воды были подняты командир и 19 человек команды. — *Н. Н.*

За два часа до момента начала боя отряд крейсеров под брейд-вымпелом 2-го флагмана в сопровождении семи миноносцев I флотилии вышел из Либавы. *Аугсбург, Бремен* и *V-100* имели на палубе по самолету, которые должны были утром подняться с северо-западной стороны Эзеля для атаки на *Славу* и другие корабли, стоявшие в Моонзунде. Отряд коммодора Лангемак находился в 60 милях от банки Слон, когда было получено радио со сторожевого корабля: «Нас обстреливают». Он выслал сначала *Любека* с сопровождавшими его миноносцами, которые только что ушли с позиции № 4, а затем подкрепил их флагманским миноносцем *S-50* и, после удовлетворительных результатов использования полного хода при наличии на палубе самолета, также и *V-100*. Он сам повернул к Эстергарну, пока из принятого оттуда искаженного радио не выяснилось, что там неприятеля не видели. Ни *Любеку*, пришедшему к 0 ч. 30 м. на место боя, ни группе *Аугсбурга*, доходившей до северного входа в Ирбенский пролив, ни миноносцам, обследовавшим место гибели, не удалось найти никаких следов, на основании которых можно было бы судить о судьбе сторожевого корабля, а также о составе сил нападавшего. Когда до 3 час. все осталось спокойным, коммодор Лангемак, правильно предположив, что набег был совершен миноносцами противника, решил, что они ушли, а потому приказал продолжать операцию с самолетами. Ее впоследствии пришлось отменить ввиду того, что утреннее небо не обещало благоприятной погоды; гидросамолеты все же были в 9 час. спущены на воду с тем, чтобы они возвращались в Либаву мимо Эстергарна и при этом произвели вдоль восточного побережья Готланда поиск неприятельских подводных лодок. Стартовать удалось только одному, несмотря на то, что в море было только незначительное волнение; два остальных были вновь подняты на корабли. Обратный путь был использован для показания флага у Хуввудшера и к западу от Готланда, что было выполнено благополучно, без обнаружения секрета приемки самолетов на корабли. Эта операция показала, что имевшиеся самолеты могут быть использованы в открытом море только в случае исключительно благоприятной погоды.

Возможность нападения на дозорную линию учитывалась

Черт. 26. Нападение русских эскадронных миноносцев на сторожевой корабль у банки Спон 20 ноября 1915 г.

при ее установке. Но последний набег показал, что сторожевые корабли не были в состоянии передать до своей гибели даже простейших разведывательных сведений. Гр.-адм. пр. Генрих уже имел намерение отменить охрану заграждений, но в Либаве считали, что наличие сторожевых кораблей, по крайней мере, предотвратит незаметную постановку противником минного заграждения. В.-адм. Шульц решил впредь на ночь оставлять позицию № 5 незанятой, в течение светлого времени суток держать на ней два сторожевых корабля, а по получении партии мин поставить заграждение между банкой Винкова и Люзерортским рифом. В эти же дни вышел в восточную часть моря давно обещанный для обороны Либавы вспомогательный заградитель *Рюген*. Перегруженный корабль с трудом выгребал из-за свежей погоды и лишь после 5½-суточного похода 1 декабря пришел в Либаву. Остаток в 80 мин доставил из Киля легкий крейсер *Данциг*, сменивший ушедшего для ремонта *Штутгарта*.

Данциг 24 ноября вышел в сопровождении *V-182* и *G-196* вдоль южного шведского побережья в Либаву. Когда крейсер вскоре после полуночи проходил мимо банки Хоборг (карта 8), последовал взрыв; оба гребные вала не проворачивались, и руль был сорван. Два кормовые отсека наполнились водой. Так как сопровождавшие его миноносцы ввиду свежего ветра и большой волны не могли взять его на буксир, на помощь из Либавы в срочном порядке был выслан *Берлин* с несколькими миноносцами: он взял *Данциг* на буксир и после 22-часового перехода, несмотря на отсутствие управления на пострадавшем крейсере и на сильную качку, оба корабля благополучно вошли в Нейфарвассер [1].

Крейсер попал на поставленное за четырнадцать суток до его похода большое русское заграждение. Но мощная английская радиостанция Польдью сообщила 27-го, что

[1] О подрыве крейсера *Данциг* русское морское командование узнало тотчас из радио командира крейсера, сообщавшего, что в 3 ч. 20 м. корабль подорвался на мине, управляться может, предполагает итти в Данциг, нуждается в помощи для буксирования и охраны. В 9 ч. 10 м. он же уведомлял, что «управляться больше не может» и просит выслать буксиры. — *Н. Н.*

подводная лодка союзников потопила крейсер *Фрауенлоб (Frauenlob)*. Можно было предположить, что русская подводная лодка произвела атаку и после нее подобрала слетевшую за борт фуражку, так как команда на крейсере была действительно с *Фрауенлоба* и еще носила ленточки с этим названием. Лишь позднее, когда дальнейших сведений об атаке в заграничной прессе опубликовано не было, командир пришел к выводу, что взрыв мог произойти только от стоявшей на якоре мины. Было слишком невероятно, чтобы в темную бурную ночь подводная лодка могла незаметно достигнуть попадания торпедой.

В качестве предварительных действий для постановки дополнительного заграждения у Люзерортского рифа (карта 8) в начале декабря четыре миноносца X флотилии обследовали тралами предполагавшийся для постановки курс, а также подходы к Виндаве и к бочке у банки Спон. Находившийся в Виндаве I дивизион траления (прежний вспомогательный дивизион катеров-тральщиков Свинемюнде) не мог принять участия в работе ввиду обмерзания моторов. После полудня 5 декабря коммодор Лангемак на *Аугсбурге* с *Эльбингом* и пароходом-заградителем *Рюген*, в сопровождении миноносцев для охраны от подводных лодок, вышел мимо Бакгофена к Люзерорту. Миноносцы *S-50* и *V-100* прикрывали с запада от Цереля, а дозорный крейсер *Любек* на той же широте, мористее, на больших глубинах. *Рюген* и *Эльбинг* под проводкой *Аугсбурга* между 20 ч. 30 м. и 21 ч. 30 м. поставили соответственно 225 и 125 мин с углублением 2,5 *м*, после чего корабли за исключением группы *Любека* возвратились мимо банки Спон в Либаву. Они не предполагали, что сзади, меньше чем через два часа, прошла главная часть русского флота, вышедшая для вторичной минной постановки южнее Готланда.

Рюрик и I бригада крейсеров на этот раз со включением *Богатыря* в 14 час. 5 декабря снялись с якоря с рейда Севастополь (у Эрэ) и, выйдя по стратегическому фарватеру в море, присоединились к *Петропавловску* и *Гангуту*, а в 16 час. с наступлением темноты прошли опасную зону [1],

[1] Границы опасной зоны, повидимому, считались у банки Олег. Стратегический фарватер Утэ—Эрэ проходил севернее этой банки, а также и германского минного заграждения.

после чего сопровождавшие их миноносцы, за исключением *Новика*, были отпущены. Обычный эскадренный 19-узловой ход благодаря светлой ночи удалось держать без затруднений, и в 8 час. 6 декабря отряд подошел к исходному пункту минной постановки (карта 8). В.-адм. Кербер в это время получил известие, «что неприятельский минный заградитель в южной части района на подходах к Ирбенской позиции», но не отставил своей операции [1]. *Новик* был выслан на юг в дозор, а крейсера поставили 700 мин в одну линию длиной в 31 милю, которая вместе с ранее поставленными заграждениями пересекала курсы, ведущие от Риксгефта на север. Обратный путь был опять совершен к западу от Готланда. Линейные корабли после наступления темноты определили исходный пункт по маяку Фарэ и, несмотря на шторм со снегом, на следующее утро благополучно вошли в Ревель. Крейсеры, оставив Готска-Сандэ влево, вошли в шхеры у Утэ, и только счастливый случай провел их мимо заграждения, поставленного с *Альбатроса* восточнее Богшера.

На этот раз германское командование было предупреждено. Морской генеральный штаб 2 декабря получил из Стокгольма сведения, что русский флот собирается совершить набег на Либаву; поэтому пр. Генрих приказал, впредь до отмены, каждую ночь высылать с позиции № 4 пару миноносцев в дозор к северу; для освобождения надлежащего числа миноносцев надлежало не замещать позицию № 7 [2]. Несмотря на это, противник прошел незамеченным. Дозорный крейсер в это время приблизился к Фарэ для определения места, чтобы дать точный исходный пункт для посылавшихся в дозор миноносцев. Миноносцы, бывшие на позиции № 1 в момент прохода русского отряда (18 час.), находились у северной оконечности Эланда, т. е. как раз на границе 25-мильного прохода между Элан-

---

[1] Это, сообщенное Г. Графом, вполне соответствовавшее действительности уведомление русской службы связи было, повидимому, основано на том, что операция была разгадана только по радиопеленгам, так как станция Аугсбурга давала условные радио, по которым о минной постановке, даже в случае их расшифрования, догадаться было трудно.

[2] Это распоряжение осталось в силе до 10 декабря.

дом и Готландом. Подводные лодки, бывшие во время операции в море, находились: *U-17* — в районе Аландских о-вов, *U-66* — была вечером 5 декабря у Дагерорта, а следующую ночь лежала на грунте у северного входа в Моонзунд. Русский флагманский корабль не выдал своего места германским радиопеленгаторным станциям ни одной радиограммой. Также и в дальнейшем в Германию не проскользнуло сведений о происходившей операции, как и во время первой минной постановки, хотя по сведениям разведки почти ежедневно составлялись таблицы дислокации русских морских сил. Только 8 декабря стало известно, что Россия за несколько дней до этого прекратила телеграфное сообщение со Швецией[1], после чего Либава была приведена в боевую готовность.

Разработанный незадолго до этого план обороны состоял в следующем: линейные корабли и броненосные крейсера должны были находиться в аванпорте, откуда, стоя на якорях, участвовать в артиллерийском отражении набега; легкие крейсера и миноносцы, выйдя в море, должны были отвлечь часть артиллерийского огня и атаковать противника; подводные лодки должны были выйти на заранее назначенные позиции; *Рюген* — ставить мины на назначенном месте; тральщики и сторожевые корабли — быть в готовности для выполнения особых задач (охрана от подводных лодок, ложные атаки, буксировки, постановка дымовых завес); самолеты имели задание производить разведку, сбрасывать бомбы и, по возможности, беспокоить противника.

Как раз к этому времени снова обсуждался вопрос о том, следовало ли вооружать бывшие русские береговые батареи. После сдачи линейных кораблей типа *Виттельсбах* пр. Генрих при поддержке армии снова возбудил ходатайство об установке 24-*см* орудий с кораблей типа *Кайзер Фридрих* на либавских батареях. Начальник морского генерального штаба, лично ознакомившийся в конце ноября с обстановкой в Либаве, опасался невозможности выделить для этих батарей личный состав и, кроме того,

---

[1] Запрещение было снято только 27 декабря и, следовательно, было вызвано не операцией флота.

считал, что в Либаве должно быть возможно меньше сооружений, которые было бы трудно эвакуировать в случае оставления города. Когда вскоре после этого, 14 декабря, в Либаву на короткое время приехал кайзер, он принял на месте доклад пр. Генриха и адм. Хольцендорфа. Принимавший участие в поездке и присутствовавший при докладе морской министр Тирпиц высказался против; он, исходя из мнения, что война не будет продолжаться дольше одного года, считал работы по восстановлению и вооружению, требовавшие очень большого времени, — бесполезными, как и «чересчур сильную связанность морских сил с Либавой»; кроме того, он считал нужным от них отказаться из соображений общей политики, так как эти работы были бы использованы для обвинения Германии в стремлении к аннексиям. Кайзер отклонил предложение пр. Генриха.

Перед германской минной постановкой 5 декабря была произведена исчерпывающая воздушная разведка. Три самолета обследовали Рижский залив до Аренсбурга, Кюно и Руно и благодаря исключительно хорошей видимости надежно его осмотрели; *Славы* нигде не было видно, у входа в Ирбенский пролив крейсеровали два миноносца. Самолет *440* атаковал неприятельское вспомогательное судно, но сам получил повреждения и вынужден был спуститься у Маркграфена. С помощью германских улан самолет был перетащен через прибрежный ледяной припай, разобран на берегу и на санях доставлен в Либаву. На следующее утро в последний раз был выслан еще один самолет к Ирбенскому проливу. Авиаматка *Ансвальд,* переведенная во внутреннюю виндавскую гавань, по освобождении прохода по каналу от затопленных русскими судов перешла ввиду образования льда, мешавшего самолетам стартовать, в аванпорт, где во время шторма 8 декабря ее сорвало с якорей и выбросило кормой на мель, причем был сломан баллер руля; после этого *Ансвальд* была на буксире отведена в Либаву. В эти же дни неприятель перевел свои корабли из Рижского залива обратно в Ревель, за исключением *Славы,* которая была оставлена на зимовку у Вердера на рейде *Куйваст,* ввиду невозможности для нее пройти через Моонзунд на север. Боевые действия в Рижском заливе прекратились.

Для действий подводных лодок в северной части Балтийского моря время года также было слишком позднее. Уже в ноябре из-за плохой погоды пришлось отменить поход *UB-5* к Дагерорту и постановку мин в шхерах с *UC-4*. *U-17*, пытавшаяся с 27 ноября по 8 декабря выяснить выходные фарватеры русских подводных лодок севернее Богшера и в районе Аландских о-вов, а также *U-66*, пытавшаяся с 3 по 10 декабря проникнуть в Финский залив, вернулись с повреждениями в результате свежих погод и морозов. Последний раз *U-9* была послана ко входу в Ревель 17 декабря для разведки и прикрытия предполагавшейся операции миноносцев. Гр.-адм. пр. Генрих предполагал произвести крейсерско-набеговую операцию против сторожевых кораблей и тральщиков противника, на основании наблюдений *U-9* во время последнего похода. Шульц для этой операции выделил *V-100* и еще один из миноносцев, которые должны были, имея в поддержке несколько легких крейсеров и линейных кораблей у Даго, проникнуть до Оденсхольма. На это время операции по защите торговли прекращались. Но еще до получения уведомления от *U-9*, что она не обнаружила никакого движения судов у эстонского побережья, операция была отменена из-за посадки на мель линейных кораблей *Браунштейг* и *Мекленбург*, происшедшей 17 декабря во время эволюций у Либавы. Вход вскоре снова был очищен, причем выяснилось, что в результате штормов произошла передвижка песчаной банки, но в.-адм. Шульц считал себя вынужденным не рисковать больше линейными кораблями из-за цели сравнительно ограниченного значения. *U-9* была вызвана обратно и 22 декабря вошла в Либаву; холода сильно затрудняли этот ее поход; так, например, маневр погружения нельзя было произвести менее, чем в 15 минут.

Неприятель в то же время предпринял новую крейсерско-набеговую операцию против германской дозорной линии. Утром 16 декабря *Новик* и вновь построенные миноносцы *Победитель* и *Забияка*[1], все три, имея на палубе мины, вы-

[1] 12 миноносцев этого типа должны были вступить в строй еще в 1914 г., но их достройка задержалась ввиду прекращения поставок машинных частей, заказанных в Германии.

шли из Ревеля и направились к месту, где находился на стоянке 20 ноября сторожевой корабль. Не обнаружив там никого, они повернули к берегу и около 21 час. произвели постановку мин между банкой Спон и Виндавой, банками по 5—25 штук в каждой, а также у места бочки у банки Спон (см. выше, черт. 26 и карту 8), после чего теми же курсами вернулись в Финский залив, после 3-часовых поисков Дагерортского маяка. Они снова счастливо прошли проход между восточным и средним германскими заграждениями и только случайно не были обнаружены. Хотя позиция № 5 в эту ночь никем уже не была занята, но за час до их прихода мимо банки Спон проходил дозорный крейсер *Бремен*.

Когда этот крейсер после полудня 17 декабря вышел из Виндавы, он сразу попал на новое минное заграждение[1]: вскоре после 17 час. один из сопровождавших его миноносцев, *V-191*, подорвался на мине и затонул через полчаса. Считая, что взрыв произошел от плававшей мины, с крейсера и другого миноносца, *V-186*, были спущены шлюпки, с помощью которых почти вся команда *V-191* была спасена. При подъеме шлюпок в 18 час. *Бремен* коснулся носовой частью двух мин, взорвавшихся одна вслед за другой. Корма поднялась круто кверху, и крейсер в несколько минут скрылся под водой. Кроме бывшего на воде катера, к месту гибели поспешил *V-186*, но вскоре он отвлекся погоней за подводной лодкой, которой в действительности не было, открыл орудийный огонь и произвел несколько поворотов; впоследствии он донес «одна торпеда прошла в 10 *м* по носу, а другая в 20 *м* за кормой»; сам начальник полуфлотилии был уверен, что видел подводную лодку и приписывал гибель обоих кораблей ее атаке. Несмотря на это, удалось спасти 8 офицеров и 102 человека команды, из них часть была приведена в чувство, несмотря на окоченение от длительного пребывания в холодной воде и усталости. 11 офицеров и 287 человек команды, в том числе и командир

[1] См. приложение 5 — таблицу русских минных заграждений поставленных в 1914—1915 гг. у побережья Германии и курляндского побережья после занятия последнего немцами. Поставлено 16 декабря 1915 г. эскадренными миноносцами *Новик, Победитель* и *Забияка.* — *Н. Н.*

крейсера, кап. 2 р. Вальтер, погибли вместе с кораблем. Пока *V*-186 отвозил спасенных в Либаву, для передачи их на госпитальное судно *Шлезвиг,* место гибели обследовали два сторожевых корабля и два миноносца. Несмотря на лунную ночь, было трудно допустить, чтобы подводная лодка могла так успешно выпустить столько торпед; так как противник не объявлял о достигнутом им успехе, нужно было предположить, что атаковавшая лодка, возвращаясь домой, погибла на германских заграждениях до того, как успела сообщить по радио об удаче. Но определенные утверждения начальника полуфлотилии вынуждали верить этой маловероятной версии.

По предложению коммодора Лангемака было решено на будущее время высылать на позицию № 4 полуфлотилию миноносцев, а позицию № 7 оставлять незанятой. В Виндаве решили держать один крейсер, а так как его переход лучше было совершать в темную ночь, то до этого туда был выслан *V-100.* Пара миноносцев из дежурной флотилии каждую ночь высылалась к Фарэ для охоты за подводными лодками, так как там незадолго до этого преследовали подводную лодку и в этом направлении из Раудена была запеленгована неизвестная радиостанция. Командующий морскими силами признал необходимым еще бо́льшие ограничения и приказал 23 декабря:

«Отменить постоянное несение дозора между Готландом и Курляндией; вместо этого ввести нерегулярные походы миноносцев и сторожевых кораблей, производя их из Виндавы и Либавы; на позицию № 4 от времени до времени высылать подводную лодку; позицию № 1 занимать для обеспечения морской торговли, высылать миноносцы в дозор также на север вдоль шведского побережья. Обратить внимание на организацию особенно тщательной охраны сторожевыми кораблями подходов к Либаве от подводных лодок и от заградительных операций противника. Походы крейсеров в море должны были совершаться с соблюдением секретности. Во время походов одиночных крейсеров их должны были постоянно сопровождать не менее трех миноносцев, пока по климатическим условиям предстояло считаться с возможностью появления неприятельских под-

водных лодок... Кораблям запрещалось останавливаться для спасения погибающих; это возлагалось на сопровождавшие их миноносцы».

После многодневного беспрепятственного пользования северным выходом от Виндавы утром 23-го сторожевой корабль *15 (Фрея, Freya)*, расстреливая казавшуюся плававшей мину, взлетел на воздух. Сторожевой корабль *6* по радио вызвал на помощь миноносцы; когда через 15 минут к месту гибели подошли *S-176* и *S-177*, они неожиданно увидели с обеих сторон от курса появившиеся вследствие волны (3 балла) мины. *S-176* удалось все же, пройдя между ними, спасти четверых из команды погибшего сторожевого корабля, состоявшей из 26 человек. Шлюпка на миноносце примерзла (температура — 12°), а ялик со сторожевого корабля *6* не мог найти места гибели ввиду низового тумана, стоявшего над поверхностью воды слоем высоты до 2 *м*. Следовавший за ним *S-177* также благополучно миновал мины. Оба миноносца и сторожевой корабль направились в Виндаву и уже прошли около 5 миль, когда под кормой *S-177* произошел взрыв мины и он начал тонуть. Быстро подошедший к его борту сторожевой корабль *6* успел принять двадцать человек, а с помощью спущенных шлюпок была спасена остальная команда, за исключением семи человек, убитых, повидимому, осколками. На *S-176* отдельные люди докладывали, что видят перископ, но командир тотчас убеждался, что они ошибались и видели благодаря напряженному состоянию нервов то, чего на самом деле не было. Исходя из опыта случившегося и ввиду того, что место гибели *Бремена* и *V-191* отстояло лишь на несколько миль от места взрыва последних двух кораблей, пришли к выводу, что и потери 17 декабря произошли от мин. Район моря, прилегавший к Виндаве, был запрещен для плавания, и вход и выход из нее производился вдоль побережья мимо Бактофена. I дивизион траления, высланный 26-го на место гибели *S-177*, тотчас обнаружил неприятельское заграждение; установление его границ было невозможно ввиду обмерзания моторов, вынудившего дивизион возвратиться в Либаву.

I дивизион траления за последние недели закончил уборку заграждения, расположенного в непосредственной бли-

зости от Виндавы; оставалось только сделать контрольные галсы. В течение многочисленных дней, когда малые катера не могли работать в море, они были заняты обезвреживанием прибитых к берегу мин и очисткой виндавского порта. В январе и феврале 1916 г. этот дивизион контролировал выходные фарватеры из Либавы и совместно с пришедшим в Либаву III дивизионом траления уничтожал минное поле, поставленное русскими у Бернатена. II дивизион траления, после окончания 22 декабря долго длившихся работ по обследованию Данцигского залива между Хелой и Брюстерортом, во время которых не было найдено ни одной мины, по приказанию старшего флагмана, пришел в Либаву и получил задание продолжить фарватер для линейных кораблей, по направлению на *WSW*, длиной в 30 миль (см. ниже). Пока одна половина дивизиона приступила после этого к производству годичного зимнего ремонта, вторая половина систематически производила контрольное траление прибрежного фарватера между Мемелем и Виндавой, так как на нем периодически подозревали появление новых заграждений.

В середине февраля вторая группа закончила последние галсы в районе поставленного *Аугсбургом* заграждения, закрытом для плавания с августа 1914 г.; мин найдено не было, и этот район, очень затруднявший до тех пор подход к Либаве, был объявлен чистым от мин. Количество тральщиков было недостаточным, чтобы одновременно удовлетворить потребности в работах по тралению опасных от мин мест у Виндавы, а также между Готландом и Риксгефтом. Командующий морскими силами несколько раз безуспешно обращался к высшему командованию с требованием о предоставлении еще одного дивизиона тральщиков; также просьба к командующему Флотом открытого моря осталась безрезультатной, даже когда он предложил обменять один дивизион катеров-тральщиков.

Незадолго до нового года появились слухи о предполагавшемся наступлении русских на сухопутном фронте и о предполагавшихся диверсионных актах и враждебных действиях со стороны сочувствовавшего им населения. Поэтому было предписано усилить меры предосторожности, и в последние дни перед новым годом все вооруженные силы

содержались в полной боевой готовности; насколько это позволяла погода подводные лодки находились на позициях в районе подходов к гавани; одна полуфлотилия и *V-100* находились в дозоре в глубоководном проходе южнее линии Эстергарн—Виндава; подводная лодка *U-10* крейсеровала к западу от Цереля, так как считали, что последние заграждения около Виндавы были поставлены кораблями, вышедшими из Рижского залива. С Люзерорта и Роена сообщали, что слышна стрельба из тяжелых орудий. В действительности это были взрывы мин, — явление, которое повторялось еще много раз вследствие начавшегося ледостава: так, в ночь с 8 на 9 января 1916 г. на Михайловском маяке сосчитали больше 200 взрывов. Лед иногда образовывал такие высокие нагромождения, что береговым сторожевым постам казалось, будто бы в море находятся корабли.

Но на деле неприятель не предпринимал никаких действий. Только еще в последний раз 6 января попытались выйти в море из Ревеля шесть миноносцев для постановки мин у Паппензе и Стейнорта. Но отряд был вынужден возвратиться от Дагерорта ввиду тяжелого повреждения *Забияки* от взрыва на плававшей мине. *Новик* взял его на буксир и благополучно довел до Ревеля. Попытка повторить операцию в ближайшие дни не удалась из-за плохой погоды. Хотя большие корабли в течение этой не слишком суровой зимы и могли с помощью ледоколов выходить в море, но спокойные, в смысле отсутствия выступлений со стороны германского флота, зимние месяцы русский флот предпочел использовать для производства ремонта на всех кораблях, а также для перевооружения части крейсеров.

Германские морские силы также воспользовались перерывом в военных действиях на море для ремонта, улучшения вооружения, производства отпусков и учебных упражнений. Перегрузка верфей сильно затрудняла распределение работ; большинство кораблей и миноносцев были отправлены в Киль, некоторые — в Гамбург, а 16-я полуфлотилия— в Вильгельмсгафен. Для избежания атак подводных лодок и опасности от мин корабли, отправленные на запад, получили приказание итти обходным путем мимо Хоборгской

и Средней банок, южнее их, откуда отправиться в проход между Борнхольмом и материком и дальше к Гиедзеру, с расчетом пройти эти опасные места в темное время суток (карта 8). К несчастью, этот путь проходил как раз через середину поставленного русскими 6 декабря большого минного заграждения. Несмотря на это, первая группа в составе *Брауншвейга, Мекленбурга, Берлина* и X флотилии прошла благополучно. Но *Любек* 13 января утром получил тяжелое повреждение от взрыва на мине. Оба кормовых отсека заполнились водой, руль и три из четырех валов были выведены из строя, два человека погибли, командир был тяжело ранен. Вступивший в командование 1-й офицер, несмотря на свежую погоду и большое волнение (ветер *SSO*, 6—8, позднее до 9 баллов), довел крейсер до Данцига. Одному из сопровождавших крейсер миноносцев, *V-189*, удалось взять крейсер на буксир и вести его со скоростью от 1 до 3 узлов от места аварии. В течение ночи ветер спал до 4 баллов, но в то же время зашел через *SW* на *WNW*. При волне в бакштаг корабли рыскали так сильно, что несколько раз оказывались на обратном курсе. К утру у Риксгефта миноносец был сменен данцигским буксиром *Вейхсель (Weichsel)*, а после полудня крейсер был введен в гавань. Причиной взрыва сразу была признана мина заграждения, и дальнейшее сообщение с Либавой продолжалось по прибрежному фарватеру.

Время ремонта кораблей и отрядов было распределено с таким расчетом, чтобы в Либаве всегда находились два линейных корабля, два крейсера и одна не совсем полная флотилия миноносцев, а также одна подводная лодка и одна усиленная полуфлотилия сторожевых кораблей. В первой половине февраля на месте был только один крейсер, потому что выделенный из Северного моря *Мюнхен* на переходе в Либаву был протаранен у Риксгефта германским пароходом *Москау (Moskau)*, что произошло из-за неправильного включения ходовых огней на пароходе. *Москау* (900 *т*) тотчас затонул, его команда была спасена миноносцами; *Мюнхен* вынужден был встать в ремонт на несколько месяцев, а вместо него в Либаву был выслан *Амазоне*.

Если этих сил уже было недостаточно для длительного

замещения позиции № 1, то штормы и морозы сделали все, чтобы принудить еще более ограничить походы для охраны морской торговли. Не более одного раза в неделю группа миноносцев показывалась у шведского побережья, причем она в большинстве случаев возвращалась вдоль восточного побережья острова Готланда. Пытались возможно большей неравномерностью и частыми радиопереговорами инсценировать прежнюю напряженную дозорную службу. Подводных лодок больше не было видно. В течение зимы погибло несколько малых пароходов, но эти несчастные случаи надо было отнести на счет обычных в море аварий. В начале февраля погода на короткий срок благоприятствовала использованию воздушных единиц. Два русских летчика безуспешно сбросили по одной бомбе 5 февраля на Михайловский маяк. Переданный для Балтийского моря воздушный корабль *SL-3* обосновался в Седдине и испробовал 12-го промежуточный посадочный пункт в Либаве. *Санта Елена* на четырнадцать суток выходила в Виндаву; ее самолеты производили разведку Церельского полуострова, Аренсбурга и Рижского залива, но не обнаружили ни кораблей, ни опорных пунктов авиации. Самолеты морской авиации, приданные к 37-му авиаотряду, расположенному в Гросс-Платоне, к югу от Митавы, также принимали участие в разведке.

В средней части Балтийского моря VII флотилия в декабре сменила III флотилию; она продолжала нести в облегченной форме службу охраны морских путей вдоль шведского побережья; была, кроме того, привлечена к сопровождению военных кораблей и торговых судов с ценными грузами, преследовала совместно с кораблями восточной части моря и с охраной Зунда нейтральные суда, перевозившие военную контрабанду, а также торговые суда союзников, пытавшиеся прорваться из Балтийского моря. Проходы у Борнхольма и Христиансэ охранялись попрежнему особенно бдительно. 8 января пара миноносцев в этом месте забросала противолодочными бомбами масляную полосу на поверхности воды, после чего на поверхность всплыли еще бо́льшие масляные пятна и воздушные пузыри, но, повидимому, это нельзя было отнести на счет присутствия подводной лодки. Кроме миноносцев, на пути торго-

вых судов вдоль шведского побережья, начиная с середины декабря, крейсеровали суда-ловушки: вспомогательные суда *А (Александра), К (Кронпринц Вильгельм)* и *Р (Примула),* вооружение которых состояло из четырех или двух 10,5-*см* орудий. 3 января вспомогательное судно *К* налетело на камень недалеко от Эландс-Сёдра-Удде, откуда сошло только с помощью двух германских миноносцев. Известие об этом появилось в шведских газетах, ввиду чего за границей было привлечено внимание к скрывавшемуся назначению этих вспомогательных крейсеров. Аэродромы в Путциге, Кезлине и Штральзунде почти все время не работали; в тех случаях, когда площадки не были обмерзшими, полетам препятствовал снегопад или туман, и наоборот. В середине февраля, когда VII флотилия была отозвана в Северное море, на путях торговых судов остались одни сторожевые корабли.

Охрану Зунда уже ранее пришлось возложить, главным образом, на сторожевые корабли и на рыбачьи моторные боты, так как обычно в готовности имелся один миноносец, редко два; по той же причине наблюдение за фарватером у Когрунда несли вспомогательные заградители. Многократные просьбы 7-й полуфлотилии о временном перерыве в ее деятельности для производства капитального ремонта своевременно не могли быть исполнены и теперь одна группа за другой выводились из строя. Результатом этого было то, что контроль торгового судоходства мог осуществляться только поверхностно, а исправные миноносцы еще в большей степени, чем до тех пор, были перегружены службой. В критические дни, когда получались сведения о новых прорывах английских подводных лодок в Балтийское море или о возвращении будто бы таковых из России в Англию, помощь оказывалась VII флотилией: тогда пара миноносцев из ее состава высылалась в пролив до острова Хвен или до мыса Куллен. Насколько правильны были указанные известия, проверить не удалось.

Охота за подозрительными нейтральными пароходами увенчалась успехом только один раз у южного выхода из Зунда и три раза у северного выхода: пароходы были приведены в Свинемюнде или через Малый Бельт в Киль, где также был учрежден призовой пункт для обыска. Там

с них была снята часть груза, признанного военной контрабандой.

В ночь с 29 на 30 января *V-152* и *V-154* при проходе Флинта сели на мель, но их удалось снять с помощью других миноносцев и вспомогательного заградителя *Рюген* менее, чем в 24 часа. Летчики два раза в тумане залетали в укрепленный район Копенгагена; Дания заявила протест, на что германское правительство принесло извинения. В декабре и в январе посменно дежурили в Варнемюнде крейсера *Амазоне* и введенный в строй вместо *Ундине* — *Медуза (Medusa)*. Но потом и это слабое прикрытие было снято ввиду посылки *Амазоне* в Либаву, а через две недели он был возвращен оттуда и сдан к порту.

Недостаток в младших офицерах вынуждал к дальнейшему выводу кораблей из строя, причем это, главным образом, производилось за счет корабельного состава Балтийского моря; в Северном были вычеркнуты из списков только броненосцы береговой обороны, охранявшие входы и устья рек. Кроме *Амазоне*, высшее командование приказало еще в декабре разоружить *Бранденбург*, орудия с которого нужно было отправить в Турцию, а с наступлением нового года та же участь постигла *Вёрт*, *Роон* и *Мекленбург*. В Балтийском море оставлены были только два крупных корабля—*Эльзас* и *Брауншвейг*, которые должны были с уменьшенной комплектацией остаться в виде пловучих батарей в Либаве. Дивизион охраны побережья должен был удовольствоваться одним крейсером *Медуза*; *Пантер* был передан в охрану кильского порта. Вся резервная дивизия линейных кораблей была расформирована. Переведенные в Балтийское море осенью два крейсера и две флотилии миноносцев были в течение января и февраля возвращены в Средиземное море. Для ведения операций к наступающей весне на балтийском театре оставались *Кольберг*, *Аугсбург*, *Страсбург*, последний — взамен *Эльбинга*, который был необходим Флоту открытого моря ввиду своего большого хода и вооружения 15-*см* орудиями; кроме того, в Балтийском море был *V-100*, а также VIII и X флотилии миноносцев, из которых последняя должна была получить в течение лета достраивавшиеся миноносцы. Из подводных лодок, которые на зимнее время были все отправлены частью —

для ремонта, частью — для использования в других местах, должны были возвратиться две больших лодки, две малых и один подводный заградитель.

В соответствии с этим в середине января было уменьшено количество флагманов и штабов, а также была упразднена должность старшего флагмана. В.-адм. Шульц был назначен командиром разведывательных сил восточной части Балтийского моря с подчинением ему всех соединений и кораблей, действовавших в его районе; коммодор Лангемак получил назначение командиром VI разведывательной группы и начальником миноносцев Балтийского моря. Флагманскими кораблями стали *Брауншвейг* и *Кольберг*. Командир V эскадры к.-адм. Бегас получил должность «начальника военно-морских учреждений в Курляндии» [1]. Бывший до этого флагман разведывательных сил Балтийского моря, а с ним и целый ряд испытанных командиров кораблей и их команд, был переведен из Балтийского моря. К.-адм. Гопман был особенно тесно связан с ведением боевых операций в истекшем году. Хотя он самостоятельно командовал только в течение 2½ месяцев, но как раз в это время флот оказывал содействие армии при захвате Либавы, в этот период были проведены заградительные операции у входа в Рижский залив и у Аландских о-вов. С приходом IV эскадры ему было поручено руководство операциями подводных лодок, самолетов и тральщиков. Но и тогда предположения и указания, исходившие от него и его штаба, имели значительное влияние на ход операций; в частности, он был инициатором создания дозорной линии Эстергарн — Люзерорт. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях:

> «Тому, на что я втайне надеялся при вступлении в командование, — разбить в открытом морском бою русские крейсера, — не суждено было осуществиться. Противник, несмотря на все наши старания, не вышел, и в моих воспоминаниях о прошлом господствуют подводные лодки и мины. Во всяком случае поставленная нам стратегическая цель была достигнута благодаря сочувственному отношению к активным операциям и полному содействию их про-

---

[1] Befehlshaber der Marineanlagen in Kurland.

веденью со стороны принца Генриха Прусского. В Балтийском море до входа в Финский залив господствовал черный орел германского военного флага»[1].

Подводные лодки и мины оспаривали у германских морских сил господство на Балтийском море. Если в октябре борьба с подводными лодками была первоочередной задачей, то в следующие месяцы русские минные постановки нанесли чувствительные потери и были очень действительными. В результате прошлогоднего опыта повторение этих операций, которые, как предполагало командование, выполнялись отдельными большими минными заградителями, коммерческими пароходами и эскадренными миноносцами, не было неожиданным, и против них была выставлена дозорная линия. Она, правда, не могла служить защитой против мощных эскадр и не смогла ни одного раза предупредить о проходе. Русским удалось, за исключением *Акулы*, счастливо избегнуть германских мин, но они имели очень большой опыт в минной войне. Им не удалось достигнуть такого же успеха, как зимой 1914/15 г., когда германские военные силы были оттянуты к Свинемюнде; в зиму 1915/16 г. сообщения Германии с Либавой и даже с Виндавой ни разу не были прерваны. Но германские потери в корабельном составе были почти так же велики, как и в предшествовавшем году: поставленное еще в 1914 г. неприятельское заграждение у Пиллау послужило причиной гибели в сентябре и октябре двух пароходов с общим водоизмещением в 4 300 *т* и повреждения одного миноносца; на каждом из больших заграждений, поставленных южнее Готланда, подорвалось по одному крейсеру, которые лишь с большим трудом удалось довести до портов; на минных банках, поставленных миноносцами севернее Виндавы, погибли *Бремен*, два миноносца и один сторожевой корабль; вероятно, от взрыва на сорванной с русских заграждений мине затонул нефтеналивной пароход (2 800 *т*).

Многочисленные потери вызвали в стране понятное беспокойство. Кайзер сам на докладе о гибели сторожевого корабля *Фрея* и миноносца *S-177* высказал мнение, что

---

[1] «Kriegstagebuch eines deuschen Seeoffiziers», Hopman, Berlin, 1925.

война на Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов. Начальник морского генерального штаба, сообщив об этом командующему морскими силами Балтийского моря, потребовал от последнего сообщения его соображений для доклада кайзеру. Гр.-адм. пр. Генрих, очень сожалея, что адм. Хольцендорф, уже основываясь на своем личном знании обстановки, несчастных случаев и принимавшихся мер для их устранения, сразу не осведомил надлежащим образом кайзера, ответил [1]:

> «Я прошу доложить е. в. кайзеру, что, по моему мнению, все поставленные оперативным приказом задачи полностью выполнены. Мы господствуем на Балтийском море, и никто не может нас упрекнуть в допущении обстрела германского побережья. При тех средствах, которыми мы располагаем, военный успех мог иметь место лишь в результате счастливого случая. Если мы не понесли уже раньше еще более значительных потерь в открытом морском бою, то это нужно отнести на счет малой предприимчивости русских флагманов, а также и того, что русским не была полностью известна создавшаяся на месте обстановка. Я никогда не сомневался, что этот обман в один прекрасный день обнаружится. До тех пор пока оперативный приказ от 30 июля 1914 г. остается в силе, мы должны и дальше считаться с неизбежностью потерь. Наши крейсера должны выходить в море, чтобы создавать у русских впечатление оживленной деятельности. Замечание е. в. кайзера я считаю особенно суровым в отношении подчиненных мне морских начальников и команд кораблей и плавучих средств, которые почти на всех без исключения устаревших кораблях при самых тяжелых условиях достигли наибольших возможных результатов».

После этого вышел приказ, показывающий, как деятельность морских сил Балтийского моря в 1915 г. была оценена кайзером и главной квартирой:

> «Е. в. кайзер ни в какой мере не отрицает исключительно тяжелых условий, при которых вынуждены оперировать морские силы Балтийского моря; создавшаяся общая об-

[1] Приводится сокращенно.

становка на театрах военных действий и ограниченность наших средств ведут к тому, что для защиты очень важной для нас торговли на Балтийском море могут быть предоставлены только слабые морские силы и по большей части только старый корабельный состав. То обстоятельство, что вследствие этого наши корабли и пловучие средства подвергаются неприятельским атакам и частично стали их жертвами, является достойным сожаления болезненным последствием, на которое, однако, нужно было рассчитывать в интересах важности и размеров выполняемых задач.

Е. в. кайзер в особенности полно осведомлен о чрезвычайной трудности для морских сил Балтийского моря разрешить поставленную оперативным приказом общую задачу.

Е. в. кайзер, не колеблясь, признает имевшее место до настоящего времени решение этой задачи — хорошим и объявляет за это свою благодарность. В заключение е. в., исходя из достигнутого до сих пор, выражает твердую уверенность, что и в дальнейшем окажется возможным поддерживать господство на Балтийском море в такой же степени, несмотря на ограниченное, к сожалению, количество морских сил.

Если при этом невозможно будет совершенно избежать дальнейших потерь, то они все же допускают уменьшение своего числа путем предусмотрительного использования накопленного опыта и путем ограничения, по возможности, риска полноценными боевыми единицами, насколько это вообще осуществимо в военное время».

Оглядываясь назад, мы увидим, приблизительно, следующую картину.

Оперативный приказ от 30 июля 1914 г. требовал от морских сил Балтийского моря «мешать насколько возможно активным действиям русских». В 1914 г. пр. Генрих пытался решить эту задачу путем целого ряда выступлений и походов. Широкое ведение минной войны противником в течение зимы вынудило его поддерживать длительный дозор перед входом в Финский залив. Целый ряд минных полей должен был служить прикрытием для этих операций, а также закрыть выход неприятельским линейным кораблям. Этот план был одобрен высшим командованием, но до лета

1915 г. не мог быть осуществлен, потому что все силы были заняты выполнением особых заданий. Армия пользовалась помощью флота у Мемеля, затем у Либавы; при этом через неприятельские минные поля нужно было прокладывать фарватеры и приходилось ставить собственные минные заграждения. Число последних особенно возросло, так как в связи с деятельностью неприятельских подводных лодок потребовалось создание препятствий для них у Ирбенского пролива и у Аландских о-вов. Наблюдение за русскими водами проводилось по мере возможности.

Русский балтийский флот до конца апреля был заперт льдом, в течение следующих месяцев восстанавливал свою боеспособность, возобновлял минные заграждения на центральном оборонительном рубеже и выдвинул минную оборону до западного выхода из Рижского залива и до Утэ. Его основной задачей оставалась оборона столицы. Борьба с германскими крейсерами была возложена на подводные лодки, а также на мины, в помощь которым, в период темных ночей и в случае нужды, как, например, 7 мая, высылался флот. Продолжавшиеся неудачи армии вынуждали высылать крейсера, чтобы беспокоить тыловые сообщения противника, хотя незадолго до этого у Ревеля погиб от торпеды минный заградитель [1], и несмотря на отсутствие сведений о месте новых германских минных заграждений. Во время одной из операций 2 июля был застигнут в море значительно слабейший германский отряд и в результате боя выведен из строя *Альбатрос*. Предположенный обстрел Мемеля был отставлен, и германское наступление задержано не было.

Чтобы воспрепятствовать повторению подобных набегов и в то же время для обеспечения морских сообщений армии с Ригой в Балтийское море была переведена эскадра устаревших линейных кораблей. Хотя с захватом Либавы в руках Германии оказался весьма удобно расположенный опорный пункт, но из-за недостатка в легких силах для противолодочной охраны и траления провести постоянное наблюдение за Финским заливом не удалось. Наличие этой

[1] Минный заградитель *Енисей*, потопленный германской подводной лодкой *U-26* 4 июня 1915 г. См. примечание на стр. 164.

базы способствовало затруднению дальнейших неприятельских операций, и только *Слава* была проведена в Ирбенский пролив под прикрытием двух дредноутов [1]. Германским военно-морским силам, получившим подкрепление из Северного моря и прорвавшимся после преодоления трудных минных препятствий в Рижский залив, не удалось уничтожить *Славу*, но русские были вынуждены к крайним мерам обороны из опасения высадки германского десанта.

Когда господство в Рижском заливе вернулось к ним без каких-либо усилий с их стороны и после этого оспаривалось только с помощью самолетов, они его использовали для нападений на фланг германской армии. Готовность русских дредноутов, увеличение числа подводных лодок, наступление благоприятного для минных постановок времени года и, наконец, необходимость обороны Либавы, обусловили организацию германскими морскими силами дозорной линии на широте Эстергарна, подкрепленной с флангов минными заграждениями. Имитация активной деятельности была ограничена отдельными походами при благоприятной обстановке, и ожидавшаяся борьба с неприятельским флотом была поручена подводным лодкам.

Английский флот не пошевельнулся в ответ на просьбы своего союзника для облегчения давления на Рижском фронте. Лондон удовольствовался посылкой нескольких подводных лодок. Последние пытались совместно с русскими лодками блокировать Либаву и нанести удар по ввозу железной руды в Германию. Их внезапное выступление облегчило им первоначальные успехи, но через месяц их деятельность ослабела, даже прежде, чем могло сказаться действие принятых Германией противомер. Правда, Флоту открытого моря пришлось выслать для сторожевой и конвойной службы свои миноносцы, но он мог это сделать, так как его командующий не предполагал производить в течение этого времени больших операций. Постановки минных заграждений, незаметно проведенные русскими в период длинных ночей на подходах к Данцигу, Либаве и Виндаве, совместно с действиями подводных лодок на некоторое время стеснили подвижность германского флота и ускорили

---

[1] См. примечание 2 на стр. 311.

увод крупных кораблей из Балтийского моря, который, впрочем, начался и до этого. Германские подводные лодки и мины не всегда препятствовали выходам неприятеля, но без них русское командование не удерживало бы в такой мере дредноутов, значительно превосходивших по мощи наличные германские силы в Балтийском море. То обстоятельство, что русский оперативный приказ 1912 г. оставался в силе, несмотря на рост линейных сил, несмотря на усиленное развитие средств подводной и береговой обороны, а также несмотря на угрожающее положение на сухопутном фронте, можно отчасти объяснить влиянием издалека германского Флота открытого моря, но, главным образом, — никогда не ослабевавшей боевой деятельностью германских отрядов на Балтийском море.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Выдержки из военных дневников, предоставленные английским адмиралтейством

Дневники были получены уже во время печатания книги, и в текст смогли быть внесены лишь данные из дневников *E-1* и *E-9*. Часы даны по среднеевропейскому времени, глубины и расстояния пересчитаны в метры. Продолжительность каждой операции обозначена моментами выхода из Ревеля и возвращения в него. Данные, напечатанные курсивом в скобках, являются примечаниями автора германского труда.

		В Балтийском море
E-1	Командер Ноэль Ф. Лоренс	с 17 октября 1914 г.
E-9	» Макс К. Хортон	с 18 » 1914 г.
E-8	Лейт.-командер Френсис Х. Гудхарт	с 19 августа 1915 г.
E-18	Лейт.-командер К. Хэлахэн	с 9 сентября 1915 г.
E-19	Лейт.-командер Фрэнсис А. Н. Кроми	с 10 сентября 1915 г.

E-1. С 27.IV до 11.V, 19 ч. 30 м.

28—29.IV. Прошла восточнее Готланда на юг.
30.IV—5.V. Крейсеровала севернее Борнхольма.
6—8.V. Крейсеровала на линии Фальстербо—Стевенс-Клинт.
8.V, 17 ч. 56 м. (?). Выпустила торпеду в малый крейсер. *(Амазоне.)*
9.V, 8 час. Видела 4 линейных корабля в удалении 5 миль *(7-я эскадра, см. стр. 126.)*

E-9. С 28.IV, 5 ч. 45 м. до 4.V, 19 ч. 30 м.

30.IV до 3.V. Крейсеровала восточнее Готланда в связи с сообщением *(ошибочным)* о появлении германской эскадры у Фарэ.

E-9. С 5.V, 18 час. до 12.V, 15 час.

7.V. Крейсеровала на широте Либавы.

8.V, 13 ч. 45 м. у Брюстерорта выпустила по эскадренному миноносцу торпеды из обоих носовых аппаратов, промахнулась. (*S-20, см. стр. 125.*)

10.V, 17 ч. 40 м. К востоку от Фаль-Уддена видела четыре корабля. (*7 дивизия.*)

11.V, 7 ч. 07 м. У Паппензе безрезультатно выпустила торпеды из обоих носовых аппаратов по крейсеру (*Роон см. стр. 146.*)

7 ч. 28 м. Выпустила торпеду из левого бортового аппарата на дистанции в 200 *м* по головному из двух транспортов. (*Индианола.*)

7 ч. 30 м. Выпустила торпеду из кормового аппарата по второму транспорту; торпеда попала непосредственно перед трубой. (*Неправильно, торпеда взорвалась, ударившись о грунт вблизи Инкулы, см. стр. 146.*)

7 ч. 33 м. Выпустила торпеду, перезарядив носовой аппарат; энергично обстреляна из легких орудий. (*Инкула*).

E-9. С 20.V, 2 ч. 30 м. до 29.V, 19 ч. 30 м.

21.V. Крейсеровала у Готска-Сандэ.

22—23.V. Крейсеровала на курсе Либава—Мемель.

23.V, 12 ч. 54 м. Выпустила безрезультатно торпеду из правого бортового аппарата по двум транспортам. (*Индианола и Инкула.*)

24—28.V. Крейсеровала у Риксгефта. 26.V рано утром прошли 4 крейсера вне дальности выстрела. (*Броненосные крейсера и Дёйтшланд, см. стр. 161.*)

E-1. С 29.V, 2 час. до 1.VI, 3 час.

30.V. Вблизи Паппензе лопнул правый гребной вал. Пошла обратно в базу.

E-9. С 4.VI, 16 час. до 8.VI.

5.VI, 5 ч. 30 м. Видела неприятельскую подводную лодку, которая затем погрузилась. (*U-26, см. стр. 162.*)

5.VI, 13 ч. 15 м. Заметила дым в направлении на запад, увидела там малый крейсер и транспорт, у бортов которого стояли для погрузки угля два эскадренных миноносца. 17 ч. 30 м. Выпустила торпеды: из левого бортового аппарата — по крейсеру на дистанции 500 *м;* из носовых аппаратов — по группе судов, занятых погрузкой угля; обе последние попали. (*Тетис, Дора Гуго, Стиннес, S-148 и т. д., см. стр. 204.*)

6.VI. Поход в крейсерство к Люзерорту.

7.VI. Получила приказ о возвращении ввиду ухода неприятеля.

Е-9. С 14.VI, 10 час. до 24.VI, 2 ч. 45 м.

16.VI. Производила вдоль курляндского побережья поиск поврежденного якобы линейного корабля. *(Ошибка, поврежденным кораблем был S-148.)*

17.VI. Прошла по курсу Эстергарн—Люзерорт и направилась в Аренсбург за новыми распоряжениями.

21.VI, 21 ч. 20 м. Вышла в море. *(Повидимому, в результате получения сведений о выходе германского крейсера из Либавы, см. стр. 142.)*

22.VI, 8 ч. 40 м. В 40 милях о Стейнорта два крейсера типа *Аугсбург* прошли на дистанции в 3 000 *м (Аугсбург и Любек.)*

22.VI, 20 ч. 15 м. У Люзерорта запросила распоряжений, затем стала на якорь у Цереля.

23.VI. Получены распоряжения пополнить запасы в Ревеле.

Е-9. С 28. VI, 3 ч. 35 м. до 4.VII, 4 час.

29—30.VI. Крейсеровала в 40 милях к северо-западу от Стейнорта.

1—2.VI. Крейсеровала у Риксгефта.

2.VII, 13 ч. 45 м. Заметила неприятельскую эскадру — два крупных корабля и эскадренные миноносцы.
14 час. Выпустила с дистанции в 400 *м* торпеды из обоих носовых аппаратов в головной корабль, услышала и увидела одно попадание.
(Принц Адальберт, см. стр. 254.) Эскадренный миноносец почти таранил лодку.
18 час. Три крейсера прошли курсом SW, ближайший — в 3 000 *м. (Аугсбург и т. д.)*

Е-1. С 20.VII, 17 час. до 26.VII, после полудня.

21—24.VII. Крейсеровала на внешнем и внутреннем пути Либава — Данциг.

22.VII, 10 ч. 53 м. Неудачный выстрел торпедой по дозорному кораблю. *(Сторожевой корабль Неймюлен у Паппензе, см. стр. 303.)*

25.VII. Ввиду появления течи пошла в обратный путь вдоль восточного побережья Готланда.

Е-1. С 29.VII, 19 час. до 2.VIII, 4 час. *(Прикрытие перевода Славы в Рижский залив?)*

30.VII, 20 ч. 12 м. Выпустила торпеду в головной из трех транспортов; попадание. *(Аахен, см. стр. 372.)*

20 ч. 22 м. Выпустила торпеду в транспорт, спустивший шлюпки на воду. *(Золинген.)*

31.VII. Крейсеровала восточнее Эстергарна.

E-9. С 29. VII, 19 час. до 2.VIII, 4 час. *(Прикрытие перевода Славы?)*

30.VII. Пошла к Эстергарну, как и *Е-1;* в 20 ч. 12 м. наблюдала взрыв.

31.VII. Подошла к Либаве на 8 миль; несмотря на волнение, заметила за молами мачты девяти судов.

Е-1. С 4.VIII, 10 час. до 8.VIII, 2 ч. 30 м.

5—6.VIII. Крейсеровала, подходя к Либаве до 5 миль, перед гаванью видела только сторожевые корабли.

7.VIII, 17 час. Увидела подводную лодку, о которой доносил маяк Тахкона, всплывшей для зарядки батарей. Лодка ушла уже после приближения к ней на 2000 *м (U-10, см. стр. 334.)*

Е-9. С. 8.VIII, 18 час. до 13.VIII, 12 ч. 50 м.

9.VIII, 6 ч. 12 м. Видела у Дагерорта малый крейсер и эскадренный миноносец на дистанции 1500 *м. (Аугсбург.)*

9.VIII, 20 час. После того как видела несколько раз три линейных крейсера и другое соединение, пошла к Дагерорту, чтобы предупредить русских. Была три раза принуждена погрузиться.

10.VIII. Крейсеровала у Дагерорта, видела одиночный крейсер *(Аугсбург, см. стр. 337)*, позднее — соединения крейсеров.

11.VIII. На переходе до Эстергарна ничего не видела.

12.VIII. На обратном пути к Дагерорту два раза видела крейсер.

12.VIII, 16 ч. 04 м. В 40 милях на WSW от Дагерорта выпустила торпеды из обоих носовых аппаратов и из бортового по малой германской подводной лодке, но безрезультатно *(UC-4, см. стр. 347.)*

13.VIII. 6 ч. 34 м. Восточнее Тахконы увидела в 600 *м* справа по носу перископ германской подводной лодки, изменила курс. *(U-9.)*

Е-1. С 8.VIII, 19 час. до 14.VIII, 17 ч. 40 м.

9.VIII, 6 ч. 20 м. Атаковала крейсер *(Аугсбург)*, поднырнула под охранение из эскадренных миноносцев, всплыла слишком поздно.

9.VIII, 14 ч. 19 м. Выпустила торпеду из носового аппарата на дистанции 600 *м* по крейсеру, промахнулась. *(Штральзунд, см. стр. 334.)*

9.VIII, 20 час. В пределах видимости шесть линейных кораблей, не подходили ближе, чем на 4 мили. *(I эскадра.)*

10—11.VIII. Крейсеровала к западу от Либавы, не видела ничего кроме дозорного корабля.

12.VIII. На линии Либава — Мемель встречено много пароходов, ни один из них не достигал размеров транспорта.

13.VIII, 11 час. Выстрелила торпедой по транспорту, промахнулась. *(Ансвальд, см. стр. 349.)*

Е-9. С 14.VIII, 19 час. до 18.VIII, утро.

15—17.VIII. Крейсеровала в районе 60 миль к юго-западу от Дагерорта.

16.VIII, 3 ч. 35 м. Германские линейные крейсера приблизились на дистанцию в 4 мили.

17.VIII, 8 ч. 58 м. Германский легкий крейсер обстрелял *Е-9,* которая погрузилась.***(Зейдлиц дал на дистанции в 80 гм (43,1 каб.) один залп.)***

Е-1. С 17.VIII, 18 ч. 30 м. до 20.VIII, 11 час.

18.VIII. Держалась у Дагерорта ввиду тумана.

19.VIII, 7 ч. 20 м. Выпустила торпеду из правого бортового аппарата по фланговому кораблю эскадры линейных крейсеров; попадание ***(Мольтке, см. стр. 245).*** Погрузилась, эскадренный миноносец прошел всего лишь в нескольких футах.

Е-9. С 20.VIII, 18 час. до 22.VIII, 22 час. В сопровождении эскадренного миноносца дожидалась у Дагерорта Е-8.

Е-8. С 15.VIII, 19 час. (вышла из Харвича вместе с *Е-13*) до 22.VIII, 22 час.

18.VIII, 23 ч. 20 м. Вошла в Флинт-ринне. Шла на глубине 4,3 м, но подолгу касалась грунта. У маяка Дрогден и Лилльгрунда встретила эскадренные миноносцы или сторожевые корабли. При быстром погружении ударилась о грунт, обломала все лопасти правого гребного винта.

19—20.VIII. Шла через Стевенс-Клинт к Борнхольму, днем лежала на грунте.

21.VIII. Шла к Дагерорту восточнее Готланда.

Е-9. С 29.VIII, 20 час. до 3.IX, 4 ч. 30 м.

30.VIII—2.IX. Крейсеровала между Дагерортом и Эстергарном.

30.VIII, 18 ч. 35 м. Увидела подводную лодку, погрузилась. Встреченная лодка также погрузилась. ***(U-26, см. стр. 389.)***

Е-8 С 30.VIII, 18 ч. 30 м. до 6.IX, 5 ч. 30 м.
31.VIII—5.IX. Крейсеровала перед входом в Финский залив.

Е-9. С 9.IX, 5 час. до 12.IX, 4 ч. 45 м. У Дагерорта в сопровождении эскадренного миноносца ожидала *Е-18* и *Е-19*.

10.IX, 11 ч. 30 м. После ухода эскадренного миноносца пошла в атаку на легкий крейсер. Противник изменил курс влево и прошел в расстоянии 4 000 *м*. *(Аугсбург.)*

Е-18. С 4.IX, 18 ч. 30 м. (вышла из Ньюкэсла, вместе с *Е-19*) до 12.IX, после полудня.

9.IX, 1 час. Вблизи Мальмэ. 1 ч. 45 м., видела эскадренный миноносец в 200 м справа. 2 час., у Дрогдена эскадренный миноносец пошел прямо на лодку; нырнув, лодка сильно ударилась о грунт на глубине 6 *м*. 7 час., погрузилась ввиду приближения эскадренного миноносца. *G-136, см. стр. 414.)*

9.IX, 10 час. Крейсер открыл огонь как раз в момент погружения *Е-18;* он стрелял прекрасно, от второго залпа в носовой части лодки потух свет. *(Амазоне.)*

11.IX, 11 час. Видела два судна на расстоянии не меньше, чем 4 мили *(16-я полуфлотилия, см. стр. 393.)*

Е-19. С 4.IX, 18 ч. 30 м. (вышла из Ньюкэсла) до 12.IX, после полудня.

7—9.IX. В Каттегате и Зунде видела подозрительные суда, повидимому, германский дозор. *(Ошибка.)*

10.IX, 1 ч. 30 м. в Флинт-ринне ввиду приближения эскадренного миноносца срочно погрузилась на глубине 5 *м*.

10.IX, 5 ч. 10 м. Двойной торпедный выстрел по эскадренному миноносцу. Слышала сильные взрывы и шум гребных винтов. Эскадренный миноносец преследовал лодку целый день. *(S-122, глубинные бомбы, см.* стр. 418.)

11.IX, 9 час. На широте Эланда видела два эскадренных миноносца, погрузилась. *(16-я полуфлотилия.)*

Е-8. С 12.IX, 4 ч. 30 м. до 21.IX, 9 час.

13—17.IX. На позиции у Стейнорта.

15.IX, 13 ч. 15 мин. Погрузилась для атаки германской подводной лодки. Противник отвернул. *(UC-4, см. стр. 395.)*

16.IX, 12 ч. 12 м. Неприятельский крейсер прошел в 5 милях. *(Аугсбург.)*

18.IX. Укрылась у Готланда от NW-го шторма (сила 6 баллов).

E-9. С 21.IX, 17 ч. 20 м. до 26.IX, 5 час.

22—25.IX. В дозоре между Дагерортом и Эстергарном.

E-18. С 21-IX, после полудня до 29.IX, 7 час.

22.IX, 8 ч. 05 м. Видела к югу-западу от Дагерорта один линейный корабль и два крейсера, которые повернули, приблизившись на 4 мили. *(Бремен и два эскадренных миноносца, см. стр. 395.)*

23—28.IX. На позиции в 25 милях к северо-западу от Стейнорта.

E-8. С 28.IX; 19 ч. 30 м. до 7.X, 22 час.

29—30.IX. Шла проходом восточнее Готланда к германскому побережью между Борнхольмом и Данцигом.

1.X, 13 ч. 55 м. Выстрелила торпедой из носового аппарата на дистанции 450 *м* по второму кораблю неприятельского соединения. *(Вспомогательный минный заградитель Один, см. стр. 406.)*

2—6.X. Крейсеровала между Хелой и Стило. Ввиду шторма временами ложилась на грунт.

5.X. Потопила пароход *Маргарете* артиллерией, дав команде сойти в шлюпки. *(См. стр. 432.)*

E-19. С 28.IX, 19 ч. 30 м. до 13.X. утра.

29.30.IX. Шла к Борнхольму, пройдя восточнее Готска-Сандэ, западнее Готланда.

1—2.X. Крейсеровала восточнее Гиедзер-рифа, много раз видела крейсера и миноносцы.

2.X, 5 час. Срочно погрузилась ввиду приближения германского вспомогательного военного корабля. *(Сильвана, см. стр. 431.)*

6 ч. 30 м. Лодка потеряла управление погружением, дважды выскакивала на поверхность. *(Ударилась о грунт?)* Слышала слабые взрывы, похожие на звук, когда лопается проволока или от удара снаряда об воду. *(Сильвана открыла артиллерийский огонь.)*

3-X, 16 ч. 30 м. У Рюгена задержала пароход *Свиония*, команда отпущена. После обстрела из орудия выпустила две торпеды: первая не пошла, вторая прошла под судном. *(См. стр. 431.)*

4—5.X. 4-го из-за плохой погоды лежала на грунте западнее Рённе (Борнхольм).

6—10.X. Крейсеровала между Стевенс-Клинтом, Фальстербо, Мэнс-Клинтом и Гиедзер-рифом. Проходило много военных кораблей вне дальности торпедного выстрела, а также шведских торговых судов.

10.X. 14 ч. 30 м. Остановила пароход *Лулеа*. Бурное состояние моря не дало возможности использовать орудие или послать шлюпку. Выпустила торпеду, сдал прибор Обри. *(См. стр. 433.)*

11.X. Потопила пароходы *Вальтер Леонхардт, Германия, Гутруне, Директор Реппенхаген, Никомедиа,* часть — открыв кингстоны, часть — подрывом днища. Команды высадились на берег или на шведские торговые суда. *(См. стр. 433.)*

12.X, 9 ч. 40 м. Шведский пароход *Нике* отведен в Ревель для осмотра. *(См. стр. 434.)*

13.X, утром. В 5 милях восточнее Оденсхольма изменила курс, чтобы уклониться от торпеды, выпущенной подводной лодкой. *(Германской подводной лодки поблизости не было.)*

Е-18. С 9.X, 5 час. до 16.X, 16 час.

11—14.X. Держалась перед Либавой на восточных и западных курсах.

12.X, 15 ч. 30 м. Атаковала линейный корабль. Торпеда прошла мимо. *(Брауншвейг, см. стр. 436.)*

15.X. Крейсеровала у Хоборга.

Е-9. С 17.X, 18 час. до 26.X, 6 ч. 30 м.

18.X, после полудня. Пыталась потопить пароходы: *Седерхамн* и *Пернамбуко* подрывными патронами; попала в последний торпедой, после чего он затонул. *См. стр. 439.)*

19.X, утро. Пыталась потопить пароход *Иоханнес Русс* открытием кингстонов. Пароход *Далэльфен* потоплен торпедой, после того как две другие торпеды прошли мимо. Команды подобраны шведским эскадренным миноносцем *Вале. (См. стр. 439.)*

20.X. Крейсеровала у Эланда, встретила только шведские пароходы.

21—22.X. Крейсеровала у Штольпмюнде, никого не видела.

23—25.X. Крейсеровала западнее Готланда у Ландсорта и Готска-Сандэ.

Е-8. С 18.X, 5 час. до 24.X, после полудня.

19—23.X. Крейсеровала западнее Либавы, были слышны повторные звуки взрывов. *(Детонация мин?)*

23.X, 8 ч. 32 м. Произвела торпедный выстрел из носового аппарата по трехтрубному кораблю. Наблюдала очень быстро следовавшие вспышки у ватерлинии, сопровождавшиеся сильным сотрясением. Весь корабль исчез за громадным столбом дыма. *(Принц Адальберт, см. стр. 440.)*

Е-1. С 23.X, 8 час. до 30.X, 1 час.

24—29.X. Находилась для действий против торговых судов западнее Готланда. Никого не видела кроме эскадренных миноносцев.

Е-19. С 30.X, 19 ч. 45 м. до 9.XI, утро.

31.X—1.XI. Находилась для действий против торговых судов западнее Готланда. Никого не видела.

2.XI. 14 час. Задержала в бухте Ханэ пароход *Суоми,* подожгла груз леса. *(См. стр. 441.)*

3—6.XI. Крейсеровала в Кадэт-Ринне. *(Узкость Гиедзер.)*

7.XI. Наблюдала за движением судов между Засспицем и Треллеборгом.

7.XI, 9 ч. 25 м. Кроме торговых судов показались также легкие крейсера и эскадренный миноносец. *(Ундине, V-154, см. стр. 442.)*

12 ч. 45 м. Выпустила торпеду на дистанции 1 000 *м* из правого бортового аппарата, торпеда попала в правый борт носовой части. Крейсер описал большую дугу и остановился.

12 ч. 55 м. Выпустила торпеду на дистанцию 1 100 *м* из кормового аппарата, торпеда попала в кормовую часть. Попытки атаковать миноносец остались безуспешными в результате его маневрирования.

Е-8. С 1.XI, 20 час. до 8.XI, после полудня.

3.XI. Крейсеровала у Стейнорта.

4—5.XI. Крейсеровала западнее Либавы. 4-го после полудня уклонилась от двух эскадренных миноносцев.

6.XI, 6 ч. 55 м. У Полангена безрезультатно атаковала легкий крейсер. *(Любек, см. стр. 441.)*

7.XI, 11 ч. 44 м. У Брюстерорта выстрелила торпедой из носового аппарата. *(Джон Заубер, см. стр. 441.)* Торпеда попала, но не взорвалась.

8.XI, после полудня. У внутреннего заграждения в Ревеле имела столкновение с русской подводной лодкой *Гепард.* Продолжительность ремонта определена в 6 недель.

Е-9. С 2.XI, 19 час. до 8.XI, 17 час.

3.XI, 9 ч. 47 м. У Готска-Сандэ погрузилась ввиду приближения шведского миноносца.

3—7.XI. Находилась для действий против торговли между Готландом и Эландом. Кроме германских эскадренных миноносцев и нескольких нейтральных торговых судов никого не видела.

5—6.XI. Из-за плохой погоды лежала на грунте у Фаль Удена. Потеряла мачту.

8.XI, 10 ч. 30 м. Восточнее Тахконы увидела перископ в расстоянии 300 *м*. Попытка таранить потерпела неудачу. *(V-9.)*

E-18. С 9.XI, 9 ч. 30 м. до 15.XI, после полудня.

11—14.XI. Крейсеровала между южной оконечностью Эланда и Борнхольмом.

Приложение 2

РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ ГЛАВНЕЙШИМИ ПУНКТАМИ НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ (В МОРСКИХ МИЛЯХ)

Киль — Зунд (риф Фальстербо)	130
Киль — Свинемюнде	180
Киль — Данциг, мимо Арконы — Иерсгефта	330
Киль — Мемель, мимо Риксгефта — Брюстерорта	410
Киль — Мемель, мимо Утклиппана	410
Киль — Либава, мимо Риксгефта — Брюстерорта	460
Киль — Либава, мимо Утклиппана	420
Киль — Богшер, проходом западнее Готланда	490
Киль — Дагерорт, проходом восточнее Готланда	500
Киль — Ревель	600
Варнемюнде — Зунд (риф Фальстербо)	70
Зунд (риф Фальстербо) — Скаген	170
Зунд (риф Фальстербо) — Свинемюнде	100
Свинемюнде — Богшер, проходом западнее Борнхольма, западнее Готланда	390
Свинемюнде — Дагерорт, проходом западнее Борнхольма, восточнее Готланда	420
Свинемюнде — Дагерорт, мимо Риксгефта	410
Свинемюнде — Либава, мимо Риксгефта — Брюстерорта	320
Свинемюнде — Мемель, мимо Риксгефта — Брюстерорта	270
Свинемюнде — Мемель, проходом западнее Борнхольма и по параллели 56°	320
Свинемюнде — Данциг	190
Данциг — Хоборг, мимо Риксгефта	160
Данциг — Богшер, мимо Риксгефта и проходом восточнее Готланда	330
Данциг — Дагерорт, мимо Риксгефта и проходом восточнее Готланда	320
Данциг — Люзерорт, мимо Риксгефта	250
Данциг — Либава, мимо Брюстерорта-Мемеля	170
Мемель — Либава	50
Либава — Хоборг	100
Либава — Ландсорт (позиция 7), мимо Хоборга	220
Либава — Богшер, мимо Стейнорта	180
Либава — Дагерорт, мимо Стейнорта	160

Либава — Виндава	60
Либава — устье р. З. Двины	170
Моонзунд (Куйваст) — Люзерорт	80
Моонзунд (Куйваст) — Оденсхольм	45
Оденсхольм — Дагерорт	45
Оденсхольм — Эрэ (рейд Севастополь)	45
Оденсхольм — Лапвик	40
Оденсхольм — Ревель	50
Ревель — Гельсингфорс	50
Ревель — Кронштадт	170

Приложение 3

ТАБЛИЦА ГЛАВНЕЙШИХ ЭЛЕМЕНТОВ КОРАБЛЕЙ РУССКОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

(по официальным данным)

Класс и название кораблей	Год спуска	Водоизмещение в *т*	Скорость хода в узл.	Артиллерия калибр в *мм*	Торпедные аппараты	Экипаж
Линейные корабли						
Гангут *Петропавловск* *Севастополь* *Полтава*	1911	23 400	23	12—305 16—120 2—75 1—47	4	.
Имп. Павел I *Андрей Первозванный*	1907 1906	17 400	17,5	4—305 14—200 12—120 2—47	3	930
Слава	1903	13 500	17	4—305 12—152 8—75 2—47	—	820
Цесаревич	1901	13 000	16	4—305 12—152 10—75 2—47	—	770
Брон. крейсера						
Рюрик	1906	16 000	21	4—254 8—200 20—120 3—47	2	900

Класс и название кораблей	Год спуска	Водоизмещение в *т*	Скорость хода в узл.	Артиллерия калибр в *мм*	Торпедные аппараты	Экипаж
Брон. крейсера						
Адм. Макаров . . .	1906	7 800	21	2—203 8—152 2— 75	2	590
Баян	1907	7 800	21	2—203 8—152	2	560
Россия	1896	12 200	19	6—203 14—122 2— 47	—	800
Громобой	1897	13 200	19	6—203 20—152	2	860
Легкие крейсера						
Богатырь	1901	6 600	23	16—130 1— 75 2— 47	2	560
Олег	1903	6 600	23		2	560
Аврора . . . . *Диана*	1900 1899	7 000	20	14—152 10—130, 4—75	— —	570
Эскадренные миноносцы						
Новик	1911	1 300	36	4—100	4 дв.	.
4 типа Охотник . .	1905—06	700	25	3—100 6— 57	3	95
4 типа Гайдамак . .	1905—06	750	25	2—100 1— 37	3	90
4 типа Эмир Бухарский	1905—07	650	25	2—100 2— 37	3	90
8 типа Украина . .	1904—07	700	25	3—100 1— 40	2	80
8 типа Бдительный.	1906	450	27	2— 75	3	65
10 типа Сторожевой	1905—06	400	26	2— 75	2	65

Класс и название кораблей	Год спуска	Водоизмещение в *т*	Скорость хода в узл.	Артиллерия калибр в *мм*	Торпедные аппараты	Экипаж
Эскадренные миноносцы						
11 типа Легкий . .	1905	400	26	2— 75	2	65
9 типа Прыткий .	1898-01	250	27	2— 75	2	59
2 типа 212 . . .	1900	200	26	2— 47	—	49
8 типа Циклон . .	1901	120	25	2— 47	2	22
Подводные лодки						
Акула	1909	370/475	12,5/6,5	1— 47	4	.
Макрель	1906	150/180	8,5/5	—	4	.
Окунь	1907	150/180	8,5/5	—	4	.
Минога	1908	120/150	10,5/5,5	1— 37	4	.
Кайман, Крокодил, Дракон, Алигатор	1909—10	410/480	10,5/7,5	1— 47	4	.
Белуга, Стерлядь, Пескарь, Сом, Щука	1906-1907	165/150	85/5	—	2	.
Е-1, Е-9, Е-8, Е-18, Е-19	1912—13	730/825	16/10	.	5	.
Канонерские лодки						
Храбрый	1895	1 800	14	5—130 3— 47	—	190
Грозящий	1890	1 800	12	2—152 2 - 75	—	180
Хивинец	1906	1 200	12	2—120 6— 75	—	160
Сивуч, Кореец, Бобр, Гиляк	1907	874	12	2—120 4— 75	—	140
Минные заградители					Число мин	
Амур . . . . *Енисей*	1907 1906	3 600	17	9—120	320	315
Нарова	1873/1911	4 500	12	4— 75	600	.
Онега	1875/1911	4 500	12	4— 75	600	.
Волга	1905	1 700	13	4— 47	230	220
Ладога	1869-78/1910	6 000	10	4— 75	1000	375

Приложение 4

ТАБЛИЦА ГЛАВНЕЙШИХ ЭЛЕМЕНТОВ КОРАБЛЕЙ ГЕРМАНСКИХ МОРСКИХ СИЛ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

(по данным Taschenbuch der Kriegsflotten, 1914)

Класс и название кораблей	Год спуска	Водоизмещение в *т*	Скорость хода в узл.	Артиллерия калибр в *мм*	Торпедные аппараты	Экипаж
Крейсера						
Роон	1903	9 500	21,5	4—210 10—150 14— 88	4	640
Принц Адальберт	1901	9 000	21	4—210 10—150 12— 88	4	590
Пр. Генрих . . .	1900	8 900	20	2—240 10—150 10— 88	4	570
Аугсбург	1909	4 350	27	12—105	2	380
Любек.	1904	3 250	23,5	10—105	2	300
Ундине	1902	2 700	21,5	10—105	2	280
Амазоне.	1900	2 650	21,5	10—105	2	275
Тетис	1900	2 650	21,8	10—105	2	275
Пантер	1901	1 000	14	2—105	—	130

Класс и название кораблей	Год спуска	Водоизмещение в *т*	Скорость хода в узл.	Артиллерия калибр в *мм*	Торпедные аппараты	Экипаж
Миноносцы						
S-113	1901	400	26	3—50	3 дв.	.
S-120, S-121 . . . *S-122, S-123* . . . *S-126, S-127* . . .	1903—04	470—485	27	3—50	3 дв.	.
G-128, G-129 . . *G-130, G-131* . .	1904—05	485	27	3—50	3 дв.	.
G-132, G-134 . . *G-135, G-136* . .	1905—06	490	27	4—52	3 дв.	.
G-138, G-139 . . *G-141, G-142* . . *G-148*	1906—07	530	30	1—88, 3—50	3 дв.	.
Подводные лодки						
U-3, U-4.	1904	$\frac{420}{510}$	$\frac{11,5}{9,5}$	—	4	.
U-A	1914	$\frac{270}{340}$	$\frac{165}{9,5}$	—	3	.

Приложение 5

ТАБЛИЦА РУССКИХ МИННЫХ ЗАГРАЖДЕНИЙ, ПОСТАВЛЕННЫХ В 1914–1915 гг. У ГЕРМАНСКИХ БЕРЕГОВ И У ПОБЕРЕЖЬЯ КУРЛЯНДИИ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ ЕГО НЕМЦАМИ

№№	Дата	Место или район постановки	Корабли, ставившие мины	Число мин	Характер заграждения	Корабли, прикрывающие операцию	Примечание
1	1914 г. 31 октября	Перед Мемелем	Полудивизион Особого назначения: *Ген. Кондратенко* *Охотник* *Пограничник* *Новик*	105	Банками	4 эск. миноносца 2-го дивизиона	Из-за сильной качки *Новик* мин не поставил
2	5 ноября	На подходах к Мемелю	Полудивизион Особого назначения: *Ген. Кондратенко* *Охотник* *Сибирский Стрелок*	140	Банками	Те же	
2а		Перед Пиллау	*Пограничник* *Новик*	50			

Приложение 5 (продолжение)

№№	Дата	Место или район постановки	Корабли, ставившие мины	Число мин	Характер заграждения	Корабли, прикрывающие операцию	Примечание
3 3а	19 ноября	Между о. Борнхольм и банкой Штольпе	*Амур*	240	2 заграждения по 4 мили длиной каждое	*Рюрик* *Богатырь* *Олег* *Е-1* и *Е-9*	
4	20 ноября	К северу от Брюстерорта	Полудивизион Особого назначения: *Ген. Кондратенко* *Охотник* *Пограничник*	105	Банками с промежутками в 1½ мили с общей длиной 7 миль	4 эск. миноносца 2-го дивизиона 3 подводных лодки на позициях у германских берегов	
5	24 ноября	Между банкой Штольпе и берегом к северу от маяка Штольпин	*Новик*	50	5 банок по 10 мин с промежутками в 1 милю	Без прикрытия	
6	27 ноября	Перед Мемелем и Полангеном в 23 милях от берега	*Всадник* *Гайдамак* *Амурец* *Уссуриец*	100		Без прикрытия	

Приложение 5 (продолжение)

№№	Дата	Место или район постановки	Корабли, ставившие мины	Число мин	Характер заграждения	Корабли, прикрывающие операцию	Примечание
7 7а	14 декабря	φ = от 54°59′ до 55°03′ l = 17°36,5′ На западных подходах к Данцигской бухте	*Рюрик* *Адм. Макаров* *Баян*	120 60 —	Банками по 20 мин	*E-1*, *F-9* и *Акула* к западу от Борнхольма	*Баян* из-за аварии в машине не ставил мин и был возвращен из операции
7б	15 декабря	φ = 55°26′ l = 19°00′ Перед Данцигской бухтой	*Енисей*	240	Банками на протяжении 10 миль с промежутками между банками ½ мили	*Олег*, *Богатырь*, *E-1*, *E-9* и *Акула* к западу от Борнхольма	
8 8а	1915 г. 13 января	φ = от 55°12,5′ до 55°11′ l = от 15°51′ до 16°00′ Между о. Борнхольм и банкой Штольпе	*Олег* *Богатырь*	200		*Рюрик* *Адм. Макаров* *Баян*	

Приложение 5 (продолжение)

№№	Дата	Место или район постановки	Корабли, ставившие мины	Число мин	Характер заграждения	Корабли, прикрывающие операцию	Примечание
8б	1915 г. 14 января	У м. Аркона	*Россия*	100	Банками на протяжении 10 миль	*Рюрик* *Адм. Макаров* *Баян*	
9 9а	14 февраля	На подходах к Данцигской бухте	Полудивизион Особого назначения: *Ген. Кондратенко* *Сибирский Стрелок* *Охотник* *Пограничник*	140	Двумя линиями	Без прикрытия	
10	7 мая	У Либавы	Полудивизион Особого назначения: *Ген. Кондратенко* *Сибирский Стрелок* *Охотник* *Пограничник* *Новик*	200	Банками	1-я бригада крейсеров	

Приложение 5 (продолжение)

№№	Дата	Место или район постановки	Корабли, ставившие мины	Число мин	Характер заграждения	Корабли, прикрывающие операцию	Примечание
11	20 июня	У Виндавы	*Ген. Кондратенко* *Охотник* *Пограничник* *Финн*	160	Банками	Без прикрытия	
12	30 июня	На южных подходах к Виндаве	Полудивизион Особого назначения	160	Банками	Без прикрытия	
13	11 ноября	φ = от 56°06′ до 56°22′ 1 = от 18°30′ до 17°54′ К югу от Готланда	*Рюрик* *Баян* *Адм. Макаров* *Олег*	560		*Петропавловск* *Гангут* *Новик*	
14	5 декабря	φ = 55°48,5′ 1 = от 19°6,5′ до 18°37′ К югу от Готланда	*Рюрик* *Баян* *Адм. Макаров* *Олег* *Богатырь*	700	Две линии по 350 мин	Те же	
15	16 декабря	На подходах к Виндаве	*Новик* *Победитель* *Забияка*	150	Банками	Без прикрытия	

Приложение 6

ПОТЕРИ В КОРАБЕЛЬНОМ СОСТАВЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ В КАМПАНИЮ 1915 г.

Класс кораблей	Германия	Россия
Погибшие корабли:		
Брон. крейсера	*Принц Адальберт*	—
Легкие крейсера	*Бремен, Ундине*	—
Канонерские лодки	—	*Сивуч, Кореец*
Эскадренные миноносцы	*S-31, S-128, S-177, V-99, V-107, V-191*	—
Миноносцы	*A-3*	—
Подводные лодки	*U-26*	*Акула*
Минные заградители	*Альбатрос* (интернир.)	*Енисей, Ладога*
Тральщики	*T-46, T-47, T-51, T-52, T-57, T-58, T-100 „B“, Бунтеку*	*№ 1, № 4, № 6, № 9, № 10*
Прорыватели загражден.	*Аахен*	—
Сторожевые корабли	*№ 15, № 19*	—
Дозорные суда	3 судна	1 судно
Корабли, выходившие из строя из-за боевых повреждений и аварий:		
Линейные корабли	—	*Севастополь*
Линейные крейсера	*Мольтке*	—
Брон. крейсера	*Принц Адальберт*	*Рюрик*
Легкие крейсера	*Тетис, Любек, Данциг*	—
Эскадренные миноносцы	*G-128, G-144, S-148, S-44*	*Забияка, Амурец, Казанец, Страшный, Охотник*
Тральщики	*T-49, T-54, T-77, T-144*	*№ 218*
Авиаматки	*Глиндёр*	—

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

Указатель операций и боевых столкновений

Указатель названий кораблей

Г

Д

М

Н

О

П

Ф

Х

Ц

Ш

Щ

Э

Указатель географических названий

А

Б

В

Г

Алфавитный предметный указатель

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Чертежи в тексте

Силуэты кораблей в тексте

Карты в конце книги (вкладки)

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор комбриг *Н. М. Потапов*
Технический редактор *Дождев*
Корректоры *А. Андреев* и *А. Клецкая*
Выпускающий *В. Астафьев*

Сдано в производство 28.9.36
Подписано к печати 14.3.37

Формат бумаги 82×110/32
Объем 33¼ печ. л. + 4 п. л. вклеек, 30,3 авт. л.
В бумажном листе 138.240 знаков.

Уполн. Главлита № Г — 3529.
Издательский № 292. Заказ № 749.

Текст отпечатан на бумаге Вишхимз
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3.

НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
РОССИЯ
ДАНИЯ
ГЕРМАНИЯ
ОСЛО
СТОКГОЛЬМ
ГЕЛЬСИНГФОРС
РЕВЕЛЬ
РИГА
ЛИБАВА
ВИНДАВА
КОПЕНГАГЕН
ДАНЦИГ
КИЛЬ
ЛЮБЕК
ГОТЛАНД
БОРНХОЛЬМ
ЭЗЕЛЬ
ДАГО
РЮГЕН
ЗЕЛАНДИЯ
ФИОНИЯ
МАСШТАБ
на широте 56° 1:2400000
100 миль
200 км
10° от Гринича 11° 12° 13° 14° 15° 16° 17° 18° 19° 20° 21° 22° 23° 24° 25°

Зунд (осень 1915 года) Карта 7

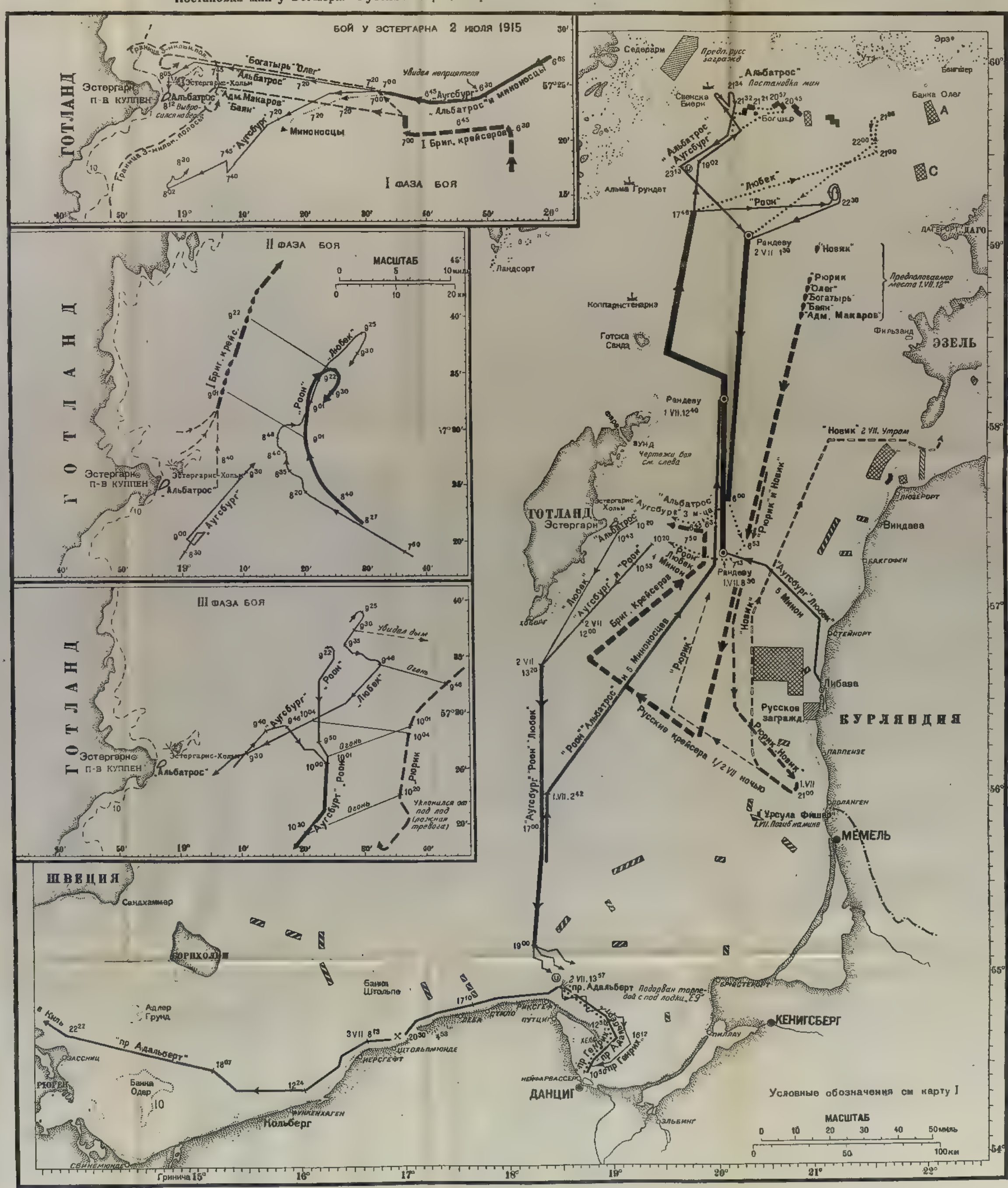
Прорыв в Рижский залив 19 августа 1915 года

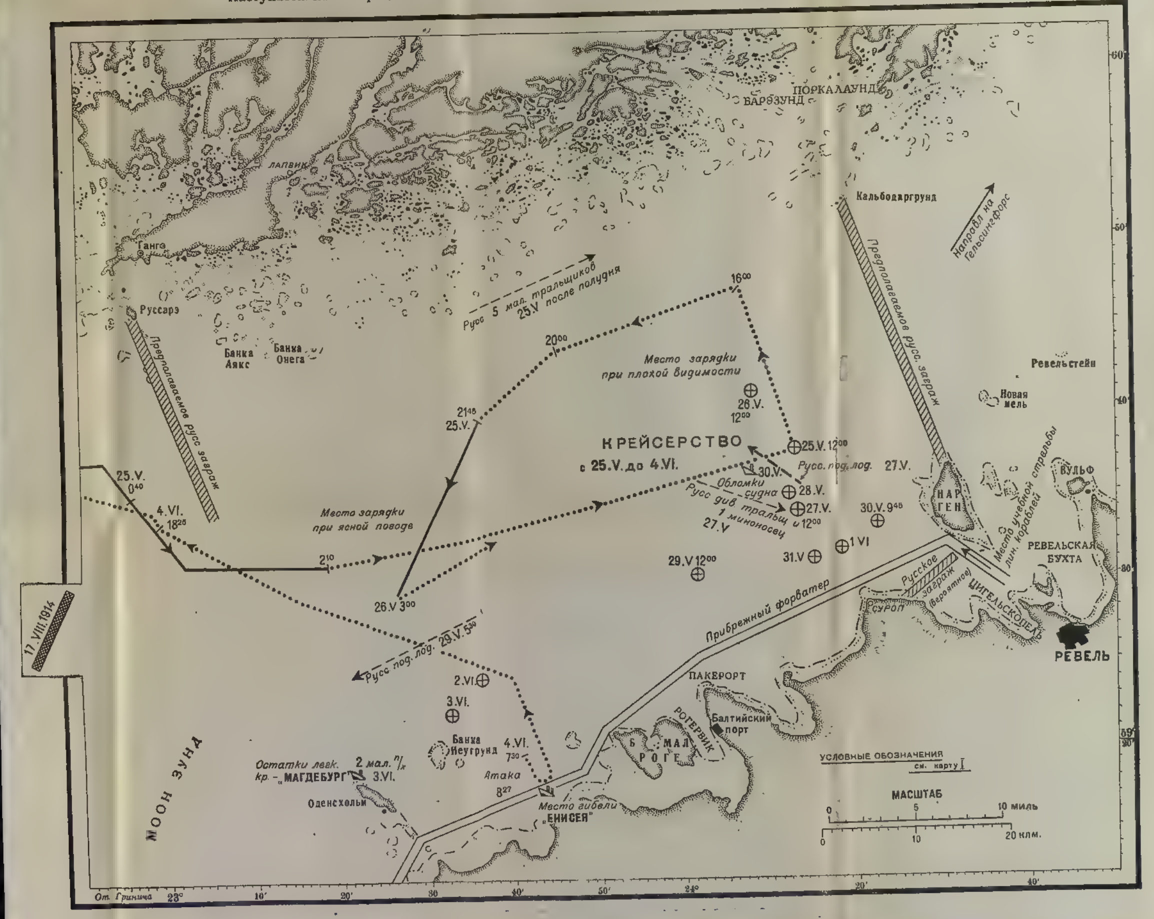
Прорыв в Ирбенский пролив 8 августа 1915 года

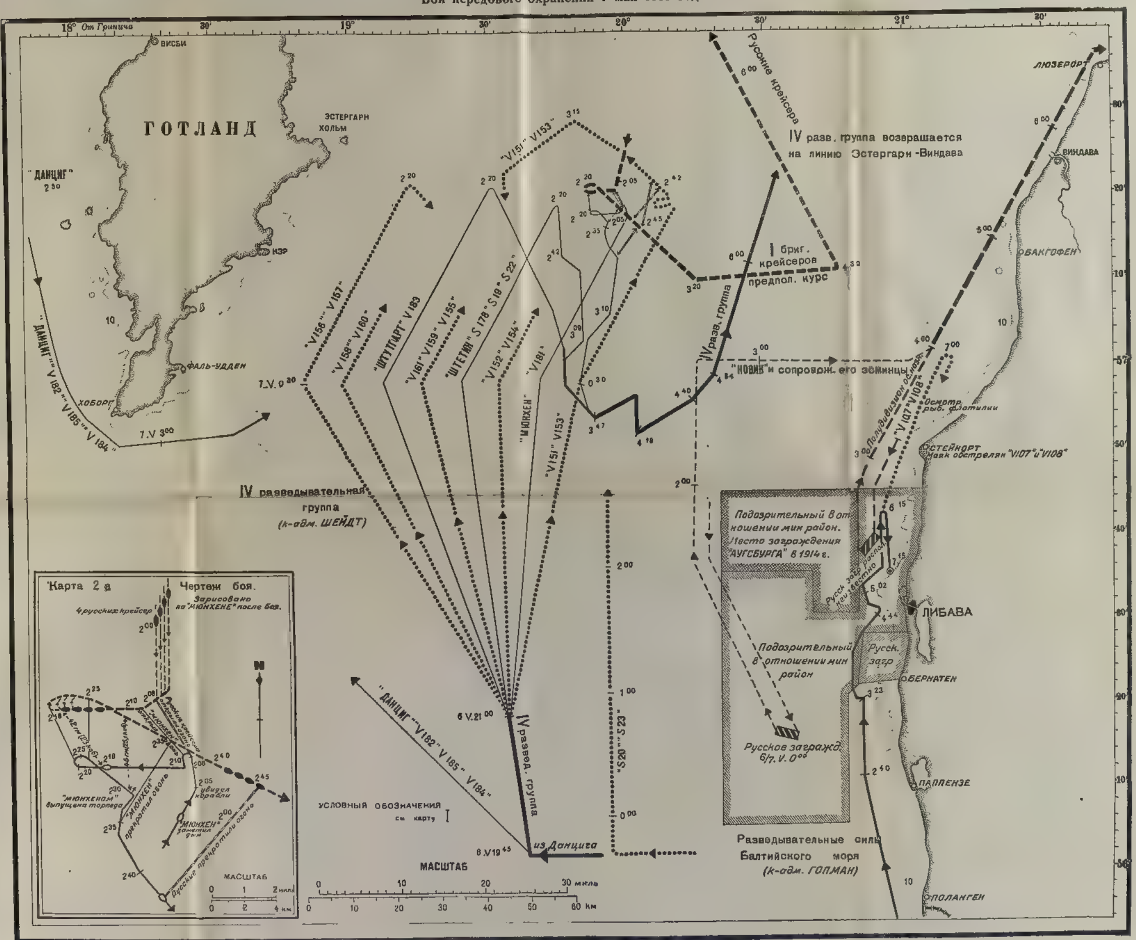
Постановка мин у Богшера.—Русская операция против Мемеля.—Бой под Эстергарном 2 июня 1915 года

Наступательная операция подводной лодки *U-26* в Финский залив с 24 мая по 4 июня 1915 года

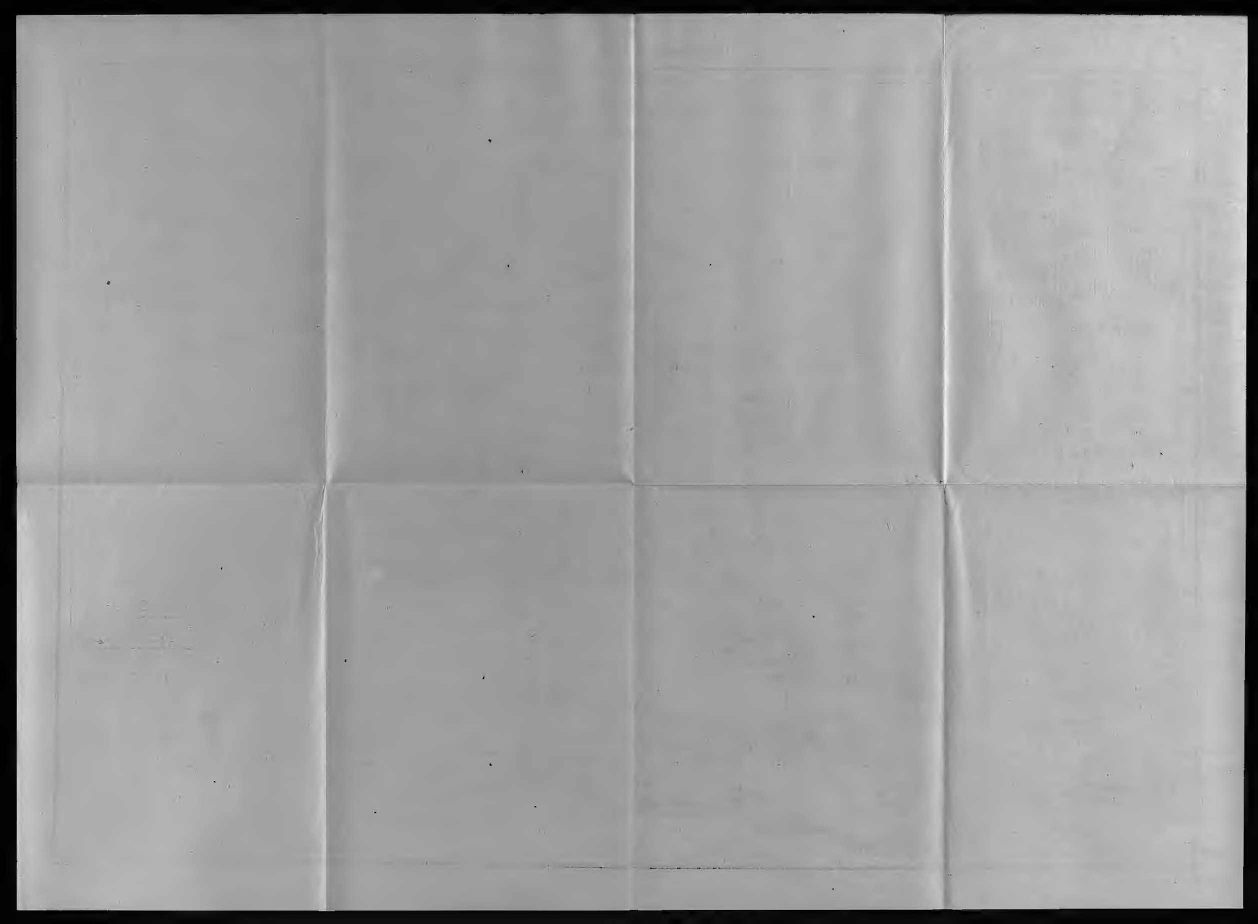
Бой передового охранения 7 мая 1915 года

РУССКИЕ МИННЫЕ ПОСТАНОВКИ 1914/1915

ЧИСЛО	МЕСТО	Колич. мин	КТО СТАВИЛ	КТО ПРИКРЫВАЛ
1914 21.10 до 1.11	к W от Мемеля	105	3 эсминца	4 эсминца
5—6.11	к W от Мемеля	140	4 эсминца	4 эсминца
5—6.11	к W от Пиллау	50	„Новик"	—
18—19.11	к W от б. Штальпе	240	„Амур"	„Рюрик", „Богатырь", „Олег" и 2 под. лодки
19—20.11	к N от Брюстерорта	105	3 эсминца	4 эсминца
23—24.11	к SW от б. Штальпе	50	„Новик"	—
25—28.11	к W от Мемеля	50	2 эсминца	—
14.12	NW от Риксгефта	120	„Рюрик"	2 под. лодки
14—15.12	к N от Леба	63	„Адмирал Макаров"	2 под. лодки
15.12	к N от Хелы	240	„Енисей"	„Рюрик", „Адмирал Макаров", „Богатырь", „Олег"
1915 13—14.1	к O от Борнхольма	200	„Богатырь", „Олег"	„Рюрик", „Баян", Адм. Макаров"
13—14.1	к N от Арконы	100	„Россия"	„Рюрик", „Баян", Адм. Макаров"
13—14.2	к N от Хелы	140	4 эсминца	—

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР